

СОСТАВ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Ответственный редактор — *М. А. Абрамов*, к. ф. н., доцент

Редакционная коллегия:

Э. Г. Лаврик, д. ист. н.; *И. Е. Задорожнюк*, к. ф. н.; *Р. М. Габитова*, к. ф. н.; *И. И. Мюрберг*, сотрудник Института философии РАН

Весь состав редколлегии принимал участие в переводе и редактировании книги

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект 98-03-16041*

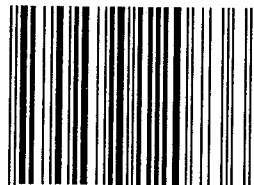
Масарик Т. Г. Россия и Европа. — СПб.: РХГИ, 2000. — 448 с.

Настоящий том открывает полное издание знаменитой книги первого президента Чехословацкой республики Т. Г. Масарика «Россия и Европа», по различным причинам так и не дошедшей до русского читателя ни в царской, ни в советской России. Между тем, по широте охвата материала, глубокому знанию истории русской общественной мысли и реалий российской жизни книга не имеет аналога в отечественной и зарубежной литературе.

Предлагаемый том «России и Европы» впервые издан в Германии в 1913 г., а затем после Первой мировой войны — в Англии и Чехословакии. В переводе учтены все три авторизованные версии исследования.

Книга, актуальность которой для России не снижается и в наше время, несомненно, привлечет внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей.

ISBN 5-88812-082-0

9 785888 120736

© Коллектив авторов, 2000

© РХГИ, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Русско-японская война и революция 1905 года вызвали рост интереса к России, мои знакомые, которым было известно, что я специально занимался исследованием этой страны, предложили мне написать что-нибудь на данную тему. В связи с этим я опубликовал в «Oesterreichische Rundschau» статью, в которой подробно проследил внутреннюю связь между революцией и русской литературой. Я написал также несколько рефератов о незадолго до того вышедших сочинениях Маккензи¹, Уоллеса, Улара, Кони, Кропоткина, Петрова, Рейсснера и Брюкнера. При чтении этих произведений мне пришла на ум мысль прояснить природу русской революции и рассмотреть русскую проблематику в целом через исследование Достоевского. Однако сделанная в этом направлении попытка оказалась неудачной, ибо когда я стал осуществлять свой замысел, то понял, что невозможно дать оценку взглядам Достоевского, не рассмотрев идей его предшественников и последователей — и притом таким образом, чтобы осветить главные проблемы историко-философской и религиозно-философской мысли России и русской литературы в целом.

Россия интересовала меня с юных лет. Мое познание этой страны началось со знакомства с ее литературой. Поначалу довольствуясь переводами, а позже выучив русский язык, я составил на основе сочинений русских писателей представление об этой стране, которое затем постарался дополнить изучением исторических и прочих источников, а также во время посещения Российской империи.

Цель данной работы — постичь Россию изнутри, через русскую литературу, а так как я долгое время уделял особое внимание Достоевскому и его анализу России, то, по существу, вся эта работа посвящена Достоевскому.

Собственно говоря, к Достоевскому имеет отношение все это исследование, однако мне не хватило литературного мастерства напрямую связать все, что мне хотелось сказать, с творчеством этого писателя. Поэтому я разделил свой труд на части. Первая часть, публикуемая в настоящий момент, посвящена философии истории и философии религии предшественников и последователей Достоевского. Она скомпонована таким образом, чтобы в какой-то степени отразить историю эволюции этих идей.

Работе предпослана вводная часть, повествующая об истории России, потому что при обсуждении тех или иных писателей мне приходится делать

исторические ссылки — так что вместо загромождающих текст сносок и вставок лучше, пожалуй, дать систематический обзор исторического развития, используя данную возможность для того, чтобы привлечь внимание читателя на те проблемы, которые предстоит рассмотреть впоследствии.

В первой половине второй части речь пойдет о философии истории и философии религии Достоевского («Борьба за Бога — Ф. М. Достоевский и нигилизм»); вторая половина содержит разбор связи Достоевского с русской литературой со времен Пушкина, а также связи его с европейской литературой («Титанизм или гуманизм? От Пушкина к Горькому»).

Данная работа должна продемонстрировать, что анализ Достоевского дает надежный метод для изучения России, хотя первоначально могут возникнуть сомнения в правомочности подобного утверждения. Многие специалисты выражали эти сомнения в устной форме, я же надеюсь показать, что мой выбор Достоевского в качестве основного объекта изучения обоснован; и это несмотря на то — или же именно потому, — что мои взгляды коренным образом отличаются от взглядов Достоевского.

При написании данной работы я имел в виду интересы двух различных читательских аудиторий, европейской и русской. Это ставило меня в весьма двойственное положение. Европейцам приходилось объяснять многое из того, что могло быть неизвестно моим западным читателям. Для России же мне часто приходилось выражать известные вещи каким-либо новым способом, представляя предмет в новом свете.

В результате вышел определенный перекокс. Я прошу читателя извинить меня за то, что о предметах, неизвестных в Европе, я говорю дольше, чем того требуют правила соразмерности.

Если бы я писал книгу о России исключительно для читателей из России, она была бы более лаконичной. Но в ее нынешнем виде она содержит много вполне известных сведений. Это в первую очередь касается деталей повествования, статистических данных и тому подобных вещей. Специальная глава посвящена мною библиографии сочинений о России.

Могу добавить, что в 1902 году, в цикле лекций, прочитанных в Чикагском университете под эгидой фонда Крейна, я тезисно изложил содержание настоящей книги.

При написании любого сочинения о России необходимо решить ряд литературно-технических проблем.

После продолжительных колебаний я решил не давать ссылки на источники при цитировании русской прозы и поэзии. В Европе русские книги доступны лишь очень незначительному числу читателей, так что я счел нежелательным перегружать текст цитатами, которые будут иметь смысл только для России. По этим соображениям я опускал сноски при дословном цитировании. Ввиду того, что ни один русский писатель не имеет критического, общепризнанного издания своих сочинений, цитирование было бы бесполезным.

Так как русские книги недоступны и неизвестны, я старался, насколько это возможно, избегать полемики с различными мнениями и суждениями русских писателей.

Я с большой тщательностью проследил эволюцию русской литературы, не обходя вниманием и сочинения на политические темы, как легальные,

так и нелегальные. Я благодарю своих друзей и знакомых за то, что они держали меня в курсе последних новинок.

И тем не менее большие затруднения вызывало отсутствие надлежащей библиотеки русской литературы, учитывая, в частности, тот факт, что значительная часть русской литературы — научной, философской, беллетристической — погребена в периодике. Для человека, живущего вне России, положительно невозможно написать сочинение об этой стране, которое отличалось бы полнотой и завершенностью в литературном отношении. Так, например, в некоторых крайних случаях мне приходилось добывать рукописные копии целых статей — я говорю об этом, собственно, для того, чтобы показать, что мною было сделано все, что вообще может сделать человек, живущий вне России. И потому я не впадаю в ложную скромность, утверждая, что представленное здесь — не более чем очерк.

Введение

РОССИЯ И ЕВРОПА: РУССКИЙ МОНАХ

Если окинуть взглядом развитие России, начиная с Петра I, то можно увидеть, что оно распадается на два периода: древней Руси, с допетровской культурой, и России — новой, европейской страны.

Внимательный наблюдатель может воочию увидеть и достаточно остро ощутить и пережить суть этого культурного раздвоения, если совершит путешествие по России. Если ехать из Европы в глубь России (сами русские, пересекая западную границу, всегда едут «в Европу»), то нужно сначала пересечь нерусские губернии и земли — Польшу, балтийские провинции или Финляндию — то есть аннексированные части Европы, земли, населенные католическими и протестантскими народами со старой *европейской* цивилизацией, присоединение которых к православной России до сих пор остается чисто внешним. И по мере продвижения с Запада на Восток мы все больше отдаляемся от Европы, о которой затем напоминает лишь железная дорога, вокзальные буфеты да редкие по-европейски оснащенные гостиницы. Так же существенно различаются Петербург и Москва, а в самой Москве (впрочем, и в Петербурге тоже) — новые кварталы и старая, типично русская Москва; новым, очень европейским городом предстает Одесса.

От обеих столиц, особенно от Петербурга, разительно отличается русская провинция, русская деревня. На европейский лад устроены господские дома аристократов-помещиков; европейским оазисом в провинции являются фабрики, число которых постоянно растет. Европа — это и большинство всевозможных технических и практических нововведений: железные дороги, заводы, банки и некоторые магазины (наряду с русскими лавками), военное дело, флот, отчасти

бюрократическая государственная машина. Тот, кто впервые посетит, например, варшавскую почту, наверняка получит отталкивающее впечатление от соприкосновения с этой государственной машиной. Соединение европейского и русского начал бросается в глаза повсюду, а спустя какое-то время начинаешь без труда распознавать переходы и многообразные сочетания этих двух элементов. Добросовестный наблюдатель и знаток заметит разницу между тем, что прямо перенесено из Европы, и тем, что приспособлено; он увидит, как Россия и Европа соединяются в малом и в большом.

Вскоре такие же различия начинаешь замечать не только в вещах, но и в людях: европейское и русское мышление и ощущение встречаются в самых разнообразных сочетаниях. Очень быстро приходишь к убеждению, что европеизация России состоит не только в заимствовании отдельных идей и отдельных практических вещей — обнаруживаешь, что здесь разворачивается совершенно своеобразный *исторический процесс*, в рамках которого древнерусские традиции, старинная русская культура и устоявшийся быт преобразуются и разрушаются в результате проникновения европейских нравов, европейской культуры и нового образа жизни. Воспитываясь в европейском духе, каждый отдельный русский человек переживает этот процесс ломки в глубинах своей личности, ибо перед ним стоит задача возможно более органично соединить коренные русские начала с европейскими заимствованиями, ибо человек не может жить в раздвоенном состоянии. Трудная задача! Довольно живо представляется контраст, с одной стороны, русского крестьянина во всей его колоритности, весьма стойкой — крестьянин все еще является синонимом России, — а с другой стороны, писателя, офицера, помещика или инженера, получивших образование в Париже, Берлине или Цюрихе и привыкших к тамошней жизни. И эти люди должны не только жить рядом друг с другом, но и мыслить и трудиться вместе и друг для друга!

Духовная противоположность России и Европы особенно отчетливо проявляется в *русском монастыре*. Там сохранились самые характерные, исконные черты русской жизни, чувств и мышления: эту жизнь можно найти уже в петербургских монастырях, но еще больше — в отдаленных обителях и скитах. *Россия, древняя Русь — это русский монах*. Мне выпала возможность живо почувствовать это при первом же посещении России. В Москве я вращался в самых прогрессивных в духовном отношении кругах, но однажды сбежал из этой европейской среды в знаменитую Троице-Сергиевскую лавру под Москвой. Устройство, сокровища и святые мощи монастыря переносят нас в Россию XIV века; но еще дальше в глубь истории переносят нас монастырь Вифании, стоящий несколько в стороне от лавры,

и Гефсиманский скит. Этот монастырь, построенный из бревен, посреди леса — настоящая Гефсимания! Я воспринял его особенно живо еще и потому, что до этого целый день провел с Л. Н. Толстым и его друзьями в беседах о религии. В те дни в Москве как раз находился Брандес, который излагал на французском языке свои литературные взгляды — а тут вдруг Гефсиманский скит с подземными пещерами, чудотворными мощами и иконами с изображениями святых! Высокопоставленный друг Толстого дал мне рекомендательные письмо к настоятелю монастыря, и мне была предоставлена возможность подробно все осмотреть. Незабываемое впечатление оставил мой проводник по скиту. Это был молодой инок лет двадцати пяти, который вырос в монастыре и его окрестностях и жил в полном согласии с православными представлениями и для своего монастыря. Мир был ему чужд, я же был посланцем, частью того мира, которого он до сих пор избегал. И теперь он был обязан сопровождать меня — чужеземца, европейца, еретика, по пещерам и рассказывать о вещах, к которым были обращены его самые страстные молитвы, словно это были выставочные экспонаты! Я не мог не заметить, в каком смятении пребывал мой проводник, и мне было жаль его, но, признаюсь, его растерянность дразнила порой европейца во мне. Монах склонялся ниц перед всеми подряд мощами, перед каждой иконой, особенно перед чудотворными, постоянно крестился, клал земные поклоны, касался лбом и устами святынь. Внимательно следя за ним, я почувствовал, как возрастает тревога монаха, который с ужасом ожидал, что вот-вот небо покарает меня за мою греховность и безверие. Но кары не последовало, и, судя по всему, в его душу закралось неосознанное сомнение. Я это заметил по его настойчивой просьбе поклониться хотя бы раз самым почитаемым мощам — это уже было не столько беспокойство за еретика, сколько тревога из-за того, что Всевышний не посылает должной кары даже у самых священных мощей... Когда осмотр пещер завершился, я хотел было пуститься в обратный путь, но мой проводник не пожелал отпустить меня одного. Вскоре я понял, что монаху захотелось узнать что-нибудь от меня, и он дал волю своему страстному желанию узнать что-нибудь о Европе. Его взор был полон жажды познания мира, но разве мог я все ему рассказать и объяснить. В конце концов, он, русский, стал подробно расспрашивать меня, иностранца, о Москве, Петрограде, России. Мы несколько раз проделали путь от скита до края леса и обратно. Мой проводник без устали задавал все новые вопросы — до сих пор он судил о мире только по Священному писанию и житиям святых, теперь же он слышал о вещах, дотоле неслыханных, о которых он и не подозревал. Настало время возвращаться в лавру, и мой монах, хотя я его не-

сколько раз сердечно поблагодарил, проводил меня до самых ворот лавры и не уходил, хотя я с ним попрощался. Чего еще мог хотеть этот человек? Может быть, вознаграждения? Эта мысль некоторое время беспокоила меня, я стыдился ее, она меня просто оскорбляла, но в конце концов у меня не осталось сомнений в том, что мой глубоко верующий и презирующий мир монах привык принимать «на чай». В голове крутились мысли о России и Европе, о вере и неверии, и я покраснел от стыда, суя банкноту в протянутую руку хранителя Гефсимании...

Эти и многие другие подобные впечатления, особенно те, что были получены во время паломничества к другому крупному монастырю, а также в беседах со староверами и сектантами — одним словом, наблюдение и изучение церковной жизни, — позволяют воссоздать картину России допетровских времен. Чтобы понять европейскую и европеизированную Россию, надо познать, чем была и является в отношении цивилизации Москва, «третий Рим».

Я обязан Толстому своим первым соприкосновением с чудесным староверческим миром. Эту старинную Русь во всей ее полноте показал мне, став моим гидом, один из лучших староверческих антикваров Москвы*.

Древняя Русь, Россия как противоположность Европы! И все же монах в Гефсимании, паломники, староверы, крестьяне — все они переносили меня в исполненное простой, безмятежной веры детство. Так я веровал и так поступал, когда мальчиком участвовал в паломничестве, так до сих пор веруют и поступают дети и жены наших словацких крестьян, когда они ходят на богомолье к чудотворной иконе Девы Марии в Гостине, так веровала и учила меня моя мать. Но детство ушло навсегда — просто потому, что оно должно уступать место более зрелому возрасту..

Россия сохранила детство Европы, преобладающая масса ее сельского населения представляет собой христианское средневековье в византийском варианте. Пробуждение от этого средневековья к новому времени было лишь вопросом времени. Это произошло в значительной степени благодаря усилиям Петра I и его преемников.

Я бывал во многих странах цивилизованного и нецивилизованного мира, но должен признаться, что Россия была и остается для меня самой интересной из них. Хотя я и сам славянин, посещение России поразило меня гораздо больше, чем посещение любой другой

* В романах Мельникова (псевдоним Андрей Печерский) «В лесах» и «На горах» ярко, в красочных подробностях показана жизнь староверов. В них, правда, чувствуется и привкус современного декадентства.

страны. В Англии, Америке и других подобных странах я не нашел ничего удивительного; даже самые новые явления там казались мне лишь естественным продолжением того, что я вижу и переживаю дома. Совсем другое дело Россия: мне казалось, что как славянин я довольно хорошо чувствую в русской литературе то, что называется духом языка и народа; я полагал, что русская жизнь, какой она представляется мне из произведений русских писателей, отражает и мой внутренний мир, мир моих ощущений, поскольку этот славянский мир, с его характерно славянской интимностью, мне сродни. И все же Россия поразила меня! Современный европеец бессознательно обращает свой взор в будущее, он в настоящем находит последствия исторических предпосылок; в России же он попадает в прошлое, часто в средневековое, — настолько все выглядит совершенно иначе, чем современная жизнь бурно развивающегося Запада. В нехристианских странах, азиатских и африканских, это общее впечатление наверняка не будет сильнее, так как обычаи в этих странах совсем иные, тогда как Россия той же породы, обладает теми же качествами, что и Европа. Россия есть то, чем Европа была...

Россия — это тоже Европа. Поэтому, противопоставляя Россию и Европу, я сравниваю две эпохи; Европа не чужда России по своей сути, но все же пока еще и не совсем своя.

Часть I

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И РЕЛИГИИ

... восточной части Европы, в том числе и в области, которая сейчас называется Россией. ...

Глава первая «СВЯТАЯ РУСЬ» — МОСКВА КАК ТРЕТИЙ РИМ § 1

Русскими историками происхождение и развитие государства Российского до сих пор освещены весьма скупо. Прежде всего, так и не установлен со всей достоверностью ряд крайне важных фактов; во-вторых, еще менее удовлетворительны попытки объяснить историческую эволюцию России.

Для наших целей, с одной стороны, необходим краткий очерк русской истории, поскольку мы должны познакомиться с проблемами, которые занимают философов истории, с другой — на фоне этого исторического очерка будут понятнее отдельные предлагаемые здесь исследования.

Предмет нашего непосредственного интереса относится к новейшей российской истории — к XIX столетию, но чтобы подойти к его истолкованию, мы должны обратиться к истории более раннего периода, начиная с петровских времен. Особенно подробно мы остановимся на реформах Петра I, что позволит читателю получить некоторое представление о характере дореформенного периода, прежде всего в Москве. Ранняя история Москвы и история более древнего периода удельных княжеств и Киевской Руси будут затронуты очень кратко.

а) Русское государство образовалось на широком пространстве от Новгорода (от озера Ильмень) до Киева, между двумя морями — Балтийским на севере и Черным на юге. Этот регион, пересекаемый реками Вислой, Днепром, Доном и Волгой, значительно превосходил по своим размерам Центральную Европу IX века, населенную германцами и романскими народами.

Таким образом, русское государство было создано между двумя культурными центрами — северным на Балтике и южным на Черном море. На севере, на берегах освоенных ими морей, шведы, норвежцы и датчане достигли высокого уровня государственного и культурного развития. На Черном море были расположены аванпосты Византийской империи, а через Черное море, в которое впадали все большие реки России, пролегал путь в Константинополь.

Возникновение государственности в Новгороде датируется IX веком, но в конце этого столетия столицей русского государства стал Киев. Последующее развитие Новгорода было сравнительно независимым, и позже город превратился в мощную северную республику, чьи владения в XII веке, когда Киев уже терял власть, простирались до Белого моря и за Урал.

Через Киев русские поддерживали связи не только с греками, но и с арабами, проникавшими вплоть до Каспийского моря. В дальнейшем Киевская Русь была вынуждена вести борьбу с кочевыми племенами — хазарами, печенегами и половцами. Киев смог защититься от этих народов, но не устоял перед татарами, которые, вслед за этими народами, нахлынули на Русь.

Кроме этого, азиатского соседства, русские Новгород и Киев соприкасались и с финнами, а также издавна отстаивали свои владения от литовцев и, наконец, от польских славян.

Первыми новгородскими и киевскими князьями, чьи имена известны по летописям, были, по утверждению «норманистов» (основывающих свои взгляды на летописи Нестора и ряде других данных), норманны, или варяги. «Слависты», однако, утверждают, что эти князья были славянами. Несомненно, что государство в Новгороде существовало и до прибытия туда трех братьев — варягов Рюрика, Синеуса и Трувора, но неясно, как это государство возникло, были ли эти князья первыми, были ли у них наследники и сколько, имели ли они многочисленных последователей и как скоро они обрусели.

Шведские варяги заняли, видимо, помимо Новгорода, и другие русские города. Был среди них и Киев, который подвергся завоеванию, по крайней мере, дважды, так как преемник Рюрика Олег отвоевал Киев у норманнов — князей Аскольда и Дира. Впоследствии, как нам рассказывают, те князья, которые осели в Киеве, призвали дружину варягов. В этой связи возникает вопрос, когда и как власть Киева утвердилась на юге, владели ли русские этой областью на юге раньше, до захвата Киева Олегом, и если так, то как далеко простирались эти владения и как долго просуществовали.

В самой точке зрения, что в течение IX столетия российские регионы, населенные славянами и финнами, подвергались нападени-

ям со стороны шведских викингов, нет ничего невероятного. В этот же период, как известно, норманны завоевали Париж (в первый раз в 845 году), вторглись в Англию (в 836 году) и захватили многие земли на берегах Северного и Средиземного морей, установив свое господство во Фригии, Испании и Италии. Новгород и Киев были одинаково доступны им.

Возможно, однако, что первые норманны пришли в Киев не с севера, а с юга. В V и VI веках германское племя герулов поселилось на Азовском море и отсюда могло совершать набеги на Киев. Но возможен и другой вариант: эти южные германцы назывались именем «рос», и тогда Россия, по-русски — «Русь», возникла у берегов Азовского моря. Все эти гипотезы, так же как и многие другие, вполне допустимы. Но до настоящего времени ни интерпретации скудных исторических источников, ни этимологические исследования дошедших до нас текстов не могут дать достаточно удовлетворительного объяснения¹. Можно было бы проигнорировать варяжскую проблему в данном исследовании, если бы ее значение в философии истории славянофилов и их оппонентов не было бы столь большим.

Смешение народов и рас оказало важное влияние на происхождение Киева и Новгорода. Неоспоримо, что в состав русского народа входит множество финских и других европейских и азиатских расовых элементов, но сегодня невозможно установить хотя бы прибли-

¹ Викинги = воины, по сути — пираты. Русское слово «варяги» произошло от северо-западного *vaeringi*, во множественном числе — *vaeringjar*, и предположительно означает чужестранца, который отдал себя под королевскую защиту с ходатайством о залоге безопасности (*wāra*); это обещание — о том, что они будут находиться под защитой, — ставило *vaeringjar* в исключительное положение. Норманистами «Русь» — русское название страны — выводится из балто-финского слова *Ruotsi*, название, которое финны дали шведам; само это слово имеет якобы норвежское происхождение и означает то же, что и «гребец»; но финны решили, что это название народа. Это имя также давалось шведским норвежцам — варягам, и осталось как имя русских после слияния этих норвежцев с русскими славянами (и финнами). Согласно такому взгляду, название «Русь» первоначально применялось к норвежским варягам, а впоследствии употреблялось для обозначения высшего аристократического слоя Киева (князя и его дружины), имевшего норвежское происхождение; в конечном счете оно было распространено на киевскую землю, а затем и на земли прилегающего государства. Как связано и связано ли вообще с этой этимологией слово *Ros* (в Византии), мне неизвестно. Я не компетентен в вопросах этимологии, но убеждение славистов, будто имя «Русь» — славянского происхождения, представляется мне недостаточно обоснованным. Читатели, желающие получить дальнейшую информацию о запутанных этимологических и лингвистических проблемах киевской эпохи и желающие познакомиться с историей этого периода, могут обратиться к заслуживающей доверия работе ориенталиста Маркуарта: *Marquart. Östeuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch topographische Studien zur Geschichte des IX und X Jahrhunderts (circa 840—940)*. 1903. P. 346, 353, 382.

зительно, когда, откуда и как это смещение произошло и как протекало обрусение. При нынешнем уровне исследований крайне рискованно широко использовать теорию рас и национальностей для характеристики древней Киевской Руси.

Что касается рассматриваемой нами эпохи, то до сих пор нет никакой ясности в различии между Великой Россией и Малороссией. Нет точных данных, когда и как именно произошло лингвистическое выделение Малороссии (термин «Малороссия» впервые появляется в документах XIV столетия), и совсем уж нельзя определить когда, как и в какой степени произошла антропологическая и этнологическая дифференциация малороссов от великороссов. Возможно, литовцы, поляки и отчасти чехи (то есть арийские и непосредственно славянские племена) оказали расовое влияние на малороссов — но это всего лишь домыслы. Различие в характере между великороссами и малороссами — действительный факт, аналогичный различиям между северянами и южанами у многих народов, занимающих обширные территории, однако остается неясным, не оказали ли климатические условия, характер почвы и методы хозяйствования большее влияние на дифференцирование двух племен, нежели гипотетическое расовое различие.

Пожалуй, различия между Киевом и Новгородом в те древние времена могли некоторым образом касаться различий между малороссами и великороссами. Историк Малороссии Грушевский считает предками малороссов древних антов.

Эта неопределенность проявляется и в другом отношении. Когда говорят об этих ранних эпохах, то очень часто употребляют термины «славяне» и «русские», как если бы это были синонимы. Существует общее мнение, согласно которому славянские народы в тот отдаленный период мало отличались друг от друга. Однако пока что такое утверждение остается бездоказательным. Возможно, правда, что в доисторические времена славяне, подобно германцам и другим народам, являли собой единый народ и культурное целое, но мы не знаем точно, как давно это было, когда и как началась дифференциация между различными славянскими народами. По-видимому, в IX веке дифференциация продвинулась уже достаточно далеко.

В этой связи, к сожалению, не уйти от вопроса о так называемой прародине славян и их первоначальном состоянии, если под термином «прародина» подразумевать территорию, где все славяне жили еще вместе. Согласно новейшим исследованиям, место совместного проживания славян лежит к северу от Карпат, примерно между Варшавой и Краковом, с одной стороны, и Черниговым и Киевом, с

другой. Из этого региона началась миграция примерно во II веке новой эры.

Если этот взгляд верен и если не соглашаться с альтернативным мнением, согласно которому место совместного обитания — низовье Дуная или какая-то другая территория, то очевидно, что киевское государство могло быть заселено праславянами, но также возможно, что славяне, начав свою миграцию из Киева или из соседних мест, могли вернуться через несколько веков, чтобы во второй раз захватить Киев, по существу заново.

Нам ничего не известно ни о культурном развитии праславян, ни о влиянии, оказанном на них кельтами, балтийскими или другими народами. Состояние этих проблем таково, что гипотезы по их поводу начинают выдвигаться только теперь.

б) Многие славянские и русские историки и философы истории описывали русских и славян самых ранних времен (противопоставляя их германцам и романцам), как невоинственный народ миролюбивой, голубиной породы и как «демократов», поклонников свободы. И действительно, уже ранние германские и византийские писатели, которые сталкивались со славянами и русскими, свидетельствуют об их любви к свободе и миролюбию. Следует точно разграничить употребление терминов: невоинственный — свободолюбивый — миролюбивый — демократический, которые отнюдь не тождественны. Относительно понятия «демократический» следует прежде всего помнить, что когда это слово используется византийским писателем VI века (Прокопием Кесарийским) или даже X века (Константином Багрянородным), оно имеет анархический привкус. И мы действительно находим, что анархические тенденции одинаково приписываются как древним, так и современным славянам.

Для древнего периода, о котором идет речь, я употребил бы термин «негативный демократизм». Под ним я понимаю состояние, связанное с отсутствием политического регулирования социальной жизни (я не хочу этим сказать, что идеи такого рода регулирования вообще не рассматривались), — состояние, связанное с невозможностью действенной централизации уже потому, что князь не имел достаточного количества слуг, скажем, полицейских, и с отсутствием соответствующих прочных традиций. Это свобода так называемого естественного состояния, она характеризуется отсутствием не только плохих учреждений, но и хороших институтов более зрелого типа государственного правления.

В целом и в главных чертах развитие древней Руси и древних славян, несомненно, было более схожим с развитием германцев, чем допускают многие славянские авторы.

Центральная городская
публичная библиотека
им. В.В.Маяковского
С-Петербург, наб. р.Фонтанки 44/46

Уже в Киеве и древнерусских городах мы находим, наряду со свободным населением, холопов и полусвободных людей, а также рабов. Крестьянство в Киевской Руси было свободным*.

Истоки древнеславянского и древнерусского демократизма усматриваются также в социальном влиянии аграрного коммунизма; то есть в том факте, что в России вплоть до настоящего времени существует так называемый мир, деревенская община, а местами существовала и домашняя община — задруга (сербская задруга). Эту теорию проповедовали славянофилы и народники.

Самые ранние исторические данные о древней Руси по аналогии с древнейшими институтами, встречавшимися у других славян и арийских народов и по аналогии с примитивными отношениями, и до сих пор существующими в некоторых регионах России (в Сибири!), а также среди так называемых первобытных народов различных регионов и рас можно истолковать в том смысле, что аграрный коммунизм существовал уже в Киевской Руси.

Этот коммунизм имеет негативный характер. Его нельзя рассматривать как коммунизм современных социалистов, отрицающий частную собственность и призванный сменить капитализм. Это не высшая и не лучшая стадия экономического и социального развития, а та примитивная (я никоим образом не утверждаю, что это первая или «самая первая») стадия хозяйствования на земле, когда она оставалась под паром и земельной собственности, когда земля, имея низкую стоимость или вовсе не обладая стоимостью, могла быть занята и присвоена по желанию, как *res nullius*².

Подобно земле, жилье в Древней Руси также мало ценилось, представляя собой деревянные лачуги и мазанки, которые легко можно было построить в этих одетых лесом равнинах. Широкие русские равнины были поэтому беззащитны перед враждебными набегами, все имущество легко уничтожалось пожаром. Правда, нападавшие и особенно жители степей были относительно плохо вооружены. Европейцы, которые сегодня впервые видят Кремль, поражаются весьма наивному устройству фортификаций, призванных отражать набеги татарских кочевых орд.

Учитывая слабую заселенность территории и постоянную опасность грабительских набегов, было абсолютно необходимо, чтобы члены

* Полусвободный человек (закуп), предлагавший себя купить или нанять, — это тот, кто работал за плату или же за службу, которая ему была назначена. Несвободный (холоп) работал на господина как раб. В отдаленные времена несвободными становились главным образом военнопленные, но и совершение некоторых преступлений со стороны свободного человека могло сделать преступника несвободным. Позже свободу теряли также и должники. Едва ли нужно говорить, что долги наследовались.

семейства и рода сотрудничали в труде и обороне. Семья разрасталась, и становилась племенем, члены последнего в течение определенного времени осознавали, что они составляют единое целое. Более того, семья часто была потому такой большой, что русские-язычники, по крайней мере зажиточные, практиковали полигамию.

Земля и дом имели небольшую ценность, но по стратегическим причинам в семье должна поддерживаться строгая дисциплина, первобытных русских, как и всех других народов, находившихся на этой стадии развития, нужно было заставлять работать. Так называемый патриархат был всем чем угодно, но только не нравственным и демократическим институтом. Напротив, при нем были выработаны средства принуждения, освященные главным образом религиозными узами — посредством почитания предков, которое уже прочно укоренилось в сознании славян тех дней.

Так возник аграрный коммунизм того времени. Предметы, имевшие ценность (такие как оружие, например), и *pretia affectionis*³ были частной собственностью, таковыми же считались жилище и вообще все, кроме земли.

Поэтому этот коммунизм не имел господствующего или сколько-нибудь заметного значения для общества тех дней. В то время для русских тех дней князья, бояре и монастыри с частными владениями казались намного важнее собственных незначительных деяний и собственного ограниченного влияния. Князья, бояре и монастыри были для земледельца примером и идеалом. В Киевской Руси, как и на Западе, город и в первую очередь столица княжества или даже великого княжества имели стратегическое и политическое, административное и экономическое (ремесла — промышленность — торговля) значение. Поэтому ошибочно приписывать аграрному коммунизму сколько-нибудь заметное моральное значение, как и древним общественным институтам вообще, в которых семейные узы и другие родственные связи как будто бы преобладали или даже исключительно определяли организацию общества.

Развитие русского права, в первую очередь гражданского закона совершенно недвусмысленно доказывает сказанное. В киевскую эпоху торговые интересы имели такое огромное значение, что их правовое обеспечение в куда большей степени превосходило интересы сельского хозяйства. Лишь к концу киевской эпохи и впоследствии в Москве в законах интересы сельского хозяйства выходят на первое место*.

* Новейшие исследования первобытных времен показали, что мир и задруга существовали и все еще существуют в самых разнообразных формах и среди самых различных народов — среди германцев, англичан и французов, но также в Индии и Африке. Исключительно славянский характер мира исчез. Единственные вопросы в этой связи

в) В экономическом плане, конечно, большой вес имеют качество почвы и климатические условия. Прimitивное сельское хозяйство и примитивное лесоводство, кажется, предписано природой на безграничных плохонаселенных лесистых равнинах, в то время как рыболовство подобным образом предписывается самим существованием больших рек и озер. Достоверные описания древнерусского сельского хозяйства и животноводства, однако, не появляются.

Прямое и опосредованное (экономическое и стратегическое) влияние почвы и климата на характер обитателей было значительным и остается таковым и по сей день. Много интересного с этой точки зрения можно найти в русской литературе и в отчетах о России. Например, у Леруа-Болье*.

г) Уже в IX веке весьма активно развивалась торговля с германским севером, с Византией и с некоторыми соседними народами. Киев и Новгород, расположенные между развитыми в торговом отношении народами на Балтике и Черном море, также стали важными центрами транзитной торговли.

В Киеве поэтому наблюдалось более значительное развитие денежной системы, которая впоследствии, в Москве, была очень ограничена.

заканчиваются в следующем: чем и как отличается русский мир и задруга от подобных им институтов в других местах. Далее появились более точные концепции происхождения государства и других институтов; исследователи не ограничились схематичными и излишне абстрактными концепциями, такими, как «патриархальность» и др., а предприняли более глубокий анализ действовавших социальных и исторических сил. К тому же на ошибочность славянской теории указывает также более глубокий анализ мира. Следует особо подчеркнуть, что мир не одинаков во всей России. Существующие сложные модификации представляют его экономические, административные и юридические функции в свете весьма отличавшемся от того, в котором хотели бы видеть его славянофилы и Гакстхаузен. В северной России, например, и в Сибири мы видим мир в его более древней и примитивной форме.

* Необходима более тщательная критика различных теорий — например, мнения, будто качества почвы (болотистые низины прародины) или род занятий (сельское хозяйство) оказали влияние на миролюбие русских и т. п., тогда как германцы как скотоводы и, следовательно, молокоеды, и татаро-монголы как конные кочевники пустынь и степей были по своему социально-политическому развитию выше славяно-вегетарианцев. Но это даже не объяснение, а всего лишь спорный факт, что явно недостаточно для достоверного доказательства. Возможно, например, в отношении к русской экономической истории указать на значение охоты в лесах, богатых зверьем, и рыболовством в водах, богатых рыбой. Бесспорно, значительная часть населения Древней Руси жила охотой и это занятие, должно быть, сказалось на формировании национального характера. Ведь в течение значительного периода практиковался промысел бобров. Многие промышленники занимались бортничеством — добывали мед и воск из ульев диких пчел. Без сомнения, эти занятия повлияли на характер тех, кто занимался ими, но в какой мере?

Торговля в старину и особенно торговля на Руси в любом случае не должны рассматриваться в качестве резкой противоположности милитаризму. Торговля в старину или конкретнее те, кто проводили караваны по суше и перевозили товары по воде (речные и морские суда) охранялись и организовывались по-военному; это были торговцы, завоеватели, а при случае и грабители — пираты в одном лице. Видимо, Киев был захвачен такими воинственными «торговцами» из Новгорода, которые и превратили его в столицу государства.

В целом первоначальное развитие государства и цивилизации происходит в укрепленных городах*.

д) Мы можем сказать в заключение, что политические, социальные и экономические условия в Киеве не были достаточно зрелыми и что, соответственно, в развитии русского как публичного так и частного права есть некоторая неопределенность.

Значение, придаваемое в древние времена и ныне обычному праву, дает дополнительные доказательства этому. На Западе условия были другими. Россия не имела правовой эволюции, соответствующей той, которая была в Риме и позже в западных государствах, продолживших развитие римского государства и принявших идею Римской империи. Киев не был так непосредственно связан с Византией и византийской империей, как Франция и Германия с Римом. Русь не была также завоевана Византией, не говоря уже о ее колонизации. На Западе уже в конце VIII века с помощью папы и иерархии Карл Великий установил Римскую теократию, а Русь приняла христианство лишь через столетие. В конце X века существовала школа права в Болонье, которая в средние века из года в год готовила тысячи и тысячи юристов. Но на Руси в те времена лишь греческие иерархи и монахи могли оказывать незначительное, опосредованное влияние на развитие правовой науки. В Европе существовало правопреемничество, отсутствовавшее на Руси.

В связи с относительной неопределенностью юридических понятий русских часто незаслуженно упрекали в анархизме и неспособности основать государство и сохранить его.

е) Князь со своей дружиной образовывал политический центр, и администрация вначале была преимущественно военной. Это было вызвано иностранным происхождением правителей, воинственным характером соседних народов и грабительскими набегами варваров вообще.

Князь жил не в одиночку, он имел братьев, семью, которая скоро становилась многочисленной, согласно древнерусскому обычному

* Слово «город» первоначально означало огражденное или укрепленное место. Фортификации на Руси в основном строились из дерева.

праву, все дети мужского пола равно считались его наследниками. В соответствии с этим обычаем мы находим в политической сфере либо временный режим власти братьев и более близких родственников по отцовской и материнской линии, либо раздел государства на мелкие княжества; в любом случае это вело к развитию понятия и института великого княжества. Несмотря на равенство престижа, которое выражалось в равном праве наследования, здесь, как и повсеместно, заявляют о своих правах возраст и опыт. Говоря на юридическом языке, развился сеньорат (но на этой стадии еще не были проведены четкие различия между майоратом и первородством).

Великий князь Киевский был абсолютным монархом. Его трон поддерживался боярами, аристократической кастой, из среды которых он формировал совет — боярскую думу*. После обращения в христианство князь советовался также с иерархами. В городах, которые на Руси, так же как и на Западе, были важными стратегическими центрами, существовало, вдобавок, народное собрание — вече. Но лишь в Новгороде вече процветало, в других местах его значение падает, этот институт оказался неспособным к развитию.

ж) Москва сменила Киев. Начиная с XII столетия киевскому государству все более серьезно угрожали внешние враги. Плохо консолидированное, оно подверглось нападению с востока и юга монгольских и урало-алтайских племен. Поляки, литовцы, немцы оказывали на нее давление с запада и севера, в качестве враждебного элемента русским противостояли финны. Киев перестает быть столицей Великого княжества (1196). С середины XI века государство распадается на ряд удельных княжеств, чья междоусобная борьба за господство настолько ослабила обороноспособность федерации русских княжеств, что она оказалась неспособной выстоять против татарского нашествия. В 1223 году Русь попадает под татарское иго, которое длилось в течение двух с половиной столетий, до 1480 г. В 1240 г. Киев был разорен татарами.

С севера и северо-запада Русь сильно теснили шведы, а также ливонский орден (основан в 1202 г.), а вскоре и тевтонский (немецкий) орден, который пришел на балтийское побережье из Венгрии и

* Слово «боярин» первоначально означало «воин», бояре были военными вассалами (дружиниками) князя. По последним данным слово стало означать землевладельцев князя членов аристократии, монополизировавших высшие должности государства. Попытки представить это слово в качестве производного от «боярин», являвшегося в свою очередь производным от слова «боль» (что означало «большой» или «лучший») — вследствие чего «боярину» придавалось значение «патриций», есть, по-моему, плод чрезмерно изощренных усилий отождествить бояр с европейской аристократией. Русский термин «князь» соответствует принцу, а «великий князь» — гранд-принцу. В некоторых же славянских языках «князь» означает «священник».

слился с ливонским орденом (1237). Литва, централизовавшись к середине XIII века, также угрожает Руси и захватывает некоторые русские территории. В 1386 г. Литва объединяется с Польшей. Южная и Западная Русь захватывается Литвой.

Московское княжество было основано в конце XIII столетия Даниилом Александровичем (ум. 1303); его сын Юрий, женатый на сестре хана, стал великим князем. Его наследникам удалось не только возвыситься над другими князьями, но и провести централизацию русских удельных княжеств. Иван Калита (1328—1340⁴), «собиратель русских земель», сделал Москву столицей метрополии. Дмитрий Донской (1363—1389) установил право первородства, и его сын Василий I (1389—1425) правил как первый наследный князь. После смерти Василия произошло последнее столкновение между сторонниками наследственного права первородства и сеньората. С 1450 г. было установлено правило, что преемником должен по завещанию становиться старший сын. Московия становится наследственной монархией, вобравшей в себя княжества, и наконец в 1480 г. она сбросила татарское иго и в 1523 г. объединила русские территории в мощное государство. Москва смогла теперь более успешно сопротивляться вновь образованным монгольским ханствам в Казани и Крыму, чем прежде великой Золотой Орде.

В начале XV века преимущественно частно-правовой патриархальный режим, который по мере роста династий принял форму мелких княжеств, окончательно уступил место централизованному государству, сознательно основанному на публичном праве. Это развитие получило политическое выражение в юридической фикции, когда Великий князь Иван III после своей женитьбы на племяннице последнего Палеолога в 1472 г. получил от Константинополя звание главы Византийской империи. Москва теперь приняла двуглавого византийского орла и в качестве герба соединила его с московским гербом (всадником, попирающим дракона), но только в следующем веке. Иван IV Грозный, получив титул царя, короновался в 1547 г. как наследник Цезаря.

В таком кратком очерке может быть лишь отмечен исторический факт, что через три столетия правления Киева наступило правление Москвы. Русские историки и историософы предлагали многочисленные теории для объяснения централизации русских земель Москвой.

Факт московской централизации становится более понятным, если соотнести ее с параллельным развитием всех европейских государств; оставалось лишь объяснить, почему именно Москва оказалась способной выполнить всю работу по централизации и где она черпала силы для этого.

Но в первую очередь остается проблематичным, как могли быть сформулированы с точки зрения конституционного закона взаимоотношения мелких княжеств и отношения их к великому князю. Обладали ли младшие князья чувством единения, вытекало ли это чувство из родового или из семейного сознания; каковы были мотивы союза? Утверждается, что территории стали объединяться на федеративной основе. Насколько, впрочем, я могу судить, государственно-правовой федерации не существовало. Родовое чувство не было достаточно сильным; князья считали себя независимыми, но общая опасность и общая нужда приводили время от времени к слабому, основанному на договорах единству.

Нельзя сказать также, что отношение великого князя к удельным князьям было аналогично европейскому феодализму; не было феодальным и отношение князей к боярам.

Татарское иго (это слово стало техническим термином), которое до сих пор охотно используется как объяснение, бесспорно, также было одним из факторов, хотя и в значительно меньшей степени, чем предполагают многие историки. Утверждается, что перед лицом ханов все мелкие князья были равными, то есть все они были одинаково унижены, и что данное обстоятельство повлияло на объединение. Нам говорят, что военное значение князей возросло в борьбе с татарами, что, мол, привело к ослаблению бояр и вече (народные собрания) и что тем самым был проложен путь к централизованному абсолютизму. Предполагается, что хан вручал титул великого князя производно (в действительности этот титул получали многие младшие князья), пока, наконец, этот титул не закрепился за Москвой. Утверждается также, что русские многому научились у татар как в военном отношении, так и в административном — в том смысле, что «мягкий» русский характер стал «более твердым» под татарским влиянием; однако при таком объяснении забывают сказать, почему централизация была осуществлена именно Москвой.

Без сомнения, татарское владычество оказало заметное влияние, но это влияние не было решающим ни в политическом, ни в административном, ни в культурном отношении. Нельзя сказать, что правление татар открывало новую эпоху. Невозможно, чтобы влияние татар было столь глубоким, потому что оба государства и оба народа по-прежнему были разделены в географическом отношении; северные территории, например, Новгород, почти не соприкасались с татарами. В культурном и экономическом отношении татары ни в коем случае не опережали русских, скорее Россия оказывала на татар более сильное культурное влияние. И поэтому они не могли оказывать сильное положительное влияние на русских. Мы не должны

забывать, что татары в то время, когда они впервые вошли в конфликт с русскими, не были еще мусульманами, а были язычниками и не обнаруживали никакого нерасположения к принятию христианства. Их исламизация произошла позже. Видимо, более значительным в этническом и национальном отношении было влияние русских на татар, нежели наоборот, а среди татар было больше отатаренных славян, чем (обрусевших) татар, живших в те дни среди русских.

Тем не менее татарское влияние неоспоримо. Мы прослеживаем его в придворном церемониале (например, падать ниц перед царем); в административной жизни (например, в областях, находившихся под властью татар, поработенное население не освобождалось); в способах ведения войны, во многих жестоких нравах и обычаях явно прослеживается татарское влияние (татарские наказания, такие, как клеймение преступников), которое проявляется и в ассимиляции татарских слов русским языком. В целом татарское господство привело к задержке развития России или, по крайней мере, к его замедлению.

По моему мнению, польское и литовское влияние, так же как и шведское и немецкое, имели гораздо большее значение, нежели татарское. Давление на Россию с севера и северо-запада было не менее жестким, чем давление с востока и юго-востока. Наряду со стратегическими причинами, сделавшими объединение против этих врагов желательным, здесь начал оказывать влияние и культурный фактор. В отношении военного дела и администрирования русские могли намного большему научиться у тевтонских рыцарей, у шведов и у поляков, чем у татар.

Когда к давлению с юга и юго-востока прибавилось еще и это давление с севера, политическое внимание русских обратилось на север в направлении к морю. Колонизация распространялась к северу от Киева, которая и сегодня продолжает расширяться на север и северо-восток (Сибирь). Часто завоевания и колонизация двигались с севера на юг; северян привлекали более богатые и теплые южные территории. Это правило получило подтверждение в России, хотя и с оговорками. Северяне основали Киев или, по крайней мере, участвовали в его основании, северяне позднее оказывали давление на южную Русь, однако в отдельные периоды Киев оказывался под угрозой с юга и юго-запада (печенег и пр.) и, таким образом, поток русской энергии был направлен на север. На северном и северо-восточном направлении лежали незанятые земли и поэтому сюда устремилась вольная или невольная колонизация. И не только набеги печенегов, а позднее нашествие татар, а возможно, просто гнет мелких князьков-тиранов, заставляли русское население искать спасе-

ния на севере и северо-востоке и основывать колонии в этих регионах.

Точно так, как власть от Киева перешла к Москве, позже она перешла от Москвы к расположенному еще более севернее Санкт-Петербургу, контролируя затем с севера южные районы и всю территорию в целом.

Мы должны помнить, что в то время земля к югу и востоку от Киева не была славянской или русской, так что здесь татарское правление установилось более легко.

Некоторые историки обращают внимание на различие между малороссами и великороссами: якобы московские великороссы были более энергичными, более воинственными и более жесткими по сравнению с малороссами, характер которых был мягче. Но характерные свойства народов еще не установлены с достаточной точностью, и мы не должны забывать, что эти свойства меняются и что они сами нуждаются в объяснении. Спорно то, что киевские руссы уже обладали свойствами характера сегодняшних малороссов и что «москали» уже тогда обладали теми качествами, которые они обнаруживают сегодня. Кроме того, очевидно что одной энергии, мужества во время войны и жестокости недостаточно для централизации огромного государства, нужны еще и определенные административные способности. И здесь следует напомнить, что в первую очередь речь идет не о русском народе, а о русском государстве.

Можно с уверенностью сказать, что попытки централизации предпринимались уже киевскими князьями. Так, Владимир Мономах (1113—1125) объединил значительную часть удельных земель, и в лице Андрея Боголюбского (ум. 1174) мы имеем пример абсолютного монарха еще до московских царей.

Много способствовала объединению Руси и торговля. Уже для Киева торговля с зарубежными, экономически более развитыми регионами имела огромное значение. В Москве важность торговли возрастала пропорционально тому как вырубались огромные лесные массивы и во всех областях довольно равномерно развивалось сельское хозяйство. Существование мелких княжеств было благоприятно для широкого распространения земледелия, поскольку на своих индивидуальных владениях князья ревностно заботились об обработке почвы и поселении крестьян. Ввоз мануфактурных изделий становился все более необходимым, но торговля на более обширной, централизованной территории с унифицированной администрацией, свободной от таможенных границ, воздвигавшихся отдельными государствами, была более выгодной и для местных жителей, и для иностранцев. Подобно тому, как в Германии таможенный союз был создан до политического объединения страны, так и в России в при-

митивных условиях стремились к «таможенному союзу» и создавали его. Торговля усиливала централизацию, а централизация укрепляла торговлю. Столица и другие укрепленные города развивали торговлю, торговля же требовала в свою очередь безопасности и единообразия в делах администрации и законодательства. Торговля удовлетворяла прежде всего военные и стратегические нужды, которые дали импульс к развитию мануфактуры в стране. Торговля должна была также удовлетворять потребности многочисленных дворов в предметах роскоши.

Важнейшей экономической причиной и условием централизации было распространение и совершенствование сельского хозяйства (земледелия), которое на Руси больше, чем в других странах, означало оседлость населения. Герберштейн еще в начале XVI века заметил, что в московском государстве зернового хлеба возделывали меньше, чем где-либо в Европе*⁵.

Не следует особо подчеркивать, что росту государства московского способствовало взаимодействие всех названных факторов. Более обстоятельный анализ потребовал бы дальнейшего разбора отдельных факторов (например, изучения способов ведения сельского хозяйства и др.), при этом следовало принять в расчет природу почвы (плодородие, водные ресурсы и т. д.).

На мой взгляд, решающую централизующую силу Москвы следует искать в опоре великих князей на церковь: великокняжеский абсолютизм получил санкцию от церкви и от патриарха, главы церкви.

Отличие в вере от азиатского востока и в еще большей степени от католического, позднее протестантского запада и северо-запада способствовали столь эффективному усилению религиозной и церковной власти Москвы и соответственно ее политическому могуществу. Церковная централизация начинается уже с установления киевской метрополии и продолжается Москвой, когда туда переместилась метрополия.

3) Внешняя централизация означала также строгую централизацию внутри — великие князья становятся абсолютными монархами, царями — новый титул Иоанна Грозного обозначал с государственно-правовой точки зрения, что государство изменилось. На это указывал тот факт, что после угасания династии Владимира (1598) новый царь уже не избирался из славного дома Рюриковичей, но тем не менее очень легко мог реализовать свою абсолютную власть.

* В течение долгого периода Юг оставался невозделанной или почти невозделанной степью. Уже в 1690 г. донские казаки постановили убивать тех, кто желал возделывать землю.

Еще удельные князья ослабили власть своих бояр. В небольшом государстве правитель мог предпринять более энергичные и даже насильственные действия, чем великий князь (типичным примером такого ослабления бояр является Галич); Москва завершает этот процесс. Но даже во времена правления Иоанна Грозного борьба между двумя властями все еще не закончилась, о чем свидетельствует разделение государства на боярскую землю и царские земли (земщина и опричина). Бунт Курбского против Ивана показывает, как потомку княжеского рода хотелось бы поставить себя на одну ступень с царем.

Конечная победа царя над боярами явилась причиной эволюции великого государства и его административных потребностей. Пока бояре еще сохраняли свое первоначальное военное значение, князь, великий князь и сам царь были не более чем партнеры; благодаря централизации княжеские семьи в Москве как члены династии обеспечили свое превосходство над боярами. Обязанность служить более жестко вменялась боярам, к тому же сама служба стала менее свободной, поскольку уже было невозможно, как во времена удельных княжеств переходить от одного суверена к другому. Положение бояр ухудшилось. Первоначально, неслуживые бояре обладали более высоким престижем, чем состоящие на службе (слово «боярин» означало «свободный землевладелец»), но с течением времени значение служивых бояр возрастало и вместе с ним увеличивалась их власть. В XVI веке боярин уже стал более важным человеком, чем князь, во всяком случае в интересах царя было сделать титул князя только почетным титулом. С этих пор служивший непосредственно при дворе пользовался наибольшим уважением, поэтому русский термин для обозначения представителя знати — «дворянин», означал придворный. Невозможно громадным централизованным государством управлять в одиночку, и поэтому государь назначал советников и помощников в боярской думе; древний совет бояр, состав которого подвергался частым изменениям, стал трансформироваться в Москве в разновидность постоянно действующего государственного совета*. В связи с ростом деловой активности стало необходимым учредить постоянные канцелярии, появилась нужда в экспертах по обычному праву и, не в последнюю очередь, в сведущих в письме — писцах и секретарях — стряпчих (думных дьяках — секретарях думы). Эти секретари, занимавшие сначала подчиненное положение, постепенно —

* Все еще не установлено, регулярно ли и каким числом созывались члены думы из других городов и бывших удельных княжеств. Мы не должны ни в коем случае связывать это с системой народного представительства, так как дума не имела никакого сходства с избранной народом генеральной ассамблеей.

поскольку они постоянно работали как делегаты думы — становились почтенными, уважаемыми особами, чем-то наподобие министров*. Одновременно нужно было увеличивать членство в думе и провести разделение официальных обязанностей. При Иване дума состояла из 21 члена, тогда как при Федоре Алексеевиче их стало 167. В течение XVII столетия в сфере юстиции создается совершенно особое отделение, к тому же был учрежден департамент иностранных дел — лучшее свидетельство того, что частноправовой статус царя превращался в государственно-правовой. На значение и важность московской думы указывает также и тот факт, что вышеупомянутый Федор упразднил в 1681 г. старую родовую систему, в которой ведущие посты в общественных службах занимались боярами и князьями согласно генеалогическому дереву — разумеется, во вред администрации вообще и особенно военному делу — собственно говоря, бюрократию создали первые Романовы.

Законодательная власть в Москве была всецело в руках царя, но управление (в отсутствие царя и т. п.) создавало необходимость принятия думой многочисленных решений независимо от царя: для этого царь предоставлял полномочия боярам — либо применительно к конкретным случаям, либо на более длительный период.

Петр упразднил боярскую думу в 1700 г., но институт фактически сохранился; Петру пришлось учредить Совет. Он состоял сначала из членов, непосредственно им назначенных, но, в связи с его частым отсутствием, бюрократия усиливалась, дума и ее департаменты снова ожили в сенате и в коллегиях.

Централизация и бюрократизация московского государства привела к развитию некоторой разновидности феодализма. Из-за преобладания натурального хозяйства московский государь мог чаще, чем удельные князья и киевский Великий князь, жаловать земель в качестве награды. Кроме того, централизация совершалась также посредством конфискации поместий мятежных и неугодных князей и их бояр, и награждением служивых бояр и князей землей. Таким образом, бок о бок с наследуемыми семейными поместьями (вотчинами), аналогичными западным *аллодам*⁶, вырастают бенефиции, дарованные монархом феодальные поместья**.

В России пожалование поместьем имело другое значение, чем в Европе, по той простой причине, что земля здесь была менее обра-

* Численность дьяков колебалась от 4 до 14 человек.

** Поместье означало *место, местность, имение*, обладание которым свидетельствовало о высоком социальном положении. Отсюда современный термин *помещик*, земельный собственник, не обладающий названным дополнительным значением, присущим ему в Москве той поры.

ботанной, чем, например, в Германии. На западе германцы нашли культивированные земли, уже возделанные земледельцами; русские же должны были сами осуществлять первоначальную работу по окультуриванию земель, которую за франков, еще до их появления, проделали римляне, кельты и западные славяне. Земля поэтому имела в России намного меньшую стоимость — практически она ничего не стоила. И позднее в России жалование помещьем отличалось от феодализации на Западе; служба была сравнительно независимой; вассал князя был более свободным он мог переходить на службу от одного князя к другому, ибо это требовало разделение суверенитета и территории, мелкие князья находились во взаимных отношениях, отличавшихся от тех, которые сложились между европейскими вассалами и их сеньором.

Развитие исполнительной власти в великом московском государстве привело к отмене народного собрания, которое раньше было обязательным не только в Москве, но и в других городах. В Москве функция вече исчезла в XIV веке; но великие московские князья упразднили вече и в других городах, в первую очередь, в Новгороде (1478) и Пскове в (1510) — работа по централизации велась обдуманно и планомерно.

Тем не менее народ обладал здесь, как и всюду, ео ipso некоторыми прерогативами, особенно в смутные времена. Например, еще в 1682 году Петр и его брат Иван были избраны (неорганизованным!) «народом» под водительством патриарха.

Новые сложные административные задачи централизованного великого государства вызвали к жизни, наряду с думой, своеобразный институт земельных собраний (земский собор). Именно Иван Грозный созвал в 1566 году первый земский собор (более ранние собрания, учреждаемые этим правителем, оставались лишь собраниями). Этот институт продержался только до 1653 года.

Земские соборы не имели политического значения; это были сугубо административные советы правительства и монарха; они не обладали законодательными полномочиями и не были представительным органом — его члены собирались вместе как частные лица, так что собор не был также преемником вече. Результат совета окончательно и законно формулировался думой и государем, и последний решал сам, будет ли он, в какой мере и каким образом руководствоваться этим решением. Даже расширенная дума, будучи центральным организмом, оказалась не отвечающей потребностям великого государства. Москва была вынуждена также приступить к приведению в порядок местной администрации, чему и был обязан своим появлением собор. Члены совета, созванные из различных мест государства,

по возвращении домой, становились как бы инспекторами местной администрации, либо непосредственно ее членами. Во многих случаях земское собрание должно было поддерживать думу или же заменять ее, когда перед думой вставали непосильные задачи — оно функционировало сообразно обстоятельствам. Ключевский утверждает, что собор состоял из думы, иерархии, высших чиновников исполнительной власти Москвы; кроме этого сюда входили служивые дворяне и члены купеческого сословия. Только в одном случае (в 1613 г.) крестьяне стали членами собора*.

Мы не имеем возможности рассматривать здесь эволюцию земского собора; о его значении возможно судить исходя из того обстоятельства, что его вес снижался по мере увеличения бюрократизации и европеизации исполнительной власти. При царе Алексее Михайловиче, благосклонно относившемся к европеизации, значение собора упало до нуля, при нем собрание было создано в последний раз для утверждения решения о присоединении Малороссии**.

Остается неясным, назначались ли члены собора монархом, или же они избирались. Возможно, что они назначались (вызывались или приглашались) и что выборы когда они имели место, проводились не для выбора представителей, но для разрешения местных проблем. Участие в соборе было не честью, а обязанностью, которая тогда ощущалась в качестве обременительной, поскольку члены собора во время его проведения должны были содержать себя сами, лишь изредка получая вспомоществование от правительства.

Если некоторые соборы имели большое политическое значение, это можно объяснить существовавшими отношениями, зачастую всеобщей беспомощностью. Так, например, собор 1584 г. избирает на царство Федора Ивановича; первый Романов также был избран собором (1613 г.).

Несмотря на то, что собор созывался не регулярно, не ежегодно, а лишь в сугубо исключительных случаях, он походит на конституционное представительство столь же мало, как сословное представительство в Европе; почти каждый собор был организован по-своему,

* Некоторые историки ошибочно полагают, что на всех собраниях крестьян представляли городские представители.

** Федор Алексеевич, брат Петра, дважды созывал своего рода соборы, но это были не более как совещательные комиссии для обсуждения специальных вопросов. Их члены выбирались только из тех классов, которые могли выставить экспертов, так что, например, крестьяне были среди тех, кто призван был обсудить реформу о налогообложении. В 1698 г. Петр Великий, желая осудить сестру Софью, но при этом избежать личной ответственности, созвал собрание, члены которой набирались из всех классов. Такого рода собор был последним.

в соответствии с задачами, стоящими перед ним, и обстоятельствами, при которых он был созван. Таким образом, хотя собор 1648 г. был организован как двухпалатный, сходство с конституционной двухпалатной системой было чисто внешним.

и) Одновременно с усилением власти великих князей в Москве и централизацией громадного государства происходили изменения в положении не только аристократии, но также и остального населения, в первую очередь крестьян.

В Москве, как и в Киеве крестьяне были сначала по большей части свободными. Но в отличие от аристократа *мужик* не пользовался уважением, о чем свидетельствует буквальный перевод этого слова — маленький человек, человек. *Чернь* — другой характерный термин, употребляемый уже в ранние годы Московского царства для обозначения крестьянина или любого человека, равного ему по социальному положению. Официальное название его — *крестьянин* (для обозначения «христианина» используется греческая форма).

В Москве, так же как и в Киеве, наряду со свободными существовали также несвободные и полусвободные крестьяне. Но с централизацией княжеств социальный статус несвободных претерпевает изменение. Пленение во время войны уже не оборачивалось во столько крепостных, как в прежние времена, когда княжества вечно враждовали между собой. Теперь наиболее возможной и решительной причиной и мотивом рабства становятся экономические потребности — крестьянин-должник часто сам шел в рабство к богатому господину. Начиная с конца XV века в Москве вошло в обыкновение так называемое *кабальное холопство* (*кабала* — татарское слово, обозначающее долговую зависимость). Должник работал для того, чтобы выплатить процент (ссуду) но главное бремя не сокращалось; тем самым должник оказывался несвободным в течение всей своей жизни, равно как и его потомки. К середине XVII века часто повторяющиеся неурожаи привели в упадок московское крестьянство. В середине XVII столетия стало массовым явлением, когда обнищавшие и голодные крестьяне (часто повторяющийся голод привел к сильной деградации крестьян в Московии) добровольно отказывались от статуса свободных.

Централизованная администрация завершила то, что начали экономические условия, то есть к частнопроводному хозяйствованию добавилось общественно-правовое. Новому государству для своих учреждений требовалось все больше денег, малонаселенные земли нуждались в рабочей силе, армия требовала солдат и, таким образом, крестьянин, который ранее имел привилегию менять хозяина, был «прикреплен» к земле. «Прикрепление» — русский термин для обо-

значения крепостного состояния крестьян и исполнения обязанностей на своей земле, но также для крепостного права, которое вскоре развилось из крепостной зависимости.

В 1597 г. Борис Годунов в законном порядке окончательно установил крепостничество. Будучи регентом, умный боярин остро откликался на экономические интересы своей касты и церкви (монастыри!). Крестьянин уже не мог свободно переходить с места на место, он должен был более эффективно служить своему господину и государству.

Вопрос о том, как и когда, собственно, было введено крепостное право, не был полностью решен русскими историками и юристами. Я не думаю, что этот институт возник законодательным порядком, чисто юридически и по инициативе государства. Это был постепенный процесс, кодификация лишь дала правовое оформление того, что уже существовало, хотя без сомнения последующая эволюция, став более обдуманной, продвигалась вперед куда более быстрыми шагами. На этот счет имеются самые различные трактовки, я же подчеркиваю государственную и административную централизацию нового государства и поэтому указываю на параллельное развитие дворянства и крестьянства. В Киеве дворянин был свободным служащим князя, точно так же свободным был и крестьянин, оба имели право свободного передвижения; дружинник мог оставить своего князя и уйти служить другому; крестьянин мог перейти по своей воле к другому хозяину или стать колонистом. В Московском государстве свободная служба прекращается; дворянин постепенно «прикрепляется» к службе, пока наконец, он не трансформируется в бюрократа. В это же время свободный крестьянин прикрепляется к земле. Князь и его потомки становятся бюрократами, крестьянин и его дети — крепостными. Этот своеобразный процесс огосударствления не был завершен в 1597 г. При втором Романове прежний договор между крестьянами и их хозяевами признается действительным в общенациональном масштабе благодаря тому, что долги крестьян были вписаны в налоговые книги и официально регулировались.

Крестьяне очень скоро почувствовали последствия своего нового положения. В 1670 г. под водительством отважного Стеньки Разина началась казачья и пролетарская революция. Петр и его последователи увеличили крепостную зависимость крестьян до настоящего рабства, крестьянин становится лично зависимым от своего господина. Правда Петр подобным образом более глубоко, чем прежде, бюрократизировал дворянство, сделав службу обязательной для дворян.

Крепостничество и исчезновение свободной службы одновременно выразилось в том факте, что русские в Москве стали более осед-

лым населением, а это в свою очередь было связано с абсолютным и относительным ростом населения.

Крестьянская неволя не была повсюду одинаковой — ни фактически, ни юридически. Государство Московское владело колоссальными площадями земли, пахотными и необработанными. Естественно, что крестьянство на государственных (казенные земли) или царских землях находилось в несколько ином положении, чем крестьяне в боярских поместьях, потому что отношение царя к боярам отражалось также и на отношениях между боярами и крестьянами. Разумеется, законодательство больше заботилось о крестьянах на казенных землях. Со временем различие между двумя категориями было оформлено и юридически; главное различие заключалось в том, что казенные крестьяне были более зажиточными. В то же время крестьяне крупных помещиков находились в более благоприятном экономическом положении по сравнению с крестьянами мелкого помещика, который норовил удовлетворять свои аристократические потребности за счет усиления эксплуатации ограниченного числа своих крестьян.

Существенные различия определялись также формой повинности. *Барщина* (от «боярщины» — боярская служба), являвшаяся хронологически изначальной формой службы, была более жесткой, чем натуральный или денежный налог (*оброк*), который был общепринят на казенных землях. Последняя форма допускала некоторую свободу передвижения. Холоп мог отправиться в город, искать там работу, он мог заняться ремеслом, торговлей, наняться на работу на фабрику и т. п. Нередко такой крепостной становился богаче своего хозяина.

Кроме крепостных существовали полусвободные и свободные крестьяне. Крестьяне на казенных землях, как уже указывалось, были свободнее других. Крестьяне, которые хорошо служили или которые приобрели средства, были свободны фактически и во многих случаях с точки зрения закона тоже. Начиная с XVI века, т. е. со времени введения крепостничества, существовала специальная категория пограничных крестьян на южных и восточных границах государства. Они получали землю в лен, чтобы охранять границу, их служебное положение поддерживалось и усиливалось тем, что полученная ими в лен земля со временем превращалась в наследуемую частную собственность, увеличиваясь в размере. Эти свободные крестьяне, образуя более высокий социальный слой (они могли держать крепостных), были известны как *однодворцы*, то есть хуторяне, которые сами являлись единоличными (а не в составе общины) владельцами усадьбы и земельного надела. Когда государство расширило свои границы, воен-

нообязанность *однодворцев* была отменена. На Украине подобную функцию имели казаки*.

Русское крепостничество отличалось от европейского тем, что сохранялось изначальное устройство *мира*, но при крепостничестве *мир* и его аграрный коммунизм приобрел другое экономическое и правовое значение. Под влиянием возраставшей власти великих князей и царей укоренилось представление, согласно которому вся земля является собственностью великого князя или царя, он передает право пользования ею помещикам, а через них — крестьянам. Фактически же помещики, как и великие князья, являлись собственниками земли, как своей семейной вотчины, так и наделов своих крестьян. Таким образом, помещик, по своей воле и прихоти, мог вывести крестьянина из общины или, наоборот, ввести крестьянина в общину.

Централизованное государство использовало *мир* на предмет фискальных дел, для взимания налогов с деревенской общины как единого целого а не с индивидуальных крестьян. Через эту круговую поруку *мир* стал прочнее и был наделен некоторой властью над индивидом, но было бы ошибкой утверждать, что и сам *мир* фактически происходит из круговой поруки. Изменения в сельском хозяйстве вероятно стимулировали увеличение власти и престижа *мира*.

С ростом оседлого населения и его плотности возрастала ценность земли, хотя все еще в ней не было недостатка. В XVI веке пахота была заменена более прибыльным трехлетним севооборотом, тем самым экономическая и моральная стоимость земли увеличилась.

Освоение земель, естественно, вызвало многочисленные споры и они должны были разрешаться деревенской общиной. До царя было далеко, и его слуг рядом не было. Споры о земле удобнее всего было разрешать переделом потому, что в случае, если тяжбу оставить на усмотрение неграмотных спорщиков, то ни поземельные книги, ни кадастры им бы негодились.

Централизованная администрация внесла порядок и стабильность во все отношения. Прежней свободе наступил конец. Начиная с XIV века *волость* — объединение нескольких сельских общин — заменила индивидуальную общину, как административную единицу, потому что Москва не располагала достаточным количеством служителей или средств для того, чтобы заниматься каждой деревней в отдельности. Волости в свою очередь были объединены в более крупную административную единицу — уезд, который находился под

* Владения *однодворцев* в течение времени частично или полностью перешли в общинные владения. В наши дни самое большое число *однодворцев* продолжает существовать в Курской губернии. В течение XVI века эта губерния вместе с Воронежской, Тамбовской и Орловской составляла пограничную территорию.

управлением и, собственно говоря, под правлением *воеводы* (буквально «предводитель воинства»), в лице которого концентрируются (удобства ради) почти все управленческие функции. В сущности управление носило фискальный характер, порядок же поддерживался с помощью военной силы.

Нужно особо подчеркнуть, что города и их обитатели оставались вне крепостной зависимости (крепостной мог искать работу в городе); но город мог легче контролироваться казной и исполнительной властью, потому часто являлся местопребыванием окружной власти. Определенная сегрегация крестьян как крепостных повлекла как естественное следствие аналогичную сегрегацию в других сословиях. Московское государство становится сословным, где отдельные сословия, высшие и низшие, со своими правами и привилегиями приобретают характер цеха, касты. Московское общество состояло из нескольких сословий, было четыре главных сословия: дворянство, духовенство, мещане и крестьяне. Каждое из них с течением времени разделилось на классы или подсословия, что особенно касается мещанства, среди которого доминирующую роль начало играть — прежде всего в столице — купечество. Благодаря административной централизации, Москва стала главным средоточием торговли и промышленности, разумеется, все еще крайне примитивной, но существовали также и другие, более мелкие торговые центры, такие, как Ярославль, Тула, Смоленск и т. д.

Соответственно с процветанием внутренней и внешней торговли, со стабилизацией сельскохозяйственного развития страны натуральное хозяйство вытеснялось денежным и древнее феодальное государство начало трансформироваться; многочисленные мелкие землевладельцы и купечество получали власть и уважение наряду с бюрократией, военачальниками и церковной иерархией. Старые феодальные слои трансформировались в новую сословную иерархию.

Этот процесс внутреннего развития совпал с периодами смуты и восстаний, вызванных угасанием рода Владимира, беспорядки продолжались более десяти лет и прекратились с победой мелкопоместного дворянства и богатой буржуазии. В 1613 г. народом, то есть земским собором, не без помощи недовольных казаков, был избран Михаил Федорович Романов, ставленник дворянства. Его отец Филарет, патриарх, правил в течение 14 лет (1619—1633) совместно с сыном как полноправный царь, и положение новой династии таким образом консолидировалось при полной поддержке церкви.

§ 2

Русская церковь была создана Византией и именно из ее рук подавляющее большинство русского народа получило христианскую веру. Социально, политически и в общекультурном смысле греческие священники и иерархия намного опережали русских, и поэтому перенесенные греками на Древнюю Русь социальные институты и цивилизация оказали значительное влияние. Церковь утвердилась как духовный пастырь нации и стала просветителем и воспитателем народа. Князь оставался верховной властью, но воспитанники церкви, которыми он должен был командовать, были подготовлены религиозным образованием.

Начиная с IX века Византии угрожали сначала славянские народы, а спустя немного времени — арабы и турки; наличие опасности стимулировало политику христианизации, хотя и не всегда вела к христианизации. На Руси византийская иерархия, которая руководила русской миссией, с самого начала занималась не только религией, но также и церковными делами. Византийская церковь была мощной социальной организацией, вследствие чего приобрела на Руси большое политическое и общественное влияние. Социологические исследования Древней Руси склонны уделять слишком мало внимания прямому и опосредованному влиянию, которое оказывала на общество церковь. А это влияние далеко немаловажно — чтобы понять это, достаточно вспомнить о наличии надежно укоренившейся иерархии с ее церквями и монастырями. Вдобавок, однако, церковь на Руси, подобно римской церкви среди западных народов, вскоре начала оказывать сознательное и тщательно спланированное политическое и общественное влияние, ибо на Руси она насаждалась в качестве государственной церкви и вполне соответствовала этому предназначению. После крещения русские получили от греков, сознательно отделившись от Рима, определенное образование. Византия несколько раз подвергалась разорению со стороны язычников-русских и по этой причине христианизация этих враждебных славян имела политическое значение — более всего потому, что во владения Византии начали вторгаться арабы и турки. Поистине суровое покорение болгар явилось яркой демонстрацией отношения Византии к славянам. Мы должны помнить, что Византия никогда не расставалась с мыслью об экспансии. Иногда забывают о том, что во время крещения Руси восточная римская империя включала в себя не только Малую Азию, но и черноморский регион, а к тому же еще и значительные территории в Италии и даже в Африке. Эту империалистическую политику Византия проводила и в отношении славян.

тическую политику Византия вела вплоть до своего падения, и патриархат в Константинополе сотрудничал с ней в этом.

В Киеве византийские отцы церкви составляли государство в государстве. Митрополит Киевский был назначен патриархом Константинопольским, тогда как в Византии епископы избирались своими коллегами. Киев был не более чем подданным Византии; среди греческих епископов киевский митрополит занимал семьдесят первое место. Русская иерархия всегда состояла из греков. Из двадцати трех митрополитов, сидевших в Киеве до татарского нашествия, только трое были русскими и еще трое — южными славянами; остальные же семнадцать были византийцами. Многие священники и монахи также были греками.

Не должны мы недооценивать также влияние летописцев и всех тех, кто умел писать; в большинстве своем они имели греческое образование, распространяли и поддерживали идеи и идеалы Византии.

Ведомая культурными иерархами, церковь и ее организация скоро стала вполне соответствовать той модели, которую старалась копировать княжеская администрация. Византийцы принесли на Русь идею закона, юридическую практику и свод законов. Они ввели систематизированную юридическую процедуру, и, кроме того, церковная централизация подала пример княжеской политике. С ранних лет церковь была союзницей Великого князя. Во многих случаях Великий князь был орудием митрополитов, которые, однако, при всей своей хитрости находили князей слишком упрямыми для того, чтобы ими можно было управлять. Сами митрополиты были достаточно уступчивы — при условии, что за ними сохранялась возможность исправно слать деньги в Византию: ведь на Руси, так же как и на Западе, церковь всегда была финансовым учреждением, и это в свою очередь способствовало росту ее политического могущества. Так обстояло дело — при том, что русские не питали особой любви к греческим священникам и иерархам, так что уже в XII столетии слово «грек» в русском языке стало синонимом мерзавца.

Средневековые церкви Рима и Византии необходимо рассматривать и оценивать как составляющие социально-политического организма — наряду с имперской властью. Средневековые характеризуются развитием теократии, римской на Западе, византийской на Востоке. Император и Папа, император и патриарх, церковь и государство — все это части политической организации. Теология есть основа и связующее звено общественного строя. Трон покоится на алтаре, а алтарь поддерживает трон; государство и церковь едины. Вплоть до наших дней почти все государства являлись теократическими. Теология, доктрина церкви есть официальное политическое

мировоззрение, церковная нравственность есть официальная политическая нравственность. И в той мере, в какой общество зиждется на идеях, средние века принесли теократии зрелость, и этот теократический общественный порядок утвердился в многочисленных формах и степенях и дожил до наших дней.

На востоке император стал примасом теократии. Константин II мог сказать «Моя воля — закон для церкви». В этом практическое значение теократической доктрины «симфонии» души и тела, патриарха и императора. Эта симфония материализуется в усовершенствованном цезарепапизме⁷. Русская теократия развивалась в сходном направлении. Поэтому на Востоке власть церкви в сравнении с государственной властью по большей части была не столь велика, как у западной церкви, примасом которой был папа. Власть и влияние церкви зависели от веры и доверия всех, императора папы и патриарха.

Когда началось растаскивание государства на удельные княжества, митрополит был еще в состоянии распоряжаться огромной политической властью, используя ее на пользу своего института, ибо ему были подчинены местные церкви, а церковь, подчиняясь патриарху и императору в Константинополе как верховному главе Православной церкви, была в некотором смысле независима от князей. Централизацию русской земли начала церковь. В отдельных княжествах князьям удавалось взять верх над церковью. В Новгороде архиепископа выбирал народ.

Прозорливый князь, князь с далеко идущими политическими амбициями, использует каждую возможность для расширения своей власти, усиления централизации, и не гнушается поэтому никакой помощью, идущей к нему извне. Так, в частности, великие князья не замедлили поставить на службу собственным политическим целям и церковь.

Если же говорить не только о церковном развитии на Руси, но и о действительной христианизации страны, то сразу же нужно указать, что названный процесс был отнюдь не бурным, единственно по причине того, что церковь была греческой и ее главы являлись иностранцами. Славянский политеизм продолжал существовать рядом с официальным христианством и под его вывеской; государственной религией христианство стало приблизительно в 988 г., при Св. Владимире. Русь долго оставалась и, может быть, и по сегодня остается страной и нацией *двоеверья*.

Крещение Руси произошло спустя сто лет после принятия христианства южными славянами и намного позже христианизации Запада.

Русские не в состоянии были постичь духовный смысл христианства, для этого им не хватало надлежащей культуры. В Византии и в Риме в христианство обращались культурные и философски подготовленные люди, а западные народы, принявшие христианство позже, сделали это в форме приобщения к римской культуре. Но русские были совершенно неподготовлены: что могло означать для них ученое богословие Византии, что бы они стали делать с теологической философией ее религии? Поэтому русские взяли от Византии главным образом ритуалы и церковную дисциплину. Нравственность их как христиан свелась к чисто внешним проявлениям, слившись с сознанием наличия некоего внешнего ограничителя и усилившись под его влиянием. Наказание, которое могла наложить церковь, обладающая собственным независимым правосудием, было более весомо, чем «слово». Наиболее мощным воздействием обладали образцы монашеской нравственности, аскетизм и монастырская жизнь. Монахи были живым примером, который, как показало время, был наиболее действенным. Вместе с Евангелием любви византийцы не ввели никакого особого гуманизма. Вновь введенные наказания: ослепление, отрубание рук и тому подобные жестокости демонстрировали свое византийское происхождение и были впоследствии усугублены татарским влиянием.

Для Византии было естественно культивировать теологию и теологическую литературу. Такая литература оставалась византийской даже когда была переведена на церковно-славянский язык. Греки выучили русский, но их взгляды, их привычки оставались византийскими. При дворе митрополита и во многих монастырях постоянно жили византийские поселения, пополнявшиеся из Византии.

Византия, менее мощная, чем Рим, была неспособна руководить всеми своими дочерними церквями. Русские, подобно южным славянам, сохранили древнеславянский церковный язык. По этой причине южные славяне и особенно болгары, которые находились под более непосредственным влиянием Византии, приняли активное участие в христианизации и в распространении цивилизации на Руси.

Легко себе представить, что на свет появилась русская оппозиция Византийскому влиянию в церкви. Это противостояние, кажется, было уже активным в XI веке и было несомненно активным в XII веке, сосредоточиваясь в стольном Киеве и больше всего в Печорском монастыре (пещерный монастырь). Великие князья старались найти компромисс между митрополитами и Печорской лаврой, но благоволили последней.

Новгород оказывал влияние наряду с Византией, а на Киев к тому же оказывал культурное воздействие Запад. Св. Владимир вошел в

сношения с Германией, Римом, Польшей и Богемией. Ни в коем случае нельзя исключать, что первые христиане в Киеве и Новгороде пришли из Рима и что норманны, основавшие киевское государство, были католиками. Но история не располагает определенной информацией о том, как и в какой степени Европа влияла на древнюю Русь.

Русская культура, русское мировоззрение и понимание жизни были менее развиты, чем в византийская культура. Русь находилась на более низком уровне цивилизации. Русские были не просто некультурными, не просто, как мы сказали бы сегодня, неграмотными, но их нравственность была груба, они были полигамны, но естественно, просты, искренни и, несмотря на их неотесанность, были более человечны, чем большинство византийцев. Эта древнерусская грубость была ничем не хуже грубости древних германцев. В древних монументах и других памятниках античности внимательный наблюдатель может обнаружить германский и русские элементы бок о бок с латинскими и греческими и проследить, как воспринималось, перерабатывало, а в ряде случаев отклонялось и отторгалось иностранное влияние.

Литературные памятники киевской эпохи показывают нам Древнюю Русь в более благоприятном свете, чем византийские. Мы видим это, например, в «Поучении» Мономаха. Действительно, сочинения Мономаха (Владимир Мономах, 1113—1125) выдают византийское влияние, но его христианство более человечно, его нравственность сравнительно неаскетична и естественна, сей высокородный автор призывает проявлять любовь и симпатию к людям, особенно к бедным и низшим по социальному положению. Собственные действия автора, однако, не всегда соответствуют его словам, но это не является редким явлением, имеем ли мы дело с коронованными или некоронованными особами.

Так называемый летописец Нестор, расцвет деятельности которого пришелся на начало XII века, являет тот же пример свежести и естественности. Как писатель, он был первым русским реалистом. Он имел глубокое знание народов и местностей и его взгляд на жизнь и на исторические события был отнюдь не монашеским. Если он действительно был монахом, как утверждают некоторые, это дает нам некоторые дополнительные основания предполагать, что даже в монастырях в то время христианство существовало только во внешнем проявлении. К тому же периоду и к той же категории принадлежит эпическое «Слово о полку Игореве», следы многочисленных саг (былин и т. п.) и народной поэзии, вообще собранных в течение XIX столетия. Все эти памятники свидетельствуют, что воспитание и преоб-

разование древней Руси под византийским влиянием осуществлялись постепенно, встречая внутреннее сопротивление. Московское княжество было первым, ставшим определенно византийским — и только под влиянием татар.

Киевская земля была отделена от московской Великороссии и только в XVII столетии снова к ней присоединилась. С этой поры Юг снова делает свое влияние ощутимым в политическом, социальном и национальном отношении.

§ 3

«Тало и отошло в небытие два Рима, западный и восточный, судьба предписывает Москве стать третьим Римом. А четвертому не бывать». В таких словах после падения Константинополя русский монах⁸ восславил и охарактеризовал историческое положение Москвы, которая теперь заменила Киев как властительница русских земель.

По мере того как Константинополь утрачивал престиж, власть и влияние под воздействием постоянных нашествий турок, рос престиж и власть Москвы, и особенно с тех пор, как враг, завоевавший Константинополь, сам был покорен Москвой. Окончательная победа Москвы над татарскими мусульманами казалась особенно впечатляющей христианскому Востоку ввиду того, что это случилось вскоре после падения Византии.

Политическая централизация русских земель и власти Великих князей Москвы были усилены церковной централизацией. Венчание великого князя на царство («царь» — от слова «Цезарь») привело к установлению Московского патриархата (1589).

Постоянная борьба Москвы против Востока и Запада, против язычников и татар-магометан, против католических и протестантских народов сильно укрепила религиозное сознание русских. Возможно, что одной из причин была победа Византийской церкви над западным христианством варяг. Третий Рим взял от Константинополя идею Римской империи, которой Византия первая, опередив Рим, придала теократический вид. Цезарепапизм Византии был оживлен Москвой, и третий Рим стал усовершенствованной теократией.

В Москве, так же как и на Западе, мировоззрение, на котором основывался русский цезарепапизм, было строго ортодоксальным и теологичным, но на Востоке и прежде всего в Москве господство церковной доктрины было еще более исключительным. В Москве не существовало классической традиции и не было никакого соперни-

чества между различными народами. Ученые люди были малочисленны и представляли собой особую категорию людей, отличавшихся умением писать и читать. Вся совокупность знаний сводилась к теологии и теософии. Эта церковная культура достигла своей вершины в конце XIV и начале XV веков в то время, когда в Европе величественная чешская религиозная революция открыла новое время, а Рим начал сдавать позиции на всех фронтах.

Византийская церковь превратилась в окаменелость, хотя именно греки разработали ее доктрину и ее учение о нравственности. Византийцы довольствовались почти механической традицией, их религия состояла главным образом в соблюдении ритуалов. Русские взяли готовыми у Византии догмы, обряд, нравственность, церковную организацию. Поскольку они не делали ничего для дальнейшего развития церковной и религиозной жизни, процесс окаменения в России был более интенсивен.

Это относится к духовенству, потому что миряне довольствовались пассивным приятием церковной дисциплины и слепой верой в чудеса, столь характерной для ранних стадий мифического мировоззрения.

Византийцы поднаторели в схоластике, философская традиция греков сохранилась в разновидности теософического гностицизма. Русские старались следовать за своими учителями и в этом отношении также, но находили более полное удовлетворение своих религиозных потребностей в обряде. В Москве мистицизм представлял собой не столько теософские спекуляции, сколько практическую мистагогию⁹.

Эту религиозность следует отличать от нравственности. Нравственность есть подчиненный элемент религии. Понятия святости и нравственности (правды) ни в коей мере не совпадают. Первичными составляющими религии являются обряд и индивидуальная обрядовая практика, а не моральные отношения между людьми. Иван Грозный, ставший убийцей уже в 13 лет, был религиозным человеком.

Вследствие отсутствия критической способности и нехватки культуры у русских, так же как и у самых примитивных народов, патологические состояния нервов и духа могли рассматриваться как проявления внутренней религиозной жизни, воспринимать которые следовало как божественное откровение; и это случалось не только в отдельных сектах, проклятых церковью, но и повсеместно. Даже сегодня в России, и не только у крестьян, *юродивые* (психопаты — идиоты и слабоумные) почитаются как божьи люди.

История многих русских сект показывает нам этот низкий уровень религиозного чувства и обнаруживает в то же время недостатки официальной церкви. Европейцы были склонны рассматривать мос-

ковитов скорее как политеистов, чем как христиан, тогда как сами русские величали свою землю Святой Русью.

Церковь установила монастырскую этику, монастырский аскетизм. Самые невинные удовольствия, даже смех, наказывались ревнителями веры, небогословская поэзия была запрещена. Природа этой нравственности может быть оценена исходя из отношения к женщине и семье. Достаточно сравнить учение «Домостроя» (книгу Сильвестра о домашнем хозяйстве, который был сослан в монастырь в 1560 г.) или «Стоглав» (кодекс церковного закона, содержащий сто глав, изданный в 1551 г.) с «Поучением» Мономаха, чтобы увидеть, какой неестественной стала Москва под строгой опекой церкви. По татарскому обычаю женщины должны были содержаться в гареме (*терем* — татарское слово, обозначающее дворец и особенно женские покои). Семья подчинялась отцу — «патриарху» точно так же, как крестьяне подчинялись своему господину, а господа — царям. Социальное и политическое рабство находило сильнейшую опору в моральном рабстве в семейной жизни. Интеллектуально Русь управлялась монастырями. Иерархи выбирались среди монашества и мирское — белое духовенство было полностью подчинено монастырскому черному духовенству, в результате чего этика монашеского безбрачия возобладала над этикой женатых мирских священников.

Монастыри, укрывшись от мира, но властвуя над людьми, были богатыми, несмотря на аскетизм — а возможно, именно вследствие его; благодаря своим обширным земельным владениям, они смогли приобрести громадную политическую и общественную власть. Сами монахи не так уж редко давали наглядный пример образа жизни, далекого от аскетического.

Те, чьи взгляды на мир и жизнь были такого же склада, имели всецело антропоморфное и социоморфное представление о Боге и божественном. Для некультурного народа и для некультурных священников власть царя, покорившего врагов церкви и одолевшего своих внутренних противников своей властью, с неизбежностью представлялась олицетворением власти Бога.

В XV столетии Иосиф, грубый и жестокий обновитель монашеского идеала, сформулировал этот широко распространенный взгляд на теократическое положение царя, сказав, что если по природе он похож на всех других людей, то по власти он схож с внеземным Богом.

Оппоненты Иосифа и его партии иосифлян, ведомые Нилом Сорским, ставили достоинство священника выше, чем имперское достоинство повелителя, и отрицали право повелителя вмешиваться в духовные церковные дела, но этот взгляд не возобладал. Защита цер-

кви и утверждение чистоты религиозной догмы рассматривались как принципиальный долг великих князей и царей. Защита нужна была не только от заграничных врагов, иноверцев, но и от еретиков и сектантов внутри страны. Геннадий, архиепископ Новгорода (1485—1504), еще один строгий церковник, выступал с осуждением рационалистической секты иудаистов, чья доктрина может рассматриваться как протест против монашеских правил, приводил с одобрением пример короля Испании и требовал радикального очищения православной России. Своему оппоненту Курбскому Иван Грозный ясно изложил доктрину, согласно которой главный долг царя состоит в воспитании своих подданных в религиозном духе, чтобы они признавали бы одного истинного триединого Бога и Богом данных им царей. В «Стоглаве» в протоколе Древнерусского Собора 1551 г. (на котором приверженцы Иосифа составляли большинство) теократическая позиция царя и богословские основания русской теократии были вообще окончательно кодифицированы. Внешним выражением истинной природы теократии стало провозглашение патриарха Филарета соправителем его сына Михаила, первого Романова.

§ 4

Ослабление и окончательное падение Византийской империи имело важные последствия для духовной жизни третьего Рима, ибо тем самым было уменьшено цивилизующее влияние Византии и Москва осталась предоставленной сама себе. Древняя Русь Новгорода и Киева имела определенные отношения не только с Византией, но и с Европой. Византийское влияние на Москву отстраняло ее от Европы, но после падения Константинополя зависимость от Европы наконец стала увеличиваться.

Потребность Московии в духовной помощи Европы сказалась в участии русских в предпринятых в 1439 г. во Флоренции попытках союза восточной и западной церкви. Первая полная русская Библия (трудами ранее упомянутого Геннадия) была отчасти переведена с Вульгаты¹⁰. Когда Киев и юго-западная Русь были аннексированы Литвой и Польшей, полонизация русской территории привело к частичному и в значительной мере насильственному союзу церковей (Брестская уния 1596 г.). Иезуиты, призванные в Польшу и Литву для оказания противодействия протестантизму, тоже возымели некоторое влияние на Москву. Польская католическая схоластика оказывала цивилизующее давление на русских, находящихся под управлением Польши и Литвы. Они переживали духовное возрождение, и их

православные братства основали ряд сравнительно процветающих школ к примеру, в Остроге. В Киеве также под польским покровительством, была основана духовная академия (1615), которая должна была служить русскому православию с помощью католической и иезуитской схоластики. В 1685 г. ученики и учителя из киевской академии основали в самой Москве дочерний институт, славяно-греко-латинскую академию, которая сначала носила тавтологическое название эллино-греческой, потому что там обучали не только латыни, но и греческому. Сообразно с планами царя Федора Алексеевича школа призвана была укреплять и распространять православие, и эти цели в некоторой степени были достигнуты — но с помощью латинского языка и римской схоластики.

Со всей энергией и всевозможной жестокостью, хотя и не всегда успешно, Москва старалась подавить римско-католические тенденции киевских схоластов, среди которых наиболее заметным был Медведев. Но, отвращаясь от католицизма, Москва все сильнее подпадала под влияние протестантизма.

Чешская реформация — гусизм и в еще большей степени *моравские братья* — нашли приверженцев в Польше и Литве. К тому же немецкая реформация начала свой путь по Литве уже в 1538 г. Из Литвы и Польши протестантизм вместе с немцами проникал в самое сердце России. Все же более сильное и постоянное влияние оказывал протестантизм из Швеции и балтийских областей.

При Михаиле Федоровиче (1613—1645) многочисленные иностранцы селились во всех крупных русских городах. В Москве в конце XVII столетия образовалась независимая многолюдная немецкая слобода (слобода — пригород). Влияние этих иностранцев, большинство из которых были протестанты, становилось значительным. В основном это влияние было социально-цивилизующим, но протестантские идеи и протестантское благочестие побуждали к сравнению и заставляли задумываться широкие круги. Очень скоро влияние протестантов проявилось также в церковных и религиозных сферах, русские богословы предприняли изучение протестантской теологии. Этот поворот, который скоро заявил о себе в области литературы и искусства (первый европейский театр в Москве был создан немецким пастором), становился все решительнее ввиду того, что протестанты считались менее опасными, чем католики. В 1631 г. когда из Европы были призваны учителя для реорганизации армии, царь категорически приказал, что не должно привлекать французов и особенно католиков, а следует нанимать только шведов, голландцев, англичан и датчан.

Европейское влияние великого движения Реформации и Ренессанса естественно в первую очередь сказалось в самих церковных

кругах. Максим Грек (грек по происхождению), который слушал в Италии проповеди Савонаролы и общался с гуманистами Ласкарием и Манутиусом, был в 1515 г. по желанию Великого князя послан из Афона в Москву для редактирования переводов. В Москве Максим работал не только как переводчик и корректор литургических книг, но также и как реформатор. Его религиозные идеалы и его жизнь были укором церковной и общественной жизни русских. Вследствие чего митрополиты и великие князья выдали его врагам и его, критика монастырской жизни, пересылали из одного монастыря в другой. В течение 31 года, с 1525 по 1556 гг., этот европейски образованный человек не мог использовать свои способности и знания, ибо по приговору Собора ему было запрещено писать.

Критика русских литургических книг, инициированная Максимом, была официальным образом энергично продолжена в следующем столетии патриархом Никоном. Ввиду огромной важности литургии в русской церкви легко было понять, что по прошествии времени более культурные священники и миряне уже не могли примириться с ошибками некавалифицированных переводчиков и механических копиистов, в изобилии уснащавшими текст. Помимо Максима, в церкви был еще целый ряд греков, которые должны были замечать эти ошибки, и в XVII веке дело пересмотра текстов стало важным церковным вопросом. В 1654 г. во время патриаршества Никона Собор определил, что следует провести улучшение текстов.

Никон, опираясь на власть царя, предпринял такое улучшение, одновременно введя и другие литургические новации и улучшения (песнопения и пр.) и т. п. Его реформы, однако, встретили оппозицию священнослужителей и мирян, приведя к схизме, расколу. Никон ввел ряд реформ, взятых у греческой церкви, увеличив тем самым враждебность поклонников старины, которые не доверяли греческому православию. Поскольку в работе по выправлению текстов участвовал ряд киевских схоластов, реформы стали рассматривать как проявление католических тенденций. Никон, в противоположность его предшественнику Максиму, был скорее церковный политик, чем реформатор. Человек властного темперамента, он нажил себе множество врагов, так что в конце концов потерял расположение царя, который до этого слепо следовал его советам. Сам Никон старался трансформировать патриаршество в род национального папизма — выражение Самарина. В 1660 г. произошло первое осуждение его Собором, в 1666 г. последовал второй, более строгий приговор. Никон умер в 1681 г. Поэтому в конечном счете папистские догматы, которые согласно с теорией Никона, выводили духовенство непосредственно от Бога, а царство от духовенства, таким

образом подчиня царскую власть патриаршей, были одобрены лишь незначительным меньшинством.

В этих обстоятельствах приверженцы консервативной «старой веры», под которой, собственно говоря, имелся в виду старый обычай, образовали церковный и политический раскол — схизму*. В отличие от того, что случилось в ходе реформации на Западе, в Москве реформы проводила господствующая церковь, тогда как меньшинство противилось традиции. Только в последующем ходе развития событий схизматическое меньшинство пришло к принятию еретических взглядов, которые не всегда выбирали направление реформы.

Характерно для духовных и социальных условий Москвы было то, что в ней в начале XVII века распространялись утопии тысячелетнего царства. В «Книге о вере», опубликованной в 1648 г., в год заключения мира в Вестфалии, был объявлен конец света и пришествие антихриста. Апокалиптическая интерпретация была спровоцирована натиском иезуитского католицизма (унии). Папа представлен как предтеча антихриста, а это указывало на то, что сам антихрист явится в личине Папы. Реформы Никона привели к резкому изменению этой апокалиптической философии истории. Прежде пришествие антихриста ожидалось с Запада, но теперь сама Святая Русь, по мнению консерваторов, породила антихриста в лице Никона. Если же России, русской церкви суждено стать ареной деятельности антихриста, то православной церкви более не будет, не будет и иерархии и священнослужителей — эта апокалиптическая логика соответствует тому факту, что со смертью попов схизма была вынуждена освобождаться от духовенства. Странная аналогия с радикальной Реформацией. На Западе — преодоление духовенства, в России оно отмирает физически, раскол приводит к образованию секты беспоповцев. Одновременно беспоповствующие раскольники вынуждены были встать в оппозицию с авторитетом государства. Царь нарекался орудием и слугой антихриста, раскольнику было запрещено участвовать в жизни государства, закон, судебные органы и т. д. были прокляты как создание дьявола. Это враждебное государству направление раскола усиливается в правление Петра, который был объявлен воплощенным антихристом, раскольники приняли активное участие в пугачевском восстании.

* Раскольники не тождественны со «староверами», известными как *старообрядцы* (буквально: староритуалисты), потому что не все староверы стояли в определенной оппозиции к государственной церкви. Староверы придерживались литургии и молитвенных книг дониконовских времен и расходились в отношении некоторых церемоний, использовали для крестного знаменья два пальца, тогда как ортодоксы — три, пели сугубую аллилуйю, вместо тригубой у ортодоксов и т. д.

Антигосударственная тенденция раскола нашла свое наиболее радикальное выражение в персоне протопопа Аввакума, личного противника Никона. В бесстрашных и энергичных словах он воззвал к никоновскому патрону Алексею, заявив, что царь подобно Навуходоносору считал себя Богом. В год смерти Никона религиозный отец раскола должен был заплатить за свою смелость, взойдя на костер.

Такое бескомпромиссное несогласие довольно скоро стало делом постоянно убывающего меньшинства раскольников. Философия раскола не была, собственно говоря, радикальной. Если мы действительно доживаем последние дни, то воздадим повелителю и каждому требуемое им — таков был вывод, сделанный самими учителями раскольников. Сила этого заключения не ослаблялась потребностью отложить конец света, уточняя дату предсказания об апокалипсисе. Более того, схизматики находили затруднительным отказаться от священников и самые умеренные среди них пошли на компромисс с государственной церковью. После разгрома Пугачева никаких других восстаний раскольники не поднимали, все, на что они решались, было пассивное сопротивление. Уже в 1788 г. «поповцы» образовали церковные приходы, которые были санкционированы государственной церковью, чье главенство было признано этими схизматиками. С 1800 г. было законодательно установлено *единоверие* (исповедание одной и той же веры), но схизма в церкви существует фактически и по сей день*.

* Русский раскол, начиная с 1850 г., стал предметом серьезных и разнообразных исследований, начатых историком Шаповым. Шапов доказал, что раскол имеет не просто религиозное или обрядовое значение, но что по крайней мере в его последующем развитии (с 1666 г., начиная с даты осуждения Никона и ссылки его в монастырь) он к тому же приобрел широкое социальное и политическое звучание и что эти элементы стали особенно заметны после петровских реформ. Согласно с этой точкой зрения раскол возник как восстание низших церковных служителей против иерархии и европеизации государства, как народное движение националистического и демократического характера, нацеленное на местное самоуправление против централизации государственной власти. Шапов и его школа придерживались ошибочного взгляда на политическое значение раскола. Они забывали, что русское государство и русская церковь составляли теократию и что оппозиция церкви необходимо становилась политической, потому что церковь и государство преследовали староверов. Раскольники всегда были религиозными, но их религия ассоциировалась с этикой, которая логически вела к политическому действию. Противостояние раскольников государственной церкви было консервативным и реакционным, но в качестве оппозиции раскол часто был школой для индивидуальной несокрушимости характера. Представители современных революционных партий заходят, однако, слишком далеко, когда видят в раскольниках своих прототипов.

§ 5

Если религиозные и церковные интересы «Святой Руси» вынуждали заимствовать цивилизацию из Европы, то практические потребности государства и его внешней и внутренней политики также тяготели к Европе. Если Россия хотела давать достойный отпор своим европейским противникам, ей необходимо было провести формирование и оснащение армии по западной модели. Вооруженным силам требовались новые казармы и фортификации, и Россия не могла уже обходиться без флота. Эти цели нельзя было осуществить без более широкого знания. Даже если бы русские получили готовым то, что достигнуто в Европе, простое содержание этих материальных элементов цивилизации в должном порядке было бы невозможным без помощи европейски образованных рабочих, строителей, инженеров и т. п. Следовало переселить в Россию подготовленных европейцев.

Русские должны были продолжать постепенно повышать собственную квалификацию для проведения этих насущных реформ и поэтому отправлялись в Европу на учение, а дома учреждали школы и переводили книги и др. Пушки, корабли, бастионы и т. п. нельзя построить без знания математики, механики, физики и химии или при нехватке технического, так же как и научного знания. И уже в XVI веке в Москве при поддержке государства изучались положительные науки, в XVII столетии движение стало еще более энергичным.

Но на все эти материальные и интеллектуальные реформы требовались деньги. Необходимо было усовершенствовать примитивное хозяйствование, существенной предпосылкой чего была внутренняя реформа администрации. Не только сельское хозяйство, но и примитивное домашнее производство должны были быть перестроены и лучше оснащены технически, и, естественно, должны были быть созданы новые торговые пути и связи. Уже Иван Грозный основал торговые отношения с Англией. Именно Иван IV инициировал выход на берега Балтики. Более южное море должно было укоротить русским связь с Европой. Северное море находилось под контролем России, но путь из Архангельска в Европу лежал через Норд Кап, тогда как по суше русские должны были пересекать территории враждебных западных соседей.

Наконец, двор и знать нуждались в предметах роскоши, порой в предметах искусств. Во всех областях практической и теоретической жизнедеятельности Третий Рим должен был примыкать к Европе и ее культуре, задолго до петровских времен в Москве возникла немецкая слобода. Тем не менее приезд иностранцев в Московскую Русь,

кажется, был сравнительно труден, если мы вспомним, что не существовало почти никаких препятствий для их притока в мелкие княжества в стародавние дни.

В течение XVI века мыслящие русские выражали искреннюю потребность в глубоких реформах. Князь Курбский, которого с полным основанием называли первым западником, одним из первых дал доказательство нищеты Москвы с точки зрения морали и цивилизации. Курбский был учеником Максима и его переписка с Иваном IV (первое письмо 1563 г.) дает красноречивое свидетельство жалкого состояния Москвы, но одновременно служит подтверждением выдающихся интеллектуальных способностей русских.

Подобные документальные свидетельства мы имеем и в XVII столетии. Для того чтобы подчеркнуть потребность в реформах, Котошихин дает поразительное описание московского государства. По своему характеру этот писатель был типичным сыном своего века (в 1667 г. он был обезглавлен в Стокгольме за убийство, совершенное в состоянии опьянения).

Можно также привести свидетельство хорвата Крижанича. Католический священник, получивший образование в Италии, он глубоко знал Европу, побывав в Константинополе, Риме, Вене и других местах. Он был первым панславистом. Благодаря контакту с русским посольством во Флоренции, он с 1657 г. загорелся идеей эмиграции в Московскую Русь. По пути туда он коротко познакомился с Польшей и Малороссией. Его искренние сочинения о Малороссии проложили ему путь в Сибирь! В 1661 г., почти сразу же по прибытии в Москву, он был сослан в Тобольск, где, по-видимому, имел свободу передвижения. В Тобольске он написал ряд работ, включая «Политику», в которой подверг московскую цивилизацию жесткой критике и защищал европейские реформы. Крижаничу было разрешено вернуться в Москву только в 1676 г. Вполне вероятно, он умер в Европе*.

Несмотря на религиозную и церковную изоляцию, в Москве существовало (и это важно иметь в виду) внутреннее спонтанное стремление к реформам и европеизации. Под последним термином следует понимать нечто большее, чем простое подражание Европе или заимствования у Европы. С самого начала русское государство развивалось в согласии с его собственными принципами, и эта эволюция проходила параллельно с эволюцией в Европе, будучи подобной ей и во многих отношениях даже идентичной. Русские были индоевропейцами, так же как и германцы и романоязычные народы; они

* О Московской Руси можно консультироваться с работами Герберштейна, Флетчера и Хорзи, ссылки на которые в последующем будут сделаны.

учились у византийцев, как германцы и романцы учились у римлян, наконец, нужно помнить, что несмотря на взаимную обособленность, некоторый обмен цивилизованных сил никогда не прекращался.

Таким образом, реформы Петра были внутренне и внешне подготовлены. Алексей, отец Петра, вообще уже занимался реформаторской деятельностью. Михаил Федорович, его дед, завез иностранных ремесленников и мастеров в Москву. А его предшественники также старались установить культурные и торговые связи с Европой.

Глава вторая

РЕФОРМЫ ПЕТРА И ПРИСОЕДИНЕНИЕ
РОССИИ К ЕВРОПЕ

§ 6

Если в качестве введения к нашему рассмотрению русской философии истории и философии религии следует предпослать краткое изложение основных исторических фактов, то особо надо будет остановиться на реформах Петра Великого, ибо эти реформы составляют важный элемент философского рассмотрения России.

Петр Великий и его реформы! Помню, в истории молодого Петра я прочел о том, как однажды царь развлекался с Меншиковым: они устроили на столе соревнование вшей (своих!), чье насекомое приползет первым к проведенной между ними линии.

Петру нужно было продолжать реформы, начатые его предшественниками. Ведь уже было открыто не одно «окно в Европу»: но Петр распахнул и держал открытыми другие окна и двери московского дома.

Он придал реформе систематизированный вид. Это не значит, что зачастую он не действовал и без какого-либо определенного плана; но за целую эпоху (а правил Петр в течение тридцати шести лет, с 1689 по 1725 гг.), эпоху, за которую выросло целиком новое поколение и еще одно поколение наполовину вступило на стезю образования, он сумел систематизировать самого себя. Глубоко осознав потребность в цивилизованности, он добывал культуру и для себя самого, и для других, он понимал, что в дополнение к новым институтам России нужны и новые люди.

В 1696 г. Петр предоставил всем иностранцам свободу въезда в Россию; кроме того, ему удалось найти подходящих соратников из

числа своих подданных. Помимо Никона и других его предшественников, двигавшихся в том же направлении, существовало множество современных ему энтузиастов, ратующих за реформы. Отличными помощниками стали выпускники киевской и московской духовных академий, основанных незадолго до восшествия Петра на престол. Одним из выразителей сильной потребности в экстенсивном «обновлении» был Посошков, мыслитель-самородок, выходец из народа. Среди многочисленных соратников Петра некоторые проявляли в определенных сферах больше таланта и прозорливости, нежели сам государь; и если в чем-то он находил себя несведущим, то отнюдь не чинил там препон на пути реформ, а напротив приветствовал инновации.

Первой и постоянной заботой его было обеспечение нужд армии и флота. «Скотское стадо» (так критически отзывался Посошков о старой московской армии) должно было быть преобразовано в европейские полки. Надо было выучить моряков; надо было оснастить армию и флот новым оружием. Для всех этих перемен важно было обрести знания, получить как практическое, так и теоретическое образование. Подавая личный пример, Петр направился в Европу, чтобы учиться там в качестве простого мастерового. Первая его поездка состоялась в 1697 году.

Несмотря на первоначальные поражения, он вскоре начал расширять сферу своего господства, ибо Петру не потребовалось много времени на то, чтобы начать одерживать победы над европейцами. В 1696 году русские достигли Азова и построили свой первый флот. В 1703 году они ногою твердой стали на Балтике. Был основан Петербург. Благодаря победе под Полтавой была ослаблена Швеция, и Россия получила свободный доступ в более цивилизованные страны балтийского побережья. Польша попадает под решающее влияние Петра (он стал даже подумывать о захвате этой страны для своего сына.) С этого времени Россия стала представлять угрозу для Турции. У Петра не хватило сил на то, чтобы распространить свое влияние до южных морей (Азов был возвращен туркам), но в северных водах господство было сохранено, и Россия навсегда соединилась с Европой.

Для содержания новой армии и флота нужны были деньги, а для этой цели необходимо было провести соответствующую реформу всей системы управления.

Государство было разделено на губернии (в конечном счете их стало одиннадцать), которые в свою очередь подразделялись на соток три уезда. Губернаторам помогали ландраты (немецкое название сохранялось), выбираемые из числа знати. Для контроля над адми-

нистрацией были учреждены своего рода министерства, среди десяти коллегий отсутствовало министерство просвещения, им был сам Петр. В 1711 году был создан сенат, занявший место старой Боярской думы. Примечательной была попытка отделить судебную власть от исполнительной. Была европеизирована полиция.

Более многочисленной стала бюрократия, ее статус и полномочия подверглись регламентации. Уже при отце Петра *, в 1681—1682 гг. произошла отмена местничества — система, при которой властные полномочия принадлежали представителям знати от рождения и зависели от наследственного титула. Было введено новое служилое дворянство. Каждому лицу, занимающему официальный пост, Петр жаловал звание дворянина, что превращало престиж наследственного дворянства в чисто социальный феномен. Чиновники получали регулярное жалованье; раздача поместий («кормление») прекратилось. Было учреждено четырнадцать чиновных рангов.

Начиная с 1719 года велась статистическая перепись населения.

В городах вступили в силу новые правила самоуправления и новая юрисдикция. Особое влияние в вопросах городского управления принадлежало Петербургу, совершенно новому и в определенном смысле передовому городу России. Городская управа Петербурга находилась под непосредственным управлением сената. Русские города были обогащены новым элементом, мануфактурами, которыми в ряде случаев управляло непосредственно государство, или же они действовали на заводах, находящихся под государственной опекой. Аналогичным образом купечество было превращено в самостоятельное сословие, организованное в гильдии и обладающее собственным уставом.

§ 7

Проведение данных практических реформ поставило перед русскими необходимость обретения теоретических принципов. Вторая поездка Петра в Европу в 1716 году, через девятнадцать лет после первой, была посвящена в основном науке и искусству. В это время, к примеру, и зародился подсказанный Лейбницем план основать академию и т. д. Оксфордский университет пожаловал Петру степень почетного доктора, а Парижская академия назвала его одним из своих действительных членов; подобное при-

* Так в тексте. На деле — годы правления Федора Алексеевича, брата Петра, 1676—1682. — *Примеч. ред.*

знание со стороны официальных представителей науки было вполне заслуженным.

Петр активно боролся за прогресс науки и искусства, окружив себя иностранцами, приказав перевести книги, имеющие большое значение, и предпринимая другие меры подобного рода. Он ввел более приближенный к практике алфавит — правописание и для самого Петра представляло проблему, справиться с которой он не мог до конца дней. Ранее российское летоисчисление велось от сотворения мира, но Петр предпочел вести счет от рождения Христова, ввел юлианской календарь и перенес новый год с сентября на 1 января. Под его эгидой основывались музеи и собрания художественных произведений, открывались школы и в 1703 году вышла в свет первая газета. Согласованные усилия по осуществлению реформы предпринимались одновременно во всех сферах. О том, что царь имел серьезные реформаторские намерения более всего свидетельствовала методичность его усилий.

Не забыл Петр организовать далеко идущие реформы в области этики. Главным его желанием в этом направлении было переустроить традиционную русскую семью. Женщинам надлежало обрести ту свободу, которой они обладали в Европе; они должны были выйти в общественную жизнь и тем самым занять также и в семье по праву принадлежащее им место; с азиатским затворничеством нужно было покончить. Аналогичным образом был изменен старый русский закон о наследовании, предусматривающий равенство всех детей; он был заменен западной системой первородства, — так что младшие члены семьи должны были сами о себе заботиться.

Участь крепостного была смягчена в том смысле, что впредь была запрещена продажа их поодиночке, продавать «рабов» с тех пор стало возможно только семьями.

Как-то раз в беседе с датским посланником Петр отозвался о собственной реформаторской деятельности, сказав, что ему хотелось превратить скотов в людей. На деле его реформа явилась революцией, программой которой задавала наступающая эпоха просвещения и гуманизации. Петр на собственном опыте познал необходимость гуманизации этической сферы, ибо сам прошел старую школу воспитания. Его частная и его домашняя жизнь были весьма и весьма революционны, бросая вызов ханжеству. Следует, однако, согласиться с суровыми критиками в том, что в своих поступках Петр часто не знал меры и его реформаторская революция характеризовалась многочисленными изъянами. Многие из нововведений Петра были ненужными, а многое осуществлено без необходимого продумывания. Во многих случаях он проявлял настойчивость в мелочах (одежде и т. п.), показывая себя скорее деспотом, нежели реформатором; в других случаях

заслуживал критики выбор средств (например, за привилегию носить бороду надлежало платить от тридцати до ста рублей и т. п.).

Сам Петр оставался варваром. В нем еще жил старорусский Адам, человек, мечтавший стать новым Адамом просвещения и гуманности. Петр являл собой архетип переходного русского того времени. Посмотрим на него в последние годы жизни, когда он, император, после победы над шведами у всех на виду плясал от радости на столе под рукоплескание своего народа — разве это не поведение варвара? Но был ли триумф римских императоров или современных европейских завоевателей хоть на йоту менее варварским или хоть в чем-то более величественным, чем наивность Петра? Но Петр, по словам современного европейца, был всё же, *только* варваром. Посмотрите, он собственноручно вздергивал на дыбу тех, кого к ней приговаривал, он сам был палачом собственных жертв! А как он обращался со своей первой женой, что он сделал с сыном Алексеем! Согласен, Петр был варваром. Я не оправдываю его и отношу к нему этот термин в самом буквальном смысле. Но это не является для меня основанием для более высокой оценки французской или испанской «культурности» Фердинанда или Людовика, слишком слабонервных для того, чтобы непосредственно руководить карательными экспедициями и зверствами инквизиции, а также различными другими бесчеловечными акциями, за которые они тем не менее были персонально ответственны. Для выполнения этой грязной работы они, эти утонченные варвары, держали наемных духовников и палачей.

Дурачества и скабрёзности пьяных пирушек, во время которых Петр высмеивал папство с явным намеком на патриарха, несли в себе определенную связь с его реформаторской деятельностью, поскольку этот наивный варвар был подлинным виртуозом подобных приемов. Как во внутренних делах, так и в связях с границей Петр выказывал нечто большее, чем простую хитрость. Взять хотя бы один пример — назначение Петром своего церковного оппонента Яворского президентом Святейшего синода — насколько точен был его расчет!

§ 8

В социально-политическом смысле реформы Петра — вкупе с его успешной завоевательной политикой — свидетельствовали об укреплении абсолютизма. Когда по прошествии долгого времени, в 1721 году, Петр принял титул императора Византии, его реформированный абсолютизм уже проявил всю полноту власти.

Московские цари, такие как Иван Грозный, были абсолютными монархами, но абсолютизм Петра был качественно выше. Петра признавала Европа; он был координатором между Россией и европейскими державами; он превратил Россию в одну из великодержавных стран Европы. Под Полтавой Петр подорвал мощь Швеции. В то самое время, когда Россия начинала таким образом занимать доминирующее положение на Востоке, на Западе Испания определенно утрачивала положение мировой державы. Вслед за Францией, Англией и Австрией Россия теперь занимала четвертое место в ряду мировых держав, по мере того как Польша утрачивала ту роль, которую она играла ранее в отношении славян на Востоке.

Внутри страны Петр и его государство также заняли более важное положение, чем то, которое занимали до него москвиты.

Петр бюрократизировал государственный организм, положив в основу управления работу чиновников-профессионалов. Начало этой работе было положено его отцом, вторым из рода Романовых, но дальнейшее развитие и совершенствование бюрократической машины было делом рук Петра.

Боярская дума была распущена, ее место заняла ближняя канцелярия (институт советников), члены которой состояли в личных отношениях с императором. Этот институт просуществовал недолго, и был учрежден сенат как высшая исполнительная власть.

По прошествии многих лет управленческая реформа породила на свет новый, лучший государственный организм, но костяк государства составила вновь образованная военная машина, ибо именно в ней заключалась суть петровских реформ; именно благодаря милитаризации государства и ратным успехам Петр укрепил свой авторитет как внутри страны, так и за рубежом.

Обладая всей полнотой власти, Петр еще менее своих двух предшественников вспоминал о необходимости созыва земского собора. Его задачей было не просто продолжить управление, а создать новые институты, и собору не было места в этой схеме. Следствием европеизации России было укрепление абсолютизма. Правда, в 1698 году для осуждения царевны Софьи было создано нечто вроде собора из представителя всех классов, но единственной целью этого собрания было снять ответственность с царя и переложить ее на плечи других. Отсутствие созывов собора и упразднение думы было характерной чертой просвещенного деспотизма Петра в отличие от деспотизма ранних московитов. Петр хорошо ориентировался в ситуации, оставаясь подозрительным и недоверчивым на протяжении всей жизни и без колебаний прибегая к насильственным мерам.

Петр европеизировал московский абсолютизм. Вспомним о том, что он был современником Людовика XIV. Нет сомнений, что при-

мер французского правителя стоял у него перед глазами. В проводимой им политике, как внутренней, так и внешней, можно отыскать немало аналогий с Людовиком.

Особенности его абсолютизма проявились в его отношении к знати. Само собой разумеется, он должен был действовать в контакте со знатью и поэтому возложил на нее новые обязанности. Дворянин обязан был служить новому государству и вдобавок к этому должен был учиться. По старомосковской традиции государственная должность принадлежала дворянину по праву рождения, согласно с тем положением, которое занимало его семейное родословное древо; к тому же он мог сам решать, служить ему или не служить*. Петр попытался придать дворянству большее значение, для чего он слил его с бюрократией; бюрократия была облагорожена, дворянство же обюрокращено. В отличие от своих предшественников, он не стремился ослабить знать, а напротив желал усилить ее. Именно с этой целью ввел он в 1714 году майорат по западному образцу. Далеко идущими последствиями в указе о майорате или первородстве обладало положение о земле как собственности, не зависящей от службы. Результатом его явилось повышение престижа дворянства.

С этими же целями Петр ввел новые европейские дворянские титулы. Первый русский титул графа был пожалован Шереметьеву в 1706 году. Сначала царь даже попытался утверждать графский титул у императора Священной Римской империи, германской нации, но впоследствии отказался от этой цели.

Петр был первым русским властителем, начавшим даровать старинные княжеские титулы, так что княжество тоже было европеизировано. Меншиков, первый из новых князей, получивший этот титул в 1705 году, был князем Священной Римской империи; несколько последующих княжеских титулов также было пожалованы русским императором Священной Римской империи**. Вместе с новозавоеванными территориями и в качестве существующего было воспринято баронство. Институт княжества получил практическое применение.

Своеобразие Петрова абсолютизма проявилось также и в отношении крестьянства. На крестьянство пагубно отразилось введение

* В правление Петра знать получила новые обозначения. Вместо прежних названий «дворянин» (приближенные царя) и «боярин» появились «царедворцы» (придворный, придворные) и для поляков «шляхтичи» (по-польски дворяне).

** В допетровской Московии потомки князей естественным путем сильно размножились и, как следствие, утратили былой престиж; до Петра князья принадлежали к знати по рождению, но не по титулу. К княжеским фамилиям относились потомки Рюриков, а также литовских, татарских и пр. князей. В современной России князь без чина или состояния становится ниже графа и даже барона.

подушного налога, заменившего собой, вкупе с другими податями, поземельный налог. Все бремя налогообложения было возложено на крестьянина (новый, угнетающий момент подушного налога состоял в том, что отныне ни один крестьянин не мог быть свободен от него). Что же до знати, государственного духовенства и титулованного чиновничества, а также лиц академического знания и некоторых других категорий подданных, они от налогообложения были освобождены.

Введение несовершенной и скверной подушной налоговой системы характеризует, собственно, несовершенство петровской финансовой политики. Самого царя интересовала лишь коммерция. Им были разработаны принципы деятельности купечества; проводимая им завоевательная политика — в первую очередь, стремление использовать моря — имела тесную связь с этими принципами. Он был инициатором строительства ладожского канала, связующего Балтику с Каспием и завершеного в 1732 году. Желание способствовать развитию коммерции и мануфактур (для экспорта зерна тогда еще не пришло время) привело к установлению системы привилегий для высших сословий и купечества.

До Петра налоги составляли приблизительно полтора миллиона рублей. Государственный бюджет на 1715 год составил приблизительно восемь с половиной миллионов рублей.

Экономист-самоучка Посошков глубоко переживал трагическое положение крестьянства при Петре. При всей той поддержке, которую он оказывал самодержцу в противовес знати, им признавалась и жестокость петровского абсолютизма — он желал установления народовластия. За подобные взгляды ему пришлось расплачиваться пожизненным заточением в Петропавловской крепости.

В последние годы царствования Петра население России насчитывало тринадцать миллионов человек.

§ 9

Наиболее существенное выражение абсолютизм Петра получил в реформе церковного управления. В религиозных делах Петр был довольно сведущ. Он усвоил слабую сторону теологической веры в чудо и стремился уменьшить ее могущество, ибо его реформаторская деятельность с необходимостью отталкивалась от научного мировоззрения, диаметрально противоположного теологическому — хотя его собственные взгляды были связаны не столько со взглядами западных философов и мыслителей, сколько с практическими достижениями Европы.

В Московской слободе, в соседних западных странах и затем в Европе Петр ощущал на себе практическое воздействие протестантизма; его советники, друзья и учителя были почти все из протестантов. Особенно сильным влияние протестантизма было в образованной среде, но и в широких массах оно было не меньше. Оно играло заметную роль в среде теологов в лице, например, Феофана Прокоповича, и заявляло о себе в народном движении за протестантизм под предводительством Тверитинова.

Феофан Прокопович, бывший сначала учеником, а затем преподавателем киевской академии, изучал теологию и философию также и в Европе. Разделяя взгляды Бэкона и Декарта, в теологии он склонялся к протестантизму и взгляды свои излагал как с кафедры, так и в письменном виде. Петр призвал его в Петербург, поставив во главе Святейшего синода, высшего органа церковной власти. Важно отметить, что перевод Феофана в Санкт-Петербург состоялся только в 1716 году. До этого времени влияние его после возвращения из Европы в 1704 году распространялось в том же направлении, что и влияние Петра, но вне непосредственной сферы деятельности царя.

Целью церковной политики Петра было ослабление престижа иерархии, которую следовало в заметной мере подчинить, поставить на службу имперской власти. Петр довольно рано пришел к четкому взгляду на этот предмет. Когда в 1700 году умер патриарх Адриан, на его место не было назначено никакого преемника. Адриан был оппонентом Петра. На протяжении более двух десятилетий царь оставлял дело в подвешенном состоянии, ибо синод не был сформирован до 1721 года. Духовный регламент, положенный в основу синодальной конституции и других церковных реформ, был составлен Феофаном и лично просмотрен Петром.

Конституция синода соответствовала не монархическому патриархату, а светской системе коллегиального управления. Духовный регламент содержал определенные упоминания о папстве, подчеркивающие, что последнее несправедливо перешагнуло границы контроля над мирской властью. Было констатировано, что аналогичную узурпацию власти совершила Московская патриархия, и заявлено, что подобному злу не должно быть места в коллегиальном управлении. Члены синода обязаны были произнести клятву следующего содержания: «Я свидетельствую и клянусь, что сам монарх всея Руси является высшим судьей в этой духовной коллегии»*.

* Эта клятва была отменена в 1901 году, но п. 65 основного закона государства гласит: «В управлении церковью самодержавие действует через посредство Священного руководящего синода, учрежденного властью самодержца».

Петр, поддерживаемый Феофаном, максимально дословно проинтерпретировал термин «самодержавие», утверждая, что церковь руководимая иерархией подчинена императору*, управляющая ею, подданными царя. «Вот ваш патриарх», — сказал Петр, ударяя себя в грудь, когда делегация высшего духовенства обратилась к нему за назначением нового патриарха. Феофан говорил о своем царственном повелителе как о «помазаннике» пользуясь при этом греческим термином *cristoz*. Несомненно, до Петра выборные власти в церкви занимали гораздо более сильные позиции, чем после него.

Коллегиальное устройство синода, в котором светский представитель императора, обер-прокурор, сидел бок о бок с церковниками, являлась по общему мнению протестантским установлением. но подобный взгляд не вполне верен.

Синод соответствовал древней епископальной организации церкви, но введение в церковное управление светского элемента и учреждение поста обер-прокурора, были вкраплениями протестантизма. Возможно, Петр и его современники находились под влиянием протестантских национальных и государственных церквей.

Петр не дерзнул ввести каких-либо инноваций в вопросы религиозной доктрины. будучи терпим в других отношениях, он поддержал своей властью «Православную конфессию» Могилы. Общий же взгляд царя на вопросы религиозной веры выразился в словах: «Совесть человека подчинена одному Богу, и никакой властитель не вправе насильно принудить его к исповеданию другой веры.

В то время как Петр, будучи заодно с Феофаном, склонялся к протестантству, другой выдающийся церковник Яворский являлся выразителем римско-католической ориентации консервативных теологов и церковников политиков. В иезуитских школах и академиях Феофан научился ненавидеть католицизм, Яворский же, наоборот, усвоил в них неприязнь к протестантизму**. Однако, благодаря своему европейскому воспитанию, последний в качестве представителя патриархии был, начиная с 1700 года, выразителем политики Петра — правда, лишь в мирских делах, тогда как в религиозно-церковной сфере Яворский оставался приверженцем римско-католической церкви. Его главная работа «Камень веры», направленная против протестантизма, была написана в 1713—1718 гг., но могла быть опублико-

* С 1721 г. — *Примеч. ред.*

** Способ, которым русские получали доступ в католические школы Польши и Европы, заслуживает упоминания. Дабы получить разрешение на поступление, они для вида принимали католичество, а, возвращаясь в Россию, вновь обращались к православию. И Феофан, и Яворский оба покривили душой, пойдя на это лицемерие.

вана только в 1728 году, после смерти Петра. Яворский развивал учение о первичности церкви перед государством и разделял доктрину Бонифация VIII о двух сестрах церкви, однако тщетно. Петр искусно «подставил» непокорного церковника, заставив его действовать в интересах собственной церковной политики — Яворский был вынужден подписаться под духовным регламентом (подпись под ним была потребована от всех иерархов государства) и был назначен Петром первым обер-прокурором синода.

Значение реформ Петра в церковном управлении вообще стало особенно очевидным на фоне глубокого недовольства, последовавшего со стороны раскольников. Они клеймили Петра как антихриста, а консерваторы и реакционеры в душе были согласны с этим определением, не исключая и Яворского, сочинившего работу о пришествии Антихриста. Отношение консерваторов к Петру нашло свое выражение в труде, посвященном бороде, принадлежащем перу последнего патриарха Адриана, в котором брить бороду признавалось смертным грехом... Поскольку ожидания конца света в 1666 году не оправдались, хронологи апокалипсиса пересмотрели свои расчеты и наметили конец света на 1699 год. Окончательное же крушение предполагалось в 1702 году. Петр вернулся из своей первой большой поездки в Европу за несколько дней до предполагаемого пришествия антихриста и был отождествлен с последним...

Петр со своей стороны менее всего был терпим к раскольникам. Их пропаганда каралась смертью. Им было предписано посещать православные богослужения и крестить своих детей на православный манер. Их снимали с официальных должностей и не разрешали приносить присягу. Они облагались двойным налогообложением, платили специальный налог за ношение бороды и были принуждены носить отличающую их от других одежду.

В одном отношении — если говорить о формальной стороне — консервативные оппоненты Петра были правы. Учреждение синода было неканоническим и самодержавным. Правда, этот орган состоял из священников, а церковные реформы Петра были утверждены русскими и греческими иерархами; но можно доказать, если говорить о русских, что их согласие было вырвано у них насильственно, а из восточных патриархов лишь двое посетили Петербург для выражения своего согласия и то после того, как синод уже приступил к исполнению своих обязанностей.

§ 10

Реформы Петра и его соратников в значительной степени секуляризовали теократическую Россию, в результате чего стало возможно говорить о противоположности между петербургской и московской Россией. Культура и мировоззрение Москвы целиком находились под властью церкви и клерикализма; Петр же поставил государство на роль решающей силы в политике и культуре. Когда, говоря о реформе армии, Петр заметил: «Мы вышли на свет из тьмы», — то тем самым он достаточно точно охарактеризовал значение новой России. Средневековой российской теократии была придана новая голова, а государству — новый центр; Петербург, портовая столица, заменил Москву, столицу сухопутную.

Аналогичным образом, светский, небогословский характер нашел свое выражение в литературе XVII века — даже в богословской литературе. Петр не мог уделять много времени русской литературе, но в самой его реформе заключалась тенденция, которой последовала литература*.

В этой связи необходимо прежде всего вновь сослаться на Посошкова, необразованного крестьянина. Его работы, работы переметнувшегося от раскольников в лоно государственной церкви, несомненно отмечены некоторым налетом теологизма, но интересы его лежат в таких мирских сферах, как реформа армии и всего управления. «Отеческое завещание» было написано с целью улучшения нравственности в семейной жизни. «Относительно нищеты и богатств» (1721—1724) — работа практической направленности, написанная зорким наблюдателем, содержащая пронизательную критику современных условий жизни и защищающая разумную программу реформ во всех сферах общественной жизни.

В целом реформы Петра имели огромную ценность для России, представляя собой естественное продолжение по пути, намеченному предыдущим развитием. Ломоносов зашел слишком далеко в обожевлении Петра («он твой Бог, твой Бог, о, Россия»), представив всю эволюцию России в персоне самодержца; и все же, при всех их недостатках, реформы, осуществленные Петром и его окружением, впечатляют.

В позднейшее время славянофилы заговорили о Петре и его реформах как о непатриотических, антирусских, а Москва и Москов-

* Я имею в виду, например, «Ерша Шетинникова» (народную сатиру на московское судопроизводство XV—XVII вв.), а также труды Флора Скобеева и других, где нашли свое выражение естественный народный взгляд на вещи и естественный слог, незатронутые богословием.

§ 11

Достаточным доказательством необходимости реформ, осуществленных Петром, является продолжение или, скорее, закрепление этих реформ его последователями, а точнее последовательницами, ибо изменения, предпринятые впоследствии в тех или иных сферах управления, опирались на заложенный Петром фундамент.

В правление императриц и «серых кардиналов» мы наблюдаем постоянные колебания в составе государственного совета, имеющего существенное значение для обновленного абсолютизма. Екатерина I учредила «Верховный тайный совет», при Анне появился на свет «кабинет», а при Елизавете этот орган вновь уступил место петровскому «сенату». Эти изменения были следствием нестабильности отношений между самодержцем и аристократами. Поднятая Петром на небывалую высоту и одновременно связанная службой и поставленная в положение подчинения царю, аристократия пыталась укрепить свое господство. В 1730 году Анна приняла «magna charta»* Долгоруковых и их приспешников, и реальная власть перешла в руки Верховного тайного совета. Феофан, однако, организовал партию «лю-

* Боярин Роман Юрьевич Захарьин. Никита. Анастасия + Иван IV Грозный. Филарет (1619—1633), патриарх. Михаил (1613—1645). Алексей. Федор (1676—1682). Софья. Иван V. Петр I Великий (1689—1725) + Екатерина I (1725—1727). Екатерина + Леопольд ф. Мекленбург. Алексей (от Евдокии Лопухиной). Анна + Карл Фридрих ф. Гольштейн Готторпский. Анна (1730—1740). Петр II (1727—1730). Петр III + Екатерина. Анна и Антон ф. Брауншвейский. Иван VI (1740—1741). Павел I (1796—1801). Александр I. Константин. Николай I и т. д. до Николая II.

дей промежуточного сословия» в противовес «верховникам» и потребовал изменения статуса аристократии — глава православной церкви становился выразителем интересов абсолютистов и орудием лютеран. Между русскими и немецкими магнатами пробежала кошка, и тогда самодержавие было восстановлено в своей мощи посредством насильственных мер Бирона и его конфедератов. Пример Швеции имел огромное влияние на Санкт-Петербург, а в 1726 году шведская олигархия торжествовала.

Самодержавие было сохранено. Хотя новая династия Романовых угадала по мужской линии, иностранные суверены, ныне взошедшие на трон, обладали неограниченной властью. Женщины скандально легкого поведения могли беспрепятственно править, а те из тиранов, кто был умственно неполноценным, были усмирены по-азиатски, путем семейных заговоров и дворцовых переворотов.

Пример, поданный Петром в случае с его сыном Алексеем, нашел своих последователей. Иван VI был заключен в Шлиссельбург и впоследствии убит, несмотря на то, что был слабоумным. Не лучше была участь Петра III, столь же умственно неполноценного, смещенного с трона его супругой Екатериной II и умершего четырьмя днями позже — официальной причиной смерти было названо кровоизлияние вследствие несварения кишок и помутнения разума. Аналогичная судьба ожидала сына Екатерины Павла I, также потерявшего рассудок. Террорист — убийца Александра I имел перед собой целую серию ярких уроков. В XVII веке даже такие люди, как Вольтер, считали деяния Екатерины «домашним делом».

Самодержавие было укреплено, но и аристократия смогла консолидировать свои силы; в правление Петра III обязательная государственная служба была отменена.

Европеизация России в направлении повышения цивилизованности и развития военно-политической сферы было продолжена последователями Петра. В царстве Анны русская армия впервые вступила в Европу, предприняв в 1734 году осаду Данцига. При Елизавете эти европейские кампании были продолжены в ходе семилетней войны, после чего Россия воевала против Франции. В правление Елизаветы Финляндия была оккупирована до реки Кимень (Кумпе) в 1743 году. Особое значение имела для России аннексия Польши (первый раздел в 1772, второй раздел в 1793 и третий раздел — в 1795 году).

К концу правления Екатерины население России насчитывало 36 млн. человек.

В вопросах цивилизации и установления дипломатических связей Россия вступила в тесное общение с соседними Пруссией и Австри-

ей, на развитие отношений с этими двумя главными державами ослабевшей Германской империи Россию подталкивала враждебность, с одной стороны, к Швеции, а с другой, к Турции. В частности, Пруссия обладала для России особой притягательностью. Издавна Пруссию объединяли с Россией общие интересы в отношении Польши и Литвы. Политика Петра III «обезьянничавшего» в отношении Фридриха Великого была не более чем утрированным выражением нормальной тенденции, длящейся на протяжении веков, начиная с момента сближения этих двух стран в правление Екатерины II. Именно Пруссия вместе с другими, менее значительными королевскими родами германского Севера снабжала Россию императорами и императрицами после того, как род Романовых пресекался по мужской линии.

Во внутренних делах европеизации способствовали аннексии европейских территорий. Польша была европейской и католической страной, так что контрасты Европы и России были перенесены внутрь самой России, стали одной из составляющих российского самодержавного правления. Это тоже явилось не более чем усилением существовавшей и ранее тенденции, ибо и до того балтийские лютеранские губернии давали России высших чиновников, военных и политиков, отмеченных европейской культурностью.

Влияние европейских территорий крайне сильно сказывалось на общественных институтах и законах, особенно на законах относительно городского управления, касающихся купечества и т. д.

«Азиатизация» развивалась *pari passu*¹¹ с европеизацией. Вслед за покорением Сибири настало время тесных связей с Китаем, договор о торговле с этой страной был подписан в правление Петра III. В 1783 был занят Крым, движение к Черному морю подталкивало Россию к войнам и союзам с турками. Вскоре после этого начались и контакты с Персией. Само собой разумеется, обширные контакты с Азией, расширение азиатской части страны сказались на русской цивилизации. Азиатские влияния, подобные тем, что познала Москва в период татаро-монгольского нашествия, имели место также и в Санкт-Петербургский период развития.

§ 12

Екатерина II принимала активное участие в культурном развитии России, способствуя прогрессу науки и литературы. Она и сама являлась автором и действующим лицом схваток на литературном поприще. Екатерина попыталась улучшить систему об-

разования, уделяя особое внимание образованию женщин. Она даже назначила свою подругу княгиню Дашкову президентом академии, и назначение это оказалось успешным.

Будучи принцессой, уже в возрасте пятнадцати лет Екатерина читала Цицерона и Платона. У нее была дружба с Вольтером и Дидро; среди ее излюбленных литературно-философских произведений были работы Монтескье, этот «требник суверенов» («Будь я папой римским, я бы канонизировала его!»); знакома она была также и с работами Локка и других революционных мыслителей. «Свобода, ты душа всех вещей», — вот одно из многих ее изречений, при помощи которых она очаровывала своих подданных, равно как и своих европейских почитателей. Порой она не колебалась назвать себя саму республиканкой.

В правление Екатерины аристократия постоянно размышляла о конституции или о какой-либо форме сословного представительства. Уже в 1762 году граф Панин, посланник России в Швеции, представил план, основанный на шведской модели, который, однако, был практически проигнорирован. Позже, начиная с 1780 года, Панин разрабатывал новый проект, черновики для которых готовил Д. И. Фонвизин, его секретарь, и получал положительные отзывы о нем Павла и ряда ведущих представителей дворянства. В основе проекта лежала теория естественного права и общественного договора и содержались некоторые предпосылки освобождения крестьян. До поры до времени «фундаментальные законы» оставались в исключительной компетенции аристократии, которой надлежало объединить усилия для осуществления управления через обладающий законодательными полномочиями выборный сенат. Данное государственное устройство было нацелено на ограничение абсолютизма.

Публицистическая литература периода, предшествовавшего Французской революции, была полна идей о свободе и планов ее реализации; она свидетельствовала о знакомстве с положением в Европе и знанием политической литературы — и явно вдохновлялась отращением к отечественному деспотизму. Екатерина обладала острым умом и была достаточно дальновидна для того, чтобы признать, что для сохранения спокойствия в России, постоянно увеличивающейся новыми европейскими и азиатскими завоеваниями, необходимы были реформы в сфере управления. Дабы однородным образом произвести регулирование всей державы, в 1767 году отовсюду, включая Сибирь, была созвана знаменитая «комиссия депутатов». Депутаты, общим числом в пятьсот шестьдесят четыре человека, провели двести заседаний и сделали много хорошего, хотя не обошлось и без курьезов. В «Книге наставлений», которую императрица составила для

комиссии из работ Монтескье, Беккариа и других, говорится, что «Россия является европейским государством». В 1768 году в работе Комиссии был назначен перерыв, после чего она больше не собиралась, несмотря на рекомендацию Дидро. В действительности Екатерина не могла смириться с существованием даже консультативного парламента, пусть даже члены его избирались исключительно из числа аристократии.

В 1768 году Десницкий, московский профессор, посещавший в свое время лекции Адама Смита, представил на рассмотрение императрицы план реорганизации сената, предусматривающий преобразование его в Десницкий орган, обладающий консультативными полномочиями и правом участия в законотворчестве. Этому преобразованию должна была сопутствовать реформа всей системы управления. Мысли о такого рода реформе сената занимали императрицу на протяжении многих лет, она изучала английскую конституцию, читала Блэкстоуна и других английских авторов, но план так и остался неосуществленным. Аналогичным образом в пользу английской конституции высказывался историк Шербаков.

Для умиротворения аристократии императрица даровала ей Хартию 1785 года. В ней аристократия как класс получала значительную независимость (право созывать дворянские собрания, право избирать маршалов и т. п.); аристократы были освобождены от государственной службы и от налогообложения; были отменены телесные наказания; крестьянин был поставлен в подчинение исключительно своего хозяина. Так просвещенный деспотизм заручался поддержкой знати за счет крестьянства.

Восстание Пугачева (1772—1775) показало, что крестьянство страдало от своего угнетенного положения. Крестьяне были не единственным классом, выражавшим недовольство. Подавивший восстание генерал Бибииков сказал, что главная беда была не в Пугачеве, а в том, что недовольство широко распространялось по России*. Да и сама императрица была не в ладах с собственной совестью. В 1765 году по ее инициативе было основано «свободное экономическое общество», которое, действуя в полном взаимопонимании с императрицей, сразу же взялось за изучения вопроса об освобождении крестьян, пуб-

* Социальную значимость восстания трудно переоценить. Сначала оно было направлено против чиновничества; в ходе мятежа было убито 1572 помещика. В руководстве его участвовали казаки, и уместно вспомнить, что южное казачество уже восставало против Петра. Во время проведения кампании под Хмельницким казаки символизировали свою программу тремя виселицами, на которых были вздернуты дворянин, еврей и собака. Казачье гетманство было отменено Екатериной в 1764 году.

ликовало на эту тему эссе, выдвигавшиеся на соискание премий, и т. д.

Вместе с тем императрица не забывала регулировать систему управления. Россия подразделялась на пятьдесят административных областей; была улучшена политико-правовая организация; городам дарованы были хартии, предоставлявшие им определенную административно-правовую автономию.

Развитию торговли и промышленности был дан могучий импульс.

Как и другие просвещенные абсолютисты Европы, Екатерина была последовательным прагматиком. В 1764 году, когда подступила нужда, было конфисковано церковное имущество*, хотя отныне и на все времена права церкви, церковная иерархия были сохранены. Раскольники, с которыми при Петре II, Анне и Елизавете обращались так же, как и при Петре Великом, теперь встречали более мягкое обхождение, несмотря на их участие в пугачевском восстании, ибо не следовало провоцировать их на повторение содеянного. Еретики были допущены в общественную жизнь.

В Европе Екатерина встречала восторженное к себе отношение. Вольтер написал панегирик истории Петра и представил Екатерину «благодетельницей рода человеческого» и «святой», сравнив ее даже с богородицей. Этот льстец дошел до того, что заявил будто ее самодержавие являет *nes plus ultra*¹² искусства государственного деятеля. Гердер, которому представилась возможность познакомиться в Риге с императрицей и Россией, был полон восторга по поводу екатерининских реформ. Мне вспоминается энтузиазм его по поводу великой цивилизующей задачи России, которому он дал свободу выражения в своем путевом дневнике, писанном во время путешествия из Риги в Европу в 1769 году. Он с нетерпением ждал омоложения севодласой европейской цивилизации. России предстояло стать культурным лидером и осчастливить Европу вторым ренессансом. Украине отводилась роль новой Греции. Гердер не был ни в коей мере слеп к ошибкам и порокам русских, но он считал их одухотворенными чувством добра, ярким свидетельством которого являлась их способность к подражанию. Петр Великий и Екатерина II являлись для него идеальными фигурами; им было предначертано превратить русских варваров в нацию небывалого величия — конечно, в соответствии с предписаниями в книгах по политическому просвещению, которые Гердер намеревался написать с целью завоевать благосклонность императрицы.

* Иначе говоря, крестьяне, мужчины и женщины, общим числом около 2 млн. человек были переведены в государственное владение, чем была смягчена их участь.

Подобная и еще более грубая лесть была обычной для той эпохи; но Екатерина была способна очень ловко воспользоваться восхвалениями и рада была платить за такую рекламу*.

§ 13

Реформы Петра имели главным образом практический характер, но поскольку практика должна основываться на теории, практические задачи вызвали к жизни потребность в теоретическом обосновании. Недостаточно было внедрять в Россию отдельных европейцев и посылать русских учиться за границу, в Европу; важно было у себя дома обеспечить школьное образование и другие средства культурного развития. План учреждения академии зародился впервые у Петра, и в 1726 году, вскоре после его смерти, он был претворен в жизнь его вдовой. Ливонская крестьянская девушка, не умевшая ни читать, ни писать, стала преданным покровителем нового заведения. Первоначальные цели академии имели практический характер, ибо при ней находилась типография и другие мастерские, но она все более склонялась к теоретической деятельности. Первый университет (1747), несколько примитивный, был ответвлением академии; первая академическая гимназия была основана уже в 1726 году. Московский университет появился на свет в 1755 году**. Первыми студентами и профессорами в университетах и гимназиях были немцы.

Но столичные учебные заведения были не единственными очагами культуры. Общество также способствовало ее распространению — и не только в столице, ибо во второй половине XVIII века быстро развивалось культурное общество в провинции, что имело первостепенную важность для русской цивилизации того времени.

В соответствии с аристократическим характером России XVIII века образовательная деятельность также носила аристократический характер. Открывались высшие и средние учебные заведения. Об общеобразовательных начальных школах почти не приходилось го-

* Точка зрения некоторых русских историков, согласно которой современная история России начинается с Екатерины, на мой взгляд, ошибочна.

** На юридическом факультете Московского университета для чтения лекций по всем предметам сначала был лишь один профессор, впоследствии стало трое. Число же студентов в некоторых случаях доходило до одного. Следует заметить, что в первый университет из Германии привлекались не только преподаватели, но и студенты, ибо русские вначале его сторонились.

ворить, хотя Петр намеревался развить свою реформу и в этом направлении*.

Подобно своему суверену, русские энергично способствовали распространению западной культуры, и после смерти Петра ряд выдающихся деятелей продолжил его работу. Московская академия дала Ломоносова и Кантемира, причем первого называли Петром русской литературы. Естествознание, техника и история заняли ведущее место в первоначальных исследованиях; что же до политико-правового просвещения, то оно в готовом виде импортировалось из Германии.

Петр главным образом поощрял голландские и немецкие влияния, из того же источника черпал вдохновение и Ломоносов. Но уже в правление Елизаветы двор и аристократия, благодаря тому, что Франция заняла ведущее положение в культурной и политической сферах, восприняли французский дух; простолюдины оказались полностью изолированы от высшей цивилизации. Распространение французского языка было настолько повальным, что вплоть до первой половины XIX века многие русские говорили по-французски лучше, чем по-русски, а некоторые вовсе не знали русского языка. Пушкин, например, получил образование на французском языке и первоначально писал по-французски. То же можно сказать и о Лермонтове. И в ранних работах Толстого мы также находим галлицизмы. Немало писателей пользовались французским языком наряду с русским, как, например, Герцен.

Это преобладание французских влияний, наряду с русской аристократией, получило распространение в среде польской и других европейских аристократий. В этот же период Фридрих Великий имел в Берлине собственную французскую академию и сам писал на языке Вольтера. При венском дворе было заведено переводить немецких поэтов на французский язык.

Влияние французского языка в основном распространялось на социально-политическую сферу и прежде всего на дипломатию. Немецкий же был языком культуры. На нем не говорили, но немецких авторов тщательно изучали в оригинале.

Отдавая должное воздействию этих двух европейских языков, мы не можем не принять во внимание личное влияние оказавшихся в России французов и немцев. Следствием завоевания балтийских областей было появление в управленческих сферах немецких баронов, а позже — шведов, финнов и поляков. Из Франции приезжали

* В 1724 году существовало 110 начальных светских и 46 церковно-приходских школ, из которых в течение XVIII века образовывались духовные семинарии.

те, в ком нуждался двор и аристократия — врачи, актеры, учителя языка, учителя танцев и пр. Во время революции в Россию прибыли некоторые из политических эмигрантов. Из Германии «выписывали в основном профессоров, репетиторов, мастеровых и купцов. Так, разными путями на протяжении XVIII века Россия — Россия чиновная, играющая решающую роль социальной жизни — европеизировала свою речь. Европа, а вместе с ней офранцузившиеся двор и аристократия России отделились от русского крестьянства и духовенства и стали их противоположностями. Влияние же немцев было преобладающим в академиях и школах.

Благодаря галломании предреволюционная и революционная французская литература прочно прописалась в гостиных и кабинетах (последних, правда, было не так уж много). Вольтер, Руссо, Монтескье, Дидро, Гольбах, Морелли, Мабли и другие в Санкт-Петербурге были не менее читаемы, чем во Франции, и политические умонастроения Санкт-Петербурга были почти идентичны настроениям Парижа. Не будем забывать, что во Франции революцию начали аристократия и средние классы, и только когда она набрала силу, в действие вступили сельское население и крестьянство. В России развитие шло схожим путем. Аристократия восприняла французскую и немецкую философию просвещения. Народный бунт был следствием нищеты и бедствий (Пугачев), но жизнь и общее мировоззрение простых людей делали их враждебными к апостолам просвещения. Такое же положение существовало и во Франции, таким же оно остается повсеместно и поныне — прежде всего в той же России.

Охватывая мысленным взором всю историю цивилизации, мы сосредоточили наше внимание на великом движении восемнадцатого века, на стремлении к возрождению, охватившем все европейские нации, попытках, девизом которых были просвещение и гуманизм. Это движение, будучи естественным продолжением гуманистического ренессанса и религиозной реформации, проникло также и в Россию, и именно в правление Екатерины II произошла натурализация на российской земле французского и немецкого просвещения.

Для петровской новой России особое значение имело франкмасонство как организатор европейской цивилизации и истовый пропагандист гуманитарных идеалов. Начиная с 1731 года в Санкт-Петербурге стали появляться масонские ложи, позже появились они также в Москве и на периферии. В 1747 году на них впервые обратил внимание государственный полицейский департамент, но отношение к ним было терпимым и даже благожелательным, а сходки их происходили без всякой тайны. Главным франкмасоном был Новиков, и

по его «Лексикону русских авторов» мы можем изучать историю русского просвещения*.

Франкмасонство и франкмасоны, в особенности Новиков, были необычайно важны для развития российской цивилизации. Идеи просвещения сознательно и непрестанно пропагандировались в ложах. Участие в церковной службе было естественным для русских, а для тех из них, кого изучение Вольтера и других французских философов духовно отдалило от церкви, масонские ритуалы стали желанной заменой богослужений. Следует помнить, что русские франкмасоны не были вольнодумцами в истинном смысле этого слова ни в религии, ни в философии. Скорее, вольтерьянство вызывало в них ужас, а их политические взгляды были консервативными. Лопухин, в особенности, был не просто враждебно настроен по отношению к революции, но выступал против Франции и французской культуры вообще, приветствуя сохранение крепостного права**.

Масонские ложи повлияли на русскую жизнь и в другом смысле, а именно в том, что подготовили почву для появления тайных политических обществ. Эти последние на первых порах обладали несомненным сходством с ложами; среди декабристов было немало бывших членов лож и сыновей франкмасонов.

Развитие идеалов просвещения и гуманизма, пропагандируемых не только франкмасонами, но и всей философией и литературой XVIII века, в России неизбежно должно было привести к превращению вопроса о существовании крепостного права в центральную тему всей теоретической и практической мысли. Восстание Пугачева не могло пройти незамеченным. Екатерина сказала, что лучше было бы даровать свободу крепостным, чем предоставить им возможность добиваться свободы силой.

В России, так же как и на Западе, помимо гуманитарных, существовали и практические основания для освобождения крестьянства. Россия нуждалась в более интенсивном сельском хозяйстве. Требовалось все больше и больше средств на обеспечение растущих национальных расходов и на обслуживание утонченных вкусов франкманов из числа аристократии. Таким образом, крестьяне должны были

* В 1792 году Новиков был арестован, и масонские ложи оказались под угрозой. Император Павел освободил Новикова, в качестве наследного принца он имел с ним личные отношения, и, возможно, Екатерина косо поглядывала на это, но орден не был допущен. Терпимое отношение к масонству было восстановлено Александром I в 1805 году.

** Екатерина послала Новикова на допрос к московскому архиепископу, который в своем отчете об этом императрице заметил, что он молится за то, чтобы у русской церкви и в мире вообще было бы поболее таких христиан.

быть освобождены из фискальных соображений; им следовало дать надлежащее образование, чтобы их труд стал более производительным. Европа служила здесь примером для России. В Австрии крепостное право было отменено в королевских владениях в правление Марии Терезии и Иосифа II; к такой же реформе стремился и Фридрих Великий в Пруссии, правда, безрезультатно; во Франции крепостные получили волю в 1789 году (работа же в этом направлении практически началась в 1779 году) весьма радикальным способом — землевладельцы были лишены своего имущества без всякой компенсации.

Типичным представителем передовой русской мысли времен Французской революции был Радищев. Образование его было по преимуществу немецким, ибо с 1766 по 1771 год он учился в Лейпцигском университете, но свои политические идеалы он почерпнул у французских мыслителей, Учителями его, помимо Гердера и Лейбница, были Руссо, Мабли, Рейналь, энциклопедисты и Вольтер. Форму своей наиболее примечательной работы «Путешествие из Петербурга в Москву» он позаимствовал у Стерна. Содержание же ее глубоко русское, это прекрасное реалистическое описание людей и вещей в сочетании с восторженной пропагандой французских идеалов свободы. Книга была опубликована в 1790 году. Екатерина сразу же привлекла автора к суду и приговорила к смерти — та самая Екатерина, чья «Книга наставлений» была в 1796 году запрещена во Франции Людовиком XV. Приговор Радищеву был смягчен, заменен ссылкой, так что он оставался в Сибири до восхождения на трон Петра I.

Несомненно, «Путешествие» было смелой работой, кроме того, оно показывало, что выразитель подобного кредо является высоко культурным человеком, чьи мысли и чувства вобрали в себя все, что было значительного в событиях XVIII века. В блестящей оде «Гигант» Радищев риторически обращается к восемнадцатому столетию, кровавому, сумасшедшему и вместе с тем мудрому. Исходя в своих рассуждениях из естественных законов, он доказывает наличие мудрости в крови и безумии, доказывает правоту революции. Екатерина под горячую руку оценила Радищева как более опасного бунтовщика, чем сам Пугачев, ибо первый не только стремился к отмене крепостного права (он писал: «Крестьянин мертв для закона»), но и требовал представительской конституции и далеко идущих свобод (свободы печати и т. п.).

В Сибири Радищев, просвещенный оппонент мистицизма, написал эссе о бессмертии, утверждая, в противовес Гельвецию, Гольбаху и Ламетри, возможность и вероятность бессмертия.

При Александре I Радищев вновь получил должность, но в 1802 году, будучи всего лишь пятидесяти трех лет от роду, он в результате нервного срыва совершил самоубийство, отравившись.

Близок к Радищеву был Пнин, поэт и прозаик, — самый страстный и заметный противник крепостничества в тот период. Если Радищев, вслед за Руссо, рассматривает рабство как в сущности разновидность кражи, то Пнин, ученик французской конституции, обращает основное внимание на положительные стороны частной собственности, желая, чтобы русский крестьянин стал собственником. Он блестяще показывает, что освобождение крестьянства является логическим следствием вообще одобряемого просвещения.

Лидером социал-реакционеров был поэт Сумароков. В 1766 году императрица анонимно, через посредство Свободного экономического общества отметила наградой эссе, посвященное рассмотрению вопроса о том, что было бы более выгодным для общества — чтобы крестьяне являлись владельцами земли или чтобы они не владели ничем, кроме личной собственности, и насколько в каждом рассмотренном случае должны быть расширены их права. Сумароков ответил страстнымopusом того содержания, что — вне сомнений — земля должна быть исключительной собственностью знати. «Канарейка предпочла бы жить вне клетки, а собака предпочла бы обходиться без цепи. Но птичка улетит, а собака укусит. Таким образом, крестьянину одно, а благородному человеку — иное».

Политические идеалы конституционализма или, по крайней мере, ограничение абсолютизма преобладали в обществе, так что даже лезть в адрес хорошего самодержца, коварная в своем раболепстве, выдержанная в стиле «Путешествия Телемака» Фенелона (впервые переведенного в 1747 году), играла на руку критики и свободолюбивых устремлений, ибо восхваление идеалов и добродетелей самодержавия подталкивало к опровержениям. Среди многочисленных подражателей Фенелона следует выделить романиста Хераскова. Пока Екатерина не демонстрировала склонности подавлять свободу, этот писатель был выразителем либерального настроения; но когда последовала ее реакция на Французскую революцию, Херасков тоже превратился в оппонента республики и французской философии.

Кондорсе говорит нам, что девизом Вольтера было «Разум и терпимость». Дух Вольтера, дух энциклопедистов и философов просвещения вообще был направлен в России, как и в Европе, против церкви и церковничества. Многие из переводов Вольтера были опубликованы в десятилетие с 1760 по 1770 гг. Между 1769 и 1798 годами вышло четыре издания «Кандида». В Санкт-Петербурге, Москве и провинциальных городах работы этого автора не просто были читаемы, но буквально заглатывались с жадностью. Критика им суеверий, засилья священников, монашества, морального разложения чиновников и политиков возбуждала русские умы. Русские имитаторы

Вольтера и французов главную силу своих обличений обращали против церкви, священников и монахов; они отрицали веру в чудо и в основном придерживались естественной религии в духе деизма и свободомыслия*.

Русское просвещение не было исключительно рационалистическим. Как и на Западе, здесь имелись мощные мистические течения, направленные главным образом против вольтерьянства, но также и против официального церковничества. Эта тенденция преобладала среди масонства и в широких образовательных кругах. Помимо Вольтера и энциклопедистов, как мы уже видели на примере Радищева, многочисленных сторонников снискал себе Руссо с его религиозными идеями.

§ 14

Распространение европейской идеи свободы с неизбежностью должно было иметь не только хорошие, но и плохие последствия. Удручающая полуобразованность и нравственная распущенность вскоре стали всеобщими, так что возникли идеализированные представления о былом, более простом и грубом типе поведения. В подобных Радищеву замечательных личностях, обладающих незаурядным интеллектом и благородством души, не было недостатка; но основная масса аристократии была полуобразованной, а двор безнравственным, являя собой смесь безудержной похотливости, хамства и жестокости; и пример, подаваемый ими, был заразительным (см. Герцен «Трагедия борделя»)**. Комедии Фонвизина («Бри-

* В этой связи можно упомянуть Хераскова (ранние произведения), братьев Еминовых, Рахманина, Дмитриева-Мамонова, Чулкова, Попова, братьев Измайловых, Львова и Захарина (и, конечно, Радищева).

** Можно привести несколько фактов, относящихся к послепетровской эпохе. Назовем связь Анны с Бироном. Что же до Елизаветы, то она была, собственно говоря, незаконнорожденной и сама состояла в тайном браке с Разумовским. Екатерина I и Елизавета имели пристрастие к спиртному т. д. и т. д. Екатерина II, внук которой Николай I называл ее «коронованной шлюхой», с первых лет нахождения на троне собрала вокруг себя мужской гарем, составивший ее двор, что, естественно, повлекло за собой непомерные расходы. В 1762—1783 гг. семья Орловых получила от Екатерины «Великой» как называл ее принц де Линь, 17 млн. рублей и 45 тысяч «душ». Число этих проституток мужского рода было весьма значительным. Легко представить себе, какое моральное разложение сеяла вокруг себя Екатерина со своими любовниками. Достаточно привести некоторые цифры. За двадцать два месяца своего пребывания в роли фаворита лейтенант охраны Васильчиков получил 100 тыс. рублей наличными, ценных предметов на 50 тыс. рублей, дворец стоимостью в 100 000 руб. с обстановкой на сумму 50 000 руб., 7 тыс. душ и содержание в 20 тыс. рублей. За два года Потемкину достались 37 тыс. душ и подарки на сумму 9 млн. рублей. Заводскому

гадир», 1766; «Недоросль», 1782), его сатира, направленная против недоучек, вовсе не есть безмерное преувеличение пороков так называемого хорошего общества времен Екатерины.

Данные контрасты культуры неизбежно должны были сказаться на правлении. Елизавета, например, отменила смертную казнь, но ввела наказание кнутом. Наряду с Фонвизиним и политиками, противоположность старой и новой Россией, между крестьянством и знатью заметили публицисты и историки — это был разительный контраст, и он не мог остаться без внимания.

Первыми историками послепетровского периода были иностранцы, по большей части немцы. В целом это имело свои преимущества, ибо как европейцы они могли лучше подметить в развитии России иностранные заимствования. Конечно, их подход к данному предмету никак нельзя назвать беспристрастным; сопоставление ими России и Европы с позиций истории и философии XVIII века не имеет особой ценности. В качестве немецких патриотов они чрезмерно подчеркивали варварство старых славян и старых русских и восхваляли цивилизирующее воздействие талантов в области государственного строительства, коими обладали тевтонские варяги.

Публикация подобных немецких теорий породила в русских дух противоречия, и те стали настаивать на нравственных ценностях старорусской жизни и прежних институтов.

Князя Щербатова не волновал тот факт, что первыми русскими князьями были иностранцы, возможно, и немцы; но он был приверженцем старорусской простоты. Одно из его произведений было посвящено критике реформ Петра и его последователей. Его работа «О повреждении нравов в России» тем более достойна внимания, что ее автор был аристократом и консерватором, получившим тем не менее европейское образование и высказывающим сильную склонность к рационалистическому либерализму. Щербатов был одним из наиболее ярых сторонников представительского правления и ограничения абсолютизма. Он признавал, что со времен Петра русские

за 18 месяцев было выдано 9800 душ, 15 тыс. рублей наличными, ценных предметов на 80 тыс. рублей, мебели стоимостью 30 тыс. рублей и содержание в 10 тыс. рублей. Зорину, сербу, за один год было пожаловано поместье, оценивавшееся в 600 тыс. рублей, 500 тыс. рублей наличными, ценных предметов на 200 тыс. рублей и должность в Польше с жалованием 12 тыс. рублей. Корсакову, армейскому офицеру, за шестнадцать месяцев было подарено подарков на 150 тыс. рублей, 4 тыс. душ, 100 тыс. рублей на выплату долгов и 100 тыс. рублей на экипировку, а также он имел по 2 тыс. рублей в месяц на дорожные расходы и дворец. Ланскому было пожаловано нагрудных булавок с драгоценными камнями на 80 тыс. рублей и 30 тыс. рублей на погашение долгов.

достигли определенного социально-политического прогресса, но считал, что данный прогресс был достигнут ценой морального упадка. И он достаточно логично обвинял в последнем Екатерину и ее образ жизни, а также Петровские реформы. В противовес инновациям он превозносил идеал возвращения русских к морали допетровской старой России*.

Как критик Щербатов не был одинок. Его примечательный оппонент Болтин, историк и генерал, критикуя «Histoire de la Russie ancienne et moderne», выпущенную в 1783 году Леклерком, французским врачом, жившим в России, был первым, кто попытался дать логичное и подробное доказательство того, что все те пороки, которые иностранцы и, прежде всего, французы, отмечают в русских, существовали и среди самих этих иностранцев, да зачастую в более сугубом виде. Болтин сумел указать на нередкие проявления варварства в истории Европы. Убеждая соотечественников не гнаться за новым и иностранным, он настаивал на превосходстве допетровской морали и жизненного уклада. Он настаивал на сохранении самодержавия (а этот институт был совсем не чужд Европе тех времен!). По поводу гуманистического требования освобождения крестьян он не выражал никакого энтузиазма. Казалось, с него было достаточно, чтобы за землевладельцами была сохранена их власть — лишь бы она употреблялась во благо и была строго ограничена законом.

Оба этих автора, защищающих и превозносящих старую Русь, Щербатов и Болтин, были вольтерьянцами и являли собой поучительный пример поразительных контрастов между старой и новой Россией. Раскольники защищали старую Россию от Петра. В конце XVIII века в лагере либералов — друзей реформы противоположность старого и нового получила философское осмысление, причем предпочтение было отдано новому. Князья и генералы считали, что екатеринские нравы были слишком распущены, но они поддерживали реакционные тенденции в политике Екатерины.

* Для условий того периода, как, впрочем, и для современных отношений, характерно было, что не только книга Радищева была арестована в 1790 году, но и Щербатов не осмелился опубликовать свою работу. И та, и другая первоначально были изданы в Лондоне в 1858 году. «Путешествие» Радищева не могло распространяться русскими книготорговцами до 1905 года. Тагищев, радетель культуры и приверженец самодержавия, пережил аналогичные мытарства с произведением, написанным в 1733 году и озаглавленным «Разговор о пользе наук и училищ». Оно не издавалось до 1887 г.

Глава третья

**ТЕОКРАТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ
ПОСЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ЕЕ ПОРАЖЕНИЕ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ.
НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ФИЛОСОФСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(ЕКАТЕРИНА II—НИКОЛАЙ I)**

§ 15

В России, как и в Европе, за революцией (прежде всего — за якобинским террором) последовало заметное снижение стремления к просвещению и свободе. Реакция имела место не в одной только Франции, но также в Пруссии и Австрии, где Фридриха и Иосифа сменили Франц и Фридрих Вильгельм. Англия воспользовалась антифранцузским альянсом на континенте для утверждения своей консервативной политики.

В России аристократы и двор, получившие французское образование и говорившие на французском языке, заняли сторону реакционной аристократии Франции. Екатерина II на время запретила издание Вольтера на русском языке; масонские ложи были закрыты; Радищев был сослан в Сибирь. Император Павел I столь далеко зашел в развитии инициированного Екатериной реакционного движения, что отказался проявлять терпимость ко всему французскому, всему, что не несло на себе печати роялизма и бурбонов. Неофициальные типографии были закрыты; импорт иностранных книг запрещен; и в довершение всего в Москве в 1796 году была введена религиозная цензура, которой не существовало на протяжении всего XVIII века — впоследствии она была распространена на всю импе-

рию. Религиозная цензура осуществлялась в соответствии с «законом Божиим, Писанием, правилами государства, добронравием и литературой». Нетрудно представить, как осуществлялись эти принципы на практике. Использование слов *citoyen* и *société* было запрещено. Само собой разумеется, Россия стала участницей второй антифранцузской коалиции (1799). В 1789 и 1800 годах царь Павел издал декрет следующего содержания: «Высшая власть самодержца, ниспосланная ему Богом, распространяется и на церковь. Долг всех священников подчиняться приказаниям царя как назначенного Богом главы церкви и поступать так во всем, в делах как религиозных, так и гражданских».

Правда, Павел к тому времени был уже душевнобольным. Для защиты самого царя от дворцового переворота, революции, которую его собственный сын не попытался остановить, уже недостаточно было реакции, легитимизма и цензуры! Александр I, родившийся в 1777 году и правивший с 1801 по 1825 годы, был воспитан своей бабушкой Екатериной в духе принципов Руссо. Воспитателем великих князей Александра и Константина в 1782—1795 годах был республиканец Лагарп, впоследствии один из руководителей республики Гельвеции¹³. Образование, данное братьям, было характерным примером преобладающей при дворе полукультурности — оно было поверхностным и непоследовательным — ведь великие князья воспитывались не только Лагарпом, но и обществом, в котором они жили.

Будучи наследным принцем, этот ученик Лагарпа, гуманиста и философа-просветителя, пообещал себе осуществить радикальные реформы. Он был энтузиастом уничтожения крепостного права. В 1796 году в письме к другу Кочубею он писал: «Невероятный беспорядок царит в управлении; повсюду воруя; руководство всеми департаментами идет из рук вон плохо; о порядке, кажется, совсем позабыли, а империю ничто не заботит, она печется лишь об экспансии». В тот же год Александр признается князю Чарторийскому, что при всем неодобрении революционных эксцессов желает процветания французской республике. Став во главе управления страной, он дает публичную клятву блюсти либеральные традиции своей бабки, утверждая в качестве священной обязанности сохранение единого для всех закона и обещая править «в соответствии с законами и духом Екатерины».

Россия исполнилась радости и энтузиазма. Определенные шаги, предпринятые царем, и впрямь внушали надежду. Радищев был привлечен к законодательной работе. Император поддерживает издания переводов Адама Смита, Бентама, Монтескье и других подобных им авторов. Он становится поклонником Песталоцци и оказывает фи-

нансовую поддержку социалистическим экспериментам Роберта Оуэна. И тем не менее после некоторых колебаний (1801—1811) начинается реакция, хотя вплоть до 1820 года император продолжал время от времени высказывать либеральные взгляды, особенно перед иностранцами.

Именно при Александре I произошла реставрация во Франции и наступила реакция в других странах, и все это оказало на него более важное воздействие, чем уроки его воспитателя. Влияние таких людей, как Оуэн, Фурье, Сен-Симон, уступило место влиянию Берка, де Бональда и Генца. Де Местр посещал Петербург, и ему удалось оказать непосредственное влияние на Александра, Шатобриан увлекал петербургские салоны романтическим христианством. В правление Александра I широкое распространение в высшем свете получил религиозный мистицизм. Мистические писания Экартхаузена были известны Лопухину, и большинство из них было переведено. Также были переведены произведения Юнга-Штиллинга и ранних мистиков, таких как мадам де Гийон, Сведенборг, Таулер и пр. и пр. Главный интерес этих мистиков лежал в сфере духов, они демонстрировали полное понимание различных степеней оккультизма.

Типичным отражением духовного развития Александра явилась судьба Радищева. Он вернул Радищева из ссылки, но трагический конец этого выдающегося писателя и прекрасной души человека выглядит суровой критикой начинавшегося правления Александра I. Радищев отчаялся воплотить в жизнь свои идеалы.

Через десять дней после восшествия на престол Александр нашел на своем рабочем столе план установления конституционной монархии, принадлежащий перу Каразина. Фактически его проект был крайне неконституционным, ибо конституция должна была появиться на свет путем некоего конституционного заговора. Некоторое время Каразин был личным другом молодого царя, но вскоре впал в немилость. Та же участь постигла и конституционализм.

Можно сказать, что вопрос введения конституции в России оставался на повестке дня на протяжении всего правления Александра и его преемников. Пример Европы в этом смысле не мог не отозваться во всех русских остром чувством собственного угнетенного положения. И даже ужасы революции, усиленно расписываемые абсолютистами, не могли ослабить этого чувства. Как бы там ни было, но конституционные формы правления постепенно утверждались в других европейских странах, а в пользу тезиса о том, что конституционализм является профилактической мерой против революции, можно было всегда привести пример Англии.

В России, находившейся под властью Александра, английский пример, как и везде, пользовался заметным влиянием. Друг Александра Кочубей получил образование в Англии. Новосильцев, который играл в этой связи важную роль, непосредственно после того, как Александр пришел к власти, продолжительное время прожил в Лондоне; Сперанский был другом брата Бентама и был женат на англичанке. Много других представителей официальных кругов были поклонниками Англии. На заре своего правления Александр назначил неофициальный комитет для разработки основополагающей реформы всего государственного управления. Работа в комитете продолжалась два года, и царь лично принимал участие в ее решениях.

В 1804 году Александр поручил барону Розенкампу разработать конституцию для России, но уже в следующем году он учредил тайный кабинет для осуществления надзора за свободолобивыми устремлениями. В 1807 году этот кабинет получил статус постоянного института и просуществовал вплоть до 1829 года.

Более серьезно относился император к конституционным проектам Сперанского. Сперанский снова и снова, с неиссякающей энергией представлял на рассмотрение один за другим конституционные проекты в 1803, 1808, 1809 и 1813 годах. С 1806 по 1812 годы этот государственный деятель находился в тесных личных отношениях с царем. Особо одобрил Александр зрелое «Введение в национальный свод законов», написанное в 1809 году; но поклонник Наполеона, не имея твердости воли, не мог решиться привести в исполнение данный проект. В результате возобладали антиконституционные возражения историка Карамзина, изложенные им в 1811 году в обычной для того времени форме памятной записки («О древней и новой России в ее политических и гражданских отношениях»).

Сперанский был способным администратором и философски образованным публицистом. Его конституционные взгляды и проекты показывают, что он был в высшей степени практичным политиком, планы которого могли быть осуществлены в конкретных условиях эпохи. Он прошел путь от учителя математики в семинарии до самого могущественного советника Александра I. Его симпатии были на стороне просветительских идей XVIII века. Вольтер, Дидро, Монтескье и Руссо, а также Блэкстоун и английские конституционалисты, равно как и философ Локк, — весь прогрессивный XVIII век подготовил Сперанского. В российской среде он воспринял влияние Радищева и его школы.

Сперанский с самого начала поставил перед собой цель адаптировать применительно к русским условиям учения французских и английских мыслителей. Его требования ни в коем случае не были

радикальными, а наоборот умеренными, даже очень умеренными, далеко не революционными. Можно отметить постепенное развитие его идей. В первых проектах, изложенных в памятной записке 1802 года, влияние иностранцев более заметно, чем в позднейших работах: чувствуется невидимое присутствие Руссо, Монтескье и английских авторов. «Общая воля» Руссо становится у него волей аристократии. Аристократические привилегии передаются, на английский манер, только старшему сыну; младшие сыновья должны идти «в люди». Сперанский не рассматривал возможности полного освобождения крестьянства. Ничего подобного мы не найдем и в проекте 1809 года. Гражданские права надлежало предоставить домашней прислуге, поденщикам, рабочим и ремесленникам; политические же права составляли исключительную привилегию двух высших классов — аристократов и среднего класса, последний состоял из купцов, бюргеров, крестьян-однодворцев и прочих категорий собственников.

Наиболее характерной чертой предложений Сперанского, чертой к тому же наиболее важной для России, было предложение установить «истинную монархию», под ней он понимал конституционную монархию, которая заменила бы собой существующий деспотизм, и это изменение стало бы составной частью радикальной реформы всего государственного механизма. Изменения в правлении, произведенные Петром I, Екатериной II и другими правителями, нуждались, по мнению Сперанского, в объединении и органичном развитии; прежде всего, утверждал он, следовало четко определить и ограничить функции каждого ведомства. Главным принципом Сперанского было то, что политическая власть исходит от народа; однако под «народом» он понимал только высшие классы. Ответственность лежала не на монархе, но, подобно ответственным министрам и всем прочим гражданам государства, и он был связан основными законами общества. Сперанский с особой силой подчеркивал тезис об этих фундаментальных конституционных законах. Эти основополагающие законы, согласно с его естественно-правовыми воззрениями, представлялись ему подлинным оплотом конституции. Первостепенную роль играл также тот факт, что Сперанский предложил создать парламент, который был бы органично связан со всеми прочими автономными представительными учреждениями. Низшую ячейку конституционализма должна была представлять волостная община и ее выборный совет, волостная дума. Волостными думами должны были избираться выборные советы следующей ступени — окружные думы; окружные думы должны были выбирать думы губернские; эти же последние, наконец, должны были выбирать государственную думу. Государственная дума не должна была обладать законодательной властью, но лишь

она одна могла объявлять законы, роль же правительства состояла в том, чтобы издавать приказы. Брать на себя инициативу дума могла лишь в исключительных случаях — когда основной закон попирался правительством. Проект Сперанского предусматривал наличие лишь одной палаты. В функции государственного совета входило обсуждение положения дел в законодательных, судебных и исполнительных органах, а также рассмотрение их предложений; личные доклады государю должны были быть отменены.

Это лишь схематичное описание проекта Сперанского, но и его достаточно, чтобы понять, что этот проект был детально разработан и нацелен на то, чтобы незаметно положить конец абсолютистской деспотии. Александр одобрил представленный проект, но он так и не был воплощен в жизнь. Наоборот, царские советники обвинили Сперанского в тайных связях с иностранными посольствами и агентами и в прямой государственной измене. Хотя Александр и не верил этим обвинениям, тем не менее он не смог защитить Сперанского, и тот был сослан в Сибирь.

Время от времени в своих ранних работах Сперанский критиковал русский деспотизм, но гораздо более красноречивой критикой этого деспотизма звучали его требования реформы, ибо все это было нацелено на просвещение русского народа, дабы он стал достаточно компетентным для осуществления политических полномочий во всех сферах общественной деятельности. Он знал, что в действительности в России существовало только два класса — говоря его же словами, рабы царя и рабы помещиков. Хотя в его предложениях относительно законодательного организма (царь, государственный совет, дума) и его полномочий не было определенности, следует помнить, что полномочия волости были сформулированы очень точно и что кульминационным моментом всех его предложений явилось ограничение полномочий императора. К царю должны были поступать уже готовые результаты обсуждений; судебные органы предполагалось формировать на основе выборов; внешняя политика должна была находиться в компетенции исполнительной власти; аристократия должна была сохранять независимость от короны и т. д. Сперанский делал далеко идущее различие между государством и народом и был убежден, что если развитие государства либо не поспевает за уровнем политического развития народа, либо, наоборот, намного опережает его, то в обоих случаях с государством не все в порядке.

Конституция Сперанского является хорошо продуманной политической школой для народа.

В награду за это он, как и его предшественник Радищев, был отправлен в Сибирь. Через два года Сперанскому было позволено вер-

нуться, так что впоследствии он занимал различные посты на государственной службе. С 1819 по 1821 год он был генерал-губернатором Сибири. В правление Николая I ему была поручена кодификация законов. В течение этих последних лет мировоззрение Сперанского претерпело изменения, вследствие чего он сблизился со своими прежними оппонентами.

В противоположность всеобъемлющему плану Сперанского, Карамзин рекомендовал назначить пятьдесят добрых губернаторов.

Карамзин зашел так далеко, что стал утверждать, что царь вообще не имеет права ограничивать абсолютистские привилегии, унаследованные им от предков... В одном, однако, Сперанский был согласен с Карамзиным: он понял, как сильно институт крепостничества поддерживает абсолютизм.

Александр I даровал Польше конституцию, и поэтому в качестве конституционного монарха он имел постоянную причину для рассмотрения вопроса о конституционном правлении в России. Он носился с конституционными проектами для России и после 1815 года (в этом году было обнародована польская конституция). На открытии польского парламента в 1818 году царь произнес нечто вроде обещания ввести конституционное правление повсеместно в России, сказав: «Вы дали мне случай для объявления своему отечеству о том, что я готовил для него на протяжении стольких лет и чем ему предстоит воспользоваться ради собственного блага, как только достигнут достаточной зрелости предпосылки, необходимые для осуществления столь важной перемены». Эта речь пробудила в России высокие надежды, ибо русским не хотелось оставаться в менее привилегированном положении, чем поляки; а царь поручил Новосильцеву составить новый проект. Проект был рассмотрен и одобрен Александром (предположительно в 1821 году), но стал таким же мертворожденным, как и проект Сперанского, на который он был весьма похож. Императора в какой-то степени испугали сообщения о планах, которые либо составляли угрозу для его жизни (1817), либо имели целью его арест (1818).

Видимо, несмотря на пример европейских государств, большинство аристократии, как и царь, не верило в конституционализм. Типичным выразителем сомнений на этот счет был ранее упомянутый Карамзин. В докладе, направленном царю в 1816 году, и еще позднее, после речи Александра, произнесенной в Варшаве, он очень энергично противостоял введению конституционного правления. Он был убежден в том, что для великой державы необходим монарх, а не национальное собрание. «Наши цари, — писал он, — являются не представителями народа, а представителями Того, Кто управляет им-

периями». Так логическим путем Карамзин сформулировал теократическую доктрину цезарепапизма. В другом своем докладе он публично осудил конституционалистов как республиканцев и заявил о своем несогласии с теорией человеческих и гражданских прав. Не сдержав слово установить конституционализм, Александр I показал себя столь же слабым и реакционно настроенным и в вопросе освобождения крестьянства. В 1806 году он принял посвящение себе геттингенской диссертации Кайсарова, направленной против крепостничества — затрагивающей вопрос, который, благодаря писаниям Радищева, Пнина, Новикова, Поленова и других противников крепостного права становился все более актуальным. Конечно, царь мог апеллировать и к известным именам, занимавшим противоположную сторону — например, к Сумарокову, Щербатову и Болтину и др. К реформам Александра склоняли не только русские теоретики, но и пример Европы, а также собственных европейских территорий. В прибалтийских губерниях освобождение крестьян состоялось в 1816—1819 годах. Среди же российской аристократии неизменно находились горячие сторонники этой гуманной, практичной реформы. Известный писатель князь Вяземский, переведивший с французского на русский язык проект Новосильцева, задумал основать общество освобождения крестьян. В 1820 году он направил царю меморандум, в котором он и его друзья отстаивали, исходя из соображений справедливости и целесообразности, освобождение крестьян и дворовых крепостных. В 1818 году в пользу этой реформы высказался министр финансов Канкрин — но безрезультатно.

Выразителем противоположных взглядов был все тот же Карамзин. В вышеупомянутом обращении, наиболее определенно формулирующем его антиконституционализм, он также дал божественное и этическое обоснование крепостничества. Крупные земельные собственники, говорилось там, были «почти» так же необходимы для благосостояния селян, как необходим монарх для всех своих поданных. Помещик являлся официальным лицом от рождения, и крестьяне были доверены его заботам высшей властью. С точки зрения государственных отношений, помещик якобы был для крестьян «генерал-губернатором в миниатюре».

Он писал: «Русские помещики суть не что иное, как наместники своего великого государя, каждый в своем полученном по наследству владении». Карамзиным постоянно двигали добрые чувства. Его «генерал-губернатор в миниатюре» вполне сгодился бы на роль отца своих крепостных. Он стремился отыскать золотую середину между образом действий капиталистов с их девизом *ubi bene ibi patria*¹⁴ и отношением к крепостным как к рабам.

Итак, отметим, что царь является представителем Бога, а помещик — наместником царя. Помещик, таким образом, есть тоже один из представителей Бога, и, следовательно, автор этой аристократической доктрины совершенно логичен в защите крепостного права. На стороне Карамзина оказались люди, взгляды которых в иных отношениях отличались крайним либерализмом. Упомянем о Мордвинове, друге и ученике Сперанского, государственном деятеле и человеке высокой культуры, который, в бытность министром и чиновником различных департаментов, одно время оказывал значительное влияние на царя. Страстный приверженец Адама Смита, Мордвинов был в восторге от политических реформ английского образца. Однако в социальных вопросах он всегда оставался старорусским реакционером, желающим освободить своих крестьян только за большие деньги, да и то без прав на землю.

Официальный поэт Державин написал возвышенную оду «Бог», которую найдешь в любом учебнике, написанном для юношества России. В ней говорится, что в поэзии мы должны служить Богу, а в политике — крепостному праву.

Карамзин был выразителем взглядов закоснелого помещика-аристократа, человека, который ориентируется на европейское государственно-правовое учение феодализма. Его взгляды разделяли, в сущности, многие, не исключая и либералов, хотя последние и использовали иную аргументацию. Карамзин, например, утверждал, что крепостничество является природной необходимостью. «Освободить крепостных, — писал он как-то, — удастся не раньше, чем возможно будет сохранить и волков сытыми, и овец целыми». В своей памятной записке этот человек, восхвалявший русское самодержавие, взял на себя смелость утверждать, что долговечности государства держать людей в порабощении менее опасно, чем дать им свободу не вовремя. А если освобождение окажется необходимым, то осуществить его следует без раздела земель...

Мировоззрение Карамзина типично, он представляет целую школу. Смолоду он был восторженным почитателем Европы и ее прогрессивных идей, как явствует из его «Писем русского путешественника». Он был ярким поклонником Робеспьера и глубоко скорбел о его кончине. Но романтическая сентиментальность, которой он давал волю в своих поэтических работах, испарилась. Он отказался от идеалов платоновской республики. Когда же он приступил к написанию истории России, то Россию он понимал как государство, а государство как абсолютную монархию. Правда, он не дошел до отрицания ценности европейских влияний, но России Петра I все же предпочитал Московскую Русь, считая Ивана III более выдающейся личнос-

тью, нежели Петр. «Силу государства следует искать в силе чувства покорности, выражаемого народом», — такова была политическая доктрина ведущего историка российской эпохи реставрации.

Тем не менее, в начальные годы правления Александра были осуществлены некоторые реформы. Были смягчены телесные наказания и отменены пытки. Несколько позже (1817), в разгар церковной реакции, было покончено с вырыванием ноздрей*. На несколько лет была смягчена и цензура. Были основаны средняя и народная школы и открыты четыре университета (в Дерпте, Петербурге, Харькове и Казани). В 1803 году была несколько улучшена участь крестьян. Однако основной задачей реформ было совершенствование управления и армии с целью увеличения эффективности абсолютизма. В этой связи следует упомянуть об учреждении ряда министерств, в том числе министерства образования (официальное название которого было Министерство народного просвещения) в 1802 году; основание в 1810 году Государственного совета и формирование пограничных военных поселений.

Французская революция и Наполеон вовлекли эту великую державу, основу которой заложил Петр I, в сферу европейской политики. Европейская реакция смотрела на Александра I как на оплот монархизма, а разгром Наполеона в России укрепил веру Александра в абсолютизм**. Внимание к интересам Европы и к внешней политике, а также лавры, завоеванные русскими генералами на полях сражений в России и в Европе, отвлекли внимание Александра от внутренних неурядиц. Александр чувствовал себя как дома скорее в Европе, чем в России. Вновь и вновь своего рода беспокойство влекло его из Петербурга в Европу. Реакционная Европа и прежде всего Меттерних оказывали на Александра роковое влияние. Так, Александр I положил начало системе реакции, которая с неизбежностью вела к катастрофе.

В полном соответствии с реакционным духом эпохи реставрации Александр все больше оказывался во власти религиозного сентиментализма, и все нарастала его склонность к клерикализму. На первый

* Для женщин это наказание было отменено уже при Елизавете в 1757 г.

** При сравнительной оценке мощи отдельных государств нам следует обратиться к статистике народонаселения. В 1798 году, когда армии царя Павла под командованием Суворова проходили экипировку для европейской кампании, население европейской России насчитывало 38 млн. человек, а азиатской России — 5 млн. человек. В это же время население Франции составляло 26 млн. человек, Великобритании и Ирландии — 11 млн. человек, Пруссии — 6 млн. человек, Польши — 9 млн. человек, Австрии — 16, 5 млн. человек (а вместе с Нидерландами и Ломбардией — 19,5 млн.) и Турции — 23 млн. человек.

взгляд, этот факт вполне объясним распространением в Европе средневекового религиозного романтизма, но у Александра, помимо этого важного фактора, был и еще более сильный личный мотив. Царь всегда помнил о заговоре, закончившемся — с его молчаливого согласия — смертью отца. Нечистая совесть все больше толкала его на путь религиозной реакции. Ошибочно мнение, которое высказывалось уже при его жизни, будто он хотел обратиться в католичество. Однако верно то, что он надеялся получить у Папы римского отпущение грехов. Православный император третьего Рима жаждал получить прощение у католического первосвященника...

Молодая жена Александра I Елизавета Алексеевна имела смелость одобрить смерть Павла. Спустя три дня после убийства императрица писала: «Я, как сумасшедшая, приветствовала революцию, ибо имела лишь одно желание — чтобы наша несчастная Россия добилась счастья любой ценой». Можно себе представить, какова была обстановка при дворе в Петербурге, если для императрицы единственная надежда на вызволение своего супруга из тенет отцовского деспотизма состояла в политическом преступлении... Но Россия не получила ни освобождения, ни счастья. Преступление, совершенное в отношении отца, отдалило Александра от жены, и он умер, не имея законных наследников...

К Александру I имели доступ не только серьезные религиозно настроенные философы, писатели и политики, но и всевозможные религиозные фанатики. Он общался с сектантами и «зилотами»¹⁵ всех мастей, как протестантскими, так и католическими. Католический романтик Баадер связывал с Александром свои религиозные упования, ему были известны также Юнг-Штиллинг, квакеры и гернгутеры¹⁶. Четкие наброски плана Священного союза, главою которого он стал, сделала для него баронесса Крюденер*.

При дворе и в высшем свете в то время преобладал мистицизм в самых разнообразных формах. В этой среде имелись сторонники ирвингизма, выступавшие за духовное подражание Христу; другие были последователями Селиванова, принадлежавшего к секте скопцов

* Союз, в который лично вступили три монарха — России, Пруссии и Австрии, — определил свои цели пактом от 26 сентября 1815 года. В нем говорится, что эти три государя будут руководствоваться исключительно заповедями христианской религии, а именно, принципами справедливости, христианской любви и мира. Поскольку же в Священном писании говорится, что все люди братья, то монархи обязуются впредь вести себя, как братья, и считать своих подданных членами единой нации. «Монархи считают себя не более чем уполномоченными божественного провидения, коим дана привилегия править тремя ответвлениями единой семьи, и они не признают над собой никого кроме Господа Бога, животворящего слова Всемогущего».

(перед войной с Наполеоном Александр сам совершил паломничество к этому папе скопцов); имели своих сторонников также баронесса Крюденер, Татаринова и пр. С 1812 года процветало Библейское общество. Религиозный фанатизм культивировался и во многих масонских ложах. В этом движении участвовали видные церковники, например, Филарет; но официальные ревнители церкви быстро осознали грозящую им опасность. Особенно выделялся среди них архимандрит Фотий (Спасский), типичный религиозный фанатик, выступивший на борьбу со всеми этими романтиками.

Реакция суеверия все более и более открыто заявляла о себе. Время от времени на Александра нисходило осознание этого, но он вел себя так же пассивно, как и по отношению к прочим выходкам. Именно вследствие высказанной им «слабины», практическая работа по управлению государством перешла в руки таких людей, как военный министр Аракчеев, Бенкендорф, цензоры Магницкий и Рунич и пр., и пр.

С психологической точки зрения поучителен тот факт, что несмотря на отсутствие у Александра твердой воли, у него все же хватило сил для проведения в жизнь самых драконовских мер. Как отмечалось выше, он согласился на облегчение участи крестьян, но впоследствии учредил пресловутые военные поселения, при помощи которых пытался разрешить проблемы, с одной стороны, содержания большой армии с малыми затратами, а с другой — задачи наладить по-военному точное управление сельскохозяйственным производством. Неприязнь его к Сперанскому достигла такой остроты, что он был готов застрелить своего верного советника.

Характер этой реакционной поры можно проиллюстрировать тем фактом, что музейные экспонаты, демонстрирующие различные патологии, изымались Магницким из музеев и предавались земле на церковном кладбище. В 1821 году из Петербургского университета было уволено четыре либеральных профессора; студентов и даже учеников гимназий ссылали в Сибирь; были закрыты масонские ложи (ложи, закрытые в 1822 году, насчитывали 2 тысячи членов). Покровитель Священного союза, баронесса Крюденер и всех реакционных мистиков закончил тем, что попал под духовное влияние Фотия.

Фотий, необразованный выходец из крестьян, человек грубый и эгоистичный, стал повелителем двора; сильная воля фанатика и аскета возобладала над бесцельным романтизмом религиозных мечтателей. Под власть Фотия попал даже князь Голицын, обер-прокурор Синода, многолетний близкий друг Александра. Голицын, «postillon d'amour»¹⁷ Александра, человек, который впервые прочел Библию лишь после назначения на должность обер-прокурора, был отстра-

нен от должности; учрежденный в 1817 году и возглавленный Голицыным отдел Министерства образования по делам культа, был расформирован, а соответствующие обязанности переданы Синоду. «Над нами есть один единственный министр — Господь Иисус Христос», — писал Фотий одному из друзей. В действительности министром по делам религии был граф Аракчеев, этот двойник Фотия в миру — в то время как Фотий был духовным двойником Аракчеева. Аракчеев и Фотий в последние годы правления Александра были воплощением теократического цезарепапизма; они олицетворяли собой тот трон и тот алтарь, которые Фотий хотел защитить от революции. Он постоянно пророчествовал о пришествии антихриста. Окончательную победу революции в России и во всем мире он предсказывал как наступление «всеобщего разрушения» и назначил эти события на 1836 год, соответствовавший его вычислению апокалипсического числа. В этот год умер сам Фотий. Характерной чертой этого фанатика ортодоксальной веры было порицание им моральной неустойчивости Александра и одновременно сочувствие слабостям Аракчеева — ибо последний благосклонно относился к его жажде власти. Когда любовница Аракчеева была убита за свою жестокость, Фотий заказал панихиду по ней, хотя она была лютеранкой. Одним словом, всевышним над Фотием был отнюдь не Христос, а Аракчеев при дворе Александра — красноречивое доказательство того, что нравственность и фанатичная религиозность — два совершенно различных понятия.

§ 16

Жачатая Александром реакция вызвала к жизни оппозицию, выросшую в конечном счете в откровенно революционное движение. Традиции XVIII века и пример прогрессивной и демократической Европы породили в лучших и благороднейших душах стремление к переходу в оппозицию; слабость и колебания царя усиливали радикальное направление. Во Франции реакция не дерзнула предпринять попытку восстановления абсолютизма, удовлетвовавшись конституционной монархией. Пруссия реализовала настоятельную потребность в реформах (Штейн и фон Гарденберг), учредила городское самоуправление, освободила крестьянство и мелкое производство.

В ряде немецких и других государств были приняты сословные конституции. Норвегия получила довольно демократическую конституцию; Испания и Португалия покончили с абсолютизмом; была пересмотрена конституция Швейцарии. Только Австрия с Пруссией —

да еще Турция — продолжали упрямо цепляться за абсолютистские принципы в политике. Русские времен правления Александра не могли не заметить всех этих перемен, так что недовольство реакционным курсом неизбежно нарастало и становилось тем сильнее, чем более длительным был период вынашивания царем конституционных планов и раздачи публичных обещаний. Кроме того, Польше и Финляндии были дарованы конституции, что русские не могли не воспринять как оскорбление. Широкое хождение получили прогрессивная и оппозиционная философия, социально-политическая публицистика и литература. Непрестанно находили своих читателей произведения Константа и Бенета, Дестюта де Траси («Комментарии к Монтескье»), самого Монтескье, а также философов XVIII века. В эти годы стали доступны работы, разъясняющие английскую и американскую конституции, и, само собой разумеется, многие русские были непосредственно знакомы с европейскими странами и действовавшими там институтами. Дух оппозиции подпитывался, помимо европейской литературы, как мы видели, и русской литературой XVIII века, и особенно новейшей отечественной литературой — ранними произведениями Пушкина и комедией Грибоедова (распространяемой в списках). Произведения Герреса, де Бональда и прочих политиков и социологов эпохи реставрации и реакции тоже были известны в России, но, как нетрудно понять, служили скорее усилению духа оппозиционности.

Реакции повсеместно пытались противостоять прогрессивные партии, работавшие на новую революцию. После великой революции Франция оставалась классической страной и образцом революции. К движению французов присоединились «Молодая Италия», «Молодая Германия», «Молодая Европа», а впоследствии и «Молодая Россия». Глубокое впечатление произвело на Россию восстание в Греции. Интерес к нему отчасти подогревался тем, что эту страну воспел Байрон, отчасти же это было следствием церковной общности. Однако Меттерних преуспел в том, чтобы заставить Россию воздержаться от какого-либо официального выражения сочувствия к восставшим. Меньший резонанс имело восстание сербов.

Знание о тайных политических обществах русские почерпнули также из Европы. Своеобразной репетицией таких обществ стали масонские ложи; некоторые из наиболее известных руководителей тайных политических обществ сами были масонами. Первое тайное политическое общество было учреждено в конце 1816 года (возможно, в начале 1817). Первоначально известное, как «Союз спасения» или как «Общество истинных и верных сынов отечества», оно было переименовано в 1818 году в «Союз благоденствия». В своей организа-

ции оно повторяло модель «Тугенбунда». Некоторые из декабристов были тесно знакомы с этим немецким обществом: другие были знаатоками тайных союзов карбонариев и орденов иллюминатов. Царю было известно о существовании тайных обществ, он был знаком с их правилами, но ограничился наложением запрета на их деятельность и усилением полицейского надзора. Угрызения совести не позволяли ему последовать энергичным советам Бенкендорфа и других приближенных. После роспуска «Союза благоденствия» в 1821 году было учреждено новое общество, состоявшее из северной и южной секций. В 1825 году возникло тайное общество «Объединенные славяне», ставившее перед собой цель освобождения славян и слияние их в единую федерацию; эта организация примкнула к южной секции. Тесные связи сложились также с польской тайной организацией, известной как «Патриотическое национальное общество». В это же время в различных городах существовали небольшие общества, цели которых были скорее литературными, нежели политическими.

Все эти тайные общества состояли из аристократов, выходцев из знатных семей. Большинство из них были военными офицерами, главным образом, гвардейцами. В силу необходимости армия и флот были более европеизированными и прогрессивными организациями. Офицеры принадлежали к наиболее высокообразованной части населения, особенно в области естествознания; тем скорее они должны были вступить в конфликт с реакцией. К тому же многие из них во время наполеоновской кампании лично познакомились с Европой и ее достижениями во всех сферах жизни и выстояли перед врагом. Первое тайное общество появилось на свет тогда, когда офицеры вернулись в Россию, проведя полтора года в Европе.

В начале цели всех этих обществ были довольно неясными, представляя собой смешение гуманитарной филантропии, философии просвещения и литературы с планами достижения социально-политической свободы. Постепенно планы становились более определенными — они все больше склонялись в сторону убийства тирана и вооруженного восстания. Наконец, в декабре 1825 года разразилось восстание декабристов. Это была первая попытка осуществления в новой России массовой революции — правда, поначалу это была революция аристократическая. Борьба с Наполеоном укрепила чувство силы, независимости, что и вылилось в восстание, последовавшее в конце правления Александра.

Социально-политические идеалы декабристов еще не вполне изучены, ибо только в самое последнее время стали публиковаться их сочинения и мемуары; их судебный процесс был заново рассмотрен в литературе, и были написаны их биографии. Декабристы были ари-

стократами, людьми, которым было не так просто преодолеть предрассудки и привычки собственной касты. Большинство из них, несомненно, было нацелено на введение конституции, в духе западных сословных конституций, потому что они выступали за то, чтобы при выборе представителей существовал ценз; представителей следовало выбирать из числа знати и буржуа. Некоторые не ставили цель освобождения крестьянства, в то время как другие если и желали освобождения, то не предусматривали закрепления за крестьянами земли. Вообще большинство декабристов выступало за политические реформы, но не высказывало никакого энтузиазма по поводу реформ социальных.

Введению конституционного правления должны были естественно сопутствовать соответствующие административные реформы — и прежде всего реформа юстиции и судопроизводства (публичность, суд присяжных, назначение официальных представителей защиты и т. д.), ограничение цензуры и реформа военного управления (все декабристы были против военных поселений; двадцатипятилетний срок службы должен был быть сокращен; телесные наказания лишь смягчены, но не отменены вовсе).

Насколько мы можем судить, большинство политических трудов декабристов не было закончено и представляло собой не более чем наброски, намечавшие темы дискуссий для их собраний. Смерть Александра и последовавшее своеобразное междуцарствие спровоцировало выступление 14 декабря 1825 года; этим выступлением и его последствиями была прервана литературная разработка их идей. Когда материалы, основу которых составляют показания на суде и работы, написанные декабристами позднее в тюремном заключении и в ссылке в Сибири, будут достаточно хорошо изучены, представится возможность соединить различные фрагменты мировоззрения декабристов в органическое целое.

В нашем распоряжении находятся некоторые из принадлежавших декабристам проектов конституции. Так, Николай Новиков, племянник упоминавшегося франкмасона, написал проект республиканской конституции — правда, лишь в общих чертах. Более законченный вид имеет работа Никиты Муравьева (в рядах декабристов было не менее семи Муравьевых), существующая в двух различных редакциях. Это особо важная работа, так как она была известна многим декабристам, являясь предметом жарких дискуссий. Конституция Муравьева также носит, собственно, республиканский характер — по крайней мере, роль монарха сводится в ней к роли президента республики. В случае, если со стороны царя не последует одобрения этого плана, он и его семья должны быть свергнуты и провозглашена республика.

За основу своего проекта Муравьев взял конституцию Соединенных Штатов. Россию предстояло разделить на тринадцать штатов (ибо таково было первоначальное число американских штатов) и на две территории; их следовало объединить между собой в федерацию для образования государства, названного Славяно-русской империей; едиными для всех штатов должны были быть лишь четыре министерства — иностранных дел, армии, военно-морского флота и финансов. Столицей должна быть Москва. Имущественный ценз избирателя должен быть очень высоким: фактически, по конституции Муравьева, каждый избиратель должен быть Крезом. Крепостное право подлежало отмене, но освобожденному крестьянству не предполагалось дать никаких земельных наделов, так что подавляющее большинство населения оказалось бы лишенным избирательного права.

Главным интеллектуалом среди декабристов, равно как и человеком высочайшей политической культуры, был Пестель, а предлагаемая им программа была наиболее прогрессивной и демократичной. Сила личности Пестеля и влияние, которым он пользовался в рядах оппозиции, получили признание правительства в виде вынесения ему смертного приговора — при том, что Пестель не принадлежал ни к числу руководителей, ни к числу непосредственных подготовителей восстания.

Будучи немцем по происхождению, Пестель получил образование в Дрездене и сделал впоследствии прекрасную военную карьеру, не только свидетельствующую о его храбрости (он был ранен под Вильной), но и демонстрирующую его энергичность и способности военного организатора. Пестель был одним из создателей «Союза благоденствия», а впоследствии — душой Южного общества. Свои взгляды он изложил в обстоятельном труде «Русская правда» (данный заголовок совпадает с названием старинного свода законов) и в различных второстепенных сочинениях. Его главный труд, который остался незавершенным, предназначался в качестве руководства временному правительству в период перестройки государства. Примечательной чертой декабристского политического кругозора является то, что эта перестройка должна была, по мнению Пестеля, занять десять лет...

В противовес преобладавшему тогда реакционному взгляду на революцию, Пестель на примере изучения реставрации Бурбонов доказал, что революция была полезной и необходимой, поскольку восстановленная монархия оставила нетронутыми созданные революцией институты. В то же время, отмечал Пестель, в государствах, не знавших революции, сохранялись старые пороки. Само существование русского самодержавия превратило его в убежденного револю-

ционер и республиканца. Дальнейшее изучение и анализ политического развития привели Пестеля к мнению, что конституционализм является полумерой, маской абсолютизма. Открытое самодержавие было для него предпочтительней парламентаризма, ибо абсолютизм с его открытым применением силы, вызывая ответную реакцию, ведет тем самым к ускорению и радикализации реформ, в то время как при конституционном парламентаризме пороки устранялись медленнее. Отсюда мнение Пестеля, согласно которому конституционная монархия будет делом временным, так что на повестке дня стоит не конституционализация, а демократизация государства. «Движущей силой нашего времени следует считать борьбу масс населения с аристократией всех видов, будь то аристократия крови или аристократия денег». В силу этого Пестель страстно выступал за освобождение крестьянства, стремясь уничтожить аристократию, эту стену, разделяющую царя и народ. Он с сочувствием относился к социалистическому учению, и Герцен называет его «социалистом до социализма».

Примечательно, что Пестель желал бы превращения земли освобожденных крестьян в общинную собственность — даже там, где общинной собственности ранее не существовало; однако половина земли должна быть в частном владении крестьян.

Мысль Пестеля о том, что труд бедняка является его капиталом, — вполне социалистическая. Богач может жить за счет своего капитала и не работать в ожидании лучших времен; бедняк же не может ждать, он должен принимать любые предлагаемые ему условия. Чем меньше тех, кто живет исключительно за счет собственного труда, иначе говоря, чем меньше существует наемных рабочих, тем меньше несчастных в это жизни. «Поскольку же при любых, даже самых лучших законах и институтах наемные работники будут продолжать существовать, правительство должно защищать их от произвола и вымогательства богатых и не должно забывать, что несчастные бедняки болеют, стареют и становятся непригодны для работы, утрачивая способность обеспечить своим трудом даже самое жалкое существование».

По мнению Пестеля, современная ему эпоха характеризовалась началом борьбы народа с феодальной аристократией. В ходе этой борьбы появилась на свет «аристократия богатства» и с точки зрения социальной эта новая аристократия была еще хуже старой, ибо феодальная аристократия в конечном счете зависела от общественного мнения, в то время как богатство давало его обладателям возможность, пренебрегая общественным мнением, поработать весь народ.

Взгляды Пестеля претерпевали постепенное развитие в направлении более последовательно либеральной и демократической позиции.

Так, например, с самого начала он выступал за смягчение цензуры и снижение имущественного ценза.

Позднее ценз отменяется, т. е. отменяется неравный ценз, так как каждый русский, по словам Пестеля, будет обеспечен самым необходимым, поскольку везде и всегда он сможет найти земельный надел.

Первоначально благосклонно относясь к монархии, впоследствии Пестель сделался безоговорочным республиканцем. В некоторых вопросах, несмотря на свой республиканизм, он оказался не в силах преодолеть влияние аристократического и абсолютистского образования. Например, он предлагал сохранить в армии телесные наказания, оставить многоступенчатую систему выборов и т. д. Доступные мне источники не позволили убедиться в том, насколько Пестель как член тайного общества разделял взгляды и выводы своих соратников.

Сказанное в достаточной мере иллюстрирует тот факт, что Пестель подробно обдумывал главные социально-политические проблемы своего времени и желал, чтобы русские реформы осуществлялись как органическое целое. Он не довольствовался конституцией, предусматривая более глубокое внутреннее преобразование не только институтов, но и людей. В силу этого его планы выходили за рамки конституционализма и республиканства; они были демократическими и социальными. Его социализм был доведен до логического конца, о чем говорят его взгляды на право наследования и многие другие вопросы.

Вместе с тем Пестель разделял многие из предрассудков своего времени. В этом отношении показательны то предпочтение, которое он отдавал политической централизации, отстаиваемой им перед лицом защитников федеративного устройства. Огромное значение приписывает Пестель государству, его единству и неделимости. Осуществить единство надлежит путем языковой унификации всей страны. За исключением поляков, все расы и народности, населяющие Россию, должны, говоря его собственными словами, «слиться воедино для образования одного народа».

Слияние это должно затронуть не только язык, но и культуру. Важно осуществить полную русификацию. Внутри государства следует не только говорить исключительно на русском языке, но и отменить все дотоле использовавшиеся названия, принадлежащие отдельным народам.

В первую очередь эта схема русификации затрагивала цивилизованные нации, находящиеся под управлением России — финнов и немцев; поляки же, как уже говорилось, должны составить единственное исключение. Отношение Пестеля к полякам имеет политическое значение и для его времени, и для последующих лет.

Во времена Александра русская Польша была совершенно отличной от России, как с политической, так и с культурной точки зрения. Царь не только уважал политическую конституцию Польши, но и подумывал о том, чтобы вернуть ей исконно польские земли. Однако этому препятствовали влиятельные государственные деятели и публицисты — типа Карамзина и декабриста Николай Тургенева, с которыми мы как с конституционалистом скоро познакомимся. Декабрист князь Орлов и его друг Дмитриев-Мамонов требовали уничтожения самого названия Польши; Россия должна была также аннексировать прусскую и австрийскую территории Польши.

Пестель соглашался с Александром I в вопросе о Польше. Он был готов даровать статус нации только тем народам, которые были достаточно многочисленны для того, чтобы существовать в качестве самостоятельных государств; малые народы должны быть готовы принести свои национальные права в жертву требованиям политической целесообразности.

Следовательно, Россия должна была признать Польшу как самостоятельное государство, но России и Польше предстояло вступить в «дружественный союз», причем Польша должна была получить идентичные русским формы правления и администрации, упраздняющие всякую аристократию, будь то феодалы или плутократия.

Положения других славян Пестель не обсуждает, хотя поводом к подобному рассмотрению могло бы послужить слияние «Общества объединенных славян» с «Южным обществом». «Славянскими» он называет Московскую Русь и русский народ, различая в нем пять диалектов и пять «оттенков» национальности, а именно, русских, малороссов, украинцев, русинов и белорусов. Программа «Общества объединенных славян» ставила перед собой цель создания федерации славянских народов, которых насчитывала восемь: русские, сербо-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужицкие сербы, словены и поляки. Орлов и Дмитриев-Мамонов предусматривали осуществить не только объединение всей Польши, но и остальных славян с Россией в «Объединение Венгрии, Сербии и всех славянских наций».

Пестель уделял большое внимание еврейской проблеме. Он считал, что в России и в Польше евреи создали государство в государстве, и стремился поэтому разрушить эту особую сплоченность евреев. С этой целью наиболее образованные из раввинов и другие евреи выдающихся способностей должны были разработать в сотрудничестве с правительством некий план. Пестель был к тому же пионером «гигантских» сионистских замыслов. Для осуществления их необходима, говорил он, «поистине гениальная предприимчивость». Двум миллионам русских и польских евреев надлежало основать где-ни-

будь в Малой Азии самостоятельное государство. «Столь большое число людей, желающих обрести родину, сможет без особого труда преодолеть все препятствия, чинимые на их пути турками»...

В работах Пестеля можно найти и другие, достаточно утопичные предложения, например, перевод столицы в Нижний Новгород. В целом, у Пестеля были замечательные идеи, которые отличал подход ко всем важным институтам хорошо организованного демократического государства как к органичному целому. За вычетом всех отмеченных выше исключений образ мыслей Пестеля был либеральным и прогрессивным, что явствует из его взглядов относительно ненужности наказаний, выносимых за попытку самоубийства, относительно уравнивания статуса незаконнорожденных с прочими детьми и пр. Но тот управленческий централизм, за который он ратовал, был бы не менее абсолютистским, чем «просвещенный» абсолютизм предшествующей эпохи. Это особенно очевидно в том, что касается его взглядов на религию и церковь. Здесь Пестель полностью заодно с Петром I. Духовенство не должно составлять отдельное сословие, будучи не более чем представителями определенной профессии; оно должно выполнять свою работу как часть управленческой машины. Именно на это были нацелены предлагаемые им церковные реформы. Помимо требований лучшей образованности и более высокой зарплаты для духовенства, Пестель настаивал и на том, что оно должно вести истинно христианскую жизнь, а также предлагая упразднить монашество и контроль монахов над белым, или мирским, духовенством. Он разумно полагал, что данные цели могут быть достигнуты в процессе постепенных изменений. В частности, он рекомендовал запретить принимать монашеский обет до достижения шестидесяти лет или становиться мирским священником до сорока лет. Относительно иных вероисповеданий Пестель полагал, что ни один представитель духовенства именно как государственный служащий не может подчиниться инородной власти. Иностранные монашеские ордена как противные духу православия не могут быть терпимы в России.

Конечно, эти предложения были главным образом направлены против Папы римского и католиков. В отношении Пестеля к церкви также можно отыскать объяснение тому, почему он желал отделения от России Польши и ее провинций.

Религиозные идеи Пестеля заслуживают более детального анализа. Разумеется, как лютеранин он должен был быть более прогрессивным по сравнению с православными. Пушкин вспоминает, как однажды Пестель сказал: «Mon cœur est materialiste, mais ma raison s'y refuse...»¹⁸

Более детальный анализ политических воззрений Пестеля не является нашей задачей. Не представляется также возможным рассмотреть работы и наброски других декабристов. Единственный, о ком нам хотелось бы что-то сказать, — это Николай Тургенев*.

Политическое значение движения декабристов трудно переоценить. Движение это получило широкое распространение. После 14 декабря (по старому стилю) 1825 года было произведено более тысячи арестов. В верховном криминальном суде было вынесено сто двадцать приговоров. Из известных писателей декабристами были Рылеев, Бестужев (Марлинский), Кюхельбекер и князь А. Одоевский. Грибоедов был очень близок к декабристам. Пушкин также одно время выказывал склонность к движению декабристов. Духовно и нравственно декабристы составляли элиту русского общества тех лет. Это подтверждается тем литературным наследием, которое теперь становится известным. В нем описаны страдания, литературные занятия и труды сибирских ссыльных. Среди них были и отважные женщины, разделившие участь мужчин.

Декабристы предвосхитили почти все политические тенденции последующих лет, как теоретические так и практические. Даже наиболее революционные из этих концепций — прежде всего, сюда относятся взгляды Герцена — можно непосредственно вывести из политических идеалов декабристов.

Хотя в последующие годы некоторые из декабристов стали придерживаться крайне консервативных взглядов (а кое-кто из них дожил до эпохи реформ Александра II), мы должны принять во внимание последствия изгнания. Из мемуаров декабристов, таких как воспоминания Якушкина, мы узнаем, какие испытания выпали на долю изгнанников.

§ 17

Предводители восстания 14 декабря были наказаны новым царем со всей строгостью. Из ста двадцати одного обвиняемого по этому делу пятеро были приговорены к четвертованию — в их числе Пестель и поэт Рылеев, тридцать один человек — к гильотине, остальные — к ссылке, а все офицеры — к раз-

* Сергей Муравьев-Апостол был автором «Православного катехизиса»; его брат, вышеупомянутый Никита Муравьев, сделал набросок «Катехизиса свободного человека». Некоторые из декабристов писали мемуары, некоторые же занимались различными историческими и другими исследованиями. Значительный интерес представляют их переписка.

жалованию. Царь, однако, предпочел праву милосердие, и пятеро главных виновных были просто повешены.

Едва только восстание было подавлено в столице, а затем и в армии, как новые революционные волнения возникли внутри страны и за границей. Всю свою жизнь Николай страшился призрака революции. Дома перед глазами у него был пример его невестки, несчастной жены Александра I; после ее смерти в 1826 году он собственноручно сжег ее дневник. Повешение Пестеля не смогло заслонить в его памяти смерть отца и вину брата. С момента восстания декабристов и до 1848 года Николаю пришлось пережить восстания в Испании (1820) и Пьемонте (1821), июльскую революцию, польское восстание, второстепенные восстания во Франции и, наконец, революции 1848 года.

После мятежа в Польше были не только отменены польская конституция, парламент и национальная армия, но и произведены беспощадные конфискации имущества, а университет в Вильно был закрыт.

Своим воспитанием царь Николай резко отличался от старших братьев. Он был младшим из братьев (родился в 1796 году), и его образование началось, когда Александр уже находился на троне. Никто не предполагал, что Николаю суждено стать императором. Только когда выяснилось, что у Александра не будет законного наследника, Константин склонились отказать от престола. Наставником Николая был генерал Ламсдорф, человек грубый, возведший телесные наказания в главный принцип воспитания. Единственным увлечением великого князя была армия. Жесткая субординация, безоговорочное подчинение — вот в чем состояла система Николая. В его понимании люди были простыми механизмами или, в лучшем случае, одухотворенными рабами. «Всю человеческую жизнь я рассматриваю как службу», — как-то заявил он. С правления этого «верховного повелителя ограниченного мирка», как называл его Фридрих Вильгельм IV, начинается антиреволюционная миссия России. Поэт Жуковский, воспитатель следующего царя, находясь в Париже во время февральской революции, в письмах к наследнику трона красноречиво внушал, что, мол, в этом всемирном потоке Россия остается спасительным ковчегом не только для себя самой, но и для всего остального мира. Жуковский выражал надежду, что правящий царь уберет свою страну от этой европейской чумы, оградит ее от заразы Великой китайской стеной. В том, что Россия продолжала оставаться отдельным, совершенно самостоятельным миром, виделся Божий промысел... Таким образом, в европейской политике Николай, как и Александр, был стражем законности. Он был открытым оппонентом Луи Филиппа,

объявив незаконными выборы монарха во Франции, издеваясь над возведением его в сан буржуазией. Отправка в 1849 году войск на подавление революции в Венгрии была вполне в его духе. В 1853 году он приказал Сербии отстранить от должности премьер-министра Гарашанина, так как этот государственный деятель был учеником Кошута и Мадзини. Политика, проводимая в Австрии и Германии Меттернихом, была отрадой души для Николая. К Наполеону¹⁹ у него был ряд претензий, но его государственный переворот он поддержал. Меттерних, в свою очередь, искал и нашел в лице Николая защитника от революции, которую он также рассматривал в качестве важнейшей угрозы; дабы держать в зависимом положении Германию и Италию, этот австрийский канцлер пошел на сближение с Россией. В Европе Николай снискал себе признание со стороны всех консерваторов и реакционеров. Некоторые из них прямо-таки боготворили его, как, например, его родственник Фридрих Вильгельм IV, говоривший: «Я на коленях благодарю Бога за ту глубокую скорбь, которую я пережил при кончине царя Николая, за то, что он позволил мне стать верным другом царя в лучшем смысле этого слова». Николай I, со своей стороны, тоже был предан прусским королям, высоко ценя прусскую точность и аккуратность. В армии и администрации он предпочитал держать немцев.

С Николая началась «чумная зона, охватившая 1825 по 1855 гг.» (Герцен). Реакция приняла форму глубоко продуманной полицейской системы, при которой царь лично занял должность главного суперинтенданта полиции, ибо ничего другого не означало создание в 1826 году знаменитого Третьего отделения собственной канцелярии Его Величества, которое вплоть до 1880 года пыталось держать в оковах духовную жизнь России.

Одиозно известный Бенкендорф, заслуживший расположение царя своим усердием в гонениях на декабристов, был назначен главой этого учреждения. Впоследствии он также стал и шефом жандармов и все свои силы отдавал репрессиям.

В рамках данного обзора было бы трудно дать надлежащее представление о той возмутительной глупости и вызывающей грубости, которыми характеризовалась николаевская реакция.

Лучшие люди за высказывание ими либеральных идей, идущих вразрез с официальным курсом, совершенно запросто объявлялись сумасшедшими. Подобное случилось с Чаадаевым и рядом офицеров, сочувственно относившихся к революционным идеям. Один раз Николай заставил объявить о смертном приговоре некоему Энгельгардту, приговор которому в действительности был заменен на пожизненное заключение. Жена осужденного, однако, вынуждена была

носить траур, и даже номер его могилы был внесен в кладбищенский реестр. Когда поэт Шевченко с соратниками был в 1847 году арестован за участие в прославянском Кирилло-Мефодиевском обществе, царь ужесточил наказание для Шевченко, запретив ему писать и рисовать.

Поэт жаловался в своем дневнике, что если язычник Август не запретил Овидию писать и рисовать, то ему, Шевченко, это занятие было запрещено христианином... Царь сам, как уже говорилось, стал верховным шефом полиции, так же как и высочайшим исполнителем приговоров. В 1837 году были осуждены на смерть два одесских еврея за то, что, спасаясь от чумы, они попытались пересечь границу. Николай смягчил наказание со следующим обоснованием: «Винные должны быть прогнаны сквозь строй — тысячи человек — двенадцать раз. Слава Богу, смертной казни у нас нет, и я не хочу ее вводить».

Это один из множества примеров самообмана теократического властителя, его жестокости, ибо кто предложил четвертовать декабристов, кто из милости лишь повесил их? В 1838 году студент по фамилии Сочинский ударил директора хирургической академии. Он был приговорен к наказанию шпицрутенами и прогнан сквозь строй из пятисот человек три раза. Николай так исправил приговор: «В соответствии с заключением генерального аудитора провести в присутствии всех студентов академии... И вместо Сибири, послать на десять лет носить кандалы в штрафном батальоне Кронштадта»... Стоит ли говорить о том, что и без смертной казни люди, получившие такой приговор, умирали под ударами солдат...

Николай действительно был невероятно жесток. Благородным женам декабристов, последовавшим за своими мужьями в Сибирь, после смерти мужей не было дозволено вернуться в Россию; те же из декабристов, кто выжил, были амнистированы только Александром II. Лишь такой человек мог объявлять безумными людей, находящихся в здравом рассудке, или причинить муки смертного приговора Достоевскому и петрашевцам. Также был арестован и Герцен, заподозренный вместе с некоторыми из своих знакомых в сен-симонизме. Сначала их приговорили к смерти, но милосердием царя приговор был заменен сначала на тюрьму, а потом на ссылку.

Вот еще один пример психологии — а вернее, психопатологии — царя Николая. Молодой человек по фамилии Полежаев написал сатиру на тему современной ему студенческой жизни²⁰. Это сочинение ходило в рукописи, и один экземпляр попал в руки царя, которого особенно задела критика в адрес церкви и политических институтов. Он послал за автором и приказал ему читать работу велух в присут-

ствии его самого и министра просвещения. Затем, после сурового выговора, осуждающего данное произведение за выражение декабристских настроений, Николай поцеловал свою жертву в лоб и отпустил с приговором отправки на фронт; от худшего поэта спасло заступничество со стороны министра. При этом царь даровал обидчику привилегию написания писем своему государю с отчетом о том, как идет возвращение на правильную дорогу. Полежаев воспользовался этой привилегией для того, чтобы испросить прощения или, по крайней мере, смягчения приговора, но его прощения были оставлены без внимания. И далее его биографы повествуют о муках несчастного, о том, как с отчаяния он ударился в пьянство и в конце концов умер от воспаления легких в 1837 году, в возрасте тридцати двух лет. Из стихов Полежаева мы узнаем, каким представлялся век Николая мыслящим умам.

О реформах как таковых в правление Николая нельзя было говорить. Многое между тем делалось для поддержания порядка, и особое внимание уделялось армии. Под руководством Сперанского были кодифицированы законы (1833), принято новое уголовное законодательство (1845) и основано Министерство государственного имущества внутренних дел (1837). В 1839 году в целях повышения эффективности централизации волесть как административная единица была заменена деревенской общиной.

Не могу не упомянуть о том, что при Николае было официально отменено наказание шомполами, которое заменили поркой плетьюми (1845). Хотя причиной такой замены вряд ли можно считать исключительно соображения гуманности, ибо те, кто испробовал шомпола, были уже не годны для воинской службы*.

Некоторые из изменений, внесенных в его правление, имели и благотворные последствия: например, навязанная евреям силой реформа образования, в результате которой некоторые евреи получили доступ к общей культуре.

Естественно, при Николае реакция духовно опиралась на официальную церковь — так же, как это происходило в Австрии и Пруссии — в полном соответствии с учениями де Местра, де Бональда, Герреса и Генца, и многих других теоретиков антиреволюционной реставрации и реакции.

Всякая независимая мысль должна была неизбежно подавляться; высшее образование было сведено до практически необходимого минимума знаний; философию и литературу, попытки обретения

* Уже в 1730 году по закону годных к службе наказывали плетьюми, а не годных — шомполами!

общей культуры и философского понимания мироздания надлежало душить в зародыше. Граф Уваров, министр просвещения в 1833—1849 годах, обращаясь к комитетам управления школами, такими словами возвестил о своем вступлении в должность: «Нашей общей задачей является обеспечение того, чтобы культура нации была пронизана единым духом православия, самодержавия и народности». Но еще более точную формулировку дал Уваров в том же году, описав эту триединую задачу как «основной принцип социальной системы образования»; он писал: «Среди быстрого распада религиозных и гражданских институтов в Европе, среди широкого распространения революционных идей, нашей обязанностью становится такое укрепление основ отечества, чтобы они не могли быть поколеблены. Мы должны найти ту основу, на которой должно зиждиться правильное поведение; мы должны открыть те силы, которые дадут развитие характерным чертам России и в конечном счете позволят нашей стране собрать в единое целое священное наследие нации, которое мы делаем основой нашего спасения. Какое счастье, что Россия сохранила истовую веру в те спасительные принципы, без которых невозможно правильное поведение, без которых неведома энергичная и достойная жизнь. Преданный отечеству русский пожелал бы выделить из нашей православной веры какую-то отдельную догму не более, чем он позволил бы украсть жемчужину из короны Мономаха. Самодержавие есть главное условие политического существования России. Этим двум национальным устоям соответствует третий, в равной степени важный и сильный — народность».

Так была сформулирована официальная программа реакции — православие, самодержавие и народность. Данная программа составляет альфу и омегу официальной государственной мудрости вплоть до наших дней; это программа русской теократии, провозглашающая волю царя божественным откровением и тем самым выводящая из Божьей воли бюрократическую политику и управление. В первом параграфе основного закона (в редакции 1906 года, он стал четвертым параграфом) самодержавие определяется следующим образом: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»²¹. Итак, теократическое отношение царя и церкви определяется следующим образом: «Император яко христианский государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоты и всякого в церкви святой благочиния»²².

Аналогичным образом Филарет, официальный толкователь церковного учения при Александре II, изменил определение божествен-

ной миссии царя в духе «Стоглава» со словами: «Бог дал нам царя-самодержца по образу собственного всевластия».

Петр Великий предлагал учредить в академии кафедру естественных законов. При Николае, в 1849 году, было начато судопроизводство по обвинению Солнцева, профессора Казанского университета, в выведении принципов права из здравого смысла, а не из библейских заповедей.

Для Петра церковь была не более чем средством для осуществления поставленной цели, и внутренние убеждения подданных мало его волновали. То же можно сказать и об императрице, преемнице Петра, ибо даже при Екатерине реакция не получила своего завершения. В царствование Александра I начался более жесткий надзор над школами, образованием и литературой; предпринимались попытки радикального искоренения вольтерьянства. Николай I, однако, явился первым царем, приспособившим свой менталитет к религии (конечно, не во всех аспектах!) с тем, чтобы иметь возможность использовать церковь в собственных целях. У него при дворе не было места Крюденер и другим пророкам — править умами надлежало Фотию. Но даже и Фотий не пользовался расположением Николая; весьма скоро он уволил и Аракчеева. Самодержец был достаточно силен для того, чтобы взять на себя роль как Фотия, так и Аракчеева. Несомненно, присущая ему сила воли содействовала производимому им впечатлению прирожденного самодержца.

Под религиозностью Николай понимал главным образом богобоязненность; Бог представлялся ему неким человекоподобным существом, одновременно и Богом, и царем. В кадетских корпусах священникам надлежало внушать своим ученикам, что величие Христа выразилось прежде всего в его подчинении властям предрешающим — в том смысле, что он явил собой «образец послушания и дисциплины». Рекрутов (которые должны служить двадцать пять лет) священник наставлял: «Бог своею волей определяет, кого из людей избрать для той или иной профессии. Вы Божьей волей избраны и предопределены для военной карьеры... Богу угодно, чтобы вы служили ему и великому царю в качестве солдат... Еще до вашего рождения Богом было предопределено, что вы станете воинами...»

Военная дисциплина преобладала и в школах. Обер-прокурором Синода был назначен генерал от кавалерии граф Протасов, который оставался в этой должности с 1836 по 1855 годы. Армейская дисциплина была введена и в семинариях. «Я знаю только царя», — таково было излюбленное высказывание обер-прокурора. Тем не менее, в его программах нашлось место для «революционных» естественных наук, ибо как солдат он признавал их ценность.

Николай всерьез был настроен претворить в жизнь установки Уварова. России, так как она имела преимущество перед Европой, обладая единственно истинной верой, надлежало быть единообразной в религиозном отношении. Практически результатом этой церковной политики было принятие жестких полицейских мер против раскольников и прочих сектантов, например, против духоборов, а также насильственное объединение униатов с православной церковью.

Сказанного достаточно для того, чтобы представить себе, какова была реакция Николая и его преданных соратников на неистовый протест, выраженный Чаадаевым в его «Философических письмах» (1836), в которых с религиозных позиций отрицались установки Уварова и русская теократия в целом. И при этом отрицалась она во имя религии!

§ 18

Как только Николай стал царем, он тут же упразднил кафедру философии в Московском университете. Как-то раз, проезжая мимо университета, он с серьезным видом указал на университетское здание и сказал: «Это волчье логово». Со второстепенными университетами он расправился в соответствии с данной характеристикой. Более или менее регулярная деятельность университетов начинается, собственно, в либеральную эпоху Александра I после принятия в 1804 году учебного устава, хотя и тогда не был отменен полицейский надзор за ними. В 1835 году Уваров реорганизовал университеты в соответствии со своей программой, сделал обязательным для всех факультетов изучение богословия и истории церкви и т. п. В 1850 году, вследствие паники, порожденной революцией 1848 года, некоторые дисциплины (изучение государственного права европейских стран) были запрещены в университетах как вредные: философия была ограничена чтением курсов по логике и психологии, которые предстояло вести богословам под предлогом того, что ранее имела место «предосудительная трактовка этих наук немецкими профессорами». Историка Грановскому было запрещено читать лекции о реформации. Число студентов было ограничено тремястами человек. Задача университетов состояла, как было заявлено, «в воспитании верных сынов православной церкви, верных подданных царя, благонамеренных и полезных граждан отечества». Только при Александре II эти и другие реакционные меры были отменены. Тем не менее, даже в царствование Николая был основан новый университет в 1833 году — в Киеве. Видимо, ни администрация, ни армия не могли обойтись без еще одного «волчьего логова».

Ограничение университетов было дополнено соответствующей реформой гимназий (1847). Было упразднено изучение классических языков с тем, чтобы молодежь не растлевали греческие авторы, которые писали, живя в республиках. В этой связи укажем на образец подобного же мышления в Европе. Наполеон III придерживался сходного взгляда на греческих авторов, так что Николай вполне мог бы обратиться к французскому императору за поддержкой. Но реакция в России действует и думает лишь от случая к случаю. Уже в 1854 году были частично восстановлены занятия классическими языками: предполагалось, что греческие и латинские отцы церкви внушат-таки непокорным юнцам необходимое почтение к официальным программам.

История современной русской литературы полна рассказов о том, каким гонениям подвергались великие писатели при Александре, но — еще более — при Николае. Творчеству Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя мешали всеми возможными способами. Обычным наказанием была ссылка. Цензура уродовала книги. Закрывались газеты — и в их числе оппозиционный журнал под редакцией Рыльева и Марлинского «Полярная звезда» (это название дал впоследствии своему изданию и Герцен). В «Московском телеграфе» Полевой, начиная с 1825 года, занимал оппозиционную позицию и продолжал обеспечивать журналистскую поддержку либеральных идей вплоть до 1834 года, но его «Revue des decabristes»²³ было в конце концов запрещено Уваровым. Я всерьез полагаю, что этот министр просвещения, президент Академии наук истово желал скорого конца русской литературе... В правление Николая серьезно пострадал почти каждый известный писатель. Я уже упоминал в этой связи о Чаадаеве и Шевченко. Белинский же не имел возможности напечатать свою первую драму. А Пушкин был поставлен под высочайшую цензуру самого царя.

Аристократические замашки Пушкина нередко уводили его в сторону от истинного пути; так, например, он недальновидно демонстрировал радость по поводу запрещения газеты Полевого, считая московского журналиста «не в меру якобинцем». Полевой не принадлежал к аристократии, будучи разночинцем (см. § 22). В 1845 году царь всерьез подумывал о введении ограничений при поступлении разночинцев в гимназии.

События 1848 года сильно обеспокоили Николая, и в ответ на них им был инициирован поистине шабаш реакции. Были привлечены к уголовной ответственности члены кружка петрашевцев (оба Достоевских, Плещеев, Дуров и др.); санкции предпринимались против Салтыкова; один за другим впадали в немилость Островский, Турге-

нев (за некролог о Гоголе), Киреевский, Хомяков, Герцен и др. Имя Белинского запрещено было даже упоминать, о нем приходилось говорить околичностями!

Цензура приобрела невероятный размах. (Бутурлинский комитет!) Существовали двадцать две специальные цензуры. Запрещалось критиковать правительство и официальные органы. Даже те, кого считали столпами реакции, как, например, Булгарин, теперь были на подозрении в качестве революционеров; та же участь выпала и на долю Погодина; ультрареакционерам даже Уваров казался недостаточно реакционным. На одном отчете министерства, заканчивавшемся словом «прогресс», Николай сделал пометку: «Прогресс? Какой прогресс? Это слово должно быть искоренено из официального языка».

Подобная реакция стала возможной лишь потому, что общество (т. е. все еще аристократия) полностью отошло от тех просветительских и гуманитарных идей, которые привели к восстанию декабристов. Появление Николая I стало возможным потому, что такие люди, как князь Вяземский и Пушкин, испугались «якобинства», а Гоголь подверг себя духовному самобичеванию, возвратясь в лоно православия*.

§ 19

При Александре и Николае русское национальное сознание пробудилось и упрочилось, оформившись в шовинизм высшего порядка, выражением которого и явилась программа Уварова.

* Читатели, желающие получить более подробное представление о русской культуре при Николае I, найдут его в официальных журналах того времени, особенно в тех, что были разрешены. Я же ограничусь здесь упоминанием о «Маяке», пропагандировавшем с 1840 по 1850 годы идеи Уварова. Редактор его, математик и корабельный конструктор генерал Бурачек, выступал за такое образование, которое бы развивало дух русского национализма; западным идеям следовало противостоять или корректировать их, ибо европейские идеи противоречили Библии. Запад, в сущности, до сих пор был во власти римского язычества, из антихристианского духа которого появились на свет революции, свободомыслие, реформация и папство. Царствию Божию, государству Востока, предстояло расцвести на руинах западного мира. В соответствии с этой направленностью, журнал печатал на своих страницах рассказы садоводов и другого простого люда, которые демонстрировали собственный истинно русский «ум-разум» в байках о привидениях и пр.

Этот орган истинно русского патриотизма выступил с осуждением чуть ли не всей новой русской литературы — не только Лермонтова, но и Пушкина, и, конечно, критика Белинского. В противоположность этому сам «Маяк» восхищался такими писателями, как Загоскин.

Развитие русского национального сознания началось в XVIII веке. В противовес реформам Петра, в противовес характерному для его двора предпочтительному отношению к иностранцам, историки и писатели — такие, как Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Львов, критик Лукин, Щербатов, Болтин — защищали самобытность России от чужих влияний. Особенно развивалась совершенно естественная реакция на крайности галломании. Она еще больше усилилась в борьбе с французской республикой и наполеоновской империей. Офранцузившаяся аристократия враждебно отнеслась к казни короля. Писатели утратили вкус к французской литературе и философии. Как и в Германии, национальное чувство укрепилось в пестовании языка и его очищении от французского влияния; последовала реакция на засилье всего французского.

Для русских проблема правильного литературного языка приобрела совершенно особое значение.

Только благодаря реформам Петра русский язык, и именно народный язык, воцарился в литературном мире — прежде литературным языком служил церковнославянский. Новый народный письменный язык пробивал себе дорогу вопреки церковным авторитетам. В то время как консервативные авторы продолжали придерживаться церковного языка и писать в высокопарной схоластической манере, прогрессивные европеизированные авторы писали на народном языке. Так, старая и новая России нашли свое выражение в языковом дуализме, который отразился в различии старославянского алфавита и современного, введенного Петром. У многих авторов мы находим *mixtum compositum*²⁴ обоих языков и стилей. Часто утверждают, что сохранение в литературе главенства русского языка было заслугой Карамзина, который находился в оппозиции к Шишкову; но это утверждение неверно ни по содержанию, ни хронологически. Современным литературным языком пользовались уже такие писатели, как Фонвизин. Примечательным является тот факт, что именно в первой половине XIX века литература и язык в России приобрели исключительное значение.

По мере разрастания кампании, направленной против французских влияний, установилась предрасположенность ко всему немецкому. К тому же внимание офранцузившихся русских к Германии привлекли произведения мадам де Сталь (1810), а позже сочинения Бенжамена Констана и других. Немецкая литература и философия сами по себе вызвали чувство уважения; столь же уважаема была английская литература — в первую очередь, произведения Байрона. Дух французского классицизма был вытеснен духом немецкого романтизма. Особенно ощущалось преобладание немецкого влияния в

философии. Если при Екатерине II Россия была французской и продолжала оставаться таковой при Александре I, то при Николае I она стала немецкой — при том, что был воспринят не немецкий язык, а немецкие идеи.

Несмотря на это влияние — и даже с помощью немецкого романтизма, — русское национальное чувство продолжало расти. Подобно тому, как европейские романтики превозносили Средневековье и эпоху древних германцев, в России тоже возник культ древней Руси.

Не является случайным временным совпадением тот факт, что свои «Речи к немецкой нации» Фихте написал в то время когда Шишков в России воевал с французскими влияниями и с французами, которых он считал соединением тигра и обезьяны. Политической благосклонностью Александра Шишков заручился, опубликовав в 1811 году работу под названием «Размышления о любви к стране», после чего он занял место Сперанского. В 1824 году Шишков был назначен министром просвещения. В качестве такового он выдвигает принцип, что знание «в отсутствие веры и простодушия» (Шишков был сторонником крепостничества) наносит нации вред. Всеобщее образование принесет больше вреда, чем пользы, столь же пагубно чрезмерное распространение научной культуры. Под запрет шишковской цензуры попал даже катехизис Филарета, так как в нем цитаты из Библии были даны на русском, а не на церковнославянском языке.

В идеализации древней Руси многочисленные писатели были едины с Шишковым. Карамзин, получивший всеобщее признание в качестве главного русского историка, расточал похвалы в адрес самодержавия и знати былых времен. Державин, Загоскин, Марлинский, Полевой в своем позднем творчестве, а также уже упомянутые противники галломании — все они славили Россию в противовес Западу. Эту тенденцию в поэзии и художественной литературе усилило открытие в 1800 году эпоса XII века — «Слова о полку Игореве». Вскоре русское национальное чувство достигло такой силы, что Полевой счел возможным говорить о русском аналоге выражения Тюрго «patriotisme d'antichambre», вводя в оборот термин «квасной патриотизм»*.

Этой интенсификации руссомании в немалой степени содействовал сам Запад. Россия представлялась Европе интересной, новой и быстро находила там своих поклонников. Петр, первый царь, который не просто посетил Европу, но и возвел в культ европейские идеи и институты, стал там объектом восхищения и почитания. Екатери-

ну II, как уже говорилось, почитали еще больше, в том числе такие люди, как Вольтер и Гердер. Клопшток пел дифирамбы Александру I, которого мадам де Сталь почитала за «чудо провидения». Многие присоединяли свои голоса к голосам этих писателей, превознося спасителя Франции и Европы. Россия была и оставалась для европейцев интересной, и не только интересной. Она импонировала цивилизованным и сверхцивилизованным европейцам, руссоизм которых находил именно в нецивилизованной России пример страстно желаемого естественного состояния.

Не следует забывать, что на Западе Руссо, равно как и де Местр, вынесли западной цивилизации смертный приговор. Враждебность Руссо к цивилизации получила широкий резонанс. И нет ничего невероятного в том, что и русские могли усвоить аналогичные представления от своих учителей и наставников. Поэтому не только реакционеры, но и люди прогрессивной ориентации заявляли о «загнивании» Запада.

В определенной степени русское национальное чувство было усилено пробуждением национальных чувств западных и южных славян. В России также распространился славизм, или панславизм — не в официальных кругах, а среди части интеллигенции и в народе, но в последнем только в виде религиозного сочувствия православным южным славянам, боровшимся за свое освобождение от турецкого ига.

Александр I стремился к разделу Турции. Константинополю, колыбели русского христианства, надлежало стать русским. Эти планы, однако, были расстроены Наполеоном.

Но и Наполеон, в свою очередь, разбилась об Россию, о Третий Рим. В сфере политической, так же как и в культурной, русское чувство обернулось против Франции как родины революции, а Александр даже стал главой Священного союза.

Это усиление национального чувства должно быть принято во внимание теми, кто желает понять не только происхождение реакции при Александре I и Николае I, но и широкое распространение, интенсивность и продолжительность этого движения. С другой стороны, мы увидим, как любовь к крестьянству оказалась связана с этим русизмом. Истинно русского обнаружили в крестьянине, человеке из народа; так возникло различие между понятиями «народ» и «нация». Здесь уже вступает в действие демократический и социальный элемент, ибо народ рассматривали как антипод высших классов, аристократии, интеллигенции, буржуазии и даже государству.

* Квас — дешевый шипучий напиток, получаемый из ржи и солода («Champagne de cochon»).

§ 20

Несмотря на реакционное усиление национального шовинизма и чувства собственной исключительности, как Александр I, так и Николай I были вынуждены способствовать европеизации России в экономической сфере. Сельское хозяйство и еще в большей степени промышленность должны были обращаться к европейским образцам. В некоторой степени реакция оказала даже непосредственную поддержку этой европеизации, так как лозунгом любой реакции является «Enrichissez-vous, messieurs»²⁵.

Торговля занимала важное место уже в древней Руси, в Руси Киевской и Новгородской. В Московском царстве и в первую очередь в столице интересы торговли играли ведущую роль в организации и развитии кустарных промыслов и мануфактур. Вплоть до XVII—XVIII веков торговля с границей состояла из экспорта даров природы (меда, воска, мехов и т. п., а также льняного и конопляного текстиля) и ввоза продуктов европейской мануфактурной промышленности (оружия, текстиля, произведений искусства и предметов роскоши, вина и т. д.). В 1653 году через Архангельск было ввезено товаров на сумму более миллиона рублей, а следует помнить, что в те времена покупательная способность денег была намного выше, чем ныне. Во времена Московской Руси уже начинается приток европейцев, а незначительный объем внешней торговли отчасти объясняется тем, что европейские купцы и ремесленники сами переселяются в Москву.

Петр I энергично поддерживал развитие мануфактурной промышленности, начатой торговыми сословиями, что привело к развитию того, что мы часто называем «искусственными» мануфактурами, то есть мануфактурами, находящимися под покровительством государства. Это особенно касается производств, занимающихся снабжением армии.

В царствование Петра I организаторами мануфактур были в основном купцы и отчасти землевладельцы. Рабочих набирали из числа крепостных, и здесь преимущество принадлежало помещной знати, ибо крепостные рабочие были ее полной собственностью, в то время как владелец обычной фабрики должен был добывать рабочих у помещиков. Правда, Петр I дал возможность приписывать крепостных к фабрикам, но в течение XVIII века число фабрик, находящихся в наследственном владении знати, возросло благодаря тому, что государство покровительствовало дворянству вообще и в том числе в его промышленных предприятиях.

Благоприятное влияние оказал на развитие класса фабричных рабочих и тот факт, что многие крепостные находились на оброке.

Крестьяне, платившие оброк (ежегодную сумму за использование земли, выделенной им помещиком), обладали большей личной свободой, чем крестьяне, отработывавшие барщину.

Класс свободных работников появился рано и существовал наравне с крепостными, так что к началу XIX века почти половина работников были свободными людьми. Найм свободных работников, само собой разумеется, был более выгоден работодателю, и понятно, что забота о развитии промышленности содействовала освобождению крестьян.

По мере того, как при Александре развивалась мануфактура, по мере того, как на фабриках внедрялась европейская технология, все более осознавалась противоположность, равно как и взаимозависимость сельского хозяйства и промышленности. Вплоть до наших дней как сельское, так и промышленное производство находят своих защитников и теоретиков. В России, как и на Западе, существовали и протекционисты, и сторонники свободной торговли; и те и другие выступали за сохранение крепостничества. Александр I, в соответствии с общей линией своей внешней политики, присоединился к континентальной блокаде, но российские условия и недостаточное удовлетворявшаяся в стране потребность в промышленных товарах заставили проводить более либеральную таможенную политику. Одновременно в том же направлении была преобразована русская мануфактура: работники все больше набирались из числа свободных и относительно мобильных представителей города и деревни. В 1825 году 54 % работников нанимались путем заключения свободного контракта.

При Николае I наблюдался значительный рост промышленности; Москва с ее окрестностями стала центром растущей централизации и капитализации, особенно в том, что касалось текстильной промышленности. Николай сам заявил, что крепостное право в России не дает торговле и промышленности достичь полного расцвета. Это мнение он почерпнул у Шторха, своего учителя политической экономии, наиболее известного из сторонников Адама Смита в России. Характерным фактом политической ситуации того времени является то, что главная работа Шторха «Cours de l'économie politique»²⁶ не могла быть опубликована на русском языке, хотя царь и разделял взгляды автора. На протяжении длительного времени официальной тенденцией в политической экономии было поощрение аграрного подхода к производству, так все еще считалось, что сельское хозяйство является «естественной»²⁷, а мануфактура «искусственной» основой народного благосостояния, вследствие чего мануфактуру терпели — но не более

того. И тем не менее в царствование Николая мануфактура значительно разрослась.

Долгое время бок о бок с развитием фабричного производства существовало и производство на дому. Некоторые из домашних ремесел были посвящены удовлетворению повседневных потребностей, другие же были домашним вариантом промышленного производства. Это параллельное развитие домашнего производства и крупной промышленности было поколеблено только появлением современного оборудования и развитием сети железных дорог, создающих возможность экспорта и импорта товаров. Эти перемены совпали по времени с подготовкой Николаем I освобождения крестьянства*.

§ 21

При Александре I и Николае I реакция была не в силах сдерживать развитие современной русской литературы и публицистики. Пришедшие на смену вольтерьянскому классицизму романтические сентиментализм и мистицизм приспособились — в лице их наиболее известных представителей, Карамзина и Жуковского — к системе всеобщей реакции; но вольно или невольно наиболее живые умы приобретали иную направленность, отрицающую принципы официальной и социальной реакции.

Приметой времени явился лиризм эпохи, нашедший отражение в произведениях Пушкина и так называемой плеяды. В условиях за-

* Следующие цифры дают приблизительно точную картину развития в России крупной промышленности:

Год	Число фабрик	Число работников	Стоимость продукции, млн. руб.
1765	262	38 000	5
1801	2423	95 000	25
1825	5261	202 000	46
1854	9944	460 000	160
1881	31 173	770 000	998
1893	22 483	1 400 000	1760
1896	38 401	1 742 000	2745

Согласно другой статистической таблице, составленной в 1861 году, цифры таковы:

Год	Число фабрик	Численность работников
1762	984	—
1796	3161	—
1815	4189	172 882
1843	6813	466 579
1861	14 148	522 500

прещения политической деятельности люди стали все более обращаться к своему внутреннему миру, что порождало рефлектирующую, анализирующую и критическую лирику. Показательно, что эти настроения лучше всего выражались в поэзии, а современная проза — роман — появилась позже. Кроме Пушкина, назовем таких замечательных поэтов, как Батюшков, Веневитинов, Баратынский, Языков и Рылеев. Важно, что стихи этих поэтов суть сгустки мысли, что вообще лирическое мышление становилось способом философствования. Начинается глубокий критический анализ жизни и отношений. «Горе от ума» Грибоедова (1822—1823) представляет собой острую критику эпохи Александра I. Рядом с сатириком Грибоедовым следует поставить баснописца Крылова, который тоже, хотя и по своему, изобличал язвы общества. Но самым обширным зеркалом времени стал «Евгений Онегин» (1823—1831) Пушкина.

Ведущие писатели молодой литературы были в большей или меньшей степени связаны с восстанием декабристов. За попытку быть одновременно и поэтом, и гражданином Рылеев попал на виселицу. Близки к заговорщикам были Марлинский и особенно Грибоедов. На прямой вопрос Николая I о том, принял бы он участие в восстании декабристов, Пушкин, естественно, ответил решительным «да».

При Николае продолжало существовать это особое аналитическое литературное направление, известное как «обличительное». Анализ Пушкина был развит Гоголем в «Ревизоре» (1836) и «Мертвых душах». К Гоголю примыкает Лермонтов («Герой нашего времени», 1840). Царь, разрешивший постановку «Ревизора», от души смеялся на спектакле, хотя и сам годелся в его персонажи.

При Николае достигли зрелости, помимо Пушкина и Гоголя, и другие выдающиеся представители новой русской литературы; к концу его правления они начали приобретать известность: Достоевский, Толстой, Тургенев, Гончаров, Островский, Некрасов, Григорович и Писемский.

Во времена реакции Александра I и Николая I наряду с литературой развивается русская, совершенно своеобразная литературная критика — Белинский. В правление Николая появляется также социально-политическая журналистика, официальная и неофициальная.

Короче говоря, то, что обычно называют новой русской литературой, признанным достоянием мировой литературы, возникло при Александре I и Николае I. Ныне, путаясь в хронологии, русские продолжают говорить о «сороковых годах» и об «идеалистах сороковых». Если ценить в русской литературе присущий ей своеобразный реализм, то следует признать, что в развитии этого реализма сыграла свою

роль практическая направленность реакции при Александре I и еще более — при Николае I.

Герцен описывает николаевскую эпоху как непротиворечивый период внешнего рабства и внутренней свободы... Невозможно отрицать, что эта внутренняя свобода, которая была столь превозносима славянофилами и которая вызывала восхищение отчасти даже у западников, в определенной степени являлась результатом привитого абсолютизмом политического бессилия. Тот «лишний человек», которому принадлежит столь заметная роль в русской литературе последующей эпохи, был рожден при Николае I, если не раньше.

§ 22

Характерной чертой николаевской России явилось то, что именно под теократическим гнетом системы Уварова проспали философские и политические идеи и направления, которые живут и развиваются по сей день. Отчуждение от Франции заставило тех русских, которые стремились к культуре, обратить свои взоры на Германию. Так, французское просвещение было углублено немецкой наукой и философией. В политическом смысле русские попали из огня да в полымя. Но Николай I и его приспешники типа Уварова были не в состоянии понять, что берлинские лекции Шлейермахера и Гегеля, а также его учеников, которые русские могли посещать по высочайшему позволению, как и знакомство с немецкой литературой и философией, вообще будет иметь более долговременный эффект, чем знакомство с работами Вольтера.

Посещение немецких университетов началось в XVIII веке, ибо призванные в Россию немецкие профессора и академики естественно стремились послать своих учеников в Германию. В немецких университетах русские изучали различные специальные дисциплины, в первую очередь посвящая себя официально предписанным национальной экономике (в то время ее называли «камералистикой»), праву и технике (особенно горному делу). Широкое распространение получило влияние Гакстгаузена, посетившего Россию в 1843 году с целью исследования русской общины и мира и экономической ситуации в России в целом. Помимо получения специальных знаний, русская молодежь в Германии ощущала на себе влияние философии и литературы и, само собой разумеется, преобладающих в университетах и образованных кругах политических направлений и течений. Философия Канта и Фихте имела незначительное непосредственное воздействие на Россию, зато влияние Шеллинга и Гегеля было обширным. Немецкая философия в России снискала популярность благодаря

тщательно разработанной теории познания, благодаря нравственно-му заряду, заложенному в ее исследованиях, а также благодаря нацеленности на решение вопросов этики и практического поведения. Так, в развитии зарождавшейся русской литературной критики сыграла свою роль эстетика Шеллинга; философия истории в разработке Шеллинга и Гегеля помогла заложить основы русской философии истории.

Особенно примечательным был успех в России левогегельянцев, а также, как мы увидим ниже, и Фейербаха.

Глубокое воздействие оказали и немецкие поэты. Произведения Лессинга, Шиллера, Гете, а также Э. Т. А. Гофмана и других, вкуче с работами немецких философов, прямо-таки революционизировали молодую Россию. Как выразился Тургенев, интеллигенция очертя голову бросилась в «немецкое море» философии. Практические потребности молодой России он пронизательно характеризует словами: «В философии тогда мы искали чего угодно — только не чистого мышления».

В кругу московских шеллингианцев В. Ф. Одоевский с единомышленниками учредили в 1824 году первый русский философский альманах «Мнемозина», которому декабристское восстание уготовило преждевременный конец.

Левогегельянцы обратили внимание прогрессивных русских на новую Францию. Помимо этого, сохранились и прежние тесные связи с Францией — знание французского языка способствовало влиянию французской философии и литературы. Мощным было воздействие французского социализма. Салтыков так пишет о французском влиянии в России в конце сороковых годов (1846—1847): «Веру в человечество мы получили от Франции, конечно, не от Франции Луи-Филиппа и Гизо, а от Франции Сен-Симона, Кабе, Луи Бланка и прежде всего Жорж Санд; Франция излучала нам свет убежденности, что золотой век не в прошлом, а в будущем».

Учеником европейских социалистов был не один Салтыков. Критик Анненков аналогичным образом отзывался о мощном стимуле, каким являлся французский социализм для молодых русских. Об этом же пишут писатель И. И. Панаев, историк литературы А. П. Милюков и другие авторы. Начиная с 1845 года вокруг публициста Буташевича-Петрашевского объединился кружок писателей, которые стали известны как петрашевцы. К этой группе принадлежали Достоевский, Белинский, Плещеев, Аполлон Майков и брат поэта, критик Валериан Майков, Данилевский, позднее ставший славянофилом, и многие другие. В числе постоянных тем живейшего обсуждения были отмена крепостничества, требование свободы для литературы и жур-

налистики и реформа судопроизводства. Сам Петрашевский был восторженным учеником Фурье и Сен-Симона*.

Это усиление социальной направленности литературы выразилось также и в том, что литература и публицистика, как часто подчеркивают, стала демократичнее. В прежние времена писатели почти исключительно принадлежали к аристократии, но теперь их ряды пополнялись и представителями средних классов. Сыновья бедных и разорившихся дворян, духовенства, чиновников и купцов становились литераторами; было даже несколько писателей из рабочих, например, Полевой. Как мы узнаем от Марлинского, Полевого и прежде всего от Белинского, эту демократизацию литературы и журналистики вполне осознавали их представители**.

Эта демократизация литературы и публицистики имела особое социальное значение для России — именно она привела к образованию «интеллигенции» как особого класса и сословия. Определение понятия интеллигенции вплоть до сегодняшнего дня остается неразрешимой задачей русской критики и философии — изначально речь шла об оппозиционной интеллигенции.

Влияние английской философской мысли в России было в эти годы незначительным. Как уже говорилось, английский конституционализм участвовал в формировании взглядов декабристов и их предшественников. Более того, русских интересовала парламентская реформа 1832 года, а еще больше чартистское движение. Но английская философия сильнее воздействовала лишь на более поздние поколения. Известным стал лишь Карлейль. Однако до него значительным влиянием пользовался Байрон.

§ 23

Под давлением реакции в литературном движении оппозиционного и революционного толка происходили значительные перемены.

* Под псевдонимом Кириллов Петрашевский опубликовал «Словарь иностранных слов». За этим невинным заголовком скрывалась своего рода прогрессивная политическая энциклопедия. Но завершению этой работы помешал арест Петрашевского и его друзей. Петрашевский умер в Сибири, но друзья его выжили и вернулись в Россию.

** В этом смысле русские часто говорят о вступлении в литературу разночинцев. Глеб Успенский мимоходом определяет разночинца как «того, кто стоит вне профессий и сословий». В словаре о разночинце говорится как о «человеке, не обладающем благородным происхождением, не принадлежащем ни к какой гильдии, цеху и свободном от налогообложения».

Само собой разумеется, школы, а тем более университеты не удовлетворяли запросов молодежи и были презираемы ею, и лишь некоторым из профессоров удавалось стать властителями молодых умов и повести за собой молодежь. Несомненно, среди студентов прогрессивно настроенные составляли меньшинство. Но с самого начала основным контингентом, из которого рекрутировались оппозиционно-революционные кадры, была академическая молодежь. Столь выдающаяся роль студентов во всякого рода оппозициях и революционных движениях была характерной чертой абсолютизма — в первую очередь российского.

Неудовлетворительность университетов и прочих культурно-просветительных учреждений под давлением абсолютизма привели к тому, что самообразование рано стало составной частью прогрессивной программы. В годы царствования Александра I и еще в большей мере в правление Николая I появился ряд литературных салонов и мелких кружков, слабо связанных с университетами. Там собирались люди с одинаковыми убеждениями или, по крайней мере, с одинаковыми целями. Там живо обсуждались важнейшие теоретические проблемы, а вскоре и социально-политические вопросы. Кружки эти одновременно являлись и естественными центрами пропаганды. Являясь естественным продолжением практики масонских лож и тайных обществ, кружки самообразования впоследствии были преобразованы в революционные комитеты*.

Вплоть до наших дней русская литература продолжает отличаться от западной в том, что она изобилует авторами-самоучками. Не случайно именно такие люди играли заметную роль на протяжении периода александровской и николаевской реакции — укажем на Полевого и Белинского; благодаря которому литературная критика превратилась в оружие оппозиции и революции.

С самого начала главной целью публицистической и критической литературы вообще была пропаганда прогрессивных идей. И здесь наравне с газетами огромное влияние приобрели журналы. Вся эта публицистика была нацелена на популяризацию философии и новых идей.

* Известны кружки Станкевича и Герцена. Первый возник в начале тридцатых годов, второй — в 1842 году. Следует упомянуть и кружок Сунгурова. Члены его группы были обвинены в организации «тайного общества», связанного с декабристами. Процесс, начатый против Сунгурова и его товарищей, длился почти два года (1831—1833) и закончился вполне в духе Николая I приговором осужденных — Сунгурова и его товарища к четвертованию, десяти других членов — к казни через повешение и к расстрелу с последующей заменой этих приговоров исправительными работами и тюремным заключением.

По мере усиления реакции демократическая литературная оппозиция стала оформляться в революционное движение. И внутри страны, и за рубежом стала появляться нелегальная литература. Вначале произведения распространялись в рукописи (так, например, комедия Грибоедова разошлась в тысячах экземплярах еще до того, как Николай разрешил печатное издание). Позднее внутри страны стали создавать тайные типографии, а также начали открывать типографии и издательства за границей. Первую русскую типографию основал в 1853 году в Лондоне Герцен. Возникла система нелегального ввоза в Россию запрещенных зарубежных и напечатанных за рубежом русских произведений.

В этой связи стоит обратить внимание на своеобразный характер оппозиционной прессы и литературы. Имея дело с первыми газетами, а также романами и другими книгами тогдашней России, мы должны быть готовы читать между строк. Выраженные иносказательно, мысли действуют сильнее, чем когда они высказаны открыто. Абсолютизм же неизменно выглядел в этой литературе не только грубым, но еще и глупым. Кроме того, и в Петербурге, и в Москве реакционные литература и печать были во всех отношениях слабее прогрессивных.

Рост потока нелегальной литературы был связан и с движением эмиграции. Эмиграцию можно рассматривать в качестве некоей неотъемлемой составляющей русской жизни. В древней Руси, в период существования множества мелких княжеств, можно было говорить скорее о сохранении кочевого обычая, но уже в Московском царстве стал очевиден политический характер этого движения, о чем свидетельствует пример Курбского... В течение XVIII века многие русские были вынуждены эмигрировать из-за реакции, а в XIX веке резкое увеличение эмиграции имело место после подавления восстания декабристов. Своими репрессивными мерами, которые не оправдывали себя даже с точки зрения экономики, русское правительство заставляло легионы русских искать спасения в Европе, где они европеизировались и революционизировались.

И после подавления восстания декабристов политическими идеалами свободомыслящей оппозиции оставались конституционное правление и освобождение крестьян. Представителем политического либерализма можно считать Н. И. Тургенева. Он родился в 1789 году, получил образование в Геттингенском университете и завершил свою политико-административную подготовку под руководством Штейна, которому был рекомендован правительством. Его «Опыты теории налогов», опубликованные в 1818 году, привлекли к себе широкое внимание. За участие в «Союзе благоденствия» и в декабристском

восстании ему был заочно вынесен смертный приговор, впоследствии замененный пожизненным каторгой. Когда Александр II вернул ему гражданские права, он дважды на небольшой срок посетил Россию, но остаток жизни провел в Европе, где умер в 1871 году. В бесчисленных работах, написанных по-французски и по-русски, он выступал в защиту конституционных идей декабристов. Большая часть его подробных мемуаров осталась неопубликованной. Его отношения с декабристами и доля его участия в их движении нуждаются в дополнительном критическом изучении.

Его главное сочинение «La Russie et Les Russes» («Россия и русские») вышло в 1847 году в трех томах. В нем Тургенев освещает историю своего участия в декабристском движении, дает подробную критику российского государственного устройства и управления и в заключение — проект необходимых реформ. Он демонстрирует доскональное знание западной литературы и институтов — английских, французских и прусских. Отметим хорошее знание им проектов Сперанского и его более передовые по сравнению с последним взгляды на освобождение крестьянства. Тургенев призывает созвать земской собор и придать ему законодательные полномочия; освобожденные крестьяне должны получить мелкие земельные наделы. Живя в Париже с 1833 года, он серьезно познакомился с социализмом и оценил его, как и вообще коммунизм, отрицательно, хотя и признал значение социального движения — по крайней мере, для Европы. В своем главном сочинении он также высказался против «мира», позднее же он его защищает. В России он не желал видеть никаких объединений трудящихся; по его мнению, достаточно было конституционного правления. Земскому собору надлежало состоять лишь из одной палаты, ибо русские аристократы не имели такого значения, как английские; не следует вводить всеобщее избирательное право. Естественно, наряду с конституцией, Тургенев требовал необходимых реформ в области управления, особенно в сфере правосудия, отмены телесных наказаний, введения местного самоуправления и т. д. Как политический автор, Тургенев был человеком разносторонней культуры, хорошо знавшим и прогрессивную, и реакционную литературу. В царствие Николая он был самым сильным оппозиционным публицистом и, можно сказать, единственным человеком с государственным складом ума внутри оппозиции догерценовского периода*.

* Можно было бы еще назвать И. Г. Головина, покинувшего Россию в 1844 году и писавшего сочинения, направленные против абсолютизма. Его многочисленные исторические работы привлекли определенное внимание современников богатством содержащихся в них подробностей личного характера, а также показом недостатков двора и аристократии, но в политических вопросах Головин был консерватором. Он

§ 24

Необходимо дать более подробное описание отношения Николая I к крепостничеству. В политических вопросах император являлся человеком твердой воли, но в том, что касается социальных проблем, он был человеком колеблющимся и в этом сильно походил на Александра I. Уже в 1826 году для рассмотрения этого вопроса была назначена тайная комиссия, но не было сделано ровным счетом ничего, хотя и в последующие годы назначались другие тайные комиссии. В 1841 году и позже были приняты некоторые законодательные и административные постановления в пользу крестьян, но они не имели почти никакого практического успеха, ибо помещики могли парализовать проведение пустых постановлений, а то и вовсе обратить их в собственную выгоду. И все же была сделана, по крайней мере, попытка определить права помещиков на штрафные санкции письменными предписаниями, было запрещено разлучать крепостного с семьей или продавать его без земли.

Николай I признал, что у крепостного права имеется свои теневые стороны. Говоря о крупных помещиках, он отметил в 1847 году, что аристократия имеет право на землю, но не на людей. Пресловутое право обращаться с людьми как с имуществом могло возникнуть лишь в случае хитрости и обмана, с одной стороны, и грубой необразованности, с другой, и именно крепостничество является причиной того, что у России нет ни промышленности, ни торговли. Существуют свидетельства, что, находясь на смертном одре, Николай I завещал задачу освобождения крестьян своему сыну.

Легко понять причины колебаний и нерешительности Николая. Царь сознавал, что крепостное право было оплотом абсолютизма. Это понимал и граф Уваров, который попросту заявил, что основой самодержавия является крепостничество.

Согласно уваровскому пониманию политики, самодержавие, сама монархия имеет ту же историческую основу, что и право закрепощать людей. Ушло в прошлое все, что существовало до Петра I, осталось лишь крепостное право; разделаться с ним — значит подорвать все здание. Уваров предостерегал против любых попыток уменьшить

гораздо более отрицательно, нежели Тургенев, относился к социализму, а впоследствии и к нигилизму. Из его сочинений перечислим: *La Roussie sous Nicholas I*, 1845, 1859 (немецкий перевод: *Russland unter Alexander II*, 1870); *Russische Geheimnisse*, 1882; *Der russische Nihilismus, meine Beziehungen zu Herzen und Bakunin*, 1880; английский перевод: *Russia under the Autocrat Nicholas the First* (2 vols, London, 1846); *Russia under Alexander the Second*, 1870; *Secrets of Russia*, 1882; *Russian Nihilism, My Relationship to Herzen and Bakunin*, 1880.

права знати по отношению к крепостным. Если подобное произойдет, аристократия будет недовольна и потребует компенсации. А источники компенсации, говорил этот аристократ-цареугодник, нельзя найти нигде, кроме как в сфере самодержавия.

Некоторые помещики, дружелюбно настроенные в отношении крестьян, признавали наличие тесной связи между рабством, аристократией и царизмом. Одним из таких помещиков был Киселев, часто обсуждавший с царем этот вопрос. Исходя из сентиментальных и рациональных оснований, Киселев приветствовал освобождение крестьянства, но считал при этом необходимым не дать освобождению перерасти в демократизацию. Что касается вопроса о наделении или ненаделении освобожденных крестьян правом на землю, то здесь он порекомендовал средний путь. Крестьян надо освободить, а в обмен на пожалованный им небольшой участок земли они должны будут выполнять четко определенные повинности. Этот план Киселев обосновал тем, что освобождение крестьян без земли спровоцирует рост численности пролетариев; с другой стороны, освободить их и дать им землю в абсолютное владение — значит уничтожить самостоятельность дворянства и установить демократию.

Монархизм — и в первую очередь, абсолютный — есть не что иное, как часть аристократизма. Царь, несмотря на весь абсолютизм, является всего лишь *par inter pares*²⁸, как ясно показывает Уваров; лояльность есть, в конце концов, лишь лояльность на денонсацию.

Все это хорошо понимал и Николай I — отсюда его колебания в духе Александра I там, где речь шла о гуманитарных проектах, вытекающих из чисто экономических соображений. Киселев же за свой страх перед демократией был удостоен титула графа. Из осторожности и расчета Николай решил отдать предпочтение интересам благородного сословия. В его царствование была введена система майоратного наследования (1845), и, что характерно, Николай I был исключительно щедр в раздаче княжеских титулов*.

Крестьяне тоже понимали, какие мотивы движут их господами, в результате наряду с политико-философской оппозицией прогрессивной аристократии оформилась социальная оппозиция «православной» России — оппозиция мужика.

В крестьянской среде зародилось движение, направленное против крупного помещичьего землевладения. Это движение было не просто революционным, ибо у него имелись определенные социальные цели. На всем протяжении царствований Александра I и

* Павел пожаловал княжеский титул четверым новым князьям, Александр I — троим, Николай — шестнадцати, а Александр II и Александр III — ни одному.

Николая I в крестьянстве происходило постоянное брожение, и нет сомнения в том, что многие крестьяне симпатизировали либеральной оппозиции и революционному движению. Особенно ясно это проявилось в связи с декабристским восстанием. Крестьяне ощутили на себе воздействие оппозиционных настроений интеллигенции и аристократии, но куда более сильными причинами недовольства являлись их собственные социально-экономические неурядицы. Не проходило и года без того, чтобы то в одном, то в другом месте крестьяне не убивали помещиков и не сжигали их имения*.

Параллельно с крестьянскими бунтами постоянно происходили и солдатские волнения. Нововведение Александра I — пограничные военные поселения — себя не оправдали. Солдаты и многие офицеры часто бунтовали; показательно, что время от времени солдаты восставали против своих офицеров как аристократов.

Вдобавок к этим активным проявлениям недовольства крепостными порой применялись методы пассивного сопротивления. Имело место большое число самоубийств, официально регистрируемых как случаи «внезапной смерти»**.

И, наконец, в правление Николая начались серьезные волнения рабочих. Волнения в рабочей среде происходили уже при Екатерине II, Павле и Александре I, но при Николае I они приняли более широкий размах***. В 1845 году был обнародован первый антизаба-

* В архивах Министерства внутренних дел за период правления Николая мы находим отчеты о 547 крестьянских бунтах, происходивших с 1828 по 1854 гг. По другим подсчетам, имелось крестьянских волнений по годам:

Периоды	Число крестьянских волнений
1826—1830	41
1831—1834	46
1835—1839	59
1840—1844	101
1845—1849	172
1850—1859	137
Всего:	556

Число в высшей степени неправильное, и можно было бы увеличить его на 200 крестьянских волнений. В 1835—1859 годах было убито 152 помещика (среди них 21 чиновник) и было совершено 175 покушений на убийство.

** Например, в 1841 году было зарегистрировано 1622 таких случая — очень большое число для России тех лет. Сообщается, что после освобождения число самоубийств заметно пошло на спад.

*** В 1834 году состоялась крупнейшая забастовка в Казани, явившаяся кульминацией многолетней борьбы между рабочими и владельцами фабрики, длившейся там с 1796 года. Волнения имели место в 1817, 1818, 1819, 1820, 1823 и, наконец, в 1834 годах.

стовочный закон. Правительство Николая с озабоченностью следило за ростом пролетарских масс, но промышленные интересы капиталистов и самого государства взяли верх над политическими страхами полиции и администрации. В России, как и в Европе, были нередки попытки помешать организации новых фабрик с тем, чтобы замедлить увеличение числа рабочих. Но государство само было вынуждено открывать новые фабрики, так что ему часто приходилось занимать сторону промышленности вопреки своим аристократическим и аграрным интересам.

Интеллигенция, находившаяся под влиянием идей французского социализма, с сочувствием относилась к революционным настроениям в народе. Когда в 1848 году петрашевцы создали лигу фурыеристов, это могло бы раскрыть глаза Николаю I и его советников на происходящее; но Николай довольствовался тем, что послал Достоевского и других на плаху и в последний момент перед казнью преподнес им сюрприз в виде смягчения наказания Сибирью.

§ 25

Окончательным итогом теократической политики и ее реакции при Александре I и Николае I была катастрофа под Севастополем. Через шесть лет после поражения революции в Венгрии бывшие союзники России по Священному союзу объединились на стороне Турции, покончить с которой намеревался еще Александр I...

Нетрудно представить себе, какое воздействие имело на теократическую державу поражение — оно схоже с тем эффектом, который вызвала в душах современников неудача крестовых походов. Точно так же, как в раннюю эпоху христианам и христианству не хватило сил победить своих кровных врагов — так теперь русская теократия, русские православие, самодержавие и народность были вынуждены капитулировать перед «загнивающей Европой».

Действительно, с фундаментом теократии — православием — дело обстояло очень плохо, если мы в качестве масштаба возьмем его воздействие на самого православного папу-императора. Николаю I, как и Александру I, не удалось найти для себя достаточного утешения в официальной вере. Из свидетельств его врачей мы узнаем, что он вынашивал замыслы самоубийства и, хотя так и не осуществил их, во время своей последней болезни он ускорил собственную кончину, мешая врачам лечить его. Когда его придворным, занятым игрой в карты, сообщили о его смерти, они не прервали игры...

Не только при смерти, но и в жизни Николай не обрел моральной поддержки в лице государственной церкви и ее религии — разве станем мы считать его жестокость и деспотизм проявлениями христианства? Был ли он христианином в частной жизни? Были ли христианскими его отношения со своей любовницей Нелидовой? Как расценить конфискацию им поместий и замков польской аристократии?*

После крушения своей традиционной дипломатии и милитаризма привыкшая к внешним эффектам официальная знать и двор вынуждены были уделить внимание внутренним делам. То, что случилось с абсолютистской Австрией в 1859 и 1866 годах; то, что случилось с Францией в 1870—1871 годах, произошло и с Россией... Поражение под Севастополем явилось результатом плохого оснащения армии, недостатков командования и военной подготовки. Враги России были оснащены нарезными орудиями и винтовками, противостоящими устаревшему вооружению русских. (Дальность выстрела русских ружей составляла 300—450 шагов, в то время как европейские ружья били на 1200 шагов.) Русским приходилось сражаться на парусниках против кораблей с паровыми двигателями. Россия имела слабое техническое оснащение, потому что была недостаточно обучена — в наполеоновскую войну и техника и обучение были более равноценны с вражескими.

В новую эпоху любая армия потерпит поражение именно из-за плохого управления войсками — война требует не только отваги на поле брани. Она требует также обученных офицеров и солдат. Она требует усовершенствованного вооружения и средств обороны, она требует хлеба, медикаментов и всех видов провианта и провизии, наконец, предвидения.

История Крымской войны наглядно вскрывает разложение теократического обскурантизма именно в управлении армией. Изучая историю этой войны, мы познаем справедливость приговора, вынесенного Белинским всему николаевскому режиму, как «обществу коронованных воров и разбойников».

Рассмотрев весь период реакции в правление Николая I и его предшественников, можно только поражаться неспособности русских реакционеров даже в собственных интересах понять хотя бы отчасти развитие с философско-исторической точки зрения и более органично соединить себя и свою страну с остальным миром. Николай всю свою жизнь считал революцию продуктом агитации, деятельности

* См. статистические данные, приводимые в § 67.

отдельных демагогов и тайных обществ; того же взгляда придерживались и его советники. Царь и правительство считали достаточными полицейские репрессии, механически подражая реакционной Европе. Николай I во всем следовал ничтожному примеру Меттерниха с его контрреволюционной реакцией — с таким же конечным результатом.

Глава четвертая

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В 1861 ГОДУ.
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ

§ 26

Севастопольские события послужили стимулом к началу эпохи великих реформ — именно так называли реформы 1861 года и их последствия. Конституционное правление не было введено, но крестьяне были-таки освобождены и следовало провести административные реформы. Сходным образом в Австрии события 1848 года явились предвестником освобождения крестьян, но введенная в действие конституция оказалась призрачной. Нечто похожее произошло и в Пруссии после битвы при Йене, когда была преобразована система управления, но конституция была принята много позже.

До того времени большинство населения практически находилось на положении рабов, ибо заверенное при Екатерине II закрепление крестьянина за землей, принадлежавшей помещику, было настоящим рабством.

Ныне трудно составить себе даже приблизительное представление о характере русского крепостничества. И хотя нам известна история этого института, все же мы представляли, как правило, лишь его экономико-правовые аспекты. Необходимо же уяснить себе, как влияло крепостничество на жизнь отдельных людей с точки зрения нравственной и социальной. Мы должны понять, что душой и телом крестьянин был собственностью другого человека; что помещик мог продавать своих крепостных; что вплоть до 1833 года он мог с безвозвратностью рока разъединить семью крепостного, продавая ее членов поодиночке. Ибо крепостной, будучи закреплен за земельным

наделом, не мог последовать за тем, кого продали, как могли это сделать жены декабристов, по собственной воле последовавшие за своими мужьями, сосланными в Сибирь. Крепостной был эквивалентом денежной суммы, частью натурального хозяйства. Помещик мог спустить все свои «души» за карточным столом, мог преподнести их в подарок любовнице. Рабы находились в полном распоряжении своего господина, который был волен решать, кем станет одаренный ребенок — поваром, музыкантом или лекарем. Аналогичным образом распоряжался господин женами и детьми крепостного, решал кому на ком жениться; зачастую господское имение превращалось в сущий гарем... В воспоминаниях лучших писателей мы находим ужасающие картины крепостничества. Внимательный читатель старой русской литературы повсюду различит этот особый моральный и социальный фон. Те, кому случалось описывать русскую деревню и сельскую жизнь, особо отмечали эту сторону. «Грызлов, — говорил Д. С., — Мария Федоровна в Москву собирается; нужны деньги... Проезжая по деревням, я видел много там этой мелкоты, шушеры накопилось, — распорядись!..» Это значало, что Грызлову поручалось объехать деревни Д. С., отловить несколько лишних детей и девок, продать их, а деньги доставить помещику²⁹. В газетах до 1861 года часто можно было прочесть следующие объявления: «Продается легкая карета и две девочки». Широко известна была девичья ярмарка в деревне Ивановка. Сюда свозились девушки со всех частей России и продавались даже покупателям-азиатам.

Не так давно Кропоткин в своих «Записках революционера» подробно описывал то моральное воздействие, которое имело крепостничество на русскую аристократию. Действительно, не стоит забывать, что рабство неизменно сказывается на самом рабовладельце, а не только на рабе. Любая разновидность рабства есть палка о двух концах: каков хозяин таков и раб, каков раб, таков и хозяин. И у того, и у другого *душа* рабская. В этом и заключается проклятье, налагаемое рабством; последнее выстраивает иерархию рабов: от царя наверху до последнего деревенского хозяйчика внизу — иерархия людей, которые не хотят и не могут работать, поскольку они имеют привилегию использовать своих ближних в качестве орудия труда.

Герцен называл крепостных «крещенная собственность». До Герцена о «мертвых душах» говорил Гоголь. Но Гоголь был совершенно прав, когда всеми силами стремился доказать, что христианское рабство основано на Библии. Царская же цензура была настолько христианской и настолько библейской, что запретила перевод на русский язык «Хижины дяди Тома», дабы русские читатели не усмотрели

здесь аналогии между рабами-неграми и крепостными мужиками. Жуковскому, несмотря на его тесные связи с Николаем I, было запрещено публиковать его перевод «Трех слов веры» Шиллера — «Человек создан свободным и является свободным, даже если родился в кандалах». То, какие ограничения налагались в России на нравственную и духовную свободу, показывает трагическая судьба поэта Сибирякова. Он был рожден в цепях, и его господин ценил его не за поэтический дар, а за искусство кондитера — этому ремеслу он и был обучен. Когда Жуковский и другие проявили интерес к поэту и пожелали выкупить его на волю, за него потребовали десять тысяч рублей.

Для людей просвещенных и гуманных сознание социального и морального уродства крепостничества делало уничтожение его делом первостепенной важности. Но эти соображения усиливались соображениями экономической целесообразности, согласно которым несвободный, принудительный труд никогда не отличался производительностью. И наконец, русские аристократы и помещики должны были понять смысл всех этих крестьянских войн, поджогов и убийств.

Освобождение крестьянства было *primum desiderium* — священной целью всех гуманистов XVIII века, масонских лож и тайных обществ, в первую очередь — декабристов. Смерть Пестеля не была напрасной; не были бесплодными страдания ссыльных, томящихся в Сибири. Не случайно именно в этом вопросе оказал решающее воздействие на Ростовцева, канцлера Александра II и одного из ведущих деятелей реформы, вернувшийся из ссылки в 1856 году князь Оболенский.

Уваровская философия крепостничества пала, как пал Севастополь.

История отмены крепостного права при Александре II была краткой, но выдающейся по своему значению. Шла отчаянная борьба между прогрессистами и умеренными, между сторонниками и оппонентами этого института. Положение императора было сложным, ибо вся придворная знать была против реформы, исключение составили только два человека (младший брат Александра Константин и его тетка Елена Павловна).

После заключения мира и провозглашения в 1856 году манифеста о мире царь воспользовался первой же возможностью поручить делегатам от московской аристократии рассмотреть возможность освобождения крепостных. Идя по стопам отца, он учредил в 1857 году тайную комиссию. Но, осознав бесплодность такого подхода, Александр, после того как литовские помещики сделали первый шаг в направлении освобождения крестьян, выпустил рескрипт с рекомен-

дацией образовать губернские «подготовительные комитеты», чем, наконец, обеспечил публичное рассмотрение вопроса. Прогрессивная пресса не замедлила хватиться за эту возможность; в 1858 году для решения этого вопроса была организована центральная комиссия, а 19 февраля 1861 года, в день вступления Александра II на трон, был издан освободительный манифест*.

Была подорвана основа русской аристократии, института праздности, уходящего своими корнями в многовековое прошлое; борьба между светом и тьмой закончилась победой света. Силам тьмы удавалось вводить в заблуждение даже столь яркую личность, как Пушкин, даже Гоголя они сбивали с пути; в целом же в заслугу русской литературы следует поставить то, что ее лучшие представители сыграли роль наиболее действенных противников рабства. Литература той эпохи боролась с рабством в глубине русской души. К концу сороковых годов деревенская жизнь и мужики стали ее главной темой. К этому периоду относятся «Деревня» (1846), «Антон Горемыка» (1848) Григоровича и «Записки охотника» (1852) Тургенева.

В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенева повествуется о том, как из глубин «немецкого моря» он вынырнул обновленным и очистившимся, ибо теперь ему уже была несносна жизнь дома, в России. «Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя; враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить»³⁰. Александр II утверждал, что чтение «Записок охотника» убедило его в необходимости отмены крепостного права. В таких делах Александр был часто склонен к самообману, но даже если он и его советники встали на путь освобождения из практических соображений, этот шаг тем самым не утрачивает своей ценности. «Лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться, когда оно будет отменено снизу», — эти слова царя-освободителя, сказанные перед московской знатью, напоминают нам о Екатерине II и кажутся более правдоподобными, чем ссылка на Тургенева.

* Крепостных, служивших дворовыми людьми, должны были освободить в течение двух лет с момента издания манифеста. За свое освобождение крестьяне должны были в течение сорока девяти лет выплачивать по частям компенсацию помещикам. Правительство, однако, расплатилось с помещиками сполна своими облигациями и само собирало платежи с крестьян.

§ 27

Освободительная реформа не дала быстрых положительных результатов ни в отношении крестьян, ни в отношении помещиков. Поэт Некрасов образно говорил об этой ситуации как о сильно натянутой цепи, которая при разрыве ударит одним концом по барину, другим — по мужику³¹. И для господ, и для мужиков освобождение произошло без промежуточных этапов, и должно было пройти изрядное время, прежде чем крестьянин, привыкший служить, и господин, привыкший повелевать, приспособятся к новым условиям. Более того, во многих отношениях первые экономические и финансовые последствия освобождения были неблагоприятны для обеих сторон. Все подобные освобождения влекли за собой определенный период беспорядка и смуты, который неизменно обращали себе на пользу различные спекулянты. Только по прошествии определенного времени можно было наблюдать воплощение (в той или иной степени) идеалов и планов, во имя которых проводилась реформа.

То же самое было и в России. Желая проникнуть в самую сущность российского освобождения крестьянства, мы должны помнить прежде всего о том, что не во всех бесчисленных сельских районах России положение крепостных было одинаковым. Размер оброка устанавливался и распределялся по-разному. В общем виде существовало две вышеупомянутых категории, но при ближайшем рассмотрении можно было насчитать до двадцати их разновидностей. Крестьянин либо нес перед помещиком трудовую повинность (барщина), либо платил ему ежегодную подать (оброк). Отработки и подати варьировались в зависимости от места и времени, оброк составлял от двадцати до пятидесяти целковых; в некоторых местах существовали так называемые «полукрестьяне», платившие господам лишь пол-оброка; были и другие разновидности. Оброк платили либо натурой, либо деньгами. В дополнение к податям, выплачиваемым своему господину, крестьянин должен был платить местные и национальные налоги.

Примечательно существовавшее различие между царскими (или государственными) и помещичьими крестьянами. В 1797 году от царских имений был отделены аpanажные³² поместья в пользу членов царской семьи. Крестьяне, прикрепленные к этим имениям, находились приблизительно в том же положении, что и царские крестьяне.

До 1861 года многие крепостные были крайне бедны, но среди них было немало вполне обеспеченных, встречались даже и богатые. Что

же касается помещиков, то среди них также были и богатые, и бедные. Не было редкостью превращение крепостного в богатого купца или владельца мануфактуры, что делало нестабильными его отношения с господином, который мог быть гораздо беднее его. У одного помещика могла быть тысяча «душ» крепостных во владении, — даже сто тысяч; у другого же — только несколько сотен или два-три, а возможно, и всего один крепостной. Две трети всех помещиков были в долгах перед банками, ибо крепостное право было разорительно не только для крестьян, но и для помещиков.

До 1861 года отношения также усложнялись различиями в статусе царских и аpanажных крестьян, с одной стороны, и помещичьих крестьян — с другой. Царские крестьяне были на оброке, сумма которого в большинстве случаев составляла меньшую величину, чем у помещичьих крестьян. Но среди царских крестьян имелись различные категории, и, как уже говорилось, однодворцы находились на особом положении.

Не следует также забывать, что и до 1861 года имелось определенное число полностью свободных и независимых крестьян, людей, освобожденных властью царя, либо помещика, людей, купивших себе свободу, и т. д.

В 1861 году в пятидесяти губерниях районах европейской части России имелось следующее число крестьян мужского пола:

Царские крестьяне	10 млн. 340 тыс. чел.
Помещичьи крестьяне	11 млн. 910 тыс. чел.
Аpanажные крестьяне	870 тыс. чел.

Из общего числа населения 38,1 % составляли помещичьи крестьяне, 37,2 % — царские и свободные крестьяне и 3,4 % — аpanажные крестьяне.

Следующая таблица демонстрирует процентное распределение земельной собственности до и после освобождения 1861 года:

	До освобождения	После освобождения
Царские крестьяне	64,6	45,6
Помещичьи крестьяне	30,6	22,6
Аpanаж	3,3	1,8
Свободные крестьяне и колонисты	1,7	30,0

В год освобождения владельцами крепостных являлись только 140 тыс. помещиков. Но из этих «помещиков» около 3—4 тысяч человек не имели земли, так что их крепостные являлись просто слугами.

Следует также помнить, что до 1861 года несвободные крестьяне обрабатывали клочок земли для себя самих и своих семей, платя

помещику за право пользования или выполняя за это трудовую повинность. Земля, выделенная крестьянам в 1861 году, была примерно на одну пятую меньше той земли, которой они распорядились ранее; это урезание было особенно заметно на плодородных землях, где цена земли была высока. В среднем каждый крестьянин мужского пола получил от трех до четырех десятин земли. На севере ему выделили семь десятин, в степях — десять, в районах Черноземья — не более двух десятин*.

В Освободительном манифесте имелось одно условие, ведущее к появлению нового социального элемента огромной важности — к формированию класса безземельных крестьян-пролетариев, количество которых исчислялось сотнями тысяч. Согласно этому условию, крестьяне, согласные довольствоваться одной четвертью причитающейся им земли («бесплатными наделами» или «нищенскими наделами»), должны были немедленно получать от своих господ полную свободу. Данная схема, если внимательно к ней присмотреться, была воплощением одного из прежних проектов освобождения, например, проекта Н. Тургенева.

А если вспомнить, что после своего освобождения крестьянин должен был продолжать платить выкуп, то не удивительно, что подобное условие являлось причиной недовольства со стороны крестьян.

И наконец, необходимо подчеркнуть, что крестьянин не получал землю в частную собственность, но мог иметь ее лишь как часть общинной собственности. Тем самым власть *мира* над каждым отдельным крестьянином увеличивалась, так как после 1861 года *мир* стал нести ответственность не только за налоги, но и за внесение выкупных платежей.

Обязанность выкупа оставляла крестьянина прикованным к своему помещику, и это положение сохранялось до тех пор, пока все деньги не были им выплачены. А это во многих случаях затягивало момент освобождения. Правительство ожидало, что следствием такого освобождения явится широкий размах беспорядков, и предприняло соответствующие военные меры. И действительно, крестьянские бунты, столь частые во времена правления Николая I, не прекращались и после освобождения. В 1861—1863 годах в двадцати девяти губерниях было зарегистрировано тысяча сто крестьянских бунтов, многие из которых были подавлены войсками.

Поэтому вскоре после выпуска манифеста освобождения, многочисленными экспертами было заявлено, что крестьяне получили

* Десятина равняется 1,0925 га.

слишком мало земли и что назначенный им выкуп несправедливо завышен. О земельном голоде крестьян говорили не только радикальные публицисты, такие как Чернышевский и Добролюбов и др. Даже умеренные писатели, как, например, Кавелин, указывали на существование острого аграрного кризиса и требовали дать крестьянам больше земли. В 1881 году (28 декабря) был снижен объем компенсационных выплат. В 1882 году был учрежден Крестьянский банк, крестьяне получили и другие послабления — хотя одновременно не были забыты и интересы помещиков, ибо в 1885 году был основан дворянский банк, и права крестьян были различными способами ограничены в интересах собственников земли.

Февральский манифест не испугал открытых противников освобождения. С целью сплочения своих сил они основали газету «Весть», ставили всевозможные препоны на пути осуществления реформы и подбивали помещиков добиваться от государства поддержки для себя. Некоторые из выступавших против освобождения реакционеров были сторонниками конституционного правления, но помыслы их не шли дальше аристократической сословной конституции.

В своем реальном воплощении освобождение крестьянства было результатом компромисса, заключенного между противниками и сторонниками крепостничества и между конфликтующими между собой проектами различных партий. В то время как крестьяне, естественно, хотели получить вместе со свободой и обрабатываемый ими надел, среди помещиков такого взгляда придерживалось ничтожное меньшинство. Наиболее передовые из помещиков считали, что если уж освобождать крестьян, то делать это надо одновременно с предоставлением им земли, за что должен быть выплачен выкуп либо самим крестьянином, либо государством, либо и тем и другим вместе. В Прибалтике освобождение было проведено безо всякого предоставления земли, так что крестьяне сами должны были арендовать всю ту землю, которая им была нужна. С таким устройством согласились бы и многие помещики в других губерниях, но и в этом вопросе имелись расхождения. Некоторые хотели, чтобы у освобожденного крестьянина не было бы никакой собственной земли, другие желали, чтобы ему дали приусадебный и садовый земельный участок; третьи предлагали частичную свободу передвижения и т. д.

Манифест 1861 года был нацелен на максимальное возможное удовлетворение пожеланий помещиков.

Крепостное право было уничтожено, начался аграрный кризис, а если быть более точным, он и не прекращался.

Освобождение крестьянства породило необходимость реформы всей системы государственного управления. Помещик утратил свое патриархальное и патримониальное значение. Он уже не являлся наследственным привилегированным чиновником царя, прямым и косвенным начальником крестьян, господином и экономическим эксплуататором. При Александре II нашли свое частичное осуществление требования декабристов, их конституционные проекты, задуманные как дополнение к освобождению крестьян — требования Н. Тургенева и Пестеля.

Первым административным следствием освобождения было смягчение системы телесных наказаний. В 1863 году вслед за шомполами были отменены плети и клеймение преступников. Сохранилось наказание палками и только в 1904 году волостные суды прекратили выносить приговоры в виде избияния палками, но в исправительных заведениях данная практика продолжалась и после того. Для женщин телесные наказания были отменены, за исключением случаев административных ссылок.

В 1864 году было введено новое судопроизводство, а также земское самоуправление.

Государственные суды существовали, конечно, и до 1864 года, но судьями в них были дворяне и помещики; предварительное следствие в то время находилось в ведении полиции. Нетрудно представить, как в таких условиях осуществлялось правосудие. Наиболее важным элементом реформы было внесение публичности в судопроизводство. Судебная власть обрела независимость от исполнительной, так как судьи стали несменяемыми. Был создан институт мировых судей, введен суд присяжных*.

О том воздействии, которое имели данные судебные реформы, можно судить по восторгу, с которым было встречено всей общественностью проведение первых новых судебных процессов, — как, например, в Петербурге 17 апреля 1866 года. Конечно, для того чтобы новая система по-настоящему заработала, потребовалось определенное время, а в некоторых районах введение ее в действие происходило крайне медленно. В Киеве ее не вводили до 1881 года!

Земства также вводились постепенно — да и то лишь в тридцати четырех русских губерниях. Наихудшим в процессе перемен было то, что силы абсолютизма и централизма попытались сохранить и упро-

* Назначение мировых судей, ведающих менее злостными случаями, не было повсеместным, практически ограничившись лишь крупными городами.

чить свое бывшее доминирование. Подходящим предлогом для абсолютистской централизации служила недееспособность местных властей.

Городам ряд свобод был дан несколько позже, чем сельским местностям. Либеральные устремления горожан вызывали у правительства немалое беспокойство, так что новое городское устройство не было введено в действие до 1870 года. Еще позже имела место незначительная гуманизация военной системы в духе освобождения крестьян. Ранее крепостной посылался в армию по капризу своего господина. Однажды рекрутированный, он должен был прослужить двадцать пять лет и пройти полный курс палочной дисциплины. Помещик отбирал для армии сыновей тех крестьян, которые находились у него в «черном списке». Впоследствии данное полномочие помещик начал использовать с денежной выгодой для себя, поскольку наиболее богатые из крестьян и горожане могли, конечно, откупиться от военной службы.

В 1857 году были отменены аракатеевские военные поселения. В 1874 году была введена всеобщая воинская повинность, а срок службы сокращен до пятнадцати лет, из которых на действительную службу приходилось семь лет. Из всех достигших призывного возраста мужчин посредством жребия отбирали то количество, которое было нужно на данный момент. Образованные мужчины из этого числа исключались³³.

Более упорядочены были также и финансы. Начиная с 1862 года финансовые проекты и бюджет предавались гласности; при этом особое внимание было уделено вопросу оздоровления находящихся в полном беспорядке государственных финансов. После 1866 года стали публиковаться финансовые отчеты.

Были осуществлены некоторые реформы в области налогообложения: губительная система отдачи на откуп права предоставлять лицензии на продажу алкогольных изделий была пресечена в 1863 году, а в 1880 году был отменен солевой налог; в целом же налоговое бремя возросло.

Тем не менее в правление Александра II оказалось невозможным покончить с дефицитом бюджета. Высоки были расходы на Русско-турецкую войну; необходимо было ускорить строительство железных дорог; нужны были деньги для школ и новых учреждений. В 1855 году регулярный государственный доход составил 264 млн. рублей; в 1888 году он возрос до 651 млн. рублей. К концу же правления Екатерины II национальный долг составлял приблизительно 215 миллионов; к моменту смерти Александра I эта цифра равнялась 1 миллиарду 345 миллионам. Несмотря на то, что при Николае и его преемнике

имело место более совершенное руководство финансами, продолжалось колоссальное нарастание долга.

Последовали также и реформы в области образования. В 1863 году для университетов был принят новый устав, предоставляющий профессорскому составу больше прав на самоуправление и сравнительную свободу преподавания. Николаевский режим в университетах был отменен вскоре после восшествия на престол Александра II. Осенью 1856 года юридическим кафедрам вновь было разрешено преподавать государственное право европейских стран, ранее запрещенное; было разрешено более углубленное изучение философии. Пусть это было всего лишь ответом на практические нужды — но образовательная политика вынуждена была ставить перед собой цель подготовки более дееспособных гражданских служащих, а также более полного использования преподавательского потенциала. Студенты также получили больше свободы; в 1861 году была отменена обязанность носить форменную одежду. Однако и новый устав не разрешал создавать студенческие общества. В правление Александра II было учреждено два новых университета — Одесский в 1864 году и Варшавский в 1869 году.

Было сделано больше, нежели в правление Николая, в деле развития средних и прочих школ; но в силу сложного финансового положения начальные школы, в которых Россия испытывала наибольшую нужду, повсеместно получали меньше средств, чем требовалось и чем назначалось самим правительством. Новообразованные земства с особой энергией работали в области развития начальных школ; широкий интерес к народной школе и к народному образованию привлек в эту сферу известных педагогов и писателей, таких как Пирогов, Ушинский, Стоюнин, Водовозов, Н. А. Корф, а также Л. Н. Толстой и др. Только с освобождением крестьянства действительно появилась на свет русская народная школа. До освобождения государство занималось исключительно образованием аристократов и чиновников. Некоторые авторы, особенно религиозно настроенные, похваляются, будто народное образование осуществлялось уже в допетровской России, но это ошибочное утверждение. Были усовершенствованы также кадетские училища.

Совершенно новой чертой эпохи было учреждение публичного образования для женщин. После отмены крепостного права появилась необходимость обеспечения лучшей подготовки дочерей представителей растущего класса образованных людей, а также дочерей дворян. Возрастала потребность в женщинах-учителях, женщинах-врачах, а также в квалифицированных работниках в целом, без различия пола. В 1869 году были учреждены средние школы для жен-

щин (гимназии и прогимназии). Женщины получили возможность получить высшее образование — сначала на специальных женских курсах, а позже (в 1878 году) — в университетах. Правда, вскоре в этой сфере проявилась реакция.

В целом же можно сказать, что все эти «великие реформы» были весьма ущербными, поскольку представляли собой полумеры. Незыблемой оставалась власть централизованной бюрократии. Старая сословная система оставалась в силе — поэтому освобождение крестьянства не оправдало всех надежд, которые связывала с ними прогрессивная интеллигенция. Сохранилась характерная для московского государства классовая сегрегация. В обществе все еще преобладали вековые устои.

Глава пятая

**ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПРОДОЛЖЕНИЕ
НИКОЛАЕВСКОГО РЕЖИМА ПОСЛЕ
КОРОТКОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО ПЕРИОДА.
РАЗВИТИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ПОДПОЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ;
АЛЕКСАНДР II КАК ЕЕ ЖЕРТВА.
УСИЛЕНИЕ ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ
И КОНТРТЕРРОРИЗМ. ПОРАЖЕНИЕ
РЕАКЦИИ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ**

§ 29

Русские все еще любят говорить о «шестидесятых годах», вспоминая при этом также и «сороковые». Несомненно, вследствие освобождения крестьян были высвобождены и здоровые силы нации, и во всех областях обозначилась активная деятельность, появились свежие начинания. Порожденные реформой 1861 года, изменения естественно стали весьма ощутимы в литературе и публицистике. Цензура стала менее жесткой, перед бюрократией встали конкретные задачи, которые надо было выполнять, и только благодаря реформе смогла начать оправляться от поражений армия. В обществе царил дух ожидания новых идей и программ, работ и достижений — и до некоторой степени ожидания эти оправдались.

Правление Александра II и начальные годы правления Александра III отмечены наиболее значительными сочинениями тех, кого Европа почитает как ведущих представителей русской ветви миро-

вой литературы. При Александре II увидели свет шедевры Достоевского и Тургенева; этот же период ознаменован активным творчеством Салтыкова, Гончарова, Писемского, Лескова, Некрасова, Островского и Л. Н. Толстого.

С освобождением крестьянства органически связан взлет так называемой этнографической литературы, в особенности художественного осмысления народной жизни. В конце 40-х годов этим занимались Тургенев и Григорович. Можно также упомянуть Глеба Успенского, Златовратского и некоторых других романистов, изучавших жизнь в различных частях России — этой чрезвычайно разнообразной как в этническом, так и в социальном смысле страны (Левитов, Якушкин, Мельников, Решетников, Помяловский и многие другие). Все эти авторы были «борцами за идею», ибо распространенные язвы общества подталкивали мыслящих людей к попыткам преодоления традиционного зла и к заинтересованной критике проектов реформ. Но помимо писателей этого направления существовал ряд личностей, склонных скорее культивировать искусство ради искусства; из числа таких людей я могу назвать Алексея Толстого и Аполлона Майкова.

После смерти Николая I цензура, как государственная, так и религиозная, стала мягче и либеральнее. Писатель и цензор А. Никитенко, на себе испытывший гнет крепостничества (он был освобожден своим хозяином графом Шереметьевым по рекомендации Жуковского и других уже после того, как стал известен публике), в своей широко известной работе «Записки и дневник» назвал коронацию Александра II, состоявшуюся 18 февраля 1855 года, поворотным пунктом новой эпохи. А. Никитенко был хорошо знаком с русской цензурой. Нельзя сказать, что правительство излишне спешило выказать свой либерализм. Предварительная цензура больших книг была отменена только в 1865 году, когда пресса выступила со специальным представлением министерству внутренних дел. Однако в период подготовительной работы в первое десятилетие нового правления было достигнуто так много в направлении освобождения крепостных и развития реформ, что последовавшая реакция, сумевшая подавить свободомыслие, уже не была столь эффективна в выполнении этой своей задачи, как прежде, при Николае I.

Благодаря относительной свободе прессы и литературы при Александре I различные философские и исторические течения, различные концепции России и стоящих перед ней задач могли развиваться более свободно и получали более полное выражение. Теперь публиковались идеи, которые при Николае могли обсуждаться лишь в тесном кругу.

В правление Александра II — это, естественно, относится и к последующему времени — существовала относительная свобода литературного самовыражения социально-политических идей. Роман превратился в форум социологического анализа общества и его эволюции; стихи уступили место прозе.

Позиции критики, отвоеванные для нее Белинским, были сохранены, противостояние с официальной Россией продолжалось.

В этой связи можно назвать многие неизвестные Европе имена, такие, как имена сторонников Конта — Майкова и Милютина, а также Дружинина, Анненкова и других. Огромным влиянием пользовались сторонники реализма шестидесятых годов, особенно Чернышевский, Добролюбов и Писарев. За ними следует Михайловский, чья деятельность в качестве критика простирается на тридцать с лишним лет.

Консервативная и реакционная критика заметно уступала прогрессивной литературе как числом, так и умением.

Характерными произведениями эпохи с ее интегрирующей направленностью являются историко-философские исследования, составляющие содержание и цель романа Чернышевского «Что делать?», заглавие которого исчерпывающе характеризует решаемую в нем проблему. Данная работа посвящена изложению различных существовавших философских доктрин; однако в нашем историческом обзоре мы можем лишь кратко охарактеризовать различные течения.

Противостояние России и Европы, старой и новой России, Москвы и Петербурга представлено противостоянием двух направлений — славянофилов (Киреевский, Хомяков и др.) и западников (Чаадаев и др.). Промежуточное положение занимали «почвенники» — те, для кого главную ценность представляла почва, земля; в компании с ними находятся и народники, чьи надежды связаны с простым людом, и такими народными институтами, как *mir* и артель.

Чернышевский дошел до принятия западного социализма; то же можно сказать и о Герцене, чей «Колокол» пользовался в то время значительным влиянием за рубежом. Работая бок о бок с Герценом, а порой и сотрудничая с ним, стал представителем революционного социализма и анархизма Бакунин.

Консервативное и реакционное направление, предводимое в журналистских кругах Катковым, имело в числе своих сторонников Победоносцева и не в меньшей мере Достоевского.

Как в практическом, так и в теоретическом смысле, эта альтернатива между старой и новой Россией вступила в критическую фазу при появлении на свет нигилизма и в дискуссии, развернувшейся вокруг этого своеобразного радикального направления мысли, нигилизм был особенно характерен для эпохи реформ шестидесятых и последую-

щего десятилетия, именно в противостоянии нигилизму вскрывается философское значение работ Достоевского. Самостоятельному рассмотрению этого вопроса будет посвящен специальный раздел данного исследования.

Далее необходимо подчеркнуть, что и богословие подпало под влияние этого философского потока. Знаменем времени явилась отставка в 1854 году Елисеева, профессора богословия, впоследствии известного журналиста. Одним из наиболее именитых либеральных богословов этого времени был Бухарев. В 1846 году он стал монахом и профессором, но в 1863 году порвал с монашеством, оставил духовное поприще и женился, с трудом зарабатывая себе на хлеб журналистикой. Этим внешним обстоятельством его жизни соответствовала богатая духовная жизнь, борьба с формальной верой и формирование мирских интересов и связи с запрещенной для монаха мирской литературой. Старшие церковные чины и Синод противодействовали учению Бухарева, привлекая для этой цели реакционных писателей — прежде всего печально известного Аскаченского.

Западная философия и литература, столь сильно воздействовавшая на русских при Александре I и Николае I, не утратила своих позиций; влияние ее даже упрочилось благодаря мощному импульсу, приданному английской философией. Особенно многочисленный отряд последовательных сторонников имел в России позитивизм. Позитивизм Фейербаха, оказавший решающее влияние на Герцена, Белинского и Бакунина, теперь был сознательно продвинут на шаг вперед под воздействием французского и английского позитивизма и особенно позитивизма Огюста Конта и Джона Стюарта Милля. Аналогичным образом далеко идущее воздействие оказали работы Спенсера и Дарвина и эволюционистов вообще.

Начиная с 1848 года активизировалось влияние немецкой философии, представленной сочинениями Гегеля и Фейербаха, а также работами противостоящих реакции материалистов Фогта, Бюхнера и Молешотта. В эти годы огромным влиянием в России пользовался Шопенгауэр.

Французское социалистическое учение тридцатых и сороковых годов после 1848 года стало более точным (если можно так сказать), будучи скорректировано немецким социализмом. Философия Лассалья имела в своей основе философию Гегеля; учение Маркса—Энгельса было основано на философии Гегеля и Фейербаха. Три мыслителя и социалистических организатора, Лассаль, Маркс и Энгельс, оказали решающее воздействие на радикальных русских и особенно на тех из них, кто имел возможность изучать социалистическую организацию за рубежом. Русские эмигранты познакомились с Интернационалом,

а позднее и организациями рабочего класса, основанными Лассалем и марксистами; им они отчасти обязаны своим политическим образованием.

Подобно Марксу и Энгельсу, определенным влиянием пользовался Штирнер, но куда более мощным было в России влияние французского социализма.

Следует отдать должное и влиянию «Молодой Германии», не забывая о ее литературных выражениях, в частности, о произведениях Гейне. Но на «Молодую Россию» воздействовали и все другие аналогичные движения: «Молодая Италия», «Молодая Польша», организация под предводительством Мадзини, известная как «Молодая Европа», а также аналогичные организации во Франции, Бельгии, Испании и т. д. Даже до 1848 года, а еще более после него, в течение всего периода реакции, русские политические эмигранты вступали в объединения с немецкими и другими эмигрантами в Швейцарии, Париже и Лондоне. Все эти влияния продолжали касаться и аристократии, но теперь постоянно ширились ряды буржуазной интеллигенции. Эта интеллигенция в свою очередь влияла на мужика, побуждая последнего к усвоению схожих идей. Мужичья масса могла быть консервативной либо прогрессивной — но в любом случае она была оппозиционна или даже революционна в своем мировоззрении, как показали частые мятежи. Мужик, как правило, неграмотен, но грамотность — это еще не все. Он умеет думать и наблюдать и делает то и другое порой не менее успешно, чем его образованные учителя. Мужик подмечает технические изменения и усовершенствования, возникающие в результате технического прогресса; он всегда перекинется парой слов с чиновником, офицером, купцом, коммивояжером; он знает, что происходит в «Питере» (Санкт-Петербурге); иногда он умеет читать и пересказывает прочитанное братьям. Из города к нему наезжают бывшие односельчане; в бытность свою рабочим и солдатом он знакомится с внешним миром; он знает по собственному опыту о произволе чиновников и равнодушии попов; он вновь и вновь переживает голод и лишения — и становится оппозиционером и революционером.

Поэтому когда в начале семидесятых ряд представителей интеллигенции начали «хождение в народ» — среди которого они жили в качестве учителей, писателей, рабочих и пр.; когда они начали свою практическую просветительскую работу, почва для них была уже подготовлена. Ошибочно полагать, что эта «пробуждающая» деятельность народников была безрезультатной.

Таким образом, русскому мужику не в меньшей степени, чем интеллигенту, предстояло преодолеть внутренний кризис. Что каса-

ется крестьянства, то этот кризис естественно должен был приобрести религиозную форму. Оппозиционное влияние раскольников никогда не затухало, но теперь к нему добавилось влияние европейского протестантизма, начавшего охватывать значительные массы крестьянства. В шестидесятые года на юге распространился штундизм; в семидесятые — штундо-баптизм (ныне неоштундизм); сходные с этим и прочие религиозные движения одно за другим возникали в народе. В Петербурге нашли своих сторонников лорд Редсток и, прежде всего, Пашков. Все эти тенденции сфокусировались в религиозных устремлениях Л. Толстого, а для Толстого, как и для многих других, учителем был мужик.

Так религиозный рационализм мужика занял свое место рядом с позитивизмом и нигилизмом интеллигенции. В своем романе «Штундид Павел Руденко» Степняк (Кравчинский) дает правдивое описание этой связи, рассказывая, каким образом верующий мужик-штундист идет рука об руку со студентами в революцию...

§ 30

В политической сфере в правление Александра II прогрессивно мыслящие личности ставили целью принятие конституции. Эта цель согласовывалась с декабристской традицией, сохранявшейся в публицистике эмигрантов — Н. Тургенева и Герцена... Как нам известно, в России, как и в других местах, 1848 год пробудил революционные политические надежды, которые не смогла приглушить последовавшая за ним реакция. Напротив, европейский пример стимулировал идею народного представительства, ибо в конце пятидесятых годов даже реакционная Австрия была вынуждена перейти к конституционному строю. В конечном счете влияние событий 1848 года свелось для русских к осознанию того, что не только французы, но и любимые Николаем I и его преемником пруссаки и немцы осуществили революцию. После освобождения крестьянства единственными абсолютистскими странами оставались Россия и ее официальный заклятый враг Турция — если не считать нескольких незначительных курьезов вроде Мекленбурга.

В начале шестидесятых годов во всех слоях и классах общества выявилось недовольство положением внутри страны. Освобождение крестьян само по себе породило значительное возбуждение, однако, его незавершенность обострила чувство неудовлетворенности. Психологически нетрудно понять тех, кто считал неадекватными полученные относительно широкие свободы. Предоставление этих сво-

бод во всех сферах правления побуждало к достижению новых, еще более значительных целей.

Сначала неудовлетворенность проявилась в университетах. Первая политическая демонстрация студентов состоялась в Петербурге в 1860 году, у могилы актера Мартынова. За ней последовали аналогичные выступления в других университетах, в результате чего год освобождения ознаменовался закрытием петербургского университета. Многие из отчисленных студентов отличались радикальными взглядами. Был арестован литератор Михайлов; писатель Авдеев был изгнан из Петербурга; возбуждение росло.

В 1861 году было основано первое конституционалистское подпольное общество «Великорус». Оно имело в своем распоряжении тайный типографский станок и напечатало несколько листовок. В 1862 году на свет появилось тайное общество, известное как «Земля и воля» (такое же имя имела впоследствии другая, более известная организация). Появились прокламации «Молодая Россия» и «К молодому поколению». Прокламация «Молодая Россия», распространявшаяся уже в 1861 г., агитировала за революцию и социальную республику. Были арестованы писатели Чернышевский и Писарев.

Несомненно, это движение было связано с подготовкой польского восстания.

В некоторых губерниях представителями дворянства публично отстаивалась идея установления конституционного правления и посылались напоминания царю с просьбой созвать земский собор. Дворяне Тверской губернии приняли этот курс в 1862 году.

Подавление польского восстания явилось прелюдией к началу открытой реакции, которая нашла в лице Каткова своего образованного духовного вдохновителя. Были урезаны конституционные права поляков; в 1864 году ранее независимая от России польская администрация была превращена в часть российской администрации; одновременно в противовес польской знати открыто поддерживались крестьяне. Реакция усилилась, потому что в восстании участвовало множество русских, а также потому, что Герцен, находясь под влиянием Бакунина, выступал в защиту поляков.

Русификация Польши быстро распространяется на другие нерусские области, начавшись в 1869 году с прибалтийских провинций.

Административные реформы действительно проводились, но на сам способ их проведения скоро стала оказывать влияние реакция. Решительный откат вспять произошел в 1864 году, когда был осужден Чернышевский, самый популярный из прогрессивных писателей, и сослан в Сибирь. Писарев был приговорен к заточению в крепости. Тогда было образовано тайное общество, духовным лидером ко-

торого был Каракозов, и в 1866 году произошло первое покушение на жизнь Александра II. По мере того как реакция усиливалась и становилась все более продуманной, оппозиция, в свою очередь, становилась все более энергичной и радикальной. Становилось все яснее, что царь был нетверд в своих целях, его самодержавные замашки не могли долее маскироваться либеральной фразеологией.

В 1869 году последователь Бакунина Нечаев строит свои анархистские козни, закончившиеся убийством одного из его же товарищей, студента Иванова. В рядах прогрессивной и революционной молодежи Нечаев не нашел большого числа сторонников, но в начале семидесятых годов началась пропагандистская деятельность просветительских кружков. Деятельность первого из них, под руководством Чайковского, была чрезвычайно хорошо организована. Еще более обозначилось политическое влияние Западной Европы. Пример Парижской Коммуны, развитие социализма и анархизма, широко развернувшаяся агитация, проводимая с помощью нелегально ввозимой литературы — все это имело стимулирующее и ободряющее воздействие. Еще одним фактором развития движения было знакомство молодых русских с Европой и европейскими университетами. В правление Александра II учеба в западных университетах поначалу дозволялась с большим либерализмом, чем при Николае I, и молодежь не преминула воспользоваться полученной привилегией. Русские студенты и студентки сотнями приезжали в Цюрихский университет. В 1873 году внезапно был выпущен приказ об их отзыве, в результате чего Россия пополнилась изрядным числом лиц, принадлежащих к культурной оппозиции. Начиная с 1872 года велась активная пропагандистская деятельность среди крестьян («хождение в народ»); годом раньше в 1871 началась пропаганда среди рабочих.

Никак нельзя сказать, что все эти усилия были пронизаны единым духом. Отдельные группы («Общества самообразования и практической деятельности») состояли из приверженцев Бакунина, Герцена, Лаврова и Ткачева. Зачастую членами одного и того же кружка распространялись учения народников, социализм и коммунизм, либерализм и анархизм.

Начиная с 1874 года правительство переходит к открытым попыткам подавить движение в целом. Были брошены в тюрьмы сотни молодых мужчин и женщин. После продолжительного предварительного заключения, которое иногда длилось годы, были организованы массовые процессы («процесс пятидесяти», «процесс девяноста трех» и т. д.).

В 1876 году была организована революционная партия, известная под именем «Земля и воля». Война с Турцией в 1877 году усилила

революционный настрой, ибо в ходе войны вскрывались все новые факты некомпетентности и коррупции, процветавшей при абсолютистском режиме. Вера Засулич совершила в начале 1878 года покушение на петербургского градоначальника генерала Трепова, в то самое время, когда русская армия подошла к Константинополю, что послужило сигналом к началу открытой борьбы. Смелый поступок Веры Засулич получил чрезвычайно сильный резонанс в обществе, потому что ее процесс происходил при участии присяжных заседателей, которыми она была оправдана. За выстрелом в Трепова в январе последовало августовское убийство Степняком (Кравчинским) шефа полиции Мезенцева.

В следующем 1879 году «Земля и воля» распалась на «Народную волю», состоящую из сторонников терроризма как метода борьбы, и на партию, поставившую перед собой цель политико-социальной пропаганды среди крестьян и рабочих и называвшуюся «Черный передел». Во главе движения террористов стоял Исполнительный Комитет, о котором шло много разговоров.

И опять военные и дипломатические неудачи Русско-турецкой войны вызвали поворот фронта борьбы против абсолютистского правительства.

Учащение публичных демонстраций, и в особенности непрекращающиеся отчаянные и полные духа самопожертвования нападения на высших сановников и самого царя, заставили реакцию круто изменить политику. В 1878 году начался ряд мер, отмеченных репрессивностью и произволом. Все чаще людей ссылали без суда; в различных губерниях учреждались трибуналы; население целых городов превратилось в объект надзора, а дворники стали полицейскими; были даны чрезвычайные полномочия губернаторам, а вскоре была учреждена должность генерал-губернатора, обладающего диктаторскими полномочиями. 2 ноября 1879 года царь выпустил обращение ко всем классам, призывая их совместными усилиями дать отпор террористам — но тщетно! С назначением министром внутренних дел Лорис-Меликова (1880) последовало смягчение антиреволюционных репрессивных мер (было упразднено николаевское третье отделение, смягчилась цензура и т. д.). Кроме того, Лорис-Меликов задумал проведение позитивных реформ в интересах крестьянства, надеялся провести административную реформу, но было слишком поздно.

9 марта 1881 года царь в указе министру внутренних дел одобрил конституцию, получившую известность как конституция графа Лорис-Меликова. Ее обнародование было отложено до двенадцатого числа. Когда же его достигли вести о готовящемся новом заговоре, царь распорядился опубликовать этот указ на следующий день

(13 марта) в официальной газете. Тринадцатого числа, как раз во время передачи проекта Лорис-Меликова в государственную типографию, «царь-освободитель» был взорван бомбой, брошенной в него крестьянским сыном Рысаковым³⁴.

Не подлежит сомнению то, что Лорис-Меликов не имел намерения подарить стране конституцию. Его «диктатура сердца» состояла не более чем в правовом регулировании репрессивных мер, в попытке усилить абсолютизм посредством реформирования и чистки бюрократии. «Подготовительные комиссии» должны были проводить проверку соответствующих департаментов правительства и представить свои предложения на суд «Генеральной комиссии». В Генеральную комиссию должно было войти определенное число членов «подготовительной комиссии», назначенных царем членов, а также делегаты от земств и крупных городов (от Петербурга и Москвы предполагалось иметь по два представителя) и несколько человек от тех губерний, в которых не было земств. Генеральная комиссия должна была заседать не более установленного срока и играть роль совещательного органа. После передачи предложений подготовительных комиссий в генеральную комиссию они подлежали утверждению Государственным советом как третьей, окончательной инстанцией.

Подобное ни в коей мере нельзя считать конституцией. Это была консервативная уступка умеренным сторонникам существующего строя. Аналогичный проект был подготовлен графом Валевым еще в 1863 году, доработан в 1866 году генерал-адмиралом Великим князем Константином Николаевичем, пересмотрен в начале 1880 года царем и его советниками, после чего отклонен. Александра действительно преследовал какой-то рок, ибо с момента своего вступления на трон он признавал необходимость некоторых уступок, но так никогда их и не осуществил.

§ 31

В начале своего царствования Александр III отдал приказ выполнить все, что намеревался осуществить его отец, без изменений, и принять конституцию Лорис-Меликова. Однако скоро он изменил это решение, и во всех сферах управления началась всеподавляющая реакция. Эта реакция приняла форму сурового отмщения за убийство Александра II и прослыла под именем «белого террора».

Даже самые строгие легитимисты должны признать, что сразу после смерти Александра II революционный исполнительный коми-

тет опубликовал официальное обращение царю, изумительно написанное, в котором указывалось на то, что конституция была единственным средством умиротворения России. Как бы в ответ на это 18 марта был создан «совет депутатов» при городской управе, которому надлежало осуществлять сотрудничество с генерал-губернатором Петербурга. Этот недолго просуществовавший орган стал известен в народе под именем «бараний парламент», так как тогдашнего градоначальника Петербурга звали Баранов. «Ограничить образование» — таков был формальный приказ царя министру просвещения.

Манифест, в котором Александр пообещал сохранять и укреплять самодержавие, доверенное ему Богом, был назван Катковым «манной небесной, возвращающей России и российскому самодержавию царя, облеченного властью Богом и подотчетного лишь Богу»*. Соответственно с этим управление страной было подвергнуто такой централизации, которая должна была упрочить самодержавие.

Выборы мировых судей были отменены, полномочия суда присяжных урезаны, земства поставлены под надзор земских начальников и состав их был ограничен исключительно представителями дворянства. Аналогичные изменения претерпело городское управление.

В августе 1881 года полицейский абсолютизм, начало которому было положено Александром II, получил дальнейшее усиление и систематизацию в постановлении «О мерах по охране государственного строя и по обеспечению спокойствия в обществе». Охрана эта была двух видов — «усиленная» и «чрезвычайная», первая вводилась на год, вторая на шесть месяцев. Однако министр внутренних дел мог потребовать от министерской комиссии продления срока действия обеих, и фактически Россия так и жила в этом «чрезвычайном» режиме, начиная с 1881 года!

* О христианском и легитимистском рвении непосредственных советчиков царя достаточно говорит тот факт, что Победоносцев с друзьями организовал тайную антиреволюционную «Священную дружину» (известную также под именем «Добровольной охраны»), целью которой было уничтожение врагов трона всеми возможными средствами, включая убийство. К концу 1882 года эти иезуиты абсолютизма установили контакты с исполкомом народолюбцев (были проведены переговоры с Лавровым, Михайловским и другими), стремясь получить сведения о его силе и именах ее руководителей. Но в декабре 1882 года назначенный министром внутренних дел граф Д. Толстой положил конец этой деятельности, так как, по его мнению, «Священная дружина» сама была революционной, причиняя беспокойство полиции. Кажется, этими же реакционерами была учреждена газета «Вольное слово», издававшаяся за рубежом и игравшая роль агента-provokatora. Одно время редактором этой газеты даже работал Драгоманов, не знавший о ее истинной сущности.

Административные репрессии сознательно подкреплялись ограничениями в образовании, как того хотел царь. На помощь Каткову пришел Победоносцев. Победоносцев, чье влияние при дворе продолжалось до конца 1905 года, сделал все, что мог, дабы противостоять революции всей мощью цезарепапизма. Он был воспитателем Александра III (который, в свою очередь, руководил воспитанием Николая II), и духовный настрой реакции определялся духовным обликом Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода.

Победоносцев был духовным отцом основанных в 1884 году церковно-приходских школ. В тот же год, благодаря постоянным нападениям Каткова, университеты получили новые уставы, урезающие до минимума научные исследования и практически отменяющие преподавание философии и науки о государстве. Были разрешены лишь те лекции по философии, в которых излагались учения Платона, Аристотеля и их предшественников! Прогрессивные профессора были уволены, их места заняли личности, взгляды которых отличались благосклонным отношением к правительству. Для студентов было вновь введено в обязанность ношение униформы. Вместе с тем в 1888 году в Сибири был основан Томский университет.

За средними школами осуществлялся тщательный надзор. В правление Александра II реакция уже начинала навязывать свою волю также и в этой области. Граф Д. Толстой, обер-прокурор Святейшего Синода в 1865 году и министр просвещения в 1866—1880 годах, провел свою пресловутую классическую реформу, которая навязывалась школе с 1871 по 1893 годы. Он объявил войну реальным школам, возобновив былые попытки противопоставить классицизм мятежному духу. Аналогичным образом пострадали и школы для девочек, так как реакционер граф Пален уже в 1874 году установил, что революционную пропаганду вели больше всего женщины. Участие в покушении на царя Софьи Перовской дало в руки реакционерам сильный козырь. Для осуществления практической подготовки было основано несколько коммерческих и промышленных училищ. Борьба была нацелена против философских основ прогрессивных и свободлюбивых устремлений, а для консерваторов и реакционеров нигилизм навсегда остался *enfant terrible*³⁵. Для того чтобы развязать себе руки в данном состязании правительством были сделаны некоторые уступки в других областях. Характерно, что в эпоху Победоносцева к раскольникам относились с большей терпимостью, а с 1884 года им было официально разрешено проводить богослужения. В то же время в отношении евреев и католиков была проявлена крайняя нетерпимость.

На пограничных территориях продолжалась русификация, в то время как в армии и гражданском управлении осуществлялась активная национализация*.

В 1881—1883 годах на юге происходили многочисленные еврейские погромы.

В правление Александра III к революционерам относились с беспощадной жестокостью. Правда, казни были сравнительно редким явлением, их насчитывают не более двадцати шести за тринадцать лет пребывания Александра III на троне, но отношение к заключенным и ссыльным было поистине бесчеловечным. В 1884 году Шлиссельбургская крепость была отдана под содержание наиболее опасных политических преступников; о том, что происходило за ее стенами, стало известно из многочисленных сообщений. Любимым орудием правосудия сделались вновь введенные розги. Обращение с политическими заключенными и сибирскими ссыльными было ужасным, происходило издевательство над их человеческими чувствами. В 1883 году целые отделения страдали от непереносимо плохого обращения; в 1889 году в Якутске измученные ссыльные оказали активное противодействие и обратились в Европу с просьбой наложить запрет на бесчинства, вследствие чего безобразия были несколько умерены.

Революционеры успешно осуществили несколько заговоров и дважды посягали на жизнь царя. В целом же царствование Александра III отмечено значительной политической депрессией и застоєм — и не только в России, но и в революционных партиях, действующих

* В конце правления Александра II процент немцев в различных департаментах был следующим:

Гражданская служба	32
Высшее военное командование	41
Имперский совет	36
Сенат	33
Министерство иностранных дел	57
Министерство внутренних дел	27
Министерство народного образования	28
Министерство финансов	27
Министерство по делам территорий	34
Министерство коммуникаций	34
Имперская аудиторская служба	18
Министерство морского флота	39
Военное министерство	46
Министерство имперского двора	
Имперские <i>aides-de-camp</i> (адъютанты)	39
Почта и телеграф	62

В это время немцы составляли 1,1 % от всего населения.

щие на Россию из-за границы. Это же справедливо относительно «Народной воли». Революционеры утратили свой пыл; некоторые отказались от терроризма и нигилизма и страдали от суровых репрессий. В этой связи возрастало влияние Достоевского, значительное воздействие возымела проповедь Л. Толстым непротивления злу насилием. Интеллигенция поворачивалась к религиозным вопросам, выказывая значительную склонность к в высшей степени туманному этическому анархизму.

Еще большей слабостью характеризовались в данную эпоху тайные организации либерального толка*.

В эпоху реакции, ставшую еще и эпохой внутренней трансформации, революционеры казались парализованными. За года, прошедшие с 1884 года, они практически ничего не совершили. Типичным для данного периода кризиса было поведение революционного вождя Тихомирова, перешедшего в лагерь Каткова. Распространение идей марксизма усилило паралич, в котором пребывало террористическое движение. Уже в 1878 году Степняк, нанесший Мезенцеву удар кинжалом, писал: «Мы боремся не с государством, а с буржуазией».

Марксизм определенно ослабил терроризм.

В 1883 году была основана первая партия, объявившая себя марксистской; она называлась «Освобождение труда». Временно обосновавшаяся в Женеве, она сохраняла тесные связи с интеллигенцией и рабочими России.

На протяжении восьмидесятых годов вся образованная Россия была занята тем, чем занимается она и поныне — рассмотрением проблем, поставленных во главу угла марксизмом. Наибольший интерес вызывал спор между народниками и марксистами относительно

* Начиная с 1861 года в России и за рубежом появились тайные либеральные объединения, следовавшие традиции декабристов в том, что касалось конституционных требований, но эти тайные организации были совершенно отличны от тайных революционных обществ. В их среде не велось никакой достойной упоминания пропаганды, особой притягательной силой они не обладали. Только в 1878—1879 годах либералы попытались вступить в контакт с революционерами, но переговоры оказались бесплодными. Во времена Лорис-Меликова было организовано несколько тайных обществ, но они не пользовались влиянием. Более широкую известность получили такие общества, как «Лига» и «Союз земств и самоуправления». Газета «Вольное слово», редактором которой в 1883 году и позже был Драгоманов, считалась печатным органом этих обществ, но более вероятно, что она служила целям вышеупомянутой реакционной группы «Священная дружина». Главным в программе «Союза земств и самоуправления» было требование Государственной думы (созываемой со всей империи посредством всеобщего избирательного права), а также земского собора. Последний понимался как орган местного самоуправления, первая — как орган централизации.

но экономического и капиталистического развития России. Несомненно, русский ревизионизм (Струве) развивался под влиянием народников. Возврат от материализма к философскому идеализму был связан с развитием ревизионизма. «Идеализм», — раздавалось с этих пор со всех сторон, — «идеализм против материализма!»

Призыв исходил не только от ревизионистов, но и от юристов (Новгородцев) и прежде всего от защитников того литературного идеализма, того мистически-религиозного движения, которое в последнее время стали связывать с учениями Достоевского и философа Соловьева. Особое положение занимал в этой связи Леонтьев, поборник теократии, человек оригинального склада ума.

Характерным выражением той социально-политической усталости, которая преобладала в правление Александра III, явилось творчество Чехова. Он проложил путь литературному декадансу, движению, известному как неоидеализм и неоромантизм³⁶. Среди представителей этой школы можно упомянуть Мережковского и Вольнского, первый из которых был поэтом и эссеистом, а второй — критиком.

Схожей по характеру было теологическое направление «нового просвещенного монашества», инициированное славянофилами (особенно Иваном Аксаковым) и Достоевским. Его представители желали отделения церкви от государства в интересах религии.

§ 32

Сторонники реакции не могли не сознавать необходимости экономического и финансового возрождения России. Экономическая реформа должна была укрепить реакцию и предоставить ей оправдание. Царь Александр III вел гораздо более простую жизнь, чем его предшественники. Будучи экономным, он не стеснялся решительно выступать против расточительности своих родственников.

С целью наведения порядка в государственных финансах министры Бунге, Вышнеградский и Витте увеличили поступления через повышение налогов и защитные пошлины и сумели таким образом преодолеть дефицит бюджета, несмотря на то, что национализация железных дорог потребовала больших денежных затрат. После коронации Николая II, в 1895—1897 годах, был введен золотой стандарт, посредством золота, накопленного в результате покупок.

Теократическая Россия, несмотря на собственную духовную самоизоляцию, должна была поощрять приток в страну иностранного

и нехристианского капитала. Волей-неволей царь-реакционер, вопреки проводившейся им протекционистской таможенной политике, должен был проводить внешнюю политику в направлении европеизации. Вследствие провала Русско-турецкой войны, проведенной Александром II, его сын с отчуждением относился к Англии и Германии. Как известно, после Берлинского конгресса Бисмарк, как мы теперь знаем, совершенно ошибочно стали рассматривать в качестве кровного врага («путь в Константинополь пролегает через Бранденбургские ворота»). Начатая в 1891 году таможенная война с Германией пришла к скорому концу осенью 1893 года с ликвидацией автономного русского таможенного тарифа, и в январе 1894 года в Берлине был заключен договор о наибольшем благоприятствовании. С Францией же был заключен альянс, царистский абсолютизм побратался с французской республикой, ибо в 1892 году парижская биржа взяла под свою эгиду российские ценные бумаги.

Экономическая политика была чревата осложнениями для русской дипломатии. Поскольку ближайшим соседом России являлась Германия, то именно ей следовало предоставить наибольшую свободу поставок и наибольший объем импорта для России. Фактически Германия имела крупнейший товарооборот с Россией; за ней шла Англия; Франция оставалась только на третьем месте, Китай и Соединенные Штаты имели больше деловых связей с Россией, чем Франция. В международных отношениях политическому фактору поэтому принадлежит огромное значение.

Россия все еще оставалась аграрной страной с преобладанием сельского населения, хотя за последние годы в ней начался сравнительно быстрый рост городов и развитие промышленности*.

Год	Процентное отношение городского населения к общему количеству населения	Общее число городского населения
1724	3,0	300 000
1784	3,1	800 000
1796	4,1	1 300 000
1812	4,4	1 600 000
1835	5,8	3 000 000
1851	7,8	3 500 000
1878	9,2	6 000 000
1890	12,8	19 900 000
1897	13,25	17 100 000

* За период с 1724 по 1897 год городское население возросло в 51 раз, а сельское — в 8 раз. Во Франции городское население составляло 41 %, а в Англии — более 75 % всего населения.

При Александре III и его последователях крестьяне получили определенные уступки. Начиная с 1883 года шла постепенная отмена подушной подати (в Сибири она была произведена только в 1899 году). Но в правление Александра III имел место огромный рост косвенного налогообложения. Основанный в 1882 году, Крестьянский банк помогал крестьянам приобретать землю, но еще большую помощь получали дворяне от Дворянского банка. После освобождения крестьян помещиков охватил жестокий кризис; правда, осложнения начались еще до 1861 года, ибо около двух третей всех владельцев крепостных были по уши в долгах.

В правление Александра III проводилась сознательная политика оказания финансовой поддержки, упрочения позиций дворянства. В 1883 году, в противоречие к прежним законам и обычаям был обнародован новый закон относительно имений, в которых нарушилась преемственность владения. Впредь эти имения должны были поступать не в собственность государства, как это было раньше, а отходить в пользу дворян. В 1885 году был учрежден Дворянский банк, целью создания которого было, как гласил его устав, сохранение ведущего положения дворянства в армии, местном самоуправлении и правосудии — с тем, чтобы своим примером дворяне давали образец веры и чести и распространяли здоровые основы национальной культуры.

В этом духе и с этой целью дворянству постоянно предоставлялись финансовые привилегии; в этом же духе вообще проводились реформы; но ни правительство, ни цари при всем желании не могли толком помочь дворянам*.

Немногим можно было помочь и крестьянам, страдавшим от острого земельного голода; а их земельные наделы были не в меньшей мере в долгах, чем владения крупных помещиков.

Рост населения уменьшил размеры крестьянских хозяйств. Средний земельный надел на одного крестьянина мужского пола составлял в 1860 году 4,8 десятины, в 1880 — 3,5, а в 1900 — 2,6 десятины.

Таким образом, при возрастании земельного голода земля с момента освобождения более чем удвоилась в цене. Средняя цена десятины земли менялась следующим образом:

1868—1877 гг.	19,1 руб.
1878—1887 гг.	26,5 руб.

* В период между 1863 и 1892 годами помещики, главным образом дворяне, лишились около двадцати пяти миллионов десятин земли. Ныне эта цифра значительно превышает сорок миллионов. Со времени освобождения землю свободно скупали зажиточные крестьяне, купцы и горожане.

1888—1897 гг.

42,5 руб.

Совсем не просто оценить действительное положение крестьянства в наши дни в отношении владения земельной собственностью в различных регионах. Но если вспомнить, что для обеспечения удовлетворительного пропитания средней крестьянской семье требуется около 12,24 десятин, то становится очевидно, что около трех четвертей крестьянских семей не имели достаточного количества земли.

Земельный голод порождает в русском крестьянстве хроническое недоедание, характеризующееся периодами крайнего обострения. Это можно проиллюстрировать следующими цифрами: 70,7 % всех крестьян не получают от земли достаточно средств для достойного существования; 20,4 % могут прокормить себя, но не могут содержать домашний скот; лишь 8,9 % имеют возможность покупать что-либо сверх необходимых товаров повседневного употребления. Согласно проверенным данным, на юге, в районах плодородного чернозема, русская семья из пяти человек остается, после уплаты всех налогов, не более чем с восьмидесятью двумя рублями, на которые ей предстоит жить целый год.

Назначенная Витте в 1903 году аграрная комиссия констатировала: «При нормальном урожае количество пропитания, получаемого крестьянином, оказывается на 30 % ниже физиологического минимума, необходимого для поддержания сил взрослого сельскохозяйственного рабочего».

Ежегодный урожай на душу населения составляет: зерновые — в России 246 кг, в Германии 316 кг; картофель — в России 131 кг, в Германии 620 кг.

В России при острой нехватке еды преобладали условия, знакомые Европе средних веков и в классической древности, но ныне сохранившиеся лишь в таких странах, как Индия. В Западной Европе голод является делом прошлого. А голодная Россия еще вынуждена экспортировать зерно!

Еще свежа память о великом голоде 1891 и 1892 годов; а в 1892 году разразилась и эпидемия холеры.

В шестидесятые годы государство потратило 797 тыс. рублей в год на оказание помощи охваченному нищетой населению. В 1870—1880 годах среднегодовые выплаты на эти цели составили уже 1 млн. 780 тыс. рублей. В 1881—1890 годах эта цифра уменьшилась, поскольку были хорошие урожаи и площади культивируемых земель несколько увеличились, в этот период расходы государства составили в среднем 1 млн. рублей в год. Но в 1891—1900 годах ежегодные расходы увеличились до 19,1 млн. рублей. В 1901—1905 годах вследствие неуро-

жая общий расход составил 118 млн. 57 тыс. рублей; в то же время за один 1906 год на эти же цели было израсходовано 150 млн. рублей.

В шестидесятые годы правительственная помощь потребовалась восьми губерниям, в семидесятые — пятнадцати, в восьмидесятые — двадцати пяти, в девяностые — двадцати девяти, а в период после 1900 года — тридцати одной губернии.

Эти данные тем более тревожны, что с 1861 года урожайность земли постоянно росла, хотя российское сельское хозяйство намного отстает от сельского хозяйства европейских стран*.

В периоды голода правительство Александра III продемонстрировало все свое ничтожество. Нечистая совесть самодержца заставляла его косо смотреть на филантропическую помощь образованных и обеспеченных классов и подавлять ее. Он никогда не жаловал «ходоков в народ»!

Еще одним свидетельством земельного голода явилась возрастающая миграция крестьян в Сибирь**.

Стоит ли говорить, что нехватка земли — не единственное объяснение всплеск голода. В определенных регионах земли было предостаточно. Я не имею здесь в виду земли кочевников и полукочевников, но говорю о таких районах, как Северный Кавказ, где средний размер крестьянского хозяйства часто превышает по размерам 20 десятин. Но и там, не меньше чем в Сибири и повсюду в России — за исключением северных регионов — крестьяне жаловались на земельный голод. Существуют многочисленные второстепенные причины хронического голода, среди них следует выделить отсталость российского сельского хозяйства.

Согласно сравнительной статистике, опубликованной в 1907 году российским министерством финансов, урожай пшеницы с десятины земли составляет в России 42 пуда, в Италии — 50, в Северной Америке — 60, Австрии — 75, Венгрии — 77, во Франции — 78, в Германии — 120 и в Англии — 137 пудов.

* Животноводство также находится на относительно низком уровне. поголовье скота на тысячу человек населения насчитывало в 1880 году 37,2 единицы, в 1906 году — 33, а в 1909 — 30 единиц. Кроме того, статистика показывает, что вес поголовья падал, и, в частности, падали надои. (А следует заметить, что уменьшение поголовья скота ведет к тому, что земля недостаточно унавоживается!)

** В 1885—1896 гг. в Сибирь переехало 912 тыс. человек; в 1897—1906 гг. — 1 387 532 человека; в 1906—1913 гг. переселенцы составили 2—2,5 млн. человек. Так же активно шла миграция на Кавказ и в Центральную Азию. Эмиграция на Запад в Америку была незначительной, но и она началась примерно в 1891 году. Многочисленной была еврейская эмиграция — в 1899—1906 гг. Россию покинуло более одного миллиона евреев.

Не следует полагать, что за низкие урожаи на русской земле ответственен один лишь крестьянин; играют роль чересполосица, отдаленность возделываемых земель от жилищ крестьян и прочие причины. Верно, однако, то, что в числе главных причин аграрного кризиса стоит необразованность крестьянина, низкая производительность его труда вкупе с общей нецивилизованностью и несправедливым распределением земли.

Со времени освобождения шло относительно бурное развитие мануфактурной промышленности. Промышленность явилась одним из благоприятствующих факторов освобождения; но и наоборот, освобождение крестьян поспособствовало дальнейшему развитию промышленности и торговли.

Освобожденные крестьяне хлынули в города и заполнили фабрики, которые быстро приобрели европейский и даже американский характер. Заработная плата устанавливается в соответствии со свободно заключаемым контрактом; идет использование современного оборудования; с помощью иностранного капитала развиваются крупная промышленность и капиталистическое предпринимательство. Старая Россия преобразуется экономически и социально, прежнее классовое деление заменяется новым водоразделом между классом капиталистов и классом наемных рабочих. Одновременно происходило преобразование торговли, а с начала шестидесятых годов пароходы и пароходы облегчили экспорт зерна в Европу.

Эволюция российской промышленности была столь быстра, усвоение капиталистических методов производства столь стремительно, что вскоре к крестьянской проблеме добавилась проблема наемного труда. Философствующие историки и другие писатели не могли не заметить порожденных развитием промышленности серьезных изменений. Они дали простор социалистическим и полусоциалистическим теориям народников и первых российских социалистов, надеющихся спасти аграрную Россию, Россию надомных производств от натиска голодного иностранного капитала.

Положение российских наемных рабочих было гораздо хуже положения их европейских собратьев по классу. Законы по защите труда были сравнительно не развиты, а социальное законодательство не столь эффективно. Опубликованная в 1869 году книга Флеровского «Положение рабочего класса в России», хотя и основывалась на несовершенных статистических данных, все же давала точную картину отчаянного положения крестьян и рабочих. С тех пор появились более надежные цифры. Мы знаем, что несчастные случаи на российских фабриках бывают гораздо чаще, чем на Западе, на некоторых пред-

приятных их количество достигало 22 %. О плачевных условиях жизни рабочего класса давно повествовала народная поэзия*.

§ 33

Александр III умер с верой в то, что Россия является величайшей и самой мощной монархией в мире. Он говорил о России как о шестом континенте. О нем ходит любопытный анекдот. Он ловил рыбу в Финляндии, когда к нему подошел министр иностранных дел Гирс по поводу одного неотложного дела, сказав, что Европа ждет ответа царя. Александр на это ответил: «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может и подождать».

До начала войны с Японией русская армия в десять раз численно превосходила своего противника, а русский флот был почти в три раза больше японского. Было завершено строительство Транссибирской магистрали, начатое при Александре III с целью обеспечения защиты России на Дальнем Востоке...

Война с Японией была начата с легкомыслием. Даже до разоблачений Куропаткина было известно, что кликой, более всех работавшей на войну, двигали мелкие и своекорыстные мотивы. Хотя Николай II в бытность свою наследником трона посещал Японию и Сибирь, хотя

* В настоящее время не имеется точных статистических данных относительно числа наемных рабочих в России, но следующие цифры можно принять как довольно верные.

Год	Число рабочих на проинспектированном предприятии (в тысячах)	Шахтеры	Всего
1900	1618	716	2334
1901	1617	683	2300
1902	1624	627	2251
1903	1684	610	2294
1904	1660	599	2259
1905	1785	582	2267
1906	1718	643	2361
1907	1762	657	2419
1908	1765	—	—
1909	1789	—	—

В среднем английские рабочие зарабатывают в два, а американские в четыре раза больше российских. Уровень жизни русского рабочего крайне низок. Четырнадцать рублей в месяц считается хорошей зарплатой для рабочего-мужчины. Русские рабочие ходят такие же голодные, как и русские крестьяне. (Цифры достоверны при условии, если рабочий год составляет 280 дней.)

официальный автор, освещавший путешествие царевича, заявлял о паназийской программе России, правительство России во время войны ничего не знало о том великом вопросе, который впоследствии нашел свое образное отражение в выражении «желтая опасность».

Можно адресовать читателя к рассказу князя Ухтомского о путешествии Николая в Восточную Азию в 1890—1891 годах. Там мы увидим написанное черным по белому, что национальной программой официальной и православной России стал паназийизм.

От византийского православия к паназийизму! Согласно фантазиям князя Ухтомского, все народы Азии с радостью примут правление белого царя, ибо в русской цивилизации, в русском национальном характере они найдут элементы, внутренне созвучные их собственному мировоззрению... В азиатских народах Ухтомский подмечал мистицизм и религиозную самосозерцательность, почитаемые славянофилами за исконно русские и православные качества.

С того самого времени, как Московская Русь достигла величия, одержав победу над татарами, получить доминирующее положение по отношению к азиатским народам, расширив азиатскую часть империи, стало осознанной или неосознанной целью России. Юг и Восток существующей империи были азиатскими, то же можно сказать и о Севере. Власть над Азией обреталась шаг за шагом. В 1701 году, в царствование Петра, в состав империи была полностью включена Сибирь; велись войны с Турцией и Персией, двумя величайшими исламскими державами; эти войны положили начало борьбе, исход которой все еще не определен; русскими стали Крым и Кавказ; были оккупированы Средняя Азия и бассейн Амура; теперь в Азии Россия вступала в контакт со своими европейскими соперниками, пробуждала дремлющую китайскую империю и высвобождала энергию бдительного островного государства*.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что Азия имеет для России огромное значение. Если согласиться с этим утверждением, то в программе Ухтомского не увидишь ничего особенного. Даже в романтической утопии паназийизма не было бы ничего предвзятельного, если бы советники будущего царя добросовестно взвесили все «за» и «против» азиатского вопроса. Но самой характерной чертой сочинений Ухтомского была невероятная поверхностность в оценке азиатских держав — прежде всего Японии. В то время как царь предавался паназийским грезам, японцы перенимали у Европы все,

* Русские территории в Азии составляют 16 млн. 550 тыс. квадратных километров; европейская территория в Азии равна 9 млн. 906 тыс. кв. км. Одна Сибирь почти так же велика, как вся Европа. Но следует помнить, что азиатские владения России не освоены и по большей части непригодны для экономического использования.

что только можно; и с помощью европейской цивилизации они сумели навязать России Портсмутский мир

В Манчжурии было пережито поражение — но поражение не русского солдата, а русского армейского командования, русского генералитета, петербургского двора и его дипломатии, а также русской бюрократии — короче, всего режима Победоносцева. Нехристианская, неправовая Япония одержала победу над православной «Святой» Русью.

Я не считаю, что японцы осуществили что-то экстраординарное в смысле стратегии; их финансовые ресурсы для ведения войны также не кажутся очень уж значительными (см.: *Helferich. Das Geld im Russisch-Japanischen Kriege. 1906*). Но в свете всего этого поражение России представляется тем более ужасным. С российской стороны нас часто и, возможно, правдиво убеждают, что, несмотря на все поражения, Россия смогла бы довести войну до победного конца, не случись в нем самой революция. Но разве подобное не является самым тяжким обвинением в адрес российской политики и управления? Невозможно отрицать того, что на Дальнем Востоке Россия потерпела поражение не от японцев, а от внутреннего врага; и этим врагом был цезарепапистский абсолютизм.

В последнее время вышло много работ, посвященных русско-японской войне. Широко известен в Европе «Красный смех» Андреева. Убедительный анализ войны дал Белорецкий, имеющий личный опыт участия в ней. В ряде рассказов он описывает настрой русской армии. Общее название его историй — «Без идеи». Различные персонажи пытаются раскрыть «идею» войны. Однако, в конце концов, один из офицеров заключает: «Какой смысл этой войны? Ее главный смысл состоит в том, что в ней нет вовсе никакого смысла...»

Глава шестая

ПЕРВОЕ ВСЕОБЩЕЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ МАСС; ЗАЧАТКИ КОНСТИТУЦИИ. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

§ 34

К концу правления Александра III конституционные устремления усилились. В последние годы жизни царя проект конституции ходил в рукописи, а после его смерти требование конституции открыто зазвучало в некоторых земствах. Однако новый царь Николай II при встрече с представителями дворянства, которые явились к нему с поздравлениями по случаю его бракосочетания, воспользовался этим случаем для того, чтобы категорично заявить о своей решимости охранять устои самодержавия не менее твердо, чем его отец.

Двумя днями позже по Петербургу начало циркулировать открытое письмо с критикой изложенной Николаем II программы. Объявление им войны против либерализма было встречено словами: «Вы начали борьбу, и схватка не заставит себя долго ждать».

И действительно, до начала борьбы оставалось ждать недолго.

Николай II продолжил репрессивную политику Александра III, во многих отношениях даже ужесточив ее. Однако новому царю не доставало резкой, но широко признаваемой авторитарности Александра III; частичным оправданием применяемых им репрессивных мер считалось убийство его отца. При Николае II не делалось сколько-нибудь серьезных попыток разрешить требующие внимания социальные проблемы; аграрный вопрос и реформирование коррумпированной власти попросту игнорировались.

Несмотря на неуклонный рост численности рабочих, ничего не было сделано для разработки трудового законодательства. Деятельность школ, научных коллективов и прессы была официально ограничена. Вскоре всем стало ясно, что новый царь, в отличие от своего отца, не имеет собственной воли и, в сущности, является заложником политики Победоносцева и своекорыстной клики Безобразова, Сахарова, Алексева и пр., чьим глашатаем являлась газета Каткова.

Раздражение и революционный настрой нарастали не только среди интеллигенции, но и в рабоче-крестьянской массе. В течение 1895 и в последующие годы имели место крупные волнения в рабочей среде; в 1896 году произошла забастовка тридцати тысяч текстильщиков Петербурга; еврейские рабочие создали социал-демократическую организацию «Бунд». В Минске в 1898 году была создана Российская социал-демократическая рабочая партия.

Примечательным, типично российским явлением стало оппозиционное движение университетов, в которых с 1899 года преобладали революционные настроения. Правительство ответило репрессивными мерами — студенты, принявшие участие в революционном движении, насильно рекрутировались в армию, однако это еще более разжигало страсти.

Профессора и писатели, придерживавшиеся прогрессивных взглядов, теперь смело вставали в ряды оппозиции. На моей памяти прозвучал в прессе протест против бесчеловечного обращения с людьми полиции и казаков, имевшего место 17 марта 1901 года.

Социал-демократы были против разрозненных революционных выступлений — их целью было развитие экономической организации и укрепление своей партии (их называли «экономистами»); но рост численности организованных рабочих породил идеи массового движения за политическую революцию. Наблюдалось сближение различных оппозиционных партий между собой, результатом чего стал своеобразный политический синкретизм; конституционные либералы оказались более способными к союзу с рабочим классом и нарастающим терроризмом, чем это было возможно во время предыдущих кампаний. Террористическая организация «Народная воля» распалась, но в 1901 году вновь возродилась уже как «партия социал-революционеров».

В отличие от «социал-демократической рабочей партии», партия социал-революционеров поддерживала терроризм как способ борьбы, возрождая в своей «боевой организации» традиции «исполнительного комитета». Под давлением этой партии, чья пропагандистская деятельность велась в основном среди крестьянства, социал-демократы тоже на время признали террористические акты допустимыми

в исключительных обстоятельствах. В различных революционных партиях проявилась тенденция к объединению ради осуществления совместных действий: несмотря на то, что все революционные партии были социалистическими, все же большинство было едино в том, что политическая революция в России должна была подготовить почву для революции социальной. Активную деятельность развили русские марксисты и особенно ревизионисты. Ортодоксальные марксисты и сторонники экономического материализма ощущали на себе воздействие ревизионизма, в результате чего государство было признано важным фактором наравне с экономическими условиями производства. Отстраненности марксистов от «чистой» политики пришел конец; был предан забвению экономический поход на буржуазию; рабочие, капиталисты и помещики объединились в требовании политической реформы.

Застрельщиками стали буржуазия и либеральная аристократия, подталкиваемые рабочим классом и крестьянством. Струве, социал-демократ ревизионистского толка, в 1902 году основал в Штутгарте журнал «Освобождение», продолжавший выходить до октября 1905 года. В январе 1904 года конституционалисты организовали «Союз освобождения», который должен был объединить деятельность всех радикальных и революционных партий России. Задача эта была совсем не простой, ибо в России у каждой национальности была своя собственная программа; но нужда заставила их объединиться, по крайней мере на время*.

В сентябре 1905 года «Союз освобождения» был преобразован в конституционно-демократическую партию**.

Война с самодержавием началась в 1901 году с покушения на министра просвещения Боголепова. В 1902 году последовало убийство

* Названия партий, собравшихся под знаменами «Союза освобождения», красноречиво характеризуют тогдашнюю политическую ситуацию. Вот они: 1. Российская социал-демократическая рабочая партия; 2. Социал-революционная партия; 3. Польская социалистическая партия; 4. Всеобщий еврейский рабочий союз; 5. Социал-демократия Польши и Литвы; 6. Пролетариат (Польская социалистическая партия); 7. Литовская социал-демократическая партия; 8. Латвийская социал-демократическая рабочая партия; 9. Союз латвийской социал-демократии; 10. Малороссийская (украинская) социал-демократическая партия; 11. Малороссийская революционная партия; 12. Грузинская социал-федералистская революционная партия; 13. Армянская социал-демократическая рабочая организация; 14. Белорусский социалистический союз; 15. Армянская революционная федерация; 16. Союз «Освобождение»; 17. Польская национальная лига; 18. Финская партия активного сопротивления.

** Уже в 1891 году появилась партия «народного права», ставившая своей целью объединение либералов и революционеров, но эта организация не пользовалась большим политическим влиянием.

министра внутренних дел Сипягина, выдавшего за два с половиной года пребывания в должности ордера на арест по политическим мотивам 60 тыс. человек. Следующим был Плеве (1904); затем последовало покушение на Великого князя Сергея; покушение на Победоносцева было неудачным.

Помимо этих отдельных терактов, шла подготовка рабочих организаций к массовой борьбе. С первого дня вступления Николая II на трон наблюдался неуклонный рост мощи политической оппозиции, кульминацией которого стало широкое революционное движение 1905 года*.

Несомненно, царское правительство и советники царя замечали признаки приближающейся бури, но продолжали надеяться, что для спасения самодержавия будет достаточно мелких уступок. В обнародованном в марте 1903 года манифесте царь сделал ряд туманных обещаний; в июне 1903 года полякам дана была привилегия вести религиозное образование на польском языке. Но в методах управления не произошло никаких перемен; в самой России продолжало нарастать недовольство, то же можно сказать о Финляндии, где 16 июня 1904 года был убит генерал-губернатор Бобриков, о Кавказе, да и обо всех остальных частях империи. Назначенный 8 сентября 1904 года преемником Плеве Святополк-Мирский добивался «доверия общественности», но его отношение к земскому собору в Москве показало, насколько ненадежен был его либерализм.

Этот собор произвел повсеместно огромное впечатление. Первоначально разрешенный Святополк-Мирским, впоследствии, по под-

* Приблизительную картину массовости революционного движения после восшествия Николая II на трон дают следующие данные о политических процессах и расследованиях:

Год	Количество дел	Количество человек	Административные меры	Количество человек
1894	158	919	56	559
1895	259	944	90	623
1896	309	1668	67	561
1897	289	1427	122	1474
1898	257	1144	149	1004
1899	338	1884	166	1325
1900	384	1580	144	1363
1901	520	1784	250	1238
1902	1053	3744	347	1678
1903	1988	5590	1522	6405

Эти сведения взяты из тайных отчетов министерства юстиции, опубликованных эсерами. В 1903 году при Плеве было арестовано 64 тысячи человек.

стрекательству Победоносцева и кое-кого из великих князей, он был запрещен. Тем не менее он состоялся 19—21 ноября 1904 года, и на нем были выдвинуты требования принятия конституции, проведения важнейших административных реформ и общих мероприятий по социальному обеспечению.

Отсчет начала массового революционного движения можно вести со времени процессии петербургских рабочих под предводительством попа Гапона. Организованные Гапоном рабочие Петербурга, равно как и рабочие, организованные Зубатовым в Москве, были настроены верноподданнически по отношению к царю. Вместе с некоторыми присоединившимися к ним социал-демократами они устроили самую обычную демонстрацию перед Зимним дворцом.

Это массовое шествие было разогнано императорскими войсками. Однако кровавое воскресенье 22 января 1905 года стало крупным поражением абсолютизма. Доказано, что демонстрация у Зимнего дворца была мирной, беспорядки имели место лишь на Васильевском острове, где было построено несколько баррикад и разграблены какие-то склады с оружием. После нападения войск на беззащитных людей возбуждение в массах резко возросло. Повсеместно — и в городах, и в сельских районах — возникали забастовки. Правительство Булыгина попыталось успокоить страну: в начале марта был выпущен манифест, который содержал рескрипт, предписывающий министру созвать депутатов для рассмотрения законодательных предложений, и указ Сенату, дающий право направлять петиции в Совет министров. Однако эти уступки не смогли восстановить спокойствия в стране. Более благоприятное впечатление произвело санкционирование в апреле свободы вероисповедания. Подготовка к организации всероссийского крестьянского союза и состоявшийся 14—16 августа съезд этого союза в Москве не могли не показать правительству, что планы Булыгина по успокоению страны стали уже анахронизмом.

Фактически, летом 1905 года волновалась уже вся страна — не только собственно Россия и ее главные города, но также Польша и Прибалтика. Особенно сильны были беспорядки в Латвии, в Финляндии и на Кавказе; брожение дошло даже до Сибири. Поэтому сразу после того, как в завершение Русско-японской войны 16 августа 1905 года был подписан Портсмутский мир, 19 августа была дана основанная на мартовских декретах конституция и издан закон об учреждении Государственной думы и об избирательном праве. Однако булыгинская конституция, предоставлявшая народу и его представителям в парламенте лишь совещательные полномочия, так и не была осуществлена, ибо земский собор отказался принять ее, а прошедшая в октябре стачка продемонстрировала настроения рабочего класса

и общества в целом. Можно даже сказать, что это была забастовка не только рабочего класса, но и всего общества. Предприниматели и купцы объединились с теми, кого они нанимали. В определившей исход дела забастовке на железной дороге бок о бок с рабочими участвовал технический персонал. Октябрьская забастовка стала грандиозным протестом объединенной России против царизма*.

О серьезности намерений революционеров свидетельствовало создание «Совета рабочих депутатов», который начиная с 13 октября 1905 года в течение пятидесяти дней руководил революционным движением в Петербурге. Совет состоял не только из рабочих и социалистов, но являлся попыткой сознательного сплочения всех оппозиционных и революционных сил.

Следствием октябрьской стачки явилось обнародование 30 октября (17 октября по старому стилю) конституции. Царь отказывался от сво-

* О масштабе этого движения дают некоторое представление цифры из приводимой здесь таблицы. Политические и экономические забастовки учтены вместе.

Год	Количество забастовок		Численность бастующих	
	абсолютное число	в % к числу фабрик	абсолютное число	удельный вес бастующих рабочих в %
1895	68	0,36	31 195	2,01
1896	118	0,62	29 527	1,94
1897	145	0,75	59 870	3,99
1898	215	1,13	43 150	2,87
1899	189	0,90	57 498	3,83
1900	125	0,73	29 389	1,73
1901	164	0,96	32 218	1,89
1902	123	0,72	36 671	2,15
1903	550	3,21	86 832	5,10
1904	68	0,40	24 904	1,46
1905	13 995	93,20	2 863 173	163,80
1906	6114	42,20	1 108 406	65,80
1907	3573	23,80	740 074	41,90
1908	892	5,90	176 101	9,70
1909	340	2,30	64 166	3,50

Согласно «Пролетарию», печатному органу социал-демократической рабочей партии, в сентябре 1906 года число российских социалистов (платящих взносы членов этой организации) составляло:

русских	31 тыс. чел.
поляков	26 тыс. чел.
латышей	11 тыс. чел.
«Бунд»	30 тыс. чел.

Заметим, что в Германии имеется 400 тыс. платящих взносы членов социалистической партии; в одной только Саксонии насчитывается 39 тыс. чел. В Италии в партии состоит около 45 тысяч членов.

их абсолютистских полномочий; Государственная дума наделялась законодательной властью; признавались основные конституционные права, неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

1 ноября 1905 года ушел на пенсию Победоносцев. Обер-прокурор Святейшего Синода почувствовал веление времени. После обнародования конституции митрополит Московский предписал священникам своей епархии молиться за реакцию, но 29 октября московское духовенство выпустило публичную прокламацию против своего духовного иерарха.

В борьбе с самодержавием объединились все сословия, все направления.

Главную силу этой первой массовой революции составили рабочие городов и сельских промышленных центров; рука об руку с социал-революционерами работали марксисты различных направлений.

После октябрьской забастовки и опубликования конституции крестьяне присоединились к рабочим и поддержали радикальную интеллигенцию земств. В конце года движение крестьянства обрело угрожающий характер, а в ходе 1906 года оно приняло форму бесчисленных местных столкновений и актов насилия, направленных против помещиков. Поэтому помещики и дворяне скоро охладели к революции и объединились с правительством, которое до поры до времени копило силы.

В борьбе за свободу участвовала средняя и крупная буржуазия; фабриканты и другие предприниматели продолжали выплачивать зарплату бастующим рабочим; служащие частных предприятий присоединились к рабочим и крестьянам в выполнении постановлений революционного комитета. Даже умеренными партиями радикализм был признан в качестве силы, способной одержать победу над самодержавием.

В восстании участвовали все университеты, студенты и профессора, писатели и журналисты в духе лучших традиций русской литературы и публицистики.

Новые настроения царили и в духовенстве, ибо алтарь не мог уже больше поддерживать шатающийся трон. Либеральные представители духовенства образовали «Братство защитников обновления церкви» и добились того, чтобы Синод потребовал от правительства созыва церковного собора. В соответствии с этим требованием была назначена комиссия для проведения необходимой подготовки.

Царизм готов был развалиться сам собой.

Главкомандующий войсками в войне с Японией должен был на глазах победившего врага оказывать сопротивление камарилье. Ты-

сячи раненых офицеров и солдат, чье здоровье было подорвано войной, пожинали горькие плоды царского самодержавия. Душой они страдали не меньше, чем телом, — все эти солдаты и офицеры, которые, несмотря на всю самоотверженность и мужество, вынуждены были уходить посрамленными с азиатского поля брани. На бескрайние просторы России возвращались и несколько сотен тысяч солдат-мужиков, тысячи и тысячи калек, которые будут рассказывать грядущим поколениям о преступлениях царского самодержавия!

На флоте недовольство было еще сильнее, чем в армии, о чем свидетельствовали открытые мятежи личных составов всех кораблей.

Все сословия и все интеллектуальные течения, люди всех национальностей, разнящиеся между собой по языку, традициям, культуре и религии, объединились против общего врага, демонстрируя замечательное естественное единение перед лицом противоестественного теократического деспотизма.

1905 год явился логическим следствием реформ 1861 года. Освобождение крестьянства выбило почву из-под ног самодержавия. Бывшие крестьяне, из которых набирались наемные рабочие, восприняли освободительные учения интеллигенции и теперь мозолистыми руками взялись за воплощение в жизнь надежд Радищева и лучших из его последователей. Революция 1905 года была вызвана к жизни не поражением на полях брани Дальнего Востока — она явилась продолжением восстания декабристов, итогом бесчисленных разрозненных террористических актов, плодом философского и политического просвещения.

Литературным глашатаем этой победоносной революции стал Горький, пролетарий и босяк.

§ 35

Романовы не спешили с конституцией, хотя своим избранием на русский трон они были обязаны земскому собору... Но тот, кто помнит, как нехотя, по капле уступал абсолютизм всю полноту политической власти у нас в Австрии; тот, кому знакома история реакции при Наполеоне, реставрации Бурбонов и аналогичных реставраций в других странах, не стал бы ожидать иного от царизма.

Октябрьский манифест был не более чем обещанием конституции. Выполнение конституции должно было бы проводиться законодательным собранием в соответствии с лучшими европейскими образцами; но царь и его советники ориентировались на наихудшие европейские примеры.

Прежде всего, при Витте был образован Совет министров в качестве общего министерства (1 ноября 1905 года), было несколько расширено избирательное право (24 декабря 1905 года) и поднят статус бульгинской думы. Государственный совет, расширенный за счет выборных членов, был преобразован в нечто вроде сената (5 марта 1906 года), но царь оставил за собой право назначать председателя и членов в количестве, равном числу выборных членов Сената. Дума собралась 10 мая 1906 года. Незадолго до ее созыва, 6 мая, были опубликованы в новой редакции основные законы, особо оговаривающие правовой статус царя, за которым было оставлено исключительное право законодательной инициативы по изменению основных законов. Провозглашение этих основных прав произошло вполне самодержавно, посредством указа.

Первая дума была избрана непрямым голосованием. Сельские избирательные округа были сравнительно многочисленными, так что хотя и есть правда в том, что предпочтение села перед городом соответствовало русским условиям, очевидно и то, что правительство спекулировало на политической апатии крупных сельских регионов и на недостатке в них политической культуры. Кроме того, помещикам были даны особые привилегии.

Почти половину членов первой Государственной думы составляли крестьяне. Если быть точным, на 13 июня 204 из 478 депутатов были крестьянами, что равняется 45,5 %. Остальные депутаты были представителями интеллигенции. Вообще говоря, в думу были посланы лучшие представители как от самой России, так и от национальных меньшинств. Среди избранных было лишь два неграмотных члена.

10 марта в Зимнем дворце царь открыл заседание Государственной думы тронной речью. Председателем был избран кадет Муромцев, уволенный в правление Александра III с кафедры римского права в Московском университете.

До и особенно во время выборов началось формирование первых публично и законно признанных политических партий. Само собой разумеется, что в это время они находились в зачаточном состоянии, ибо их программа и организация могли быть отработаны только в процессе практической деятельности. Сто пять депутатов были беспартийными.

Естественно, в думе были представлены все три фракции — правая, левая и центр, и каждая из них тоже имела свои ответвления. В первой Государственной думе слабее других была правая фракция. С самого начала в думе было несколько независимых депутатов, на деле принадлежавших к правому крылу. Они впоследствии составили груп-

пу «прогрессистов» из двенадцати человек, возглавившую проправительственную настроенную оппозицию. Левые и центр составили антиправительственное большинство с огромным численным перевесом. Группа левых тоже сначала состояла из независимых депутатов. Около ста из них объединились в рабочую партию («трудовики»). В эту партию входили те немногие из социал-демократов и эсеров, которые все же попали в думу, несмотря на то, что эти партии бойкотировали выборы. Только позже некоторые из социал-демократов были избраны на Кавказе в соответствии с тактикой партийного меньшинства. Они образовали в думе независимую группу, состоящую из семнадцати депутатов. Эсеры не составляли самостоятельной партии.

Центр состоял из четырех фракций. Его основу составляли конституционные демократы, насчитывавшие 160 человек. К центру относилось также незначительное число демократов-реформаторов; сюда же принадлежала и партия «мирного обновления»; здесь же были и члены «Союза 17 октября». Группы центра стали называть кадетами по первым буквам названия их крупнейшей фракции.

Пять национальных партий — поляки, эстонцы, латыши, литовцы и малороссы иногда объединялись в «Союз автономистов». В этой фракции было около 70 человек, но членство в ней было весьма подвижным, ибо время от времени члены этой фракции примыкали к другим партиям*.

С самого начала правительство и бюрократия были враждебно настроены по отношению к думе. Несомненно, требования этого

* Вне думы существовали и другие партии. В начале 1906 года было создано одиннадцать партий, каждая со своей собственной программой. *I. Правые и реакционеры:* 1. Умеренные прогрессисты; 2. Национальные экономисты; 3. Всероссийский торгово-промышленный союз; 4. Союз 17 октября; 5. Партия закона и порядка; 6. Конституционные монархисты (царисты). *II. Центр:* 7. Конституционные демократы; 8. Либералы; 9. Радикалы. *III. Крайние левые:* 10. Социал-демократы; 11. Социал-революционеры.

К концу 1906 года насчитывалось двадцать три партии и объединения. *I. Консервативные и реакционные:* 1. Русская монархическая партия; 2. Союз русского народа; 3. Российский союз. *II. Центр:* 4. Торгово-промышленный союз; 5. Союз семнадцатого октября. *III. Либеральные демократы:* 6. Партия национальной свободы (конституционные демократы); 7. Партия демократической реформы; 8. Либералы; 9. Радикалы. *IV. Революционеры (крайние левые):* 10. Российская социал-демократическая рабочая партия; 11. Социал-революционеры; 12. Народные социалисты (молодые народники); 13. Бунд (еврейский рабочий союз); 14. Социал-демократия Польши и Литвы; 15. Литовская социал-демократия; 16. Украинская революционная партия; 17. Латышская социал-демократия; 18. Польские социалисты; 19. Армянская революционная партия; 20. Грузинские социал-федералисты; 21. Старо-русский крестьянский союз; 22. Союз железнодорожников; 23. Союз учителей. Это не исчерпывающий список партий и объединений — перечислены лишь наиболее важные и сильные из них.

органа законодательной власти носили радикальный характер, но ультрареволюционные партии, в частности, эсеры, недвусмысленно отвергли террористические методы; более того, все революционные партии, социал-демократическая партия, социал-революционная партия и «Союз освобождения» в новых условиях претерпели заметные изменения.

В социал-демократической партии образовались две группы: «большевики», представлявшие собой сторонников революционных методов, и «меньшевики» (под руководством Плеханова и др.), придерживавшиеся социал-демократических методов и допускавшие радикализм лишь в исключительных случаях*.

Большинство хотело бойкотировать думу, но меньшинство выражало желание участвовать в выборах.

Эсеры подразделялись на умеренных народных социалистов (называемых еще молодыми народниками или неонародниками) и на «террористов-максималистов». У этой последней партии имелся и свой центр с неопределенной направленностью**.

Перед первой Государственной думой стояли две основные задачи. Необходимо было решить аграрную проблему. Следовало не только законодательно закрепить политические свободы, но усилить контроль над администрацией и ее реформированием. В обращении, прозвучавшем в ответ на тронную речь, были высказаны оба этих требования. Был подготовлен проект аграрной программы, принципиально нацеленной прежде всего на экспроприацию частного земельного владения; было выдвинуто требование правовых и административных гарантий основных прав; политические заключенные и арестанты должны были получить амнистию.

После выборов в Государственную думу Витте сменил Горемыкин. Правительство объявило левой думе войну, и 10 июля она была распущена. Непосредственной причиной роспуска явилась аграрная про-

* Относительно дальнейших подробностей, касающихся социал-демократов, см. в § 152, а об эсерах см. § 167.

** В циркуляре, выпущенном полицейским департаментом в начале января 1907 года, в качестве революционных названы следующие группы и партии: 1. Социал-революционеры; 2. Анархо-коммунисты, непримиримые, махаевцы; 3. Российская социал-демократическая рабочая партия — «большевики» и «меньшевики»; 4. Всеобщий еврейский рабочий союз в Польше, Литве и России (включая «Бунд», пользующийся влиянием главным образом на западе страны); 5. Польская социалистическая партия, Социал-демократия Царства Польского и Литвы, Пролетариат; 6. Армянская партия революционеров-федералистов (Дрошак или Дашнакцутюн); 7. Грузинская партия революционеров-федералистов (Сакартвело); 8. Финская партия активного сопротивления; 9. Независимая организация воинствующих революционеров и социалистов-сионистов («Поалей Цион»), а также Союз освобождения.

грамма. Когда правительство в решительных выражениях отвергло предложения думы, то депутаты выпустили манифест, обращенный к народу, за что и была распущена дума.

Роспуск думы совпал с отставкой кабинета Горемыкина. Премьер-министром стал Столыпин, бывший при Горемыкине министром внутренних дел.

В этот момент в Выборге была проведена встреча 180 членов думы, которые приняли решение выпустить манифест к народу, призывающий его отказываться от уплаты налогов и от призыва в армию. Этот манифест был издан не от лица думы в целом, а за подписями выпустивших его отдельных депутатов. Правительство возбудило против подписантов судебный иск, так что впоследствии они лишились права участвовать в выборах во вторую думу.

Первая Государственная дума не просуществовала и полных трех месяцев, а с 10 июля 1906 по 20 февраля 1907 года Россия существовала без думы.

Предпринятые правительством реакционные меры привели к катастрофическим последствиям. В стране росли революционные настроения. Одновременно поднималась и волна далекой от политики анархии, выразившейся в убийствах, кражах и грабежах частных и общественных денег. Это крайне затрудняло политическую агитацию, прежде всего для революционных партий.

В качестве защитной меры правительством были введены трибуналы, которые действовали быстро, но допускали явную несправедливость в своих решениях. Известно, что в целом ряде случаев ими были осуждены невинные.

Военное правосудие, конечно, оказывалось «слепым» в тех случаях, когда ему это было удобно. Так, оно оказалось не в состоянии отыскать убийц члена думы Герценштейна, хотя вскоре стало известно, что это было делом рук неких уголовников, связанных с «Союзом русского народа».

Продолжались беспорядки и среди крестьян. В 1906 году был неурожай и, как следствие, пришел старинный враг мужика — голод. Сельское население выражало крайнее недовольство. Перед лицом нужды политические требования были забыты. Политическая агитация, которую вели радикалы и революционеры, не получала сколько-нибудь серьезного отклика, в частности, ввиду того, что правительство, желая вырвать инициативу из рук следующей думы, взяло на себя решение аграрной проблемы. В соответствии с этой политикой после сбора урожая 1906 года были обнародованы указы, оказавшие огромное влияние на положение общин и крестьянина как землевладельца. Указ от 5 октября 1906 года ставил крестьян в равное с

другими сословиями положение относительно раздела семейной собственности и свободы выбора места жительства, лишая тем самым *мир* той власти, какую он ранее имел над отдельным крестьянином. Согласно указу от 9 ноября 1906 года, каждый глава семьи имел право потребовать от *мира* свою долю земли для превращения ее в частную собственность. Для проведения этого решения в жизнь были образованы «комитеты по наделению крестьян землей», подавляющее большинство в которых составляли чиновники и помещики (десять голосов против трех у представителей крестьянства). Стараниями комитетов и с помощью аграрного банка правительству удалось достичь умиротворения крестьянства еще до созыва второй думы. Дополнительным фактором умиротворения являлось, конечно, введение конного патрулирования в ряде районов страны. И тем не менее, следует признать, что введенное правительством аграрное законодательство отвлекло внимание крестьян обещанием существенных перемены, которые вносил в их жизнь указ от 9 ноября и связанные с ним реформы судебной, образовательной и других систем*.

В городах и промышленных районах социальное недовольство среди рабочих было относительно высоким, а промышленный кризис, начавшийся осенью 1906 года, стал дополнительной причиной волнений.

Правительство пыталось показать себя с либеральной стороны посредством уступок староверам и сектантам, но, несмотря на это, отношение к нему общества оставалось враждебным. Хотя согласно новой избирательной системе, введенной Витте 11 сентября 1906 года, и некоторым изданным Сенатом декретами пассивное избирательное право (право на избрание) было сфальсифицировано, дабы оттеснить нежелательных кандидатов, оппозиционное большинство сохранилось и во второй думе. Правительство, конечно, постаралось обеспечить в этой думе то, чего не хватало в первой думе — надлежащим образом организованное правое крыло. В то же время во вторую думу было избрано гораздо больше социал-демократов и эсеров. Правая фракция состояла из двенадцати членов «Союза русского народа», срока трех «умеренных» (среди которых была партия октябристов) и пятидесяти независимых кандидатов.

* Примечателен закон от 19 июня 1910 года, по которому крестьянин, чья собственность не подвергалась разделу с момента освобождения, объявлялся собственником. Заслуживают внимания и последующие законы 1910 и 1911 годов, согласно которым единственными собственниками назначались главы семей. Прочие члены семьи, ранее имевшие право на часть собственности, теперь лишались этого права без какой-либо компенсации.

Центр составили 96 конституционных демократов (председатель вновь был избран от этой группы — на этот раз им стал Головин); 46 поляков и один член партии демократических реформ.

Группа казачества, занимавшая промежуточную позицию между центром и левыми, насчитывала 17 членов.

В левую фракцию вошли 69 социал-демократов, 37 эсеров, 103 члена рабочей партии и 15 народных социалистов.

Мусульмане, численностью в 28 человек, были наиболее близки к левым.

Вторая дума просуществовала лишь на несколько дней дольше первой — с 5 марта по 16 июня 1907 года. Когда 15 марта в думе обрушился потолок, суеверные люди, конечно, посчитали это дурным предзнаменованием. Но и независимо от этого вдумчивые политики и внимательные наблюдатели имели основания ожидать, что этой думе, как и первой, скоро будет «перекрыт кислород». С самого начала правые ставили своей целью провоцирование большинства реакционными и односторонними предложениями, дабы показать, что дума неработоспособна.

1 июня правительство потребовало выдачи 16 депутатов, обвиненных в преступном заговоре, а также исключения из палаты 39 членов социал-демократической партии. Назначенная для рассмотрения данного вопроса комиссия не смогла прийти к какому-либо решению, и 16 июня манифестом царя вторая дума была распущена. Царь приводил различные причины выражения недоверия думе, среди которых главной была та, что дума отказалась выступить с осуждением убийц и террористических актов.

В день роспуска думы правительство самовольно обнародовало новый закон о выборах. Число депутатов было уменьшено до 437; избирательные права городского населения, рабочих и крестьян (составляющих половину электората) были сильно урезаны, а власть мелкопоместного дворянства и земской бюрократии расширена. Из-за этого третья дума стала в основном аристократической, — думой консервативных крупных землевладельцев. Правая партия и центр, состоящий из октябристов (107 человек), имели почти три четверти всех голосов; кадеты (56 человек) и сильно уменьшившееся число радикалов и революционеров составляли незначительное меньшинство; кроме того, кадеты потеряли нескольких своих лидеров. У социал-демократов было всего 17 мест, у рабочей партии и народных социалистов — 16, эсеры бойкотировали третью думу.

Экономический кризис 1906 года продолжился в 1907 году. Опять во многих губерниях был неурожай; результатом промышленного кризиса стал ряд забастовок; а на юге ко всем этим неурядицам добави-

лась эпидемия холеры. О масштабах экономического кризиса России можно судить по сокращению населения Одессы — оно уменьшилось на сто тысяч человек.

Выборы закончились 1 октября, а 2 октября третья дума начала свою работу. Характер новой ситуации сразу обнаружил себя при выборах председателя и его заместителей. Председателем был избран Хомяков, октябрист и подручный правительства, потомок знаменитого славянофила; заместителями также стали правые депутаты.

Во время дебатов вокруг текста обращения патриарх Митрофан потребовал признания царского самодержавия. Это предложение было отклонено палатой; но Столыпин в своем заявлении выразил ту же идею, хотя и в несколько замаскированном виде. В преамбуле же к этому заявлению звучало достаточно ясное признание самодержавия. Столыпин угрожал революции и партиям крайне левых партий насилем.

Наиболее красноречиво о характере третьей думы свидетельствует тот факт, что депутатами были избраны почти 60 священнослужителей различных чинов; а священник-либерал Петров, который вместе с некоторыми другими представителями духовенства входил во вторую думу в оппозицию, не смог добиться переизбрания.

С помощью думского большинства столыпинское правительство делало все возможное для реставрации прежнего режима. Дворянство, и особенно консервативное мелкопоместное дворянство, пожинало обильный урожай. Правительство и церковь (Синод) ограничили все предоставленные свободы. Пресса, школы, неправославные верующие, священники и чиновники либеральных взглядов притеснялись, над их убеждениями совершалось насилие. Третья дума, как и две предыдущие, обсуждала политические права граждан и основные права личности, ибо эти важные части конституции были провозглашены царем в одностороннем порядке. Происходили массовые аресты, и тюрьмы ломались от политических «преступников»...

Планомерно организовывались совершенно нелепые массовые процессы. 12 декабря 1907 года социал-демократические «заговорщики» второй думы были осуждены; и в тот же день начался суд над 169 депутатами первой думы — конечно, и они были осуждены.

Четвертая дума, избранная в 1912 году, была аналогична по своему составу. Однако левые усилили свои позиции. Объединенные усилия правительства и Синода, которые трижды совершенно открыто пытались с помощью своей избирательной канцелярии изменить итоги выборов, не обеспечили ожидаемого большинства.

§ 36

Если мы желаем понять самодержавие и революцию, то нам следует повнимательней присмотреться к методам контрреволюции. Октябрьская забастовка 1905 года вызвала смятение и замешательство царского правительства. Подобным образом в 1848 году потеряло самообладание венское правительство и сначала уступило натиску революции. Растерянность российского правительства наиболее ярко проявилась в его манипуляциях с законами о печати.

На основе октябрьского манифеста публицистика просто сама дала себе свободу слова. Под ее давлением в декабре 1905 года правительство отменило предварительную цензуру в городах и сделало ряд других либеральных уступок, оставляя в неприкосновенности старые репрессивные инструкции и дополняя их новыми. И на самом деле после октября 1905 года журналисты, по крайней мере петербургские, пользовались такой свободой, о которой и по сей день не слыхивали у нас в Австрии. Безудержной критике подверглись не только предшественники правящего царя, но и сам Николай II на время стал объектом критики, хотя и осторожной. Широкая свобода была и в книжной области. Книжный рынок вдруг совершенно изменился. Ранее запрещенные книги, как отечественные, так и переводные, теперь публиковались без препон, да еще зачастую одновременно несколькими издательствами. Так, быстро вышли массовыми тиражами сочинения Радищева, декабристов, Герцена, Кропоткина, Чернышевского и пр., ранее конфискованные и подвергшиеся цензуре произведения и части произведений Достоевского, Тургенева, Толстого, сочинения Маркса, Лассалья, Плеханова, Спенсера, Штрауса, Фейербаха, Спинозы, Дидро и Вольтера, статьи и книги социалистического издательства в Штутгарте и т. д. Россия была обеспечена набором революционной литературы на весь последующий период реакции, когда только и можно было найти досуг для спокойного и внимательного прочтения и усвоения всего того, что было издано массовыми тиражами в короткий срок.

Но после определенных колебаний в отношении революции правительство собралось с силами, и к концу декабря 1905 года царизм начал новое продуманное контрреволюционное наступление.

Прежде всего, правительство попыталось спасти абсолютизм туманными и двусмысленными трактовками понятий. Это, в частности, относится к понятию единоличного господства, или самодержавия, которое можно интерпретировать либо в духе европейского монархизма, либо в духе византийского деспотизма. Правительство пользовалось любой возможностью для того, чтобы подчеркнуть второе

толкование, в то время как конституционалисты, естественно, интерпретировали самодержавие не иначе как конституционную монархию*.

Именно это и заставляло определенную часть журналистов и государственных деятелей задаваться вопросом о том, есть ли у России конституция. Конечно, у России есть конституция, но она сделана по прусской модели.

Полиция и администрация попытались спасти привычное им самодержавие самым нелепым образом, но вскоре правительство приступило к насильственному ограничению основных прав. Например, было оставлено неизменным право публичных собраний, зато была сохранена предварительная цензура объявлений и тем самым была сохранена возможность ограничивать проведение предвыборных собраний.

Постоянной темой дискуссий в парламенте и прессе были законы и постановления, касающиеся свободы печати, свободы совести (права менять свою религиозную принадлежность), свободы объединений, свободы преподавания и образования. В начале ноября 1909 года Столыпин просто отозвал из думы предложения, касающиеся веротерпимости, внесенные на рассмотрение думы летом. Можно привести множество других примеров такого рода.

Свобода слова и печати была снова ограничена на старый манер. Список книг и газет, конфискованных между 30 октября 1905 года и 13 (1) января 1909 года, занимает 160 страниц (в $\frac{1}{8}$ листа). Были вновь запрещены книги и статьи, которые могли публиковаться в 1906 году (произведения Толстого, Кропоткина и др.).

О том, на что была способна абсолютистская администрация, свидетельствует история выборов в думу. В этой связи достаточно сравнить первые две думы с третьей или прочесть отчеты о деятельности правительства в период различных выборов!

Закон о выборах от 16 июня 1907 года был введен посредством произвольного декретирования, несмотря на то, что в ряде параграфов основного государственного закона ясно сказано, что царь име-

* Основной закон от 6 мая 1906 года гласит (§ 4): «Императору всея Руси принадлежит высшая самодержавная власть. Самим Богом завещано нам подчиняться царской власти не только из страха, но из налагаемого совестью чувства долга» (текст 1832 года см. выше, в § 17). Как мы видим, в 1906 году был опущен термин «абсолютная», но сохраняется настойчивое упоминание о «самодержавии». Члены думы уже не присягали на верность «Его Императорскому Величеству, самодержцу всея Руси». Правительство сделало все, от него зависящее, для того, чтобы избежать использования в проекте конституционных актов европейской конституционалистской и даже парламентской терминологии; выражения «конституция», «парламент», «палата» здесь не употребляются.

ет право законодательства только вместе с думой (и государственным советом). В чрезвычайных обстоятельствах согласно соответствующему разделу (87), написанному по образцу § 14 австрийской конституции, избирательное законодательство может быть выведено из компетенции, но реакцией на это уточнение явился государственный переворот.

По своей избирательной геометрии сам закон о выборах в политическом отношении является тем, чем является московский собор Василия Блаженного (построенный при Иване Грозном) в художественно-эстетическом.

Издана брошюра, в которой перечислены все гонения против депутатов первой думы. По той или иной причине были подвергнуты преследованиям представители почти что всех партий. Аналогичные меры имели место в отношении либеральных депутатов второй и третьей дум. Даже октябристы были слишком «красными» для полиции!

Начиная с 1906 года постоянной рубрикой ежедневной прессы стали сообщения о «белом терроре». Начался белый террор с подавления декабрьского восстания (1905), отмеченного в Москве ожесточенными баррикадными боями. Ушли в прошлое октябрьские и ноябрьские «дни свободы». Помимо подавления революционного движения, в большинстве крупных городов (общим числом 85) с помощью полиции были инсценированы печально известные еврейские погромы, а в некоторых случаях (как, например, в Твери и Томске) погромы были направлены и против интеллигенции.

Моих литературных способностей не хватит для того, чтобы описать это царство террора. Фактически любой житель России все еще находится вне закона. Можно без преувеличения сказать, что во времена белого террора страх смерти отступил на задний план. Он был не столь велик, как страх перед погромами; перед смертными приговорами, выносимыми трибуналами и военно-полевыми судами; перед арестами, мучениями в тюрьмах и при следовании в места ссылки; перед жесточайшими зверствами и пытками; перед частыми самоубийствами в тюрьмах; перед болезнями, эпидемиями и голодом. В первый год действия конституции с октября 1905 по октябрь 1906 года физически пострадали 22 721 человек в погромах, столкновениях во время мятежа и в гражданских беспорядках.

В августе 1908 года Столыпин заявил английскому писателю Стиду, что в среднем в месяц проводится 15 казней. Кропоткин сразу же оспорил это утверждение на страницах газеты «Таймс», а затем в книге «Террор в России»* (1909) он опубликовал критически отобранные

* «Die Schreckensherrschaft in Russland», 1909.

данные относительно методов, применяемых в последнее время правительством и полицией. Вот некоторые данные из нее:

Трибуналы	Смертные приговоры	Казни
1905	96	32
1906	773	280
1907	1432	508
1908	1835	802*
Полевые суды с 19 августа 1906 по 20 апреля 1907 года		676
Полевые суды с января по март 1909 года	396	235

Эти данные относятся только к гражданским лицам.

В качестве оправдания правительство утверждало, что якобы вследствие революции имел место резкий рост числа убийств и преступлений против собственности. 3 июня 1909 года правительство представило думе следующие данные относительно числа убийств и покушений на убийство.

	Убито	Ранено
1905 (с середины октября до конца декабря)	222	217
1906	1126	1506
1907	3001	1076
1908	1820	2083

* Цифры за ноябрь и декабрь не включены. Эти данные можно сопоставить с данными о казнях при Александре III, которых было 26 за тринадцать лет. В 1909 году министр внутренних дел направил циркуляр всем губернаторам, предписывающий с целью восстановления спокойствия в стране как можно реже применять смертную казнь. О том, какое воздействие возымел данный циркуляр, можно судить по следующему новейшим данным, охватывающим период с 1 августа 1910 по 1 сентября 1912 года по старому стилю:

	1910	1911	1912	Всего
Суды, закончившиеся вынесением смертного приговора	81	136	81	298
Число лиц, приговоренных к смерти	285	293	214	692
Изменение приговора	88	101	77	266
Казнено	39	73	83	185

Всего в 1905—1910 годах был вынесен 7101 смертный приговор и проведено 4449 казней. В Германии за 1882 год было вынесено 95 смертных приговоров, а за 1907 год — 31. В Англии с 1811 года было проведено 893 казни. В Финляндии казней не было с 1826 года.

Эти цифры свидетельствуют лишь о том, что в 1907 году резко возросло число убийств. Если же мы сопоставим их с данными об убийствах и покушениях на убийство за предыдущие годы, то убедимся, что отмеченный рост нельзя считать следствием революции. В 1904 году были осуждены на смерть за убийство 2800 человек, а 3778 человек — за покушение на убийство. За период с 1884 по 1893 годы среднегодовое число привлеченных к суду за убийство и покушение на убийство составило свыше 5000 человек. Таким образом, единственным исключением, нуждающимся в объяснении, является 1907 год, отмеченный более высоким показателем убийств (покушений же на убийство было в этом году меньше, чем обычно!). Возможным объяснением этого факта может быть то, что пока в 1905—1906 годах функционировали рабочие организации и революционные комитеты никаких чрезвычайных убийств не наблюдалось, запрещение же этих организаций имело своим следствием убийство фабрикантов, заводчиков, помещиков и их приказчиков. Это был взрыв анархии, узаконенной правительством, которое само создало ужасное зрелище непрекращающихся убийств и покушений — ибо оно надеялось увеличить действенность своих смертных приговоров при помощи публичных казней.

Обо всех этих жестокостях можно прочесть у Кропоткина. Я же ограничусь ссылкой на письмо депутата думы Ломтатидзе, посаженного в севастьяпольскую тюрьму³⁷. Этот простой рассказ о том, что человек лично пережил и видел собственными глазами, воздействует на наше воображение сильнее, чем широко известное сочинение Андреева «Рассказ о семи повешенных». Толстой откликнулся на жестокости царских репрессий памфлетом «Не могу молчать».

Какое объяснение можно отыскать кровопролитию на сибирских золотых приисках Ленской компании (апрель 1912), когда солдаты убили 270 бастующих рабочих и ранили еще 250?!

В прежние годы, правда, казни подвергалось еще больше людей. При отце Петра I Алексее Михайловиче одних только фальшивомонетчиков было казнено 7000 человек. Если обратиться к Англии, то в правление Елизаветы было более 89 000 казненных. При Николае II казни еще не достигли столь большой численности, но (даже если не принимать в расчет жертв Русско-японской войны) по вине правительства погибло уже более 89 000 человек. Посчитаем все жертвы, начиная с тысяч погибших на Ходынском поле в день коронации Николая II; посчитаем безвременные смерти в Сибири и в тюрьмах; посчитаем, сколько человек было погублено при погромах... Знает ли царь обо всем, что вершилось его именем, или нет?

Неужели он, подписывая тысячами смертные приговоры, не представляет себе, что означают эти страшные цифры? Но независимо от того, знает он или не знает, отдает ли себе отчет или нет, официальные защитники и законники царизма ставят перед собой трудную задачу, если хотят и дальше находить оправдание абсолютной монархии. И этот царь созвал мирный конгресс в Гааге!

Я знаю, что вина за все случившееся лежит не только на царе и его правительстве. Значительная часть общества, как образованного, так и необразованного одобряла белый террор, требовала его и участвовала в нем (ведь чиновники, чьими руками он осуществлялся, были из числа интеллигенции). Белый террор поддерживался усиленной агитацией в прессе. Реакционные газеты и журналы, которые в 1904—1905 годах присоединились к требованиям реформ и законности («Новое время», «Свет», «Гражданин» и пр.), теперь превратились в защитников кровавой реакции.

В 1906 году были учреждены террористический «Союз русского народа» и его филиал «Партия активной борьбы с революцией», чьи тайные агенты и организации представляли собой отбросы общества — этот союз снискал себе дурную славу после кишиневского погрома и стал известен как «черная сотня». Те, кому доводилось читать хотя бы раз одно из печатных изданий этой партии вроде «Русского знамени» или «Вече», имеют полное представление о безграничном варварстве и бесчеловечности этого сброда. Неплохое представление о них дают и цитаты из «Русского знамени», часто мелькающие на страницах антисемитских журналов Вены и Праги. В венском рейхсрате бывший депутат Брежневский, благодаря сделанному им запросу от 17 декабря 1906 года, обнародовал содержание русской брошюры, озаглавленной «Тайная еврейская политика, ее методы и результаты, достигнутые с помощью науки и псевдолиберализма». Само собой разумеется, в России, как и в других странах, можно встретить и высородную чернь. Можно найти университетских профессоров, с готовностью пишущих лживые статьи и книги, дающие исторические и социальные обоснования делам «черной сотни». В компиляциях этого рода все, кто хоть сколько-нибудь разделяет свободолюбивые настроения — и в первую очередь франкмасоны, евреи, англичане и революционеры, — не просто подвергаются поношению, но и выставляются как отродье антирусского ада.

Существуют документальные свидетельства того, что полиция и различные органы власти, включая высшие военные чины, не только не взяли на себя труд положить конец погромам, но и способствовали их организации. Было доказано, что «Союз русского народа» замешан в убийстве Герценштейна, Йоллоса и т. д. Например, мы

Эти цифры свидетельствуют лишь о том, что в 1907 году резко возросло число убийств. Если же мы сопоставим их с данными об убийствах и покушениях на убийство за предыдущие годы, то убедимся, что отмеченный рост нельзя считать следствием революции. В 1904 году были осуждены на смерть за убийство 2800 человек, а 3778 человек — за покушение на убийство. За период с 1884 по 1893 годы среднегодовое число привлеченных к суду за убийство и покушение на убийство составило свыше 5000 человек. Таким образом, единственным исключением, нуждающимся в объяснении, является 1907 год, отмеченный более высоким показателем убийств (покушений же на убийство было в этом году меньше, чем обычно!). Возможным объяснением этого факта может быть то, что пока в 1905—1906 годах функционировали рабочие организации и революционные комитеты никаких чрезвычайных убийств не наблюдалось, запрещение же этих организаций имело своим следствием убийство фабрикантов, заводчиков, помещиков и их приказчиков. Это был взрыв анархии, узаконенной правительством, которое само создало ужасное зрелище непрекращающихся убийств и покушений — ибо оно надеялось увеличить действенность своих смертных приговоров при помощи публичных казней.

Обо всех этих жестокостях можно прочесть у Кропоткина. Я же ограничусь ссылкой на письмо депутата думы Ломтатидзе, посаженного в севастиопольскую тюрьму³⁷. Этот простой рассказ о том, что человек лично пережил и видел собственными глазами, воздействует на наше воображение сильнее, чем широко известное сочинение Андреева «Рассказ о семи повешенных». Толстой откликнулся на жестокости царских репрессий памфлетом «Не могу молчать».

Какое объяснение можно отыскать кровопролитию на сибирских золотых приисках Ленской компании (апрель 1912), когда солдаты убили 270 бастующих рабочих и ранили еще 250?!

В прежние годы, правда, казни подвергалось еще больше людей. При отце Петра I Алексее Михайловиче одних только фальшивомонетчиков было казнено 7000 человек. Если обратиться к Англии, то в правление Елизаветы было более 89 000 казненных. При Николае II казни еще не достигли столь большой численности, но (даже если не принимать в расчет жертв Русско-японской войны) по вине правительства погибло уже более 89 000 человек. Посчитаем все жертвы, начиная с тысяч погибших на Ходынском поле в день коронации Николая II; посчитаем безвременные смерти в Сибири и в тюрьмах; посчитаем, сколько человек было погублено при погромах... Знает ли царь обо всем, что вершилось его именем, или нет?

Неужели он, подписывая тысячами смертные приговоры, не представляет себе, что означают эти страшные цифры? Но независимо от того, знает он или не знает, отдает ли себе отчет или нет, официальные защитники и законники царизма ставят перед собой трудную задачу, если хотят и дальше находить оправдание абсолютной монархии. И этот царь созвал мирный конгресс в Гааге!

Я знаю, что вина за все случившееся лежит не только на царе и его правительстве. Значительная часть общества, как образованного, так и необразованного одобряла белый террор, требовала его и участвовала в нем (ведь чиновники, чьими руками он осуществлялся, были из числа интеллигенции). Белый террор поддерживался усиленной агитацией в прессе. Реакционные газеты и журналы, которые в 1904—1905 годах присоединились к требованиям реформ и законности («Новое время», «Свет», «Гражданин» и пр.), теперь превратились в защитников кровавой реакции.

В 1906 году были учреждены террористический «Союз русского народа» и его филиал «Партия активной борьбы с революцией», чьи тайные агенты и организации представляли собой отбросы общества — этот союз снискал себе дурную славу после кишиневского погрома и стал известен как «черная сотня». Те, кому доводилось читать хотя бы раз одно из печатных изданий этой партии вроде «Русского знамени» или «Вече», имеют полное представление о безграничном варварстве и бесчеловечности этого сброда. Неплохое представление о них дают и цитаты из «Русского знамени», часто мелькающие на страницах антисемитских журналов Вены и Праги. В венском рейхсрате бывший депутат Брежневский, благодаря сделанному им запросу от 17 декабря 1906 года, обнародовал содержание русской брошюры, озаглавленной «Тайная еврейская политика, ее методы и результаты, достигнутые с помощью науки и псевдолиберализма». Само собой разумеется, в России, как и в других странах, можно встретить и высокородную чернь. Можно найти университетских профессоров, с готовностью пишущих лживые статьи и книги, дающие исторические и социальные обоснования делам «черной сотни». В компиляциях этого рода все, кто хоть сколько-нибудь разделяет свободолобивые настроения — и в первую очередь франкмасоны, евреи, англичане и революционеры, — не просто подвергаются поношению, но и выставляются как отродье антирусского ада.

Существуют документальные свидетельства того, что полиция и различные органы власти, включая высшие военные чины, не только не взяли на себя труд положить конец погромам, но и способствовали их организации. Было доказано, что «Союз русского народа» замешан в убийстве Герценштейна, Йоллоса и т. д. Например, мы

читаем в «Вече»: «О, русские, спасайтесь, пока еще возможно спасение. Смертью Герценштейна не искупить всех убийств наших русских людей, чья кровь все еще взывает к отмщению»!!!

«Союз русского народа» имел многочисленные ответвления и родственные организации, из которых стоит упомянуть «Союз Михаила Архангела» под предводительством скандально известного депутата Пуришкевича. Этот союз, в частности, разослал монархическим фракциям список студентов, сорвавших лекции в Горном институте, и усердствовал во всевозможных доносах.

Обеспечение спасения родины посредством вышеприведенных приемов было главной целью «Союза русского народа». Для этого следовало укреплять православие, самодержавие и народность, воскрешая тем самым триаду Уварова. На съезде всех родственных организаций, состоявшемся в октябре 1909 года, в числе прочих звучали требования восстановления патриархата, присоединения Финляндии и Холмской губернии к России³⁸, изгнания евреев (которым не позволялось даже писать по-русски) и т. д. Одним словом, старорусский призыв: «За Бога, Царя и Отечество».

Вскоре после выпуска октябрьского манифеста Николай II принял депутацию от «Союза русского народа». Выступавший от имени депутации пресловутый председатель союза Дубровин просил царя не отказываться от самодержавия. В ответ Николай дал следующее обещание, позаимствованное им из высказываний Каткова: «Я буду продолжать править как самодержец и никому, кроме Бога, не буду давать отчет о моих деяниях»*. Принимая поднесенный ему знак ордена, он сказал: «Скажи своим друзьям, что с Божьей помощью и с помощью «Союза русского народа» надеюсь я уничтожить своих врагов».

В газетах было написано, что после этой аудиенции Столыпин подал прошение об отставке... Следует напомнить, что в уголовном деле по расследованию убийства Герценштейна Дубровин был назван финским судом соучастником. Он предпочел там не показываться, и в прессе сообщалось, что за него ходатайствовал Теофил, новый духовный наставник царя.

Невозможно по-настоящему понять современный царизм и контрреволюцию, не приняв во внимание участия полиции в преступлениях, осуществляемых при помощи провокаторов. В общих чертах известна история агента Азефа. Работая одновременно и на полицию, и на эсеров, Азеф был организатором покушений на Плеве и на великого князя Сергея. Подумать только: в своем стремлении подавить оппозицию царизм был готов жертвовать собственными сторонни-

¹ Меттерних тоже придерживался мнения, что «управление судьбами народов принадлежит лишь суверену» и что тот «отвечает за свои дела лишь перед Богом».

ками, деятелями столь высокого ранга! Азеф был не единственной фигурой такого рода, олицетворяя собой всю систему. В правление Александра III начальник охранного отделения Судейкин попытался убедить террориста Дегаева объединиться с друзьями для убийства графа Д. Толстого (бывшего в ту пору министром внутренних дел) и великого князя Владимира. Это позволило бы разоблачить тайное общество Дегаева, Судейкин пошел бы на повышение в министерство и стал бы охранять самого царя. Дегаев, под влиянием спиртного, проговорился другу, а тот заявил, что Дегаев должен убить Судейкина, иначе тот «уберет» его самого. Дегаев убил Судейкина и бежал в Америку...

Подумать только: правительство царя-первосвященника, человека, власть которого была от Бога и для Бога, человека, который отвечал не перед думой, а перед самим Господом Богом — это правительство долгое время продолжало использовать для охраны царской особы Азефа, террориста и убийцу, и даже после того, как кровавые деяния Азефа были раскрыты и осуждены обществом. Само собой разумеется, что контрреволюционная деятельность и насаждение всевластия полиции, было делом рук разветвленного «черного кабинета», осуществлявшего надзор надо всей внутренней и внешней корреспонденцией. От внимания этого кабинета не были освобождены даже наиболее высокопоставленные и заслуженные личности*.

Приведенных фактов достаточно для того, чтобы осудить царизм как в прошлом, так и в настоящем — словом, для того, чтобы осудить его как систему. Если теократический цезарепапизм может быть сохранен только такими средствами, то ему нет оправдания — не может быть истиной то, что царь-самодержец правит по Божьей воле, не может быть верным то, что Бог требует повиновения царю, не может быть верным то, что совесть с готовностью примиряется с таким повиновением. Существование белого террора при Николае II доказывает, что произвольно введенный им в ранг основных государственных законов раздел IV — раздел, гласящий о богоданности высшей государственной власти царя, — является несостоятельным. Абсолютизм не имеет ни религиозного, ни нравственного обоснования.

Этот же вывод, сделанный нами из того факта, что реакция длится уже много лет, относится к официальной церкви, теоретической и практической опоре царизма. С самого начала церковь защищала ца-

* После смерти Плеве начальник полиции Лопухин, имя которого получило широкую известность в связи с делом Азефа, просматривая бумаги Плеве, нашел среди них экземпляр собственного письма. Ранее Лорис-Меликов тоже имел повод жаловаться, что его корреспонденция не защищена от глаз тайной полиции.

ризм от оппозиции и от революции, а теперь церковь одобрила реакцию и одобряет «черную сотню», пользуясь услугами этой организации. Наконец, при выборах в четвертую думу церковь публично выступала только на стороне реакции. Синод, обер-прокурором которого был Саблер, организовал вместе с церковными иерархами выборы духовенства, дабы обеспечить присутствие в четвертой думе гораздо более многочисленной клерикальной партии, чем в третьей думе. При этом предполагалось, что депутатами-священнослужителями будут руководить иерархи, которым и надлежало обеспечить их избрание. Но результат выборов стал неприятным сюрпризом для реакционных священников — если в третьей думе насчитывалось 44 священнослужителя, в четвертой их было 43.

Синод и церковные иерархи стремились превратить духовенство в послушного жандарма антиконституционной реакции. С этой целью была представлена программа со следующими двумя главными пунктами. Во-первых, духовенство должно было получать заработную плату от государства, чтобы стать экономически независимым от высших чинов церкви; тем самым священники, как и другие чиновники, должны были оказаться в зависимости от правительства. Во-вторых, следовало изменить систему образования. Учебный план духовных академии был уже приспособлен для целей реакции. Начинающие священники были полностью изолированы от светской литературы и течений мысли, их просвещали исключительно в богословии. Было намечено также преобразование семинарий и духовных школ. До сих пор в семинариях бок о бок учились как будущие священники, так и будущие учителя, но семинариям надлежало стать чисто богословскими учебными заведениями, готовящими исключительно священников — с тем, чтобы ученики этих заведений более не имели возможности выбрать светскую карьеру: ведь наиболее успевающие и энергичные молодые люди избегали духовной карьеры и в церкви в связи с этим сильно ощущалась нехватка кандидатов в священники.

Та же цель преследовалась в предполагаемой реорганизации церковно-приходских школ, учрежденных при Александре III. Программа этих школ первоначально была рассчитана на два года, а позже обучение в них было увеличено до трех лет. Теперь предстояло превратить их в заведения с шестилетним образованием, которое должно было носить чисто богословский характер, чтобы ученики этих школ не смогли переходить из них в другие школы.

Предполагаемые реформы означали возврат к планам архиепископа Антония. Они копировали подготовку, осуществляемую в католических богословских школах. Официальной церкви предлагалось

вернуться в средние века, в допетровскую эпоху царя-патриарха Филарета. Реакционеры надеялись, что возвращение патриархата послужит все той же цели, хотя большинство членов церкви ожидало, что это укрепит церковь и освободит ее от опеки государства. При дворе, судя по истории с Распутиным и ряду других признаков, господствовали средневековые предрассудки.

Если белый террор подводит нас к убеждению, что царское самодержавие не является божественно предначертанным институтом, то та готовность, с какой церковь освящает абсолютизм, учит нас, что политика церкви не от Бога, как не от Бога само ее существование.

§ 37

Нравственное и потому также государственно-правовое оправдание революции демонстрирует нравственную и потому также правовую опасность самодержавия для общества и для государства и показывает невозможность преобразования абсолютизма мирным путем — ибо аристократия и абсолютная монархия ничему не научились и ничего не забыли.

Любая кровавая революция как самое крайнее средство избавления от существующей системы принуждения не может быть безупречной — не говоря уже о том, что в каждой революции участвуют элементы, для которых свержение абсолютизма не является главной целью. Русская революция также совершила ошибки и дала тем самым самодержавию иллюзорные основания для реакции. Этот вопрос нам придется рассмотреть более подробно, здесь же нужно сказать, что даже если необходимо признать ошибочной революционную тактику экспроприаций, это не дает оснований приписывать политической революции, нацеленной на свержение абсолютизма, ответственность за бесчисленные факты воровства и грабежей. Состояние правовой анархии, последовавшее за революцией, лежит на совести правительства и его полиции. Официальная система образования масс обусловила всеобщую нестабильность; практикуемые государственными органами репрессивные меры, излюбленными приемами которых были на протяжении многих десятилетий ложь и преступление, воспитали нынешнее поколение экспроприаторов и погромщиков и сделали бичом всей страны самое варварское хулиганство*.

* В газетах от 12 декабря 1912 года писалось, что, согласно отчетам Министерства внутренних дел, в России между 14 января 1907 года и 14 ноября 1912 года произошло 38 094 вооруженных нападения, в которых было убито 1719 официальных лиц и 5997 частных лиц, ранено 2499 чиновников и 5747 частных лиц. За первые 10 месяцев 1913 года совершено 2148 вооруженных нападений.

Во всех политических партиях шла дискуссия о природе и значении революции; подвергалась критике тактика борьбы; обсуждался вопрос о принципиальном оправдании революции; оценивались результаты революции³⁹.

После революции русское общество поразил серьезный кризис.

Наиболее консервативные элементы в стане либералов были удовлетворены завоеваниями и жаловались на утопизм радикалов. Реакционерам казалось, что разгул мародерства и грабительской экспроприации оправдывал не просто репрессивные меры, но и возврат к самодержавию.

Радикальные партии считали конституцию недостаточной, но даже внутри этих партий существовали заметные различия точек зрения. Одни почти с удовлетворением констатировали неудачу революции как подтверждение своих политических теорий, другие уверяли в бесполезности требуемого радикалами продолжения революции.

Реакция, однако, продолжала лить воду на мельницу радикалов. Чудовищной мерой был запрет политической организации социал-демократов. Из-за этого запрета те социал-демократы, которые пользовались депутатским иммунитетом, были вынуждены перейти на нелегальное положение. Аналогичным образом были загнаны в подполье социал-революционеры. Можно себе представить, что даже легальные организации рабочего класса, профсоюзы, потребительские союзы и просветительские организации подвергались преследованиям.

Большинство вождей революционных партий было устранено в результате репрессий, однако их место заняли другие. На протяжении примерно года революционные настроения выражались не только в журналистских речах, но и в возобновившихся забастовках и демонстрациях*.

Кажется, что даже реакционные силы устали от глупой роли палача; с 1910 года это стало очевидно, если усталость не была сознательным переходом на примирительные позиции.

Крестьяне тоже были не вполне довольны аграрной программой правительства и тем, как она осуществлялась.

* Число лиц, участвовавших в политических забастовках, было следующим (в тыс.):

1905	1083
1906	515
1907	522
1908	91
1909	8
1910	4
1911	40
1912	950

После многочисленных политических и экономических забастовок промышленность нуждалась в покое и безопасности, и капиталисты поэтому были готовы искать безопасность и покой у реакционных сил, хотя именно реакция ставила под угрозу само их существование. Внутренний рынок для промышленников увеличивался, конъюнктура была хорошей и продолжала улучшаться. Начиная с 1908 года относительно быстро рос национальный доход, так что в лице капиталистических предпринимателей реакция обрела живую поддержку. Но даже здесь наблюдались отдельные протесты против реакции.

В литературе и философии периода после революции 1905—1906 годов усилились те же тенденции, с какими мы уже столкнулись в предреволюционный период, а именно мистицизм и обращение к религии. С возрождением религиозности связан и отход от революции. Наиболее громогласными глашатаями этих течений стали перебежчики из лагеря марксистов, но и в среде народников и эсеров наибольшую популярность также снискали Достоевский и Соловьев.

Видное место в литературе занял декаданс, принявший форму легко возбудимой и возбуждающей сексуальности; границы между искусством и порнографией зачастую оказывались размытыми; даже среди учащихся школ появились клубы и общества в поддержку «свободной любви» (получившие свое название в честь арцыбашевского «Санина»). Последователи декаданса предавались религиозному мистицизму.

В то время как одна часть интеллигенции в период разочарования революцией увидела выход и едва ли не средство спасения в грубом гедонизме, другая ее часть впала в крайний пессимизм, зачастую приводивший к самоубийствам. Можно даже констатировать именно среди молодежи резко выраженную эпидемию самоубийств.

Легко понять, что все это играло на руку политической и церковной реакции. Поэтому прогрессивный лагерь воспринял подобные тенденции как реакционные и оказывал им противодействие.

Несмотря на все эти патологические явления, в прогрессивном лагере наблюдались обнадеживающие признаки оздоровления. Опыт революции принес столько открытий, что думающие люди подвергли программы своих партий и движений критическому пересмотру и предприняли попытки органически развить те из свобод, которые уже были завоеваны. Ширилось и крепло чувство обновления, приходило осознание новых задач, радостно продолжалась работа по осуществлению всеобщего прогресса.

Глава седьмая

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
И РЕЛИГИИ В РОССИИ — РЕЗЮМЕ

§ 38

Совершив обзор основных событий русской истории, уясним наиболее важные проблемы философии истории и религии в России.

Прежде всего следует сказать кое-что о русской философии в целом. Задача эта отнюдь не проста. Не существует ни одного обобщающего труда по истории русской философии, на который мы могли бы сослаться, ибо на сегодняшний день у русских есть лишь некоторые предварительные наброски такого рода. Только что вышли «Очерки истории русской философии» Э. Радлова*. Автор — очень хороший специалист, и поэтому я буду опираться на его характеристику русской философии.

Радлов признает, что русские до сих пор не выработали вполне оригинальной и самостоятельной философской системы. Однако он не разделяет скептического взгляда, согласно которому в России хотя и существует философия, но нет русской философии как таковой. Радлов выделяет три духовные сферы, в которых нашла свое выражение русская философская мысль. Собственным духовным потребностям соответствует философское направление, представленное Г. Сковородой, славянофилами, Вл. Соловьевым и Л. Толстым. Его можно рассматривать как реакцию против постоянного перенесения достижений чужой мысли на русскую почву. Второе направление и вторая сфера философской деятельности связаны с преподаванием в университетах и в духовных академиях. И, наконец, он выделяет по-

* Радлов Э. Очерки истории русской философии. СПб., 1912.

литическое и социальное направление, которое проявляется главным образом в публицистике и в социологии; сюда же причисляется и литературная критика (здесь Радлов называет Радищева, Белинского, Чернышевского, Михайловского, Григорьева, Страхова).

Этой классификации явно недостает единства, ибо Радлову не удается провести точное различие между «сферой» и «направлением». Поэтому он уточняет, что русские философы не занимаются чисто абстрактными, например, гносеологическими, философскими проблемами, но проявляют большой интерес к проблемам практическим. Особенно излюбленной областью русской философии является этика. Из этой практической склонности русского мышления Радлов выводит другое свойство русского философствования, а именно мистицизм, который пронизывает все проявления русского мышления.

Радлов подтверждает мое видение русской философии, мне хотелось бы только уточнить некоторые понятия.

Правы те, кто утверждают, что русские в настоящее время занимаются главным образом этическими проблемами. Говоря языком Толстого, они желают постичь смысл жизни, дабы применить свою теорию на практике. Мы пока не будем останавливаться на том, является ли это характерной чертой русского духа. Как бы там ни было, западная философия тоже длительное время занималась и по сей день в значительной мере продолжает заниматься теми же этическими проблемами.

Этика последовательно ведет к политике: политическая и социальная направленность русской философии носит этический характер, в рамках данного общества этика должна найти свое практическое применение. Следовательно, *in concreto* речь тут идет о социализме и его обосновании; это в свою очередь подводит к вопросу о том, как можно достичь конечной цели, социализма: через реформирование существующей государственной организации или через революцию? Проблема революции составляет *suius*⁴⁰ сегодняшней политики и, следовательно, этики.

Но социализм предполагает не только политику как социальную практику, но и социологию как теорию социальной организации и социального развития; здесь-то и приобретают свое значение история и философия истории. Русские мыслители не довольствуются поиском абстрактного смысла жизни, а стремятся постичь смысл русской жизни, русского общественного строя и его истории.

Этим и предопределено сравнение России с Западом или, вкратце, сама проблема «Россия и Европа», если мы хотим понять противоположность между той и другой, как она проявляется в имеющихся различиях развития. Так делают и сами русские.

Анализ основных этических проблем ведет далее к религиозной проблеме — именно нравственность представляет собой крайне важный элемент религии, христианской религии, существующей христианской церкви. Русская этическая философия естественно и последовательно становится философией религии.

И тут мы подошли к мистицизму, который Радлов связывает с этикой. Логически речь идет о проблеме соотношения нравственности и религии; фактически же, при анализе русской церковной истории, на передний план выступают проблемы мистицизма, поскольку русская религиозность в высшей степени мистична, более мистична, чем религиозность в Европе. Конечно, важна и *качественная* сторона этого мистицизма. Иными словами, мы должны вникнуть в психологию русского мистицизма и дать его более точное гносеологическое определение.

Радлов прав, понимая литературную критику как критику философскую — литературная критика в России имеет действительно совершенно особое значение. Следует сразу же отметить в качестве оригинальной черты русской литературы то, что в ней делается необычный упор на анализ этических, социально-политических и религиозных проблем.

Наконец, Радлов совершенно верно говорит о таком относительном недостатке русской философии, как уход русских философов от рассмотрения проблем гносеологии. Хотелось бы уже здесь, пока что предварительно лишь в виде лозунгового выражения, отметить, что хотя у русских имеется литературная критика, гносеологической критики у них нет.

Во всяком случае я намереваюсь показать, что соединение философии истории и философии религии в этих работах согласуется с характером русской философии. Краткий анализ развития сделает это понятным.

§ 39

Для сравнения хотелось бы привести соответствующую характеристику европейской философии. Можно было бы сослаться на различные источники, но я попытаюсь дать собственную краткую характеристику европейской философии, поскольку подобные работы все же немногочисленны. Кроме того, для знатоков философии я желал бы заранее уточнить свою позицию. Подобный предварительный обзор пригодится и для моего изложения взглядов отдельных русских мыслителей.

Ограничусь при этом поздней историей философии, взяв, как это сделал и Радлов, в качестве хронологической точки отсчета XVIII век.

Сначала поговорим о проблеме философии истории.

Век Просвещения характеризуется возникновением чувства Истории. Во второй половине XVIII века появляется научная историография, новая история.

До этого не было характерного исторического чувства, не было понимания необходимости сравнения отдельных исторических периодов и объяснения истории. Существовала хронология, но не было научной истории. Это не значит, что не было подходов к новому способу рассмотрения; но лишь XVIII столетие может быть названо исторически мыслящим, ибо только в этом столетии утверждает себя понятие исторического прогресса.

В ходе развития науки и совершенствования ее организации проявлялось все более углубленное понимание научного исторического исследования, занимавшегося изучением общественной жизни и ее развития. В частности, это проявилось в возникновении новых научных дисциплин, а именно философии истории и социологии.

Появление в разных странах целого ряда выдающихся мыслителей, занимающихся новой наукой, было не случайно. В своей «Новой науке» Вико разработал первую философски обоснованную социологию, в которой философия истории нашла свое логическое место в качестве ее составной части. Французы посвятили себя преимущественно философии истории: само это словосочетание было пушено в оборот Вольтером. Плодотворно трудились в этой области Кондорсе, Монтескье, Тюрго, Руссо и многие другие французы. В Германии философией истории занимались, в частности, Лессинг, Гердер, Шиллер; в этой же стране развернулась методичная разработка конкретной истории (Шлёцер, Шлоссер и др.). В Англии свой вклад внесли Фергюсон и др. Юм также предпринял попытку исторического исследования и написал много социологических статей. Важное влияние оказали на социологию экономическое учение Адама Смита, равно как учения Мальгуса и статистиков (Зюссмильха, Шлёцера, Ахенвалля), все они стремились познать природу общества, его организации и развития.

Правда, фигура Канта заставляет усомниться в том, что XVIII столетие, век просвещения и рационализма, можно связывать с усилением исторического чувства. Так или иначе, Кант мало, лишь в виде исключения, занимался историческими и социальными проблемами, что дало повод предполагать существование противоположности между рационализмом и историзмом (под этим словом подразумевается чувство восприятия историзма). И тем не менее, в противовес

этому утверждению, назову прежде всего выдающихся рационалистов и просветителей, которые, безусловно, обладали историческим чувством — Юм, Вольтер, Лессинг (позже Кант); рационализм и историзм не исключают друг друга. Кант был математиком и физиком, благодаря чему его и относят к тем философам, которые, начиная с Декарта, мыслят математически и естественнонаучно*.

Из-за огромного влияния немецкой философии проблема историзма обрела в русской философии большое значение. Кант не оказал заметного влияния на русскую мысль, так что начиная с XVIII века в России преобладающее значение имело философско-историческое и социологическое видение мира.

Преемники Канта, особенно Гегель, являлись олицетворением одновременно и рационализма и историзма; более того, преемники Канта в своем идеализме воздают должное историзму ничуть не меньше, чем современные им французские и английские философы.

То, что Гегель и Кант были современниками, не случайно — оба они представляют историческое направление мысли, подобно тому, как и социалисты, вплоть до Маркса, стремились обосновать свои системы исторически.

Философы реставрации и реакции, противники революции и новых направлений мышления и действий — такие, как де Местр, де Бональд, Савиньи, Шталь и др., также являлись преимущественно историками («историческая школа права»).

Историческое чувство усиливается в XIX веке благодаря естественным наукам и созданию теории эволюции — Дарвин стал лишь выразителем интенсивной исторической работы мысли, длившейся целое столетие. История людей и человечества переросла в историю Земли и Вселенной, оказывая плодотворное влияние на естественные науки. (Дарвин исходил из Мальтуса.)

§ 40

Это усиление исторического понимания, тот факт, что в XVIII веке люди осознали историческое развитие, объясняется главным образом тем, что развитие общества, общественные преобразования, исторический процесс стали более зримыми и ощутимыми. Начали осознаваться общественные изменения, накопивши-

* Я не касаюсь вопроса о том, не проявлял ли Кант и историческое чувство, несмотря на то, что он мало времени уделял истории. Ср. соответствующее исследование Фрица Медикуса (Fritz Medicus).

ся в результате Реформации и Возрождения, а именно те нововведения, которые воспринимались и оценивались как прогресс в смысле усовершенствования. Как нечто новое возникла идея прогресса и вера в прогресс; с этой идеей и на ее основе формируется и новый исторический способ рассмотрения — историзм. Историю стали воспринимать как историю будущего. В этом смысле восторженных философских изысканий на тему прогресса, принадлежавших в различных формах XVIII столетию (например, Кондорсе).

Теоретическое рассмотрение, и объяснение истории тесно связано с практическими усилиями, направленными на проведение реформ; история становится *vitae magistra*⁴¹, она управляет практикой, политикой. Усиление исторического чувства и веры в прогресс заявляет о себе как стремление к реформам, построению общества на совершенно новых основах. Подобные усилия, устремления ведут к революции, к великой революции. Великая революция завершилась реставрацией, т. е. контрреволюцией, — отсюда возникновение потребности в новом мышлении, в новом анализе организации и, соответственно, реорганизации общества. Вслед за реставрацией следует Июльская революция, после новой реакции — всеобщая революция 1848 года; Европа не успокаивается, она стоит перед проблемой: держаться за старый режим или же принять результаты революции. Возникает необходимость в целом понять проблему революции в ее истинном значении, понять не только политически, но и философски: в философии, в литературе и науках, занимающихся человеком и обществом, мыслители приходят к осознанию, что революция означает новую эпоху, новую жизнь, — во всех областях говорится о возрождении, и это возрождение нуждается в четком теоретическом осознании и надлежащем практическом осуществлении.

§ 41

Восемнадцатый век по праву считается веком просвещения и рационализма. Названия трудов «Век разума» Пэна⁴² и «Критика чистого разума» Канта характерны для просвещенного рационализма.

Критика чистого разума Канта заложила гносеологические основы философской критики; выступая как против существовавшей до той поры слепой веры (он называет это «догматизмом»), так и против скептицизма Давида Юма, Кант доказывает, что единственно возможное и правильное действие философа состоит в том, чтобы

критически исследовать силы человеческого рассудка. В этом состоит историческое, мировое значение критицизма.

Подобно скептицизму Юма, критицизм Канта также направлен *in concreto* против теологии — теология делает веру в авторитет основой всего мировоззрения и понимания жизни. В этом смысле Гегель уточнил задачу философа: «Со всевозможным усердием беспокоить theologов, использующих материал критики для укрепления своего готического храма, чинить им всяческие трудности и изгонять из всех укромных уголков, чтобы они вынуждены были выставить свою наготу на свет дня».

Это противостояние философии и теологии направлено также против церкви как религиозной организации, основанной на теологии. Новая философия в конечном счете есть философия религии. Если же новая философия зачастую понимается как противница религии, то *de facto* это означает лишь то, что между философией и исторически данной, т. н. позитивной, религией существует противоположность, имеет место неприятие церковного учения и церковной практики.

Церковь или церкви в той или иной форме связаны с государством. Еще со времен средневековья церковь и государство составляли единое целое, причем на основе единого мировоззрения. Теология является поставщиком официального государственного мировоззрения. В результате с этого единства общество оказывается теократически организованным.

Поэтому философия как философия религии выступает не только с критикой теологии, но и с критикой теократии, церковного учения, церковной морали, церковной политики, — официального учения, морали и политики вообще.

а) Подчеркнем: речь идет о противоположности между философией и теологией, а не между философией и религией вообще. Правда, эта противоположность затрагивает церковную религию. Скептицизм Юма обращен против метафизики и теологии, кроме того религию он отвергал⁴³ как наследуемую каждым новым поколением систему умиротворения. Сущность религии он усматривал в антропоморфизме, и поэтому уравнивал ее с суеверием.

В своей «Критике» Кант стремился доказать, что трансцендентные понятия и идеи не выдерживают проверки критикой. Но допускал, как нечто вспомогательное, более тонкий, «утонченный» антропоморфизм, если вообще можно говорить о важнейшем понятии — о Боге. В склонности к антропоморфизации трансцендентных понятий разума Кант видит проявление естественных и неизбежных иллю-

зий и ухищрений самого чистого разума, которых не в силах избежать даже самый мудрейший из людей.

После Канта юмовскую антитезу антропоморфизма и скептического критического мышления развил Огюст Конт, выделивший в развитии человечества три исторические стадии: теологическую, метафизическую и позитивную, т. е. позитивно-научную. Теологическую стадию он разделил на фетишистскую, политеистическую и монотеистическую; метафизическую стадию рассматривал как переходную.

Собственно, Конт лишь более систематически изложил мысли Вико, который первым выделил три стадии развития, эпоху богов, полубогов (героев) и людей. Первую эпоху Вико называл также поэтической, поэты были первыми философами. Это мировоззрение чувств и фантазий без участия разума, обусловленное главным образом страхом; это время поэтического одушевления и обожествления природы, время самозабвения и набожности, при том, что нравы остаются суровыми и варварскими. За этой эпохой последовала эпоха полупробужденного, и, наконец, полностью пробужденного просвещенного рассудка и гуманности.

В немецкой философии Фейербах, сведя религию к антропоморфизму, стал тем самым основателем радикального левого гегельянства; его последователями стали Штраус и в особенности Штирнер и Маркс. В Англии и Спенсер, и этнолог Тэйлор путем изучения первобытного человека усовершенствовали учение Конта в некоторых существенных аспектах.

У меня нет возможности подробнее остановиться здесь на этой проблеме или проблемах; для наших целей следует еще подчеркнуть следующее. Прежде всего, необходимо уточнить используемые термины; по примеру Платона я бы причислил себя к тем, кто термин «антропоморфизм» заменяет словом «миф», и говорит о создании мифов, которые противопоставляются критическому, научно точному, мышлению и поведению человека в мире. Повторяю: поведению — речь идет не только о религии, но и о морали, и всем отношении человека к миру и обществу. На определенной ступени развития человек обладал не только мифической религией, мифической являлись его философия, его поэзия и искусство, его мораль и экономика, его язык. Короче, суть мифа состоит в том, что человек ведет себя совершенно объективированно, что он полностью уподобляет себя объекту, объясняет мир и самого себя посредством аналогий, причем опрочетчивых аналогий. В противоположность этому научное, критическое мышление и поведение являются именно критическими — одни вещи выводятся из других на основе тщательного наблюдения

и сравнения; критически мыслящий человек обобщает и абстрагирует, то есть именно мыслит, мыслит научно и критически.

Кантовский критицизм именно потому имеет всемирно-историческое значение, что в нем было схвачено отношение критически мыслящего человека к миру и к самому себе в противовес как мифу, так и скептицизму. В своем позитивизме Конт попытался ограничиться критически-научным мышлением, нашедшим свое воплощение в специальных науках; он хотел обосновать это мышление исторически как новейшую ступень развития. Но подобного историзма недостаточно, необходимо, следуя Канту, гносеологически обосновать противоположность между созданием мифов и научным мышлением. Поэтому: критицизм против позитивизма.

Из истории европейской мысли мы знаем, как в античной Греции постепенно стало дифференцироваться мифическое и критическое мышление. Философы осознавали эту противоположность тем яснее, чем сильнее давали себя знать в эпоху Сократа, софистов, Платона, Аристотеля индивидуализм и субъективизм*. С тех пор имеет место противостояние мифологии и философии.

После Аристотеля философская мысль ослабла, а мифология усилилась; на греческую мистическую мысль наложилось восточное мистическое мышление, и из этого синкретизма возникла теология как христианская мифология. Христианская мифология явилась порождением греческой философии. Теология, название самой важной части аристотелевской метафизики — подходящее название для христианской догматики.

Подобно тому, как античной мифологии противостояла философия, так противоположностью христианской догматики, христианской мифологии стала схоластика. Эта схоластика была лишь *ex thesi ancilla theologiae*⁴⁴; но из нее развилась новая научная философия. Последняя сразу же продемонстрировала свою противоположность теологии. Гносеологическая сущность этой противоположности установлена Юмом и Кантом. Сегодня теология признается орудием мифа, а философия — орудием науки.

Теперь наконец мы можем понять отношение философии к религии.

Пусть читатель не опасается — я не собираюсь распространяться о сущности религии: достаточно будет, если он сам поразмышляет об этих предметах: а это, в сложившейся ныне ситуации, вынужден делать каждый.

* Опираясь на Конта, Грот очень хорошо объяснил это развитие в своей истории Греции.

Религия, религиозность до сих пор имела мистическую окраску. Знание о религии было мифологией, позднее теологией и теософией; Бог был венцом теологии и религии. Мифическое поведение человека было всецело объективистским; источником знания и поведения служило божественное откровение — учение и чудо. Мифический человек верил в объективное откровение и принимал его на веру как абсолютное правило знания и поведения; вера, доверие — основа мистической, теологической системы знания. Откровение абсолютно, оно для всех времен и всех людей, «*quod ubique, quod semper, quod ab omnibus creditum est*»⁴⁵ — так был сформулирован уже в V веке принцип католицизма.

Вера в Божественное откровение, в Бога всегда была и есть по необходимости вера в посредника между Богом и человеком — в священника; эта вера, это доверие создали церковь, создали теократию.

Философия как противоположность теологии является орудием науки, она научна. Бог уже не является единственным предметом рассмотрения. Философия стремится познать вселенную во всех ее частях. Наука есть знание частного, а философия — орудие частных наук. Наука и философия исходят от человека, и человек становится сам для себя объектом; теизм уступает место антропологизму.

Тот, кто мыслит и поступает научно, ведет себя субъективистки и индивидуалистически; индивидуализм и субъективизм являются для него большой гносеологической проблемой.

Человек, ориентированный на науку, не верит в откровение, он вообще «неверующий»; он сомневается, критикует, хочет убедиться. Вере, слепой вере и доверию он противопоставляет обоснованное и мотивированное убеждение. Критическое мышление в качестве решающего критерия истины заменило для него авторитет и традицию. Повторим: именно в этом заключено всемирно-историческое значение кантовского критицизма; критицизм означает полное осознание современным человеком самого себя по отношению к миру и обществу.

Научно, критически мыслящий человек не признает посредников между Богом и человеком; он больше не доверяет священникам и их церкви, а доверяет науке и философии; теократии он противопоставляет антропократию, или демократию. Научный человек также признает католическую религиозность, но не как исходящую от внешнего авторитета, а как сознательное, критическое согласие.

Юм был не прав, когда отвергал религию как антропоморфизм. *De facto* антропоморфизм есть не более чем метод мифического мышления. Кант сводил религию к морали. Конт сначала вместе с Юмом отвергал религию, но позднее вернулся к фетишизму.

Сегодня религиозная проблема звучит так: возможна ли религия без откровения? Может ли быть носителем религии человек, мыслящий научно, критически, философ — и если может, то какой религии?

§ 42

Восемнадцатый век — это еще и век гуманизма. Последнее понятие понимается экстенсивно и интенсивно. Братство всего человечества может быть достигнуто только благодаря врожденной любви к ближнему. К этой любви к человеку Кант добавлял еще чувство человеческого достоинства.

В этом смысле фигуры Канта и Юма также являются исторически значимыми. При рассмотрении этических вопросов Юм воздержался от скептицизма, а кантовская критическая философия в своем кульминационном пункте превращается в нравственное мировоззрение. Именно потому, что оба этих философа лишали теологию ее корней, они стремились сохранить этику, поставить нравственность на естественную основу.

Поэтому новая философия, начиная с Декарта, и отводит столь важную роль идеалу естественности: люди ищут естественную религию, естественное право, естественную мораль, естественное состояние, естественный разум; особенно стремится к естественности искусство. Просвещение порывает с теологическими устоями мышления и поведения. Просвещение, человечность и человечество, естественность — все эти понятия становятся синонимами.

Поворот философии к практике, совершенный Юмом и Кантом, дополнил рационализм философии XIX века, поскольку он носил односторонне интеллектуальный характер, эмоционализмом и волюнтаризмом⁴⁶. Но и этот последний в свою очередь понимается односторонне, чаще всего как противоположность рассудочности, что мы находим у Шопенгауэра.

Я отрицаю наличие естественной противоположности между разумом и чувством, с одной стороны, и волей — с другой; иное дело — трактовка взаимоотношений этих трех основных духовных сил рационалистами (интеллектуалистами) и волюнтаристами (и эмоционалистами). Напомню, что Кант, этот архирационалист, в своем учении о психологии, допускал чувство как особую основную категорию по примеру Мендельсона и Тетенса, которые впервые⁴⁷ признали в психологии чувство как основную, наряду с разумом и волей, составляющую человеческого духа (1776 и 1777 гг.); этой классификации соответствует трехчленная критика чистого разума, способности суждения и практического разума⁴⁸. Одним словом, демократия противопоставит теократии как на практике, так и в теории.

§ 43

Стремление к естественной, человеческой системе нравственности должно было естественно привести к политическим реформам, а в экстремальных случаях — к революционным преобразованиям. Провозглашение прав человека, осуществленное Французской революцией — это в конечном счете плод эпохи Просвещения. Участник Великой французской революции Пейн превосходным образом отразил эти устремления своего времени в труде «Права человека» (*Paine. Rights of Man*).

Рост движения за политические права и реформы происходил одновременно с попытками провести социальные реформы. Правда, французские революционеры казнили социалистов как коммунистов, но в период послереволюционной реставрации и реакции социализм стал политической программой не только отдельных лиц, но и рабочих масс вообще.

Социализм и социологию часто связывают как практику и теорию. Просвещение и гуманистическая философия должны были пролить свет прежде всего на наиболее сложные реалии и явления — социальные и исторические. Как мы уже отмечали, рационализм Канта не противостоит историзму. Немецкий идеализм, основанный Кантом как нравственное мировоззрение, вел к социализму, также как французское и английское просвещение.

Наконец, из гуманистической идеи выводится также идея национальная. Гердер одним из первых противопоставил государству как искусственной организации нацию как организацию естественную; он попытался вывести ее сущность из литературных памятников и особенно — из народных песен. После Гердера философия все больше стала обращаться к национальной проблеме, о чем свидетельствуют работы Фихте, Шопенгауэра и др. В XIX веке национальный принцип превратился в большую политическую силу.

§ 44

Развитие и усиление исторического чувства, более глубокое постижение развития общества и мира позволили полнее осознать противоречие между индивидом и тем целым, частью которого он является. Сегодня каждому очевидно, что по сравнению с предшествующими эпохами новое время индивидуалистично. Для нас это означает, что, подвергая критике свои познавательные и духовные силы, человек нового времени критически осмысливает про-

Сегодня религиозная проблема звучит так: возможна ли религия без откровения? Может ли быть носителем религии человек, мыслящий научно, критически, философ — и если может, то какой религии?

§ 42

Восемнадцатый век — это еще и век гуманизма. Последнее понятие понимается экстенсивно и интенсивно. Братство всего человечества может быть достигнуто только благодаря врожденной любви к ближнему. К этой любви к человеку Кант добавлял еще чувство человеческого достоинства.

В этом смысле фигуры Канта и Юма также являются исторически значимыми. При рассмотрении этических вопросов Юм воздержался от скептицизма, а кантовская критическая философия в своем кульминационном пункте превращается в нравственное мировоззрение. Именно потому, что оба этих философа лишали теологию ее корней, они стремились сохранить этику, поставить нравственность на естественную основу.

Поэтому новая философия, начиная с Декарта, и отводит столь важную роль идеалу естественности: люди ищут естественную религию, естественное право, естественную мораль, естественное состояние, естественный разум; особенно стремятся к естественности искусство. Просвещение порывает с теологическими устоями мышления и поведения. Просвещение, человечность и человечество, естественность — все эти понятия становятся синонимами.

Поворот философии к практике, совершенный Юмом и Кантом, дополнил рационализм философии XIX века, поскольку он носил односторонне интеллектуальный характер, эмоционализмом и волюнтаризмом⁴⁶. Но и этот последний в свою очередь понимается односторонне, чаще всего как противоположность рассудочности, что мы находим у Шопенгауэра.

Я отрицаю наличие естественной противоположности между разумом и чувством, с одной стороны, и волей — с другой; иное дело — трактовка взаимоотношений этих трех основных духовных сил рационалистами (интеллектуалистами) и волюнтаристами (и эмоционалистами). Напомню, что Кант, этот архирационалист, в своем учении о психологии, допускал чувство как особую основную категорию по примеру Мендельсона и Тетенса, которые впервые⁴⁷ признали в психологии чувство как основную, наряду с разумом и волей, составляющую человеческого духа (1776 и 1777 гг.); этой классификации соответствует трехчленная критика чистого разума, способности суждения и практического разума⁴⁸. Одним словом, демократия противопоставит теократии как на практике, так и в теории.

§ 43

Стремление к естественной, человеческой системе нравственности должно было естественно привести к политическим реформам, а в экстремальных случаях — к революционным преобразованиям. Провозглашение прав человека, осуществленное Французской революцией — это в конечном счете плод эпохи Просвещения. Участник Великой французской революции Пейн превосходным образом отразил эти устремления своего времени в труде «Права человека» (*Paine. Rights of Man*).

Рост движения за политические права и реформы происходил одновременно с попытками провести социальные реформы. Правда, французские революционеры казнили социалистов как коммунистов, но в период послереволюционной реставрации и реакции социализм стал политической программой не только отдельных лиц, но и рабочих масс вообще.

Социализм и социологию часто связывают как практику и теорию. Просвещение и гуманистическая философия должны были пролить свет прежде всего на наиболее сложные реалии и явления — социальные и исторические. Как мы уже отмечали, рационализм Канта не противостоит историзму. Немецкий идеализм, основанный Кантом как нравственное мировоззрение, вел к социализму, также как французское и английское просвещение.

Наконец, из гуманистической идеи выводится также идея национальная. Гердер одним из первых противопоставил государству как искусственной организации нацию как организацию естественную; он попытался вывести ее сущность из литературных памятников и особенно — из народных песен. После Гердера философия все больше стала обращаться к национальной проблеме, о чем свидетельствуют работы Фихте, Шопенгауэра и др. В XIX веке национальный принцип превратился в большую политическую силу.

§ 44

Развитие и усиление исторического чувства, более глубокое постижение развития общества и мира позволили полнее осознать противоречие между индивидом и тем целым, частью которого он является. Сегодня каждому очевидно, что по сравнению с предшествующими эпохами новое время индивидуалистично. Для нас это означает, что, подвергая критике свои познавательные и духовные силы, человек нового времени критически осмысливает про-

тивоположность между индивидуумом и коллективом — тем коллективом, частью которого является он сам.

Кант тоже понимал индивидуализм как субъективизм, полагая, в отличие от гносеологического объективизма (реализма), что объект подчиняется нашим познавательным способностям, но не наоборот. От этой предпосылки, которую по смелости мысли Кант приравнивал к открытию Коперника, Фихте и Штирнер пришли к солипсизму.

Кантовский критический рационализм, как и субъективизм, является насквозь активистским. Познание представлялось ему процессом активного понимания. Он превозносил имманентную деятельность нашего разума, ценя его за спонтанность, противостоящую пассивности. Фактически волюнтаризм начался с Канта.

Но сам Кант гносеологически и метафизически не сумел довести свой субъективизм до логического завершения, и именно поэтому Фихте назвал его «тремя четвертями головы». Считая нелепостью последовательный субъективизм, солипсизм, Кант допускал объективное существование «вещи в себе». Но и Фихте, несмотря на его упреки Канту за половинчатость, избежал солипсизма. Стоит внимательно присмотреться к его «я» — и «логический фанатизм» (Якоби) этого «я» исчезнет. Дабы избежать трудностей, Фихте прибегает к различению разнообразных «я» (абсолютное «я», «я» интеллектуального созерцания, «я» как идея, индивидуальное «я») и удаляется в историю и в философию истории, где находит нацию как объективность, которой и подчиняет свое «я». Фихте также, и именно Фихте, повернул субъективизм к морали.

Шеллинг от Фихте и Канта обратился к природе и к истории, как и Гегель, который избежал солипсизма с помощью пантеизма. Лишь его ученик Штирнер стал понимать солипсизм как эгоизм. Шопенгауэр же превратил субъективизм в волюнтаристический нигилизм.

Мы увидим, какое волнение породила проблема субъективизма и объективизма, и особенно проблема солипсизма, среди русских мыслителей — что неудивительно, ибо последовательный субъективизм, солипсическое самовозвышение, в которое часто впадали Фихте и Шеллинг, действительно абсурдны и грубы. Но и штирнеровский эгоизм, если его рассмотреть критически, есть не что иное, как пугало для филистеров — и при том не слишком страшное пугало. Фейербах совершил объективистский переход от Гегеля к социализму, чтобы примирить «я» и «ты». Маркс же, со своей стороны, абсолютизировал исторический объективизм, он полностью отменил «я» с его индивидуальным сознанием, — таким образом, крайний субъективизм породил крайний объективизм.

§ 45

В заключение сказанное выше о новой философии можно обобщить в трех антитезисах: философия прямо противоположна теологии, антропизм⁴⁹ — теизму, что не означает, будто теизм совершенно ошибочен или будто антропизм атеистичен, — это означает лишь, что в новой философии антропистическая позиция выступает в качестве исходной и самодостаточной. Одновременно в сфере политики следует противопоставлять демократизм теократизму, теократическому аристократизму, а это говорит о том, что демократизм имеет также теоретическое, философское значение. В свете этого подхода философия нового времени уже не предстает королевой наук, не возвышается над частными науками, а находится в одном ряду с ними, являя собой *scientia generalis*⁵⁰.

§ 46

Русская философия истории, социологический анализ движущих сил развития и попытки постигнуть закономерности в чередующихся во времени общественных явлениях — все это начинается с Петра I, в связи с его реформами и деятельностью его последователей. При этом, однако, нет ясности в том, существует ли русская философия истории и философия истории вообще. Вместе с тем, более тесные контакты с Европой заставляли мыслящих русских сравнивать свою родину с другими странами, а анализ настоящего побуждал обратиться к анализу прошлого.

Летописец Нестор поставил перед русскими историками проблемы, которые, по сути, оказались созвучны проблемам, поставленным XVII и XVIII столетиями. Этот киевский летописец XII века обращал особое внимание на этнографический конгломерат Древней Руси и отмечал своеобразное отношение русских как славян к многочисленным неславянским соседним народам. В частности, Нестор подчеркивал многоязычие русского государства*.

В петровском государстве эти отношения не слишком изменились: иноземное, главным образом, германское, влияние и тот факт, что в прилегающих к Европе частях России ведущую культурную роль играли немцы, придавал летописи Нестора современное звучание. Для

* Речь идет о месте в летописи Нестора, которое постоянно обсуждается: в 860—862 годах были приглашены править на Руси норманские варяги; хочу подчеркнуть, что, согласно Нестору, приглашение исходило совместно от славян и финнов.

своего времени Нестор обладал довольно большими знаниями и о различных славянских племенах. В XVIII веке вступили в решающую стадию взаимоотношения русских и поляков; присоединение большей части польского государства поставило в центр внимания тему славянских языков, тем более что в это время произошло культурное и политическое пробуждение славян в Австрии и на Балканах. Исследования этих славян, равно как и немцев, по истории и славистике находили в России внимательных и понимающих читателей.

Все эти условия оказались весьма благоприятными для развития русской историографии; наряду с Ломоносовым, человеком с обширными и разносторонними знаниями, закончившим свою историю в 1763 году, на свет появилась целая плеяда русских историков: Татищев, Третьяковский, Щербатов, Болтин; венчает этот ряд имя Карамзина.

Заметное влияние на развитие русских исторических исследований оказали немцы: Байер (приехал в Россию в 1725 году), Мюллер, особенно Шлёцер (он изучал Россию с 1770 года), Эверс, Рейц — образуют внушительный ряд исследователей.

В духе того времени интерес историков сосредоточился на истории находившихся у власти династий и их происхождении. Много споров вызвал вопрос о том, было ли русское государство основано норманнами, а значит, можно ли считать, что оно иностранного происхождения? Третьяковский из патриотических соображений отстаивал славянское происхождение русского государства, его последователи укрепляли эту позицию, отстаивая автохтонность русских и славян вообще. Немцы — и первый среди них Байер — высказались против автохтонности русских славян и настаивали на норманнском происхождении варягов. Следует признать, что немецкие историки в данном случае придерживались мнения, изложенного именно русским летописцем, и вообще были осторожнее своих русских коллег в критике и в методе.

Идеализируя старую Русь, русские историки руководствовались общепринятой в то время позицией: здесь следует подчеркнуть, что эта идеализация шла также от немцев, особенно от Гердера, и что, с другой стороны, Щербатов и Болтин высказывались более критично, чем Татищев и Ломоносов.

Однако представление о старой Руси и ее понимание были весьма туманными; ведь и до сих пор недостает надежных свидетельств.

Общепринято отождествлять Россию с династией; царское самодержавие являло собой сущность России и ее культуры. Формула, которую предложил Татищев, описывая развитие этого абсолютизма, была впоследствии воспринята Карамзиным и сохранилась после

него: русское государство изначально было наследственной монархией, потом раздел наследства привел его в упадок, который облегчил татарское порабощение; но, начиная с Ивана III, Москва ликвидировала «демократическое» многовластие удельных князей и снова объединила и укрепила Россию. По частным вопросам высказывались и другие взгляды, но в главном сохранилось и доминировало именно это видение сущности и ценности самодержавия; эту концепцию поддержали так же немецкие историки, которые приняли формулу Татищева.

Татищев понимал абсолютизм в духе Петра и своего времени — как абсолютизм просвещенный; сам он полностью воспринял философию немецкого просвещения. В царствование императрицы Анны он выступил за учреждение сената как консультативного органа.

Карамзин защищал самодержавие уже в духе послереволюционной реакции; восхваление Александра I было перенесено на всех государей. Еще Ломоносов выдвинул теорию, что славянские народы не особенно преуспели в развитии, поскольку не испытывали потребности в переменах. По мнению Карамзина, Россия уже в IX веке была величайшим и высоко цивилизованным государством.

Именно в период реакции, при Александре I и Николае I, эта первая эпоха русской историографии была вытеснена новыми историческими течениями. В государственных архивах и в монастырях были обнаружены новые материалы, признанные весьма важными для исторических исследований; чисто политическая и династическая история все больше обогащалась историей администрации, права, государственного хозяйства.

Уже Шлёцер, следуя примеру Ахенвалля, умело использовал статистику как «покоящуюся историю» (история для него была «статистикой в движении»); специалист по национальной экономике Шторх подготовил обширный статистический обзор русской империи; в своих исторических обзорах он между прочим первым обратил внимание на социально-политическое значение торговли для Киевской Руси.

В дальнейшем содержание истории России расширялось посредством включения в нее истории литературы и языка — славистики, а также остальных сфер культуры (искусства и т. д.), благодаря чему чисто политическая история постепенно трансформировалась в историю всей культуры.

Этому способствовала также сравнительная историография; одним из первых, если не первым, представителем всеобщей истории был Грановский, о котором мы еще будем говорить.

Разумеется, и после Шлёцера русская историография обогащалась главным образом достижениями немецкой исторической науки; так, можно установить влияние в России Нибура и др.

Опыт, обретенный русскими в Европе, привел к наиболее значительным изменениям в их исторических воззрениях; кроме того, как мы уже отмечали, особое влияние на историческую мысль и ее созревание оказала немецкая философия.

Россия тоже приняла участие в европейской революции — она воевала против республиканской и наполеоновской Франции, приложила руку и к послереволюционной реставрации и реакции, превратив европейскую проблему в свою собственную. Те же самые причины, которые в Европе привели к возникновению философии истории и социологии, в России оказали решающее влияние на возникновение русской философии истории и социологии. С помощью немецкой идеалистической философии — особенно Шеллинга и Гегеля, а также французского социализма, русская философия после восстания декабристов, Июльской революции, польского восстания и революций 1848 года становится преимущественно исторической — философией истории и социологии.

В качестве особой науки (Чаадаев — славянофилы) русская философия истории оформилась именно во времена реакции, при Николае I и его министре образования Уварове.

После Гегеля на русскую социологию особое влияние оказали Конт (а также Бокль) и английский эволюционизм, затем Маркс и марксизм вообще. Об этом периоде русской философии истории и общества мы будем более подробно говорить в последующих разделах⁵¹.

Глава восьмая
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ

Глава восьмая

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ

§ 47

Настоящая глава содержит перечень имеющейся литературы на иностранных языках, из которой читатели могут почерпнуть познания о России, ее жизни и развитии. Приводимые здесь краткие комментарии возникли, естественно, исходя из позиции, представленной в этом исследовании. В тексте даются ссылки и на некоторые другие важные книги.

Тем, кто желает узнать Россию изнутри, как это пытался сделать я, европейская литература будет малополезна. По сути, это только книги Герцена — те из них, что появились на французском или немецком языках. В последние годы русскими написан ряд исторических очерков об «общественной мысли», интеллигенции и пр. и пр. Чтобы получить представление о *русском духе в его развитии*, необходимо читать лучших русских писателей от Пушкина до Горького. Можно составить себе серию этих работ в переводах, и особо ценные из них сгруппировать по отдельным темам (например, жизнь в Сибири, в тюрьмах, так называемые этнографические романы и т. д.).

1. Ниже приводятся работы по истории русской литературы:

*Reinholdt A. von. Geschichte der russischen Literatur. 1886*⁵² (до сих пор лучшее и наиболее полное исследование ее в целом); *Brückner A. Geschichte der russischen Literatur. 1905*⁵³ (интересный обзор новейшей литературы); *Volkonskii S. Pictures of Russian History and Russian Literature. 1898*⁵⁴ (краткие очерки); *Prince Kropotkin. Ideals and Realities in Russian Literature. 1905*⁵⁵ (на немецком яз. — 1906) (подчеркивает социально-политические и революционные аспекты новейшей ли-

тературы); *Vengerov S.* Grundzüge der neuen russischen Literatur (Trans. T. Pech); *Wesselovsky Alexis.* Die russische Literatur. 1908⁵⁶ (краткое, но ценное исследование, опубликованное в коллективном труде «Die Kultur der Gegenwart»); *De Vogüé.* Le roman russe. 1868; *OSSIP-Lourie.* La psychologie des romanciers russes du XIXe siècle. 1905 (много путаницы); *Baring Maurice.* Russian Literature. 1914; *Waliszewski K.* History of Russian Literature. 1900. Также см. статьи: *Minns E. H.* Russian Language and Slavonic Languages⁵⁷ (р. 568) во втором издании «Британской энциклопедии».

Nagradov W. J. Moderne russische Zensur und Presse vor und hinter den Kulissen. 1894⁵⁸ (только факты без комментариев). Ср. с данными в историях литературы, цитированных исторических работах, а также в «Сибири» Kennan'a⁵⁹.

Отдельной работы по истории философии в России не существует. На эту тему Колубовский написал раздел в книге: *Ueberweg-Heinze.* Grundriss der Geschichte der Philosophie des XIX. Jahrhunderts. 10. Aufl., 1906⁶⁰, но это издание носит лишь библиографический характер. *OSSIP-Lourie.* La philosophie russe contemporaine. 1902⁶¹ (весьма слаба); *Pilet.* La Russie en proverbes. 1905⁶² (не отличается глубиной); *Grusenberg.* Skizzen der Gegenwartigen russischen Philosophie. 1911⁶³.

С моей точки зрения, я имею все основания сетовать на отсутствие современной ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И РЕЛИГИИ. Среди старых книг можно упомянуть: *Basarov.* Die russisch-orthodoxe Kirche. 1873⁶⁴. Из недавних публикаций: *Kattenbusch F.* Lehrbuch der vergleichenden den Konfessionskunde. Vol. 1; Die orthodoxe anatolische Kirche. 1892; *Müller E. F. K.* Symbolik: Vergleichende Darstellung der christlichen Hauptkirchen nach ihrem Grundzuge und ihren wesentlichen Lebensäußerungen. 1896⁶⁵. Наконец, в вышеупомянутом коллективном труде «Die Kultur der Gegenwart» есть том, озаглавленный «Geschichte der christlichen Religion»⁶⁶ (второе издание 1909 г.), раздел Бонвеца «Греческое православное христианство и церковь»⁶⁷. Можно также упомянуть соответствующие статьи в 3-м издании Энциклопедического словаря по протестантской теологии и церкви⁶⁸ (особый интерес представляет статья «Восточная церковь» [«Orientalische Kirche»]). *Gotz L. K.* Kirchenrechtliche und kirchengeschichtliche Denkmaler, Alt-russlands, nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts. 1905; Staat und Kirche in Altrussland; Kiever Periode 988—1240. 1908; Das Kiever Hohlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands. 1904⁶⁹. Об отношениях между церковью и государством в Византии см.: *Maassen.* Neun Kapitel über freie Kirche und Gewissensfreiheit. 1876⁷⁰. См. также: *Prugavin.* Die Inquisition der russisch-orthodoxen Kirche. 1905; *Gehring J.*

Die Sekten der russische Kirche nach ihrem Ursprung und innerem Zusammenhange. 1898⁷¹ (охватывает период с 1003 по 1897 годы).

2. РОССИЯ В ЦЕЛОМ, СТРАНА, НАРОД И УЧРЕЖДЕНИЯ. Очень ценная работа: *Leroy-Beaulieu Anatole.* L'empire des Tsares. 4-е изд., 1897—1898⁷²; Немецкое издание «Das Reich des Zaren und die Russen» von L. Pezold. 3 Bd., 2. Aufl., 1887 bis 1890. См. также: *Wallace D.* Russia. 1887⁷³ (многочисленные переиздания (на немецком языке 4-е изд. — 1906) и пересмотренное издание 1905 года). Уоллес консервативен и не проникает в духовную жизнь страны. В этом отношении намного лучше Леруа-Болье, человек либеральных взглядов, имеет перед ним огромное превосходство. О природе и ее отношении к человеку см.: *Hettner Alfred.* Das europäische Russland: Studie zur Geographie des Menschen. 1906⁷⁴.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ. Ценный материал на эту тему, изложенный с прогрессивных позиций, содержится в восемнадцати статьях сборника: *Mel'nik J.* Russen über Russland. 1906⁷⁵. Также имеются следующие работы: *Sering M.* Russlands Kultur und Volkswirtschaft. 1913 (отличная книга); *Schlesinger M. L., Dr.* Russland im XX. Jahrhundert. С картой. 1908⁷⁶ (автор хорошо знаком с предметом, но его подход несколько поверхностен). Лучшее впечатление производит книга того же автора «Land und Leute in Russland» (1909). *Alexinsky Gregory.* Modern Russia. 1912; Russia and Europe. 1917; *Williams Harold W.* Russia of the Russians. 1913; *Baring Maurice.* The Mainsprings of Russia. 1914⁷⁷; *Alexinsky Grégoire.* Ancien député à la Douma, La Russie Moderne. 1912 (хорошая книга); *Barchan Paul.* Petersburger Nächte, 1910 (живые очерки общего положения страны).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: *Oettingen M. von.* Abriss des russischen Staatsrechts. 1899⁷⁸ (книга полезная, но несколько устаревшая). Более полную трактовку этого вопроса см.: *Marquardsen.* Handbuch des Öffentlichen Rechtes; *Engelmann J.* Das Staatsrecht des russischen Reiches⁷⁹; *Mechelin L.* Das Staatsrecht des Großfürstentums Finnland, 1889.

Относительно организации земств см.: *Gernet A. von.* Die Grundzüge der russischen Landschaftsverfassung. 1897⁸⁰ (материал дан по следам реорганизации 1890 года); *Palme.* Die russische Verfassung. 1910⁸¹ (анализ основных государственных законов и избирательного права — хорошая книга).

В зомбартовском «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (23 Bd., Heft I, Beilage⁸²) Макс Вебер в «Переходе России к псевдоконституционализму»⁸³ дает критический обзор развития партий после декабрьского восстания в Москве. Ср.: Zur Beurteilung der gegenwertigen politischen Entwicklung Russlands. 1906 (Ibid. XXII. 1 Heft. Beilage).

См. также отдельные статьи в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften»⁸⁴: «Мир», «Освобождение крестьян» (в России), «Артель» и т. д. Обращаясь к периодике, укажем, что «Neue Zeit»⁸⁵ и «Sozialistische Monatshefte»⁸⁶ регулярно публикуют сведения об условиях жизни в России и касающуюся России экономическую литературу (специально посвященный России обзор: *Melnik J.* Neuland Monats blatter zur geistigen und oekonomischen Kultur Russlands und des Fechen Ostens. 1908; больше не издавался).

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: *Schulze-Gavernitz G. von.* Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. 1899; *Engelmann.* Geschichte der Leibeigenschaft in Russland. 1884; *Keussler.* Zur Geschichte und Kritik des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland: 4 Bd. 1876—1887; *Nicolai-on.* Die Volkswirtschaft in Russland nach der Bauernemanzipation. 1899; *Simkhowitsch Wl. Gr.* Die Feldgemeinschaft in Russland. 1898⁸⁷ (критически по отношению к Николай-ону и народникам вообще ср. мою статью «Социально-экономические учения русских народников» в «Ежегоднике национальной экономики и статистики», 1897⁸⁸); *Mavor Jas.* An Economic History of Russia. 2 vols. 1914; *Kovalevski V. de.* La Russie à la fin du XIXe siècle. Paris, 1900⁸⁹; Zur Agrarbewegung in Russland / Herausgegeben von. В. Brande. 1907; содержит: *Petrunkevi.* Agrarkrisis und die politische Lage im Russland; *Manuilov.* Agrarfrage und ihre Oekonomische Lösung⁹⁰; см. в «Приложении редактора»: «Uebersicht der agrarischen Reformprogramme»⁹¹. См. также работу П. Маслово, написанную с социал-демократических позиций и переведенную на немецкий язык М. Нахимсоном: Die Agrarfrage in Russland. 1: Die banerliche Wirtschaftsform und die landlichen Arbeiter. 1908. О специальной сфере аграрного вопроса в новой России сообщают: *Sagorsky S.* Die Arbeitcefrage in der sudrussischen Laudwirtschaft. 1908; *Staehr G.* Über Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artels. Ein Beitrag zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte des russischen Volkes. I. Einleitung. Ursprung des Artels und vorläufige Bestimmung des Wesens des Artels. 1890; 11. Geschichtliches. 1891; *Apostol P.* Das Artjel. 1898⁹²; *Ssemenov, Kasperow.* Russlands Landwirtschaft und Getreidehandel / В пер. на немецкий М. Блюменау. 1901; *Jurowsky L.* Der russische Getreideexport, seine Entwicklung und Organisation. 1910⁹³; *Tugan-Baranowsky.* Geschichte der russischen Fabrik. 1900; *Witschewsky V.* Russlands Handels-, Zoll- und Industriepolitik von Peter dem Grossen bis auf die Gegenwart. 1905 (наиболее исчерпывающе рассмотрен новейший период с 1894 по 1904 г.)⁹⁴. *Pažitnov.* Die Lage der arbeitenden Klasse in Russland: Eine historische Darstellung an der Hand amtlicher und privater Untersuchungen und der Berichte der Fabrikinspektoren von 1861 bis in die heutige Zeit. 1907⁹⁵ (немецкий перевод и послесловие Нахимсона); *Raich Ma-*

ria. Einiges uber den Stand der russischen Gudustrie und die Lage der Fabrik — arbeiterschaft. Nach den Berichten der Fabrik — inspektoren fur 1909 / Архив Зомбарта. 1912; *Meschewetscki P., Dr.* Die Fabrikgesetzgebung in Russland. Ergänzungsheft (39) der Zeitschrift für die gesamte Staatswirtschaft. 1911.

Русские финансы ясно и, по-моему, в целом правильно рассматриваются Гельферихом в работе «Деньги в русско-японской войне» (1906)⁹⁶. В «Будущем России и Японии» (1905) и в «Будущем России» (1906)⁹⁷ Мартин описывает русскую финансовую политику как обманную и предсказывает ее абсолютное банкротство, но выводы этого автора преувеличены и несмотря на свое обширное знание текущей литературы, Мартин не имеет истинного представления о современных условиях России. Если я не ошибаюсь, первая из этих книг была изъята из обращения. Не менее односторонней является: *Plutus.* Russlands Bankrott. 1906⁹⁸ (Plutus — псевдоним социал-демократа Бернарда). Более взвешенная компиляция различных суждений о российских финансах дана у Бирмера⁹⁹.

Bonstedt A. von, Trietsch D. Das Russische Reich in Europa und Asien: ein Handbuch uber seine wirtschaftlichen Verhältnisse. 1910¹⁰⁰ (официальная компиляция, содержащая важнейшие даты).

4. СУЩЕСТВУЮЩИЕ УСЛОВИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ: *Reusner M. von, prof.* Die russischen Kampfe um Recht und Freiheit. 1905 (автор был профессором государственного права в России, и его данные достоверны); *Ganz H.* Vor der Katastrophe, Ain Blick ins Zarenreich. 1904 (хорошее изложение русских взглядов на этот предмет); *Zilliacus K.* Das revolutionäre Russland. Eine Schilderung des ursprungs und der Entwicklung der revolutionären Bewegung in Russland. Fus dem Schwedischen von Fr. v. Kantl. 1905 (данная работа не завершена и данные не всегда точны); *Ular Alexander.* Die russische Revolution. 1905 (не всегда полностью критическое описание действующих лиц в революции, особенно тех, кто находился при русском дворе); *Pares Bernard.* Russia and Reform. 1907¹⁰¹; *Tscherevanin A.* Das Proletariat und die russische Revolution. 1908 (автор — социал-демократ, меньшевик); *Trotsky N.* Russland in der Revolution. 1909. Ссылки на Череванина и Троцкого даны в § 162¹⁰².

СТРАДАНИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ТЮРЬМАХ И В СИБИРИ: *Deutsch Leo.* Sechzehn Jahre in Sibirien. Erinnerungen eines russischen Revolutionärs. 1904; *Noworusski.* Achtzehneinhalb Jahre hinter russischen Kerkermauern, Schlusselfburger Aufzeichnungen. 1908; *Kennan.* Siberia and the Exile System. 2 vol. 1891¹⁰³ (на немецком языке — 1890, 3 т.).

Мало написано на европейских языках о ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАХ РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. Лучши-

ми в этом отношении остаются сочинения Герцена. Последние работы: *Miljukov P. Russia and its Crisis*. 1905 и более раннее того же автора: *Essai sur l'histoire de la Civilisation Russe*. Paris, 1901 (Милюков является лидером кадетов); *Zdziechowski M. Die Grundprobleme Russlands*. Literarisch-politische Skizzen. 1907 (перевод с польского, интересная работа, автор ее — католик и консерватор)¹⁰⁴.

Следует особо порекомендовать сочинения террориста Степняка (С. М. Кравчинского): «Карьера нигилиста», 1899 (роман), «Нигилизм как он есть» (без даты), «Русские крестьяне, их аграрные условия, общественная жизнь и религия» (в 2 т., 1888), «Подпольная Россия», 1883, «Россия под властью царей», 1885, «Русская грозная туча, или Россия в ее отношениях с соседними странами», 1886 и др. (многое появилось и на других языках).

Важным источником наших знаний в этой области являются воспоминания и автобиографии революционеров, например, работы Веры Засулич, Дебогорий-Мокревич и многих других. «Воспоминания революционера» Кропоткина были изданы на английском в 1899 году. Работа освещает многие аспекты подлинной истории революционного движения.

Ранние периоды этого движения рассмотрены в хорошей книге: *Thun. Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland*. 1883¹⁰⁵. Здесь рассмотрены принципиальные вопросы.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: *Lange H., Baumer G. Handbuch der Frauenbewegung*. I. 1901¹⁰⁶. Данная работа посвящена исключительно легальной деятельности женщин. Для получения знаний об участии женщин в революции следует обратиться к изучению истории революционного движения.

5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ. Исследование этого вопроса можно найти в работе: *Rimbaud Alfred. Geschichte Russland von den ältesten Zeiten bis 1884* (нем. перевод — E. Steineck, 1886). Книга устарела; *Pantenius Th. H. Geschichte Russlands von der Entstehung des russischen Reiches bis zur Gegenwart*. 1908 (отдельные сведения часто неточны); *Histoire de la Russie* (6-е издание, продолженное до 1913 года Э. Омантом [E. Haumant]), английский перевод Л. Б. Лэнга опубликован в 1879 году); *Ключевский*. История России: В 3 т. 1911; *Skirine F. H. The Expansion of Russia, 1815—1900*. Cambridge, 1903¹⁰⁷.

Из специальных работ я бы порекомендовал: *Schiemann T. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicholas I*. 3 vol.; *Brückner A. Peter der Grosse*. 1879 (Oncken, «Allgemeine Geschichte»); *Katharina II*. 1883 (Oncken); *Possoschkow J. Ideen und Zustände im Zeitalter Peters der Grosse*. 1878; *Kulturhistorische Studien, die Russen im Ausland, die Ausländer in Russland im XVII. Jahrhundert*. 1878; *Die Europaisierung Russlands*,

Land und Volk. 1888. Работа Бильбасова о Екатерине Великой была запрещена в России, но по частям появлялась в Германии под заголовком: *Bilbasov. Katharina II. im Urteile der Weltliteratur*. 2 Bd. 1897¹⁰⁸.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: *Miljukov P. Skizzen russischer Kulturgeschichte*, 1898—1901. 2 Bd.; *Haumant E. La culture française en Russie*. 1910. «Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten» под редакцией Шиманна содержит прекрасную подборку документов, относящихся к русской культуре. Среди них: I. *Memoiren, von J. J. de Sanglen*. 1776—1831; II. *Erinnerungen von L. de Seeland aus der polnischen Revolution*. 1830—1831; III. *Pirogov N. J. Lebensfragen*; IV. *Kavelins K., Turgenjews J. Sozialpolitischer Briefwechsel mit A. J. Herzen*; V. *Erinnerungen eines Dorfgeistlichen. Ein Beitrag zur Geschichte der Leibeigenschaft und ihrer Aufhebung*; VI. *M. Bakunins sozialpolitischer Briefwechsel mit A. J. Herzen und Ogarjov. Mit einer biographischen Einteilung, Beilagen und Erläuterungen von M. Dragomanov*; VII. *Jugenderinnerungen des Prof. A. J. Nikitenko (1826—1877)*¹⁰⁹.

Следует порекомендовать просмотреть некоторые мемуары. Упомяну «*Mémoires de l'impératrice Catherine écrits par elle-même*»¹¹⁰ под редакцией Герцена (немецкое издание: *Erinnerungen der Kaiserin Katharina II, von ihr selbst geschrieben. Nach Alexander von Herzens Aufgabenen herausgegeben von G. Knutze. Mit mehreren Porträts und einen Nach. Trag aus den Erinnerungen der Fürstin Daschkoff*. 3. Aufl. 1907); Мемуары княгини Дашковой появились по-немецки в 1857 г. (по-английски в 1840 г.). Крайне характерной, как оценка России восемнадцатого столетия, является работа Федора Головкина: *Golovkine Fedor. La cour et le règne de Paul I / Avec introduction et notes par S. Bonnet*. 1905¹¹¹. См. также «*Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II. von Russland und Johannes Georg Zimmermann*»¹¹², изданную Эдуардом Бодеманном в 1906 году.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. На эту тему ныне имеется работа Куропаткина. Также может пригодиться: *Gädke. Japans Krieg und Sieg*. 1907¹¹³.

РАННИЕ РАБОТЫ О РОССИИ. Многие из них все еще представляют интерес. Ранее (параграф 23) уже упоминалась работа Н. Тургенева «Россия и русские» на французском языке. Еще можно упомянуть: *Custine. La Russie en 1839*¹¹⁴, опубликованную в 1843 году. Особую ценность представляет: *Haxthausen. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands, 1847—1852*¹¹⁵ (в 3 т.). Гакстхаузен проводил свои исследования в России в течение 1843—1844 годов по просьбе царя Николая I. Его книга была напечатана по-русски за государственный счет.

Тем, кто интересуется московской древней Русью, можно порекомендовать для чтения какое-либо из современных описаний, в числе которых наиболее примечательной является работа австрийца Герберштейна: *Herberstein. Rerum Moscovitarum Commentarii. 1549*¹¹⁶. Это было первое исчерпывающее исследование допетровской Руси. Герберштейн дважды посетил Москву и имел в своем распоряжении множество отличных документов. Второе, расширенное и исправленное автором издание на латыни было опубликовано в 1556 г. Издание в 1557 году на немецком языке также было делом рук самого Герберштейна. Англичанин по имени Флетчер [Fletcher], служащий англо-московитской торговой компании, в своей работе «*Of the Russe Commonwealth*»¹¹⁷ описал Москву в 1591 году. Флетчер извлек много полезного из работ Хорси [Horsey] «*Travels*»¹¹⁸ и других. Хорси также был служащим этой компании. Существуют также ряд других описаний, данных в старину, они принадлежат перу Олеария [Olearius] и других.

Обширные сведения о русской литературе и прочем читатель может также почерпнуть в русской рубрике научного словаря *Ottov Slovník*. Литературу по русской истории девятнадцатого столетия (1796—1894) собрал Ярослав Бидло [Bidlo] в «Чешском историческом журнале», XIII.

Глава девятая

П. Я. ЧААДАЕВ.

ТЕОКРАТИЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ПРОТИВ
ТЕОКРАТИИ ПРАВОСЛАВНОЙ

§ 48

Декабристское восстание захлебнулось в крови, Польша была замирена, и, под надзором Третьего отделения графа Уварова, едва успели провозгласить — во имя официального триединства православия, самодержавия и народности — непогрешимость политики царя Николая, как вдруг появились на свет «Философические письма» Чаадаева, в которых от лица религии решительно отвергались уваровская формула и вся русская история*.

* Петр Яковлевич Чаадаев родился в Москве 17 мая 1794 года. Его мать была дочерью историка князя Щербатова, и после ранней кончины родителей Петр с братом Михаилом, который был старше его на восемнадцать месяцев, воспитывались теткой, княгиней Щербатовой. С ранних лет Чаадаев был начитанным мальчиком. В 1812 году он принимал участие в военных действиях под Бородино, Лейпцигом и в других местах, а в 1821 году подал в отставку. Он активно общался с декабристами и одно время был членом общества франкмасонов, но оставил ложу в 1818 году. В 1823 году он уехал в Европу, в июне 1826 года возвратился в Россию. По возвращении на российскую землю был привлечен к следствию из-за своих связей с декабристами, но вскоре отпущен. Жил он в Москве — поначалу уединенно, подобно тому, как в одиночестве и обособленно пребывал в Европе, ибо в 1820 году пережил духовное перерождение, погрузившись в исследование некоторых мистических учений; к тому же, кажется, его нервная система была несколько расстроена. Брат его также представлял собою эксцентрическую личность: он вел жизнь деревенского затворника, преследуемый страхами, порожденными в нем декабристским восстанием. Но в 1831 году Петр Чаадаев по совету врачей вступил в английский клуб и остаток своей жизни провел, вращаясь в избранных кругах, получая немало удовольствия от производимого им на окружающих впечатления — впечатления не только от его философских

Россия, как утверждается в этом произведении, не имеет ни истории, ни традиции, ибо не обладает каким-либо направляющим ее идеалом, а нации не способны жить и выживать, если у них нет идеала, который они могли бы претворять в жизнь. Россия не дала миру ни одной идеи, мир ничему не смог научиться у русских, ибо каждый отдельно взятый русский и русский народ в целом бедны духом, опустошены и духовно мертвы: письма Чаадаева как бы написаны в «Некрополисе». Он считает, что русские отмечены печатью вселенской духовной бездеятельности, что у русских нет своего лица...

В «Философических письмах» Чаадаев дает очерк философии истории. Полностью осознавая значение своего требования, Чаадаев настаивает на необходимости выработки русскими совершенно нового философского взгляда на историю, при помощи которого они смогли бы ясно осознать свое место в историческом развитии, а также стоящие перед ними задачи. В этом смысле он идет по пути, указанному западной философией, в особенности Шеллингом, а отчасти также и Гегелем; но подобные предположения не могли не показаться чудовищными носителями официального патриотизма, согласно которому уваровская философия совершенно адекватно определяет место России в мире и те обязанности, которые надлежит выполнять русским.

История человечества, по Чаадаеву, есть история христианства и церкви, история воплощения царства Божьего на земле, история религиозного просвещения. Для него христианская религия есть нечто большее, нежели система нравственности. Это прежде всего вечная

воззрений, но и от безупречного внешнего вида и изысканных манер. Граф Поджио ди Борго, известный корсиканец, состоявший на российской службе, охарактеризовал Чаадаева как «un russe parfaitement comme il faut» (безупречный русский — *фр.*). Чаадаев жил в Москве безвыездно, не покидая ее даже на лето, умер в Москве же 14 апреля 1856 года. Публикация «Философических писем», появившихся в надевдинском «Телескопе», закрепила за ним репутацию литератора. Первоначально эта работа появилась в 1829 году на французском языке и имела посвящение некой даме. Сохранились и три других эссе Чаадаева. Второе и третье из них служат продолжением писем и связаны с несколькими предыдущими сочинениями; четвертое содержит рассмотрение готической и египетской архитектуры и выражает взгляды Чаадаева на христианство и античность. Об этих четырех эссе говорят как о философских работах Чаадаева, противопоставляя их многим сохранившимся его письмам. До нас дошел также и фрагмент 1836 года, озаглавленный «Апология сумасшедшего». Четыре вышеназванных эссе включены в «Oeuvres choisies de P. Tschadaieff, publiées pour la première fois par le Prince Gagarin de la Compagnie de Jesus, 1862. Работа В. Франка «Russisches Christentum», 1898, содержит краткое изложение двух первых эссе вместе с «Апологией», двумя письмами к Шеллингу и некоторые другие отрывки из Чаадаева и мнения о его сочинениях. Публикация Франка, равно как и Гагарина, служила целям католической пропаганды.

божественная энергия, воздействующая не только на индивида, но и на общество в целом. Такое социальное воздействие заключено в учении единственной истинной церкви. Христианство организовало общество; христианство на деле осуществило царство Божие на земле; христианство — это не только идея, ибо оно есть живая энергия, воплощение самой божественной силы.

Принцип единства, неделимости и единообразия, посредством которого религия заявила о себе как о центральной и ведущей движущей силе истории, был обнаружен Чаадаевым только в католицизме, ибо только католическая церковь стала воплощением вселенской христианской идеи. Несмотря на то, что каждая нация обладает индивидуальностью, он считает, что в духовной сфере средневековая церковь осуществила культурное единство. В стремлении к подобному единству он не удовлетворялся отрицанием реформации, как она была представлена в лютеранской и евангелической церквях, но и отказывает в признании русской православной церкви. Византийская традиция была заложена амбициями Фотия; примкнув к этой церкви, Россия изолировала себя от христианского сообщества и благодаря своей изоляции осталась впоследствии без какой-либо живой цивилизации, ибо истинная, живая и вдохновляющая цивилизация осуществима лишь в рамках великого сообщества наций. Москва же, согласно Чаадаеву, возложила на русских иго куда более тяжкое, чем татаро-монгольское. В этой изоляции Россия оказалась лишенной и религии, и цивилизации. Конечно, русские являются христианами — но только по названию. Абиссинцы ведь тоже христиане. Россия обладает собственной культурой; но, вопрошает Чаадаев с презрением, разве нет собственной культуры даже и у японцев? Где великие люди России, где ее мудрецы, где вожди русской нации, ставшие общечеловеческими вождями? Автор не разделяет взглядов тех, кто с надеждой обращает взоры в сторону народных масс. Массы слепы; представителями народа можно считать лишь посланных Богом великих личностей и никого другого, а в России таких личностей нет. Более того, русская жизнь не освящена истинно христианским духом. В качестве примера истинно религиозного народа Чаадаев выделяет англичан — именно Англия, а не Россия является для него «землей обетованной».

Идеи долга, справедливости, права и порядка хорошо приживаются на Западе, а отнюдь не в России.

Особо порицает Чаадаев шовинистическое восхваление России и противопоставление Востока Западу, что было характерно для его времени. Христианское сознание должно основываться на истине, а не на слепых национальных предрассудках, служащих лишь челове-

ческому разобщению. Россия, продолжает Чаадаев, не принадлежит Востоку ни в географическом, ни в историческом смысле. Она продолжает существовать изолированно между Востоком и Западом, в силу чего не может ни разделить преимуществ Востока, ни кооперироваться с Западом, чтобы воспользоваться его преимуществами. Но именно ввиду своего особого географического положения Россия, опирающаяся на востоке на Китай, а на западе на Германию, должна бы попытаться увязать между собой силу воображения и разум, два великих принципа духовной жизни, и объединить в рамках собственной цивилизации историю всего земного шара. Но Россия оказалась не в состоянии сделать что-либо подобное, она просто имитирует интеллектуальную жизнь Запада, перенимая у него готовые идеи. Эта имитация, это принятие готового возымели пагубное воздействие. Идеи — для того, чтобы они могли работать в качестве живой мысли — должны вырабатываться спонтанно. Именно в ходе такой выработки индивиды и нации приобретают специфические духовные тенденции. Несчастье России состоит в том, что она воспринимает уже готовые идеи, в силу чего не имеет направления, особой духовной методики, логики и силлогистики Запада, которые устанавливаются именно посредством идей. «Мы растем, но не вызреваем».

За эту духовную изоляцию, за эту бездеятельность приходится расплачиваться каждому отдельному русскому. У русских нет общей жизни, общей традиции; каждый из них сам как может старается попасть в русло исторической эволюции...

Положение русской нации в лоне европейской цивилизации Чаадаев сравнивает с социальным положением незаконнорожденного ребенка. Не имея наследства, не обладая связью с людьми, жившими до них, русские внутренне не участвуют в осуществлении тех задач, которые были поставлены перед человечеством до их появления...

Воздействие «Философических писем» было потрясающим, ошеломляющим. Герцен сравнивал его с тем, которое имела комедия Грибоедова. Это было преувеличением, но влияние их было на самом деле мощным и впечатляющим, подобно крикам «пожар» в безмолвной ночи.

Когда эти «Письма» прочел Николай, на полях он пометил, что это наглая бессмыслица, которая может принадлежать только перу сумасшедшего. Трудно сказать, было ли это суждение основано только на прочтении «Писем» или же царь был информирован об эксцентричности и нервозности Чаадаева. Как бы там ни было, в этом смысле и не без ведома императора был издан приказ о ежедневном освидетельствовании Чаадаева медиком из полиции на предмет признания его сумасшедшим. Естественно, автор находился также и под поли-

цейским надзором, но вскоре врач прекратил свои визиты, а полиция успокоилась после того, как Чаадаеву запретили писательскую деятельность. По существу, Чаадаев не опубликовал ни одной книги.

«Философические письма» Чаадаева были опубликованы без согласия автора; к 1836 году его взгляды уже претерпели изменения, и вообще «Философические письма» не предназначались для широкой публики. Но в этом факте как раз и состоит значение данной публикации: благодаря ей «Философические письма» Чаадаева стали литературным документом николаевской эпохи. «Письма» были адресованы даме, чье имя не имело никакого веса в литературной среде, и именно в безыскусности повествования, в доверительности тона и искренности «Писем» заложен секрет того воспламеняющего воздействия, которое они имели на публику... Более того, появление этого еретического и революционного писания в надеждинском «Телескопе» немало говорило также и о характере царского абсолютизма и цензуры тех лет. Рассказывают, что Надеждин ловко заполучил разрешение на публикацию у цензора, когда тот, как обычно, сидел вечером за карточным столом, погруженный в игру. Страсть к картам была специфическим продуктом запрета в России свободной мысли. Беспечность цензора, энергичность редактора, спекулирующего на сенсации, — короче, вся история публикации «Философических писем» со всеми относящимися к ней обстоятельствами, воспроизводит для нас сущность николаевской эпохи. Другим характерным штрихом является то, что сигнал к философской революции подал военный — ибо в то время офицеры составляли в определенном смысле наиболее образованный и независимый класс России. Чаадаев занял место последователя декабристов. Кроме того, «Письма» были написаны по-французски. В конце двадцатых годов образованный русский, несмотря на то, что он читал немецких философов и принимал многие из их идей, все еще находился преимущественно под французским влиянием. «Письма» Чаадаева действительно представляют литературный документ.

Чаадаев вырос среди декабристов и ощущал на себе те же влияния, что и его друзья Н. Тургенев, Якушкин, Грибоедов, Пушкин и пр. Он разделял взгляды декабристов и к тому же явился свидетелем реставрации старого режима во Франции и в Европе и ориентировал на нее свою философию. Офранцуженный в силу своего французского образования, он познакомился со сменой

философского фронта во Франции, духовно сблизился с Шатобрианом, мадам де Сталь, де Местром, де Бональдом и Балланше, усвоил что-то из немецкой философии — немного от Шлегеля, очень много от Шеллинга и также от Гегеля. Из древних особое внимание было уделено им Платону. Современные ему авторы представили ему контрреволюцию в виде великой исторической проблемы, с которой столкнулось человечество; у себя дома и на основе собственного опыта он имел непосредственное знание о том, что такое контрреволюция и какую роль сыграла в ней Россия Александра и Николая. Он участвовал в войне против Наполеона. Позже (в 1820 году) в его собственном полку случился бунт, и ему было приказано доложить о случившемся Александру, находившемуся в тот момент в Троппау. После продолжительного пребывания в Европе Чаадаев в своих «Философических письмах» объявил о своей несогласии с николаевской системой.

Литературное наследие Чаадаева носит слишком фрагментарный характер, до сих пор оно еще не было подвергнуто должному критическому рассмотрению; отзывы относительно его взглядов весьма неопределенны. Поэтому я не берусь выносить здесь окончательное суждение.

Не подлежит сомнению то, что Чаадаев пережил — как и многие его современники — кризис религиозности. От рационалистического мировоззрения Вольтера он перешел на позиции романтического мистицизма. Имеющиеся свидетельства не дают возможности судить о том, вернулся ли он и, если да, то в какой мере, на позиции вольтерьянства. Если еще в 1837 году он характеризовал философию декартистов как холодный деизм, который приводит лишь к сомнению, то из этого не следует, что сам он к тому времени уже перестал сомневаться. Представляется вероятным, что к 1820 году он стал жертвой сильного, возможно даже болезненного, мистицизма. Определенно известно, по крайней мере, то, что он питал большой интерес к сочинениям Юнга-Штиллинга и Эккартхаузена и размышлял о мире духов; думаю, однако, что этот мистицизм он преодолел. Ни в «Философических письмах», ни в каком-либо другом из его произведений нет налета мистицизма. Правда, им действительно порой высказываются суждения, которые можно расценить как результат мистических медитаций, но одновременно мы находим рассуждения, не имеющие ничего общего с мистикой; вся его концепция философии истории и ее осуществление лишены мистицизма. Мистическое толкование можно дать его требованию духовной пассивности и более всего его требованию преодоления его. Чаадаев говорит о своем презрении к миру, отметая на этом основании любые формы участия в

политическом совершенствовании мира. Он даже утверждает, что мир есть дело наших рук и может быть поэтому уничтожен, если мы того захотим; это и другие подобные высказывания могут быть поняты в мистическом смысле. Мистически замкнуто его рассмотрение вечности как жизни людей добродетельных, а также его притязания на уничтожение концепции времени «*du meinst, das zwischen dir und dem Himmel die Schaufel des Totengrubers steht*» (1837); аналогичное мистическое толкование может быть дано его интерпретации бессмертия в смысле платоновского предшествующего бытия; но эти же высказывания можно интерпретировать и в немистическом смысле. «Философические письма» не несут в себе мистики. В первых строках этого сочинения Чаадаев обращает внимание своей корреспондентки на практику всех отправлений религиозного культа. А это нечто противоположное мистицизму; скорее здесь найдешь что-то вроде романтического предписания в духе Шатобриана, нежели что-либо от Таулера. Аналогичным образом лишена мистицизма вся церковная философия Чаадаева. Он придает огромное значение церкви и ее политической власти. Для него религия и церковь суть тождественные понятия. Особенно подчеркивает он объективный аспект религии в противовес субъективному, явно отвергая протестантское учение о невидимой церкви. В анализе природы религии он также демонстрирует немистическое мировоззрение. Особое внимание он уделяет истинности религии, выше всего ценя стремление религии к истине и идеалу. Для любви к ближнему существуют, по его мнению, логические основания; в поиске истины врагом человека является его собственное эго, ибо это эго скрывает истину от него; поэтому во имя нахождения истины он должен преодолеть собственное эго.

И наконец, о том, что Чаадаев не был мистиком, свидетельствуют его склонность к католицизму и его любовь к папству. В этом отношении он находился во власти де Местра, а отнюдь не мистицизма.

Я уделяю данному вопросу так много внимания потому, что в последнее время часто подчеркивают мистические аспекты творчества Чаадаева, а также потому, что мне представляется целесообразным выявить религиозные основания его философии истории.

Несмотря на то, что впоследствии Чаадаев дал психологическое объяснение некоторым чертам своих «Писем», приписав их состоянию крайней психической раздражительности, заставлявшей его даже подумывать о самоубийстве, мне не хотелось бы принимать это объяснение на веру. Как бы там ни было, это состояние отчаяния не говорит в пользу окончательного религиозного преодоления былых сомнений.

При всей своей одаренности Чаадаев не был глубоким мыслителем, ибо ему недоставало непоколебимости ученого и способности к

разработке. Он говорил о себе, что он человек одной идеи и что ему хотелось бы, чтобы в истории реализовывалась одна-единственная идея, но и ее ему не удавалось сформулировать с достаточной ясностью и недвусмысленно реализовать. Этот недостаток его творчества связан с его отношением к католицизму. Чаадаев так и не обратился в католичество, когда же его спрашивали об этом прямо, то он либо отделялся отговорками, либо говорил, что считает католицизм чем-то вроде регулятивного принципа веры. Он не был сильным, твердым человеком, представляя собой скорее денди английского клуба, нежели истинно верующего. Я представляю себе его отношение к католицизму следующим образом: он находился под огромным впечатлением от французской культуры и, в соответствии с католической философией того времени, рассматривал цивилизацию как порождение католицизма, отождествляемого им — опять же на французский манер — с христианством. Этот его настрой усиливала также романтическая предрасположенность к католицизму. Будет справедливо предположить, что он наблюдал обусловленный католицизмом прогресс на Западе, особенно у протестантских народов, ибо этот прогресс был общеизвестен. Далее, он сам говорит нам, что начиная с 1833 года он стал замечать развитие в Англии движения пьюзеитов¹¹⁹. В то время широкое распространение получило движение по обращению в католичество. В России Чаадаев был не единственным, кто ратовал за такое обращение. Напомню читателю об Александре I и его надеждах на Папу. Со времен царя Павла наблюдались большие симпатии русской аристократии к католицизму и особенно к иезуитству. Несколько лиц из высшего света были католиками, а некоторые и прямо иезуитами, как, например, князь Гагарин, издатель чаадаевских «Писем». Интересный путь проделал в этом отношении Печерин, бывший одно время профессором филологии в Москве и искавший убежища от атеизма у редемптористов¹²⁰. Обращение Гагарина и Печерина было сделано после появления «Писем» Чаадаева, которые, вероятно, сыграли в этом обращении определенную роль. Сам Чаадаев католиком не стал, а взгляды его на русскую церковь претерпели изменение. Но у нас недостаточно информации о том, каков был взгляд Чаадаева на главные проблемы теологии и религии, а, кроме того, мы недостаточно знаем о его понимании взаимоотношений между двумя ведущими католическими церквями, об оценке им их доктринальных различий и о том, в чем именно состояли их надежды на воссоединение. Абстрактный характер обожания им папства становится очевиден из того факта, что в качестве идеала религиозной страны им была выбрана Англия, а не Франция или Австрия при Меттернихе.

Симпатии Чаадаева к католицизму и папству вызвали отрицательное отношение к нему либералов, а также Уварова, что явствует из протестов В. Одоевского и Пушкина. Пушкин, к сожалению, выступил против своего друга в эпизоде порицания, вынесенного Чаадаеву Вяземским перед министером просвещения. Достоевский, работая над величайшим из своих романов, хотел сделать Чаадаева с его любовью к католицизму главным персонажем своего сочинения. Вот насколько устойчиво было влияние Чаадаева, вот насколько широким было его значение в глазах потомков.

§ 50

Чаадаев сам был удивлен тем приемом, который был оказан его «Письмам». В своей «Апологии сумасшедшего» он попытался оправдаться и объяснить свои «Письма». Нельзя отрицать, что в этом объяснении критика России была смягчена, но также следует признать, что в «Апологии сумасшедшего» разъяснены многие из высказываний «Писем». Они были именно письмами, в которых многие понятия не имели достаточной четкости, и поэтому трудно сказать, являются ли дальнейшие взгляды Чаадаева естественным развитием или отступлением вследствие слабоволия. Нельзя не отметить непроработанности «Писем». Почти по-детски наивной выглядит неспособность Чаадаева признать, что восхваление им Англии и английской религиозности противоречит фундаментальным положениям его работы. Чем пристальней изучаем мы это произведение, тем сильнее охватывает нас чувство неопределенности его важнейших понятий. Чаадаев — не более чем философ-импровизатор, сочинитель афоризмов, взглядов которого не коснулась логическая продуманность и систематизация.

В «Апологии» он признает, что прозвучавшая в «Письмах» критика была резкой и чрезмерной. Ее он объясняет своей крайней неприязнью к «фанатичным славянам», то есть к славянофилам, которые, будучи шовинистами как в методе, так и в целях, некритично превозносят русскую историю. По поводу национализма и прежде всего национальных предрассудков, разобщающих людей, Чаадаев испытывает настоящий ужас. Патриотизм славянофилов представляется ему не более чем национальным инстинктом, и он требует просвещения национального инстинкта сознательными идеями. «Дни слепой любви» для русского патриотизма прошли. «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей

стране только в том случае, если хорошо понимает ее... Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями... Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное — это любовь к истине... Любовь к отечеству порождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества»*.

Чаадаев повторяет тезис о некультурности допетровского развития. Спокойное признание этого факта не кажется ему непатриотическим — скорее оно доказывает, что русские превосходят представителей других наций в способности беспристрастного отношения к самим себе. При недостатке культуры русские имеют преимущество в том, что они менее обременены идеями, обладают более свежим взглядом на вещи, более восприимчивы и имеют меньше предубеждений. Русский дух восприимчив именно благодаря тому, что пуст, и все, что надлежит сделать русским, — это перенять у Европы лучшее. Но они должны именно выбирать, а не слепо копировать! Чаадаев полагает, что Петр это уже сделал. Петр видел свою страну пустыми скрижалями. Сильной рукой начертал он на них слова «Европа» и «Запад». С тех пор русские и принадлежат Европе и Западу. Петр выполнил задачу России осуществить сознательный синтез элементов европейской цивилизации. Чаадаев откровенно полагает, что Россия таким путем берет на себя дальнейшее ведение человеческой истории. Он не высказывает этой идеи прямо, но она имплицитно в его оценке России и Европы. Уже в 1831 году в письме он апокалиптически заявляет: «Неясное чувство говорит мне, что вскоре суждено появиться человеку, который откроет нашему веку ту истину, в которой он так нуждается». Будет ли это Сен-Симон, основатель политической религии, или Ламенне, зачинатель нового католицизма? Кто бы это ни был, Чаадаев ожидает исполнения судеб человечества нового небесного Евангелия. В «Апологии» (1837) находит выражение его глубокое убеждение, что русские избраны для того, чтобы разрешить многие социальные проблемы, завершить значительную часть идей, возникших в более старых обществах, дать ответы на самые трудные из стоящих перед человечеством вопросов.

В «Письмах» он требует от России осуществления синтеза Востока и Запада, в «Апологии» же этот взгляд меняется. Чаадаев начинает с того, что завершает данную ранее характеристику Востока и Запада. Восток религиозно созерцателен, Запад активен; поэтому если Во-

сток всецело предоставляет управление делами правительству, то Запад основывает правление на принципе права. И Восток и Запад имеют огромные достижения. Первым проявляет себя Восток; за ним следует Запад, и Восток оказывается поглощенным более энергичным Западом. Восток, в конце концов, засыпает в своем бездейтельном «синтезе». С подобной характеристикой Востока Чаадаев решительно выступает против славянофилов, которые противопоставляли Россию как Восток Западу, Чаадаев признает Восток, но отодвигает его на задний план по сравнению с Западом. Россию он вообще не хотел бы признавать Востоком. В этом есть непоследовательность, ибо в «Письмах» он относит Россию к Востоку, а позднее (как, например, в письме к Шеллингу от 1842 года) Чаадаев говорит о скромности, смиренности и аскетической созерцательности как о характерных чертах русского духа — а между тем эти черты считались и до сих пор считаются типично восточными.

В «Апологии» Чаадаев склонен объяснять недостатки России ее географическим положением, тем фактом, что она расположена на крайних границах всех цивилизаций. Воздействие ее положения в мире Чаадаев подчеркивает часто, утверждая, что русские являются северным народом, и настаивая, что в преобладающей степени русские позволяют правительству руководить ими. Когда в связи с этим он делает комплимент Николаю и его династии, это напоминает нам о том, что в 1833 году Чаадаев вел переговоры с Бенкендорфом на предмет получения должности. Тогда Чаадаев писал, что какой-либо прогресс возможен для русских лишь при условии подчинения чувств и взглядов подлинным чувствам и взглядам монарха. Чаадаев резко осуждал июльскую революцию 1830 года и вообще представлял французов в невыгодном свете.

Нетрудно заметить, что Чаадаев не отличался особым мужеством. В одном из своих покаянных писаний¹²¹ он самым отвратительным образом клеветал на Герцена. Когда же его друг уличил его в этом, то в качестве оправдания он написал: «Mon cher, on tient à sa peau...»¹²²

В «Апологии» Чаадаев упоминает Петра I, Ломоносова, Пушкина в качестве русских мудрецов и учителей человечества. Существование их есть доказательство того, что Россия — по крайней мере, Россия Петра Великого — идет по пути прогресса. Но и в допетровской эпохе он обнаруживает ценный и значительный цивилизующий фактор: русскую церковь и христианскую кротость, в которой она воспитала русский народ. Чаадаев, как мы узнаем из его писем и из отзывов его друзей, был противником крепостничества. Взгляды Чаадаева разделял Н. Тургенев, о котором мы знаем, что он был ярким противником крепостного права. Чаадаев отрицательно отзывался о

* Чаадаев П. Я. ПСС. Т. I. С. 533, 523.

подчинении церкви государству, т. е. о цезарепапизме. Но разве не следовало ему спросить самого себя, не связано ли это с тем, что русская церковь приучала русских к молитвам и покорности?

В этом аспекте позиция Чаадаева вызывает замешательство. Достаточно указать на осуждение им в 1847 году «Переписки с друзьями» Гоголя, чтобы показать, что даже после 1836 года он не слишком любил русскую церковь с ее смирением. Еще позднее он осуждал Крымскую войну, среди прочего, за то, что в она не смогла усилить покорность монарху...

§ 51

Наибольшие колебания в философии истории Чаадаева заметны в отношении фундаментального понятия прогресса. С одной стороны, он склонен вслед за Паскалем считать прогресс непрерывным. С другой же стороны, христианизацию мира он считает чудом, результатом вмешательства сверхъестественных сил; в один и тот же день погибла, чтобы возродиться вновь, не только Римская империя, но и весь античный мир.

Аналогичным образом приходит Чаадаев и к своеобразной оценке классической цивилизации вообще. В греческой цивилизации он ценит лишь ее материальную красоту и осуждает Сократа, Марка Аврелия, стоиков, платоников и Гомера — этого «совратителя человечества». Древний мир сокрушили не варвары — он сам рассыпался при первом же прикосновении, ибо был уже трупом. Вместе с тем, он признает Эпикура и его этическую систему, ибо находит в ней фактор объединения людей. Также поражает то, что, высоко ценя ислам и Магомета, а также религии Индии, он не находит ни слова одобрения для Аристотеля и его важных трудов. В ходе рассуждения об исламе он довольно смело замечает, что христианство может принимать различные религиозные формы и, если потребуется, способно даже комбинироваться при случае с заблуждением, дабы полностью достичь свои цели! Этим вопросам посвящены два из его философических писем.

Одновременно Чаадаев затрагивает проблему свободы. С одной стороны, он признает необходимость многих исторических событий и фактов — например, географического положения. Также он настаивает на внутренней логике, на «силлогизме» исторического развития, прямо напоминая нам тем самым о гегелевской диалектике. С другой стороны, он хочет спасти свободу индивида, — христианство является хранителем даже «абсолютной свободы человеческого духа»;

к тому же он желает спасти «всеобщий разум». В письме Шеллингу от 1842 года он осуждает гегелевскую диалектику как фаталистическую логику, почти уничтожающую свободу воли. Нельзя сказать, что ему удастся хотя бы наполовину четко сформулировать проблему. Он говорит, что история есть продукт божественной энергии; но как можем мы совместить с этим теизмом свободу индивида и всеобщий разум? Что означает имманентность Бога; что такое индивидуальный разум и что такое «всеобщий разум»? Как соотносится имманентная телеология со свободой и необходимостью?

Кажется, эти проблемы сознавались Чаадаевым, хотя он и не смог дать им адекватную формулировку. Ему были ведомы те трудности, с которыми впоследствии, среди прочих, суждено было столкнуться Толстому при разработке философии истории.

Иногда царство Божие на земле он рассматривает *sub specie aeternitatis*¹²³, настолько вне времени, что люди, мир и история превращаются просто в символы. Так, Рим для него есть символ всей мировой истории; Вечный город является той точкой, в которой человек может конкретно и физиологически осязательно охватить все воспоминания рода человеческого, в то время как Папа римский есть не более чем идея, чистая абстракция, не человек, а всемогущий символ времени...

В связи с этими проблемами Чаадаеву приходилось рассматривать и то, каким образом связан индивид с социальным развитием общества. Он противопоставляет индивида обществу, ставя его выше индивида. Чаадаев не просто требует покорности и религиозного подчинения «я» — для него «всеобщий разум», как он его называет, есть то общественное целое, которое подчинено воле Божьей и которое, все же противостоит индивиду в качестве самостоятельного и самостоятельного целого. Это целое он понимает так же, как народ, в отличие от правительства, но — по крайней мере, для Средневековья — в качестве целого он постулирует федеративную систему народов, и именно это целое называет «христианским народом», в котором исчезают или растворяются индивидуальные и национальные различия. Как следует смотреть на Богом посланных личностей, вождей народа? «Для гения все возможно». Шеллинг представлялся ему личностью настолько великой, что мог вести за собой всех вождей толпы — т. е. быть вождем вождей. Что есть слепые массы в сравнении с их вождями? В 1837 году, не утрачивая почтения ко «всеобщему разуму», Чаадаев энергично сражался с учением Ламенне о всеобщем духе, хотя последний и называл его «la raison universelle du genre humain»¹²⁴, что совпадает с традицией и сознанием католической церкви, с католицизмом.

Если бы моей задачей было вынесение окончательного суждения, то мне пришлось бы сожалеть по поводу того, что до сих пор не существует полного критического издания всех имеющихся фрагментов работ Чаадаева. Творчество этого автора являет собой конкретный пример той трудности, о которой я говорил в предисловии — трудности писать о России, находясь вне ее, в Европе. Для адекватного исследования творчества Чаадаева было бы необходимо работать с рукописями, собирать все имеющиеся отрывки и расставлять их в хронологическом порядке. Только таким образом можно было бы дать картину духовной эволюции Чаадаева.

Я рассматривал Чаадаева как первого русского философа истории. Фактически он был первым русским, попытавшимся вслед за немецкими мыслителями более четко понять и сформулировать сущность природы философии истории и истории вообще, а именно дать философское изложение и оценку тех идей, выражениями которых являлись те или иные исторические факты. Для Чаадаева история каждой нации есть не просто последовательность событий, она есть еще и взаимосвязь идей. В этом и других подобных аспектах Чаадаев повторяет гегелевскую диалектику и воспроизводит гегельянское мировоззрение. Как мы уже видели, он использует гегелевскую терминологию, говоря о логике и силлогистике «всеобщего разума», развивающегося в истории. Особенно необходима была философия истории именно русским, для ориентирования в начинающейся европеизации.

В этом смысле Чаадаев занимал особое положение между двумя партиями, находящимися в то время в процессе формирования — партией славянофилов и партией западников.

Он принимает фундаментальное положение славянофилов, согласно которому общество и историческое развитие следует рассматривать прежде всего в религиозном смысле. Но он отличается от славянофилов в том, что понимает религию и церковь в смысле воинствующей и побеждающей мир церкви Запада, в то время как славянофилы понимали религию и церковь скорее в духе восточной, мистически отрешенной от мира созерцательности. Поэтому Чаадаев не замыкается в русском монастыре, а выходит в свет, — это своего рода монах в салонном фраке.

В глазах Чаадаева славянофилы были ретроспективными утопистами, учеными апостолами национальной реакции, в то время как его устремления направлены на мировую и вселенскую церковь, церковь всемирную, организованную по образцу папства. Папистские пристрастия Чаадаева представляли собой камень преткновения для друзей и противников Чаадаева из числа славянофилов, но, живя в

Москве, он был лично связан с И. Киреевским, Хомяковым и другими основателями и представителями славянофильства, от которых он перенял впоследствии высокую оценку русской и восточной церкви.

Таким образом, Чаадаев сближался с программой официальной теократии, хотя и подразумевал под теократией скорее «теократию сознания» в духе Шлегеля, чем графа Уварова, вследствие чего слыл личностью подозрительной и в глазах правительства, и в глазах славянофилов. В 1852 году, когда полиция составила список лиц, подозреваемых в славянофильстве, в него был включен и Чаадаев. В литературных кругах потешались над этим списком, но в том, что касалось Чаадаева, ошибки не было.

Однако от славянофилов его отличало безусловное признание Петра I, за что его ценили западники и в первую очередь Герцен. В политике он никогда не отказывался от идеалов декабристов, хотя и резко отрицательно относился к их методу, к революции. В сущности, Чаадаев хотел революции, но революции европейского образца. На Западе, писал Чаадаев в своем первом «Письме», все революции на деле являлись революциями духа; интересы следовали за идеями, никогда не предшествовали им.

С западниками Чаадаева объединяла беспощадная критика условий жизни в России. Он разделял их отвращение к шовинизму, который со времен наполеоновских войн вылился в официальный национализм Уварова и который в Чаадаеве усматривал нигилиста в национальном вопросе. Поэт-славянофил Языков злобно обвинял Чаадаева в измене отечеству... Несмотря на теократическую основу, западники почувствовали в Чаадаеве скептическое отношение именно к религиозным вопросам, которое было им созвучно.

Чаадаев оказал мощное воздействие на современников и потомков. Свидетельства этому мы находим не только у Герцена, но и у Пушкина, Н. Тургенева, и даже у Достоевского. Отчасти это влияние объясняется той особой двойственностью позиции Чаадаева, которую выразил Пушкин в своем суждении об этом «целителе душ».

«Он в Риме, — говорил Пушкин, — был бы Брут, в Афинах — Периклес».

Глава десятая

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО. МЕССИАНИЗМ ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕОКРАТИИ. СЛАВЯНОФИЛЬСТВО И ПАНСЛАВИЗМ

А § 52

С помощью немецкой философии «фанатичные славяне», как назвал их Чаадаев, преобразовали теократическую программу Уварова в философскую систему. Чаадаев со своим религиозным западничеством оставался в одиночестве, но продолжал оказывать влияние как на своих друзей, так и на врагов, поскольку движение славянофилов вылилось в конце концов в образование школы.

Славянофильство получило философское оформление в московских литературных кругах, и было напрямую связано с системой Шеллинга, в то время как для западников, оппонентов славянофилов, философским основанием стала система Гегеля. Первоначально четкой границы между этими двумя направлениями не было, окончательное размежевание их принципов и приверженцев произошло только к середине 40-х годов (а точнее, в 1845 году). Однако вследствие строгости николаевской цензуры литературно-публицистические изложения соответствующих концепций появились несколько позже, в начале пятидесятых и в первые годы правления Александра II.

Некоторые историки литературы говорят о национально ориентированных предшественниках славянофилов, называя первыми сла-

вянофилами Шишкова, Карамзина, Кюхельбекера и др. Это верно лишь в том смысле, что славянофилами была развита та сильная националистическая тенденция, которая впервые заявила о себе в правление Александра I, и что они выступали в защиту русской культуры, которую высоко ценили. В этом смысле предшественников славянофильства можно было бы сыскать и среди первых защитников всего русского, существовавших уже в XVIII веке и даже раньше. Но считаю необходимым утверждать, что в своей ранней форме, которую ему придали основатели славянофильства, движение имело не националистический, а религиозный характер, и что его философские корни, так же как и корни западничества, следует искать на Западе.

В своем изначальном значении термин «славянофил» говорил о любви к славянской литературе, а не к славянам или славизму. Впервые он был применен для обозначения национализма Шишкова, который утверждал, что церковно-славянский язык есть исток и основа русского народного языка; с церковным языком пришел церковно-славянский алфавит и, естественно, церковный образ мысли. Слово «славянофил», употреблявшееся оппонентами Шишкова с иронией, впоследствии было перенесено на новое направление. Сам Киреевский называет свое направление ортодоксально-славянским, другие говорят о «славянах», Гоголь пользовался выражением «словаисты и европеисты»^{*}.

Славянофильство было основано другом Чаадаева Иваном Киреевским. Часто его основателем называют Хомякова, утверждая, что Хомяков оказал влияние на Киреевского и практически обратил его в славянофильство. Это утверждение некорректно. Киреевский, как мы увидим ниже, являлся в начале своего развития сторонником западной культуры, но одновременно он был противником современного ему либерализма, поскольку тот был безразличен к религии, даже враждебен ей. Потом он стал более консервативным и укрепился в своих церковно-религиозных взглядах. Хомякова, Киреевского (брата Ивана Киреевского) и других можно считать ответственными лишь за это последующее усиление его русской церковности. Но и в этом отношении более сильным, нежели влияние Хомякова, могло быть, пожалуй, влияние жены Киреевского и ее набожных знакомых. Киреевскому мы обязаны наиболее глубоким и обобщенным оформлением славянофильства как философского учения, и здесь влияние Киреевского на Хомякова было более сильным, чем Хомякова на Киреевского.

^{*} Славянофилы первоначально называли себя «славянофилами», лишь позднее в обиход вошли формы «славянофил» и «свавофил».

евского. И даже чисто хронологически первым философски обосновал славянофильство именно Киреевский*.

Подобно Чаадаеву и другим своим друзьям и знакомым, Киреевский был воспитан на немецкой философии и литературе. Наибольшее влияние на него оказал Шеллинг. С идеями Шеллинга его рано познакомил отчим и воспитатель Елагин, перу которого принадлежит перевод на русский язык «Философских писем о догматизме и критицизме» Шеллинга. В этом сочинении и следует искать идеи, определившие важнейшие эпистемологические позиции позднего Киреевского. Влияние Шеллинга мы находим также в его эссе «Деятнадцатый век» и в программе обзора «Европеец». Европеиза-

* Иван Васильевич Киреевский родился в Москве 22 марта 1806 года. Он принадлежал к старинному и состоятельному роду. Его образование шло под влиянием романтика Жуковского, дяди его матери. Жуковский оказал значительное влияние и на мать Киреевского, воспитав в ней и ее сыне интерес к немецкой романтической литературе. Отец Киреевского умер в 1812 году. В 1817 году его мать вышла замуж за Елагина, и, начиная с 1821 года, она играла видную роль в московском обществе, сначала в литературном кружке, объединившемся вокруг Полевого (Вяземский, Кюхельбекер, Шевырев, Погодин и другие, включая Пушкина); а затем в кружке поэта-лирика Веневитинова (Пушкин, Вяземский, Баратынский и пр.). В 1824 году Киреевский поступил на службу в Главный московский архив, крупнейшее в России собрание исторических документов; в числе его сослуживцев были Петр Киреевский, князь Одоевский, поэт Веневитинов с братом, Шевырев и др. В 1830 году Киреевский уехал в Берлин слушать курсы по философии, теологии и истории (Карл Риттер, Штурх, Раумер и Шлейермахер). Будучи к тому времени уже хорошо знаком с сочинениями Гегеля, Киреевский встречался с ним в Берлине. Еще он познакомился с Гансом и Мишле. Пробыв в Берлине два месяца, Киреевский уехал в Мюнхен, где общался с Шеллингом и Океном. Он пробыл в Германии меньше года и возвратился домой, так и не обретя искомого философского удовлетворения. В 1832 году он учредил обзор «Европеец», в котором печатались Пушкин, Жуковский, Баратынский, Языков и др., но эссе Киреевского «Деятнадцатый век» и критический набросок Грибоедова подписали смертный приговор обзору, а С. Т. Аксаков, цензор, пропустивший его в печать, впал в немилость. После выхода двух номеров «Европейца» он был запрещен. Киреевский женился в 1834 году. В сороковые годы в салоне мадам Елагиной собиралась вся литературная и философская Москва. Здесь бывали Гоголь и Языков, К. Аксаков, Самарин, Хомяков, Д. А. Валуев, Грановский, Герцен, Чаадаев и многие другие. Киреевский надеялся на назначение его профессором философии, но не получил искомого места. В 1845 году Погодин поручил ему редактирование «Москвитянина», но эту работу он оставил после выхода трех номеров журнала. В 1852 году, в сотрудничестве с единомышленниками, он взялся за издание «Московского сборника», но его статья «О характере просвещения Европы и о его отношениях к просвещению России» сделала невозможным и это литературное начинание. В 1856 году, после смерти автора, в «Русской беседе» (славянофильском периодическом издании, выходившем в 1856—1860 гг.) появился набросок под названием «О необходимости и возможности новых начал для философии». Киреевский умер до завершения этой работы 11 июня 1856 года от холеры. Его брат Петр Киреевский (11 февраля 1808 года — 25 октября 1856 года) был известен как собиратель песенного фольклора.

ция России — такова была в двух словах программа Киреевского после возвращения из Европы. Сочинениям Киреевского, датированным 1832 годом, мог бы порадоваться и Чаадаев! Киреевский безоговорочно принимал европейскую культуру в том ее виде, в каком она существовала, начиная с середины XVIII века. Подобно Шеллингу, он считал эту культуру высшей ступенью духовного развития, а именно ступенью художественного творчества, которая завершает практическую и теоретическую ступени. В то же время эта культура представляла собой гармоничное преодоление противоположности, нашедшей свое преходящее выражение в революции и контрреволюции, в вольтерьянстве и романтическом мистицизме. Киреевский считал, что Французская революция оказала целительное воздействие на Европу. Он приветствовал возврат к религии и религиозности, ибо, как и Чаадаев, считал ее социальной энергией, направленной на объединение человечества. По его мнению, религия есть не просто ритуал и внутреннее убеждение, но и духовное единение всего народа. В этом качестве она должна сказываться на всех сторонах жизни общества, должна пронизывать собой всю жизнь народа в его историческом развитии.

Киреевский усматривал в новой культуре Европы естественное продолжение и завершение античной культуры, оплодотворенной христианством. Недостаток русской культуры допетровских времен состоял, по его мнению, в том, что русское христианство, русская церковь, превосходя католицизм и римскую церковь по чистоте и святости, не смогла вместе с тем распространить свое влияние на всю жизнь — государство, культуру, искусство, экономику — короче, всю общественную жизнь. Русским недоставало античного элемента, а следовательно, и воздействия возрождения, имевшего на Западе своеобразную связь с христианством. Русские остались без необходимого просвещения. Только в Новгороде и Пскове имелись очаги общеевропейской культуры.

Киреевский ставил в заслугу Петру и Екатерине то, что они ввели Россию в Европу, и осуждал национал-шовинистов, ратовавших за чисто национальную, независимую русскую культуру. Он давал отпор тем, кто стремился отгородить Россию от Европы китайской стеной. Истинную культуру следует искать не в национальных особенностях, но в участии в общей жизни цивилизованного мира. Русским не следует обращать свои взоры в сторону древней Руси; они должны и могут непосредственно усвоить новую европейскую культуру, европеизм. Стремление к национальной самобытности было равносильно стремлению к некультуре.

В философии истории Киреевского имеются многочисленные пробелы, и особенно ошутимо отсутствие анализа положения о том, что русское христианство «чище и святее». Далее, если религия должна пронизывать собой всю общественную жизнь, то каким образом сможет новая западная культура, современный европеизм непосредственно сочетаться с русской церковью и религией? И какова должна быть роль России в этом сочетании?

Вообще все сочинение Киреевского слишком эскизно. Отдельные фазы исторического развития не получили у него адекватного описания. Например, Реформация упоминается лишь мимоходом; ничего не говорится о том, почему новая культура вытеснила старую христианскую культуру, и т. д., и т. п. Далее, не дано достаточно четкого определения основных понятий — государства, нации, человечества, культуры, религии и пр. К тому же Киреевский так и не достиг ясного понимания истинного значения своего европеизма. Что же до николаевского правительства, то у него на этот счет сомнений не было — оно недолго сомневалось, прежде чем закрыть обозрение «Европеец». Культура предполагает свободу; деятельность разума знаменует революцию; «правильно выбранный средний путь» ведет к конституции. Таковой была интерпретация, данная эссе Киреевского министром просвещения, и никто не сможет утверждать, что он был совершенно не прав.

§ 53

После этой литературной неудачи Киреевский держался в тени, напечатав всего лишь несколько литературных исследований — и притом анонимно. Женившись, он познакомился с отцом Филаретом, монахом-отшельником Ново-Спасского монастыря в Москве, исповедником его молодой жены. Это знакомство многое дало для прояснения религиозных воззрений Киреевского и усилило влияние на него брата Петра и друга, Хомякова. Киреевский рассчитывал привлечь на свою сторону собственную жену — женщину образованную; однако через два года женитьбы он, по свидетельству его друга Кошелева, сам стал разделять взгляды жены. Из своего имения в Долбино, находившегося в Тульской губернии, он часто наезжал в Оптину Пустынь и завязал тесные отношения с некоторыми из ее старцев. После смерти в 1842 году Филарета на Киреевского стал оказывать большое влияние его духовник отец Макарий. Этот решительный поворот к православию еще более усилился в результате изучения греческих отцов церкви и привел Киреевского

к образу мыслей, отражением которого явились две его статьи 1852 и 1856 годов.

Основные идеи этих работ, а также других неоконченных статей и отрывков могут быть вкратце изложены следующим образом.

По своей сокровенной сущности Россия отлична от Европы. Различие и даже противоположность этих двух культур определяется их религиозными и церковными различиями. Это противоположность веры и враждебного вере знания, традиции и критики, восточного православия, с одной стороны, и римского католицизма и протестантизма, преимущественно немецкого — с другой. Православие для России есть оплот истинной веры, данной в откровении; православная вера есть мистическое выражение абсолютной религиозной истины, обретаемой благодаря божественному откровению. Европейский католицизм и особенно протестантизм предприняли неудачную попытку доказать, что божественное откровение согласуется с разумом, и конечным результатом подобного рационализма явилось разрушение веры в западной церкви и раздвоение человека. Культура России, основанная на вере и на церкви, также отличается от культуры Европы. В России преобладает философия греческих отцов церкви, в Европе же главными истоками культуры служили схоластика и в особенности порожденная ею протестантская философия. Поэтому и русское искусство отличается от западного, ибо для него красота и истина суть одно и то же, в то время как в Европе абстрактная красота ведет к неправде, фантастике.

Русское государство органично выросло из общины, мира; европейское государство возникло в процессе завоеваний и подавления других народов. И современный парламентаризм с его правлением большинства есть не более чем продолжение исключительно материалистических принципов правления. Киреевский воспринимал Луи-Филиппа так же, как и Николай I.

Русское право тоже органично выросло из убеждений народа, в то время как право европейское, восходящее к римским завоевателям, находит свое наивысшее выражение во внешнем легализме и формализме.

Поэтому Россию отличает от Европы прежде всего отношение государства к церкви. Российское государство полностью отделено от церкви, имея лишь мирское назначение. Европейское государство слито с церковью; церковь узурпирует власть над мирскими делами, пренебрегая делами духовными. Выражение «Святая Русь» не несет в себе смысла, аналогичного выражению «Священная Римская империя»; Святая Русь — это хранилище реликвий.

В России собственность носит общинный характер (*mir*), ибо индивид обладает ценностью сам по себе; в Европе индивид не имеет никакой ценности, так как значение европейской частной собственности состоит в том, что человек оказывается приписанным к земле, и земля, а не человек, обладает ценностью.

В России, соответственно, и семья обладает совершенно иной структурой, нежели семья европейская. Русская семья патриархальна; кровные связи соединяют ее членов в моральное единство, из которого органично произошла община, а в конечном счете и государство с его патриархальным властителем. Европейская семья индивидуалистична и потому эгоистична; она ведет к эмансипации жены и детей.

Русская жизнь проста, Европа же стремится к роскоши и комфорту. Политическая экономия как наука подходит к жизни как к пользованию материальными благами.

Истинную цивилизацию, древнерусскую, славянскую, допетровскую культуру русский обретает на земле; ее оплотом является крестьянин, мужик, весь народ. Европейец обладает собственной современной цивилизацией, сконцентрированной в городах и опирающейся на буржуа. Буржуазная индустриализация доминирует над общественной жизнью; буржуазная филантропия является, в сущности, результатом эгоистического расчета.

Также коренным образом отличаются и общие результаты этих столь несхожих мировоззрений и жизненных укладов. Русский духовно целостен; хотя его никогда не покидает чувство собственного несовершенства, его совесть придает ему спокойствие и удовлетворение. Европейец же обладает убежденностью в собственном совершенстве, но при этом у него нет чувства счастья и удовлетворенности, ибо его духовная природа внутренне раздвоена, он ввергнут в пучину скептицизма и неверия; но жить без веры невозможно.

Киреевский пытается затем дать этому дуализму, который он вывел из анализа современных России и Европы, философско-историческое обоснование. По его мнению, противоположность этих двух цивилизаций, двух миров существовала уже в античности как противоположность Рима и Афин (место которых впоследствии занял Константинополь). Христианство сгладило национальное своеобразие. В рамках единой всемирной церкви местные и национальные различия вытеснялись на обочину. Со временем, однако, римские черты стали преобладающими, и это привело к расколу, к великому историческому раздвоению на Восток и Запад.

Римская половина мира не устояла перед своей древней формально-правовой приверженностью к силлогизму, к логике; она моди-

фицировала свое учение («filioque»¹²⁵) и породила схоластику, которой надлежало доказать христианское учение посредством разума. Но именно благодаря этому логическому пути схоластика и римско-католическая церковь стали враждебны разуму и, несмотря на свой рационализм, слепо подчинились авторитету иерархов и папы.

Не только церковь, но и культура в целом пришла на Запад исключительно в латинизированной форме. Вследствие этого все элементы данной культуры обладают юридически формальным, внешне логическим характером. В моральной сфере воплощением западного характера является честь римлянина, составляющая сущность патриотизма, высшего из римских добродетелей. Греки любили свой дом, патриотизм же римлян являл собой честь одиночки, который, любя свою родину, на самом деле любил свою партию и собственные эгоистические интересы. Короче говоря, принятие за основу римского наследия налагало особую печать на всю западную культуру, и эта культура ограничивалась внешней стороной вещей.

В определенном смысле Реформация спасла религию для Запада. В сущности, однако, она продолжает римско-католическую рационалистическую схоластику. Протестантство породило современную немецкую философию. Западная мысль, особенно римско-католический, западный силлогистический рационализм, обрела свое адекватное выражение в работах Юма, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Былое единство католицизма распалось вследствие торжества индивидуализма и субъективизма, и Запад атомизировался в общественном отношении. Подобно тому, как в Средние века каждый рыцарь в своем замке являл собой государство в государстве, так в новое время прокламируется ничем не ограниченный авторитет индивида, его личных убеждений. Переворот (Французская революция!) стал условием прогресса.

Весьма отличным было развитие восточного христианства. Киреевский не дает исторически столь же четкого изложения сущности греческо-византийской культуры и образования, какое он дал в отношении развития Запада. Он ограничивается изложением греческого понимания религии, которое, в отличие от поверхностно-логического рационализма Запада, характеризуется содержательной наполненностью мистического созерцания.

Раскол ослабил Византию с культурной точки зрения, но ни в коей мере не привел к упадку религию. От Византии Россия унаследовала истинное христианство, а вместе с ним основы истинной культуры. В отличие от наций, принявших римско-католическое христианство, русские не имели культуры до своего обращения в христианство и

поэтому оказались способными к лучшему восприятию его и к поддержке его чистоты.

Они взлелеяли не только христианское учение, но и христианскую мораль, истинно христианский характер. Русский представляет собой подлинную и своеобразную противоположность римлянину: русское христианское смирение являет собой прямую противоположность римской высокомерной гордости. Правда, Киреевский был вынужден признать, что в новейшее время истинную христианскую веру воплощал лишь человек из народа, мужик. К тому же он признает, что и Россия в своем развитии сделала ложный шаг, приняв форму за сущность. Сущность христианства, значение христианского учения находит выражение во внешней форме, в ритуале и т. д. Введенные в заблуждение тесной связью наружной формы с внутренним смыслом, русские приняли одно за другое, вследствие чего в древнерусскую культуру и русскую общественную жизнь проник формализм. Именно в этой формальной сфере возникла своеобразная ересь — раскол XVI века¹²⁶.

Киреевский был склонен даже петровские реформы рассматривать как порождение русского формализма. В своем увлечении внешней стороной Россия восприняла формалистическую римско-западную сущность. Однако, отрицая реформы Петра и западную цивилизацию, Киреевский сам воспроизводит ошибку Петра; он даже совершает первородный грех, совершенный Римом, — пытается дать философское обоснование истинной религии православного Востока. «Если религия несовместима с разумом, то что это за религия?» — с таким вопросом обращается он к тем людям на Западе, которые ради спасения религии отбрасывают философию.

Так в конце концов Киреевский приходит к тому мнению, что немецкая философия, возможно, представляет собой переходный этап на пути к независимой русской философии. Западная философия, считает он, достигла своей высшей точки, получила определенную форму в лице немецкого идеализма и неспособна к дальнейшему развитию. Разуму следует признать данный факт и решиться на переворот; холодный анализ критического рассудка, со времен Рима бывший ведущей силой Запада, должен уступить место возврату к разуму; от логики, силлогистики, диалектики, мы должны вернуться к мистическому созерцанию. Критический рассудок изолировал друг от друга психические способности отдельных индивидов, попытался сделать их независимыми друг от друга, привел к внутренней раздвоенности человеческого духа. Спасение от этого можно обрести лишь одним способом: через возврат к вере, к интуиции, словом, к такому разуму, в котором все духовные потенции, действуя в полном един-

стве, составляют живое целое. Наиболее совершенным образом это единство духа, говорит он, достигается греческими отцами церкви. Киреевский, однако, признает, что человечество не способно встать на их позиции. Философия есть одновременно и результат, и основа наук, и проводник на пути между наукой и верой. Новое знание нуждается в новой философии. Поэтому Киреевский обращается к Шеллингу, который, после возврата к мистицизму, смог повести новое знание и новую цивилизацию обратно к истинной вере. Как бы там ни было, спасение русской философии можно осуществить на основе учения Шеллинга, а греческие отцы церкви могли бы послужить маяками для этой философии, могли бы снабдить ее жизненными принципами, указать направление.

Показательно, что с помощью Шеллинга, особенно Шеллинга позднего периода, Шеллинга, увязшего в теософии и мифологии, Киреевский стремится преодолеть Канта и Гегеля. Если рассматривать это с точки зрения психологии и эпистемологии, то Киреевский принимает результат кантовской критики о том, что высшие религиозные истины не могут быть познаны с помощью разума. Этим положением Кант лишил европейскую рационалистическую цивилизацию ее основания, но не смог сделать следующего необходимого шага. Только Шеллинг осуществил поворот от рационализма к интуиции, к интеллектуальному созерцанию. И все же Канту с помощью его критики удалось найти путь обратно в веру. Поэтому ведущей характеристикой верующего разума является попытка сплавить воедино все отдельные части души в единую энергию, раскрыть ту внутреннюю концентрацию бытия, в которой разум, воля и чувство, а также совесть, красота, истина, удивление, объект желания, справедливость, сострадание, разум в целом — всё сливается и составляет живое целое, благодаря чему сущность личности вновь восстает в своей «первоначальной неделимости». Для Киреевского основная особенность «православного мышления» состоит в том, что «оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня — стремится самый источник разума, самый способ мышления возвысить до сочувственного согласия с верою»^{*127}.

* Терминология Киреевского восходит к Канту и Шеллингу. Он использует кантовское различие между «рассудком» и «разумом». Мистическое «зрение ума» есть то, что Шеллинг именует созерцанием (*Anschauung*) или интеллектуальным созерцанием (*intellectuelle Anschauung*). Обычно на русском языке это определение передается термином «интуиция», «интуитивный», причем он не обязательно несет в себе какой-либо мистический смысл, скорее обладает значением «а priori». Более подробный анализ этой теории способностей души пытается проделать Хомяков.

§ 54

Предприняв попытку краткого обзора славянофильской философии, истории и религии Киреевского, я теперь хотел бы дать беглый критический очерк его философии.

Различие между ранними взглядами Киреевского и взглядами, сформулированными им позже, увидеть нетрудно. Мы видим, что произошло изменение общей направленности, а не просто изменение взгляда на некоторые аспекты (как это было, например, с его отношением к Французской революции). Верно, что в своей первой работе Киреевский признавал религию в качестве самой важной из социальных сил. Уже в 1827 году он осудил «глупый либерализм», не имеющий уважения к религии. Однако на второй стадии религия, которая изначально понималась им в духе Шеллинга, стала рассматриваться им в той исторической форме, которую она получила от русской византийской церкви. Если Шеллинг хотел преодолеть противоположность католицизма (Петра) и протестантизма (Павла) в будущей иоаннитской церкви, то Киреевский свой идеал обрел в русской церкви, хотя и следует признать, что он конструирует ее идеальный образ. О воззрениях и кругозоре Киреевского много говорит список имен философов, привлекавших его помимо греческих церковных учителей. Наряду с Шеллингом и такими мыслителями, как шеллингианец Стеффенс*, здесь мы находим Вине, Паскаля и прочих подобных им философов. Шлейермахера, слушателем которого Киреевский был в Берлине, он считал чересчур рационалистичным. Поэтому от Гегеля он вообще воспринимает только введение в философско-историческую диалектику. Кантовскую критику и критицизм он, как уже говорилось, отрицает полностью.

Отметая современную ему философию, Киреевский демонстрирует подобное же неприятие схоластики, которую считает матерью современной философии. С достаточной последовательностью он, наряду с западной схоластикой, осуждает схоластику византийскую и вообще делает много критических высказываний относительно Византии. Киреевский желает сохранения в безупречной чистоте религии и откровения и потому вместе с Шеллингом выступает за особую мистическую восприимчивость, состояние непосредственного созерцания. Католичество и протестантство для него вовсе не религии, ибо

¹ Для характеристики Киреевского представляет интерес его выдержка из автобиографии Стеффенса, перешедшего из протестантизма в католицизм, но ставшего в конце концов приверженцем старой лютеранской веры. Стеффенс выступал также против (пруссского) церковного союза. Киреевский считал, что можно многое почерпнуть из религиозного опыта Стеффенса.

стремятся объяснить веру посредством рассудка, дать ей рационалистическое обоснование. Даже догматы являются в глазах Киреевского откровением истины, вследствие чего он рассматривает теизм, в данной нам форме божественного откровения — учения о Троице, как саму суть христианской доктрины. (Очерк 1856 года¹²⁸ был задуман им как вводная часть трактата, посвященного учению о Троице.)

Конечно, Киреевский не довольствуется одним лишь мистическим созерцанием. Волей-неволей ему приходится обратиться к теории религии, и его выбор останавливается на Иоанне Дамаскине и Шеллинге. При этом мистицизм Киреевский считает разновидностью гностицизма — он сродни тем средневековым схоластам, которые одновременно являлись и мистиками. Именно это привело его к Шеллингу, протестантскому мыслителю, под влиянием которого он находился до конца своих дней.

Киреевскому не пришлось пережить мистический кризис, подобный тому, какой пережил Чаадаев. Он питал великую любовь к греческим отцам церкви и помогал своим друзьям из монахов публиковать их работы, хотя и знал, что по своему содержанию эти работы не удовлетворяют потребностям времени. Не будучи мистиком, он попытался погрузиться умом в древневизантийский мистицизм и дать ему психологическое истолкование, но в том, что касается его личного отношения, то он достиг лишь воскрешения духа древней веры и принятия церковных форм набожности. Хотя он искал силу и поддержку в общении с монахами и верующими, ему так и не удалось полностью освободиться от сомнений.

Киреевский, бесспорно, пережил изменение во взглядах, стал более консервативным, но он не выказывал нетерпимости по отношению к тем, кто держался его прежних мнений, и в кругу собратьев-славянофилов отличался свободой суждений*.

Киреевский требовал прежде всего единства не только философских взглядов, но и личной и общественной жизни. На основе ошибочной философии познания, заимствованной им из немецкого идеализма, он построил психологический, эпистемологический и исторический дуализм, в котором было суждено отразиться противоположности России и Европы. Последовательное применение им этого дуализма к исторической эволюции дает убедительную картину,

* Приведем характерное высказывание, адресованное Грановскому: «Чувствами я более сродни вам, но я не разделяю многие из ваших убеждений, нашим я ближе по вере, но столь же многое разделяет меня в другом». В 1844 году он писал Хомякову: «Вероятно, вы считаете меня архи-славянофилом. Позвольте мне сказать вам, что разделяю мировоззрение славянофилов лишь отчасти, что же до другой части их взглядов, то я от нее дальше, чем даже от наиболее эксцентричных взглядов Грановского».

но его история и философия представляют собой скорее дедуктивную конструкцию, нежели рассуждение, опирающееся на реальные факты.

Анализируя европейский дуализм, Киреевский обнажил ошибки и недостатки, характеризующие раздвоение в развитии России со времен Петра. Однако те пороки и заблуждения, которые он находил в Европе, фактически привлекли его внимание в связи с их актуальностью для России и для него самого. Нельзя отрицать того, что это раздвоение существует и в России и в Европе, но Киреевский заблуждался, когда объективировал собственные жизненные идеалы, перенося их в плоскость философии истории и на Древнюю Русь. Подобную ошибку совершали все европейские романтики со времен Руссо, искавшие идеал будущего в прошлом — кто у древних германцев и галлов, кто у древних славян, а кто во времена апостолов. Киреевский перенес шеллингианскую церковь будущего в третий Рим или, в сущности, открыл ее в русском мужике. Во всяком случае, Киреевский очень сильно идеализировал третий Рим, и эта его идеализация древней Руси и православия на деле являлась суровой критикой существующей России. Это хорошо понимали литературные приспешники царя Николая, клеймя как «крайне зловредный» панегирик древней Руси, опубликованный Киреевским в 1852 году¹²⁹. Вполне понятно, что для Киреевского вера была не только верностью убеждениям, привнесенным извне, а истинной преданностью внутренней жизни индивида, подводящей его к прямому общению с высшим миром. Официальная государственная церковь с ее авторитарным подходом подобного взгляда терпеть не могла. Более того, тот факт, что свое доказательство религиозной несостоятельности церковью Киреевский ограничил анализом католицизма и протестантизма, был очевидным самообманом.

Философия истории Киреевского несовершенна как в целом, так и в частности. Его концепции излишне абстрактны, а анализ и констатация исторических фактов недостаточно точны. Но это же можно сказать о немецких учителях Киреевского, и несмотря на все недостатки, сочинения Киреевского имеют большое значение. Для русских церковных историков в поступательном движении теократии состоит истинное содержание истории. В духе этих историков катастрофическое раздвоение церкви и человечества рассматривалось Киреевским как новое грехопадение (ересь), воспроизведенная с ничтожными изменениями в России (России Петра).

В его рассуждениях такие понятия, как церковь, государство, нация, народ, чрезмерно абстрактны, а исторические факты искажены, часто довольно наивным образом. Киреевскому Платон и Ари-

стотель представляются типичными выразителями двух различных взглядов на мироздание, Платон — мистического, а Аристотель — силлогистического и рационалистического. Киреевский совершенно забывает о том, что оба этих мыслителя были греками и современниками и что между эллинизмом и папизмом не существовало такой прямой противоположности, как он это представляет; отнесение Аристотеля к Западу проблемы не снимает. Киреевский не признает того, что его греки придали теологии и схоластике систематизированный вид. Он не пытается проследить, как и когда происходило преобразование классического эллинизма в византизм. Он ничего не говорит о том, в чем именно национальный характер русских и славян является более тесно связанным с греками, чем с германцами и римлянами. Стоит ли говорить, что и концепции Востока и Запада сформулированы весьма вольно. Но в философии истории Киреевского имеются и куда более серьезные загадки. Прежде всего, нам следует спросить себя, как могла истинная и единая вселенская церковь потерпеть такое катастрофическое поражение от римской гордости, как могло божественное быть низвергнуто земным. Киреевский и сам ставит вопрос о том, почему русская культура, при всех ее преимуществах, не смогла получить более полного развития, чем европейская. Почему, вопрошает он, Россия не взяла верх над Европой? Почему Россия не стала во главе цивилизации? Почему России пришлось заимствовать цивилизацию у Европы?.. Мы можем спросить также и о том, как могли некультурные русские сберечь для человечества сокровище божественной истины во всей его чистоте и неприкосновенности? Киреевский, будучи верующим, разрешил эту историческую загадку совершенно противоположным образом, чем в притче о зарытом таланте.

В отличие от Шеллинга и приверженцев романтического культа героев, Киреевский обратился за помощью к русскому мужику, человеку из народа. Мужик был для него идеалом религиозного человека. Он настаивал на том, что спасительные для России идеи должны быть выработаны всем сообществом верующих и объявлял гениев ненужными — если не вредными. В этом взгляды Киреевского составляли разительную противоположность взглядам Чаадаева.

Религиозное «деревенщичество» Киреевского имело под собой и социальную основу. Он восхищался *миром* и почитал его как фундаментальную социальную опору всей русской государственной системы. Киреевский неизменно верил в русский мессианизм. Истинная вера России, считал он, принесет спасение и Западу. Но Киреевский оставался при этом скромным и терпимым, полагая, что это спасение примет форму синтеза русской и западной цивилизаций и что

спаситель многое позаимствует в культурной сфере от спасаемого. Его славянофильство не было таким националистическим, как у его последователей; для него истинная движущая сила мессианства состояла лишь в преимуществах и абсолютности православия. Поскольку, однако, вера не может существовать без верующих, Киреевский не мог не рассмотреть национальные особенности русских и других народов мира, не мог не задуматься над проблемой, почему русским предстояло взять на себя спасение человечества в какую-то определенную эпоху. Уже в 1829 году, в обзоре русской литературы, Киреевский выступал за включение России в Европу. «Взгляните на европейские народы, — писал он. — Каждый из них уже совершил свое назначение, каждый выразил свой характер... жизнь *целой* Европы поглотила самостоятельность всех *частных* государств». Следовательно, для продолжения своей органической жизни в качестве целого «нужно ей особенное средоточие, нужен народ, который бы господствовал над другими своим политическим, и умственным перевесом»¹³⁰. И выполнить эту роль предназначено России. Россия станет фактически столицей, сердцем других, займет в свою очередь то место, которое до нее последовательно занимали Италия, Испания, Германия времен реформации, Англия и Франция. Помимо России, Киреевский подумывал также и о Соединенных Штатах Америки, стране не менее молодой и жизнеспособной, чем Россия, но слишком удаленной от Европы, да к тому же обладающей в основном английской, излишне односторонней культурой. Основания для русской культуры были заложены всеми нациями. Россия поэтому является общеевропейской по характеру, и призвана в силу своего географического положения оказывать влияние на Европу. По мнению Киреевского, гибкость и впечатлительность национального характера, вместе с политическими интересами Российского государства, тоже благоприятствуют достижению этой цели. «Судьба каждого государства европейского зависит от совокупности всех других — судьба России зависит от одной России. Но судьба России заключается в ее просвещении: оно есть условие и источник всех благ. Когда же эти все блага будут *нашими*, мы ими поделимся с остальной Европой и весь долг наш заплатим ей сторицей»¹³¹.

Как сказано выше, этот мессианизм все же скромнен. Кроме того, он реалистически основан на молодости и жизнеспособности русского народа, на политической мощи и географическом положении страны и на национальном характере.

Впоследствии взгляды Киреевского претерпели изменение. В статье 1852 года мы читаем, что надежды на будущее не могут основываться на одних лишь особенностях расы. Эти особенности, подобно

зерну, падающему в почву, могут либо ускорить, либо задержать развитие семени, могут обеспечить его достаточным или недостаточным питанием, могут дать развитию либо полную свободу, либо задушить желанный рост сорняками — но характер плода будет зависеть от характера семени.

Даже если принять это сравнение с почвой и семенем, все же надо как следует изучить и почву. Именно в этом пункте содержится несовершенство аргументации Киреевского. Он приписывает русским (иногда он говорит о «русских», иногда о «славянах») особое миролюбие, недвусмысленно выводимое им из христианской любви к ближнему. Далее, обнаружив, что российское государство развивалось исключительно мирным путем, Киреевский задается вопросом о том, является ли миролюбие русских врожденной или приобретенной чертой, а если приобретенной, то благодаря чему? Помимо этой трудности, у него имеется и ряд родственных ей проблем, и к некоторым из них мы вернемся при рассмотрении последователей Киреевского. Очевидно, что Киреевский воспринял идеал гуманности у немецкого Просвещения и перенес его на русскую почву.

Позволим себе замечание относительно характера Киреевского, как он высвечивается в его литературных отрывках. Тот факт, что принадлежащие его перу работы имеются лишь в виде фрагментов, свидетельствует о литературной изоляции, в которой находился этот человек. Цензура и репрессивные меры, принятые в царствование Николая, лишили Киреевского радости творчества, превратив его в литературного отшельника. Уйдя в себя, Киреевский, в полном соответствии с собственной теорией, посвятил себя созерцанию, так как не обладал желанием и мужеством для борьбы с угнетением. Например, в 1848 году, когда Погодин настаивал на принятии обращения к царю, в котором содержалась бы общая жалоба от литераторов на цензуру, Киреевский посоветовал не делать этого, дабы не возникло подозрений, будто он и его друзья нелояльны к правительству. Для того чтобы сохранить Россию от внутренних беспорядков и избежать войны, в которой Россия могла бы сыграть на руку немцам и ослабить славян, благонамеренные граждане должны быть готовы пожертвовать литературой на пару лет... Что касается социальной сферы — и прежде всего важнейшего для России вопроса об отмене крепостного права, то взгляды Киреевского также были крайне консервативными.

Философские воззрения Киреевского сильно тяготели к квиетизму. В этом на него гораздо большее воздействие оказывали условия России, нежели немецкая философия. Кант, Фихте и Шеллинг привлекли его внимание к воле — фактору, играющему такую же важную

роль, как и интеллект. В трактате, переведенном отчимом Киреевского Елагиным, Шеллинг указывал на волю как на источник самосознания, а в позднейших, уже совершенно мистических сочинениях, он говорил о воле как о подлинном бытии, прабытии (*das Ursein*). Киреевский тоже размышлял о проблеме воли, но характерно, что именно эти размышления подвинули его к квиетизму. В письме к Хомякову он жаловался на то, что настоящее отличается от древности неспособностью понять, как следует укреплять волю. Несомненно, отдельные сильные личности, такие как Наполеон, все еще существуют, но они составляют исключение. Воля рождается в затворничестве и укрепляется молчанием. Для Киреевского истинными героями, героями воли, были русские монахи и представители старины, именно они вдохновляли его на решение искать убежища от мира. При всех различиях, и в этом мы видим определенное сходство с Чаадаевым.

§ 55

В тесном сотрудничестве с Киреевским, хотя и самостоятельно, над совершенствованием славянофильского учения эффективно работали Хомяков и Константин Аксаков, причем Хомякова в основном занимали его богословские, а Аксакова — государственно-правовые аспекты*.

Хомяков был полемистом, миссионером, агитатором славянофилов. Его оппонент Герцен говорит о нем, что он проспори́л всю свою жизнь. Как письменно, так и устно Хомяков постоянно выдвигал контраргументы, причем не только западникам, но и своим едино-

* Алексей Степанович Хомяков родился в Москве 1 мая 1804 года. Мать, урожденная Киреевская, с раннего детства воспитывала его в строго религиозном духе. Отец Хомякова любил литературу, но еще больше картежную игру, и проиграл более миллиона рублей. Хомяков дал своей матери обет, что останется целомудренным, пока не женится, и выполнил свое обещание. В сфере его интересов лежали математика, литература, история, богословие и философия; к тому же он рисовал, писал стихи и пьесы, но поэзия его не получила признания ни Пушкина, ни Белинского. В 1822 году он был принят в армию. Служа в Петербурге, он имел контакты с декабристами (Рылеевым), но разошелся с ними во взглядах. 1825—1826 годы он провел в Европе. В 1828 году он снова пошел в армию воевать против турок и отличился в ряде стычек. В 30—40-е годы, в общении с друзьями и противниками (к первым принадлежали братья Киреевские, К. Аксаков, Самарин, Кошелев, Валуев, ко вторым — Герцен и Грановский и др.), шло формирование его взглядов. В 1836 году он женился на сестре поэта Языкова. Естественно, он был знаком также с Гоголем. В 1847 году он вновь посетил Европу (Прагу, Англию, Германию). 23 сентября 1860 года Хомяков скончался от холеры.

мысленникам (Самарину и Киреевскому). Его диалектический метод, проявлявшийся прежде всего в вопросах истории, заключался в стремлении представить факты в ином свете. Вообще говоря, он пользовался методом теологов, пытающихся сделать более удобоваримыми свои закостенелые тезисы. Я имею в виду, в частности, тех теологов и ученых вообще, которые действовали *bona fide*¹³². Хомяков действительно верил в славянофильство. Приведу один подтверждающий это пример. Западники обратили внимание славянофилов на тот факт, что в Византии, этой колыбели истинной веры, применялись крайне жестокие и бесчеловечные телесные наказания. Хомяков отвечал, что до того, как стать христианской, Византия принадлежала Риму и вполне могла частично перенять свойственную ему жестокость. Он не заметил того, что если принять версию о происхождении византийских жестокостей, то нам придется признать, что в важном вопросе христианство оказалось слишком слабым. Однако он соглашается с тем, что в социальном плане Византии далеко не являла пример добра или красоты — и в этом он расходится с Киреевским; в то же время он пытается отстоять славянофильские позиции, утверждая, что чистое христианство удалялось в монастыри и скиты.

Самарин говорил о Хомякове как об «учителе церкви», заявляя, что его непреходящей заслугой являлось открытие новой эры в православии. Хомяков действительно стремился с помощью философии поставить русское богословие на одну ступень с теологией католицизма и протестантизма. С этой целью им велось нечто вроде философской полемики с католицизмом и протестантизмом.

В философии и истории взгляды Хомякова являлись производными от взглядов Киреевского. Он пытался углубить учение Киреевского психологически и эпистемологически, но мне представляется, что он в этом не преуспел. Существует много второстепенных деталей, в которых Хомяков расходится с Киреевским, но эти различия несущественны. Как и Киреевский, Хомяков начинает с утверждения о том, что религия служит опорой для всей человеческой жизни. Историю он рассматривает как историю религиозного развития; религия, или, точнее говоря, вера является для него движущей силой истории. Сама история есть непрерывная борьба между свободой и необходимостью. Если истинной исторической силой является религия, то должна существовать борьба двух религиозных воззрений — религии материальной необходимости и религии духовной свободы. Эта борьба заканчивается воцарением религии духа и свободы.

Хомяков не создал систематизированной разработки этого гегельянского в своей основе учения, но изложил его в виде многочисленных заметок по всеобщей истории.

В наиболее примитивных формах фетишизма, вплоть до философии буддизма с ее апофеозом небытия, Хомяков усматривает культ материи и материальной необходимости. Стремящийся к свободе дух должен признать в материи зло, должен бороться с материей, освобождать себя от материи — ибо раб материи повинуется необходимости. Хомяков считает, что буддизм достиг определенного развития духовности, но что эта духовность является рабской, а не свободной, ибо свободу эту буддисты находят исключительно в самоуничтожении. Далее Хомяков заявляет, что все формы антропоморфизма представляют собой культ материи, так как материалистом является тот, кто представляет себе божество не иначе как в собственной форме. Иудаизм был более духовным, чем различные политеистические религии, но совершенная духовно и свободная религия появилась с возникновением христианства. Христианство, однако, пережило раскол и именно потому, что под влиянием материалистического Рима с его юридической логикой (также чисто материалистической) за духовность была принята чистая рассудочность*. Рим отделился от вселенской церкви, восточная же церковь сохранила верность истинному учению. Православная вера существенно отличается от западной, что достаточно ясно отражено в терминологии. Западу свойственно «religio», обязанность, то есть несвобода; православный же русский «верует» добровольно, на основе свободного внутреннего убеждения и без какой-либо внешней обязанности, вера его есть сокровеннейшее дело сердца.

В силу внутренней необходимости римский католический рационализм порождает еще более рационалистичное протестантство. В собственных рамках католицизм стремился к единству и достиг его — но ценой свободы, тогда как протестантизм принес единство в жертву свободе. И там и тут душа — а значит, единство и истинная свобода — понесла потери. Католицизм породил протестантизм, а протестантизм породил немецкую философию. Кант являлся продолжателем Лютера, а Фейербах — продолжателем Цвингли и Карлштадта. В лице Фейербаха и Штирнера посткантианская немецкая философия достигла высшей точки, ибо индивидуализм и субъективизм продемонстрировали свои истинную сущность — эгоизм. Протестантизм есть рационализм в его идеалистической форме, а католицизм — это рационализм в материалистической форме. Католическому рационалистическому материализму Хомяков дает имя «талисманизм», счи-

* О противоположности материальной и духовной религий Хомяков говорит как о противоположности кушитства и иранства. Кушитство он подразделяет на шиваизм и буддизм, в то время как иранство включает в себя иудаизм и христианство.

тая католическую молитву не более чем заклинанием, тогда как православный христианин утверждает истинную духовность ритуала и молитвы.

Подобно тому, как существует только один Бог и одна истина, Божественная истина, существует лишь одна церковь. Это не видимое общество, общность верующих; это дух и милосердие Бога, живущего в этой общности. Церковь свята и всемирна (кафолична), ее единство абсолютно. Живые, мертвые, небесные духи (ангелы) и грядущие поколения — все они объединены единой церковью. Следовательно, церковь существовала с сотворения мира и будет существовать до его конца.

В сороковые годы Хомяков изложил учение церкви в форме катехизиса; характерно, что при этом он подчеркивал всеохватывающее единство церкви¹³³. Это означало, что Хомяков, подобно Киреевскому и Чаадаеву, отмечает религиозный индивидуализм и субъективизм. Индивид как существо религиозное был подчинен им религиозному целому, ибо считал такое подчинение неизбежным следствием существования единого Бога, открывшего человеку истину. Таким образом, Хомяков придерживался *Civitas Dei*¹³⁴, в котором не существовало различия между посюсторонним и потусторонним мирами и которое уже в этой жизни делает индивида небожителем¹³⁵.

В пятидесятые годы Хомяков выступил с рядом полемических публикаций, направленных против католиков и протестантов. В этих работах он настаивал на абсолютности откровения, а в одном месте непосредственно поставил знак равенства между догматом и церковью¹³⁶. Он присоединился к формуле Руссо относительно всеобщей воли. Для Хомякова, как и для Руссо, всеобщность (кафоличность) состоит не в том, чтобы вобрать в себя всех или большинство членов общества (церкви). «И действительно, — писал он, — не численностью верующих и не видимым их собранием образуется Церковь, но самой связью, объединяющей их»¹³⁷. Главою церкви является Бог — Иисус Христос.

Эти и подобные им формулировки позволяли утверждать, что несмотря на враждебность Хомякова протестантизму, его собственная идея церкви является протестантской и прежде всего, что он воспроизводит протестантскую идею невидимой церкви. Это весьма сильный довод, но следует помнить, что учение о невидимой церкви может трактоваться по-разному и что существует оно как в римско-католической, так и в православной церкви, бок о бок с учением о церкви видимой.

Для Хомякова оказалось трудным установить точное различие между материальным и духовным, между сферой необходимости и

сферой свободы. Единство церкви он мыслил как духовное единство божественной истины; отдельные члены церкви этой концепцией не принимались во внимание. Но так как он не мог проигнорировать этих отдельных членов, то прибег к спасительному для него понятию живого тела или организма. Согласно Хомякову, церковь в силу своего духовного характера лишена авторитарности, ибо любой авторитет является чем-то навязанным извне. Церковь для него была самой истиной, живущим во всем божьим милосердием. Тем самым Хомяков приходил к своего рода церковному пантеизму. Отдельный разум способен осознать божественную истину не иначе как через «моральное единение со всеобщим рассудком». Главой церкви является Христос; но телесный, видимый Иисус Христос, говорит Хомяков, был бы навязанной истиной, в то время как истина должна быть свободной и принимаемой добровольно.

Таким образом, проблема индивидуальности была связана для Хомякова с огромными трудностями. Он колебался между католическим и протестантским подходом и не мог четко сформулировать соотношение между индивидом и церковью в целом в эпистемологическом плане.

Подобная же неясность характеризует и столь важное для учения Хомякова понятие веры. Здесь он не сумел овладеть эпистемологическим соотношением субъекта и объекта. Если истина является объективно заданной в качестве божественного откровения, то каким образом приходит осознание этой истины к индивиду? В письме к Бунзену Хомяков называет Библию писаной церковью, а о церкви говорит как о живой Библии.

В письмах к Самарину (1859—1860 гг.) Хомяков попытался дать эпистемологическое изложение понятия веры в форме критики философии от Канта до Гегеля. Для оценки Хомякова важно осознать его неспособность рассмотреть подлинные проблемы теории познания; свое же собственное мировоззрение он совершенно нелогично пытался выводить из некоторых положений немецких философов. Хомяков исходил из принятого им положения Киреевского о том, что центральной и единственной познавательной способностью духа является вера, и подобно Киреевскому же полагал, что между верой и аналитическим рассудком существует противоположность. Киреевский не предпринимал попытки более точного психологического рассмотрения этого воззрения, а Хомяков попытался дать ему психологическое обоснование при помощи кантовской критики и посткантовской философии. Его исходным пунктом было тождество разума и воли. Он говорил о «волевом рассудке», настаивая тем самым на мыслительной способности, творческой силе разума. Таким

образом Хомяков, вопреки собственным фундаментальным взглядам, принимал то, против чего он выступал — индивидуализм и субъективизм, эпистемологическое и метафизическое выражение которого содержится в творчестве Канта и его последователей. Как и Киреевский, Хомяков находился под непосредственным влиянием Шеллинга и ссылаясь на взгляды последнего относительно природы и значения воли. Несомненно также, что положение о том, будто сущность самоопределяющейся свободы следует искать в единстве мышления и воли, Хомяков позаимствовал у Гегеля.

Я не знаю, сколь хорошо знаком был Хомяков с учением Шопенгауэра о воле*. Как бы там ни было, в основе немецкого идеализма лежит понимание единства разума и воли, Хомяков же подразделяет волю на веру и рассудок. Вера определяется как такая способность разума, которая воспринимает реальность и передает ее рассудку для анализа и познания. Вера, говорится далее, есть внутреннее и живое осознание вещей; она есть непосредственное постижение вещей как целого; воля делает объективное и субъективное непосредственной очевидностью, не нуждаясь ни в доказательстве, ни в обосновании этой очевидности. Вера есть «чистое мышление», рациональное созерцание, интуиция, овладеть всей полнотой которой не под силу земному человеку, но которая станет доступна ему в ином мире.

Очевидно, что Хомяков не пошел дальше Шеллинга или немецкого идеализма и субъективизма; но мы видим, что на него оказывал влияние и его друг Киреевский, благодаря которому он пришел к формулировке педагогики воли. В отличие от Киреевского, Хомяков был человеком энергичным, предприимчивым и активным, и в этом смысле его доктрина воли является выражением его личных качеств. Мы не должны упускать из виду того обстоятельства, что в некоторых пассажах Хомяков понимает процесс познания в чисто волюнтаристском смысле. Он прямо говорит о «воле к пониманию», подразумевая под процессом понимания некую способность и тем самым придавая деятельности рассудка тот смысл, который она имела у Канта и его последователей. Но у Хомякова волюнтаризм носит совершенно бесплодный характер. Суть активного рассудка, по Канту, состоит в том, что индивидуальный рассудок самостоятельно и

* Русский исследователь богословской системы Хомякова Завитневич сравнивает взгляды Хомякова на волю с учением Мен де Бирана. Не знаю, был ли знаком Хомяков с работами этого французского философа — возможно, но его теория познания была почерпнута исключительно из немецкой философии. Кроме того, Мен де Биран прошел через несколько фаз развития, и на последней из них его ранняя доктрина воли была смягчена. Как бы там ни было, теория воли этого французского философа также является индивидуалистической и субъективистской.

субъективно порождает или творит знание; Хомяков же принимает теологическую доктрину, согласно которой наиболее важные истины являются индивиду в результате откровения, и для него поэтому знание является главным образом пассивной верой — принятием данных истин посредством веры, выступающей в качестве главной познавательной энергии и понимаемой (в соответствии с учениями Шеллинга и Киреевского) в качестве внутреннего познания или созерцания. Самостоятельное познание, самодетальное созидание знания Хомяков отвергает; по его мнению, целью веры является восприятие объективно данного, всего откровения. Следовательно, Хомяков противостоит не только сенсуализму и материализму, но и эмпиризму — и прежде всего рационализму, ибо он отвергает индивидуализм и субъективизм. Источником объективного знания, познания служит откровение, которое человеку следует лишь воспринять. Это восприятие осуществляется посредством веры, которая трактуется как особая способность или одна из способностей.

Таким образом, Хомяков достигает согласия не с Кантом или Фихте, а со Шлегелем и его «теократией сознания» и «теократией науки»; но эту теократию Шлегель попытался объяснить с точки зрения психологии, отделив верующую душу от познающего, бунтующего духа. Разделение Хомяковым разума на веру и (критический) рассудок имеет много общего с этим учением. То особое внимание, которое Хомяков уделяет воле, имеет в конечном счете тот смысл, что человек сознательно и добровольно подчиняет свой рассудок откровению. С тем же основанием Хомяков мог говорить о «воле к вере» как о «воле к пониманию».

Отсюда ясно, что хотя Хомяков был более православным, чем Киреевский, он не был мистиком. В его богословской полемике налицо скорее схоластика, нежели мистика.

Хомяков полностью отрицает немецкую философию, хотя и пытается использовать ее для своих целей. Киреевский признает немецкую философию, особенно философию Шеллинга, в качестве инструмента и даже ориентира. Хомяков же, в отличие от Киреевского, отвергает даже позднего Шеллинга. Он соглашается с Киреевским в том, что гегелевская «Феноменология» имеет перед философией непреходящие заслуги; но в той же его работе «последний титан рассудка» осуждает рационализм. Рационализм должен быть полностью отвергнут; Гегель, это воплощение рационализма, сам вынужден признать и принять подобный вывод. Ужасные, но поучительные свидетельства вводящих в заблуждение тенденций немецкого протестантского рационализма Хомяков находит у Штирнера. Рационалистический индивидуализм и субъективизм выливаются в евангелие

законченного эгоизма. «Современная история, — пишет Хомяков¹³⁸, — есть живой комментарий на Макса Штирнера»¹³⁹.

§ 56

Хомяков говорит о своей системе как об «истинном консерватизме», отстаивающим дело тори перед лицом виггов, но на деле он проповедует и прославляет теократический абсолютизм.

Он признает, что бок о бок с церковью с необходимостью должно существовать государство, но делает при этом серьезные оговорки. Иисус Христос является гражданином двух различных общественных устройств, совершенного, небесного — церкви, и несовершенного, земного — государства. Жизнь в государстве и, конкретно, государственный закон и управление должны полностью соответствовать заповедям божественного закона, церковного учения.

В частности, Хомяков положительно оценивает древнерусское государство в том виде, в каком оно, по его мнению, существовало, ибо полагает, что оно зародилось органически, через объединение общин, без использования принуждения, зиждилось на этическом и религиозном основании и поэтому является не чем иным, как телом для церкви. Русское государство, утверждает Хомяков, организовало церковь и получило власть из рук народа. На Западе же государство имеет принудительный характер, так как появилось в процессе завоеваний. Таковым было римское государство, так же как и римско-германское, черты которого были привнесены в Россию германскими князьями и их иностранными ставленниками и закреплены Петром I. Таким образом, Хомяков отрицает западное государство — точно так же, как отмечает он и западную церковь, а вместе с ними и государство Петра I, подчеркивая, что неорганические элементы Петр позаимствовал в первую очередь из протестантизма.

Византию Хомяков порицает за то, что византийское государство, коррумпированное Римом, наложило ограничения на церковь. Аналогичный смысл имеет его недовольство государством Петра I, ибо он видит, что со времен Петра I церковь попала в зависимость от государства. Хомяков жалуется на католицизм, полностью подчинивший себе государство, вследствие чего церковь секуляризовалась, стала просто «государством веры». Протестантизм еще более секуляризовал церковь, почти распустив ее благодаря тому, что — наоборот — государство подчинило церковь. Истинное соотношение между государством и церковью, по его мнению, можно встретить лишь

на Востоке в виде параллельного выполнения государством и церковью своих обязанностей без вмешательства в дела друг друга. Конечно, этот параллелизм не следует понимать в духе современной теории свободной церкви в свободном государстве. Скорее речь идет об органичном, свободном взаимодействии души и тела в русле спиритуалистической, антиматериалистической теории.

Представления Хомякова о русской и западной церквях были чрезмерно абстрактными, им не хватало должной исторической обоснованности, вследствие чего ему не удалось четко сформулировать соотношение церкви и государства. Дабы при рассмотрении этого соотношения избежать чистого схематизма, мы должны постичь реальность религиозной и политической организации, должны воспринять ее в исторической полноте. При анализе церкви решающую роль играет природа власти духовенства. Католический священник, давший обет безбрачия, обладает иной властью над своей паствой, нежели женатый русский поп; резко различаются они и по своему социальному положению. От них обоих, в свою очередь, совершенно отличен протестантский пастор, который уже и не является священником. Соответственно имеются различия и в социально-политическом весе духовенства и церковных иерархов. В этой связи вспомним прежде всего о той власти, которой обладают монастыри, причем важно иметь в виду, что православная церковь произошла из монашества.

Придираясь к цезарепапизму, Хомяков забывает о том, что Реформация покончила со священниками и иерархами и поэтому в протестантской церкви и в протестантском обществе больше не существует священников, которые могли бы вместе с иерархами церкви образовать государство в государстве в смысле выделения в своеобразную религиозную, а следовательно, и социально-политическую аристократию.

Хомяков не понял того, что, отменив духовенство как посредника между верующим и Богом и преобразовав религию в религиозный индивидуализм и субъективизм, Реформация сделала ее для каждого более личным делом, отражающим внутренние убеждения индивида. Церковь утратила свое былое значение объективно данного внешнего авторитета, как только в результате Реформации этот авторитет перестал спонтанно возникать на основе живой веры одинаково верующих (*tacitus consensus*). Появление сотен и сотен больших и малых протестантских церквей является естественным процессом в эволюции современного религиозного мира, ибо расцерковление религии стало настоятельной потребностью. Церковь переживает процесс трансформации в более или менее свободное религиозное сообще-

ство, для религии и ведения истинно религиозной жизни оказывается достаточно маленькой свободной церковью.

Так что протестантизм, в отличие от средневековой теократии, имеет тенденцию к освобождению от церкви. Роте (Rothe), теолог гегельянской школы, выразил эту тенденцию в словах о том, что развитие современного государства как всесторонней организации нравственно-религиозной жизни сделало церковь излишней.

Хомяков был вынужден принять или по крайней мере признать это, ибо то же самое имел в виду и он сам, говоря о невидимой церкви; но вера в откровение и совершенно объективистская формулировка этой веры, заставившая его поставить Библию и церковь на одну доску, толкала Хомякова в объятия католического церковного империализма, тем более что он всей душой принимал институт священства («талисманизм») с его иерархией. Для Хомякова религиозным авторитетом, имеющим решающее значение, является не Христос и не Библия, а церковь; в мире конкретной политической жизни от лица церкви выступают иерархия и ее наиболее заметные лидеры.

Само собой разумеется, что я относил сказанное лишь к принципам протестантизма и к его общей эволюционной тенденции. Нельзя отрицать того факта, что там и здесь под именем протестантизма одерживают верх отмеченные нетерпимостью формы цезарепапизма, как это было раньше в Англии, в Пруссии и т. д.

Для Хомякова, придававшего большое значение единству церкви, было бы важно показать эти конкретно-исторические различия между церквями. Сделай он это, ему открылось бы различие между монархическим централизованным папством, с одной стороны, и федерацией православных и так называемых автокефальных церквей, а также временно неорганизованным свободным союзом протестантских церквей, с другой; он постиг бы природу различных теократий. Подобное сравнение позволило бы ему понять, почему папство с его централизацией было невозможно на Востоке и почему византийский император приобрел большее влияние над церковью, чем римский. В условиях, сходных с теми, что имели место в Византии, русский царь, как защитник церкви, стал при Петре I ее хозяином; отменив патриархат, он завершил преобразование церкви в государственный институт. Хомяков мог бы заметить сходства и различия между тремя этими ведущими церквями, и ему было бы в высшей степени интересно отметить аналогии между русской церковью как церковью, управляемой священниками, и церковью римской; например, он понял бы, почему оказалось возможным галликанство и почему возымел такую власть над церковью французский король. Впрочем, после Реформации, несмотря на папство, суверены, которые были

против Реформации, повсеместно стали хозяевами своих церквей. В политической сфере Контрреформация была аналогична защите православия от инославия внутри страны и за рубежом, имевшей место в византийском и российском государствах. Аналогичным образом выявляются многочисленные сходства между протестантской и русской теократиями.

Наиболее важным, однако, является то, что Хомяков, подобно католическим теоретикам, рассматривает отношение между государством и церковью как отношение между телом и душой и, подобно этим же теоретикам, говорит о теле как о ничтожном количестве, которым можно пренебречь. Отсюда остается лишь один шаг до проявления терпимости к существующему государству и признания его.

Этот шаг и был сделан Хомяковым. Хотя он не мог заставить себя полностью признать петровское государство, на практике он признал государство и режим Николая I. В конце концов, он поступил, как Фотий, который, как мы знаем, превратил Христа в министра государства и церкви. Хомяков принял самодержавие и осудил декабристское восстание. Мятеж военных он считал бессмыслицей, усматривая назначение армии в защите нации. Хомякову было лишь двадцать лет от роду, когда он впервые с наивностью изложил эти взгляды Рылееву, но и в последующей жизни он продолжал придерживаться этих взглядов, о чем свидетельствует его полемика с иезуитом Гагариным в 1858 году. В брошюре, озаглавленной «*La Russie sera-t-elle catholique?*»¹⁴⁰, изданной в 1858 году, известный издатель сочинений Чаадаева выступил с критикой формулировки Уварова, не желая видеть в ней ничего, кроме революционной идеи XIX столетия. По его мнению, сторонники этой идеи легкомысленно приносили православие и самодержавие в жертву национализму и своим радикальным, республиканским и коммунистическим доктринам. Хомяков с презрением отмечает этот «религиозный макиавеллизм» российского иезуита как совершенно необоснованный. Он мог бы напомнить этому иезуиту об иезуитах — теоретических защитниках тираноубийства. Ему не помешало бы, если бы П. Гагарин в виде аргумента сослался на протестантских апостолов тираноубийства, ибо не мог упоминать о русских православных сторонниках цареубийства. При Николае вообще было затруднительно вести полемику о цареубийцах, поэтому Хомяков и оставил этот аргумент без ответа.

Подобно многим теократам, в логическом и абстрактном плане Хомяков считал государство, по сравнению с церковью, несовершенным и земным институтом, и тем не менее конкретно-историческое государство в его понимании было «святым и возвышенным», ибо оно защищало общество от врагов, внешних и внутренних. Человек,

идеализировавший православную церковь, как это делал Хомяков; человек, столь неистово, как он, требовавший веры и покорности традициям и властям, мог примириться даже с николаевским государством, хотя время от времени он был способен и выразить недовольство тем или иным государственным институтом или видом деятельности. По временам Хомяков энергично клеймил не только, например, современную ему цензуру. Были случаи, когда «святая» Россия уже не казалась ему святой. Например, он благодарил Бога за поражение в Крымской войне, принимая его как знамение необходимости обращения России в истинную веру. В конце же концов он тем не менее неизбежно с удовлетворением возвращался к своему идеалу православного христианства, который можно было отыскать в изначальной чистоте в каком-нибудь монастыре или где-либо еще. Однако николаевское правительство было настолько осторожным, что усмотрело в этом идеале славянофильской теократии не что иное, как лесть в адрес исторически выдохшейся теократии, так что славянофилы были поставлены в один ряд с революционными западниками.

Хомяков с его «истинным консерватизмом» и религиозным рвением к церковной вере и царству Божию был не в состоянии понять подобного сопоставления, хотя оно уже стало очевидным для некоторых из его оппонентов из лагеря западников.

Несмотря на его личную энергию, Хомяков был не кем иным, как политическим и религиозным квиетистом, и этому нетрудно найти оправдание. Он говорит нам, что принимает самодержавие потому, что аполитичен в своих мыслях и чувствах. Запад принимает духовное самодержавие, ибо питает отвращение к политической власти; русский же, славянофил предпочитает самодержавие гражданское, так как оно не имеет ничего общего с самодержавием в духовных делах.

Читая подобные доводы, задаешься вопросом, не было ли ясно и самому Хомякову, что это софизм. Показательно, что в его полемических работах, написанных по-французски (переведенных позже на русский Самариным и другими), православная церковь представлена протестантам и католикам в лучшем свете, чем в его русских статьях. Будучи англофилом, Хомяков с радостью склонил бы англиканскую церковь к слиянию с русской (к объединению, а не к союзу, ибо церковь едина), поэтому его критика носила шадящий характер.

Хомяков как богослов является схоластом. Подобно тому, как самодержавие он приемлет во имя церкви, так на деле приветствует он демократический принцип народного суверенитета: говоря об избрании Романовых, он решительно подчеркивает суверенитет народа. Но он не забывает с равной силой настаивать на том, что его образ

мышления является антиреспубликанским и антиконституционалистским: он говорит нам, что послушание народа является проявлением его суверенитета!..

§ 57

Константин Аксаков, сын уважаемого писателя С. Т. Аксакова, в ряде исторических очерков дал изложение политико-теократической доктрины славянофилов. Особенно активно защищал он положение теократического мировоззрения, согласно которому государство обладает относительно малой ценностью и даже является практически невозможным*.

Согласно Константину Аксакову, в политической сфере Россия обладает двойственной организацией — как Земля и как Государство. Под «Землей» он понимает органический сплав всех отдельных общин в единую Русскую Общину — Землю. Земля есть совокупность обрабатываемых земель, совокупность отдельных *миров*; *мир* же — это чисто этическая общность, основанная на единогласии всех ее членов. Аксаков отрицает принцип правления большинства как институт принуждения: в своих совещательных органах славяне всегда стремились выносить решения исключительно на основе консенсуса. Славянскую организацию, миролюбивую по своему характеру и основанную на свободных убеждениях и совести всех входящих в нее лиц, Аксаков называл «внутренней правдой», в отличие от «внешней правды», воплощением которой является организация европейских государств, осуществляемая принуждающей и завоевывающей влас-

* Константин Аксаков вырос в тех же московских кругах, в которых вырабатывались взгляды Хомякова и Киреевского. Формирование его взглядов проходило в годы, проведенные в той же среде и под теми же влияниями; его единодушие с друзьями объясняется их тесным духовным общением и преданностью схожим идеалам. Аксаков родился в 1817 году. В 1832 году он поступил в Московский университет, усвоив свои главные идеи в кружке Станкевича, а впоследствии — в кружке славянофилов. В 1838 году он побывал в Европе, но это путешествие не возымело заметного воздействия на образ его мыслей. Сначала Аксаков был восторженным учеником Гегеля. Позже он превратился в страстного приверженца славянофильских идей и ходил в национальной одежде, демонстрируя этим преданность делу пропаганды славянофильства. Однако в 1848 году вмешалась полиция — она дошла до того, что даже запретила ему носить бороду, усмотрев в ней намек на революционность. Перу Аксакова принадлежит ряд исторических статей, он также много занимался исследованиями в области грамматики и этимологии. К тому же Аксаков являлся литературным критиком и проповедником на поэтической ниве (писал драмы и философские стихи). Умер он в 1860 году. Упомянем также, что Аксаковы ведут свой род от варяжских военачальников, а бабушка Константина была турчанкой.

тью. Там, где утвердилась «внешняя правда», существует нужда в законах, правовом регулировании и письменных гарантиях.

Как объяснить возникновение бок о бок с «Землей» нынешнего российского государства? На этот вопрос Аксаков отвечает, что государство является неизбежной уступкой несовершенству человеческого рода. Будь все люди праведниками, государство было бы ненужным. Аксаков находит утешение в том соображении, что будучи привнесенным извне, а не созданным народом, русское государство появилось в ответ на необходимость защиты от внешних врагов, а также как средство улаживания внутренних беспорядков. Таким образом, генезис чуждого «варяжского» государства характеризуется Аксаковым как неизбежное зло. Сами же по себе славяне и прежде всего русские есть «негосударственный народ».

Так в ходе исторического развития на организацию России воздействовали две великие социальные силы — сила Земли и сила Государства, а история России есть история взаимодействия этих двух сил. В киевский период государственная составляющая была еще слаба. Во главе свободных общин стояли князья; общины имели собственные совещательные органы (вече); отношения между общиной и князем были мирными; мирными были и межобщинные отношения; княжеские советы заложили основу для последующего земского собора.

Государственный элемент усилился благодаря набегам татар и княжеским междоусобицам. Кроме того, общины были заинтересованы в освобождении от враждующих друг с другом князей. Так появилось единое государство Московская Русь, с помощью которого и страна сплотилась в единое целое через слияние общин. Аксаков не преминул заметить и то, что влияние татарского хана подтолкнуло великого князя Московского к абсолютизму; но он видит в этом абсолютизме единое русское государство и единую страну Россию, где отдельные вече были заменены земским собором — земельным собранием.

Аксаков примирился с созданием Московского государства и полностью признал выбор Романовых на царство. В 1612 году Россия находилась в ситуации, аналогичной той, в которой она была в 862 году. Опять не было государства, опять страна выбирала властителя, но теперь уже не из «варягов», а из своих.

Государство Петра I и его последователей Аксаков осудил как имитацию европейского государства*.

* В своей диссертации на соискание степени магистра искусств, написанной в 1846 году, Аксаков отдал-таки должное петровскому государству.

Он тешил себя надеждой на то, что это государство окажется не более чем эпизодом в истории России. Он считал, что 1812 год и освободительная роль Москвы доказали, что Россия (страна и народ) все еще была истинной Россией, а Москва — ее столицей; он полагал, что Московская Русь все еще существовала.

С наибольшей энергией оспаривал Аксаков взгляд западников относительно племенного происхождения государства. Сначала русская община была племенем, но следующие стадии приняли форму не племенного патриархата, а демократической семьи и возникшего из него *мира* с его собранием (вече). Теории племенного патриархата Аксаков противопоставляет собственную теорию первобытного *мира* и вече.

Аксаков выражает самое резкое осуждение Европы и европейского государства и доходит даже до того, что не видит в Европе ничего, кроме несвободы, в то время как в России он находит истинную свободу. Он считает Соединенные Штаты несвободными, а в конституционном европейском государстве со всеми его конституционными гарантиями видит лишь свидетельство того, что в Европе между народами и их правительствами отсутствует взаимное доверие. Лишенная внутренней свободы, Европа скатилась от абсолютизма к революции. Наделенной внутренней свободой России нет нужды преклоняться перед новым европейским идолом, каким является революция — здесь Аксаков явно забывает о декабристах. Правда, может быть, эта забывчивость была преднамеренной, ибо и он боялся николаевской цензуры. Когда на трон взошел Александр II, Аксаков сочинил одну из обычных памятных записок, в которых, помимо упований на благонамеренные конституционалистские утопии, содержалось требование свободы слова и созыва земского собора как совещательного органа.

Официальное название «Святая Русь» воспринималось Аксаковым буквально и со всей серьезностью. Допетровскую Русь и Русь мужицкую он считал святой. Эта Россия была безусловно грешна, но не имела пороков; в этой связи он любил противопоставлять друг другу Москву и Петербург. Если Хомяков говорил о Москве как о лаборатории русского духа, то Аксаков видел в ней идеальную этическую столицу святой земли, какой была для него Россия, в то время как Петербург представлялся ему не более чем резиденцией Петра и его европейской бюрократии.

Не вижу нужды в том, чтобы доказывать утопичность данного учения. Каждому читателю должно быть и так ясно, что Аксаков силой собственного воображения создал внутри российского государства, за его фасадом, никогда не существовавшую в действительности

сти «страну». На деле Аксаков искал и находил лишь то, что сам и придумывал. Можно лишь постулировать нахождение рядом с государством аксаковской «Земли», а рядом с реальной политической столицей, местом нахождения монарха, — его «этической столицы», и т. д.

Его утопизм имеет сильный привкус анархизма. Мы уже знаем, что славян и прежде всего русских Аксаков объявил *par excellence*¹⁴¹ «негосударственными народами».

Этот анархизм проистекал у Аксакова от превратного понимания природы церкви и религии — религиозный мистицизм заставляет его бежать от государства и от мира. На службу своему православному мистицизму он ставит и историю. Строго говоря, он и науке приписывал элемент мистицизма, в том смысле, что отводил ей некую роль в обосновании жизни, которая сама по себе является загадочной. И действительно жизнь была и оставалась для него загадкой — ограниченный рамками своего славянофильского кружка, он проецировал на историю России собственные нравственные взаимоотношения с друзьями.

§ 58

Государству Хомяков противопоставлял не только церковь, но и нацию. В его системе нация занимает промежуточную сферу действия между частными лицами и государством. Здесь нация и общество являются тождественными понятиями; все качества земли и народа проявляются в деятельности общества, и эта социальная активность заполняет «пропасть», разделяющую деятельность частных лиц и деятельность государства. Для Хомякова государство — это не более чем внешнее выражение жизнедеятельности нации, и он, конечно же, считает государство только инструментом принуждения, который в случае возникновения необходимости должен защитить народное целое от пагубных страстей отдельных индивидов, ибо общество — это народное целое — основано лишь на воззрениях, мире и добровольном согласии.

Духовные силы, писал он в одном случае (1839), зарождаются в народе и в церкви; «функция правительства (понятия более узкого, нежели понятие государства) состоит единственно в пробуждении или в воспрепятствовании деятельности этих сил посредством более или менее жесткого использования своей власти». Для Хомякова, К. Аксакова и славянофилов вообще государство есть не более чем разновидность знакомого всем либерального ночного сторожа. Хомяков

противостоит западникам и их духовному вождю Гегелю, решительно осуждая обожествление им государства и его рационалистическое учение о народном духе.

В этом противостоянии Гегелю Хомяков занимает сторону большинства романтиков и прежде всего Шеллинга и исторической школы права. Начиная с Гердера немецкая философия открыла в нации и в народном духе источник всех социальных жизненных проявлений и организаций. Поэзия, искусство и литература, язык, нравственность, а в конечном счете право (а следовательно, и государство) и религия — все это рассматривалось в качестве таких проявлений «народного духа» и т. п. — правда, в качестве бессознательных проявлений. Здесь не место входить в детальное рассмотрение этих воззрений. У различных мыслителей, естественно, обнаружатся различия в формулировках и обоснованиях. Достаточно будет указать на основную концепцию романтизма с ее предрасположенностью обнаруживать в так называемом народном духе источник всякой социальной активности. Можно добавить к этому, что нация или народ (терминология и само понятие были и остаются туманными) представлялись в качестве органической части или органа человечества; между идеей национальности и учением о гуманности была установлена тесная связь, ибо национальность понималась исходя из идеи гуманности — как в узком, так и в широком, как в политическом, так и в нравственном, как в социальном, так и в историческом смысле.

Идея гуманности XVIII века привела к идее национальности. Несомненно, одним из первых начал рассматривать нацию в качестве естественного члена человечества Гердер (см. выше, § 43) — именно в этом ключе написана его история философии. К тому же Гердер противопоставлял государство как нечто искусственно созданное естественному народному образованию.

Гегель выступал против этого романтического взгляда, и к его выступлениям энергично присоединились левогегельянцы и представители «Молодой Германии». Правда, и Гегель признавал значение народного духа и даже подчеркивал это значение, но при этом считал, что народ, нация превратилась в единство посредством государства. Правительство Гегель считал «простой душой и самостью народного духа», а на государство смотрел как на обладающее самосознанием и волей божество, как на божественную волю. В дальнейшем своем логическом развитии Гегель пришел к мнению, что подлинными выразителями божественной воли являются лишь монархическое государство и монарх; он уповал на грядущую всеобщую организацию человечества, которой предстояло возникнуть в результате слияния не наций, а государств, в единое всемирное государство. Неко-

торое время он считал Наполеона мировой душой и будущим праведным владыкой мира, говоря: «Владыка мира есть колоссальное самосознание, сознающее себя в качестве истинного Бога». Так, пантеизм и панлогизм Гегеля вылился в форму монархического универсального абсолютизма. «Государство есть божественная воля как наличный дух, развертывающийся в действительный образ и организацию мира».

В качестве противника религиозного просвещения Хомяков был оппонентом политического просвещения и рационализма. Он противостоял гегелевской теории государства и принимал точку зрения Шлегеля, романтиков — последователей Савиньи и их историческую теорию права. Исходя из этих же соображений, выступал он и против римского права с его логическим подходом, и против предпочтения обычного права, в соответствии с учениями исторической школы права*. В рамках исторической школы права народный дух рассматривался как нечто мифическое и мистическое, вполне в духе романтиков и без сколько-нибудь точного анализа данного понятия. Тем естественней было благосклонное отношение к этой школе романтиков-славянофилов, ибо главный теоретик германистов Пухта находил изначальный источник права в Боге. Хомяков, как он однажды выразился, считал государство живым и органичным защитным покровом для общества (то есть для народа). Это — нормальное государство, но существуют также государства ненормальные и нездоровые — такие, жизнедеятельность которых проходит неорганически, без содействия народа или против народа. В этих случаях живая защита становится коркой, историческим свищом, заполненным гнием прогнивших наций... Очевидно, что, говоря так, Хомяков имеет в виду государство Петра и его преемников, а также русскую бюрократию.

Столь же мало внимания, как концепциям церкви и государства, уделяет Хомяков и концепциям нации и народного духа. В отличие от немецкой исторической школы права, от Фихте и от тех романтиков, которые были радикалами в политике, он приписывал нации лишь две сферы деятельности: искусство и науку. Только эти две сферы, говорил он, являются национальными в строгом смысле слова, только они выражают народный дух. Немецкие романтики не уделяли такого внимания национальному аспекту науки. В качестве национальных они рассматривали искусство и прежде всего литературу, язык, мораль, право, а в некоторых случаях также и филосо-

* В 1850 году Киреевский также являлся слушателем лекций Савиньи в Берлине, так что и он имел представление о его системе права.

фию. Гердер к тому же считал порождением национального характера религию.

В этом отношении Хомяков — последовательный церковно-православный теократ. Если религия выражена в догматах, а вместе с религией в качестве божественного откровения даны принципы права, морали и политики, то мало что остается для народа. Правда, Хомяков недостаточно продумал этот вопрос. Чаадаев с церковной точки зрения вообще проигнорировал национальность, оставив место лишь для «христианского народа», для церкви. Хомяков же оставил место для национальности, но лишь в узких рамках, и все же он недостаточно точно ограничил значение национальности, особенно в сфере морали и права. Он считал, что русское государство возникло благодаря церкви и нации, и в этой связи следовало признать, что народный характер должен был каким-либо образом отразиться на государстве и его законах.

Строго говоря, сфере народного духа Хомяков не оставляет ничего, кроме искусства, но и в том, что касается церковного искусства, он оказывается в затруднительном положении, особенно в отношении византийской и русской иконографии. Об отношении отдельного художника к народному целому Хомяков говорит, что творить художника заставляет не собственная энергия, а духовная энергия народа.

Наука, говорит Хомяков, в той степени, в какой она представляет истину, повсюду одинакова; но в позитивных науках и в истории способы выражения истины и способы ее достижения зависят от условий времени и места. Дважды два повсюду будет четыре, так что не может быть «русской арифметики» или «русской астрономии». Науки, просто формулирующие внешние законы, не имеют национальности. Национальное лицо есть лишь у тех наук, которые имеют дело с нравственными и духовными устремлениями людей.

Подобные проблемы искусства и науки нуждаются в более тщательном изучении. И Хомяков часто обращался к этим проблемам.

В этом с Хомяковым расходится Киреевский и еще сильнее — К. Аксаков. И Киреевский и Аксаков находят в русском или славянском национальном характере мощный источник антиевропейского мировоззрения; при этом Киреевский утверждает, что римляне, романские народы и германцы вели западную цивилизацию окольными путями. Более детальное критическое рассмотрение потребовало бы постановки многочисленных вопросов относительно взаимодействия между национальным характером и религией; прежде всего желательно было бы исследовать, в какой степени восприятие и сохранение истинной религии состоялось благодаря национальному характеру и

что обусловило особую подготовленность русских в данном вопросе. Было бы также хорошо, если бы основатели славянофильства поточнее сформулировали проблему национальности.

§ 59

Поскольку мы еще многое услышим по проблеме нации и национальности от философов и публицистов, к которым намерены сейчас обратиться, представляется уместным именно сейчас рассмотреть наиболее важные проблемы критической философии национальности, с тем чтобы я мог иметь законную основу для оценки различных взглядов.

Даже в научных трудах определения, скрывающиеся за многозначными терминами «нация» и «национальность», далеко не точны. Когда же, вдобавок, понятия «нация» и «национальность» употребляются вместе со столь же многозначными понятиями государства, церкви и человечества, результатом такого использования является скорее всего полный хаос бессвязных представлений.

Эти термины следует использовать с огромной осторожностью. Если, говоря о нации, мы имеем в виду само большое сообщество, то под «национальностью» в этом случае следует разуметь существенные свойства нации, хотя порой термин «национальность» используется в качестве синонима «нации». Термины «национальная идея», «национальное чувство» и «национальный принцип» являются вполне вразумительными. Использование же слов «нация» и «народ» сопряжено с трудностями. «Нация» означает скорее политическое целое, организованное в государство. Термин «народ» используется в более демократическом смысле для обозначения нации, понимаемой исключительно как народной массы, вовлеченной в коллективную деятельность. Мы говорим о народных танцах, народном искусстве и народном духе вообще; реже употребляем мы выражения «национальные песни» и «национальный дух» и при этом придаем им несколько иной смысл*.

Национальность, национальный характер или «дух» выражается не только в языке, но и в многообразных нравах и обычаях (одежда

* В отношении развития этих идей в русском языке определенную роль сыграла этимология. «Народ» используется здесь одновременно и в значении «нация». Поскольку, собственно говоря, данный термин обозначает и так называемое простонародье, на помощь приходит иностранное слово «нация», несущее более общее значение. «Народ» также связан со словом «родить» (точно так же, как латинское «natio» связано с «nasci»); того же корня слово «род» и «родина» («место рождения», а в некоторых славянских языках «семья»).

и пр.), в особенностях поселения и проживания (обустройство домов, деревень, городов), в работе и ведении домашнего хозяйства, в праве и государстве, морали, религии, науке и философии, в культуре и искусстве, — любое из перечисленного можно рассмотреть в качестве выражения национального характера. Таким образом, идея национальности крайне сложна.

Если мы поинтересуемся, в чем состоит национальный характер, в чем сущность национальности, нам могут сказать, что ответ следует искать в одной или нескольких из вышеперечисленных сфер, либо в комплексе их всех. В последнее время люди осознали наличие расовых различий, и, соответственно, встала проблема определения того, в чем состоят особенности той или иной расы, должны ли мы искать эти особенности только в физиологической или также и в психической сфере.

Далее, определяя национальный характер, мы не должны ограничивать наше внимание отдельными элементами, а должны попытаться синтезировать все эти элементы в органичное целое. Подобный синтез предполагает, что различные составляющие его элементы постигнуты, оценены в их взаимозависимости. Затем мы должны выбрать из них наиболее важный, наиболее характерный центральный элемент и рассмотреть его соотношение с другими элементами.

Очевидно также, что каждый отдельный элемент должен быть подчинен дальнейшему детальному анализу. Достаточно подумать, например, о том, сколь содержательно понятие языка; о том, что на практике языку вполне подходит роль наиболее яркой характеристики национальности*.

Необходимо привлечь внимание к другой крайне важной проблеме философии национальности. Идею развития и прогресса мы принимаем во всех областях общественной жизни. Следовательно, и национальный характер должен развиваться. Но каковы причины этой эволюции? Насколько велики изменения? Является ли современный русский в своей сущности и по своему характеру таким же русским, каким он был при Иване Грозном и при киевском князе Владимире? Очевидно, здесь нас интересуют не только изменения взглядов, ибо необходимо поставить вопрос о том, меняются ли нации и расы антропологически и этнически. Изменяется ли строение скелета; варьируются ли размеры и форма черепа; если да, то что обуслов-

* Следует подумать о понятии родного языка, диалекта и письменного языка; о языке как средстве общения (языке повседневного общения); о параллелизме между языком и мышлением, между чувством и волей; о языке как объекте искусства. Здесь имеет значение и письмо как средство придания сказанному фиксированной формы; стоит подумать и о различных методах письма.

ливают эти изменения? Являются ли они следствием изменений в питании, перемен в способах труда, смены климата или мест обитания и пр.? Подвержены ли нации, кроме того, и переменам в психике? Меняется ли способ чувственного восприятия? Подвержен ли изменениям внешний, физиономический аспект народов?

Это крайне сложные проблемы, подходить к которым следует методично и с большой осторожностью. В этой связи мы прежде всего должны отдать должное особой проблеме расовых и национальных помесей. Пользуясь расхожей фразой, спросим себя, существует ли в действительности такая вещь, как «чистая раса» и не являются ли на деле все расы и нации помесями. Что касается России, то для нее этот вопрос крайне важен, ибо историческим фактом киевской Руси является постоянное смешение рас и народов. В биографическом примечании о К. Аксакове я умышленно сделал упоминание о его матери-турчанке. Мы часто слышим об африканских предках Пушкина, о татарских предках Ивана Тургенева. Сохраняется ли сущность русского характера, несмотря на расовые смешения; насколько она устойчива; и прежде всего: если она сохраняется, каким образом осуществляется это сохранение?

Что сказать о денационализации? Когда нация или часть ее отказывается от своего языка и перенимает другой язык или когда отдельные индивиды, принадлежащие к одной нации, переживают подобную перемену, какое изменение происходит в их национальной сущности? Шевырев, на которого нам придется еще раз кратко сослаться, говорил о русских своего времени, что они думали, как немцы, а выражались, как французы. Были ли они все еще истинными русскими?

Подобные критические изыскания вызывают к жизни многочисленные острые проблемы, которым до сих пор уделялось лишь мимолетное внимание ученых.

В субъективном плане нам следует принять во внимание чувство национальной принадлежности — то, что люди любят свою нацию, свою национальность, свой народ больше, чем иностранцев.

Еще мы любим свою страну (любовь к отечеству, патриотизм); и конкретно, мы любим то особое место, где мы родились или выросли. Эта любовь, это чувство, может перерасти в болезнь, известную под именем «ностальгия».

Объект чувства национальной принадлежности (страна, нация, народ) в высшей степени содержателен, и каждый размышляющий над идеей национальности выберет свои индивидуальные акценты в трактовке этого содержания. Сама эта идея, это чувство определяют социально-экономическим и культурным уровнем людей. Арис-

тократ, бюрократ, солдат, культурный человек, крестьянин, горожанин, рабочий, пролетарий и т. д., — у каждого из этих людей своя идея нации или народа, и чувства каждого из них будут иметь свою специфическую окраску.

Чувство национальной принадлежности может быть слепым, инстинктивным, примитивным. Как и в любви вообще, в случае любви к народу и дому, хочется задать вопрос о том, насколько сознательно это чувство, насколько оно мотивировано, основано на ясности представлений и суждений.

Не следует забывать и о том, что это чувство может быть различным в качественном отношении, а не только по степени интенсивности: оно бывает более благородным и возвышенным, или же относительно грубым.

Столь же очевидно, что идея нации, а вместе с ней и национальное чувство претерпевают изменение и развитие. В различные времена, в различные эпохи любовь к дому и любовь к народу разнятся друг от друга. Не углубляясь в историю, достаточно будет заметить, что любовь к своему народу у рационалистов XVIII века должна была отличаться по своему характеру от той любви, которая преобладала в среде романтиков XIX столетия, либо той, которая позже была свойственна натуралистам и реалистам.

Огромное значение для определения национального чувства и национальной идеи имеет то, каковы в данный момент мысли и чувства в отношении других народов, иностранцев вообще и соседних наций, в частности. Следует задаться вопросом, насколько велики наши познания об иностранцах, ибо у иностранной нации следует принять к рассмотрению не меньшее число свойств, чем у собственной нации; знание иностранцев и эмоциональное отношение к ним столь же различно и многогранно, как знание о собственном народе и чувства, испытываемые к нему.

Есть множество людей, обладающих очень невысоким мнением о своих соотечественниках, но и все иностранное им ненавистно. И все же возможно полюбить иностранный язык, иностранное поведение, идеи и образ чувствования; можно даже начать предпочитать иностранное отечественному, что весьма часто случается в самых разных областях жизни.

В определенном смысле можно даже сказать, что наша собственная национальная сущность впервые является нам через сравнение с сущностью иностранцев. По этой причине национальное чувство в многоязыких государствах обладает большим самосознанием и критичнее, чем в государствах, где «государство» и «нация» совпадают. В особенности это относится к России, Австро-Венгрии и Балканам.

Контраст этот становится тем более сильным, если многоязычие связано с частичным или полным доминированием какого-то одного народа. В этой связи опять приходят на ум Россия, Австро-Венгрия, Балканы и до определенной степени также и Германия. Доминирование может быть политическим, экономическим, языковым, культурным или церковно-религиозным. Это может быть доминирование того типа, которое характеризовало Францию в отношении России XVIII века, а также в отношении Германии того же периода; это может быть господство русского как официального языка; и т. д.

Ход исторической эволюции демонстрирует нам постоянные разрывы и дифференциации внутри отдельных наций, и в то же время в политической, экономической и культурной сферах имеют место взаимодействия. Существовали многоязыкие государства, превращавшиеся временами во всемирные империи (Александр, римская империя, франкская империя, средневековая империя, наполеоновская империя, современный империализм); существуют также вселенские церкви, всемирные экономические союзы и т. д. Постоянно идет процесс организации обширных мировых регионов, целых континентов и в конечном счете человечества в целом.

Между непрекращающимися борьбой и перемириями мелких племен и родов первобытной эпохи, с одной стороны, и войнами и союзами великих наций и государств современности, с другой, различимы многочисленные переходные формы этих одновременно происходящих дифференциации и ассимиляции. Почти каждый из нас является ныне членом и инструментом какого-то сверхгосударства, сверхцеркви или еще какой-либо всемирной организации.

Современное национальное чувство и современная национальная идея возникли на Западе вместе с Реформацией и Ренессансом. В нашу эпоху люди стали сильнее осознавать собственную национальную принадлежность, особенности национального языка и прочие специфически национальные черты; они стали воспринимать национальность как нечто, имеющее статус, аналогичный статусу государства или церкви. Средневековая теократия основывалась на религии и определялась религией. Реформация как народное движение привела к замене латыни народным языком в качестве церковного языка; народный язык становится языком литературы и науки; общий ход развития вел к индивидуализации отдельных наций. Поэтому Гердеру национальность представлялась «естественной» — в отличие от «искусственного» государства; аналогично «искусственной» должна была казаться и церковь.

В XVIII веке литература, язык, религия — все существенные виды жизнедеятельности стали рассматриваться в качестве проявлений

национального характера. Люди заговорили о национальном или народном духе, видя в нем аналог индивидуального духа. Народ или нацию стали воспринимать как индивидуальность, как личность, как организм. Подобных взглядов придерживался Гердер, а позже — сторонники исторической школы права и романтики.

Между тем, в этом же веке возник космополитизм как направление, свойственное почти каждой нации, будь то нация большая или малая. Особенно легко было стать космополитами французам, поскольку их язык и литература были известны повсеместно. Немцы, англичане и итальянцы были исполнены космополитизма и пользовались космополитической фразеологией. К русским же, перенявшим французский язык и французскую культуру, это относилось более, чем к кому-либо другому. Идея гуманности получила всеобщее распространение, ее понимали узко — как организацию человечества и расширительно — как общий процесс гуманизации, прежде всего в чувственной сфере.

Период реакции, направленный против революции и Наполеона, период реставрации повсеместно характеризовался усилением национализма. Однако одновременно с этим усилились идеалы гуманности. Это можно увидеть уже в факте основания социалистического интернационала, непрерывного увеличения численности международных организаций и учащения международных конгрессов. Эти события по своей важности отнюдь не уступали собраниям, организуемым теократией.

Возрастание двуязычия и многоязычия, попытки создания искусственного языка, появление переводной литературы, интерес к событиям в мире (интерес, удовлетворяемый повседневной прессой и средствами массовой коммуникации) — все это свидетельствовало об усиливающейся унификации наций в условиях продолжения их дифференциации.

Изобретение парового двигателя и применение его в целях совершенствования коммуникаций в XIX веке не только оказалось средством развития свободы передвижения (после того, как повсеместно было освобождено ранее закрепленное за землей крестьянство), но и создало условия для национальных миграций — не менее замечательных по своим масштабам и по важности своих последствий, нежели пресловутое переселение народов, отметившее закат Римской империи. Данное событие имеет значение не только для Америки, но и для России и для колонизации ее исконных территорий и Сибири.

XVIII век как век просвещения и гуманности торжественно провозгласил права человека, и в последующую эпоху были сделаны успехи в деле кодификации прав языка и национальности. Несом-

ненно, этот прогресс был связан с растущей демократизацией. В многоязыких государствах идея национальности приобрела, по сравнению с унифицирующей и денационализирующей централизацией аристократического, теократического абсолютизма, более демократический вид.

Государство и нация, однако, еще не были созвучными понятиями. В Европе еще не существовало ни одного национального государства. Если не принимать в расчет такого государственно-правового курьеза, как Лихтенштейн, то не было ни единого примера, когда бы все члены государства принадлежали к одной нации. Даже маленькая Черногория была многоязыкой. В Италии и Сербии были люди, не являвшиеся, соответственно, итальянцами и сербами. И все же идея национальности приобретает все более настойчивое государственное звучание.

Как правило, в Европе все существующие многоязычные государства имеют преобладание какого-то одного элемента. В России же очень велик удельный вес нерусских народов, и некоторые из этих народов отличаются высокой цивилизованностью, опережая в этом отношении русских. В Венгрии мадьяры, находясь в меньшинстве, являются политически господствующими. Своими особенностями характеризуется Швейцария как многоязычное государство и т. д. Очевидно, что отношение государства к национальности и принципу национальности нуждается в более пристальном рассмотрении. Особую проблему составляет национальная принадлежность династий и аристократии. Существуют социально-экономические различия между народами одного и того же государства (например, поляки и русские!) и т. д.

Знания о национальностях носят все более организованный вид, приобретая статус особых дисциплин — прежде всего антропологии и этнографии. Предмет того, что называют психологией народов, несколько расплывчат, но область эта принадлежит к социологическим исследованиям. В философию расы и нации, естественно, вносят большой вклад история и языковедение.

После предварительных соображений Гердера в этой области дальнейшее развитие философии национальности было впервые предпринято Фихте. Духу той эпохи вполне отвечало то, что он предпочел не уделять внимания политическому (!) государству и отвел важную роль нации, а также то, что он выступил за введение для немцев национальной системы преподавания. Одновременно с Фихте и после него появились романтические философы национальности — в первую очередь, некоторые представители исторической школы права; а так-

же Гегель, Шопенгауэр и его ученик Гартман, Лагард, Ричард Вагнер, Гобино, а в последнее время — Хьюстон Чемберлен и др.

Когда философия национальности получит более четкую формулировку, несомненно станет возможно говорить о науке о национальностях, аналогичной науке о религии или науке о языке.

Если мы подобным образом уточним задачи научной философии национальности, то поймем, что ничего подобного славянофилы достичь не сумели. Этим я не хочу сказать, что немецкие философы, учителя славянофилов, смогли достичь многого в этой области. Скорее меньшего: особенно поразительным для критического наблюдателя является та наивность, с которой Гегель прибегает к «национальному духу» как исторической и социальной категории, не попытавшись подвергнуть само это понятие точному анализу. В общем можно назвать большой ошибкой Гегеля то, что он не подверг критическому анализу свои наиболее важные исторические и социальные понятия. Отсюда несовершенство всего того, что случалось ему говорить о взаимоотношениях государства и нации, нации и церкви и т. д. В работах Гегеля (а это же можно сказать о Шеллинге и его предшественниках) философия истории все еще носит не критичный характер.

Тот же недостаток характеризует и славянофильскую философию истории. Все авторы-славянофилы оперируют понятиями «государство», «нация», «народ», «общество», «церковь» и «человечество» как четко обозначенными понятиями, тогда как на деле они, несмотря на то, что находятся у всех на устах, по своему смыслу отнюдь не являются ясными и недвусмысленными.

а)

Хомяков был более националистом, чем Киреевский. В 1847 году он принял националистическую интерпретацию славянофильства, признав, что любит славян. Для русских прочие славяне были «самыми непосредственными соседями», в особенности это было верно относительно православных южных славян. Их повседневная жизнь с простотой ее уклада напоминали ему о доме, и он часто с гордостью говорил об этих славянах, что их обычаи остались неизменными с древнейших времен. Хомяков подразделял нации на земледельцев и завоевателей, имея при этом в виду скорее свойства характера, чем экономические институты. Славяне, говорил он, всегда были и остаются по натуре своей земледельцами и потому являются мирными нациями, в то время как германцы и романские народы — завоеватели. Именно прирожденное миролюбие

позволило им так быстро усвоить христианство и сохранить для себя христианскую любовь и смирение, тогда как западное христианство — во всяком случае, после раскола — превратилось в религию завоевания и угнетения.

Хомяков побывал в славянских странах; в Праге он познакомился с Ганкой; он изучал поляков, болгар и сербов. Но во взглядах его было много туманного и некритического. В своем националистическом порыве он стал носить национальную одежду и при этом не позаботился о том, чтобы выяснить, не было ли в этом наряде чего-либо татарского. В общем можно сказать, что Хомякова и его друзей не слишком занимал критический вопрос, являлись ли славянские обычаи столь исконными, как склонны были представлять их себе славянофилы. В любом случае, что может доказать это славное генеалогическое древо относительно доброты и превосходства славянских обычаев? Национальный характер способен вырабатываться, изменяться, улучшаться или ухудшаться; но славянофилы были глухи к подобным соображениям.

Далее, возникает вопрос, насколько тождественны по характеру и в других отношениях отдельные славянские народы, ибо нельзя с порога соглашаться с Хомяковым в том, что славяне однородны. Это утверждение нуждается в критической проработке. С точки зрения культуры, неоспоримо наличие значительных различий. Хомяков и сам выделяет из других славян поляков. Приняв католичество и восприняв характер западных наций-завоевателей, поляки перешли на сторону немцев против славян (в Германии).

Хомяков не обсуждает вопрос католицизма чехов и хорватов. Киреевский одобряет чехов и гуситское движение, поскольку считает, что они сберегли воспоминания о православии. «Моравским братьям» он даже приписал православное учение о Троице.

Более подробное ознакомление с церковной историей должно разрушить эту иллюзию, хотя поздние славянофилы попытались более непосредственно связать чешскую реформацию с восточной церковью. Они мало чего достигли, притом что славянские апостолы Кирилл и Мефодий распространяли учение Византии в Моравии.

Когда Хомяков говорит о славянах, то имеет в виду главным образом православных славян, считая, что славяне (включая русских) обладали особыми качествами, обусловившими возможность обращения их в христианство и сохранение ими истинной христианской веры. Трудно понять, как Киреевский, Хомяков и их последователи упустили из внимания тот факт, что, помимо славян, православие приняли византийцы и другие восточные народы. Являются ли греки (византийцы) более близкими к славянам, чем римляне, роман-

ские народы, или германцы? Являются ли армяне более схожими по характеру с русскими, чем немцы или, скажем, абиссинцы — народ, относительно христианства которого у Чаадаева были более ясные представления, чем у позднейших основателей абиссинско-русского религиозного сообщества?

Несомненно, православные нации тесно связаны между собой в церковных и религиозных вопросах. Общность обычаев зачастую возникала благодаря принадлежности к единой церкви, точно так же, как обнаруживается, что у западных народов принадлежность к единой церкви породила много схожих черт. Но славянофилам следовало бы поточнее проанализировать эти сходства и различия — тогда бы они достигли более ясного и определенного понимания как Востока, так и Запада.

Можно кратко отметить, что не существует никаких исторических или социологических оснований для хомяковского противопоставления земледельцев и завоевателей. История всех славян, и русских в первую очередь, дает поразительные свидетельства, совершенно дискредитирующие идиллию «голубинового характера» древних и современных славян. Уже во времена Хомякова эту теорию можно было тихо похоронить.

Не могу не вспомнить о характеристике, данной Гегелем германцам и их национальному таланту к реформации, которая представлялась для Гегеля таким же выражением истинного христианства, каким казалось славянофилам православие. Гегель заявлял, что прочие нации стремились к светскому господству, завоеваниям и открытиям. Лютер же, простой немецкий монах, искал и обрел совершенство в сфере духа. По мнению Гегеля, чистое христианство как народная религия впервые появилась у германцев. Греки же и римляне не могли ни принять, ни осознать истинного учения Христа; германцы первыми оказались способными к истинно христианской набожности, и именно у них (как думает Гегель) впервые проявилось прекраснейшее и наивозвышеннейшее благочестие. Средневековый католицизм годился лишь постольку, поскольку был установлен смешанным романо-германским населением, а немецкая сущность и чистое христианство впервые достигли полного развития лишь в Реформации.

В средневековом католицизме и в среде его основателей романских народов Гегель обнаружил такой же раскол, какой отмечали славянофилы между католиками и протестантами, но, по мнению Гегеля, подобное явилось следствием смешения римских и германских национальных элементов.

Добавлю, что Гегель также считал славян прежде всего земледельцами, но из этого он делал вывод, что у славян институт рабства

охраняется знатными землевладельцами. Как и Чаадаев, Гегель приписывает силам природы огромное влияние на судьбу славян, считая, что им в малой степени свойственна предприимчивость и субъективная активность.

Гегель был в той же мере германофилом, в какой Хомяков и Киреевский были славянофилами, и взгляды этого немца необходимо подвергнуть столь же суровой критике, сколь и взгляды русских. Порой даже забавно бывает сначала прочесть порицание славянофилами немецкой философии и рационализма, а затем увидеть, что эти московские авторы прибегают к берлинскому рационализму, порой ставя его с ног на голову. Я мог бы привести дополнительные примеры, но удовольствуюсь проведением важной параллели. В католическом Средневековье Гегель обнаруживает в качестве противоречивого момента то, что германцы (тевтоны или германцы — эти термины у него взаимозаменяемы, так же, как взаимозаменяемы у славянофилов «славяне» и «русские»), при всей их наипрекрасной и прочувствованной набожности, были некультурными и суеверными варварами. Точно так же и для Хомякова древние русские были варварами, но они хранили истинное христианство и демонстрировали самую прекрасную и прочувствованную набожность. Варварство Гегель относит к сферам разума и воли, в то время как набожность идет от сердца. В сущности, так же мыслят Киреевский с Хомяковым, с тем лишь исключением, что, по их мнению, за варварство древних русских в определенной мере несли ответственность подражательность, государство и географическая ситуация.

§ 60

До сих пор мы имели дело с двумя основателями славянофильства, но если мы хотим основательно познакомиться со славянофильством как с направлением и школой или сектой, в дополнение необходимо будет упомянуть о некоторых других авторах.

Первое по значению место занимает Юрий Федорович Самарин (1819—1876). В философии он являлся последователем Хомякова. В диссертации 1844 года о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче он попытался показать применительно к этим двум современникам Петра I (см. выше, § 9) односторонность и ошибочность католического (единство) и протестантского принципа (индивидуальная свобода). Важно отметить, что Самарин был более настроен против католицизма, чем против протестантизма. Вместе с Хомяковым он считал

протестантизм простым отрицанием католицизма, из чего следовало, что католицизм как явный враг должен получать более явную отповедь. Самарин осуществил исчерпывающее исследование католической догматики, особо сосредоточившись на сочинениях Мёлера, а также часто ссылаясь на Баадера. Баадер интересовал его как защитник католицизма от папства и как такой католик, который (говоря его же словами) предпочел аристократическую организацию православной церкви деспотизму католической и демократии протестантской церкви. Баадер оказал влияние на Самарина — а возможно, также и на Хомякова с Киреевским — и в эпистемологической области познания*.

После написания диссертации Самарин вступил в период кризиса. Он желал доказать правильность православия с помощью Гегеля и тем самым оказался на позиции, которую ранее осуждал. Согласно предшествовавшим взглядам Самарина, вера не может и не должна быть доказываема посредством разума, к этому взгляду он и вернул-

* Таким образом, становится как никогда ясной зависимость славянофилов от немецкой философии. Баадер на протяжении длительного периода имел тесные связи с Россией. В составленной в 1814 году памятной записке он разработал для царя Александра I, для императора Австрии и для прусского короля основные положения Священного союза, а возможно, и содействовал учреждению этого союза. Эта памятная записка, озаглавленная «Касательно вызванной Французской революцией необходимости установления новых и более тесных связей между религией и политикой», была посвящена князю Голицыну, другу Александра I и в то время министру духовных дел. Начиная с 1818 года Баадер слал князю регулярные отчеты, за что длительное время получал значительное пособие (140 рублей в месяц). В 1815 году Александр I поручил Баадеру написать религиозное сочинение для российского духовенства. Баадер хотел основать в Петербурге археологическую академию, которая бы практиковала тесные связи между религией, наукой и искусством и, кроме того, должна была осуществлять примирение трех церквей. В 1822 году он направился было в Россию, но должен был при подъезде к Риге повернуть назад, ибо барон Икскуль, его любящий патрон и попутчик, посетив Бенжамена Констана, впал в немилость. Этот неосторожный поступок стоил Баадеру его русского содержания. Баадер написал также сочинение «Восточный и западный католицизм, рассмотренный скорее с точки зрения его внутреннего содержания, нежели с точки зрения его внешних связей» (1818) наряду с некоторыми письмами о том, что Писание и природа истолковываются лишь взаимно. Один раздел этого сочинения представляет собой письмо, написанное Баадеру Шевыревым по-французски и датированное 22 февраля 1810 года. Статья «Касательно осуществимости или неосуществимости освобождения католицизма от римского диктата в вопросе религиозной науки» («Der morgenländische und abendländische Katholizismus mehr in seinen inneren wesentlichen, als in seinen äusseren Verhältnisse dargestellt. Nebst mehreren Briefen, dass Shrift und Natur sich nur wechselseitig ausledern», 1839) посвящена автором Элиму Мещерскому. Статьи «О причащении» («Sur l'Eucharistie») и «О понятии времени» («Sur la Notion du Temps»), возможно, являются фрагментами сочинения, адресованного русскому духовенству. В русской литературе нам не удалось найти о Баадере ничего примечательного.

ся после преодоления упомянутого кризиса. В это время Гагарин, впоследствии ставший иезуитом, оказывал на него не меньшее влияние, чем Гегель. Враждебность его к католицизму проявилась позже в его полемике с иезуитами и в первую очередь с русским иезуитом Мартыновым. Самарин энергично атаковал этическую систему иезуитства (моральное учение Бузенбаума).

Антикатолицизм Самарина был подкреплен политическим движением во время польского восстания 1863 года, ибо в лице иезуитства и польской националистической пропаганды католицизм для русских обрел конкретное выражение. Самарин считал, что поляки служили живым подтверждением славянофильской философии религии и философии истории. Из-за католицизма поляки утратили верность своей стране и себе самим, вступив тем самым на путь деструкции. Польский вопрос невозможно было разрешить через возрождение поляков. Самарин указал на чехов, говоря, что нация, у которой в памяти осталось такое событие, как гуситское движение, никогда не умрет. Во время мятежа 1863 года Самарин был готов предоставить полякам языковую и административную автономию и заявил, что полный отказ от Королевства польского не является сам по себе невозможным и не вступит в полное противоречие с интересами России.

Сознавал Самарин и политическое значение балтийских провинций. С теплотой — чрезмерной даже — отзывался он русским об эстонском и латвийском сельском населении как о естественных союзниках в противостоянии господству немецкой аристократии.

Несмотря на неистовую приверженность славянофильству, Самарин оставался сторонником западной культуры и находился в тесной дружбе с западником Кавелиным. Он сознательно работал на освобождение крестьянства и уже после того, как оно состоялось, продолжал работать в том же направлении. Как и К. Аксаков, он высоко ценил наличие такой общины, как *мир*, считая ее первобытным российским институтом.

§ 61

Младший Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886), тоже принадлежал к первому поколению славянофилов. Сначала Иван Аксаков крайне критически относился к России в ее историческом прошлом. Неоспоримым доказательством такого отношения являются его письма к своему другу Герцену (вплоть до 1861 года). Впоследствии он стал придерживаться более консервативных

взглядов, но продолжал делать различие между официальной Россией и той, которая, как он утверждал, выросла из здоровой народной энергии. И лишь в 1881 году сблизился он с реакцией, но и то не навсегда. Он обладал настоящей силой характера, что видно из его искренних ответов Третьему отделению, Он был подвергнут допросу в этом отделении из-за писем, которые писал отцу во время ареста своего друга Самарина. Его показания были доведены и до сведения царя. Об этом мы уже слышали.

Для Аксакова, как и для многих других людей в Европе и в России, 1848 год явился доказательством того, что европейская цивилизация находится в упадке и что теперь настало время нереволюционной России. Он желал только, чтобы Россия продолжала сохранять свою духовную независимость и не вмешивалась в дела Запада. Россия же, православная Россия, опять двинула свои армии на Запад, дабы затушить революцию в Венгрии и поддержать Австрию, страну, к которой националистически настроенные славянофилы не питали любви. В 1850 году мы читаем: «Россия скоро разделится на две половины; православие встанет на сторону государства, правительства, неверующего дворянства и напуганного верой духовенства, все же остальные ринутся в раскол». В 1856 году он писал: «Ради Бога, будь осторожен в использовании слов "национальность" и "православие"»; он заявлял еще, что невозможно питать никакого сочувствия «к допетровской России с официальным православием и монахами». Аксаков часто и охотно посещал Европу.

Иван Аксаков был журналистом от славянофилов. Особенно поддерживал он в своих периодических изданиях славянофильскую традицию после смерти Киреевского и Хомякова, формулируя это учение применительно к злобе дня.

Он твердо придерживался учения Хомякова, видя в идеальном православии хранителя нации, но на деле ему не всегда удавалось отделить это православие от официальной церкви.

Логика принятого Хомяковым религиозного мировоззрения не могла не выработать у него реакцию отторжения на ошибки государственной церкви и на церковную религию, но квиетизм славянофилов легко мог заставить их, по крайней мере, терпеть официальную церковь. Как чиновник Аксаков демонстрировал собственные религиозные чувства своей отнюдь не примиренческой позицией в отношении к раскольникам, а впоследствии также и одобрением гоголевского обращения к религии.

Аксаков считал, что укрепить церковь в ее противостоянии государству поможет возрождение упраздненного Петром I патриархата. Духовенство следовало усилить введением уездных и губернских цер-

ковных соборов. Он указывал на то, что свод законов насчитывает более тысячи статей, регулирующих взаимоотношения государства и церкви, и делал из этого вывод о несвободе церкви. Также в интересах самой церкви он добивался введения свободы совести, но это требование оставалось чисто академическим. Далее, И. Аксаков неразрывно связывал православие с «русскостью», говоря, что если православие может существовать вне России, то Россия без православия жить не может, и что это волей-неволей заставляло его делать уступки официальной полицейской церкви.

Россия в значительной своей части состоит из нерусского населения, обрусение с давних пор являлось частью официальной программы властей, но осуществлялось это обрусение властями или армией совершенно механически. В восточных пограничных землях имелись не только национальные, но и религиозные отличия, и здесь славянофильская теория поддерживала православие в качестве национальной религии против католицизма и протестантизма.

Иван Аксаков не ушел от искушения и одобрил официальную политику обрусения восточных пограничных земель.

Но обрусения поляков он не хотел. «Невозможно, — писал он, — симпатизировать движению русинов против австрийцев в Галиции, которая законно (или скорее незаконно) досталась австрийцам, как нам — Польское королевство, и одновременно считать необоснованными попытки поляков освободиться от зависимости от нас». Эти слова были написаны за год до восстания. В 1863 году он предложил дать полную свободу исконно польским территориям, то есть тем, которые принадлежали Польше до раздела, в случае если польский народ примет на референдуме решение о внутренней автономии под российским правлением. В 1848 году аналогичное решение польской проблемы предложил Хомяков.

Во времена восстания в Боснии-Герцеговине и во времена Русско-турецкой войны Аксаков вновь подчинил славянофильские идеалы официальной политике. Между тем, после смерти Погодина, он стал председателем «Славянского комитета благоденствия». Но так как исход войны и особенно результаты Берлинского конгресса были названы им «колоссальной нелепостью», он был выслан из Москвы. Однако в Болгарии некоторые избиратели выдвинули его кандидатом на болгарский трон.

Нарастающая активность оппозиции после Русско-турецкой войны и рост в этот период революционных настроений все более теснили Аксакова вправо, и после убийства Александра II он ожесточился против Европы. Для Аксакова то, что было содеяно 13 марта, явилось кровавым подтверждением славянофильской теории, ибо бес-

чинства террористов являлись, по его мнению, неизбежным следствием римской концепции насильственного государства, пересаженной Петром I из Европы в Россию.

Было бы неточным рассматривать это заявление Аксакова только как обвинение петровского государства и бюрократии. Во всей полноте его аргументация содержит фундаментальную концепцию славянофильства, и поэтому стоит вкратце воспроизвести ее здесь.

Речь идет о докладе, сделанном Аксаковым 10 апреля 1881 года в Петербургском славянском благотворительном обществе сразу после панихиды по Александру II. Он обвинил интеллигенцию в предательстве собственной нации, назвав покушение на царя преступлением против исконно русской идеи и исконных русских устоев. Последние, сказал он, тесно связывали царя с народом как отца, вождя и единственного представителя народа. Он осудил нигилизм, принявший теперь форму терроризма, обвинив его не только в анархизме, ибо речь шла об общем порицании всех либерально-политических устремлений Запада. Аксаков вывел такую формулу: «Нигилизм = анархизм = революция = социализм = социал-демократия = конституционализм = либерализм = западничество вообще».

Основанное на силе римское государство («внешняя» истина, по К. Аксакову) есть воплощенная противоположность христианству, ибо оно не просто нехристианское, но и положительно атеистическое, лишненное духовного руководства и веры. Западные нации приняли и продолжили римское государство, принял его и Петр I, но христианин не может перестать быть христианином; он будет продолжать вести борьбу против бога, посаженного на его место; он будет делать это и изнутри, и в общественной жизни; он будет восставать против пронизывающего все исторически возникшие общества христианского принципа; значит, участью каждого христианского общества, оторвавшегося от Христа, неизбежно будет мятеж и революция. Общество, которое таким образом превратило революцию в принцип развития, попадает из революции в революцию и заканчивает анархией и, в конечном счете, полным самоотрицанием и самоуничтожением. Современный человек отрицает Бога и воздвигает собственный разум в качестве идола. Не довольствуясь полумерами, это отрицание с неумолимой логичностью ведет к разрушению также и этого идола; оно отбрасывает его душу и идолизует плоть дабы сделаться рабом этой плоти; без Бога человек превращается в Навуходносора, в животное...

Если Самарин попытался проверить философию славянофильства, применив ее к полякам-католикам, то Аксаков распространил этот тезис на весь Запад и на петровское государство, объявив револю-

цию разрывом с Богом, а следовательно, и с русским православием, истинным христианством. Несомненно, делая это заявление, Аксаков имел перед глазами анализ, в ходе которого Достоевский вывел из атеизма царство террора. Зародыш этой идеи содержится уже в работах ранних славянофилов, ибо Киреевский представлял раздвоение в душах европейцев и русских как вводящий в отчаяние пессимизм, а Хомяков выводил отрицание из материализма.

В первые годы реакции при Александре III Аксаков сблизился с Катковым и Победоносцевым, однако, вскоре, увидев, что в жертву должны быть принесены реформы 1861 года, отошел от них.

§ 62

Объяснение причин революции Иваном Аксаковым находит практическое завершение в прославлении уваровского абсолютизма; в восхваление национализма Уварова включился и Н. Данилевский. Данилевский, как и Достоевский, был замешан в так называемом заговоре петрашевцев, но его наказание ограничилось высылкой из Петербурга. Посвятив себя изучению естественных наук, он имел возможность проработать несколько лет под руководством фон Байера. Как исследователь естествознания, Данилевский приобрел известность в качестве автора книг, направленных против дарвинизма. В 1871 году увидела свет его книга «Россия и Европа», ставшая кодексом славянофилов позднего поколения*.

В своей книге Данилевский стремится показать, что историческое развитие демонстрирует десять культурно-исторических национальных или расовых типов: (1) египетский; (2) китайский; (3) ассиро-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитский; (4) индийский; (5) иранский; (6) еврейский; (7) греческий; (8) римский; (9) новосемитский, или арабский; (10) германо-романский, или европейский. (О мексиканской и перуанской культурах упомянуто лишь мимоходом.)

В результате естественного хода развития славянский тип должен сменить германо-романский, или европейский; при этом он сплавит во всестороннем синтезе культурные элементы, частично развитые уже другими типами. Существующие типы позволили вполне развиваться либо только религии (евреи), либо только культуре (греки), либо только государству (римляне). Германо-романские племена преуспе-

* «Россия и Европа» впервые была опубликована в одном из журналов в 1869 году. Родился Данилевский в 1822, а умер в 1885 году.

ли и в политической и в культурной сферах, но их цивилизация носит односторонне научный и индустриальный характер, их государство основано на принуждении. Именно поэтому в Европе воцарилась анархия. В религии эта анархия приняла форму протестантизма; в философии она приняла форму материализма; в социально-политической сфере — форму борьбы политической демократии и экономического феодализма. Только русские достигнут органичного единства четырех главных элементов культуры (религии, культуры в узком смысле, государственности социально-политической организации) и проявят собственную оригинальность, предложив правильное решение социально-экономических задач.

В политическом плане задача России должна состоять в организации славянской федерации, возглавляемой самой Россией. Она должна завоевать Константинополь как столицу названной федерации, а в борьбе с Европой найти решение славянской проблемы, а вместе с ней и европейской проблемы, и проблемы человечества в целом. Правда, славяне по натуре — пацифисты (Данилевский был противником дарвинизма!), но тем не менее борьба с Европой необходима и благотворна.

Понятие культурно-исторического типа цивилизации разъяснено Данилевским недостаточно хорошо. Оно представляет собой довольно механическое соединение зоологического понятия расы с историческим понятием национальности. Это позволяет Данилевскому отождествить расу с церковью и религией, вследствие чего к славянскому типу оказываются у него отнесены не только православные румыны и греки, но и протестантско-католические венгры*. Враждебное отношение к Европе и любовь к древней Руси привели Данилевского к мнению, нередко встречавшемуся в среде поздних славянофилов, согласно которому для славян турецкое господство предпочтительней власти над ними европейских государств. Он считал, что турки спасли славян от контактов с европейской цивилизацией и не денационализировали их. Правда, в этот синтез Данилевский предлагает включить и европейскую цивилизацию, тем самым в известном смысле продолжить дело Петра I, — ведь ясность и опре-

* Философ Соловьев считает, что типология Данилевского позаимствована им из учебника всеобщей истории в органическом изложении (1857) Риккерта (H. Rückert «Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung»); один русский автор приписывает ее Погодину. Мне хотелось бы заметить, что Хомяков в своих очерках всеобщей истории классифицировал род человеческий по расам, государствам и религиям, основывая свои представления об историческом развитии на этих трех принципах. Сам я не пытался выяснить, кому обязан он этой идеей, посчитав достаточным указать лишь на отсутствие в ней должной ясности.

деленность не принадлежат к числу достоинств этого автора, как и славянофилов вообще. Как бы там ни было, Данилевский привнес несколько важных элементов зоологии и основанного на зоологии национализма в славянофильскую философию религии и философию истории. От зоологического национализма всего лишь шаг до того зоологического патриотизма, в который скатились многие поздние славянофилы... В теоретическом плане обоснование Данилевским исторического развития представляется крайне небрежным; суждения его относительно распространения или передачи опосредования культуры, относительно упадка культур и народов и т. п. были сформулированы наспех; очевидно, что и оценка им отдельных исторических сил была крайне односторонней. Неадекватным было антропологическое содержание его взглядов (определение расы, расовая классификация, смешение рас, отношения между расами и национальностями); малоинтересны и его соображения касательно взаимосвязи физиологических и психических расовых характеристик. Но, не желая быть несправедливым к Данилевскому, я должен признать, что в его эпоху и вся европейская наука мало что могла сказать на эту тему.

Б § 63

Для полного понимания славянофильства полезно провести краткое сравнение его с современным состоянием национальной идеи у остальных славянских народов, ибо между ними и Россией существует постоянное взаимовлияние.

Прежде всего, славянофильство связано со своеобразным историческим явлением так называемого славянского ренессанса.

XVIII век, век гуманности, Просвещения и революции, характеризовался политическим и национальным пробуждением не только на западе, но и на востоке и юго-востоке Европы. Идеи свободы не могли не оказать мощного воздействия на угнетенные абсолютизмом и зависимые народы Австрии, Турции и России; национальные противоречия в этих многоязычных государствах с неизбежностью усиливали национальные чувства. В начале XIX века повсеместно ощущающееся воздействие наполеоновских войн способствовало росту национального сознания. В последующую эпоху реставрации абсолютизма и установления реакции либерально-демократические устремления революций 1830 и 1848 годов создали благоприятные условия для расширения равноправия ранее угнетенных наций и языков,

а позднее социалистическое движение, несмотря на его интернационализм, способствовало росту чувства национальной самостоятельности. Не только в многоязычной Австрии, но и в национально единой, но политически разобщенной Германии росту национального сознания препятствовали абсолютистские правительства, ибо национальное чувство было повсеместно направлено против абсолютистского государства, выражаясь в принятии более демократической и либеральной программы.

В Австрии первыми пережили национальное пробуждение в правление Марии Терезии и Иосифа II чехи и мадьяры, а в 1848 году это пробуждение приняло политическую форму. Другие народы, находившиеся под австрийским и турецким владычеством, тоже испытали национальное и политическое пробуждение. На Балканах обрел свободу один народ за другим — сербы, греки, румыны и, наконец, болгары. Этот эволюционный процесс еще не завершен.

Национальное возрождение славянского народа с самого начала руководствовалось более или менее открыто декларируемой панславистской программой. Родство славянских языков, нравов и обычаев, узы соседства и политической общности (в Австрии и в Турции), а также пример аналогичных движений, известных как пангерманизм, панроманизм и панскандинавизм, — все это способствовало прогрессу идеи славянского союза. Сознание собственной политической и культурной слабости и малости тем желательнее делало объединение перед лицом более крупных и больших государств, народов и их культур.

Естественно, что в программе объединения особенно важная роль отводилась России ввиду ее возрастающего политического и культурного престижа в Европе. Если не считать Черногории, Россия была единственным независимым славянским государством; пять славянских наций (или шесть, если включить лужицких сербов) находились под немецким или турецким господством, будучи расчлененными на административные территории, численность которых в пять раз превышала число этих земель.

Формулировка славянской программы объединения была крайне неясной и неопределенной, по крайней мере, в начале славянского ренессанса.

Как правило, предполагалось создание неполитического сообщества, которое бы способствовало взаимному изучению славянских языков в порядке своего рода культурного обмена. Этот союз мыслился лишь идеально, принадлежа к сфере духа. Многие простодушные люди зашли так далеко, что задумали искусственно сконструировать всеобщий славянский язык.

В географическом плане политическая программа славянского союза определялась в существующих политических границах. Стронники ее говорили, в частности, об австрославизме, или иллиризме. Политическому союзу всех славян уделялось не так много внимания; но и при абсолютизме находились достаточно смелые люди, думающие о республиканской или монархической федерации причем в обоих случаях руководящая роль предоставлялась русским или также полякам и чехам.

Поэтому с самого начала, да и впоследствии, панславизм носил чисто академический характер, будучи детищем главным образом ученых славистов и историков. Из-за недостатка культурных и экономических связей между различными славянскими народами было мало примеров практической общности. Объединяющую враждебность в отношении господствующих иностранных языков и культур сильно перевешивал тот позитивный факт, что отдельные славянские народы действительно представляли собой независимые нации, а не племена, как немцы, раздробленность которых была чисто политической, а не языковой или культурной. Славянские народы обладают каждый своей историей, политической и культурной, и укрепление каждого из этих народов достижимо исключительно посредством сознательного культивирования собственного языка, собственной культуры. Необходимо было, чтобы ведущие умы различных славянских наций рассмотрели пути и способы реализации этой более практической программы.

Несмотря на панславизм, число славянских народов и языков было увеличено в результате общих национальных устремлений, возникших начиная с XVIII века и приведших к языковому отделению венгерских словаков от чехов, а также к национальному отделению русинов от великороссов. Сходный процесс национальной и языковой дифференциации проявился также и у словенцев, которые в иных политических условиях могли бы без труда в языковом отношении объединиться с хорватами. Аналогичная дифференциация имела место в эволюции хорватов и сербов; однако в этом случае дифференциацию претерпела одна и та же нация вследствие религиозных и государственных различий, а также из-за воздействия неодинаковых культурных и географических условий.

Природа и эволюция национального ренессанса славянских народов был теоретически сформулирована в ряде программ, в которых она была рассмотрена с точки зрения философии истории и философии национальности. Естественно, что разрабатывавшие эти программы люди находились под влиянием историко-философского движения, зародившегося в XVIII веке и усиленного Великой рево-

люцией. Подобно тому, как в России в это время появилась философия истории и философия национальности, среди других славянских народов также предпринимались попытки разработки этих аспектов философии.

Бок о бок с развитием философии истории и философии национальности зародилась славистика, занимавшаяся историческим изучением собственного и других славянских языков и культур; аналогичная романистике и германистике, причем последняя (благодаря работам Гримма и др.) отчасти оказала на нее влияние.

§ 64

Переходя после этих общих замечаний к отдельным программам славянских наций, начнем с чехов. Чехи явились первыми теоретиками национального ренессанса, как собственного, так и ренессанса других славянских народов. Так как они находились в национальном отношении в угрожающем положении, с самого начала важным фактором национального возрождения была опора на других славян. Добровский (ум. в 1829 году), этот великий основатель славистики, сомневался в жизнеспособности своей национальности, но он же был первым русофилом, подкрепившим свои идеалы и симпатии серьезными обоснованиями. Россию он посетил в 1792 году. В Богемии у него было несколько предшественников, большинство из которых писало по-немецки. Сам Добровский, будучи наиболее энергичным «пробудителем» своей нации, подобно Добнеру, Voigt (Фойгту), Пельцлю и пр., писал только по-немецки и по латыни. Были и слависты-немцы (Альтер в Вене и др.), а также немецкие историки (Антон и др.), занимавшиеся историей славянских народов. В России же в это время интерес историков ограничивался прошлым России.

Для Добровского наиболее примечательным элементом общности славян был язык, но он считал, что помимо этого славяне демонстрировали общность нравов и обычаев, и верил в то, что можно определить национально-славянский психический склад.

На заложенной Добровским основе философско-исторические идеи Гердера и славянофильские идеи были преобразованы Колларом в философско-историческом отношении в представление о литературном взаимодействии славян.

Занятия Коллара в Йенском университете, опыт его участия в немецком националистическом движении (фестиваль в Вартбурге и пр.) немало повлияли на его образ мыслей. Мощное воздействие

оказал на него также агрессивный национализм мадьяр — он родился в Венгрии и стал в Пеште евангелическим священником в словацко-немецкой общине.

Славяне, утверждал он, должны выработать для себя универсальную славянскую культуру, ибо их историческая миссия состоит в том, чтобы перехватить историческое лидерство из рук пришедших в упадок германцев и латинян. С точки зрения программы славянская идея Коллара была совершенно неполитической; он полностью принимал гердеровский идеал гуманности и мечтал о негосударственном братстве народов при ведущей роли славянской культуры. Этой цели должно было служить исследование славянских языков, и степень овладения ими была поставлена в прямую связь с культурным уровнем изучающего. Нормальный образованный человек должен говорить на четырех живых языках: русском, «илирийском»¹⁴², польском и богемско-словацком; более образованные славяне должны знать также и диалекты, малороссийский, хорватский, лужицкий и болгарский; и наконец, ученый, славист и историк, должны быть знакомы с живыми и мертвыми языками и диалектами*. В духе Коллара работали Шафарик, изучавший славянскую древность, и Юнгман. Особенно активен в этой области был Ганка, самый усердный фальсификатор старочешских литературных произведений и документов (Кранедворская рукопись; Зеленогорская рукопись).

Труды славистов Чехии имели определенный практический результат в виде славянского конгресса, созванного в Праге в 1848 году и представлявшего собой имитацию Франкфуртского национального собрания и как бы соперничавшего с ним.

Последователи Коллара, в частности Палацкий и Гавличек, политические лидеры 1848 года, внесли значительные изменения в абстрактную славянскую идею Коллара. Панславизм как туманный космополитизм был заменен полностью сознательным чехизмом; место «великого» панславизма занял «малый» панславизм, или австрославизм. Палацкий и Гавличек выступили с протестами против российской универсальной монархии. Палацкий написал для чехов первую

* См. работу: «Über die literarische Wechelseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der Slawischen Nationen» («Относительно литературного взаимодействия между различными основными языками и диалектами славянских наций»), опубликованную на немецком языке в 1837 году (второе издание в 1844 году). Ее основополагающая идея была сначала представлена миру на чешской языке в виде эссе и еще нескольких работ, в числе которых была аннотация к эпической поэме «Slávy Dcera» (Дочь Славы), появившейся в 1821 году. Русские переводы были опубликованы в 1838 и 1842 годах, а перевод на сербский язык — в 1845 году.

(Собрание сочинений Коллара о славянской взаимности было издано М. Вайнгартом: Knihovna Slovanského ústavu, sv. I. Praha, 1929; прим. ко 2-му изданию.)

философски осмысленную историю, в которой реформация, осуществленная Гусом и прежде всего «Моравскими братьями», была представлена как высшая точка чешской и европейской истории. Палацкий же разработал первую политическую программу. На основе гердеровской идеи гуманности и естественного права должна была возникнуть демократическая федерация всех народов Австрии в пределах их этнографических границ. Эта программа с непревзойденным мастерством публицистически защищалась и демократически углублялась Гавличеком.

Гавличек был одним из первых, если не первым чехом, тесно познакомившимся с Россией. В 1843—1844 годах он был репетитором в доме Шевырева. Он не хотел иметь ничего общего с официальной николаевской Россией, но в равной степени неприемлемы были для него учения славянофилов; он последовательно придерживался философии Просвещения и демократизма, всеобщего избирательного права. Ему принадлежит утверждение: «Светский абсолютизм поκειται на религиозном абсолютизме». Однако более тесный союз австрийских славян он считал практически осуществимым.

Только пережив реакцию, последовавшую после 1848 года, и создание австро-венгерского тандема Палацкий сблизился с панславизмом и русизмом. Он принял участие в панславистском конгрессе, состоявшемся в Москве в 1867 году.

К 1848 году некоторые словацкие философы истории видоизменили идеал Коллара. Переоценивая важность некогда великого Моравского царства и его мнимой православной церкви, основанной славянскими апостолами, они предлагали с помощью России и православной церкви влить словаков в нечто вроде панславистской федерации*.

§ 65

У южных славян программа национального возрождения идет от Гердера и немецкой философии просвещения. Одним из первых философов-гуманистов был серб Обрадович (1739—1811), монах, неустанно трудившийся над самообразованием, один из тех, для кого книга была дороже монастырского или церковного колокольного звона. Его последователем был славист Вук Ка-

* Одним из выдающихся членов этой группы был Штур. Его работа «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная» существовала в рукописи до 1867 года, когда Ламанский и издал ее на русском языке.

раджич, а позже, в 30—40-х годах, под влиянием Коллара — основатель иллиризма Гай. В 1848 году благодаря противостоянию мадьярам, разжигаемому Веней, а также участи сербов под турками, иллиризм превратился в сильное политическое течение.

Национальному объединению сербо-хорватов долгое время мешали религиозные различия между католиками-хорватами и православными сербами. Конечно, Крижанич, хорватский священник, о котором мы упоминали ранее, проповедовал панславизм; но лишь недавно хорваты и сербы предприняли первую попытку подчинить свои религиозные различия общим национальным интересам, встретив на этом пути активное националистическое и церковное сопротивление в Будапеште и Вене (сербо-австрийский конфликт).

Особенно специфическим и сложным было положение самой малочисленной славянской нации, словенцев. В условиях угнетения двумя великими цивилизованными народами, итальянцами и немцами, административной разделенности на ряд королевств, словенцы с большим трудом сохраняли сознание национальной самостоятельности; по крайней мере, в отличие от других славянских народов, у них не было воспоминаний о традициях этой самостоятельности. Чехи, сербы, поляки, хорваты и болгары — все они знали политическую независимость и имели заметные достижения в сферах государственности и культуры. Именно ввиду недостаточного собственного развития словенская интеллигенция стремится в вопросах культуры опираться на хорватов и чехов.

В этой связи можно упомянуть о ненемецких национальностях в Германии, лужицких сербах и кашубах, определенные круги которых сознательно пытаются разжечь чувство национального сепаратизма, ища культурной опоры в ближайших к ним в языковом и географическом отношении славянских народах (лужичане ориентируются на чехов, а кашубы — на поляков).

Как известно, по сравнению с многочисленным русским народом другие славянские народы относительно малочисленны. Та же численная диспропорция наблюдается между малочисленными славянскими народами и немцами, а также другими крупными нациями. Это создает для социологов и политических деятелей трудные проблемы, касающиеся как малого, так и великого народа.

В эпоху союзов, политических альянсов и антант бросающееся в глаза национальное сходство славянских народов, их географическая близость и политически зависимое положение многих из них наводят на мысль о панславизме.

С давних пор существовали отношения церковей между сербами и болгарскими в тогдашней Турции, с одной стороны, и русскими, с дру-

гой, которые, прямо или косвенно, принимали также политическую окраску. Официальная Россия давно сформулировала свою оппозиционность в отношении Турции в программе освобождения христианских наций на Балканах.

Аналогичными соображениями руководствовалась Россия в своих взаимоотношениях с Австро-Венгрией.

Болгары своим политическим освобождением были отчасти обязаны России, но идея национального возрождения появилась у них в XVIII веке; можно считать, что начало ее положил выход в свет в 1762 году «Истории болгарского народа», написанной монахом по имени Паисий. Среди последователей Паисия упоминания достоин Венелин (1762—1839) — медик-русин, получивший образование в России. Он занимался сбором народных песен и рукописей на юге; его исторические, археологические и этнографические исследования стимулировали рост национального сознания. Большое значение имели для болгар религиозные связи с греками. В 50-е годы церковный вопрос дал мощный стимул к развитию национального сознания, так как болгары потребовали болгарских священников, и это требование встретило понимание в России. В 1870 году был основан болгарский экзархат, и первый экзарх Илларион был горячим сторонником национального освобождения.

Пример Сербии также оказал определенное влияние на Болгарию. Именно под влиянием одного серба решил написать свою историю Паисий, а борьба сербов за политическую свободу вдохновила на аналогичные попытки и болгар. Однако вскоре последовала ожесточенная борьба между этими соседствующими нациями, особенно по вопросу Македонии. Но это же противостояние способствовало развитию национального самосознания и в том и в другом лагере, и в конечном счете во имя ведения освободительной войны против Турции зародилось то сербо-болгарское взаимопонимание, которое легло в основу Балканского союза.

Болгария, обретя независимость, сочла необходимым, как и другие балканские нации, посвятить себя наверстыванию упущенного в сфере культурного развития, которому во времена турецкого правления чинились препятствия. Болгары также должны решать этнографические и религиозные проблемы многоязычного государства. Южнославянская проблема особенно затруднена вследствие религиозного размежевания этих славян на католиков, православных и мусульман.

§ 66

Особый характер имеет проблема Малороссии. О трудности проблемы говорит уже отсутствие общепринятого названия этого народа. Иногда их называют малороссами, в Австрии их обычно зовут русинами, а еще их именуют украинцами. Независимая Польша угнетала малороссов и в национальной, и в экономической, и в церковной сферах. Именно враждебность к Польше заставила малороссов стать частью Московского царства, но после того, как они вошли в состав России, начал проявляться антагонизм между великороссами и малороссами. Этот антагонизм в начале был не только национально-языковым, а распространялся также на политическую (административную) и экономическую сферы. В результате раздела Польши и присоединения Буковины значительная часть территории Малороссии отошла к Австрии. В Галиции Австрия защищает малороссов в той мере, в какой это отвечает целям ее политики в отношении России и поляков. В Венгрии язык малороссов объявлен вне закона*.

Языковые и экономические различия между севером и русским югом породили у малороссов националистическое движение, известное как украинизм. Вначале возникло требование культивирования народного языка в школах, литературе и в официальной сфере, без политического сепаратизма.

Именно русские педагоги, Ушинский, Водовозов и другие отдавали должное языковым различиям, настаивая в интересах педагогики на введении в начальных школах малороссийского языка; по той же причине петербургская академия недавно рекомендовала малороссийский язык в качестве языка обучения. С течением времени использование репрессивных мер привело к развитию политического сепаратистского движения, чему способствовали также и социальные различия.

Первая украинофильская программа зашла так далеко, что выдвинула требование предоставить русинам в рамках панславистской федерации (республики) автономию и языковую независимость по типу американской. Великорусский язык должен быть не более чем общим средством коммуникации. Этот план был основан на теориях тех историков, которые считали, что сущность русского государства следует искать не в царизме Московии, а в Новгородской республике и южнорусской казацкой сечи. Помимо Костомарова, эту теорию

* Численность малороссов следующая: в России их 22—26 миллионов; в Австрии (Галиции и Буковине) — более четырех миллионов; в Венгрии — полмиллиона.

защищали историки П. В. Павлов и Шапов. В 1845 году, отталкиваясь от этих исторических идеалов, Костомаров основал в Киеве Кирилло-Мефодиевское тайное общество, которое можно считать преемником общества Объединенных славян. Поэт Шевченко развил идеи Костомарова, придав им форму более глубоко разработанного культурного панславизма. Общество Костомарова было разогнано в 1847 году. Костомаров, Шевченко и ряд других его членов были высланы в глубь России и понесли наказания (Шевченко был отдан в солдаты; выше уже было рассказано, как обошелся с ним Николай в дальнейшем). С этого времени использование малороссийского языка все более подавлялось. С другой стороны, на территории, находящейся под управлением Австрии, Львов все больше превращался в литературный центр Малороссии.

Как в России, так и в Галиции, малороссийская проблема все более усугублялась развитием социализма и разрастанием политической пропаганды. Малороссы оказались вовлеченными не только в определенные отношения с российской административной машиной и с российскими тенденциями к централизации, но и в отношения с поляками и евреями. Ныне на Украине проживает более пяти миллионов евреев, культура которых отличается от культуры России, так что они составляют этнографическое и культурное целое. Если Костомаров смотрел на эту проблему с националистической точки зрения, находясь под влиянием национального панславистского движения, то Драгоманов, который в 1876 году был исключен из университета, в своих политических сочинениях восьмидесятых годов интерпретировал основные идеи костомаровской федерации в смысле автономии и самоуправления, пытаясь органически соединить эти идеи с требованиями умеренного социализма и демократического конституционализма. Это делалось без оглядки на научный вопрос о том, представляют ли малороссы особую национальность. Драгоманов не приветствовал идею политического сепаратизма, и в литературном соперничестве с Ламанским прямо противостоял сепаратистскому движению.

Здесь меня интересуют лишь факты исторического развития, и я не буду входить в подробное рассмотрение вопроса о том, достаточны ли имеющиеся языковые и другие различия для конституирования собственной письменности народа. История учит тому, что языки и народы различаются по совокупности многочисленных факторов, среди которых выдающееся место принадлежит факторам политическим. Когда обитатели определенной территории ощущают себя отдельной нацией и создают собственную национальную литературу,

то решающую роль в этом играет их воля, а не грамматика или лингвистические исследования*.

Революция (1905) принесла малороссам определенные свободы в вопросе публичного использования собственного языка, так как было разрешено издание малороссийских газет и т. д. Правительством, по крайней мере, была изменена программа, сформулированная в 1863 году министром Валуевым и утверждавшая, что малороссийской национальности «никогда не существовало, не существует и не будет существовать».

Определенную роль в данном вопросе играет религия. В Австрии малороссы являются униатами, а в России — православными. В Польше некоторые из малороссов — униаты.

Среди белорусов идея дифференциации возникла лишь в последнее время**.

§ 67

Поляки утратили свою политическую независимость намного позже, чем другие северные и южные славяне; поэтому национальное чувство поляков имеет специфически политическую окраску и ориентировано на восстановление польской государственности. Об этом свидетельствовали две революции, направленные против России, страны, в рамках которой проживает ныне большинство поляков***.

* Вне сомнения, словаки не имеют собственного языка, и тем не менее политические условия привели к сегрегации словацкого диалекта как литературного языка. В Германии некоторые диалекты настолько же отличаются от литературного языка, насколько отличается малороссийский язык от великорусского. В Германии не чинится никаких препятствий литературному культивированию диалектов, учителя в школах и чиновники при исполнении своих обязанностей в случае необходимости переходят на диалект. Конечно, трудно создавать собственный литературный язык и литературу в соперничестве с уже существующим и доступным литературным языком, однако, является сомнительным то, что языковое развитие россиян пойдет по законам лингвистической централизации Германии, Франции, Англии и пр. Как уже было сказано, это не только литературный вопрос, ибо решение его в первую очередь зависит от политических соображений.

Действительно, в настоящее время можно наблюдать у малороссов мощное стремление к дифференциации; нам приходилось слышать с великорусской стороны доводы относительно возможности такой дифференциации, поскольку именно это соответствует политическим интересам великороссов. Недавно был учрежден великорусский ежемесячник с целью защиты интересов малороссов.

** Численность белорусов составляет шесть миллионов.

*** Численность австрийских поляков составляет три с половиной миллиона, немецких поляков — три с четвертью, а российских — одиннадцать миллионов; из этих

Польская философия развивалась под влиянием немецкой посткантианской философии истории, в особенности Шеллинга и Гегеля, русская философия истории оказала на нее меньшее влияние. Польская проблема была сформулирована в ряде примечательных историко-философских и литературных трудов, и было бы очень интересно проделать сравнительное исследование их с другими историко-философскими системами славян. После революции 1830 года мессианизм, у истоков которого стоял Вронский (1776—1853), приобрел определенную политическую окраску у Мицкевича, утверждавшего, что на основе католицизма и с помощью Наполеона III Польша принесет спасение человечеству и себе самой. Его программа сначала была политической и сознательно милитаристской, но впоследствии обрела более отчетливую социальную форму. Красинский рекомендовал своим соотечественникам, жившим в эмиграции, пути внутренних реформ. Если Мицкевич выразил свою революционную программу в афоризме: «Единственным оружием раба является измена», то Красинский попытался преодолеть революционизм развитием религиозности. В отличие от русского православия и немецкого протестантизма, католицизм идеализировался польскими сторонниками мессианизма, которые воспринимали его так же мистически, как русскими идеализированное православие своей страны. Этот мистицизм оформился в систему Товянского (1799—1878), писателя, оказавшего большое влияние на Мицкевича и других.

Среди поляков славистика также вызвала к жизни в начале XIX века ученый панславизм. В 1816 году правительство Польского королевства издало указ о преподавании в польских университетах Варшавы и Вильны родственных славянских языков с целью поспособствовать решению польского вопроса.

У поляков панславизм всегда носил более абстрактную форму, чем у чехов, южных славян и русинов. Идея мессианизма пустила корни только у поляков и русских — у двух великих славянских наций, вторая из которых всегда была независимой, а у первой были свежи воспоминания о независимости. Однако между русским и польским мессианизмом имелось большое различие. Поляки стремились обеспечить спасение человечества с помощью и под практическим руководством французов, которые славянами не являлись, в то время как русские чувствовали в себе достаточно сил для самостоятельного выполнения этой миссии. Чехи (и словаки), сознавая незначительность собственных сил, но помышляя вместе с тем о всеобщем и могуще-

последних восемь миллионов проживают в Польском королевстве, и порядка трех миллионов — в Литве, Западной России и на юге России.

ственным славянстве, всегда были склонны уповать на помощь всего человечества и цивилизованного мира.

Поскольку сами они сосредоточились на территории Австро-Венгрии, в центре их внимания находились славяне, существующие в составе других государств. Хотя Коллар был теологом, он отказался от теократического идеала. Чехи как нация пережили Реформацию, но впоследствии были насильно обращены в католичество Римом с Австрией и потому оставались внутренне отчужденными от победившей церкви. Русские, поляки и южные славяне опирались на церковь, чехи же опирались на культуру.

Мицкевич во имя чувства и вдохновения осудил идеал общечеловеческой культуры, которого придерживались чехи. Следующее за Мицкевичем поколение, просвещенное опытом революции 1863 года и угасания в Европе интереса к польскому вопросу, вступило на путь образования и социальных реформ. Многие поляки верили в то, что наиболее действенная поддержка придет со стороны Австрии, от проводимой этой страной антирусской политики, но Мицкевич в своей «Импровизации» рекомендовал иную политику:

Его австриец уксусом поит,
Пруссак же желчью угощает,
А у креста распятого стоит
Свобода-мать — рыдает.
Вдруг мчится воин-московит,
С копьем на помощь поспешает,
Невинного пронзает сей глупец —
Кровь хлынула струей, конец.
Скорбя душой,
Покаялся герой.
Не ведал, что творит.
И Бог его простит.

Революция 1905 года и пожалование конституции сделали возможным для поляков и русских более тесный и непосредственный контакт в Думе, понимание общности национальных интересов и потребностей обеих сторон, а также нужды другой стороны.

§ 68

Как мы уже видели, русское национальное чувство развивалось независимо, исходя из своеобразных исторических и географических проблем, которые приходилось решать России во внутренних и внешних отношениях; славянам здесь уделялось очень мало внимания. Определенная религиозная близость су-

ществовала лишь в отношениях с православными болгарями и сербами. Правда, Крижанич выступил было перед русскими с проповедью своего панславизма, но Сибирь заставила его распротиться со своими политическими грезами. Только с развитием политической активности сербов и греков со стороны славян возник некоторый — хотя бы и совсем незначительный — политический интерес, ибо отношение русского правительства и царя к мятежным славянам и грекам оставалось легитимистским.

До некоторой степени панславистское движение пустило корни в среде франкмасонов. Существовала — конечно, тайно — ложа «Объединенных славян»; после 1825 года существовало также тайное общество, ставившее своей целью организацию федерации славянских республик, это общество было уничтожено во время процесса над декабристами. Некоторые декабристы также вынашивали панславистские идеалы, как, например, М. А. Фонвизин, но свою панславистскую программу Фонвизин замыслил уже после декабристского восстания, в сороковые годы, во время ссылки в Сибирь.

В правление Николая литературный панславизм поддерживался славистикой, начало которой в России можно отнести к XVIII веку. В этом смысле известная роль принадлежит немецкому историку Шлёцеру, обратившему внимание русских на славян главой о славянских апостолах в своем издании летописи Нестора.

Определенную роль сыграли и чешские слависты, прежде всего Добровский, в числе русских знакомых которого был Шишков (1813). Оказывали свое влияние и последователи Добровского в Праге, в особенности Коллар, который недостаточно разделял сферы поэзии, археологии и филологии. Чешско-русской общности в определенной мере способствовала русская кампания в Европе, во время которой русские армии промаршировали через земли Богемии. Молодые русские историки и филологи посетили Прагу, но в пятидесятых годах эти литературные отношения стали слабее. Труды Добровского и Шафарика мало что оставили для деятельности русских славистов в Праге*. Ганка установил тесные контакты со многими русскими, в том

* Первым русским славистом, устремившимся в славянские страны, был Кёппен (Köppen), сын русского иммигранта, приехавшего в Россию из Бранденбурга. Кёппен приезжал в Прагу в 1823 году. В 1837 и в последующие годы Прагу посетили другие известные слависты: Бодянский, Срезневский и Прейс и др. План пригласить в Россию Шафарика и Челаковского не осуществился. Первая кафедра славистики была учреждена в Москве в 1811 году, руководил ею историк Каченовский. В 1826 году Шишков, став министром просвещения, ввел в университетах и во вновь образованном педагогическом институте кафедры славистики, руководить которыми были поставлены вышеупомянутые русские слависты.

числе с графом Уваровым, православному клерикализму которого он льстил, утверждая, что Богемия получила христианство от Константинополя и в форме православия. Но эти панславистские выдумки не могли сохранить свое лицо в нарождающемся политическом движении, начинавшемся ныне под влиянием Запада в Австрии и Богемии. Место Коллара и Ганки было занято Палацким и Гавличком: демократия и либерализм оттеснили панславизм.

Официальная Россия была слишком консервативна и слишком православна для того, чтобы думать о панславизме. Шишкова, например, бесила даже мысль о том, чтобы писать на русском языке латинскими буквами, он сказал, что поступающих подобным образом русских нужно обезглавливать. Магницкий осудил Кёппена за его статью о Кирилле и Мефодии. План Кёппена пригласить троих чешских славистов — Шафарика, Целаковского и Ганку — был расстроен из-за опасений и безразличия правительства и академии наук. Как легитимист Николай I был отъявленным врагом панславизма.

В 1849 году Иван Аксаков был допрошен полицией и принужден давать письменные ответы на различные вопросы — особенно касательно природы славянофильства. На полях этих письменных ответов царь Николай сделал интересные пометки, выражающие крайнее неодобрение им панславистского движения и содержащие утверждение о том, что союз всех славян «приведет к разрушению России». Царю панславизм представлялся революционной программой, так как он видел, что союз славян осуществим только через мятеж против Богом данных монархов. В 1847 году было запрещено Кирилло-Мефодиевское общество Костомарова. Послание, изданное в это время Министерством просвещения, излагает истинно русскую программу, противопоставляя ее «чисто надуманному славянству», ввезенному в Россию из Богемии.

Эти или схожие с ними тенденции выражало большинство русских славистов. В качестве политических представителей этого движения я могу назвать историка Погодина (1800—1875) и историка литературы Шевырева (1806—1864).

В молодости Погодин был обуреваем романтическими идеями свободы, но со временем стал консерватором и реакционером в соответствии с программой уваровского официального национализма. В 1835 году Уваров назначил его профессором истории в Москве для защиты «исторического православия».

Шевырев, как и Погодин, был профессором истории литературы в Московском университете. Это был труженик, но педант и мыслитель слабый, вполне годившийся для приведения философии Шеллинга и учения немецких романтиков в согласие с уваровской про-

граммой. Гоголю он посоветовал посвятить свои литературные таланты описанию высшего света. Погодин же, будучи редактором, обращался со своими сотрудниками как русский помещик со своими крестьянами. Шевыреву мы обязаны часто цитируемой фразой: «Запад загнивает!» Для него западная цивилизация была отравой, а сам Запад — без пяти минут покойником, уже начинающим распространять вокруг себя трупный запах...

Когда панславистские наклонности демонстрируют подобные личности, то их панславизм является, собственно говоря, панрусизмом. Как правило, они помышляли лишь о союзе православных славян, а славян-католиков они предоставляли Западу. Погодин посетил Прагу в 1835 году и познакомился с Палацким, Шафариком и Ганкой, но отношения с ними ограничивались сферой науки.

Хотя Погодин и Шевырев называли себя славянофилами и дали своего рода грубый набросок учения Киреевского и Хомякова, этих реакционных шовинистов следует тем более радикально отличать от первых славянофилов, что слишком часто обе доктрины называют одним именем. Это название, как я показал, по праву принадлежит ранним славянофилам, основателям этого учения, позднейшие же ее представители скатились на путь Погодина.

Из-за своей излишней склонности искать в религии основы русской культуры славянофилы не смогли стать националистически или политически настроенными панславистами. «Без православия наша нация превращается во вздор», — сказал Кошелев, и это высказывание, при всей его резкости, хорошо выражает основное содержание мировоззрения славянофилов. Различие между славянофильством и политическим панславизмом хорошо показано Самариним в полемике (1875) с реакционными политическими взглядами генерала Фадеева, писавшим на военные темы и являвшимся другом недоброй памяти господина Черняева.

Отношение славянофилов к славянам определялось их теократическим мировоззрением. Во время своего путешествия за границу Хомяков посетил Прагу и познакомился с Ганкой. Славяне были ему дороги, но в первую очередь православные южные славяне. Аналогичные чувства испытывали и поздние славянофилы. Так, например, Иван Аксаков весьма критически отнесся к паломничеству чехов в Москву, подчеркивая религиозные различия*.

Впоследствии Ламанский предположил возможность раздела территории Богемии. Богемия, населенная либеральными чехами, дол-

* Аксаков осудил политические цели Ригера (Rieger) как полумеры сторонников абсолютного авторитета Папы римского.

жна была отойти к Германии, в то время как южная Моравия и Словакия должны были стать русскими. Но точно так же, как Бисмарк со своей протестантской точки зрения отверг идею союза с католической Австро-Германией, так и русские славянофилы и панслависты приходили в ужас от мысли об аннексировании либеральных славян-католиков.

Однако кое-кто из русских славянофилов и панславистов попытался показать, что чешские славяне стояли на одной доске с российскими и приписывали им причастность к православию на том основании, что чешская реформация имела место вследствие влияния, существовавшего в Богемии со времен славянских апостолов православия. Киреевский был первым, кто сформулировал эту историческую доктрину — откровенно ложную; впоследствии она была с большей тщательностью развита Гильфердингом: «Hus, seine Beziehung zur orthodoxen Kirche», 1871 («Гус, его отношение к православной церкви», издано в 1871 году); этой доктрины придерживаются и ныне, несмотря на обилие опровергающих ее свидетельств (*Palmov. Čeští bratři; [Пальмов. Моравские братья]*, 1904).

По отношению к православным южным славянам как славянофилы, так и панслависты, приняли иной подход, ибо здесь объединяющую роль играла религия и имелись старые связи. Более того, официальная Россия была противником Турции и представала в роли освободителя южных славян — завоевание Константинополя и воздвижение трехчастного креста на соборе Св. Софии превратилось в национальный идеал. Уже Екатерина II считала Константинополь столицей русско-греческого царства...

К полякам отношение и у славянофилов и у панславистов было всегда особенное. Русизм как православие всегда противопоставлялся полонизму как католицизму, и далее решающую роль играл скорее политический, нежели национальный фактор. Польша была давним политическим врагом, страной, которая после столетий вражды с Россией оказалась включенной в ее царство в качестве полунезависимой земли. Польский вопрос был преимущественно политическим также из-за раздела Польши на три части; вопрос раздела налагал свой отпечаток и на отношения с Австрией и Германией. Уже в конце XVIII столетия тайные общества вели антироссийскую политическую агитацию в Польше, а польские эмигранты — за ее пределами. Появление первого тайного общества в Варшаве датируется, кажется, 1796 годом. После 1815 года, когда Венский конгресс отдал большую часть Польши России, усилилась агитация со стороны этих обществ, а в это время Польша обладала собственной конституцией и была свободной Россией. Позже польские тайные общества обрели влия-

ние в рядах либеральных сил России; в контакте с польскими обществами находились русские тайные общества — прежде всего, декабристы. Ранее мы познакомились с полонофильской программой Пестеля, но и узнали также, что не все русские и не все декабристы разделяли взгляды Пестеля на польский вопрос.

Либералы всегда выражали симпатии по отношению к Польше. Прогрессивные русские писатели типа Полевого привлекали внимание к сочинениям Мицкевича и выступали за взаимосближение двух стран; Мицкевич же получил в Москве радушный прием. С другой стороны, кое-кто из поляков, к сожалению, выступил в качестве русских писателей на стороне официальной реакции 20—30-х годов. Упомяну о Булгарине и Сенковском (бароне Брамбеусе). Последний не только противостоял либерализму и западной философии, но и высказывался о своих соотечественниках в крайне оскорбительных выражениях.

Поляков и русских отделила друг от друга революция 1830 года, а большой размах конфискаций в Польше породил там чувство негодования*. Экономические различия между Россией и Польшей играли и продолжают играть огромную роль в отношении к польской проблеме. Польша была экономически более развитой, и русское мануфактурное производство пыталось защититься от польских конкурентов различными репрессивными мерами, связанными с коммуникациями, тарифами и пр.**

В пятидесятые и шестидесятые годы, когда славянофилы и западники формулировали собственные взгляды, польский вопрос живо обсуждался обеими сторонами. О точке зрения славянофилов (Самарина, Ивана Аксакова) уже говорилось. Что касается западников, то можно сослаться на Чичерина, защищавшего в 1859 году польскую политику Александра I и заявлявшего, что полякам должна быть возвращена их польская родина. Чичерин обратился к польскому вопросу и после 1863 года (это было в 1901 году, в ответ на сочинение Ренненкампа 1898 года «Письма по еврейскому и польскому вопросам»). Чичерин надеялся, что удовлетворительное разрешение польской проблемы повысит влияние России в славянском мире.

Восстание 1863 года вызвало среди русских либералов негативное отношение, ибо они страшились последствий, каковые могла бы

* В 1832—1835 годах собственность была конфискована у 2338 человек, а в 1835—1856 годах к ним прибавился еще 551 человек; стоимость конфискованных земель была оценена в 141 млн. франков.

** Гакстаузен сообщает, что он узнал, будто в Москве в 1843 году московская депутация сделала представление правительству с возражениями против полного присоединения Польши, протестуя против этого в интересах промышленности.

иметь антиреволюционная реакция для самой России. В этот период Герцену пришлось пострадать за свои симпатии к Польше. Консерваторы и реакционеры указывали на польское восстание как на оправдание общего усиления реакции. В это время главным выразителем идей русского национализма был Катков. Но в 1863 году Катков требовал лишь обрусения восточных частей Польши — тех, что некогда уже принадлежали России. В отношении Королевства Польского он просил лишь о совместном управлении армией и финансами, считая, что эта территория вполне могла бы быть независимой в национальном и языковом плане. По мнению Каткова, сложность польского вопроса была обусловлена единственно утопическим требованием крайних радикалов восстановить Польшу в границах 1772 года. Он готов был даже позволить польским священникам вести пропаганду, при условии если она идет от истинной убежденности.

Официальная политика обрусения поляков в делах просвещения и управления осуществлялась не сразу после восстания, а поэтапно, начиная с 1865 года. Правда, шаги в этом направлении предпринимались быстро, и к 1870 году система, можно сказать, была в полном рабочем порядке. Данная система, за изъяны которой приходилось расплачиваться русским, развернулась таким злостным образом, что и лучшие из чиновников и администраторов отказывались служить в Польше*.

В комплексе вопросов, представлявших русскую проблему, польский вопрос был одним из наиболее важных, поэтому он всегда вызывал особую озабоченность — и не только политиков и их партий, но и философов истории. Польский вопрос являет собой комплекс сложных проблем. Следует ли дать независимость внутри Российской империи исторической или этнографической Польше, и если да, то в какой форме и до какой степени? В этом вопросе столкнулись интересы и цели русских и поляков, малороссов, литовцев, белорусов и евреев. Социально и экономически острым вопросом является отношение польской промышленности к русской и существование аристократического крупного землевладения, особенно на непольских территориях. В культурном плане католицизм противостоит православию, а униаты составляют особую проблему. И в России, и в Польше еврейский вопрос крайне болезнен. И, наконец, встает вопрос об отношении к австрийской и прусской Польше, всепольская проблема вообще...

* В 1867 году бюрократии, действующей в Польше, были дарованы особые привилегии. Один год службы засчитывался за четыре, к жалованию добавлялась пятнадцатипроцентная надбавка, а право на пенсию приобреталось после пяти лет службы.

Именно на польском вопросе сломался русский панславизм.

Реакция при Александре II и тем более при Александре III со все возрастающей энергией пыталась осуществить официальную националистическую программу Уварова, в соответствии с которой все нерусские народы России — немцы, финны, литовцы, латыши и т. д. — должны были быть русифицированы, так же, как и мятежные поляки. Управленческий централизм, удобный и интеллектуально инертный, был преобразован в государственно привилегированный языковой аристократизм господствующей нации, вопрос языка непрестанно обострялся, прежде всего в прилегающих к Европе цивилизованных приграничных областях.

В Европе, особенно в германо-австрийской, польской и венгерской прессе, сильно преувеличивают значение русского панславизма. Необходимо помнить, что население России (европейское и азиатское) состоит из, по крайней мере, сорока восьми различных национальностей. Многие из населяющих ее народов даже не принадлежат к индоевропейской группе, а имеют своими предками финские, турецкие, монгольские и другие племена. Некоторые из этих народов очень многочисленны, например, финны, татары, киргизы и прежде всего евреи. Если скинуть со счета разрозненные болгарские поселения, то поляки окажутся единственным нерусским славянским народом, находящимся под русским владычеством, а отношение русских к полякам — *sui generis*¹⁴³. Малороссы еще не признаны в качестве самостоятельного народа, и следовательно, что касается самой России, то в ней не существует почвы для панславизма. Русские имеют давние религиозные связи с некоторыми из южных славян, но Россия не имеет границ с южными славянами. Вообще говоря, для России славянская граница (Польша и Малороссия) не обладает тем политическим значением, которое имеют границы с немцами, шведами и румынами, а в Азии границы и отношения с китайцами, японцами, турками и персами. Если при Николае I в качестве программы России был официально провозглашен паназиатизм, то мы должны признать, что эта программа более соответствует действительным отношениям, чем панславистская программа.

Конечно, панславистская программа существует, но всерьез ее воспринимает лишь горстка русских. Это доказывает фиаско, которое потерпел так называемый неославизм. Под этим названием несколько последних лет оживилось панславистское славянофильство, которое, однако, снова очень скоро сошло на нет*.

* На Западе все еще продолжают говорить о Славянском благотворительном обществе, хотя теперь о нем слышишь меньше, чем во время и после Русско-турецкой войны. Основанное в Москве Погодиным в 1858 году, оно называлось сначала Сла-

Угроза Европе или Германии с Австро-Венгрией исходит не от панславистского движения, а от того факта, что европейская и азиатская Россия имеет 170 млн. населения, которое в случае неблагоприятных для своего развития обстоятельств может превратиться в огромную военную и экономическую силу. За последние полвека население России, составлявшее в 1859 году 74 млн. человек, более чем удвоилось. Каким станет это численное соотношение в 1950 году и в конце XX века?

Согласно одному подсчету, к 2000 году численность населения, в млн. человек, составит: Венгрия — 30; Австрия — 54; Италия — 58; Франция — 64; Британские острова¹⁴⁴ — 145; Германия — 165; Европейская Россия — 400; Россия, включая ее азиатскую часть — 500; Соединенные Штаты — 1 млрд. 195 млн. чел.

Славянским благотворительным комитетом, а в 1877 году было преобразовано в Славянское благотворительное общество. В Петербурге, Киеве и Одессе были учреждены его отделения — соответственно в 1868, 1869 и 1870 годах. Главной целью Погодина при создании этого комитета было использование его в качестве орудия борьбы с римско-католической пропагандой на Балканах. Согласно сметам, опубликованным в 1868 и 1893 годах, поступления Общества за этот период составили 2 629 247 рублей. Из этой суммы 2 403 379 рублей были потрачены в славянских землях на Балканах на содержание церквей; 25 395 рублей пошли на школы; остальное было посвящено литературным и другим целям. Исторически это общество было аналогично Обществу Густава Адольфа, которое также клеймили католики-клерикалы как орган, учрежденный единственно для целей политической агитации. (Между 1832 годом, годом его основания, и 1884 годом Общество Густава Адольфа потратило 19 686 532 марки.) В последнее время Славянское благотворительное общество утратило всякое практическое значение. Предположения европейской прессы о том, что разглагольствования ее руководителей обладают политическим весом, совершенно ошибочны. Помимо того факта, что Общество численно незначительно, подобные Кирееву отставные генералы не обладают в России никаким влиянием. В России нет недостатка в генералах-пенсионерах и отставных офицерах низшего ранга, и порой они забавляют себя вылазками в сферу, величаемую ими славянской политикой. Вышеупомянутый Киреев в речи, произнесенной в 1893 году, заявил, что славянофильство спасет мир, избавит Европу от анархизма, парламентаризма, неверия и динамита. Необходимо, однако, делать различие между подобным славянофильством и славянофильством Киреевского. Первые славянофилы внутренне соединяли православие со страной и народом, в то время как Киреев сотоварищи действуют с оглядкой на самодержавие. После смерти Погодина председателем московского отделения Общества стал Иван Аксаков, который был, несомненно, выдающимся публицистом. Ему предлагали стать князем Болгарии, но он не был панславистом в строгом смысле слова. В настоящее время председателем московского отделения является генерал Череп-Спиридович, и, насколько мне известно, никто, кроме «Paris Cri d'Alarme», не принимает всерьез его политических взглядов. Пару лет назад в качестве противовеса реакционным обществам были основаны так называемые неославистские общества. Они ставили перед собой заведомо неполитические цели, проявляя интерес к славянской культуре. Однако сегодня о них мало что слышно.

Сохранится ли к тому времени Тройственный союз? Как бы там ни было, соотношение численности населения стран Тройственного союза, с одной стороны, и стран тройственной Антанты, с другой, будет куда менее благоприятным для первого, нежели ныне. Те, кто придает физической силе главную роль в национальной жизни, могут, утешиться или, наоборот, разутешиться, принимая во внимание эти соображения; естественно, не следует упускать из виду численный рост в Японии, Китае, Индии и т. д. и факт пробуждения азиатского сознания.

Вопрос о численности действительно должен учитываться. В 1789 году население Франции превысило по численности население любого другого европейского государства, и сила Франции в тот период отчасти объясняется этим обстоятельством. Численность населения, в млн. человек, составляла тогда: Франция — 26; Турция — 23; Австрия — 19; Британские острова — 15; Пруссия — 6; Польша — 9; европейская часть России — 20; азиатская Россия — 5.

В России рост населения был крайне быстрым. Ко времени смерти Петра I население насчитывало едва ли 15 млн. человек; в начале XIX века оно составляло 38 млн.; в 1900 году — 135 млн.; ныне* — 170 млн. человек.

В результате естественного прироста населения, происходит изменение относительной величины государств и наций. Франция, ранее великая держава, ныне стоит перед угрозой стать второразрядной страной, в то время как другие государства население которых увеличивается, становятся сильнее. Статистик-философ должен обратить внимание на проблему великих и малых наций и на их политические и национальные судьбы**.

* В 1913 году.

** В этой связи было бы интересно, ввиду связи со славянофильством Гакстгаузена, вспомнить о вкладе этого автора в славянскую философию истории. Чехи, говорил он, являются слишком малочисленным народом для того, чтобы играть заметную роль в политике. Их местом и задачей в славянской среде является посредничество. Поляки, как он полагал, не смогут образовать независимого государства, но они могут сохранить собственные национальные особенности. (Он считал к лучшему и то, что у немцев тоже не было единого государства. Что же касается русских, то их миссия в мире, говорил Гакстгаузен, состояла в посредничестве между Европой и Азией. Ценность панславизма он усматривал в выражении взаимных симпатий славян.)

§ 69

Славянофильский мессианизм не тождествен национал-шовинизму или национальному панславизму. Если мы хотим по-настоящему понять мессианское движение и выяснить его литературное происхождение, мы должны обратить наш взор вспять — на то время, когда славянофилы в своем московском кружке развивали собственные взгляды в противовес западникам. Это происходило во второй половине правления Александра I и на протяжении правления Николая I. В Европе и в России это была эпоха реставрации и послереволюционной реакции, эпоха сознательного возврата к до-революционным, а где это возможно, и к средневековым социальным институтам. Наиболее точное и радикальное выражение этой тенденции можно найти в романтической католизации, вылившейся в факт принятия католицизма не только правительствами, но и поэтами, философами, государственными деятелями и прежде всего многими протестантами в Германии и Англии. Хвалу католицизму возносили не только де Местр и другие французские консервативные философы, те же чувства выражали протестанты и новообращенные, такие люди, как Штольберг, Шлегель, Новалис (Новалис не стал католиком, но признавал католичество), Генц, Галлер, Мюллер, художник Овербек. В Англии число новообращенных было очень велико. Со стороны Рима уже предпринимались энергичные попытки распространения унии, направленные в основном на православные церкви.

Руссо попытался доказать, что цивилизация находилась в упадке. Уже при его жизни этот руссоизм — тоска по первоначальным, первозданным и, более того, варварским временам — получил широкое распространение, а после революции еще более укрепился. Ужасы Французской революции рассматривались как подтверждение его теории, и многие считали революцию результатом философии и ее воздействия. В этой связи представляли себе индейцев — детей природы в изображении Шатобриана и их многочисленных двойников в различных национальных литературах; вспоминали Фауста и его отрицание школьных истин; бунт Байрона против общества; анализ болезни века, осуществленный Мюссе...

Тезис Руссо получал подтверждение у историков и философов истории. Эволюция представлялась им в виде череды сменяющих друг друга ведущих народов и государств. Один народ сменяет другой на почетных местах; народы один за другим становятся во главе — затем лишь, чтобы в свою очередь сойти на нет. Античность предоставила нам примеры народов и их культур, переживающих упадок и гибнущих, покоренных и стертых с лица земли свежими и неразвра-

шенными варварами. В отношении позднего Средневековья указывают на падение Византии. Так думал Гердер и многие из его последователей — особенно романтики.

Социалистическое движение, которому вскоре предстояло осуществить организацию огромных рабочих масс, руководствовалось тем же представлением о падении всех ранее существовавших цивилизаций; ведущую роль в обществе и в развитии философии должен был взять на себя рабочий класс.

Историческое предпочтение исследований древнейших времен (археология во всех ее ответвлениях) становится всеобщим. Было реабилитировано Средневековье.

С этим бегством в темное прошлое ассоциировалось представление и убеждение в необходимости новых оснований для общества и философии; широкое распространение получило мнение, что здесь не обойтись без радикальных перемен. Со всем этим было сопряжено и противоположное убеждение — о том, что начинается совершенно новая эпоха и что прогресс должен стать продолжением этого реакционного исторического движения, спасающегося от настоящего в допотопном прошлом.

Философия в лице Юма и Канта показала потребность в новой философии и мировоззрении. Необходимость перемен, радикальных реформ осознавалась многими, хотя одни помышляли о реформах прогрессивных, а другие считали, что лучшей реформой будет возврат в прошлое.

Новая философия истории была направлена на критическое переосмысление потребностей постреволюционной эпохи и оказание определенного воздействия на будущее развитие.

В России интеллигенция принимала участие во всех этих европейских заботах и устремлениях; славянофилы — и в не меньшей степени западники! — вставали на сторону тех, кто требовал переворота. От Руссо, Гердера и многих других философов истории — в первую очередь тех, кто придерживался социалистических взглядов, — они узнали, что цивилизация, Европа, Запад шел к упадку. Россия не имела цивилизации, а по мнению Киреевского, в этом отсутствии состояло преимущество России, ибо русские являлись избранным народом, свежим и неиспорченным, обладающим нерастратченной энергией для выполнения культурной работы. Щербатов и Болтин уже привели доказательства того, что в моральной сфере русские превосходили французов. Та малая толика цивилизации, которой Петр заразил когда-то русских, не причинит вреда. К этому взгляду, в конце концов, пришел даже Чаадаев, великий почитатель Европы.

Анализ европеизированного русского Пушкиным подтверждает взгляды Руссо и Байрона; простая деревенская девушка и дочь казака становятся столпами общества; старое доброе время и его характер должны быть реабилитированы. Гоголь тоже указывает на ничтожность своих современников и призывает к возврату в прошлое. И последующие писатели, прежде всего Тургенев, воспевают мужика и сельскую жизнь...

Философы истории и историки доказывали, что роль лидера должна взять на себя нация, силы которой не были еще растратчены. Такой нацией, говорили русские, являемся мы. Правда, Гегель и прочие не считали, что германцы находились в упадке. Наоборот, именно от них они ожидали желанного спасения, в то время как романские народы, в частности французов, Гегель сбрасывал со счета. Разве не пророчил Гердер, великий немецкий философ, русским самое замечательное будущее? Разве не вторил ему Вольтер, этот оракул культурной Европы?

Конечно, уверовать в то, что русским предназначено толкать вперед колесницу истории только потому, что они варвары, было трудно. Кроме того, могли возникнуть сомнения относительно того, были ли русские на самом деле такими юными и свежими, как считалось; со времен Святого Владимира утекло много воды, и уже не так легко принималась аналогия с варварами-немцами и с римлянами-декадентами. И все-таки Гегель уже позволил предположить, что если Реформация должна была сделать немцев способными возглавить цивилизацию, то мы, русские, еще более годились для этой роли, ибо мы исповедовали более чистую форму христианства, в то время как философы, поэты, художники и политики отходили от протестантизма. Правда, эти люди обращались к католицизму; даже Александр I помышлял о помощи Папы; Чаадаев тоже возносил ему хвалу. Но Пушкин и Гоголь защищали старую православную Русь, и, между прочим, этому содействовал Уваров.

Разве не победила Россия Наполеона и разложившихся французов, показав тем самым собственную мощь? Не пользовалась ли Россия почетом и уважением повсюду в Европе? Ведь и сам Наполеон предвещал, что через пятьдесят лет Европа станет вотчиной казаков. Да, русский мужик был тем мессией, пришествия которого ожидал Руссо. В XVIII веке европейские писатели открыли для себя германскую народную поэзию и народное искусство, но в ту же эпоху происходило собирание старых русских народных песен и увидел свет эпос, получивший признание Европы («Слово о полку Игореве»).

Французские и немецкие социалисты показали, что социальные преобразования должны осуществлять массы, но немец Гакстаузен

недвусмысленно заявил, что в лице русского *мира* русские давно имели основу для проведения необходимых социальных реформ, и даже Маркс признал истинность этого утверждения¹⁴⁵.

Таким образом, русским оставалось решить лишь один практический вопрос: что делать с загнивающей Европой? Следует ли нам подавлять или спасать ее? «Мы спасем ее, — ибо мы истинные христиане и любим наших врагов; кроме того, нам не повредит европейский налет, мы даже усвоим внешние признаки европейской цивилизации и культуры. И, кроме того, так приятна на слух философия гуманности погибающей Европы...»

Не только Киреевский исповедовал идею гуманности, разделял ее и Хомяков, правда, в гораздо более националистическом ключе. Тот, кто вдохновляется национальным чувством, говорил Хомяков, противостоит всему индивидуально личностному, но не возражает против того, что имеет общечеловеческий смысл; русский, благодаря своим природным свойствам, особенно способен, не только признавать общечеловеческое, но он ощущает себя в качестве русского человеком; ему свойствен дар понимать особенности других наций. Хомяков признавал, что немцы открыли Шекспира, но сделать это они смогли потому, что сперва учились у других наций. Аналогичным образом учились у других и русские под руководством Петра I. Они восприняли иностранные черты, дабы превратить их в свои собственные; возвращаясь же к себе самим, они в еще большей степени, чем немцы, бывали способны понимать и себя и других. Славянофильство же обеспечит возможность наискорейшего возврата к себе. А если кому-то захочется представить эту славянофильскую кампанию как исключительный случай протеста против иностранщины, достаточно будет напомнить ему, как восставали против всего иноподобного Клопшток, Фихте и Шиллер (о Лессинге он не упомянул). Русские вполне подходили для роли вождей и спасителей человечества; европейские нации могут с готовностью последовать за Россией; русские полностью поймут их потребности. В интерпретации славянофильского мессианизма Достоевским, русская всечеловечность должна быть чем-то совсем иным, нежели вавилонское столпотворение. Только русский народ будет представителем, вождем и спасителем человечества — и, естественно, также и его господином, ибо Европа не должна забывать о том, что Россия является шестым континентом; и (как показывают недавно произведенные подсчеты) недалеко то время, когда она будет насчитывать в своем составе 500 млн. человек, а потом и свыше миллиарда.

В § 70

Теперь мы достаточно подготовлены, чтобы вынести окончательное суждение о природе и эволюции славянофильства. При вынесении такого суждения мы сможем дополнить его некоторыми подробностями, уточняющими наш взгляд.

Славянофильство является школой, а порой — более чем школой, а именно направлением, представленным группой мыслителей, которые вместе с тем разнятся между собой во многих более или менее существенных аспектах.

Самым выдающимся из теоретиков славянофильства является Киреевский; у него наиболее философский склад ума, его, хотя и довольно фрагментарную, философию религии и истории следует рассматривать в качестве основополагающего учения славянофилов.

В изложении Киреевского славянофильство представляет собой философию религии и истории, целиком возникающую из постреволуционных настроений Реставрации; теократия должна преодолеть и вытеснить собой угрозу революции. В этом Киреевский един с Чаадаевым, славянофил с западником, — и оба они тесно связаны с европейским мышлением; поэтому, если хотите, Киреевский не менее западник, чем Чаадаев.

И. Аксаков считал центральной идеей этого направления идею национальности, это повторил и В. Соловьев, сказавший, что «национальный элемент является наиболее важной составляющей славянофильского мышления — это элемент, которому подчинено все остальное, включая религию». Это суждение правильно лишь постольку, поскольку истинный русизм, главный элемент русской национальной идеи, состоит, согласно славянофилам, исключительно в подлинном православии.

Далее, важно то, что славянофилы (в этом состоял смысл высказываний Аксакова) должны не только объяснять русскую культуру, но и оправдывать и защищать ее; славянофилы — русофилы, патриоты. Можно согласиться с тем, что данный патриотизм в целом был оправдан перед лицом тех отрицаний, которые исходили от Чаадаева и радикальных западников. В этом смысле даже Герцен признавал, что славянофильство представляло собой реакцию «оскорбленного национального чувства» на исключительное иноземное влияние — хотя славянофильство и не было в этом полностью инстинктивным, как полагал Герцен. Более того, сказанное выше касается лишь философов — основателей славянофильства, коему определению соответствует, строго говоря, лишь Киреевский. Остальные же славянофилы

подавали в качестве исторической реальности то, что для Киреевского было не более чем идеалом; в их интерпретации философский и религиозный мессианизм превратился в политический империализм и национальный шовинизм. К ним по праву можно применить термин «москвобесие», пущенный в обиход после польского восстания.

Первые славянофилы знали и признавали ошибки России. В стихотворении, ходившем по России в рукописи (ибо его публикация была запрещена цензором), Хомяков обращался к «богоизбранной» России:

А на тебя, увь! как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Критика Киреевского и еще более Хомякова была направлена в равной мере и против допетровской, и против современной России, этого плода петровских реформ. Для Самарина двумя главными ошибками, двумя ужасными болезнями России были ростовщичество и формализм.

Петровские реформы не полностью отрицались всеми славянофилами. Киреевский осуждает деяния Петра I относительно более мягко, другие — острее. К. Аксаков был против всего сделанного Петром, а его брат Иван считал, что убийство Александра II было результатом и чуть ли не расплатой за петровские реформы. Если Хомяков был склонен ценить Москву как лабораторию западной мысли, то эмоциональное отношение И. Аксакова к столице, основанной Петром, было уже совершенно националистическим. Широко известно его письмо к Страхову (1863), в котором он заявляет, что в Петербурге не может издаваться ни один народный журнал, ибо первым условием свободного национального чувства является полнокровная и всепроникающая ненависть к Петербургу. Для Ивана Аксакова Петербург вместе с Западом казались происками Сатаны. Но всегда были славянофилы, которые одобряли петровские реформы или, как, например Ламанский, считали их органичным продолжением эволюции Московского царства. Если национализм Ивана Аксакова вызывает у нас резкое возражение, то последующие славянофилы достойны еще большего осуждения. У них философия истории все в большей мере подменяется откровенно поверхностным интересом к текущей поли-

тике; философия религии вытесняется официальным клерикализмом; а стремление к религиозности подменяется проводимой Святейшим Синодом политикой религиозного обрусения. В той степени, в какой славянофилы считали, что основы любой культуры заложены в религии и церкви, националистический базис не был для них принципиальным. Здесь Данилевский расходится с первыми славянофилами, поскольку в его мировоззрении идее национальности придается гораздо больше значимости и самостоятельности. Киреевский и Хомяков понимают церковь во всеобщем смысле, но оба, особенно последний, проявляют склонность идентифицировать православную вселенскую церковь с русской национальной и государственной церковью. Говоря о важности для россиян ритуалов, некоторые из них, например Шишков, придают мистически большое значение церковно-славянскому языку; другие же, как К. Аксаков, впадают в мистическое благоговенье перед русским языком, называя его самым прекрасным и независимым из всех языков. Аналогичным образом в теоретико-философской области широкая религиозно-историческая программа Киреевского оказывается суженной до программы Уварова; после 1863 года, после польского восстания, победа Уварова над Киреевским стала решающей.

В борьбе за религию основатели славянофильства отворачиваются от новой философии, но и здесь мы не можем говорить об абсолютном отрицании западного мышления. Отрицание западных религий, католицизма и протестантизма, равно как и порожденной ими философии, делалось с определенными оговорками. Католицизм и протестантизм порицались лишь за односторонность, а некоторые из немецких философских систем (в частности, философия Шеллинга) были восприняты. Православие в идеализированном виде подавалось как мерило мысли и действия. Внутри православия главенствующая роль была отдана восточному и русскому мистицизму, а сам рационализм отвергался. Киреевский не доверяет разуму, еще сильнее это недоверие у Хомякова и Самарина. Самарин считает рационализм аналогом абсолютизма. У рационалиста, говорит он, все подчинено правилам и нормам; традиции и личное вдохновение оказываются подавленными; от этого самодержавного правления разума происходит общая апатия. Время от времени, однако, возникают сомнения относительно правоты подобной логики. Однажды Хомяков написал Самарину, что если Грановский не идет рука об руку со славянофилами, то это вполне готов делать Загоскин, что доказывает тот факт, что славянофильство является вопросом не разума, а инстинкта.

Из этого логически вытекала высокая оценка пассивных христианских добродетелей; даже страдание было благом; в качестве выс-

шей христианской добродетели православного русского выставлялась примирительная, терпеливая благочестивая покорность, смысл русского «смирения» невозможно передать одним словом.

Вполне в духе западной реставрации и по ее образцу надежной основой антиреволюционного абсолютизма служило учение об откровении и традиции. Религиозный иррационализм сознательно противопоставлялся философскому рационализму. Именно поэтому славянофилы отвернулись от гегелевской философии, культивируемой западниками, и взяли за основу своего учения Шеллинга, Баадера и французских философов Реставрации. Хомяков выступил против исторического релятивизма и с этой точки зрения подверг критике положение Гегеля о действительности разумного и разумности действительного.

Славянофильские концепции истории были вдохновлены романтическим бегством из настоящего в прошлое.

В практической сфере славянофилы были ориентированы на теократию. Государство подчинено церкви точно так же, как природное и человеческое совершенно подчинено божественному.

Первоначальное славянофильство было полностью неполитическим. Об этом прямо заявляли сами славянофилы (Хомяков), а западники (Кавелин) указывали на это как на принципиальную позицию славянофилов.

Естественно, что, исходя из своей теократической точки зрения славянофилы презирали государство или, по крайней мере, отводили ему второстепенную роль. Они пытались оправдать свою неполитическую программу ссылкой на прирожденные качества русского народа. Аполитичность была естественным свойством русского народа; русские не имели стремления к господству и предпочитали предоставлять осуществление государственной власти иностранному европейскому правлению. На этот счет у Константина Аксакова изобретена и разработана целая государственно-правовая система.

Оппоненты славянофильства склонны утверждать, что во взглядах этих авторов имеется налет анархизма, но это утверждение мало что прибавляет к сказанному.

Русский абсолютизм того времени многих людей склонял и обрекал на аполитичные позиции; теократический идеал славянофильства был бегством от теократической действительности. Аполитичность зачастую означала наличие ярко выраженных политических убеждений, во всяком случае, консервативных, и это в значительной степени относилось к большинству славянофилов, которые, будучи уважаемыми аристократами и крупными землевладельцами, в поли-

тике были ультраконсерваторами. Принимая царизм как наличную форму самодержавия, они довольствовались его идеализацией, а осуществления желанных им реформ ждали сверху, а не снизу. Для себя, для своего сословия они желали ряда радикальных реформ, в частности, свободы печати и созыва земского собрания (в котором им конечно предстояло играть ведущую роль). Земское собрание, задуманное по образцу земских соборов прежних времен, не должно было быть законодательным органом, ибо К. Аксаков и Самарин, в полном соответствии с учением Киреевского, протестовали против конституционализма. В этом отношении славянофилы были более логичны и консервативны, чем современные им либералы-католики, Токвиль и Монталамбер. В любом случае Самарин не одобрял их политики и в своем отношении к конституционализму больше соглашался с Николаем I, который, как известно, «мог понять» республиканство и абсолютную монархию, но «не мог понять» конституционной монархии. Эту форму правления он рассматривал как пользующуюся дурной репутацией. В сфере политики славянофилы не выходили за рамки абсолютистской патриархальности, и с точки зрения этой аграрной патриархальности и патримониализма славянофилы, как и почти все аристократы, были противниками бюрократии.

Вместе с признанием церкви и ее традиции в качестве верховного авторитета и подчеркиванием значения католичества — индивидуализм последовательно и резко отвергался во всех сферах. Вместе с индивидуализмом отрицался европейский либерализм, а вместе с либерализмом — европейский конституционализм. Правда, славянофилы признавали необходимость реформ, но только «внутренних» реформ. Поэтому они были решительными противниками политической революции. Им, как и многим монархистам и легитимистам, казалось, что Россия была в принципе против революции, будучи не просто ее оппонентом, но неким исторически данным позитивным воплощением неприятия любой возможной революции. Тютчев, самый известный из поэтов-славянофилов, в стихах, опубликованных в 1848 году и озаглавленных «Россия и революция», противопоставил Россию как истинно христианскую и, собственно, единственно христианскую страну — революции, антихристу. И. Аксаков проклинал революцию не только в ее нигилистических проявлениях, но и в обличье либерализма и конституционализма.

Царь Николай и его правительство не питали любви к славянофилам, несмотря на их враждебность к революции и их аполитичную программу. Журнал Киреевского был запрещен. Хомякову в 1854 году из-за его стихотворения «К России» было запрещено издаваться,

а в последнее время были посмертно запрещены его сочинения и исследования, касающиеся русской церкви. Оба Аксакова имели осложнения с цензурой и другими властями. Вообще, первые славянофилы были официально уравнены в политическом отношении с западниками. Только в правление Александра II славянофилы получили относительную свободу. В 1855 году К. Аксаков потребовал от царя свободы печати и созыва Земского собора.

В борьбе с разрушительным индивидуализмом и субъективизмом, которыми наводнил Европу Штирнер, Хомяков не довольствовался только взыванием к церковному католичеству. В свойственной ему специфической манере он поддержал религиозно-философские рассуждения аргументом, взятым из аграрной сферы. Сельское хозяйство, говорил он, служит защитой от индивидуализма. Оно есть хранилище «истинного консерватизма» и демократии. Германскому воину и воинственному государству-завоевателю он противопоставил русское государство крестьян и крупных помещиков. Русский помещик был тоже аристократом, но аристократом совсем иного рода, чем западный аристократ: русское дворянство демократично и связано с крестьянством узами христианской любви. Еще дальше пошел Самарин, указывая, что в Европе главным оплотом консерватизма была аристократия, в то время как в России обиталищем консерватизма была «черная» крестьянская изба.

Теократическая позиция не давала славянофилам возможности выработать достаточно конкретную оценку различным социальным силам. Предпочитая иметь дело с абстрактным понятием народа, они не смогли достичь ясного понимания социально-экономического положения России.

Верно то, что славянофилы испытывали острую заинтересованность в крестьянине и его освобождении. Интерес к этому вопросу был таким сильным и повсеместным, что славянофильские «мессии» не могли обойти его стороной. Большинство славянофилов выступало за освобождение крестьянства, но лишь очень немногие из них понимали это освобождение в смысле истинной свободы. Киреевский не обсуждал вопрос освобождения ни в одном из своих публичных выступлений, но упоминал о нем в письмах. Хомяков не раз писал на эту тему. После Крымской войны Самарин, выступая за отмену крепостничества, поставил диагноз: «Мы потерпели поражение не вследствие нашего внутреннего бессилия, а от внешней силы западного союза». Когда с восхождением на трон Александра II стало возможно публичное обсуждение этого вопроса, славянофильское издание «Русская беседа», выходявшее в 1856—1860 годах, опубликова-

ло в 1885 и 1859 годах приложение под редакцией Кошелева, озаглавленное «Сельское благоустройство».

Славянофильство с его религиозным квиетизмом, представлением о политическом и социальном устройстве и братанием со старорусскими социальными институтами не позволило философским основателям этого учения осознать социальную значимость освобождения крестьянства. Хомяков и Иван Аксаков, как и Киреевский, не желали слышать ни слова из английской политической экономии. Аксаков, желая поддерживать истинно русский дух благотворительности, хотел с этой целью сохранять существование бедных. С его точки зрения, западная система помощи бедным была лишь политико-экономической, но вовсе не нравственной; если бы его попросили привести пример практичного человека, являющегося к тому же хорошим политэкономом, он бы назвал Иуду*.

Реакционная партия, состоявшая из протестующих против освобождения крестьянства дворян, воспользовалась случаем для того, чтобы в своей газете «Весть» осудить славянофилов как русских сенсимонистов. Это было грубое преувеличение, ибо славянофилы энергично противостояли социализму как антирусскому явлению. Хомяков сотоварищи противопоставляли социализму русский *мир* и русскую артель, но эти институты понимались ими как этически-религиозные, а не социально-экономические. В *мире* они видели средство избежать пролетаризации масс и поэтому в противовес французскому социализму основывали на нем свои аграрные упования на спокойное развитие России. Для славянофилов *мир* был созданным христианской любовью фундаментом социального устройства всего русского народа, выступающего тем самым в виде огромной семьи под патриархальным руководством царя. Но это не дает нам права говорить о славянофилах как о «христианских социалистах».

* Историк освобождения крестьян Семевский сообщает, что в имениях Хомякова положение крестьян, вопреки теориям их хозяина, было хуже, чем во владениях его соседей. В 1851 году Кошелев сообщил, что Хомяков выступал за покупку крепостных с целью создания поселений (сам Кошелев был против купли-продажи). В 1861 году Достоевский упрекал И. Аксакова за некритичное приукрашивание взаимоотношений крепостного и помещика в интересах помещика. Вот что писал Кошелев Киреевскому в 1852 году: «Я не могу понять, дорогой мой друг Киреевский, как ты, христианин, не приходишь в ужас от того, что у тебя в рабстве находятся люди». Но квиетистская пассивность Киреевского позволяла ему с легкостью мириться с наличием института крепостничества. В 1847 году, когда его сестра захотела освободить своих крестьян, он отговорил ее от этого шага. В дискуссии с Кошелевым он говорил, что если крестьянам давать землю, то им не следует давать пять десятин, а только одну: «Это станет для крестьянина достаточно хорошей поддержкой, но одновременно заставит его искать дополнительную работу; если же такой необходимости перед ним не возникнет, все помещичьи земли останутся необработанными».

В этой идеализации *мира* славянофилы пользовались поддержкой Гакстгаузена, который в тот момент изучал русские аграрные условия непосредственно на месте*.

Вообще говоря, славянофилы были приверженцами и руссоистской идеализации сельского быта. Киреевский презирал города и городскую цивилизацию, резко противопоставляя европейской цивилизации старорусскую православную религиозную культуру и говоря о последней как о специфически сельской. Киреевский также с неудовольствием относился к развитию промышленности, поддерживаемой государством, и его последователи сохранили верность этому взгляду. Индустриализация Москвы, центра славянофильства, в рассматриваемую эпоху шла вперед семимильными шагами. Гакстгаузен, немецкий славянофил, признал, что город дворян уже превращался в промышленный город, и от его внимания не ускользнуло то, что процесс индустриализации шел вперед благодаря самим дворянам**.

Писемский и другие с полным основанием упрекали славянофилов в том, что они не знали народ, крестьянство по-настоящему и что в своих изысканиях они не поднялись над уровнем «религиозно-лингвистического сентиментализма».

Славянофилы уже заметили классовую организацию общества и могли многое узнать от французских историков и социалистов о классовой борьбе. Однако, они были не в состоянии осознать факт наличия в России классов и классовой борьбы, довольствуясь туманно-однородным понятием «Земли». Эта их неспособность отчасти коренилась в научной сфере, ибо их не обошла стороной тенденция упрощенчества, неизменно характеризующая начальные стадии социологического исследования.

Славянофильство как общая тенденция, основанная на философии истории, было тесно связано с общелитературным движением. Киреевский был историком литературы, а его брат приобрел заслуженную славу собирателя народных песен. И другие славянофилы

* В своем третьем томе Гакстгаузен ссылается на свои отношения со славянофилами («Молодой Россией»), выражая согласие с их взглядами. С особым восторгом говорит он о Константине Аксакове («один из наиболее талантливых людей из тех, с кем мне пришлось познакомиться в России»). Он встречался также с Киреевским, Хомяковым, Самариним и др., а также с Чаадаевым и представителями западничества (например, с Грановским). Согласно Герцену, именно от Константина Аксакова позаимствовал он свое мнение о значении *мира* и артели.

** Шульце-Геверниц далее развивает мысль Гакстгаузена, показывая, как славянофилы фактически способствовали индустриализации в Москве и в России своим романтическим прославлением сельской жизни и развязанной ими кампанией против экономического индивидуализма — тем, что настаивали на независимости России от Европы и т. п.

много сделали для углубленного исследования народной поэзии, Тургенев считает, что как художники и поэты славянофилы так и не создали ничего поистине долговечного, так как их подход к действительности не был достаточно свободным. Это верно.

Во время войны с Наполеоном патриотическая тенденция находила выход в стихах. Писатели этой школы погружались в русское прошлое, и ярким примером тому было творчество Сергея Аксакова. Эти тенденции укрепляли славянофильское движение (в числе основателей славянофильства были сыновья Сергея), но их нельзя было считать определенно славянофильскими.

В молодости Сергей Аксаков много читал об идеалах Новикова и попытался гармонично соединить их с идеалами Шишкова. Появление в «Европейце» статьи Киреевского «Девятнадцатый век» стоило Аксакову его должности цензора. Дружба с Гоголем его не ослепляла — он не мог безоговорочно принять его религиозный мистицизм. Сыновья Аксакова не были столь же непродубежденными в том, что касалось Гоголя. Константин сравнивал Гоголя с Гомером и ставил его выше всех европейских писателей. Белинский, почитатель Гоголя как художника в литературе, счел необходимым отмежеваться от его взглядов. А в конце концов на пушкинском фестивале 1880 года Иван Аксаков назвал Пушкина величайшим из истинно русских поэтов. Ранее славянофилы отдавали это место Гоголю.

Но Гоголь не был славянофилом, не был им и Островский. С московскими славянофилами их связывала скорее личная дружба, чем учение. Тютчев же, равно как и Языков, может быть причислен к славянофилам. Хомяков и двое младших Аксаковых выражали свои мысли не непосредственно, а в философских стихах и драмах. У Аполлона Майкова была выраженная склонность к классике; в его произведениях слишком много греко-римских элементов для того, чтобы он мог считаться поэтом-славянофилом. И тем не менее он испытал соблазн славянофильским русско-византийским мировоззрением со свойственной ему противоречивостью (см. его поэму «Два мира»), вдохновившим его на странные aberrации типа апофеоза Ивану Грозному. Схожие литературные связи со славянофилами (Константином Аксаковым) имела Кохановская (1825—1884), отражавшая в своих романах идеи славянофилов.

Достоевский был последним из тех, кто попал под влияние идей Киреевского и других славянофилов. Он мог бы сам называться славянофилом, если бы признал в качестве принципов славянофильства религиозный мессианизм и философско-историческое мировоззрение. Но Достоевский самостоятельно развивал свои взгляды на религию и церковь, идя отличным от славянофилов путем. Если выра-

зяться парадоксально, то Достоевский был слишком славянофилом для того, чтобы числиться среди славянофилов — в нем нет ничего от того старославянского чувства, которое Хомяков и Иван Аксаков соединяли с религиозной философией Киреевского.

Первоначальное, раннее славянофильство представляло собой разновидность старорусской тенденции, выраженной уже Болтиным, Щербатовым и Шишковым. В философском плане славянофилы ушли дальше, достигли более глубокого понимания проблемы «Россия—Европа», в чем им помогла немецкая философия, но и не только она — все европейское мышление, которое в результате кровавого опыта революции и контрреволюции было поставлено перед выбором между старым и новым режимами. Россия была настолько европеизирована и, с петровских времен, так тесно связана с системой европейских государств, что с конца XVIII века влияние Европы крайне усилилось, оказавшись тем более сильным, что России в ходе ее внутреннего развития пришлось столкнуться с теми же трудностями и разрешать те же проблемы, что и Европе.

С точки зрения истории литературы славянофильство представляет собой явление, схожее с романтической реставрацией в Европе в его отражении в искусстве и прежде всего в поэзии, а также философии и теологии, истории, юриспруденции и политике. Хотя славянофильство было порождением условий России, это движение все же было во многом европейским и не менее, чем противоположное ему западничество, испытывало на себе европейское влияние. Оружие против западничества дала славянофилам западная философия. Гегель, Фейербах, Штирнер, Фурье, Сен-Симон и многие другие были европейцами — так же, как Шеллинг, Баадер, де Местр, де Бональд и Гёррес.

Славянофильство было философской попыткой обновить теократию. Осмысленное философски, славянофильство было первой сознательно разработанной философией религии и философией истории.

Научная слабость славянофильства зависела от зыбкости его основания, от неадекватности его эпистемологической критики. Достичь философской цели с помощью изменчивой философии Шеллинга было невозможно. При посредстве Шеллинга и Баадера эффективно противодействовать Гегелю, левогегельянству и материализму, не говоря уже о том, чтобы опровергнуть их, было невозможно. Еще менее мог здесь помочь Иоанн Дамаскин.

Столь же неадекватны исторические и национально-экономические основы и цели славянофильства, хотя отчасти это можно объяснить недостаточностью русских исторических исследований того периода. Именно вследствие этой недостаточности прошлое и, есте-

ственно, настоящее получало неверное освещение; поэтому в области философии истории славянофильские построения были столь произвольны.

О неадекватности славянофильской философии истории можно судить по тем выводам, которые сделали славянофилы, исходя из якобы миролюбивого приглашения варягов. Хотя необходимые исторические подтверждения подлинности этого приглашения отсутствуют, тем не менее оно послужило у них основанием для суждений не только о природе древнерусского государства, но и о древних русских вообще*.

Скудость исторических исследований в этот период отчасти объясняет также политические ошибки славянофилов; их предпочтение царского самодержавия. Карамзин окружил московских царей ореолом святости, и именно у него черпали первые славянофилы свои знания о русской истории.

Славянофильские идеи разрабатывались в связи с теологической доктриной и теологической историей церкви. Было бы интересно сравнить славянофильскую философию истории с философией истории католического историка Янсена. На основе схожей теологической доктрины и тут и там поразительно схожим образом выводится развитие христианского общества. Также сопоставим со взглядами ранних славянофилов религиозный национализм Лагарда. В новейшее время Тённис развивает «славянофильское» воззрение благодаря тому, что он критикует развитие общества с точки зрения этического идеала общности, отвергая его как механическое.

Эти историко-философские теории характеризуют славянофильскую систему как схоластическую, ибо ее авторам следовало по крайней мере попытаться представить доказательства своих основных положений. Этот схоластический оттенок неприятно поражает уже в Хомякове, у поздних же славянофилов он приобретает прямо таки отталкивающий вид, так как развивается безо всякой оглядки на те истины, которые уже были установлены с момента, когда впервые было сформулировано это учение. Горький был не совсем не прав, утверждая, что славянофилы (народники и Достоевский) демонстрируют единство таланта с поистине восточной рассеянностью и татарской хитростью.

В теоретическом плане данная философия религии и ее эпистемологическая основа не выдерживают никакой критики.

* В недавнее время привлекло к себе внимание параллельное событие, зафиксированное летописцем Widukind, сообщающим о том, что германские англо-саксы были подобным же образом приглашены в Англию германскими британцами.

Слабость данной системы облегчила последующую трансформацию славянофильства в националистическую политическую систему, причем не просто консервативную, но прямо реакционную. На место славянофильской философии истории встал политический славизм, а на место славянофильской философии религии — церковная политика Синода. Неадекватные, но примечательные философские очерки Киреевского и Хомякова были подменены политическими трактатами и бессистемными сочинениями, демонстрирующими приложимость академической славистики к политическим целям; последняя доктрина продолжает и по сей день влачить свое недостойное существование.

Перу некоторых из профессоров-славянофилов принадлежат несомненно важные исторические и славистские труды, но философских последователей Киреевского среди них так и не появилось*.

Влияние, оказываемое учением славянофилов, было сильным и стойким. Оно распространялось не только на общеполитическое представление о русской цивилизации и истории и об их интеллектуальной ценности, но и внушало чувство воодушевления, что можно приписать личному влиянию основателей славянофильства — ибо Киреевский, Константин Аксаков и Хомяков были очень уважаемыми людьми с характером. Претерпев многообразные видоизменения, общее мировоззрение и некоторые частные учения славянофилов сохраняются и по сей день; еще и сегодня славянофильство действует также благодаря сопротивлению, к которому побуждает его учение. По мнению Милюкова, развитие славянофильства представляло собой скорее упадок, чем преобразование, ибо он считает, что философские и националистические составляющие этого учения, объединенные в нераздельное целое основателями данной системы, отделились одна от другой и начали обособленное развитие. Примерами такого независимого и одностороннего развития являются, по мнению Милюкова, ультранационализм Леонтьева и философия Соловьева, но нечто

* Здесь не место перечислять по именам всех поздних славянофилов, достаточно будет назвать людей, обладающих европейской известностью. Мы уже упоминали о Кошелеве, энергичном и культурном публицисте. Беляев был заслуженным историком, работы которого были посвящены русскому праву, миру и крестьянству. Гильфердинг был славистом и историком, находился под влиянием Хомякова. К слависту Ламанскому с большой враждебностью относились в Австрии, но это было незаслуженно, ибо Ламанский не являлся рупором правительства — в отличие от своих учеников и многих современных ему славянофилов, а характер его вызывал уважение у его либеральных оппонентов. Славист Будилович отстаивал панрусизм (см. его «Литературное единство славян», 1879, на нем. языке). Историк К. Бестужев-Рюмин был с 1878 по 1882 год президентом Петербургского славянского благотворительного общества. Историк униатских церквей в России Коялович написал сочинение о русском самосознании, как оно преподносится в историографии.

подобное, говорит он, уже заявляло о себе работами Данилевского и Григорьева. Данное суждение имеет под собой определенные основания. Важно, однако, то, что славянофильское течение, попытки создания славянофилами собственного философского мировоззрения, стремление дать собственную оценку России и Европы продолжают влиять на современное мышление. Жизнестойкость этой доктрины объясняется сохранением тех условий, которые и породили славянофильство.

В сороковые годы и в последующие десятилетия под влиянием славянофильства находились и западники. Мы уже видели, что Чаадаев в последние годы жизни сблизился со славянофилами. В славянофильстве и в общении со славянофилами черпали свою веру в Россию и ее социальную миссию Белинский и Герцен, Бакунин и первые русские социалисты, в частности Чернышевский. Радикальные западники так же, как и славянофилы, превозносили *мир* и артель в качестве исконно русских и славянских институтов. Больше чем только намеком на анархизм стала для Бакунина славянофильская критика государства. Народничество тоже частично выводимо из славянофильства, хотя и не напрямую (через Герцена); русский марксизм в момент зарождения испытал на себе воздействие народничества.

Но когда мы говорим о взаимоотношениях западников и славянофилов, мы должны иметь в виду, что одного только согласия в определенных деталях, каким бы важным оно ни было, недостаточно. Пожалуй, более значительным является взаимное стимулирование, оказываемое одной доктриной на другую в ходе полемики о философских основах обоих учений. У Белинского и в еще большей степени у Герцена и Ивана Тургенева мы видим, как славянофильство толкало западников на противостояние.

С точки зрения метафизического материализма, можно понять, почему Чернышевский считал Киреевского мечтателем, а не философом, и смотрел на Писарева как на Дон Кихота, но эти суждения односторонни. Аналогичным образом Плеханов, со своей марксистской позиции, объявляет симпатии к славянофильской теории предательства дела прогресса — даже если это непреднамеренное, неосознанное предательство — и пытается поставить ранних славянофилов на одну доску с Погодиным. Но это неправильно; взгляды и образ мысли Киреевского и Хомякова в основе своей совершенно иные, чем у Погодина.

То же можно сказать и о Леонтьеве: хотя он отталкивается от славянофилов, мы не можем считать их полностью ответственными за его взгляды.

это понятие используется в *более узком* смысле, обозначая теории и тенденции, сформулированные в ходе литературной дискуссии со славянофилами.

Расхождения между западничеством и славянофильством сначала не были очевидными, как не были они и одинаково резкими по всем вопросам. Славянофилы были единодушны с западниками в признании того, что между Россией и Западом существуют огромные культурные различия; оба лагеря соглашались во мнении, что русским надо бы поучиться у Запада. Расхождения между двумя направлениями начинались с ответа на вопрос о том, имел ли Петр I перед собой, как выражался Чаадаев, «не что иное, как чистый лист бумаги» — имелись ли у России собственные, ценные элементы культуры, которые желательно было сохранять и культивировать наряду с европейскими. Ответ западников на великий историко-философский вопрос относительно смысла, ценности и направленности развития России отличался от ответа, даваемого славянофилами. Не все западники одинаково отвечали на этот главный вопрос и отдельные, содержащиеся в нем, вопросы. По многим позициям западники соглашались со славянофилами и преследовали те же цели. Не случайно члены обоих лагерей вначале составляли единый кружок и черпали пищу для размышлений из одного и того же европейского источника. Правда, дружба эта продолжалась недолго, и вскоре общий кружок разделился на два лагеря, часто довольно враждебные. Уже в 1841 году Белинский был обвинен Шевыревым в недостатке патриотизма. Языков, шурин Хомякова, писал стихи, содержащие обвинения западников в ереси, что породило атмосферу враждебности. Он называл Чаадаева отступником, Грановского совратителем молодежи, Герцена лакеем в западной ливрее. В 1845 году Грановский навсегда разорвал отношения с Аксаковым и Самариным, хотя Аксаков не одобрял тех, кто, подобно Языкову, считал себя «славянскими жандармами во имя Иисуса Христа». Годом позже разрыв произошел также между Герценом и Грановским.

Как я уже отметил выше, Европа включала в себя не только Гегеля с Прудоном, но и де Местра с мадам де Сталь. В Европе русские могли набираться не только прогрессивных, но и реакционных идей, учась не только у революции, но и у реакции. За революцией в Европе последовала мощная реакция. Европа также была и остается расколота на Европу прогрессивную, демократическую и Европу консервативную, аристократическую. Оценивая западничество и славянофильство как направления, а также составляя мнение об отдельных представителях этих направлений, мы должны иметь в виду это главное различие, как и различия между отдельными учениями их

систем. Зачастую оказывается совсем не просто классифицировать мыслителя, решить, куда его причислить — к западникам или к славянофилам. Если о Киреевском, например, можно с определенностью утверждать, что он всегда, собственно, был западником; то Чаадаев, хотя и был типичным западником, очень консервативен.

Между конкретными западниками, равно как и между конкретными славянофилами, имеются яркие различия.

Наиболее важные различия между западниками и славянофилами были связаны с церковно-религиозными и метафизическими вопросами. Но и здесь можно констатировать разнообразные переходные стадии и точки пересечения. Сами западники считали, что наиболее глубинные причины расхождения индивидуальных позиций и направлений лежат в различии взглядов на церковно-религиозные и метафизические проблемы.

Западничество XVIII и начала XIX веков было «просветительским». В нем содержались элементы рационализма, свойственного немецкой философии эпохи Просвещения; многие из его представителей имели большую или меньшую склонность к вольтерьянству. Они обладали скептическим складом ума. Ставя себя выше мужицких суеверий, они на деле были равнодушны к вопросам религии, хотя вслед за Вольтером считали необходимым по политическим соображениям существование официальной религии. Некоторые, однако, в вопросах религии были последователями не Вольтера, а Руссо. К таковым относился Радищев, исповедовавший во время своей сибирской ссылки теизм (пользуясь при этом терминологией Робеспьера, говорившего о «grand être suprême»¹⁴⁶) и отстаивавший учение о бессмертии. Сходных взглядов придерживалось большинство русских франкмасонов.

После Французской революции и наполеоновских войн в России также произошло нечто вроде реставрации. Немецкая идеалистическая философия, философия Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля практически оттеснила на задний план вольтерьянский либерализм. И западник Чаадаев демонстрировал эту перемену ориентации с не меньшей очевидностью, чем ранние славянофилы. Но и до Чаадаева такие западники, как Одоевский и Галич, выступали решительными противниками скептицизма и требовали «твердых убеждений относительно жизненных устоев». Шеллингианец Галич заявлял: «Нельзя жить без убеждений». «Для того чтобы быть счастливым, — писал Одоевский, — человек должен обладать некой озаряющей аксиомой, аксиомой большого значения, всеохватывающей, избавляющей от мук сомнения». В соответствии с данной целью, основной чертой своего

времени Одоевский считал «бегство от скептицизма в какое-то из верований», а его верования были основаны на науке.

Исходя из этих соображений, во всех сферах деятельности требовалось и поощрялось воодушевление. Оно царило в кружке Станкевича, который имел в то время огромное влияние. Станкевич, будучи восторженным почитателем музыки (Шуберта) и литературы, считал холодного человека негодяем. Сходные умонастроения отличали и его близких друзей. Примечательно, что первоначальные идеи западников и славянофилов зарождались в процессе их личного общения, а литературное оформление этих идей произошло позже. Ни Чаадаев, ни Станкевич, ни Грановский не были плодовитыми писателями. Наряду с новыми идеями и взглядами их не в меньшей мере занимали новые жизненные идеалы, жизненные течения. Обе конфликтующие стороны верили, и верили страстно: западники — в европейские идеалы, славянофилы — в Россию.

Что же касается содержания верований каждой из сторон, то здесь глубокое расхождение между западниками и славянофилами состояло в том, что если западники отвергли православие, то славянофилы хранили ему верность, хотя и воспринимали его в идеализированном виде.

С философской точки зрения, различие между западниками и славянофилами равносильно различию между Гегелем и Шеллингом. Превознося Гегеля, западники превозносили порицаемый славянофилами рационализм, поставив на место шеллингианской веры в абсолют гегелевский релятивизм.

В то время как европейская философия реставрации и реакции вместе с де Бональдом объявляла разум эманацией дьявола, западники, хотя они зачастую признавали односторонность рационализма, не принадлежали к тем, кто потерял доверие к разуму.

Различие между Гегелем и Шеллингом стало очевидно лишь со временем, поэтому первые западники, как и славянофилы, были шеллингианцами.

Внутри движения западников отношение к проблемам религии и метафизики стало причиной размежевания на два лагеря — на правых и левых. Это разделение произошло совершенно так же, как и в немецком гегельянстве.

Мы можем обратиться в этом вопросе к воспоминаниям Герцена.

С самого детства Герцен был свободомыслящим вольтерьянцем. В Московском университете он изучал естествознание и медицину, был материалистом и атеистом. Он рассказывает о том, что к этому метафизическому и религиозному мировоззрению его привело повторное, более глубокое изучение Гегеля. Озарение снизошло на него

тогда, когда он осознал, что Гегель — это «алгебра революции». В то время как его товарищи были увлечены гегелевской схоластикой и удовлетворялись ею, Герцен с помощью Гегеля освободился ото всех традиционных политических и религиозных взглядов. Столь же примечательную роль в его развитии сыграл и антропологизм Фейербаха. Для Герцена абсолютным авторитетом стала позитивистски понятая наука, в то время как многие либеральные западники не менее славянофилов тяготели к религиозному романтизму. Герцен презирал издержки либерального символизма и аллегории, ясно и недвусмысленно остановив свой выбор на материализме и атеизме, на которые, как он считал, властно указывала наука. Именно поэтому в 1846 году он пошел на разрыв со своими друзьями — прежде всего, с Грановским. Грановский хотел оставить открытым вопрос о религии, лелея веру в бессмертие личности. Такими же были метафизические взгляды Боткина, сходных религиозных взглядов придерживался и Чичерин.

Кроме Фейербаха решающее воздействие оказал на Герцена французский социализм. Его духовными поводырями были Гегель, Фейербах и Прудон. Человек, которому не довелось познакомиться с гегелевской «Феноменологией» и прудоновскими «Противоречиями»¹⁴⁷, не может считаться вполне современным человеком. Фейербах принес освобождение от мистицизма и мифологии.

Герцен измеряет свое «совершеннолетие в науке» по Карлу Фогту.

От наследственного религиозного мистицизма «Молодую Россию» избавит материалистическая, позитивистская, научная трезвость; трезвость науки призвана разложить, развенчать и вытеснить привлекательность мистицизма.

По стопам Герцена пошли Белинский, Огарев (независимо от Герцена пришедший к тем же результатам и познакомивший Герцена с работами Фейербаха), Бакунин, а также молодежь России, несмотря на любовь и почитание ею Грановского. На философии Герцена воспитывались наиболее радикальные поколения и в значительной степени воспитываются и по сей день.

Молодая Россия разбилась на три лагеря: славянофилов (*NB*. Я имею в виду основателей школы), либералов и социалистов, или радикалов. Правда, всем этим названиям недостает точности. Прежде всего, они не содержат надлежащих указаний на то, каких религиозно-метафизических воззрений придерживаются члены каждого из названных лагерей, хотя именно они и составляют главное отличие. Герцен характеризовал свое направление как материализм и позитивизм, но с тем же основанием можно было назвать его атеизмом.

В заключение можно сказать, что хотя между славянофилами и западниками имеются поразительные различия, в конкретных случаях, в мире исторических явлений существуют разнообразие и многочисленные промежуточные случаи, и представители этих двух направлений находятся в отношениях взаимовлияния, взаимоисправления и взаимодополнения. Противоположность России и Европы — не более абсолютна, чем противоположность настоящего и прошлого.

Преимущество или, лучше сказать, обаяние славянофилов как защитников России и ее прошлого состоит в том, что они обладают определенным общим взглядом на мир, представляющим собой, однако, не столько продукт исследования, сколько искусственную конструкцию. Сила же западников как защитников Европы Нового времени, современности состоит в научной разработке отдельных спорных теорий. Если славянофилы были главным образом философами истории, западники были скорее историками, юристами, специалистами вообще. Западники представляли научную Россию и прогрессивную философию; славянофилы были в философии консерваторами. Славянофилы верили в Россию («Умом Россию не понять... в Россию можно только верить», — сказал Тютчев); западники верили в Европу, но и к ней, и к своей родине они относились критически, желая достичь предельной научной ясности относительно обеих.

В политике славянофилы были консерваторами и реакционерами, а западники — как либералы, так и социалисты — явно составляли прогрессивную и демократическую «Молодую Россию».

Левые гегельянцы в России, подобно левогегельянцам в Германии, радикально противостояли абсолютизму. Позитивистский материализм Герцена и его радикальных соратников встретил жесточайший отпор со стороны официального православия в виде теократической программы Николая I и Уварова. А так как в России (и в Европе, конечно, тоже) государство столь тесно связано с церковью, метафизическая оппозиция церкви и церковной доктрине являлась одновременно и политической оппозицией государству. Со временем эта оппозиция развивалась, обнаруживая различные степени интенсивности. Если ранние либералы, такие как Н. Тургенев, из-за политического требования конституции вынуждены были эмигрировать, тем более должен был расположиться лагерем в Европе герценовский радикализм.

От славянофильства западничество сильно отличается своей политической направленностью. Славянофилы были аполитичны, они желали лишь «внутренней», нравственно-религиозной реформы, в то время как целью западников была реформа «внешняя», политическая. Поэтому западничество превратилось в радикальное, оппозиционное и прямо революционное движение.

§ 72

От славянофилов западники отличались своей оценкой роли государства и политики. Государство для западников было скорее политической, нежели нравственной категорией; они придавали ему большее значение, чем славянофилы. Но это справедливо только относительно западников либерального толка, принадлежавших к правому, более консервативному крылу, поскольку радикальные западники, как, например, Герцен, в своей оценке государства и политики скорее сходились со славянофилами. Различие между теориями западников и славянофилов состоит в понимании происхождения государства вообще и русского государства в частности.

Если славянофилы считали, что русское государство зародилось в рамках семьи и сельской общины, то западники учили, что древнерусское государство, как и все европейские государства, выросло из патриархально-племенной организации. Для западников (и, конечно, также и для славянофилов) патриархальность служила объяснением, а возможно, и оправданием абсолютизма. Константин Аксаков, однако, резко противостоял теории патриархальности и высказывал взгляд, что Россия менее всего была патриархальным государством. Тем самым Аксаков отстаивал тезис о нравственной природе русского государства и был совершенно прав — постольку, поскольку считал, что патриархальность не является *eo ipso*¹⁴⁸ этической категорией. В обзоре развития Киевской Руси нами уже подчеркивалось, что племенная теория не дает фактам адекватного объяснения.

Западники, и особенно историки и юристы из их числа, попытались показать, что государственные и правовые институты России развивались аналогично европейским, а также возникали при тождественных или очень схожих условиях. Например, они указывали на то, что в Средние века в России также существовал феодализм. Они меньше подчеркивали самостоятельность и своеобразие русского права; обнаруживали следы влияния римского права; различия между русским и западным правом, акцентировавшиеся славянофилами, низводились западниками к различию между обычным правом народа и имперским правом юристов. И западники и славянофилы сумели с пользой для себя использовать европейский конфликт между романистами и германистами. В политической сфере требования западников отличались от требований славянофилов. Последние просили о возрождении земского собора Московской Руси, западники же радели о конституции. Однако в некоторых случаях они выдвигали одинаковые требования: и те и другие защищали свободу пе-

чати, и те и другие оказывали поддержку раскольникам (правда, по разным причинам и мотивам).

Западники видели в Петре Великом живого, энергичного и наиболее замечательного представителя государства и его культурных задач.

Оценка западниками государства отличалась от славянофильской, поскольку они находились в оппозиции к церкви, несмотря на то, что придавали религии важное значение. Если славянофилы рассматривали церковь как ведущую социально-историческую силу, то западники считали такой силой государство. У западников было совершенно иное понимание взаимоотношений между государством и церковью; практически они являлись легалистами. Чичерин, например, не принимал идеи тесной связи между государством и церковью; в интересах самой религии он принял предложенную Кавуром формулу свободной церкви в свободном государстве.

Здесь следует сказать пару слов о российской бюрократии, против которой славянофилов восстанавливали аристократические предубеждения. Это, конечно, был далеко не идеальный институт. Тем не менее, в составе бюрократии всегда встречались разумные, юридически грамотные и либеральные чиновники. Бюрократия была в определенном смысле организована по-западному, благодаря тому, что с петровских времен образцы правления списывались с Европы, а академическое образование считалось необходимым для обеспечения функционирования государственной машины и армии. И если славянофилы были против бюрократии, то против нее был и Победоносцев. Само собой разумеется, бюрократия осуществляла реакцию, исходящую от царского двора и власть имущих.

Градовский упрекает западников в превозношении ими государственной машины. Это обвинение относится главным образом к консервативно настроенным западникам и особенно к юристам.

Стороны расходились в оценке и объяснении *мира*. Западники, возглавляемые Чичериным, были склонны рассматривать *мир* как сравнительно поздний институт, выполняющий главным образом административную функцию и созданный с фискальными целями. Но некоторые — наиболее радикальные — западники, признавая славянофильскую теорию происхождения, придавали *миру* и артели социалистический смысл. *Мир*, по их мнению, предотвращал численное увеличение пролетариата в России и являл собой чаемый социалистами коммунизм*.

* В темное первобытное время, говорит Чичерин, *мир*, конечно, мог быть патриархальным, но в историческую эпоху он стал результатом государственной организа-

Что касается освобождения крестьянства, то здесь позиция западников была более энергичной вследствие их большей политизированности. Правда, Станкевич считал, что сначала следует отменить крепостничество, а затем ввести конституцию, но большинство западников, вслед за Н. Тургеневым, склонялось в пользу одновременного осуществления и того и другого.

В отличие от славянофилов, западники демонстрировали живой интерес к экономическим проблемам.

Что касается сущности и значения национальности, в этом вопросе западники выступали как космополиты и гуманисты в духе XVIII века; славянофилы же, будучи националистами, считали национальность важнее государства. В то время как Карамзин заявлял: «Национальное ничто по сравнению с [общее]человеческим. Главное — быть людьми, а не славянами», славянофилы утверждали, что человек является человеком только в качестве русского, француза и т. д. Поэтому когда Самарин находит проявление национального даже в частных науках, то ему от имени науки возражает Чичерин. Не все западники отрицали национализм — либералы выступали за умеренный национализм, а радикалы, как правило, были противниками национализма.

При всех этих различиях необходимо отметить те аспекты национального вопроса, по которым царило согласие сторон. Обе стороны подчиняли национальность более высокому принципу: славянофилы — религии и церкви, либералы — государству. Поэтому по отдельным пунктам возникало своеобразное и поразительное согласие. Консервативные западники, придававшие особо важное значение национальности и государству, приближались к бюрократической концепции «официальной» национальности. Если поздние славянофилы зашли так далеко, что стали требовать обрусения — и все это во имя религии и церкви, но многие из западников выдвигали схо-

ции сверху. Община была фискальным орудием государства, ибо каждая община в целом гарантировала уплату определенной суммы в виде налога. Киевское государство возникло в результате завоевания варягов, земля стала, как и на Западе, частной собственностью завоевателей. В 1856 году была опубликована статья Чичерина «Исследование исторического развития крестьянской общины в России». В этом же году против Чичерина выступил Беляев, который, попытался дать историческое обоснование славянофильской позиции. В полемику по этому вопросу сразу же (также в 1856 году) вступил историк Соловьев в работе 1856 года с целью примирить обе позиции, а также юрист Кавелин и многие другие. Чичерин, как и славянофилы, соглашался с Гакстгаузенем, считавшим *мир* патриархальным расширением семьи. Этот институт исчез в домосковскую эпоху, но снова возник в XVIII веке в ответ на введение Петром подушного налога. Гакстгаузен превозносил *мир* как средство уберечь Россию от пролетаризации.

жие требования во имя государства — и одним из первых выступил с таким требованием Пестель! С другой стороны, акцент на национальности вызвал к жизни либерально-демократические взгляды, поскольку национальность была противоположна государственному централизму и даже превосходила его.

Западники были противниками панславизма как в его славянофильской, так и в политической форме*.

Отрицание панславизма было, однако, не всеобщим и не всегда одинаково энергичным — ранее мы уже говорили о панславизме франкмасонов и декабристов. Как бы то ни было, нельзя утверждать, что западники не имели политического пристрастия к славянам; можно даже сказать, что панславизм западников звучит более реалистично, чем панславизм славянофилов. Западник Пыпин сделал намного больше для изучения и признания восточных и южных славян и их культур, чем любые утописты панславистского и славянофильского толка. В политическом отношении Чичерин, впрочем, рассматривал значение славян для России (имея в виду свободную Россию) как для великой европейской державы.

Различие позиций, занимаемых данными двумя сторонами по национальному и славянскому вопросам, особенно явственно проявилось в отношении к полякам. Западники сочувствовали свободолюбивым устремлениям поляков и даже польской революции. До них прямые контакты с польскими тайными обществами были у декабристов; подобные отношения были возобновлены наиболее радикально настроенными западниками (Герценом, Бакуниным). Консервативные же западники относились к полякам отрицательно.

Необходимо совершенно категорически заявить и подчеркнуть тот факт, что западники любили Россию не меньше славянофилов. Вот что говорит Герцен о тех и других: «И в них, и в нас с молодости жило мощное, непосредственное инстинктивное и страстное чувство, чувство безграничной и всеохватывающей любви к русскому народу, к русскому образу жизни, к русскому образу мысли... Мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая — мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны в то время, как *сердце билось одно*»¹⁴⁹.

Западники критиковали Россию, ненавидя заблуждения и недостатки своей страны, но то, что они узнавали о Западе, учило их любить Россию со всеми ее заблуждениями и недостатками. Это

* В либеральном журнале «Отечественные записки» (1845) турки были признаны более интересными, чем славяне, которых они покорили. «Атенеум» (1859) приписывал важную цивилизующую роль австрийскому жандарму в славянских странах. Славянофилы и панслависты протестовали против подобных взглядов.

сочетание любви и ненависти является в высшей степени характерным для западников. Не один из них пришел к заключению, что Европа имеет те же, если не большие недостатки, что и у России. Одоевский, бывший насковозь западником, заявлял, что Европа гибнет. Из последующего поколения западников не кто иной, как Герцен, питал к Европе чувство, равносильное ненависти. То же мы наблюдаем ныне и у Горького.

От славянофилов западники отличались главным образом тем, что, не признавая абсолютных различий между Россией и Европой, они усматривали в Европе те же недостатки, что и у России. Поэтому западнический мессианизм Герцена или Бакунина был менее пассивным, чем мессианизм славянофильский; западникам казалось, что спасение России и Европы лежало в их революционном преобразовании. Некоторые из них, признавая за Россией некую особую миссию, не верили в то, что европейские нации находились в упадке. В этом вопросе западники были заодно с Шеллингом (любимым философом славянофилов), который признавал за каждым народом особую миссию. Гегель, философ западников, признает такую миссию за германцами и романскими народами, совершенно не принимая во внимание славян.

А

Здесь назывались некоторые имена, которые следовало бы несколько раскрыть для читателя, дополнительно сообщив о них некоторые сведения; то или иное имя может быть добавлено с целью (более полной) характеристики западничества. Главным образом речь идет об оппозиции по отношению к славянофильству. Одним из первых западников обычно называют Чаадаева. О том, что это возможно, свидетельствует и данная выше характеристика; в то же время очевидно, что из-за своего романтического католицизма Чаадаев поддерживал реставрацию и реакцию, что не отвечало природе западничества. Это значит, что пассаизм Чаадаева делает его более близким к славянофилам, чем к прогрессивным западникам.

Чаадаев является западником в отрицании.

В Москве большим влиянием среди своих друзей и соратников пользовался Станкевич, ученик шеллингианца Павлова. Павлов был назначен преподавателем политической экономии и физики, но фактически он читал лекции по натурфилософии Шеллинга. Его ученик Станкевич объединил вокруг себя единомышленников, страстно обождавших Шеллинга, Гегеля, немецкую литературу (Гофмана, Шил-

лера, Гете) и Шекспира. К его кружку принадлежали Белинский, И. Киреевский, К. Аксаков, Бакунин, Боткин, Катков, Грановский, Кетчер (переводчик Шекспира) и др. Станкевич ездил для изучения философии в Берлин и там оказал влияние на Тургенева.

Первоначально Станкевич был шеллингианцем, но впоследствии стал гегельянцем. Он был одной из тех прекрасных личностей, которые в современной немецкой литературе преподносятся читателю в качестве персонажей, состоящих из утреннего тумана, — талантливых, одухотворенных, но не обладающих теми телесными и духовными силами, которые необходимы для воплощения в жизнь собственных устремлений. Станкевичу мы обязаны открытием народного поэта Кольцова*.

Схожей была судьба Грановского, от которого мы узнаем, что влияние Станкевича на него и его друзей было безграничным и плодотворным. Будучи профессором истории, Грановский оказал своими лекциями по всеобщей истории значительное воздействие — правда, оно имело лишь подготовительный характер, возбуждая интерес слушателей к предмету. Он тоже оказался слишком слабой личностью, для того чтобы суметь сделать много в эпоху Николая I для укрепления силы духа в других**.

С другой стороны, широким и поистине решающим было влияние на русского читателя критика Белинского. Помимо Белинского, с миром европейской мысли Россию знакомил целый ряд литературных критиков и историков: Надеждин (1804—1856); Анненков (1813—1887); Дружинин (1824—1864); Боткин (1811/12—1869); В. Майков (1823—1847). Из более позднего поколения можно упомянуть Пыпина, видного историка литературы. В своих крупных сочинениях и в многочисленных статьях он выступал противником славянофильства***.

Среди публицистов и журналистов достоин упоминания Полевой (1796—1846), о котором говорилось и выше. Полевой, критик Карамзина и автор истории России, признавал, что Россия имела собствен-

* Станкевич (1813—1840) с 1831 по 1835 г. учился на философском факультете в Москве, где попал под влияние Каченовского, главы скептической исторической школы. В 1837 году он отправился в Берлин, где состоял в тесной дружбе с гегельянцем Вердером.

** Грановский (1813—1855), изучавший в университете право, побывал в Берлине в 1837—1838 г., где работал под руководством Вердера, Ранке, Риттера и Савиньи. С 1838 года он читал лекции на философском факультете в Москве. Особенной популярностью пользовались его лекции для образованной публики.

*** Его история славянской литературы издавалась в 1880—1884 г. в немецком переводе; раздел о польской литературе был написан Спасовичем.

ное историческое предназначение; что же до других европейских наций, то Полевой считал их находящимися отнюдь не в упадке и полагал, что они лишь приступают к выполнению своих исторических задач. Против Полевого и его литературной критики энергично выступил Белинский.

Вновь упомянем Чичерина как представителя умеренного либерализма в политике и общественной жизни*. Живший за границей декабрист Н. Тургенев также был сторонником конституционалистского либерализма.

Юрист Кавелин (1818—1885), связанный со славянофилами и западниками личными знакомствами, попытался занять промежуточную позицию между спиритуализмом и материализмом. Он дискутировал как со славянофилами, так и с Герценом**.

Среди более молодых следует отметить Градовского (1841—1889). Заслуженный историк и систематизатор русского государственного права, он занимался также и журналистской деятельностью. Градовский солидаризировался со славянофилами в признании народного организма и считал развитие России выражением общечеловеческого развития.

Из историков можно упомянуть С. М. Соловьева (1820—1879). В древнерусской истории он придавал особое значение племенной теории и считал, что развитие России приближалось к европейскому (не только в результате постоянного сравнения). Если Карамзин написал историю Российского государства, и прежде всего русского самодержавия, то «История России с древнейших времен» Соловьева явилась историей русского народа. Начиная с эпохи Ивана IV, писал он, Россия стремилась к органическому единению с Европой, и это единение было достигнуто в течение XVII и XVIII веков.

Основателями радикального политического направления были политические эмигранты Герцен и Бакунин. Рядом с Герценом очень

* Чичерин (1828—1904) был профессором конституционного права в Москве. Его сочинения посвящены философии права, истории политических идей, государственному праву, этике и философии. Несмотря на то, что он был гегельянцем, свои этические принципы он позаимствовал у Канта. Он выступал как оппонент философа Соловьева, был также противником Герцена. Чичерин был избран на должность Московского городского головы, но, занимая этот пост, выступил с либеральной речью по поводу коронации Александра III, за что лишен был императорского благоволения.

** В 1861 году, с началом беспорядков в студенческой среде (см. выше), он был вынужден оставить университет; подобная же участь постигла многих других: Пыпина, Стасюлевича (редактора либерального журнала «Вестник Европы» в течение многих лет), Спасовича (польского либерала, историка литературы и красноречивого адвоката), Утина.

часто упоминается его друг, эмигрант и поэт Огарев, который был полон идей, но не подходил для практической деятельности. В России радикальные тенденции представляли Чернышевский и Добролюбов.

Last not least¹⁵⁰, подрастающее, а тогда еще молодое поколение литераторов было настроено либерально и прозападнически — и впереди всех был Иван Тургенев.

§ 73

Виссарион Григорьевич Белинский стоял во главе прогрессивной западной интеллигенции благодаря своей неутомимой и многосторонней литературной деятельности. Он был настоящим тружеником, в то время как о Станкевиче, Боткине, Грановском и даже о Чаадаеве и Киреевском следует говорить скорее как об импровизаторах, чем как о работниках литературной нивы*.

* Виссарион Григорьевич Белинский родился 30 мая 1811 года в Свеаборге, где служил судовым хирургом его отец. В 1816 году его семья переехала в город Чембар Пензенской губернии. Домашняя жизнь была мукой для этого живого и одаренного мальчика, ибо ни отец, ни мать не хотели и не могли дать своему сыну образование. Белинский был вынужден досрочно оставить третий класс гимназии, ибо предпочел учебу дома скуке в школе. В 1829 году он начал посещать филологический факультет Московского университета. Там профессора Надеждин и Павлов познакомили его с немецкой философией и литературой. В 1832 году ему пришлось покинуть университет, так как годом раньше написал драму «Дмитрий Калинин», рукопись которой была подана университетскому цензору. Эта драма, являвшаяся страстным протестом против крепостничества, была объявлена безнравственной и позорящей университет, но в качестве мотивировки для исключения ее автора фигурировала неуспеваемость и слабое здоровье. С этого времени Белинский стал проводить время в кругу литераторов и философов, о которых мы говорили раньше (Станкевич, Герцен), и всегда оставался всеядным читателем, каким был с детства. На скудное пропитание он зарабатывал частным репетиторством, переводами (например, Поля де Кока) и мелким литературным трудом. Его первая серьезная литературная работа, привлекающая к себе внимание, появилась в надеждинском обзоре (1839) и называлась «Литературные мечтания (Элегия в прозе)». Немецкая философия в ее хронологическом и логическом развитии — и особенно Шеллинг (1832—1836), Фихте (1837) и Гегель (1837) — оказала на Белинского определяющее воздействие. Из немецких поэтов, имевших еще большее влияние на Белинского, следует назвать Гете, Шиллера и Гофмана. Знаменитая статья о Бородинской битве была написана в Петербурге, куда Белинский переехал в октябре 1839 года с целью зарабатывать себе на жизнь в качестве сотрудника либеральной газеты «Отечественные записки». В Петербурге Белинский перешел от гегельянства на позиции левогегельянства (Фейербах), а в 1842 году — на позиции французского социализма. Его важнейшим сочинением был анализ творчества Пуш-

Сочинения Белинского были изданы уже много лет назад в двенадцати больших томах и выдержали несколько изданий. В последнее время появились более полные и уточненные издания, снабженные вступительными статьями и комментариями. К сожалению, его обширная переписка известна лишь отчасти — в основном благодаря усилиям Пыпина, а в новейшее время — историка литературы Иванова-Разумника.

Во времена Александра I и тем более Николая I литературная критика стала своего рода философским форумом для обсуждения злободневных проблем, а потому превратилась также и в политический форум. Самодержавие имело возможность притеснить литературу и литературную критику, но полностью подавить эту деятельность оно не могло.

Личностная эволюция Белинского была показательна для прогрессивных устремлений 30—40-х годов. Он был увлечен литературой с детства; театр был для гимназиста школой. Во времена студенчества в университете на его развитие влияли немецкая философия и литература; став самостоятельным писателем, он испытал на себе воздействие французского социализма. С самого начала Белинский шел по стопам Шеллинга, затем его крайне заинтересовал Фихте, но вскоре он обратился к Гегелю. С идеями Шеллинга он впервые познакомился в кружке Станкевича. Бакунин познакомил его с Фихте, но этот же самый Бакунин был популяризатором гегельянства в этом кружке. Бакунин посвятил Белинского, как позднее Прудона в Париже, в философию философов прусского двора и государства.

Более зрелый (жизненный) опыт и наблюдения вкупе с философией Фейербаха (с которой познакомил его Герцен) подвели тридцатилетнего Белинского к демократии и социализму в той форме, которую они приняли во Франции после Июльской революции. В метафизической сфере Белинский, подобно многим русским прогрессивным мыслителям, двигался от немецкого идеализма и романтизма к позитивизму, материализму и атеизму.

Трудно дать более точное хронологическое и содержательное описание его пути. Белинскому было свойственно горячее восприятие

кина (1844). Он поддерживал тесные литературно-философские контакты с Бакуниным, Герценом, Некрасовым, Тургеневым, Кавелиным, Анненковым и др.; был в близких отношениях с Гончаровым, Григоровичем и Достоевским. Его другом и помощником со времени первой встречи в Москве был Боткин. В 1843 году Белинский женился и, что характерно, отнесся к женитьбе с большой серьезностью. В 1845 году болезнь пролетариев вынудила его подолгу жить на юге. В 1847 году он посетил курорт Бад-Зальцбрунн, откуда разразился яростным протестом, адресованным Гоголю. Он умер 18 мая 1848 года.

новых чужих идей; но его энтузиазм очень скоро сменялся трезво-критическим отношением к ним. Находясь в переходной стадии, он мог продолжать излагать старые идеи в своих литературных сочинениях, в то время как в письмах и разговорах уже давала о себе знать новая вера. Поэтому следует сопоставлять между собой его письма и критические статьи: если в письмах предмет обсуждения — словно горячее, только что снятое с огня блюдо, то в статьях это блюдо подается уже в остывшем виде. Отсюда трудность интерпретации Белинского и возможность неоднозначного его толкования. Кроме того, его суждения относительно личностей были подвержены частным и быстрым переменам*.

Некоторые биографы и историки литературы различают три периода в развитии Белинского. Первый период — до 1840 года — характеризуется признанием действительности при содействии Гегеля. С 1840 по 1847 годы он посвятил себя борьбе за западную культуру и западные социальные институты. В 1847 году произошло нечто вроде обращения в славянофильство, приведшее к борьбе за национальность.

Данная классификация крайне поверхностна. Что касается третьего периода, то совершенно очевидно, что признание значения национального фактора свойственно не только славянофильству. Достаточно вспомнить хотя бы то, что в 1847 году появилась работа, направленная против Гоголя, обратившегося в православие, — и станет ясно, что Белинский не мог быть славянофилом. Кроме того, в том же 1847 году Белинский энергично и резко отмежевался от славянофильского учения о *мире* и артели. Если в 1847 году (на деле же речь идет о 1846 году) Белинский и пережил кризис, то содержание его было совсем иным, ибо в этот период он перестал сочувствовать социализму.

Согласие со славянофилами в некоторых вопросах характерно скорее для первой из названных «стадий». В университетские годы Белинский, ознакомленный Павловым с работами Шеллинга, попал под влияние романтизма, но в то же время Надеждин привлек его внимание к опасностям романтизма; так что драма его юности наполнена этим мировоззренческим раздвоением. Освежив собственное знание Шеллинга и вообще немецкой философии в кружке Станкевича, он принял славянофильские взгляды по ряду важных моментов

* Например, в 1839 году Белинский дал высокую оценку своему учителю и литературному покровителю Надеждину, положительно отзываясь о нем как об авторе и как о личности. Но год спустя он осудил характер Надеждина в очень резких выражениях.

тов и стал пользоваться некоторыми выражениями, имевшими хождение у славянофилов. Он говорил о важности «внутренней» жизни в отличие от жизни «внешней»; он порицал французов за то, что рассудок у них склонялся к критике (употребляя при этом термин «рассудок»); он считал волю сущностью духа — а как мы уже видели, все эти мнения были свойственны славянофилам. В этот период вечность для Белинского была, как он сам выражался, не фантазией, и он не позволял разуму привносить сомнение и отчаяние в упоительные минуты веры. Именно эти мнения и настроения демонстрируют его согласие со славянофилами по важнейшим пунктам. Сам Белинский отзывается об этой первой стадии тридцатых годов как об эпохе собственного «абстрактного героизма» и дает ее психологически анализ, говоря, что в ту пору он жил одними лишь чувствами, отдавая им предпочтение перед рассудком, а позже им было признано тождество чувства и рассудка.

В подобном состоянии внутреннего разлада он предпринимает (1836) попытку найти успокоение в «чувственности», обуздать отчаяние отвлеченностью, — попытку, разумеется, тщетную. Об этом он писал друзьям. В этом же году появилось обвинение Чаадаева против России, но Белинский до поры до времени не обращал на него внимания. В политико-философских вопросах при помощи Гегеля отворачивается от Фихте. В этот период он написал крайне слабую драму, озаглавленную «Пятидесятилетний дядюшка», а в надежде заработать составил грамматику, для которой так и не нашлось покупателя.

Несмотря на эти внутренние и внешние проблемы, Белинскому на короткое время удалось достичь примирения с действительностью. В 1837—1839 годах больше причин радоваться взглядам Белинского было у Погодина, чем у славянофилов. Он противостоял политике, направленной на изменение действительности. Он был против французов, политиков, философов (Вольтера!) и поэтов; по его мнению, поэты были слишком политизированы, вследствие чего он обратился к Гете. «К черту политику. Да здравствует наука!.. Немецкая философия есть ясное и, как математика, точное развитие и объяснение христианского учения, основанного на любви и идее восхождения человека к божественному». Вопреки Гегелю, его взгляд на гражданскую свободу походит на взгляд славянофилов, ибо он говорит, что последняя способна возникнуть лишь из внутренней свободы индивида. Он отрицает европейскую конституцию и французскую политику с их вниманием к опыту и истории. Но он хвалит Германию и даже Пруссию и обращается к чистому рассудку и к идеалистической

априорной философии. Германия для него есть «Иерусалим нового человечества». Этим высказыванием Белинский заходит так далеко, что забывает драму юности, закрывшую перед ним двери университета, и примиряется с крепостнической действительностью. Соответственно, он выступает с формулировкой: «Власть есть право, а право есть власть». Но Белинский не закрывал глаза на тот факт, что Россия слаба в культурном аспекте. «Мы страдаем от груза китайщины», — говорил он в 1839 году и четыремя годами позже вновь ужаснулся русской китайщине. К тому же периоду относятся статьи Белинского, посвященные Бородинской битве и Вольфгангу Менцелю, рассматриваемые критиками, как высшие достижения этой стадии его развития.

Либеральные историки литературы, испытывающие нечто вроде стыда и не желающие вкладывать оружие в руки своих оппонентов, склонны воздерживаться от пристального анализа этих статей. Как правило, «Очерки Бородинского сражения» упоминаются лишь вскользь, и читателю говорят о том, что в этой статье Белинский с помощью гегелевского положения «Все разумное действительно и все действительное разумно» примиряется с Россией и государством Николая I, а также что Герцен поссорился с Белинским из-за этой статьи, — Герцен отказался пожать руку Белинскому, и даже интеллигентный Грановский счел реакционную статью Белинского «вульгарной»*.

Толстой считал Бородинскую битву бессмысленной, Наполеон объявил ее схваткой титанов; для Белинского же она являлась «выражением вечного духа жизни», ибо таково было воздействие на него книги Глинки, не имеющей ценности в литературном и научном плане, но написанной в состоянии мистического воодушевления. Для Белинского это откровение стало одновременно и откровением народного духа, и он воспользовался случаем для того, чтобы выразить свое отношение к народному духу — в то время в Германии так много писали на эту тему.

Для Белинского русский народ как нация тождествен с государством; народ и государство являют в его представлении исторически

* Статья появилась в декабре 1839 года как рецензия на «Очерки о Бородинской битве» Федора Глинки. Это было литературным продолжением дискуссий, имевших место между Белинским и его друзьями в Москве, дискуссий, в которых Белинский выступал защитником самодержавия. Федор Глинка писал на военную тематику и некоторое время являлся членом политического тайного общества; вследствие этого в 1826 году, после подавления восстания декабристов, он был уволен из армии и выслан из столицы. Его брат Сергей Глинка был редактором «Русского вестника», являвшегося в 1808—1824 гг. органом шовинистического патриотизма, антифранцузского и антинаполеоновского по своей направленности.

данный полнокровный организм. Государство, добавляет Белинский, есть творение героев, а в данном случае оно есть творение царя, которого Белинский ставит на одну доску с Богом, героем и нацией, — все эти понятия сливаются у него в единый мифическо-мистический комплекс. Белинский до такой степени находится во власти своего политического антропоморфизма или, скорее, социоморфизма, что в самом слове «царь» он обнаруживает, как и всякий русский, поэтические глубины и загадочную значимость... «Наш царь» — это, конечно, царь Николай. Белинский повторяет патриархальную теорию происхождения русского абсолютизма и противопоставляет Европе русское государство, русский народ — совсем как славянофилы и граф Уваров.

С этой точки зрения космополитизм был для Белинского фантомом, чем-то неясным и несо связанным, не имеющим ничего общего с живой действительностью; либерализм вообще есть лишь французский вздор. Верховная власть от Бога, повторяет Белинский вслед за Павлом; царь есть истинный «наместник Бога на земле»; президент, как например, Северо-Американских штатов, «есть особа почтенная, но не священная», ибо своим существованием он обязан революции...

Если бы нам пришлось судить о статье Белинского, посвященной Бородине, лишь с политической точки зрения, мы могли бы ссылаться на огромный авторитет Гегеля. В своем принятии действительности Белинский явно не уступал Гегелю. Если Гегель закончил тем, что обрел мифическо-мистический «абсолютный разум» в образе германского мира, прусского государства, монархии, *in concreto*: Фридриха Вильгельма III Прусского, то Белинский мог с тем же правом и на тех же основаниях стать поборником уваровско-николаевской России. Но помимо Гегеля Белинский мог апеллировать к другому авторитету. Статью одобрил Бакунин, а в это время взгляды друзей Белинского в Москве были, вообще говоря, далеки от ясности и определенности. Белинский тоже, надо сказать, не отличался философской внятностью. Кроме того, в своей статье «Очерки Бородинского сражения» он отнюдь не является ортодоксальным гегельянцем, что можно было бы предположить исходя из принятия им положения о разумности действительного. Это ясно из его указаний на органическое развитие российского государства и из его общего понимания мира как организма, ибо здесь Белинский оказывается ближе к Шеллингу, романтикам и исторической школе права, чем к Гегелю. К тому же он не совсем по-гегелевски отождествляет русское государство с нацией. Он подчеркивает саморазличие между государством и нацией, и лишь в случае с Россией государство и нация оказываются тождественны. При более детальном изложении взглядов Бе-

линского этому и другим моментам следовало бы придать особое значение. Статья о Вольфганге Менцеле, представляющая собой рецензию на перевод «Немецкой литературы» Менцеля, также вскрывает некоторые аспекты мировоззрения Белинского. Он порицает Менцеля, солидаризируется с Гете и Гегелем, но энергично противопоставляет этике Жорж Санд и пр. Здесь нет возможности проделать точный анализ всех этих работ, да это и не входит в задачи настоящего очерка, имеющего целью лишь обозначить ту философско-метафизическую проблематику, которая занимала Белинского, не давала ему покоя в статье, посвященной Бородинскому сражению, а именно (говоря языком данной школы) фундаментальную проблему взаимоотношений субъекта и объекта, *Я* и *не-Я*. Фихте продолжал смущать разум Белинского; но гегелевской разумной действительности истории суждено было преодолеть крайний индивидуализм и субъективизм Фихте.

§ 74

Белинский также с головой окунулся в «Немецкое море» Тургенева, но он не хотел утонуть в нем, да и зачем бы он стал это делать, видя, что в самой Германии Фихте и его последователи отказались погибнуть в нем (§ 44).

Белинский принял объективно данную историю и, прежде всего, объективно данное государство — точно так же, как приняли его и Гегель, и Шеллинг, и Фихте (двое последних — лишь в той мере, в какой они стремились найти объективные основания для исторических данных).

Белинский полностью сознавал, что его историзм направлен против субъективизма. В духе Гегеля он попытался избежать раздвоения между субъектом, как индивидуальным и случайным, и объектом, как всемирным, всеобщим и необходимым, таким образом, чтобы субъект отказался бы от себя ради объекта, благодаря чему отдельное и случайное смогло бы подняться до уровня всеобщего и необходимого, получая тем самым свое оправдание. Всеобщее и необходимое различимы в истории и, собственно говоря, в исторически развивающемся обществе; общество отождествляется с государством; но никогда, ни на минуту Белинский не забывает себя, постоянно вопрошающего субъекта. Что должно делать это *Я*, этот субъект для того, чтобы получить возможность отдаться целому, и какое моральное оправдание имеет эта жертва?

Белинский оставляет за субъектом право и даже необходимость отрицания объекта, ибо отдельно взятый индивид должен бороться с

объектом; но это отрицание объекта, общества и истории может быть лишь переходной стадией развития и не должно продлиться долго. Борьба с обществом необходима, но эта борьба не должна выродиться в восстание; она должна быть стремлением к совершенствованию и окончиться признанием общества. «Горе тем, которые ссорятся с обществом, чтобы никогда не примириться с ним. Общество есть высшая действительность, а действительность или требует полного мира с собой, полного признания себя со стороны человека, или сокрушает его под свинцовой тяжестью своей исполинской длани»¹⁵¹.

В конечном счете противоречие между крайним субъективизмом и крайним объективизмом сводится к следующей формуле. Субъективная сторона человека истинна и, следовательно, действительна; но всякая односторонняя истина, доведенная до крайности, впадает в нелепость; субъективность, оставаясь субъективностью, в сфере знания превратится в ограниченность и произвольность понятий, в сфере чувства — в сухой и безнравственный эгоизм, в сфере действия — в преступление и злодейство*.

Таким образом, Белинский сражается с крайним, абсолютным субъективизмом — солипсизмом, который, по его мнению, низводит мир до положения иллюзии и, в сущности, устраняет его; он солидаризируется с гегелевской действительностью, тождественной в его представлении с Богом. Но сражается он и с крайним, абсолютным объективизмом. В этой связи особое философское значение имеет данное Белинским в 1839 году описание двух пророческих книг, опубликованных в это время. В данном критическом разборе он отрицал абсолютный объективизм на том основании, что он ведет к суеверию

* Более развернутое изложение рассуждений Белинского по этому важному вопросу может быть дано его собственными словами: «Человек есть частное и случайное по своей личности, но общее и необходимое по духу, выражением которого служит его личность. Отсюда выходит двойственность его положения и его стремлений; его борьба между своим *я* и тем, что находится вне его *я*, составляет его *не-я*. В отношении к его индивидуальной собственности мир *не-я*, мир объективный, есть враждебный ему мир; но в отношении к его духу, как к проблеску бесконечного и общего, мир его *не-я*, мир объективный, есть родной ему мир. Чтобы быть действительным человеком, а не призраком, он должен быть частным выражением общего или конечным проявлением бесконечного. Вследствие этого он должен отрешиться от своей субъективной личности, признав ее ложью и призраком; должен смириться перед мировым, общим, признав только его истиной и действительностью. Но как это мировое или общее находится не в нем, а в объективном мире, он должен сродниться, слиться с ним, чтобы после, усвоив объективный мир в свою субъективную собственность, стать снова субъективной личностью, но уже действительной, уже выражающей собой не случайную частность, а общее мировое, словом, стать духом во плоти» (См.: Соч. В. Г. Белинского: В 4 т. Т. 1. СПб., 1896. Очерки Бородинского сражения. Стб. 353. — *Примеч. ред.*).

и сам является суеверием. Данная статья¹⁵² является одной из наиболее оригинальных в философском наследии Белинского и свидетельствует о его незаурядной способности понимания. Суеверие, говорится в ней, есть один из этапов развития отдельного Я — этап, на котором Я пытается найти истину исключительно в объекте. При таком крайнем абсолютном объективизме Я присваивает значение истинности именно тому, что диаметрально противоречит рассудку, возводя в ранг особой ценности то, что является наиболее странным и бессмысленным. Отсюда вводимое Белинским различие между таинственным как объектом суеверия и таинственным в мистицизме. Таинственное, благодаря которому существует суеверие, холодно и мертво, его корни — в деспотизме и произволе...

Насколько мне удалось установить, нигде в литературе о Белинском эти суждения не получили должной оценки, будучи просто проигнорированы критиками. А между тем здесь Белинский касается глубочайших проблем немецкого идеализма и философии вообще.

В споре о соотношении субъекта и объекта, который углубила немецкая философия, Белинский отрицает равным образом как крайний субъективизм, принимающий форму солипсизма, эгоистического индивидуализма, так и крайний объективизм. Для него это дилемма: преступление или суеверие? Он не страшится этой дилеммы, категорически утверждая, что мы можем обойтись как без преступления (революции), так и без суеверия. Он разрешает эту дилемму, благодаря тому, что позволяет существовать субъективизму и объективизму, и лишь до определенной границы, пытаясь установить гармонию между ними.

Он отворачивается от Фихте и тем более от Штирнера. Он ничего не знал о Марксе и Энгельсе как о крайних объективистах, но его утверждение, согласно которому суть суеверия заключена в крайнем объективизме, является интересным и гениальным. Точно так же — как крайний объективизм — описывали Юм и Вико первую стадию развития духа, а вслед за этими философами Фейербах представил антропоморфизм, крайний объективизм, в качестве сущности религии. С идеями Фейербаха Белинский познакомился позже, после того, как их представили ему его друзья Герцен и Бакунин; и это делает еще более значительным его мнение насчет крайнего объективизма.

Я не утверждаю, что Белинский вполне адекватно и всесторонне уяснил эту проблему. Ему не свойственна была философско-гносеологическая систематичность. Он довольствовался этическим решением проблемы, обнаружив ее пределы и указав на пути гармонизации субъективизма и объективизма. Последующее его развитие

позволяет нам понять, при помощи каких этических идей удалось ему достичь этой цели.

§ 75

В Петербурге Белинскому довелось в непосредственной близости наблюдать русскую официальную действительность. Для того, чтобы основательно измениться, ему, по его собственному утверждению, хватило трех-четырёх месяцев — так что с этого времени и до самой смерти он был одного мнения с Герценом, разойдясь с Полевым, превратившимся к тому времени в реакционера. Едва была напечатана названная статья, а Белинский сообщил своему другу Боткину о том, что переживает идейный кризис и уже проклинает свою отвратительную склонность к примирению с этой отвратительной действительностью. Изгнав Гете с почетного места в святилище своего критического суда, он поставил на почетное место Шиллера, этого благородного защитника человечества. «Мне говорят: развивая все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом; плачь, дабы утешиться; скорби, дабы возрадоваться; стремись к совершенству; лезь на верхнюю ступень лестницы развития; а споткнешься — падай, черт с тобой... Благодарю покорно, Егор Федорович, кланяюсь вашему философскому колпаку, но при всем подобающем Вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести Вам, что если бы мне удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, то я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и проч. и проч.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови...»¹⁵³ Такие чувства обуревали Белинского в 1841 году, он все более склонялся к убеждению, что каждый человек есть «сам по себе цель» и что всеобщая гармония покупается слишком дорогой ценой «для тех, которым суждено выразить своей участью идею дисгармонии»¹⁵⁴.

Белинский легко осознал, что идеализация целого, идеализация истории (включая русскую историю и русскую историю времен Николая) представляет собой слишком грубый обман. Он не замедлил признаться самому себе, что Николай так же мало воплощает собой истинную действительность, как Наполеон или «особа почтенная» президент Соединенных Штатов. Одним словом, Белинский все больше ставил под сомнение гегельянский пантеизм как основу политической теории легитимности. Правда, частично ответственность за

статью о Бородинском сражении Белинский мог бы отнести на счет Бакунина, но он был не из тех, кто склонен перекладывать ответственность на плечи других. Кроме того, и Бакунин признал свое заблуждение и пришел к такому же образу мыслей, что и Белинский.

Озарение снизошло на Белинского, когда он понял, что гегельянская метафизика, гегельянский пантеизм могут быть использованы для того, чтобы в качестве «выражения всеобщего и бесконечного» превозносить не только легитимных правителей — таких, как Людовик XVI и Николай, — но и правителей иллегитимных, типа Робеспьера и Наполеона. И те и другие являются исторически данными, и если следовать истории, то от Гегеля мы переходим к революции. Герцен, как мы знаем, нашел у Гегеля «алгебру революции», и Герцену с Огаревым не составило труда заставить Белинского разделить этот взгляд. «Что есть, то разумно, да и палач ведь есть же, и существование его разумно и действительно, но он тем не менее гнусен и отвратителен» — писал Белинский в конце 1840 года¹⁵⁵.

Герцен и Огарев подтолкнули Белинского к отходу от Гегеля в направлении левогегельянства и Фейербаха. А от Фейербаха оставался всего лишь шаг до «Молодой Германии» и Гейне. Было бы некорректным сказать, что Белинский отказался от Гегеля и перешел на сторону Фейербаха и социалистов. Не полностью отказался Белинский и от своей статьи о Бородино, признав лишь то, что сделал в ней ложные выводы из верных принципов. Напуганный субъективизмом Фихте, он обоготворил гегелевскую действительность и лишь постепенно начал приходить к осознанию истинной природы этого бога. Он начал понимать, что речь идет не о всякой действительности (его друг Станкевич предостерегал его — впрочем, совершенно напрасно — что это учение неприменимо к обыденной жизни), а об объективно достоверной закономерности, обнаруживающей себя в последовательности явлений в общественной жизни, он осознавал как воплощение человечности.

Фейербах показал русским, которые были исключительно объективистами, как гармонизировать объективизм с субъективизмом. Если до сих пор Белинский, по его собственному признанию, рассматривал объективизм и субъективизм лишь в их наиболее крайних и радикальных аспектах, то теперь он узнал от Фейербаха, что возможно логическое и методологическое примирение умеренного субъективизма с умеренным же объективизмом; узнал, что только такое примирение дает единственную возможность понимания существа философского развития и в первую очередь немецкой философии; что в нем единственное средство подвести это развитие к его надлежаще-

му завершению. Фейербах сделал единственной целью и исходным пунктом человеческого познания самого человека, а Белинскому, расстроенному Фихте, он продемонстрировал границу между ультра-субъективистской иллюзией и объективистской истинной и разумной действительностью.

Если Белинский воспринимал идеи Бога, царя, героя и нации в качестве сложного единства, то Фейербах доказал ему ошибочность этого слияния, в результате чего он, вместе с Герценом и Огаревым, превратился в противника теократического теизма и царизма. Коль скоро антропоморфный Бог был низвергнут со своего небесного престола как недействительный, естественно, был низвергнут и Богом данный земной престол царя; в то же время должность избранного президента, ранее признаваемая не более чем «достойная уважения», была вознесена до положения «святости»...

Для левогегельянцев России антропологизм Фейербаха, объяснение им религии как антропоморфизма получили дальнейшее усиление у Штрауса. У Штрауса Белинский перенял критическое отношение к христианству и Христу. Фогт и все материалистическое направление способствовали усилению материалистических воззрений Белинского и его идейных соратников.

Теперь Белинский обожествлял человечество совсем по-фейербаховски. Но «человек», говорил он, есть то же, что и «либерал», а под либерализмом он понимал свободу от гнета со стороны Николая. Белинский изменил гегелевскую программу. Новым Иерусалимом стала Франция; ее политика и революция стали определяющим примером жертвенной идеи человечности; монархизм же стал антигуманным. Французы всегда оказывали на Белинского большое влияние, хотя его программа была построена на немецких идеях. Он говорил, что не смог бы научиться хорошо говорить по-немецки. Нам известно, что Гегеля он читал в русском переводе, и не похоже, что он был знаком с оригинальными текстами кого-либо из немецких философов.

После отказа от примирения с действительностью, особенно с российской, он вновь приобрел дружеское отношение к французам, признав, что в революцию они проливали кровь за священные права человечности. Он знал, что во Франции было много пустословов и болтунов; но и у Германии были свои гофраты, филистеры и прочий сброд. Он стал восхищаться Робеспьером. Царство Божие будет создано на земле не с помощью слащавых и выспренных фраз идеалистической и утонченной Жиронды, а с помощью террористов и обоюдоострого меча слова, не расходящегося с делом, выкованного

Робеспьером и Сен-Жюстом. Так Белинский от «внутренней» истины перешел к «внешней»*.

С 1841 года Белинский переходит на позиции французского социализма. Жорж Санд была реабилитирована, ибо женский вопрос с самого начала имел для него огромную важность. Он хотел, чтобы женщины имели равное положение с мужчинами и прежде всего получали одинаковое с ними образование; брак должен перестать быть договором, но должен нести в себе нравственную ценность истинного союза любви. Сен-Симон, Фурье, Пьер Леру, Кабе, Прудон и Ледрю-Роллен внушили ему убеждение, что социализм есть «идея идей, бытие бытия, вопрос вопросов, альфа и омега веры и знания»; теперь социализм для него включал историю, религию и философию... Луи Блан в своей «Histoire de dix ans»¹⁵⁶ прояснил для него природу буржуазии и пролетаризацию масс, осуществленную буржуазией. Не следует полагать, однако, что своим интересом к социальным проблемам Белинский обязан исключительно этим теоретикам социализма. Социалистические и демократические наклонности он демонстрировал с самого начала, ибо числился одним из первых писателей-разночинцев. Несомненно, что он, как почти все русские писатели того времени, произошел из благородного сословия, но принадлежал к мелкому, обедневшему дворянству. Освобождение крестьянства, освобождение вообще всегда было его идеалом, о чем свидетельствует написанная им в юности драма, в которой он, по образцу «Разбойников» Шиллера, открыто клеймил крепостничество. «Мой девиз — социальность», — говорит он после философской дискуссии с Герценом. Не следует, однако, путать социализм Белинского с современным, марксистским социализмом. Как и прежде, Белинский оставался сугубым индивидуалистом и в этом походил скорее на Лассалья, чем на Маркса, считая, что индивид не должен приноситься в жертву целому. Как мы уже видели, он ни за что не согласен на такое счастье, при котором хотя бы один-единственный человек, один из его собратьев будет продолжать страдать. Мы часто встречаем у него утверждения, смысл которых в том, что в обществе, в котором страдают отдельные его члены, не может быть благосостояния.

Белинский модифицировал данную Луи Бланом характеристику роли классов — по крайней мере, в том, что касалось России, ибо он считал, что в России литература обогатила буржуазию «чем-то вроде

* В 1837 году он писал: «Буржуазная свобода должна быть плодом внутренней свободы всех составляющих нацию индивидов, но внутренняя свобода достигается через самосознание. Таков тот замечательный путь, которым мы достигнем свободы для нашей России... Все будет обеспечено без заговоров и мятежей и будет поэтому организованной и долговечной».

особого класса» — интеллигенцией. Этот класс состоит из представителей всех классов, объединенных любовью к культуре. Такой взгляд Белинский высказал в 1846 году. В следующем году он уточнил, что развитие всех наций происходило через классовую дифференциацию и однозначно заявил, что буржуазия как средний класс необходима для благосостояния государства. От его внимания не ускользнули пороки современного ему классового общества, продемонстрированные господством капитализма, но он не считал, что ответственность за это господство лежала на буржуазии и промышленности. Далее, он полагал, что русской аристократии предстоит трансформироваться в буржуазию, ибо только после этого в России может начаться внутренний процесс буржуазного развития.

Цивилизация и культура, иногда сюда прибавляется идея гуманности, — рассматриваются Белинским как наиболее важная движущая сила прогрессивных народов, интеллигенцию же, этот дополнительный буржуазный класс, он считает орудием цивилизации и культуры. Он принимает данную градацию классов и, кроме того, принимает интеллектуальное лидерство интеллигенции, осуществлять которое надлежит избранным личностям. Белинский отрицает (1848) «мистическую веру в народ», свойственную славянофилам и социалистам.

Не вызывает сомнений тот факт, что из немецкого и французского социализма той эпохи он позаимствовал принципы философской и политической революции, не принимая экономической доктрины этого движения — экономического материализма. Однако нельзя забывать, что в то время, когда еще зрела революция 1848 года, Маркс также еще не четко сформулировал свой экономический материализм и что тогда он был революционером по духу, революционером в политическом смысле этого слова.

Последние годы жизни Белинского (с 1846 года) характеризовались поэтому более сильным акцентированием индивидуализма, что выразилось в резких высказываниях в адрес французских социалистов. Он так и не уяснил себе, что его борьба за права отдельной личности не должна конфликтовать с социализмом. Но для Белинского это всегда была борьба против суеверия и мистики, как он сам выражался.

Будучи прирожденным бойцом (о собственной полемической партийной позиции он говорит: «Я по натуре еврей»), в котором нуждалась эпоха, он организовал всю прогрессивную Россию на противостояние абсолютизму. В Петропавловской крепости его поджидала камера, от заключения в ней его спасла лишь ранняя кончина...

Наивысшее выражение философское кредо Белинского нашло в его «Письме к Гоголю». Долгие годы Белинский был поклонником творчества Гоголя, но в конце своей жизни был вынужден выступить против него. В 1847 году Гоголь опубликовал «Избранные места из переписки с друзьями» — подборку, составленную главным образом из писем 1845—1846 годов, периода трагического возрастания религиозной экзальтации Гоголя. В «Переписке» Гоголь безоговорочно одобряет старый порядок и церковную религию, у него находятся слова оправдания даже для такой мерзости, как крепостничество, приятия которого требует его пассивное христианство. Белинский, находившийся в то время в Европе и не стесненный цензурой, выступил против этого заблуждения, которое было чрезмерным даже для консервативных славянофилов, с пламенным протестом, написав «Письмо к Гоголю». Это письмо ходило в рукописи по всей России. Представители образованных классов заучивали его наизусть; Достоевский и петрашевцы за публичное чтение «Письма» заплатились Сибирью. «Письмо» сделалось живой программой прогрессивной России. «Россия видит свое спасение не в мистицизме, — восклицает Белинский. — Ей нужны... права и законы, сообразные... с здравым смыслом и справедливостью...» России, «где люди торгуют людьми, нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждения в народе чувства собственного достоинства...»¹⁵⁷

«Письмо к Гоголю» раскрывает нам не только характер Белинского, но и его мировоззрение.

Фейербаховский атеизм и материализм приобретают у него характер социальной борьбы против старого российского теократического строя. Социалистические настроения Фейербаха прояснены и усилены аналогичным настроением французов. Теперь Белинский испытывает к французам такую же симпатию, какую, по признанию Салтыкова, чувствовал он сам и все молодое поколение. Белинский пришел от Фейербаха не к Штирнеру — по свидетельству Анненкова, Белинский с жаром отвергал учение Штирнера. Он, однако, не полностью отрицал эгоизм и был привязан к феербаховским *ego* и *alter ego*. Но оправданием эгоизму могла служить лишь определенная нравственная основа, а таковой являлся у него социальный и социалистический альтруизм. Даже Хомяков был не столь строг к Штирнеру. Именно воинственность Белинского помогла ему за радикально-анархистским фасадом рассмотреть пассивного буржуа.

С другой стороны, Белинский сумел избежать ошибок, свойственных Марксу. Маркс и Энгельс, преодолевшие Фейербаха в своем противостоянии идеалистическому субъективизму немецкой фило-

софии, впали в не менее экстремистский объективизм, не только отбросив Штирнера, но и принеся индивидуальное в жертву массовому. Благодаря Фейербаху, Белинский познакомился с умеренным объективизмом, согласно которому индивид, будучи сильной личностью, должен вести борьбу с обществом. В этом состояло самоощущение Белинского как русского. В России того времени массы были крестьянскими, они состояли из неграмотных крепостных; поэтому Белинский не имел возможности подчинить (подобно Энгельсу) таким массам «жалкую» индивидуальность. И если, по мнению Лассаля и Энгельса, традицию немецкой идеалистической философии предназначено было продолжить немецкому рабочему классу, то в российских массах Белинский такого продолжателя не видел. Белинский читал статьи Маркса в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и принял их радикализм, но при этом сохранил неприязненное отношение к философии Маркса, несмотря на ее атеизм и материализм и несмотря на Фейербаха.

Изучение Белинским Гегеля не привело его к объективистскому историзму Маркса и Энгельса. Он недвусмысленно заявлял, что свобода мысли не должна приноситься в жертву ограничивающим обстоятельствам эпохи, не должна подчиняться омертвляющим ее фактам, и не желал отказываться от этики во имя истории, как делали марксисты и позитивисты.

Несомненно, в творчестве Белинского присутствовал элемент позитивизма. Подобно Марксу и Энгельсу, он первоначально познакомился с немецкой разновидностью позитивизма, представленной в учениях Фейербаха и Гегеля, — ибо историзм Фейербаха и Гегеля был в существенной степени позитивистским. Далее, начиная с 1846 года, Белинский знакомился с сочинениями Конта и Литтре, благодаря чему получил представление о французском позитивизме. Для Белинского, как и для русских вообще, немецкий и французский позитивизм явился желанным прояснением и подкреплением их исконного реализма, который в то время на примере Гоголя определялся как художественный метод «натуральной школы».

Однако важно отметить, что Белинский не принимал этот реализм и позитивизм времени и фактов за действительную и истинную реальность. Как он сам говорит, он не желал отказываться от свободы действия в нравственной сфере.

При каждом удобном случае Белинский продолжал бороться со скептицизмом — особенно с «чахоточным» скептицизмом в России. Вместе со Станкевичем и Одоевским Белинский порицал скептицизм с 1840 года и даже раньше выражал неприятие его. Скептицизм представлялся ему ненормальным состоянием духа, способным получить

широкое распространение в переходные периоды, когда от старого уже отказались, а новое еще не возникло. Но и внутри скептицизма наличествовали степени и различия. Скептицизм казался Белинскому необходимой предпосылкой прогресса, но такая форма скептицизма не являла собой холодного отрицания. Жертвой такого отрицания становятся только мелкие ничтожные люди; великие и сильные натуры, страдая от собственного скептицизма, создают в противовес ему нечто новое, высшее. Данное рассуждение Белинского служит прекрасным психологическим объяснением его «Письма к Гоголю», но также всей его остальной литературной деятельности, его литературной оппозиции и революции.

Данная революция имела, собственно, одного-единственного противника — теократию и ее церковную религию. Борьба Белинского со всею страстью была обращена против суеверия и мистицизма русской церкви. Гегелю, Фейербаху, Конту с их позитивистским рационализмом предназначено было развеять суеверие и мистицизм. Белинский знал Россию и знал самого себя.

С самого начала Белинский отнюдь не являлся неуязвимым для мистицизма, к которому на протяжении всей жизни питал живой интерес. Именно потому, что он сам был мистиком, у него, как у истинно русского, знание и восприятие религии могло быть только мистическим. Ярыми защитниками мистицизма были и славянофилы — наиболее известные оппоненты западников, Киреевский, Хомяков и Самарин, имели сильную тягу к мистицизму.

От Тургенева, Достоевского и других мы узнаем, как сильно интересовала Белинского религиозная проблематика, в чем и сами можем убедиться, читая его «Письмо к Гоголю» и проследившая его борьбу за идеалы света и знания. Достоевский несправедлив к Белинскому в своем неприятии его богохульных антихристианских высказываний. Камнем преткновения для Белинского являлся не исторический, реальный Христос, а церковное христианство, фальсифицированный Христос. «Мы еще не разрешили проблему существования Бога — а ты уже говоришь, что хочешь обедать!» — с пылким упреком восклицал он в адрес Тургенева, уставшего от философской дискуссии. В этом упреке — весь Белинский. Ни в социальных, ни в метафизических вопросах не проявлял он и следа равнодушия, весьма типичного для либералов.

Как мы узнаем из его переписки, не менее богословия волновал Белинского вопрос личного бессмертия. В отличие от Боткина и Станкевича он не довольствовался верой. Утратив способность к вере, он искал знания. И в этом он стремился к свету. Поэтому его не удовлетворяло романтическое самоотречение и примирение, он пред-

почитал открытый атеизм и материализм. В «Письме к Гоголю» он страстно защищает тезис об исконной глубинной иррелигиозности русских. Русский суеверен, но цивилизация победит суеверия; в глубине души русский поразительно безразличен к вере. Правда, раскольники продемонстрировали огромное религиозное исступление. Но эти сектанты были столь малочисленны, что их можно не брать в расчет..

Однако страстность, с которой выражены данные взгляды и написано все «Письмо к Гоголю», уличает самого Белинского во лжи. Гоголь всколыхнул религиозную совесть своих современников, но те, будучи духовно страждущими, так же мало могли помочь себе, как сам Гоголь...

Борьбу против мистицизма Белинский ведет не только с помощью философии религии, но также и философии истории. Противоположность мистицизма и рационального знания есть то мерило, с помощью которого он оценивает Россию и Европу, сравнивает старую и новую Россию. Он, ученик Фейербаха и Штрауса, признает в старой России наличие развитой национальной и самостоятельной жизни, но то была жизнь бессознательно-созерцательная, мистическая по сути, подобная той, что характерна для Востока, для Азии. Пробуждение России произошло с пришествием Петра I; Россия зажила европейской жизнью воли и знания; Россия прорывалась к свету и укрепляла собственную индивидуальность. Но со времен Петра Россия находилась в состоянии раздвоенности, ибо народ продолжал жить по-старому, в то время как общество старые традиции отвергло и забыло, продолжая движение по пути европеизации.

Налицо общность точек зрения с Чаадаевым, равно как и со славянофилами, но единомыслие со славянофилами распространяется только на признание различия между Европой и Россией, а также различия между допетровской Россией и Россией после Петра. Когда же доходит до оценки этого различия, то в своих оценках Белинский и славянофилы разнятся друг от друга, как Европа и старая Россия, как рационализм и мистицизм — в том понимании, в каком пользовался этими понятиями Белинский. Пожалуй, определение «мистика» стало для Белинского *terminus technicus* и обозначает для него религиозную мистику, но также теологические воззрения старой России как целого.

Достоевский рассказывает, что Белинский, бывая на прогулках, обожал смотреть на строительство первого в Санкт-Петербурге железнодорожного вокзала. «Хоть тем сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконец-то и у нас будет хоть одна железная дорога. Вы не поверите, как эта мысль облегчает мне иногда сердце»¹⁵⁸.

В этом маленьком рассказе Достоевского — весь Белинский. Восторг его по поводу строительства железной дороги являет нам его веру в Европу и «Молодую Россию», веру в спасительную силу знания, веру в освобождение России из слабеющих уз теократического абсолютизма.

Белинский борется с суеверием, однако под суеверием он понимает не только суеверия, но и религию, теологию. Фейербах и Конт привели его к старой ошибке, жертвой которой был Юм, — к отождествлению религии с антропоморфизмом и суеверием. Борьба с официальной церковной доктриной и религией по сей день дает почву для этого заблуждения; тем более оно понятно у Белинского и его современников.

Белинский не предпринимал тщательного систематического рассмотрения основной философской проблематики, в частности, гносеологической, поскольку в правление Николая его больше интересовала практика, а не теория. Он довольствовался усвоением практической, этической тенденции немецкой философии и ориентацией в основных теоретико-познавательных проблемах. Его интересовали насущные проблемы дня, находившие свое отражение в литературе. Он не был философом в немецком смысле, не был профессором философии; немцы с их основательностью и системностью представлялись ему обывателями. Он упрекал Гончарова, называя его немцем и обывателем. Немцев он ценил как «семинаристов человечества», но при этом честно признавался, что удачный выпад против Булгарина и Греча доставил бы ему больше удовольствия, чем любая деловая статья. Фактически он был революционером от литературы, и Гончаров называл его «трибуном».

Белинский обладал почти что пугающей жадой знаний. «Учиться, учиться, учиться!» — таков был его самый первый девиз, и он оставался верным ему на протяжении всей жизни. Большинство из его критических статей писалось им, по существу, в порядке самообразования — потому они и вызывали такой живой отклик. Оппоненты не преминули придрасться к нему как к недоучке, упрекнуть его в недостатке образования — данные упреки повторялись вновь и вновь. И действительно, на литературной стезе Белинский выступал как самоучка, но это же можно было сказать и о многих других наиболее одаренных авторах того времени.

Белинский сознавал собственные недостатки, но у него был блестящий ум. С помощью немецкой философии он сумел с достаточной ясностью увидеть природу главных пороков России и на протяжении всей жизни беззаветно стремился к их искоренению («неистовый Виссарион»). Когда он умер, ему было лишь тридцать семь лет. Про-

длилась его жизнь подольше — и он смог бы написать одну или несколько из тех книг, которые были задуманы им, но и в том виде, в каком его знали современники, творчество Белинского сыграло более важную роль, чем творчество многих из тех, чьи литературные судьбы выглядят более состоявшимися. Не следует забывать и того, что как друзья, так и противники Белинского, как славянофилы, так и многие из западников, тоже не оставили после себя систематизированных трудов.

§ 76

Как критик и эстетик, Белинский смог не только дать правильную оценку ряда поэтов и писателей, чье творчество составляет русскую литературу, но и точную характеристику развития этой литературы. Он обладал заметным влиянием на современников ему поэтов. В самых первых своих работах он отдал должное таланту Пушкина, а Гончаров, Тургенев, Григорович, Некрасов, Достоевский, Кольцов и Полежаев многому научились у Белинского.

Белинский показал своим современникам, что идеи великих писателей, таких как Грибоедов (которого Белинский не понимал вплоть до 1840 года), Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский и Гончаров, составляют ценное национальное достояние, имеющее жизненно важное значение. Бенедиктов, чрезмерно превозносимый в то время, получил у него оценку, соответствующую размерам его дарования. Получили по заслугам и дидактические, тенденциозные стихи Хомякова. Белинского можно было бы упрекнуть за непонимание образа Татьяны в пушкинском «Евгении Онегине», как и за прочие подобные недочеты; важно, однако, то, что он прекрасно чувствовал истинно русский характер творчества Пушкина и Гоголя; в частности, что касается Гоголя, то в его реализме (который он относил к натуральной школе, в отличие от «риторической») он усмотрел русское мироощущение.

Велико было влияние Белинского в литературных кругах Москвы и Петербурга. Об этом свидетельствовали его связи со славянофилами и западниками, и особенно с литературными критиками Надеждиным и Анненковым, а также со многими другими почитателями литературы, которых в России в то время было уже множество.

Несмотря на то, что многие из его идей были позаимствованы из немецкой философии, в эстетике Белинский был эмпириком. Искусство, заявлял он, существовало еще до всякой эстетики, поэтому эстетика должна руководствоваться искусством, а не наоборот. Белинский

не имел собственной, детально разработанной эстетической теории; его почти исключительно интересовала поэзия и словесность, а присутствующий ему реализм заставлял его отстаивать тот взгляд, что поэт мыслит образами. Но он не забывал отметить также деятельность поэтов и в сфере мысли. В 1842 году он писал, что живая современная наука стала питательной средой искусства, ибо без науки талант был слаб и вдохновению не хватало энергии*. Ранее Веневитинов говорил, что русская литература должна «больше мыслить, чем творить» — правильно одностороннее, но более чем понятное во времена Николая!

Эти взгляды носят сходство с Шеллингом, а также с Гегелем, ибо в эстетике, как и в философии, Белинский находился под влиянием обоих этих немецких мыслителей. Постановка искусства на первое место по отношению к практике и теории есть шеллингианство, и когда автор творит в этом ключе, он говорит нам, что добро основано на эстетическом восприятии. Но после того как Белинский познакомился с Гегелем, он стал ставить искусство наравне с религией и философией и утверждать, что и красота имеет нравственный смысл.

Отголоски Шеллинга и Гегеля мы находим, кроме того, в конфликте романтизма и классицизма, постоянно занимающем мысли Белинского, — конфликте, разрешить который он надеялся программным образом посредством русского реализма. Но в этом Белинский столь же мало преуспел, как и вообще в попытках более четко разграничить субъективизм и объективизм. С одной стороны, он говорит нам, что искусство как порождение гения (гений же определяется à la Шеллинг) субъективно; и в то же время он убеждает нас, что искусство объективно и иначе быть не может. В годы, когда Белинский обожествлял действительность, было естественным, что и в сфере эстетики он будет настаивать на том, что искусство отражает только действительность.

Много забот доставил Белинскому вопрос тенденциозности. Одно время он настаивал, что искусство не должно быть тенденциозным, но вскоре после этого уже заявлял, что чистое и подлинное искусство должно иметь в качестве дополнения тенденциозную беллетристику, которую он признавал крайне полезной.

Белинский всегда давал самые высокие оценки прекрасному, художественному; но по мере достижения зрелости он все более интересовался идейным содержанием произведений искусства. Это идейное содержание, подчеркивал он, должно исходить от общества в целом.

* В 1843 году Белинский сказал, что искусство является одной из абсолютных сфер «познания». Аналогичным образом отзывался он о поэзии как философии и мысли, поскольку одной из задач поэзии видел представление идеи во всей ее конкретности.

В частности, литература представляет для Белинского сознание или становление сознания народа. Он принимает теорию, идущую от Шеллинга, согласно которой поэт — это оратор, орган своего народа. Но таким подходом к поэтическому искусству он был обязан не только Шеллингу и другим. Общеизвестно, что только в поэзии той эпохи русские создали оригинальные творения, хотя необходимо принять во внимание то обстоятельство, что до революции 1848 года (не только в России) поэзия и литература вообще выполняли роль парламентской трибуны. Белинский никогда не уставал защищать то мнение, что поэтическое дарование должно давать его обладателю возможность непосредственно сочувствовать идеям и духу эпохи, ибо поэта Белинский считал органом не партии или секты, а скрытых идей общества в целом. В соответствии с учением Гегеля он объявляет задачей поэта выражение не отдельного и случайного, а всеобщего и необходимого.

Сколько-нибудь подробный анализ национального лежал за пределами возможностей Белинского, но в данном вопросе славянофилы и другие русские авторы также оказались не на высоте положения. Он довольствовался случайными ссылками на те или иные физиологические свойства, которые могли создаваться под влиянием климата и почвы и проявиться в духовной сфере. В различении нации и государства он пошел дальше Гегеля, но в том, что касалось русских, он ограничился замечанием, что они обладали четко выраженными национальными чертами. Поэтому он выдвигал требование, чтобы идеи, порожденные за границей, должны были самостоятельно перерабатываться самими русскими в соответствии с их национальным духом. Россия, по его словам, была в силах осуществить эту задачу и сказать миру «свое слово».

В противовес славянофилам и романтикам концепция национальности Белинского не была мистической, и он индивидуалистически придавал наибольшее значение профессиональным литераторам, что и определило его критическое отношение к народной поэзии. В народной поэзии он видел лишь детский лепет, набор бессодержательных звуков; по той же причине он не усматривал никакой ценности в литературе допетровской эпохи, считая, что в ней еще не пробудилось сознание. Упомяну в этой связи о том, что Белинский составил неблагоприятное мнение о литературных начинаниях малороссов. (Он безоговорочно отрицал поэтические описания Шевченко.)

Белинский отдавал должное той верности своим убеждениям, которую демонстрировали славянофилы. Что же касается содержания их учения, то он говорил, что человечество состоит из конкретных наций, что общечеловеческое исторически находит свое выражение

в отдельных нациях. Для него, как впоследствии и для Тургенева, абстрактное человечество, гуманитарный космополитизм были фантомами. О том, что характер у него был благородный, свидетельствует его продолжительная и сердечная дружба со славянофилом Константином Аксаковым, несмотря на их расхождения по теоретическим вопросам.

Восторженное отношение Белинского к Европе заставило историков литературы расценивать проделанные им подробные изыскания в области национального вопроса как уклон в славянофильство. Более того, утверждалось, что его критическое отношение к позитивисту Майкову было следствием личной неприязни. Это неверно. Мы уже говорили о его отношении к славянофилам. Уже в первый период своей литературной деятельности он заявлял о своем неприятии космополитизма и сохранил верность этому взгляду до конца жизни.

А о том, что Белинский любил Россию со всеми ее изъянами и недостатками, не стоит вообще говорить.

Если в первой своей критической работе (1834) он говорит, что у России еще нет собственной литературы, то впоследствии русская литература была признана им в качестве самостоятельного и значительного явления. Сначала к первостепенным поэтам он относил четверых — Державина, Крылова, Грибоедова и Пушкина; в 1841 году к этому списку выдающихся русских писателей им были добавлены Жуковский, Батюшков, Гоголь и Лермонтов; и наконец, в 1844 году он принял как само собой разумеющееся то, что в России уже существовала собственная литература.

Белинскому отказывали в эстетическом чувстве, в способности адекватного восприятия искусства на том основании, что он считал «Сикстинскую Мадонну» выражающей безразличие к земным заботам, недостаток любви, гордое сознание высокой миссии и собственного совершенства; в младенце же Христе, по его мысли, предугадывалось появление ветхозаветного Бога-мстителя.

Да, Белинский имел право таким образом интерпретировать католический мистицизм.

Киреевский тоже заявлял, что нашел «Мадонну» Рафаэля непостижимой, хотя Жуковский с романтической восторженностью стремился донести до современников смысл божественной гармонии.

Как историк (а он был прежде всего историком литературы) Белинский не мог прийти к единому решению относительно исторических задач — особенно когда дело касалось истории литературы. Влияние на него Гегеля не проявилось в сколько-нибудь последовательном применении им диалектического метода. Также невозможно

обнаружить в творчестве Белинского единой и четко сформулированной теории движущих сил исторического развития. Белинский не был ни специалистом-социологом, ни историком философии, хотя он часто высказывал свое мнение относительно эволюции России. Мы уже выяснили, что думал он о стремлении к культуре и гуманности, и могу повторить, что фигура Петра и петровские реформы представлялись ему подтверждением собственного мнения относительно исторического значения вождей. Все его усилия были направлены на продолжение и углубление великого дела Петра, которое Белинский рассматривал как идущий извне необходимый цивилизующий импульс.

Влияние Белинского на современников и на более молодое поколение было огромным. Вплоть до 1856 года, в период последовавшей за 1848 годом реакции, его имя нельзя было произносить вслух, и авторы, говоря о нем, пользовались выражением «критик сороковых годов» или «критик гоголевской эпохи». Белинский направил подрастающее поколение на социально-политическую стезю, противопоставив теократическому абсолютизму свободу демократии. И в этом, конечно, он был не одинок. Не был он и первым, ибо на него самого оказали влияние Бакунин и Герцен. Но он прекрасно понимал, как можно разбередить умы людей, вопреки давлению николаевской цензуры. У него было демократическое мироощущение. Даже несмотря на то, что зачастую он сетовал на массы, перед его мысленным взором всегда стояла читающая публика, он всегда сознавал трудную и ответственную миссию русского писателя. Его гуманистическая проповедь была обращена к читателям, а не к безграмотным людям, но он хорошо понимал, что с личностной точки зрения образованный человек может оказаться не выше необразованного. В качестве типичного для него высказывания приведу следующее: «Массы живут бездумно и низко; но думать и не жить — чем это лучше?»

С самого начала личность Белинского встречала должную оценку как со стороны друзей, так противников. Довольно часто он получал за свое добросердечие такие похвалы, что это могло бы нанести удар по его престижу как мыслителя: Белинский был живым человеком.

Белинский стал социально-политическим и философским вождем молодого поколения. Правда, он занимался литературной критикой, но для него критика имела отношение не к книгам, а к самой жизни, по отношению к которой литература, по его выражению, играла роль зеркального отражения. Иван Аксаков рассказывает, что в ходе проделанной в 1856 году инспекционной поездки ему встретилось большое число людей, хорошо знакомых с «Письмом к Гоголю» Белинского, многие знали его наизусть. Белинский затронул наиболее

важные и фундаментальные проблемы своего времени. Полубессознательно, с помощью философии религии, он прямо на глазах у николаевских цензоров проповедовал социально-политическую революцию. Драма, написанная Белинским в годы юности, явилась его жизненной программой.

Это произведение не могло оказать непосредственного воздействия при жизни самого Белинского, ибо в течение восьмидесяти лет с момента написания она оставалась неопубликованной, но мысли, впервые высказанные здесь Белинским, постоянно повторялись в его последующих работах, получая более точное выражение и будучи более тесно увязаны с насущными вопросами дня.

Герой этого произведения Калинин, сын крепостного, влюбился в дочь своего барина. Они вступают в свободный любовный союз, надеясь на то, что впоследствии смогут получить благословение семьи. Но семья хочет выдать дочь за князя. Тогда Калинин добывает оружие и убивает в споре брата Софьи, который презрительно называет его «рабом», а затем убивает и ее саму по ее просьбе, после чего и сам сводит счеты с жизнью, так как узнает, что является сводным братом Софьи. Самоубийство становится единственной возможной расплатой за преступления кровосмешения и убийства.

Таким способом Калинин ведет борьбу с обществом и социальным устройством, но упреки свои он адресует главным образом всемогущему Богу, который так скверно создал мир и предопределил бессилие человека в нем. В образе Сурского, друга Калинина, Белинский изображает оптимиста, верящего в божественное провидение и принимающего жизнь во всех ее проявлениях, усматривая в мироздании и жизни совершенную, хотя и не понятую до конца гармонию.

Противопоставление этих двух характеров, пожалуй, напоминает о Шеллинге и его трех эпохах¹⁵⁹, в которых слепая судьба и механическая естественная закономерность сменяется ступенью провидения. Первые две стадии олицетворяет Калинин, Сурский же — третью, на которой мировая история приобретает свойства предустановленной гармонии. Не только Шеллинг, но и вся новейшая немецкая философия и литература могли побудить Белинского заняться проблемой свободы и необходимости.

Как бы там ни было, но будучи девятнадцати лет отроду, Белинский таким образом сформулировал проблему свободы и ответственности. Это не означает, что он разрешил данную проблему — она продолжала терзать его, уже зрелого человека, до самого конца.

«Дмитрий Калинин» — произведение в художественном отношении слабое. Это программа бунта девятнадцатилетнего интеллигента против социального устройства николаевской эпохи. Калинин Белин-

ского исповедует революционные право и долг. Если законы противоречат природному и человеческому праву, праву самого разума, человек должен пренебречь ими. Калинин восстает против «змей, крокодилов и тигров, живущих на костях и плоти ближних своих и пьющих кровь, как воду»; он показывает несколько типов рабовладельцев; он борется с освященными церковью, но совершенно безнравственными узами брака, противопоставляя браку идеал свободной любви. И не только против общества и его официальных столпов выдвигает Белинский свое обвинение. С богохульной гордыней он предьявляет счет самому Господу Богу за это его лживое и несчастное творение — или, может быть, этот мир есть все-таки порождение Сатаны?

Можно понять, почему эта пьеса заставила профессоров угрожать Белинскому Сибирью и почему от этой литературной неудачи, вместе с угрозами, молодого революционера бросило в жар.

Только теперь, познакомившись с превратностями философского развития Белинского, сможем мы понять его непрестанные колебания между философией Калинина и философией Сурского. Сначала он попытался обрести мир в философии Шеллинга, потом — Фихте, далее — у Гегеля, Фейербаха и социалистов — находясь в постоянном поиске, мечась между верой и сомнением.

Вновь и вновь читаем мы в его письмах о метафизических сражениях вокруг Бога.

В то время, когда он боготворил действительность, он заявлял (1838): «Я солдат Бога и марширую по Его команде». Но в 1840 году, узнав о смерти Станкевича, он много размышлял над жизнью и смертью. «Я не понимаю, к чему все это и зачем, — вопрошает он, — ведь все умрем и сгнием. — Для чего ж любить, верить, надеяться, страдать, стремиться, страшиться? Умирают люди, умирают народы, — умрет и планета наша, — Шекспир и Гегель будут ничто»¹⁶⁰. Годом позже Белинский объявляет это отрицание своим богом. А еще через год он пишет Бакунину: «Что есть человек без Бога? Хладный труп. Жизнь человека заключена в Боге; в Боге он умирает и здравствует, страдает и чувствует себя счастливым».

Как мы видели, Белинский хочет веры, ищет веры. «Без веры, — пишет он в 1842 году, — я не могу жить». Обретя веру в социализме, он сказал: «Мне стало легче жить. В душе моей есть то, без чего я не могу жить, есть вера, дающая мне ответы на все вопросы. Но это уже не вера и не знание, а религиозное знание и сознательная религия»¹⁶¹.

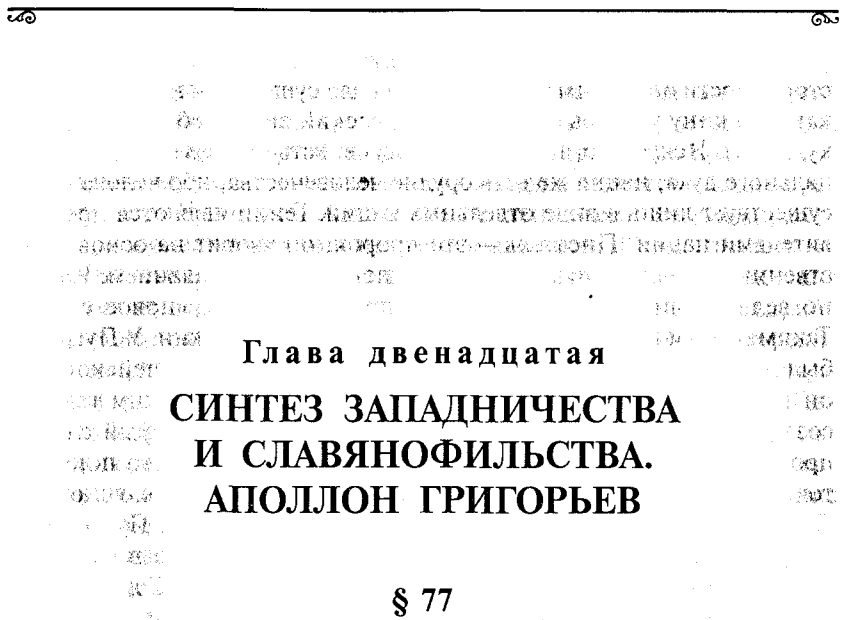
Анализируя эти и многие другие высказывания Белинского, можно было бы получить более точное определение понятий веры и религии, но для наших целей достаточно просто убедиться в том, что

данная проблема занимала его ум. Многозначительным является его требование «осознанной религии» и «религиозного знания», ибо из его письма к Гоголю мы узнаем, что его мнение об официальной религии ничего подобного не содержит. Ранее, в 1846 году, он заявлял, что для него слова «Бог» и «религия» означают темноту, невежество, цепи и кнут..

Анализируя Лермонтова (1840), он говорит о Печорине, «Герое нашего времени»: «В нем неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат его, мучат, и он в рефлексии ищет их разрешения...»¹⁶² Здесь Белинский выдает тайну своей собственной ищущей и мятушейся души.

Ибо и в самом Белинском жило две души. С эстетической точки зрения, он воплощал собой противоположность романтизма и реализма, которая для самого Белинского была противоположностью двух мировоззрений. Романтизм был для него внутренним мистическим миром человека, под мистицизмом он практически понимал то же, что и религия. Поэтому борьба с романтизмом была для него борьбой с религией и по поводу религии. На одной стороне имела место жажда веры, способной горы свернуть; на другой пребывали разум и отрицание. «Да здравствует разум и отрицание! К черту традицию, формы и церемонии!» — писал Белинский в 1840 году своему другу Боткину.

Аналогичное значение следует придать и его борьбе против религиозных славянофилов, которых он причислял к романтикам. Он ощущал в своих оппонентах конгениальность. Сражаясь с ними, он боролся с самим собой, со своим религиозным прошлым. Но как сказал однажды Белинский, благородный духом человек не гибнет при свете дня, как считают буржуазные философы. Нам известно также его высказывание относительно сильного и созидательного скептицизма.

Глава двенадцатая

СИНТЕЗ ЗАПАДНИЧЕСТВА
И СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.
АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

§ 77

Своеобразное, интересное явление представляет собой критик Аполлон Александрович Григорьев. Его первые литературные труды появились в середине сороковых годов. К концу 50-х годов его основные воззрения уже приобрели законченный вид. В начале 60-х годов он выразил их в обобщенном виде в двух журналах братьев Достоевских*.

Григорьева часто относят к «молодому» поколению славянофилов, некоторые же предпочитают считать его принадлежащим к консервативным и им подобным направлениям. На деле его мировоззрение представляло собой разновидность славянофильства, и в то же время он делал попытку синтеза славянофильских и западных взглядов.

Достоевский называл Григорьева с единомышленниками «почвенниками». Этот термин является производным от слова *почва* — земля, грунт, основание. Считалось, что почвенники имеют под собой твердый фундамент народности. Однако философские основания программы почвенничества отразили двойственный смысл этого термина.

К 1861 году, по мнению Григорьева, противоположность между славянофилами и западниками была преодолена. Обоих направле-

* Григорьев родился в Москве в 1822 году, в 1842 году закончил Московский университет. В Москве он испытал те же влияния, что и его современники и друзья из числа западников и славянофилов. Скончался он в 1864 году.

ний больше не существовало, по крайней мере, в силу своей односторонности они не имели оправдания для существования, после того как Пушкину удалось создать органический синтез обоих элементов культуры. Искусство, говорил Григорьев, есть орудие нации, национального духа, нация же есть орудие человечества, ибо человечество существует лишь в виде отдельных наций. Гении являются представителями наций. Писатель — это пророк; он творит на основе собственных мыслей и чувств, которые порождены страданием. Истинно великий писатель непременно должен сказать «новое слово». Таким гением и пророком русского народа был Пушкин. У Пушкина был личный опыт противоположности русского и европейского, но он преодолел эту противоположность и, будучи великим гением, создал новый, особый тип, истинно русский тип, который следует противопоставить европейскому*. Григорьев считает, что полное и точное отражение русского народного духа представлено в образе Белкина и подобных ему персонажей в произведениях Пушкина — например, Дубровского и капитанской дочки. Именно в Пушкине впервые нашла свое полное воплощение русская душа. С другой стороны, Печорин Лермонтова, был нерусским, антирусским типажом — именно таким, какого навязала русским Европа, или, скорее, европейский романтизм. Типично русским является миролюбивый, добродушный, невзрачный человек, с простым здравым смыслом и подлинным чувством. Печорин же, блестящий, обуреваемый страстями герой, представлялся Григорьеву олицетворением хищного типа. Из числа лермонтовских персонажей в духе Григорьева — Максим Максимыч. Кроме Белкина, Пушкин в своей Татьяне создал положительный женский тип и одновременно положительный русский идеал.

Таким образом, очевидно, что Григорьев рассматривает искусство не как зеркало жизни, а как путеводную нить, представляя через создаваемые им образы позитивные идеалы. В соответствии с этим взглядом Григорьев отводит литературной критике конструктивную и созидательную роль. Критика должна быть «органичной» — данное слово употребляется здесь в том же смысле, в каком говорил о церкви как об организме Хомяков; в этом смысле употребляли это слово Сен-Симон и прежде всего Карлейль. Здесь имеет свое выражение одна идея Карлейля, оказавшего большое влияние на Григорьева (и

* Вот примерное описание творческого процесса по Григорьеву. Великий писатель знакомится с образами, созданными иноземными поэтами, но не усваивает их в качестве своих собственных — они служат лишь тому, чтобы пробудить в его душе аналогичные образы. Так, частью духовной жизни Пушкина стали байроновские типы, т. е. он их пережил в себе; он не мог их принять; он боролся с ними, и его собственные русские типажи представляли собой результат этой борьбы.

на его стиль). Григорьев развивает введенное Карлейлем различие двух исторических эпох — здоровой, позитивной эпохи, основанной на вере и воображении, и ретроградной, негативной эпохи распада, основанной на разуме и рассудке. Верно, что Григорьев противостоял романтизму, но его собственная философия является насквозь романтической. Чувству он отдавал предпочтение перед разумом; он отрицал рационализм во имя мистицизма; вместе с романтиками он националистически трактовал идеал гуманности. Для него, как и для романтиков, искусство было главным рупором национальности, ибо сам того не сознавая, он отождествлял искусство с религией и религиозным рвением. Столь же романтическими были политические взгляды Григорьева и навеянное Карлейлем поклонение героям. Поскольку вождями человечества являются гении, ни парламентская демократия, ни революционная борьба за прогресс не имеют под собой оснований. При таких воззрениях Григорьева его противостояние западникам и особенно зарождающейся политической пропаганде выглядело вполне логичным.

Посредством своей органической критики, которую Григорьев, собственно, понимает как философию историю и философию вообще, он отклоняет «историческую» критику Белинского, но особенно протестует против «теоретической» критики, как он обозначает политическое утилитаристское направление школы Чернышевского. Писарева Григорьев ставит выше Чернышевского и Добролюбова, но порицает его односторонность и абстрактную логику, которая сыграла с ним злую шутку, ибо он нигилистически отрицал искусство, национальность, историю, науку и даже само мышление. Но при всех этих различиях существовали и точки соприкосновения и согласия. Своим позднейшим анализом Островского он во многом напоминает Добролюбова, в то время как антиисторизм объединяет его с Писаревым. Григорьев отрицает гегельянство и историзм с его релятивизмом. Человеческий дух обладает вечной энергией, присущей ему как организму. Эта энергия проявляет себя в мысли, науке, искусстве, национальности и в истории (характерно, что в этом перечислении опущена религия); это не эфемерные результаты и стадии развития; а вечные проявления духовных сил.

Само собой разумеется, что Григорьев не имел ничего общего с эстетиками, исповедующими искусство для искусства.

Григорьев был, бесспорно, прав, утверждая, что задачей мыслящих русских является не просто усвоение европейских новшеств, а дальнейшая разработка этих приобретений, создание нового на их основе. Формулировкой этой задачи и явилась «органическая» критика Григорьева. Само по себе данное требование выдвигалось и

раньше. В том же духе выступал и Белинский на заключительном этапе, намного предвосхитив почти все идеи Григорьева, которые, если их брать по отдельности, могут быть выведены из Белинского; особой же заслугой Григорьева является объединение их одной фундаментальной идеей — идеей органического.

С глубоким пониманием пытался Григорьев выделить в русской литературе положительно новое. Ошибочное суждение, заставившее его поставить Островского в один ряд с Пушкиным, а также его несправедливое отношение к Гоголю, суть ошибки, которые не компенсируют преимуществ и оригинальность этого человека. Он с одобрением воспринял некоторые из сочинений Тургенева («Дворянское гнездо») и очень высоко ценил творчество Толстого. Необходимо было отважиться на попытку более точно очертить идею национального. И Григорьев отважился на это, руководствуясь при этом новыми идеями, отличными от славянофильских и возникших на основании, заложенном греческими отцами Церкви¹⁶³.

В попытке осуществления синтеза Григорьев проявил также большую сдержанность. Он был более склонен одобрять западников, нежели славянофилов. В высшей степени одобрительно относился он к Чаадаеву и признавал заслуги Белинского, но порицал западническую экстраординарность и отрицание всего русского. Также полностью доверял он Хомякову и Киреевскому, хотя отмечал отсутствие в их воззрениях должной меры. И он решительно противостоял позднейшим славянофилам с их «мелкими идеалами».

Будучи сам весьма склонен к мистицизму, он приветствовал мистический элемент в творчестве Хомякова и Киреевского. В философии он исходил из Шеллинга, влияние которого на него было усилено Карлейлем. Но в отношении к своим западным наставникам он осуществил тот же синтез, какого требовал в отношении России; Шеллинг и Карлейль были рационализированы Гегелем. Особенно отрицательно относился он к реалистам и нигилистам с их позитивистской трезвостью. В этом отношении ему импонировал Достоевский, в сотрудничестве с которым он превратил два издаваемых братьями Достоевскими журнала в органы антинигилизма.

В личной жизни Григорьева, неустроенной, романтически гениальной, антипозитивистские настроения также преобладают. Считая себя носителем специфически русских чувств, он находит в русской жизни для своего синтеза совершенно своеобразные элементы. В пьянице, например, он находит чистоту души, и такого рода aberrаций в его суждениях множество. Он совершенно точно характеризует себя самого как «наглого» гуманиста, русское слово «наглый» не случайно имеет оттенок неистовства и беспощадности. В Григорьеве было и

нечто болезненное, это нечто мы в более развернутом виде найдем у Достоевского. Григорьев говорил о «неразумном счастье», о «гордости страдания», об «отталкивающей прелести» душевной боли и т. д.

Григорьев не стал основателем школы, для этого ему не доставало энергии и упорства. Образ мыслей его был афористичен; идеи его не были четко и ясно сформулированы. Григорьев не любил резонеров, которые мыслят, чтобы мыслить, причем дважды два оказывается равным не четырем, а как он говорил, стеариновой свечке. Его мистицизм слишком часто оказывался не в ладах с логикой. Тем не менее, Григорьев вращался в обществе родственных душ и через их посредничество оказывал значительное влияние. Наиболее известным из его соратников является Достоевский, многое узнавший и многому научившийся у Григорьева. В характере Достоевского, по существу, было много общего с Григорьевым. Помимо Достоевского, назову Страхова, издателя сочинений Григорьева* (к сожалению, только в одном томе).

* Страхов (1828—1896) был одним из основных авторов журналов братьев Достоевских. Его перу принадлежит ряд философских и литературно-исторических сочинений («Мир как целое»; «Основные понятия психологии и физиологии»; «Борьба с Западом»; «Критические статьи о Тургеневе и Толстом» и пр.), им переведена часть «Истории философии» Куно Фишера и «История материализма» Ланге. Страхов был труженик, характер же его был столь мягким, что осуществить требуемый Григорьевым синтез он мог лишь в форме компромиссов. Его авторитетами были Данилевский, Толстой и Достоевский. Страхов оставил нам воспоминания о Достоевском.

Глава тринадцатая

АЛЕКСАНДР ГЕРЦЕН. ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ

§ 78

Еще до того, как закрылись усталые очи Белинского, работу по литературной оппозиции и революции приготовился взять на себя Герцен. Будучи политическим мыслителем, человеком, склонным к политической деятельности, Герцен не мог оставаться безнаказанным в николаевской России. Выступив именно в то время, когда Уваров сформулировал официальную программу, после неоднократных преследований Герцен решил уехать в Европу. Покинув Россию в 1847 году, он прожил в Европе до своей кончины в 1870 году. Даже в эпоху относительной свободы при Александре II он не мог вернуться домой.

Значение эмиграции при Николае I и организация Герценом ее публицистической деятельности уже рассматривалось в связи с реакцией 1848 года. В числе сотрудничавших с Герценом были люди высокоодаренные — Иван Тургенев, одно время — Иван Аксаков, Кавелин, Самарин и многие другие. Относительно пороков управления и власти у него было много надежных источников информации. Можно себе представить, какое поразительное воздействие должны были оказывать в России не прошедшие цензуру статьи. Распространение в России изданий Герцена было организовано очень хорошо. Их читали стар и млад. Царь от корки до корки прочитывал каждый номер «Колокола». Воздействие богатой содержанием и разоблачениями критики возрастало благодаря блестящему стилю. Первые литературные опыты были слабыми, но вскоре Герцен сделался одним из лучших, если не лучшим русским писателем. Его сочинения изобиловали шокирующими Тургенева галлицизмами и неправильностями, но

и Тургенев признавал живость, страстность и едкость герценовского слова. Герцен выработал особую, лишь ему свойственную литературную форму — нечто вроде мемуаров, в которых история его времени преподносилась в философском осмыслении. Общий заголовок его литературных произведений мог бы гласить: «Развитие России и Европы, с моей точки зрения». Этот очень личный подход придает особое обаяние его рассказу о повседневных событиях в мире. Словотворчество, соответствующее его воззрениям (как материалист, он говорит о «чистых мозгах» и «равенстве мозгов»); употребление смелых неологизмов и колких выражений («петроградизм», «пуристане от демагогии», «богословие кнута»); подчеркнутая острота при определении понятий, например, «крещеная собственность» о крепостничестве; решимость называть вещи своими именами (а для этого в те времена требовалась смелость — и не только в России); пафос убеждения, использование иронии и парадокса, поэтичность языка, естественное, но продуманное создание из отдельных фраз впечатляющего целого, — все это суть достоинств Герцена, которые должны были привлечь внимание общественности. Там, где это казалось ему необходимым, Герцен непосредственно обращался к художественной форме. Наряду с романом «Кто виноват?» он оставил нам несколько трогательных рассказов. Эти сочинения писались с определенной целью: в них активно обсуждаются различные «за» и «против»; вместе с тем в них обычно дается превосходное описание условий, в которых живут и действуют герои, что служит ценным вкладом в создание психологической картины времени.

Герцен стал блестящим представителем того прогрессивного поколения, расцвет которого пришелся на правление Николая I. После поражения под Севастополем он стал самым отважным глашатаем либеральной эпохи Александра II, учителем молодых реформаторов так называемых 60-х годов*.

* Александр Иванович Герцен родился в Москве 25 марта 1812 года. Его отец Яковлев был богатым представителем старинного аристократического рода. Герцен был его незаконнорожденным сыном, мать его была девушка-немка, которую Яковлев привез с собой из Штутгарта в 1811 году. Яковлев с братьями, будучи высокопоставленными особами, вели жизнь, весьма характерную для полукультурных русских, осколков екатерининского времени. Говорят, что отец Герцена имел учителем родственника Вольтера, но несмотря на французскую культуру, его поведение дома было совершенно азиатским. Правда, что именно он дал своему любимому сыну фамилию Герцен («Herzen»), но нередко незаконнорожденность сына использовалась им как повод для выражения бездушного презрения к матери и ребенку. В ранней юности Герцену открылся незамысловатый секрет его рождения, что послужило причиной холодности и даже горечи в его отношениях с отцом. Знание на собственной шкуре того, как обращаются с крепостными, способствовало его дальнейшему отчуждению

Неполное издание произведений Герцена было выпущено в Женеве на русском языке. В России же его сочинения не могут свободно издаваться и по сей день (1913). Первое русское издание по-

и внушило ему враждебное отношение к аристократии. У него был ряд учителей-французов, плохо справлявшихся со своими обязанностями, а в библиотеке отца он очень рано познакомился с сочинениями Вольтера и других французских писателей (например, с «Женитьбой Фигаро» Бомарше!). Французская революция и французская республика стали идеалами мальчика. В возрасте тринадцати лет у него завязалась пожизненная дружба с Огаревым, а декабристов и в первую очередь Пестеля мальчик просто боготворил. Правда, программа декабристов напоминала скорее «Дон Карлоса» Шиллера, нежели историческую действительность. На протяжении всей жизни Герцена Шиллер был одним из его любимых авторов. Религиозное образование оказало заметное влияние на Герцена. Мать вырастила его в своей лютеранской вере, но одновременно он участвовал в отправлении обрядов православной церкви. Библия оставалась для него священной книгой и в зрелые годы. Французские и немецкие влияния были усилены влиянием русской литературы, чтением Пушкина, Рылеева и др. Двоюродный брат, несколько старше его по возрасту, законный сын одного из его дядьев, привил ему глубокое и устойчивое уважение к химии и естествознанию. В университете Герцен изучал физику и математику, а по окончании его в 1833 году представил диссертацию, посвященную Копернику. В бытность студентом университета он был посвящен Павловым в загадки Шеллинга и Окена, но важнее университета был для Герцена круг товарищей, в рамках которого происходило его философское и политическое развитие в 30—40-е годы. В 1834 году он был арестован в связи с деятельностью кружка, а в 1835 году сослан в Вятку. В тюрьме и в Вятке Герцен попал под влияние крайнего религиозно-художественного мистицизма, читал произведения Эккартсхаузена, Сведенборга и оккультистов типа Эшенмайера, совершенно так же, как несколько лет до него Чаадаев, с которым он был знаком лично. В 1838 году он был переведен из Вятки во Владимир, что на реке Клязьме, где он проходил службу и вступил в романтический брак с Натальей Александровной Захарьиной, в которую был влюблен в течение нескольких лет. В 1839 году он возвратился в Москву, а в 1840 году переехал в Петербург. В это время произошло его кратковременное отчуждение от Белинского. 1841—1842 годы он провел в Новгороде, а затем до 1847 года жил в Москве. К этому периоду относится изучение им Гегеля и Фейербаха, дружба со славянофилами, последующее отдаление от них (1845) и разрыв с либералами (с Грановским в 1846 году). Позднее он обратился к немецкому материализму (Фогт) и французскому и английскому позитивизму (к Конту, Литтре и Миллю). Теперь Герцена весьма занимали идеи французских социалистов, Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, Консидерана и Прудона; интересовался он и философией истории Вико, Гердера, Мишле и др.; и, конечно же, он изучал таких политических мыслителей, как Монтескье, Бентам и др. Его отец умер в 1846 году, оставив ему значительное состояние, равнявшееся полумиллиону рублей золотом. Он уехал в Европу в январе 1847 года и больше в Россию не возвращался. Проведя некоторое время в Париже, в Италии и других местах, он в 1852 году обосновался в Лондоне, где оставался до 1867 года. Его последние годы прошли в Париже, Женеве, Ницце и других местах. Умер он в Париже 21 января 1870 года. В Европе он завел личные знакомства со многими влиятельными личностями, а, находясь в Англии, сблизился с европейской эмиграцией (Мадзини, Гарибальди и др.). Его первой заметной литературной работой был последовавший за несколькими написанными по случаю статьями роман «Кто виноват?», увидевший свет в 1847 году. Начиная с 1850 года, стали выходить

явилось в Петербурге в 1905 году, но в нем было сделано много купюр¹⁶⁴.

В философских вопросах Герцен, как и его московские друзья, вырос на Гегеле и Фейербахе. Белинский для Герцена играл роль Иоанна Крестителя, Герцен был прямым продолжателем дела Белинского. Если Гегель и левогегельянцы атаковали романтизм с позиций позитивизма, то и Герцен в своем мировоззрении тоже нападает на романтизм; при этом ему приходилось бороться с романтизмом и в себе самом. И в этом он напоминал Белинского. Основываясь на Фейербахе, он попытался искоренить собственную прирожденную склонность к мифу и мистицизму, призвав на помощь позитивизм и материализм, апеллируя не только к Фейербаху, но и к Конту, и к Фогту.

различные, совершенно своеобразные статьи («С того берега», 1850, и пр.). К этому времени его псевдоним Искандер был уже хорошо известен в России. Альманах «Полярная звезда» (1855—1862) и особенно журнал «Колокол» (1857—1867, на французском языке с 1868 года) получили мировую известность. Помимо своей литературной деятельности для периодических изданий, Герцен выпустил ряд живых и широко известных произведений (мемуары Екатерины II, сочинения раскольников и т. д.). В 1853 году в Лондоне он основал издательство «The Free Russian Press» («Свободная русская пресса»). Приведем еще несколько подробностей из его жизни. Для него была характерна тяга к дружбе. Мальчишеская дружба с Огаревым служила отдушиной при холодности и мрачности домашнего обихода; в зрелые годы у него было много друзей в России и в Европе. Детская любовь тринадцатилетнего подростка к женщине намного старше его, впоследствии вышедшей замуж за друга Герцена Вадима Пассека, отчасти объяснима его общей потребностью в дружбе; той же причиной объяснима в определенной степени и его любовь к Наталье. Несмотря на эту любовь, во время своего пребывания в Вятке он имел связь с женой одного чиновника, что быстро ему надоело; в Новгороде его отношения с женой были расстроены страстью, которую он питал к девушке-служанке. Впоследствии (1850) страшным ударом для него явилась связь его жены с Гервегом (Herwegh). Наталья оставила мужа и детей, но через год вернулась к Герцену. Через несколько месяцев после этого его мать и один из сыновей погибли в кораблекрушении. Наталья умерла 2 мая 1852 года. Основные сочинения Герцена: «С того берега» (1850); «Письма из Италии и Франции» (1850); «Социальные условия в России» (1854); «Воспоминания русского» в 4 т. (1855—1856); «Кто виноват?» (1851); «Долг превыше всего» (1857). Сочинения на французском языке: «De l'autre rive» (1851); «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (1851); «La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie» (1858); «La France ou l'Angleterre? Variations russe sur le theme de l'attentat du 14 janvier 1858» (1858); «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à M. Michelet» (1858); «Les mémoires», 3 vol. (1860—1862); «Camicia rossa, La chemise rongée Garibaldi à Londres» (1865); «Lettre adressée à l'empereur du Russie» (1866); «La Mazourka, un article du Kolokol, dédié avec profond sympathie et respect à Edgar Quinet» (1869); «Lettre sur la France et l'Italie» (1871); «Nouvelle phase de la littérature russe» (1868). Сочинения на немецком языке: «K. Kavelins und I. Turgenevs sozial-politische Briefwechsel mit A. I. Herzen. Mit Beilagen und Erläuterungen von Professor M. Dragomanov» (1894) (Schiemanns Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten. IV).

В Париж Герцен прибыл как раз накануне Февральской революции. В детстве он был восторженным сторонником революции и республики, знакомство же с французскими социалистами укрепило в нем эту детскую тягу. Вдохновляемый прямо-таки мистической верой в революцию и прогресс человечества, он поспешил на «землю обетованную» революции. Он внутренне соперничал 1848 год, но именно опыт данной революции, за которой быстро последовала реакция и реставрация, показал ему, что губит революцию не реакция, а она сама. Поэтому он утратил веру в революцию.

Первая из изданных им в Европе работ («С другого берега», 1850) представляет собой анализ этого отрезвления от революционного мистицизма. Для русского издания этой работы им был написан «Эпилог к 1849 году», начинающийся со слов: «Проклятие тебе, год крови и безумия, год торжествующей пошлости, зверства, и тупоумья. — Проклятие тебе!»¹⁶⁵

Старый общественный строй основывался на религиозной иллюзии. Поскольку религия и церковь были заодно с политикой и государством, Герцену казалось, что первое пробуждение человечества от религиозного дурмана католического и феодального (аристократического) Средневековья несет революция, породившая протестантизм и философию и завершившаяся на данном этапе великой революцией XVIII века. Это была революция, предводимая меньшинством; она не затронула массы. Меньшинство же отказалось от своих принципов, как только пришло к власти; даже Робеспьер гильотинировал Анахарсиса Клотса за то, что тот исповедовал религию, отличную от его собственной. Революция потерпела поражение, и это было неизбежно, ибо ее идеалы были идеалами меньшинства. Всех этих идеалов, воодушевления и убеждения оказалось недостаточно, ибо мало одной лишь веры в идеалы справедливости; важно еще иметь равенство мозгов, а этого-то и не было. Поэтому герои освобождения и революционные вожди не стали наследниками революции, плоды ее пожала буржуазия. Но буржуазия удовлетворялась полумерами как в религии, так и в политике, удовлетворялась протестантизмом и либерализмом. Либерализм — религия буржуа, торговца, человека без индивидуальности, человека, который является лишь посредником между имущими и неимущими. Орудие, средство к достижению цели — вот что такое буржуа.

Буржуазной половинчатости соответствует английский парламентаризм, эта колоссальная устаревшая мельница, которая была создана для того, чтобы скрывать под иллюзией деятельности внутренний застой и маразм буржуазного либерализма. Такую же ценность имеет и французский республиканский формализм. Буржуазная республи-

ка ничем не лучше и не хуже монархии. Те же самые люди, те же буржуа, которые осуществили великую революцию, поспешили затем возвести на престол Наполеона и королей. После Июльской революции воцарился Луи Филипп. После Февральской революции уже в июне, в правление республиканцев, произошел расстрел рабочих Кавеньяком (Герцен и Тургенев находились в тот момент под домашним арестом и прислушивались к мушкетным выстрелам; оба писателя дали затем блестящие описания этих июньских событий). Окончилось все маскарадом с восшествием на престол Наполеона III.

Каково значение этих хронических революций и реставраций? До сей поры революции являлись чистым донкихотством, республики — лишь формами старого режима, который — если в революции есть хоть какой-то реальный смысл — должен бы быть уничтожен до основания. Европейские народы остаются привержены монархии и христианству, и пока не будут уничтожены авторитаризм и религия, политическая смена декораций будет лишена всякого смысла. Подлинная революция в настоящее время должна быть социалистической, атеистической и материалистической — этого требует эпоха. До тех пор, пока массы да и сами революционеры продолжают верить в Христа, буржуазные революции будут оканчиваться цезаризмом. Цезаризм будет разрушен в ходе борьбы неимущих с имущими, коммунизмом, но вместе с цезаризмом будет уничтожена та цивилизация, с которой массы связывают лишь слезы, несчастья, невежество и унижения... Социализм победит, но будет развиваться в своих крайних несуразных формах. В ходе борьбы революции с «порядком» Европа станет напоминать Богемию после гуситских войн; цивилизация найдет себе приют в Англии или, скорее, в Америке, где уже процветает новое социальное устройство. Но на смену новому порядку придет еще более новый порядок, меньшинство вновь восстанет и т. д. — приливы и отливы истории. «Так вновь и вновь будут разгораться революции, вновь потекут потоки крови. Что выйдет из этой крови? кто знает, но что бы ни вышло, в этом разгаре бешенства, раздора, возмездия, мести... погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, водвориться будущему. И это прекрасно, а потому — да здравствует хаос и разрушение! Vive la mort!»¹⁶⁶ И да водружится будущее!»¹⁶⁷

И вновь: «Наше призвание, наше деяние в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Нами человечество протрезвляется, мы его опохмелее, мы его боли родов. Если роды кончаются хорошо, все пойдет на пользу; но мы не должны забывать, что по дороге может умереть ребенок или

мать, а может, и оба, и тогда — ну тогда история со своим мормонизмом начнет новую беременность... *E sempre bene*¹⁶⁸, господи!»¹⁶⁹, — одним словом, смысл жизни и истории в том, что жизнь и история не имеют смысла.

«Французская революция и немецкая наука — это геркулесовские столбы мира европейского»¹⁷⁰. Французская революция провозгласила свободу мысли и жизни, но не смогла понять, что такая свобода несовместима с католической организацией Европы (Герцен часто употребляет слово «католический» как синоним слова «христианский», считая протестантизм и либерализм не более чем стадиями католицизма). «Германская наука — спекулятивная религия», не что иное, как последняя фаза католицизма — Руссо и Гегель были христианами; Робеспьер и Сен-Симон были монархистами...

«Республика Конвента являла собой пентаархический абсолютизм и вместе с тем церковь» с гражданскими догмами; «народ оставался по-прежнему «мирянном», управляемым».

Но мир обычаев, церемоний и авторитетов трепещет при страшном имени *Свободы*, его старое не сможет жить, если по его жилам потечет ее яд. Поэтому после иррациональной эпохи императорства в народе вновь проснулось чувство национальной опасности, и все глубокие мыслители — Шатобриан, Ламенне (в первой фазе), де Местр, Гегель и Нибуэр — стали ожидать катаклизма... «Два исполина пришли наконец — Гете и Байрон — чтобы торжественно заключить историческую фазу». Байрон был «поэт сомнения и негодования, духовник, палач и жертва вместе».

Байроновская гордость, настроение Люцифера в «Каине» — это единственный путь к спасению. Даже «Фауст» Гете остается детской забавой; его Мефистофель все еще довольствуется колебаниями; трагедия, временное отчаяние заканчиваются спасением — на немецкий манер *sub specie aeternitatis*...¹⁷¹ Французы ищут выхода из проблем посредством политической болтовни. У Байрона, этого «ужасного титана», хватает мужества выразить свое презрение без обиняков и без обиняков говорить о том, что выхода нет. Он не морочит нас мудрыми фразами про отрицание; он не заигрывает с неверием; он не обманывается чувственностью; он не пытается отвлечь нас простыми девочками, вином и бриллиантами; холодной рукой он рисует нам картину убийства и преступления... Только эта рожденная разочарованностью определенность способна принести мир. Герцен ссылается на собственный пример, рассказывая о том, как он научился переносить смерть человека, который был всем для него. «Казалось, что туман смыкается вокруг меня, я прошел через период неистового и глухого отчаяния, но я не пытался успокоить себя ложными на-

деждами. Ни на мгновение не попробовал я успокоить свою скорбь отупляющей мыслью о воссоединении за гробом». Также и Кавелину, когда у того умер сын, Герцен рекомендовал в качестве единственного утешения работу и исполнение своего долга...

Задача немногих — тех, кто сохранил добродетель в Содоме и Гоморре, тех, кто достаточно силен духом, хоть и слаб телом — приветствовать этих провозвестников смерти как радостных предтеч приближающегося разрешения от бремени. На то возражение, что библия смерти и крушения цивилизации может лишить нас всякой радости действия, Герцен отвечает, что понимание само по себе есть действие, осуществление.

Работа, в ходе которой Герцен хоронил и разрушал свои революционные иллюзии, посвящалась его сыну, которому в то время было пятнадцать лет. «Я не хочу тебя обманывать, знай истину как я ее знаю; тебе; эта истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвыми разочарованиями, а просто по праву наследства... Не ищи решений в этой книге, их нет в ней, их вообще нет у современного человека. То, что решено, то кончено, а грядущий переворот только начинается.. Мы не строим, мы ломаем, мы не возвещаем нового откровения, а устраняем старую ложь. Современный человек, печальный *pontifex maximus*¹⁷², ставит только мост — иной, неизвестный, будущий пройдет по нем. Возможно, ты увидишь его... Не останься на *старом берегу*... Лучше с ним погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции.

Религия грядущего общественного пересоздания — одна религия, которую я завещаю тебе. Она без рая, без вознаграждения, кроме собственного сознания, кроме совести... Иди в свое время проповедовать ее к нам *домой*; там любили когда-то мой язык и, может, вспомнят меня.

Благословляю тебя на этот путь во имя человеческого разума, личной свободы и братской любви!»¹⁷³

§ 79

Же знаю, удалось ли мне дать читателю представление о литературном таланте Герцена. Я старался, насколько возможно, придерживаться его собственных слов, и не прерывая его повествования.

Анализируя религиозные иллюзии, он дает восхитительный синтез взглядов тех философов, которых знал лучше всего, — Конта и

Фейербаха, но к ним примешивается нечто вроде штирнеровского беспощадно логичного осквернения святынь. К Конту восходит отождествление Герценом христианства и католицизма, оценка им протестантизма как отрицания католицизма, его оценка метафизики, подчеркивание политического характера католицизма. Однако сама формулировка проблемы идет скорее от Прудона и отчасти — от Сен-Симона. Кроме того, о значении католицизма он впервые узнал от Чаадаева. Первые литературные опусы Герцена «Записки одного молодого человека» и «Еще из записок одного молодого человека», написанные в 1840 и 1841 годах, посвящены были творчеству Чаадаева; эти двое писателей были друзьями. Историко-философская интерпретация Герценом цивилизации выдает влияние Руссо и французских социалистов. Его описание истории как движения по кругу вызывает ассоциации с терминологией Вико, взгляды которого, однако были видоизменены, благодаря влиянию на Герцена Карлейля. Своим непреклонным материализмом Герцен был обязан Фогту, с которым был знаком лично; в этой связи приходит на ум разрыв с Грановским вследствие неверия Герцена в бессмертие личности. Его умонастроение находилось в то время под влиянием Шопенгауэра и Вольтера, так что возникают ассоциации с гетевским Мефистофелем. Взгляды его на практическое поведение были навеяны Люцифером Байрона...

Герцена обвиняли в эклектизме, но этот упрек не вполне справедлив. Он был знаком с европейскими мыслителями, он жил в Европе и ей был обязан своим культурным обликом. Но воспринял он только то, что было ему созвучным, и из перечисленных разнообразных элементов составил целое, являющееся выражением его собственной индивидуальности. Он продемонстрировал мощь этого организующего синтеза.

Некоторые из культурных элементов Европы, повлиявших на него, он воспринял через отечественных мыслителей. В его образе мыслей различимо влияние Белинского, Хомякова, Киреевского и Чаадаева, но также Бакунина и, особенно, Чернышевского; не только Гете и Байрона, но также Пушкина и Гоголя.

Здесь нет места для детального разбора того, в чем именно сходится Герцен со своими предшественниками, учителями и друзьями, и для определения его зависимость от них в отдельности. Нет нужды и проследить, насколько изменились взгляды Герцена в 1848 году. Внимательное исследование убедит нас в том, что он довел учение Фейербаха до логического завершения, сближаясь тем самым со Штирнером; и тем не менее умонастроение Герцена сильно отличалось от штирнеровского. Для Герцена позитивистское отречение

разрушало не только религиозные, но и политические иллюзии, иллюзии революции*.

Для нас представляют интерес герценовские философия религии и философия истории. Прежде всего следует отметить, что Герцен, как и Белинский (а также как Фейербах, Конт и Юм), путал религию с мифом и мифологией. Более того, Герцену не удалось провести четкого различия между религией и церковью, или церковной религией**.

Христианство для него, как всякая религия и мифология, с этической точки зрения является системой пассивности, он говорит о ней как об «апофеозе смерти». Он пишет: «Sub specie aeternitatis смерть не имеет смысла, но тогда ничто вообще не имеет смысла». Так характеризует Герцен христианский отказ от земного. Мы можем предположить, что когда Герцен продумывал этот аргумент, направленный против христианства (в 1853 году), он имел в виду главным образом существующее на его родине православие. Это становится очевидным в его суждении о католицизме, который он противопоставляет православию как способный к дальнейшему развитию. Суждение его о православии и византийской традиции в высшей степени неблагоприятное: в его представлении они являют низшую форму христианства. Доказательство этому он видит в византийском искусстве. В 1843 году он говорил о православии как о «застое». Вместе с тем в слабости православия, как и в слабости России вообще, Герцен

* Желательно более подробное сравнение Герцена и Фейербаха — по крайней мере, в том, что касается отношения каждого из двух мыслителей к революции 1848 года. Фейербах дал анализ ведущих фигур этого года и решил, что они не смогли подняться до уровня его философских требований. «В мыслях он откладывал революцию на отдаленные времена, отказываясь от нее в настоящем» (*Grün. Feuerbach. Vol. I. S. 331*). Фейербах и сам говорит (*Grün. Ibid. Vol. 2. S. 329*), что хотя душой он безоговорочный республиканец, ум налагает ограничения на его республиканские воззрения; он за республику лишь в случае, если к тому есть надлежащее место и время, если люди в массе своей созрели для этой формы политического устройства. Отношение Герцена к Америке тождественно фейербаховскому, равно как и его оценка монархии. Чисто фейербаховским является неприятие Герценом атеизма как отрицания, о чем вкратце будет сказано ниже.

** Прилагаю образчики этого смешения религии с мифом. Для выражения своей позиции Герцен употребляет самые разнообразные выражения. Часто он говорит о «религиозной мании». В его *Aphorismata*, собранных им воедино в 1867 году для круга своих философских друзей (Шифф, Фогт и др.), говорится, что история — это «историческая неразумность»; еще религия смешивается с фантазиями, мифическими баснями, верой, ложью, Библией, Апокалипсисом, мистицизмом и иллюзией; история религии как «священная неразумность» изображается в виде патологического или фантазмагорического религиозного состояния. Логика и математика как антисоциальные противопоставляются этому социально объединяющему состоянию и т. д.

находит огромное негативное преимущество, а именно то, что русская церковь не имеет власти над повседневной жизнью, в Европе же жизнь пронизана католицизмом. Поэтому для Герцена христианство и есть главным образом католицизм, в то время как православие, выражаясь по-немецки, — не более чем «дурная возможность». До сих пор православие с его недостаточным влиянием играло в России благую роль в том смысле, что Россия еще ничего не совершила и потому может и должна совершить многое в будущем.

Что касается православия, то здесь в отношении староверов Герцен делает почетное исключение. Их он считает самым энергичным и здоровым элементом нации. Им мы обязаны сохранением национальной идеи, народного духа, национальной традиции, национальных нравов и обычаев.

Говоря о Чаадаеве и его тенденции к католицизму, Герцен поясняет, что по сравнению с православием католицизм обладает многими превосходными качествами, благотворно влияющими на русскую душу, вследствие чего к католицизму приходят многие, помимо Чаадаева. По мнению Герцена, именно позитивная определенность католицизма является его преимуществом перед негативным православием.

Очевидно, что и самого Герцена надо причислить к тем, на кого произвел впечатление католицизм, благодаря чему он и воспринял католическую точку зрения на протестантизм как на негативное учение — точку зрения, выраженную Контом и де Местром. Слишком легко отождествляет Герцен протестантизм с немецкой наукой, философией и либерализмом. Как и Конт, он не делает различия между теологией и религией.

§ 80

Уже в мальчишестве Герцен был вольтерьянцем, но Вольтер не уберек его от романтизма и мистицизма. Тем не менее Герцен быстро и сравнительно легко перешел от мистицизма к гегельянству и младогегельянству. Познакомившись с французским и английским позитивизмом, он настойчиво пытался вписаться в рамки позитивизма, но неожиданно для себя самого нашел это весьма трудным.

По словам самого Герцена, при переходе от романтизма и мистицизма к позитивной науке он вначале еще был мистиком науки. Это значит, что он поменял лишь объект веры, но не саму веру, в чем он упрекает революционеров и буржуа. К этой фазе он относит весь

период своей «мистической» веры в революцию. Тогда Герцен верил в человечество, в социалистические утопии и т. д., но задавался вопросом, не является ли такая вера смешной и глупой, если смешной и глупой является вера в Бога и в царство Божие?

Для Герцена позитивизм, научное отрезвление, кажется, всегда приходили в виде «горьких» плодов философской борьбы и ощущались как «тяжкий крест». В первые годы фейербаховского периода (1843) он пишет о позитивной науке как об «ужасном вампире», как о «холоде», употребляя много подобных выражений, к которым прибегали также немецкие и французские романтики, да и, конечно, сам основатель позитивизма. Герцен знал, что позитивизм дается в борьбе; он знал, что мыслящий, сильный человек должен, говоря языком Иисуса Христа, потерять душу, дабы обрести ее; ему предстоит пробыть через фазы скептицизма («нравственного самоубийства») и бессодержательного, чисто негативного атеизма. В разгар всех этих потуг к позитивизму часто возникает желание: «Если бы я только мог помолиться!» — и он, бывало, уступал этому желанию. В 1839 году он, его жена и его друг Огарев вместе молились из радости и благодарности за ту дружбу, которая существовала между этими двумя семьями. Тогда Огарев в своем религиозном экстазе жаждал мученичества...

Последовавшая за 1848 годом реакция принесла Герцену освобождение от иллюзий. Он возжелал стать в конце концов последовательным позитивистом, но к нему то и дело возвращались непозитивистские настроения, они мучили его как «проклятье». Я процитировал выдержанный в резких выражениях отрывок об отупляющей идее бессмертия, относящийся к 1852 году; но вскоре после этого в работах Герцена появились и смягченные высказывания на эту тему. Например, в 1855 году он говорит о смерти друга — польского эмигранта Ворцеля. До последнего вздоха Ворцель оставался «старым идеалистом», продолжая верить в осуществление своих утопий. У Герцена никогда не хватало духу изложить Ворцелю собственные убеждения во всей их полноте. Глаза Ворцелю закрыл Мадзини: «Ворцелю нужна не истина, а соборование»...

Правда, время от времени Герцен формулирует правила безжалостного пробуждения от мистицизма¹⁷⁴, но в 1855 году признается, что от отчаяния его спасли собственные дети, некоторые друзья и работа — история собственного развития. Герцен заявляет, что, вообще говоря, при всех своих разочарованиях он продолжал исповедовать «религию индивидуальности, веру в двух-трех людей, доверие к себе самому и к человеческой воле».

Превыше всего, однако, как он вскоре обнаружит, — его вера в Россию. «Вера в Россию спасала меня на грани морального крушения, — пишет он уже в 1854 году, — за эту веру, за возвращение здоровья я должен благодарить мою страну. Не знаю, увижу ли я вновь Россию, но моя любовь к России будет длиться до тех пор, пока я жив». В 1857 году он следующим образом формулирует программу своей будущей работы: «Работа, деятельность, деятельность на благо русского народа, который со своей стороны достаточно потрудился для нас!»

Где здесь позитивистский настрой; где здесь критическое позитивистское знание?

Если Герцен мирится с научным позитивизмом Фогта, он осознает, что неспособен к этой трезвости утраты иллюзий; он слишком любит, «поэзию трагических восторгов и болезненного юмора, которые мы любим, как любим мы все, что нас потрясает и терзает». Герцен часто повторяет, что русский человек меланхоличен, скептичен и ироничен; он оставляет открытым вопрос о том, являются ли эти качества свойствами расы или созданы обстоятельствами времени. В этом понимании антитезой веры является не знание, а сомнение, и он признает что все время скатывается в сомнения, байроновские сомнения, ибо Байрон был «поэтом сомнения и неудовлетворенности». Он сознает, что идет здесь по стопам Юма, а не Конта, ибо определенной целью позитивизма последнего было покончить со скептицизмом Юма*. Герцен остро ощущает боль утраты иллюзий, боль разочарования, последовавшего за его избавлением от «религиозной мании»; поэтому для него невозможно оставаться последовательным и спокойным позитивистом**.

Герцен, как и Белинский, не может обойтись без веры; его скептицизм не носит хронического характера, и настрой байроновского Люцифера у него не постоянен. У Герцена сильна тяга к любви и дружбе. Опыт его в этой сфере придает его презрительной гордости и едкой иронии налет мягкой меланхолии. Не единожды за свою изобилующую личными переживаниями в печальные моменты жизнь Герцен находил облегчение в слезах. В такие минуты одна позитивистская наука оказывается беспомощной. И все же он верил в науку и находил утешение в ее достижениях. Он посылает друзьям газетную

* Вообще говоря, в XVIII веке Герцен усматривал не скептицизм, а наоборот, интенсивную веру; провозглашение скептицизма имело место вместе с провозглашением республики. Исключения составили Дидро и Англия. Англия долгое время была обителью скептицизма. Байрон последовательно шел по пути, проложенному Шекспиром, Гоббсом и Юмом.

** Русский термин «разочарование» буквально означает освобождение от чар.

вырезку с сообщением об отправке из Нью-Йорка в Лондон первой телеграммы, как доказательство того, что абсолютной ценностью в жизни обладает только наука; но это все было не более чем временным настроением, обычно же преобладали другие чувства.

При данном мировоззрении Герцен с неизбежностью должен был разойтись со зреющим в России нигилистским движением. Подобно Герцену и вслед за Герценом нигилисты последовательно противопоставляли позитивистский материализм романтизму и мистицизму. Этому расхождению способствовала не только литературная деятельность Чернышевского и его сторонников, но и прямая полемика с Герценом и дискуссия, последовавшая за анализом нигилизма, данным Тургеневым в романе «Отцы и дети», напечатанном в 1861 году.

В 1867 году А. А. Серно-Соловьевич, представитель младшего поколения, уже отвернувшегося от Герцена, брат Н. А. Серно-Соловьевича, сосланного в Сибирь и убитого по пути к месту ссылки, выступил с едким памфлетом против Герцена*. Памфлет был послан Герценом своему другу Бакунину в качестве *corpus delicti*¹⁷⁵ для своих обвинений в адрес нигилизма, Бакунин выступил в его защиту. После чего, в 1869 году, Герцен окончательно порвал с базаровщиной.

В нигилизме Герцен видит возвышенное явление в русском развитии; он интерпретирует нигилизм в духе собственного позитивистского «отрезвления», но в конечном счете приходит к совершенно иным выводам, ибо видоизменяет сам понятие «отрезвления».

«Нигилизм, — пишет он, — есть логика без стриктуры¹⁷⁶, наука без догматов, это безусловная покорность опыту, безропотное принятие всех последствий, какими бы они ни были, если они вытекают из наблюдения, требуются разумом. Нигилизм не превращает *что-нибудь* в ничего, а раскрывает, что *ничего*, принимаемое за *что-нибудь*, — оптический обман и что всякая истина, как бы она не перечила фактическим представлениям, — здоровее их и во всяком случае обязательна¹⁷⁷. Нигилизм, возражает Герцен, «не есть превращение фактов и мыслей в *ничего*; в бесплодный скептицизм, ведущее к бездействию, тогда настоящие *нигилисты* всего меньше подойдут под это определение, и один из величайших нигилистов будет И. Тургенев... и, пожалуй, его любимый философ Шопенгауэр»¹⁷⁸. Это реалистическая критика старой России, такой, какую мы находим в «Мертвых душах» Гоголя и в сочинениях Белинского. «*Но нигилизм, — добавляет Герцен, — новых начал, принципов... не внес*»¹⁷⁹.

* «Наши русские дела» (ответ на статью господина Герцена «Царит порядок» в № 233 «Колокола»). Немецкий перевод этого памфлета был выпущен Боркгеймом в 1871 году.

Герцен не согласен с писаревской интерпретацией Базарова. Он сетует на то, что Базаров ничего не оставляет в покое и смотрит на все и всех в России свысока, особенно порицает он его за то, что он не понял значения декабристов.

«Наука спасла бы Базарова, он перестал бы глядеть на людей свысока с глубоким и нескрываемым презрением. Наука учит нас больше, чем евангелие смиренню. Она не может ни на что глядеть *свысока*, она не знает, что такое *свысока*, она ничего не презирает, никогда не лжет для роли и ничего не скрывает из кокетства. Она останавливается перед фактами, как исследователь, иногда как врач, никогда как палач, еще меньше с враждебностью и иронией. Наука — я ведь не обязан скрывать несколько слов в тиши душевной, — наука — *любовь*, как сказал Спиноза о мысли и ведении»¹⁸⁰.

Байроновский Люцифер и ирония явно лишаются здесь своего привилегированного положения; их место занимает любовь и та гуманность, которую Герцен считает характерной для Белинского и своих русских друзей и противников. Несмотря на весь «фанатизм убеждения», эта русская гуманность по временам бывает довольно мягкой и уступчивой. Как бы там ни было, Герцен обнаруживает в себе определенные «колебания» (здесь он употребляет немецкое слово *Zugrunde*). Например, после 1863 года он сделал уступки Бакунину, невзирая на собственные убеждения*.

В тот же год, когда он признается, что верит в нигилизм любви, он расходится с Бакуниным и заявляет: «Говорить не верь! это не меньший диктат и, по правде, не меньшая глупость, чем говорить верь!»

Кроме идеи любви, Герцен приобретает и идею долга.

В первых своих философских статьях Герцен выражает враждебность к «буддизму» и к «дилетантизму в науке». Чисто философская теория, не имеющая связи с жизнью, не имеет в его понимании ни ценности, ни смысла. «Человек призван не в одну логику, — а еще в мир социально исторический, нравственно свободный и положительно деятельный; у него не одна способность отрешающегося понимания, но и воля, которую можно назвать разумом положительным». Эта формулировка, взятая из немецкого идеализма и опубликованная в 1843 году¹⁸¹, часто повторяется в сочинениях Герцена. (Из того же источника проистекает отождествление Хомяковым воли и рас-судка, датированное 1859 годом.)

* В статье 1866 года «Лишние люди и желчевики» он защищает лишних людей (Онегина, Печорина) от реалистов. Некоторые считают эту статью полемикой с Чернышевским.

Разрешить проблему долга, дать ответ на вопрос о том, почему индивид должен поступать так и не иначе, почему он решается на какой-то определенный образ действия и считает себя нравственно ответственным за принятие такого решения, Герцен пытается с помощью утверждения, что «развитие науки, ее современное состояние вынуждает нас, независимо от нашего желания, принять определенные истины». Это решение было предложено Герценом в 1845 году в дискуссии с Грановским, о которой уже упоминалось здесь. На возражение, что долг чисто относителен и в конечном счете оказывается вовсе не долгом, а исторической проблемой, Герцен отвечает, что такие истины перестают быть историческими проблемами и становятся «просто неопровержимыми фактами сознания». Когда же далее Герцен сравнивает эти «факты» с теоремами Евклида, то следует признать, что с гносеологической точки зрения это сравнение является не совсем удачным, но примечательно его убеждение относительно обязательного характера некоторых истин. К этому взгляду он возвращается вновь и вновь. Как мы уже знаем, в статье о Базарове Тургенева он утверждает, что принимаемые рассудком за абсолютные, строго научные истины являются, во всяком случае, обязательными. Тем самым решительно отменяются «бесплодный скептицизм», ирония, настроения в духе байроновского Люцифера.

§ 81

Вслед за событиями 1848 года Герцен, вполне в духе Байрона, отдался чувству презрения к людям, гордости Люцифера в Каине. Им владело не только презрение, настроение его было прямо-таки преступным, он находился на грани убийства. Герцен, как и Белинский с Бакуниным до него, подошел к проблеме преступления через идеализм.

Поставленный, как и Бакунин с Белинским, перед проблемой «субъективизм versus объективизм», он сделал свой выбор в пользу гармоничного сочетания того и другого. Эволюция немецкой философии, принципы которой он уяснял для самого себя, укрепила его в правильности принятого решения. Работа, озаглавленная «Письма об изучении природы», явилась самым основательным философским трудом Герцена, оказавшим формирующее воздействие на развитие русской философии. Она была завершена в 1865 году¹⁸². Вместе с Фейербахом Герцен в метафизическом плане сделал выбор в пользу позитивизма и материализма и выступил за устранение резкой противоположности субъективизма и объективизма. Последнее слово немецкой

философии Герцен нашел у Гегеля (а не у Шеллинга и даже не у Фихте или Канта), и это для него стало последним словом философии вообще, ибо немецкую философию Герцен почитал как *non plus ultra*¹⁸³ нового мышления. Герцен не мог себе представить прогресса в философии после Гегеля и заявлял, что левогегельянцы, включая Фейербаха, не открыли ничего, кроме того, что уже в зародыше содержалось в творчестве Гегеля.

История немецкой философии от Канта через Фихте к Шеллингу сравнивалась Герценом (следовавшим здесь за Эдгаром Кине [Quinet]) с политическим развитием, воплощенным в именах Мирабо, Робеспьера и Наполеона. Гегель, говорил он, первым нащупал правильную позицию, устранив дуализм объективизма и субъективизма. Относительно экстремистского, односторонне гносеологического и метафизического субъективизма (Робеспьера) Герцен был того же мнения, что Белинский и Бакунин. Ему было свойственно какое-то невыносимое нахальство; он был высокомерен и в своей критике беспощаден; из-за своей односторонности он был так же далек от истины, как и противоположная точка зрения — односторонний объективизм (Наполеон) — или, как, следуя немецкой школьной терминологии, предпочитал называть его Герцен, односторонний эмпиризм. В формулировке Герцена эмпиризм должен сочетаться с рационализмом.

Крайний субъективизм и индивидуализм Герцен отрицал также и с этической точки зрения, как эгоизм. Когда он впервые попал под влияние Фейербаха, он пользовался его способом выражения, противопоставляя человека человеку (Du), сердце как единичное — общему, индивида — роду и оставляя за тем и другим равные права. В романе «Кто виноват?» индивид противопоставляется семье. После того, как Герцен познакомился со Штирнером, индивидуализм с еще большей определенностью стал рассматриваться им как эгоизм. Человек, говорил он, наделен природным эгоизмом или индивидуализмом и общественностью, общинным началом (Герцен употребляет этот, несколько туманный, термин). Нередко он пользуется и словом «альтруизм», позаимствованным из французского. Он достаточно часто ссылается на два этих природных свойства людей; признается, что оба имеют право на существование, а иногда открыто защищает эгоизм. «Славяне, — говорит он, — менее эгоистичны, чем другие». «Своеволие (с побочным значением — произвол), — вопрошает Герцен, — но что же за нравственная обязанность быть под подчинением чужеволит?»¹⁸⁴; «личность — действительная вершина исторического мира», «живой и сознательный инструмент своей эпохи»¹⁸⁵, — по крайней мере, гениальный индивид. Герцен согласен с Белинским, что такие личности являются орудиями нации и человечества. Рево-

люции, в той мере, в какой Герцен их признает, начинались и кончались не классом — и уж, конечно, не буржуазией; они были делом рук свободных людей: таких как рыцарь Ульрих фон Гуттен, аристократ Вольтер, сын часовщика Руссо, полковой хирург Шиллер, сын торговца Гете — все эти свободные люди не принадлежали ни к какому классу, а буржуазия как масса просто воспользовалась плодами их трудов.

Но бок о бок с крайним индивидуализмом все время попадают феербаховские формулировки. Например, в работе «С того берега» мы читаем, что не существует противоположности *Я* и *Ты*; и Герцен предупреждает нас, что несмотря на священность индивидуальности, не следует разлагать общество на атомы. Отсюда, для байроновского преступления логически не остается места, ни в метафизическом, ни в этическом смысле.

Что понимал он под байроновским преступлением и убийством в то время, когда расточал проклятия революции? Белинский заставляет своего Калинина совершить убийство, но убийца убивает и себя самого. Герцен определенно не хочет такого решения проблемы, в то время как Белинский сам поднялся выше своего героя. Байроновское настроение и сознательное решение убить — это совсем не то, что убийство, совершенное Калининым, которого обстоятельства подтолкнули к необдуманному поступкам.

Перед Герценом стояла проблема революции, и ему было необходимо принять решение. Европа подала России революционный пример; воспоминание о декабристах было свято для Герцена, вот почему, воодушевленный революцией, он с такими надеждами поспешил в Париж. Было очевидно, что как русский, как иностранец он не сможет принять участие в революции. Будь он французом — и то он не был бы обязанным участвовать в революции. Но был ли он прав, осудив революцию?

Далее, что стало с его решением в пользу убийства по образцу байроновского «Каина»? Почему он презирает человечество из-за 1848 года, презирает людей, решившихся, как и он сам, на убийство — и осуществивших собственное решение? Нужно только ясно себе представить и довести свои мысли до конца: революция, революция 1848 года, означает также преступление и убийство. И речь, собственно, идет о том, чтобы по-разному относиться к разным преступлениям и убийствам.

Фактически в 1848 году Герцен выразил свое неприятие революции; и его байроновское настроение, созвучное эпохе, его решение в пользу убийства было лишь нравственным самообманом. Это явствует из пересмотра Герценом своего отношения к революции.

Уже в 1840 году Герцен был приверженцем Фейербаха, а в 1845 году он примирил объективизм с субъективизмом. К этому времени он был позитивистом, и все же в 1848 году он был все еще способен к революционному воодушевлению. Только в 1848 году, став свидетелем реакции в Австрии, Венгрии, Германии, Франции и в других местах, он превратился в противника революции. Многие из учеников Фейербаха в Германии приветствовали революцию и многие из них были ее участниками, но сам Фейербах, как и Герцен, был ее противником — и по тем же причинам. Мыслители, стоявшие на позициях Фейербаха, по-разному решали вопрос об отношении к революции вообще и, в частности, о возможности их личного в ней участия.

Вряд ли есть необходимость подробно доказывать, что в 1848 году Герцен несколько поторопился, когда осыпал проклятиями революцию. Как мог он не видеть, что революция, несмотря на ее ошибки, в политическом и культурном плане породила много ценного. Как мог он не понять, что эволюция движется шаг за шагом, что это постепенный процесс? Даже если признать справедливость критики им ошибок революции 1848 года, разрешает ли эта критика саму проблему?

Далее, оценка Герценом республики или различным попыток установления республики была слишком поспешной. Он был прав, считая, что республика 1848 года, в сущности, не слишком отличалась от монархии, но разве вовсе не было никакого отличия? Он сам требует социальной республики; но разве политическая республика, буржуазная республика не являются шагом по направлению к этому идеалу? Все эти вопросы занимали после 1848 года многих политических мыслителей. И более правильную позицию заняли друг Герцена Бакунин и Карл Маркс, противостоявший и Герцену, и Бакунину.

Ясно, что огульное отрицание конституционализма и парламентаризма является ошибочным. Если бы Герцен вспомнил, как царь Николай I порицал конституционную монархию за лживость и в то же время выражал «понимание» республики, он, может быть, начал бы мыслить более по-государственному. Герцен апеллирует к Пейну и к примеру Америки вообще, но разве не в результате революции завоевала Америка свою свободу и свою республику?

Ссылка на Пейна? Но у Пейна, чье здравомыслие так высоко ценит Герцен, есть один важный для русского мыслителя момент. Пейн ясно говорит, что политическая свобода содействует свободе религиозной и философской; он говорит нам, что нашим долгом должна стать политическая работа по подготовке почвы для религиозной свободы и наоборот. Пейн, несмотря на то, что он был англичанином, лично участвовал во Французской революции.

Герцен не мог вновь и вновь не возвращаться к проблеме революции. К этому его толкали мнения друзей в Европе из числа эмигрантов, которые верили в возможность скорого возобновления революции и способствовали этому. К этому толкали его также поборники революции в России и в русской эмиграции, его друзья Огарев и прежде всего Бакунин. Будучи «припертым к стене», Герцен высказался против революции и, в частности, против своего личного в ней участия.

С тринадцатилетнего возраста (как он писал Мадзини в 1851 году) Герцен был предан одной идее, идее войны с любым гнетом во имя абсолютной независимости личности. Поэтому он хотел продолжать собственную малую партизанскую войну. Он хотел быть настоящим казаком и «действовать на свой страх и риск». Он и впрямь мечтал о великой революционной армии, но не готов был стать ее рядовым до тех пор, пока характер этой армии не станет совершенно иным... А это явно означает, что, по мнению Герцена, окончательная революция станет необходимой лишь много позднее. А пока что он возлагает надежды не на институты, а на людей, и поэтому считает более важным и более революционным развитие просвещения с помощью философских, литературных и журналистских усилий.

Несмотря на тесные контакты с известными политическими деятелями Франции, Италии и Германии, Герцен никогда не принимал личного участия в политической агитации. Он был принципиально против создания тайных обществ и так и не стал ни разу членом ни одной из возникавших в то время революционных партий. Как и Белинский в 1837 году, он порицал тайную пропаганду как устаревший метод, как бы радикальна она ни была по своим целям. В 1853 году он выразил свое презрительное отношение к пропаганде. Он так решительно порицал покушение Каракозова на царя (1866), так отрицательно относился к политическому убийству вообще, что лидеры политических групп вынуждены были выразить ему протест.

Наконец, в 1869 году Герцен подвел итоги своему отношению к революции в письмах «К старому товарищу» (Бакунину).

Герцен согласен с Бакуниным относительно цели, которая состоит в преобразовании буржуазного государства в народное, но считает, что революционеры заблуждаются в вопросах тактики. Народ, весь народ, массы не могут быть подготовлены к жизни в народном государстве ни посредством государственного переворота (*coup d'état*), ни посредством «переворота в головах» (*coup de tête*). Собственность, семья, церковь и государство всегда были и остаются средствами подготовки людей к свободе — свободе разумной!

Общество находится в развитии, оно постепенно идет вперед. Государство несомненно представляет собой переходную форму, но функции его по сей день не изжили себя.

Герцен не верит теперь в то, что история движется скачкообразно; он хочет двигаться шаг за шагом; он не верит в старый, и устаревший метод революции и не ждет совершенно ничего хорошего от применения силы и терроризма. Не верит он и в провокационную агитацию Бакунина. Он считает, что внешнее освобождение людей должно происходить по мере их внутреннего освобождения.

Герцен не страшится обвинений в том, что он просто прогрессист и сторонник компромиссов. Тот, кто не хочет существования цивилизации, основанной на кнуте, не должен добиваться свободы посредством гильотины. Не одному уважающему себя человеку не придет в голову сыграть роль Аттилы. «Пусть каждый добросовестный человек сам себя спросит, готов ли он? Так ли ясна для него новая организация, к которой мы идем, как общие идеалы — коллективной собственности, солидарности, — и знает ли он процесс (кроме простого ломания), которым должно совершиться превращение в нее старых форм? И пусть, если он лично доволен собой, пусть скажет, готова ли та среда, которая по положению должна первая ринуться в дело?»¹⁸⁶

Поэтому мы должны ждать и работать. Сила старого строя заключена не столько в политической власти, сколько в том факте, что он пользуется всеобщим одобрением. Мы должны таким образом влиять на людей, чтобы устранить данное одобрение, мы должны быть для них неустанными проповедниками. Нетерпеливые оппоненты скажут: «Время слова прошло; время дела наступило». «Как будто слово не есть дело? Как будто время слов может пройти! Враги наши никогда не отделяли слова и дела; и казнили за слово не только одинаковым образом, но часто свирепее, чем за дело»...¹⁸⁷ Герцен отказывается выступать в качестве слепого орудия судьбы; он не хочет стать «бичом, палачом Божиим». Не для него также и наивная вера простата неведения, дикий фанатизм, и своего рода непорочное младенчество революционного мышления. Он не верит в то, что история, ход событий могут сделать людей невольными инструментами разрушения старого режима. Знающий и думающий всегда сам принимает решения, и его решением будет: «Проповедь нужна людям, проповедь неустанная, ежеминутная, проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения, — апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам. Проповедь к врагу, — великое дело любви: они не виноваты, что живут

вне современного потока, какими-то просроченными векселями прежней нравственности. Я их жалею, как больных, как поврежденных, стоящих на краю пропасти с грузом богатств, который их стянет в нее, — им надобно раскрыть глаза, а не вырвать их, чтоб они спаслись, если хотят»¹⁸⁸. За собой и своими товарищей Герцен признает лишь одну силу, «власть разума и понимания».

«Отвергая их, мы становимся расстригами науки и ренегатами цивилизации»¹⁸⁹.

После 1848 года Герцен осыпал революцию проклятьями, сделав буржуазию объектом презрения байроновского Каина и угрожая ей оружием преступления. Но к концу своей жизни, за несколько месяцев до кончины, мы видим его выражающим сочувствие к буржуазии... «Я не только жалею людей, но жалею и вещи, и *иные вещи* больше *иных людей*»¹⁹⁰. В это время в письме к другу Огареву, разделявшему идеи Бакунина, Герцен склоняет его отказаться от мысли о преждевременном освобождении, соответствующем плану Нечаева. «В истории можно забегать — но уж отвыкни жалеть погибающих, жалеть личности. И действительно, ни Пугачев, ни Марат их не жалели»¹⁹¹.

Однажды Герцен уже провозглашал победу галилеян, когда царь Александр II принял решение об освобождении крепостных. После двадцатилетнего пребывания в рядах эмигрантов, он вновь определенно выражает свою веру в галилеян, утверждая, что равенство, равенство мозгов принесет не презрение или преступление, а сочувствие и любовь к врагам. Мы должны следовать за Христом, а не за Байроном. «Идите и научите все народы»¹⁹².

В этом молодое поколение не могло идти за Герценом, оно следовало за ним, когда он проповедовал байроновского Каина, презиравшего буржуазию, учившего, что религия Христа должна быть преодолена как религия смерти...

Таким образом, Герцен окончил жизнь христианином, христианином на деле, ибо он искренне принял евангелие смирения — этот неверующий христианин! Революционеров 1848 года он представил верующими христианами, в этом, несомненно, состоит большое различие. Но практически Герцен пришел к приятию буржуазной тактики и политики. Или нет?

Не вполне, ибо если бы он сделал это, то должен был бы принять и буржуазную революцию.

Теперь уже нам не стоит опасаться байроновского Каина. Каин превратился в Фауста, того Фауста, которого так сильно презирал Герцен. Более того — Каин деградировал, заняв место в ряду «лишних людей».

В 1850 году, когда Герцен впервые связно изложил свою философию религии и истории, он уже далеко вышел за рамки философского ученичества и блуждания. В ту пору ему было уже тридцать восемь лет, так что его творчество этого периода можно взять за отправной пункт анализа его социологических воззрений. Это тем более уместно, что в бытность свою учеником Гегеля он пытался ориентироваться методологически в истории и естествознании, а также в науке вообще.

Его дневник за 1842—1845 годы свидетельствует о том, что он занимался вопросом о природе знания и науки, основываясь в основном на гегельянско-фейербаховской философии. К этому же периоду принадлежат статьи «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы», в которых он попытался сформулировать собственные взгляды. В этих статьях ему не удается достичь удовлетворительных результатов и видно, что он не смог примирить Гегеля с позитивистским материализмом. Согласно Гегелю, в истории, как и вообще в мире, главенствует разум. Герцен этого еще не отрицает, но противопоставляет логику истории, считая первую разумнее, а вторую человечеснее. Герцен вводит различие между историческим мышлением как деятельностью родовой и логическим мышлением индивида, которое и есть мышление в истинном смысле слова. В позитивистском ключе Герцен особо подчеркивает точное мышление естественных наук, и мы уже видим его сетующим на «тяжкий крест лишенного иллюзий «знания». С позиций этого лишенного иллюзий знания, противопоставляемого им всем формам и степеням религиозных иллюзий, Герцен и сражается с дилетантизмом. Человек не в ладах с природой и с самим собой, его единственное спасение — в точном знании; для него, находящегося в состоянии разлада, важно иметь четкость видения. Далее Герцен переходит к наметкам такой истории философии, которая давала бы более точную формулировку описанного взгляда, но не предлагает более четкого изложения принципов, и противоположность между Гегелем и Фейербахом остается не преодоленной.

На этом этапе Гегель все еще обладает столь значительным влиянием на него, что Герцен признает наличие прогресса в истории и возможности предвидения будущего со словами: «Мы суть те предпосылки, из которых создается силлогизм будущего, и поэтому мы можем заранее познать будущее».

Таким языком говорил Герцен в 1843 году; но к 1850 году все это было позабыто вместе с Гегелем.

К этому времени позитивистское отрезвление заставило Герцена распрощаться не только с религией, но и с верой в смысл истории. Отказавшись от теологии, Герцен отказывается и от телеологии — в особенности от телеологии исторического развития. Он не верит в прогресс, хотя и признает, что человек способен становиться лучше, допуская это в качестве просто наблюдаемого факта. Несомненно, этому факту можно найти причинное объяснение, но при этом невозможно увидеть в нем никакой цели. История — это хроническое массовое безрассудство, священная неразумность, религиозная мания. Сила и слава истории состоят не в разуме и не в счастье (как поется в старой песне), а в неразумии. И в 1867 году Герцен повторяет этот свойственный 1850 году образ мыслей, вложив соответствующие слова в уста анатома по фамилии Левиафанский. Эта фамилия происходит, конечно же, от «Левиафана», так как у Гоббса Герцен находит вершину материализма. Этим именем он явно хочет сказать, что на историю, на социальный организм вообще следует смотреть как на некоего монстра. В 1864 году он говорит об истории как о беспорядочной импровизации, и это есть его устойчивое убеждение. Для Герцена смыслом наполнены лишь отдельные моменты, а не история. Он не допускает идеи исторической эволюции как целого. Стиль его, характеризующийся своеобразной потрясающей афористичностью, сам по себе является выражением его убеждений.

У Герцена мы находим два различных хода мысли. Порой им так энергично подчеркивается индивидуальность и ее «святость» (1847), что общество и его развитие отступают на задний план и даже вовсе исчезают из вида. Индивидуальность нельзя превращать в средство осуществления какой-либо отдаленной цели; она самоцельна, она не подчинена никакому «Молоху», никакому историко-философскому артефакту. Подобно Белинскому, в страдании и смерти одного-единственного человека он видит не меньше неразумия и дисгармонии, чем в страданиях и уничтожении всего рода человеческого, способного наступить вследствие какой-нибудь космической или геологической катастрофы. Он согласен с тем, что будущее таит в себе неисчислимы возможности, но не соглашается с теорией предустановленного и заранее познаваемого пути, ибо подобное было бы посягательством на свободу личности. В этом смысле вновь и вновь выражает он свое несогласие с фатализмом.

Герцен приводит и дополнительный довод, отмечающий во имя настоящего существование отдаленной будущей цели. «Истинной сферой существования является настоящее», — писал он уже в 1842 году, и в качестве единственно верной цели он выставлял жизнь

вообще или жизнь в настоящем. Кажется, он не замечал того, что и настоящее является историей — пусть даже самой свежей.

Герцен, как и Белинский, был противником историзма; как и Белинский, он отказывается быть рабом времени и событий. Позднее, как мы видели, Герцен признает существование прогресса, но и в этом он отличается от Гегеля своим материалистическим мировоззрением. В материализме Герцен обретает опору для своего решительного индивидуализма. Определенный и насквозь индивидуальный ум, говорит он, не имеет ничего общего с пантеизмом или любой другой организацией этого ума, делающей его всего лишь частью целого. Монады-умы при отсутствии какой бы то ни было предустановленной гармонии — так можно описать метафизику Герцена.

Подчеркивая материализм Герцена, я не хочу создать впечатление, что он не признавал мышление в качестве движущей силы как индивидов, так и истории. Но мышление Герцен интерпретирует материалистически, как деятельность мозга. С этой позиции он порой выражает надежду, что прогресс будет достигнут через улучшение массы. Реформы, общественно-исторические реформы, являются результатом изменений в «сером веществе». Это он говорит, конечно, с иронией, как и тогда, когда сравнивает прогресс человечества и развитием скота, который приручен самим человеком; и все же сама эта ирония вытекает из материалистического и позитивистского процесса отрезвления от иллюзий, из борьбы знания с религиозной манией и священным неразумием.

§ 83

Развитие событий после 1850 года заставило Герцена отказаться от своего исторического нигилизма. Крымская война послужила мощным стимулом роста интереса к политике в России. Севастополь и его последствия, новый режим и его подготовка к реформе (особенно по освобождению крестьянства) приковали к себе внимание Герцена; политическая практика заставила занять позицию в отношении четко определенных задач и сотрудничать в их разрешении. Поэтому, несмотря на эмиграцию, Герцен зажил одной жизнью с Россией и почувствовал в отношении этой России, которую он так охотно оставил, сильную и благотворную любовь. Им была признана значимость истории и народа в целом, смягчился его безграничный индивидуализм, а субъективизм стал играть подчиненную по отношению к объективизму роль.

Здесь уместно сделать одно замечание относительно герценовского разочарования в революции. Не следует думать, будто это разочарование было результатом единственно политического опыта. Изреченное в 1850 году проклятье имело такое личное звучание, что смену фронтов Герценом в значительной степени можно считать объективизацией сугубо личных духовных переживаний. Став эмигрантом, он оказался отрезанным от старых связей, да и семейный покой был нарушен; этими обстоятельствами и было продиктовано проклятье... Многие из писем и воспоминаний Герцена, связанных с наиболее интимными сторонами его жизни, остаются неопубликованными. Думаю, что эти документы пролили бы свет на его духовную борьбу и еще больше прояснили бы его развитие как позитивиста и материалиста...

Анализ Европы и революций убедил Герцена в том, что социальное народное государство, которое он желал претворить в жизнь, на долгое время останется нереализованным, если только не появятся люди, способные взять на себя великую задачу осуществления истинной социальной революции в отличие от революции буржуазной. Такова, говорил он, миссия русского народа.

Герцен рассказывает нам, как он научился отличать русский народ от петербургского правительства и как тем самым была восстановлена его вера в русский народ. Знакомство с Европой показало ему, что русские западники обладали совершенно ложным представлением о Европе. Он раскритиковал своих друзей за то, что они не видели ничего, кроме образованной Европы, и знали лишь Европу в прошлом. Знание современной Европы и Европы как целого со всей безжалостностью показывало, что Европы, какой она была в их представлениях, не существовало.

Отметим, что уже первые впечатления Герцена от Европы, полученные в 1847 году, были неблагоприятными.

С другой стороны, русский народ представлялся ему способным к осуществлению его устремлений к истинной политической и социальной свободе. Он был прав в том, что российское правительство едва ли выгодно отличалось от европейских правительств. Даже у русского народа было полно недостатков. Герцен считал, что гоголевские «Мертвые души» вынесли современной России правильный и повсеместно действительный приговор. И тем не менее, оснований для отчаяния не было. Считая Петра Великого своеобразной комбинацией гения и тигра, Герцен мог принять его реформы лишь с оговорками; как и славянофилы, он противопоставлял Москву Петербургу, а народ бюрократии.

Герцен повторил сказанное Чаадаевым и славянофилами-руссоистами относительно недостаточной цивилизованности России. В том, что русский народ свободен от ограничительных традиций Европы, состояло его огромное преимущество. Россия никогда не страдала от трех главных напастей: католицизма, римского права и буржуазии. Феодализм, протестантизм и либерализм являются не более как продолжениями этих трех принципов; феодализм происходит из католицизма и римского права; протестантизм и либерализм представляют собой конечные стадии католицизма; поэтому — то России и неведомы феодализм, протестантизм и либерализм. В письме к Мишле (1851), в котором Герцен страстно защищал русский народ и русский характер от недопонимания их Западом, свое сопоставление Европы и России он резюмировал в следующих словах:

«Россия никогда не будет протестантскою страной; Россия никогда не будет *juste-milieu*¹⁹³; Россия никогда не сделает революцию с целью отделаться от царя Николая и заменить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими»¹⁹⁴.

Теперь Герцен нашел возможным объяснять некоторые нежелательные исторические факты совсем по-славянофильски.

Взять хотя бы царизм. Царизм — не монархия. Европейские монархии вышли из феодализма и католицизма и вдохновлены определенными социальными и религиозными идеалами. Царь же является царем во имя самой идеи царствования. Он не кто иной, как неограниченный диктатор. Когда придет время и когда к тому будет готов народ, царь уступит место социалистической республике и станет ее президентом. В отличие от старой и пугающей Европы, молодая и полная сил Россия обладает двумя надежными гарантиями молодым поколениям земельной аристократии и крестьянства.

Аристократия показала и проверила свою жизненность в восстании декабристов. Философски эти русские аристократы пошли гораздо дальше европейцев в отрицании старого мира. Прежде всего, последователи декабристов уже не думают, что имеют право обладать землей.

Русский же крестьянин верит в это свое право, он религиозно верит в свое право на землю и в свой *мир*; именно в *мире* видит Герцен основу новой России.

В русском *мире*, говорит Герцен, присутствуют три момента, составляющие исключительную ценность: право каждого индивида на землю; общее владение землей; сельское общинное самоуправление. По мнению Герцена, эти элементы имеют большую ценность, чем политическая и социальная развитость Европы. Правда, в середине сороковых, до того как он оставил Россию, Герцен признавал, что

мир не является исключительно русским или славянским институтом, — он знал, что подобное явление существует и в Индии, и в других странах. Тогда же Герцен считал русскую сельскую общину результатом неправильного развития, «отрыжкой» примитивной патриархальности и нецивилизованности. И если позже он пришел к столь высокой оценке *мира*, то это оттого, что в 1848 году Европа продемонстрировала собственную полную неспособность к социализму.

Герцен признал за *миром* один крупный недостаток, растворение в нем индивида. Но артели и казаков, говорил он, хватит для России, чтобы в ней сохранилась изрядная доля индивидуализма. Кроме того, данный недостаток может быть исправлен, *мир* может быть приведен в соответствие со свободой индивида, что может произойти вследствие освобождения крестьянства. «Свобода в России начнется либо с восстания крепостных, либо с их освобождения», — сказал Герцен в 1854 году. Когда в 1857 году Александр II объявил о своем намерении освободить крестьян, Герцен и Огарев восторженно воскликнули: «Ты победил, галилеянин!»

Герцен должен был, естественно, возразить себе, не придется ли России пройти через те же стадии развития, что и Европе. Сможет ли Россия осуществить народное государство и социализм непосредственно, исходя из своего первобытного состояния; вне европейской цивилизации и не пройдя экономически стадии капитализма? Герцен успокоил себя тем соображением, что даже если России из-за ее близости с европейскими нациями и придется пройти в своем развитии тем же путем, это развитие тем не менее примет особую форму, так как перед свободой открыто много исторических возможностей. Герцен не признает никакого всеобщего исторического закона, в силу которого Россия должна будет проследовать в точности тем же путем, что и европейские нации. Без буржуазии и без католицизма, на заложенных *миром* основаниях, Россия может прямо шагнуть на более высокий уровень развития.

В допущении того, что Россия может перешагнуть через капиталистическую фазу, Герцен мог апеллировать к европейским социалистическим авторитетам. Эту сторону дела мы подробно изложим ниже при рассмотрении тождественных планов народников.

В последнее время уделяется много вниманию «западническому социализму» Герцена, причем Герцен преподносится как основатель народничества. Правда то, что социализм Герцена вымостили путь народническому движению, что им был провозглашен девиз «Земля и воля» и что он заставил интеллигенцию обратиться к мужику. Однако от народников Герцен отличался тем, что он в социализме видел прежде всего философское учение, которому придавал главное

значение, игнорируя экономическую сторону вопроса. Народники развивали свои взгляды в противовес марксизму, но их национально-экономическая и социальная теория гораздо ближе к Марксу, чем позиция Герцена.

Герцен часто пытался установить те свойства русских людей, которые окажутся особо пригодными для прогрессивного развития России. Он считал, что русский характер отличается большой пластичностью, способностью легко воспринимать и перерабатывать все достижения иностранцев. Это представлялось ему наиболее человеческой стороной русского характера. И именно из-за своей восприимчивости к общечеловеческому русские являются более приспособленными к гармонизации теории и практики, чем французы, немцы и англичане. Еще Герцен превозносил русский реализм. В величественном явлении Пушкина он видит многообещающий плод живого русского рассудка и его способности к образованию.

Не забывал Герцен воздать должное и размерам государства российского. Шестьдесят миллионов человек; через полвека численность русских солдат будет впечатлять, а эти солдаты уже показали Европе свою храбрость! К тому же русские люди обладают сопротивляемостью, ибо сумели сохранить свои особенности под татарским игмом и под властью немецкой бюрократии.

Анализируя недостатки *mira*, Герцен сознавал также и недостатки русского и славянского характера. Славянина характеризует пассивность, смирение, женственность, недостаток индивидуальности; поэтому, несмотря на *mir*, он остается рабом. В отличие от него германец — сильный индивидуалист, и эту идею он и осуществил в европейской политической истории.

Русские критики спорили о том, стал ли Герцен славянофилом. Герцен сам обратил внимание на это обвинение и опроверг его, сказав, что его метафизические и религиозные воззрения в фундаментальных вопросах отличны от воззрений славянофилов и что эти отличия носят принципиальный характер. Это утверждение было бы совершенно корректным, если бы под влиянием политических взглядов славянофилов Герцен не изменил или, по крайней мере, не ослабил бы значение своих основных воззрений. Однажды (8 ноября 1862 года) Тургенев имел случай напомнить своему другу о прежних годах: «Враг мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься перед русским тулупом и в нем-то видишь — великую благодать и новизну и оригинальность будущих общественных форм — *das absolute*, одним словом, то самое *absolute*, над которым ты так смеешься в философии. Все твои идолы разбиты — а без идола жить нельзя — так давай воздвигать алтарь этому новому неведомому богу,

благо о нем почти ничего не известно — и опять можно молиться, и верить, и ждать»¹⁹⁵.

Тургенев прав. Почитание Герценом русского народа и мужика было тем, что Хомяков прозвал талисманизмом. В Москве Герцен часто спорил со славянофилами на эту тему, и тогда Хомяков особенно энергично отвергал герценовскую антитеологическую философию истории. Однако в Европе в 1859 году Герцен признается, что он гораздо ближе к славянофилам, чем к «западническим староведам» (либералам).

После 1848 года герценовской *solus ipse*¹⁹⁶ стало не по себе, и причина тому была не только метафизической, а также политической и социальной; за опьянением Байроном последовало обычное в таких случаях похмелье: «Мы являемся одновременно и трупами и убийцами, и болезнями и патологоанатомами старого мира. Долгое время я считал, что возможно, по крайней мере, начать новую частную жизнь, уйти в себя, покинуть этот блошинный рынок. Однако подобное остается невозможным до тех пор, пока рядом с тобой есть кто-то, кто не порвал всех связей, ибо старый мир будет возвращаться к тебе через него». Но теперь Герцен не страшится контактов со старым русским миром. С истинно русским фатализмом утешает он себя примером Карамзина, который после смерти царя Павла давал в эпистолярной форме политические советы Александру I. Фатальное утешение, если вспомнить последующие антисоциальные поползновения Карамзина.

Теперь, когда Герцен находился вдали от Петербурга и Москвы и вел уединенную эмигрантскую жизнь, Россия стала представляться ему волшебной страной, а мужик — спасителем. Поначалу ему казалась, что страной будущего станет Америка, иногда мысли его обращались в сторону Австралии, как новой страны, но в конце концов объектом его веры стала Россия. Он позабыл трагические и унижительные переживания, выпавшие на его долю в отеческом доме, и примирился с русской аристократией. Одно время он смотрел на аристократию как на «более или менее образованную антропофагию... помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства»¹⁹⁷, и надеялся, что конец этой антропофагии будет положен отказом работников трудиться для других. Но теперь до аристократа дошла молитва Герцена, и он собирается добровольно отказаться от прав на землю и признать мужика своим братом!

В вопросах внешней политики (собственно, он вообще не должен был бы касаться ее) Герцен также находится в согласии со славяно-

филами. Во время Крымской войны (1854) он желает, чтобы Константинополь стал русским. После войны он выступает против Франции и Наполеона и за союз с Англией (1858).

Герцен даже обращается вслед за поздними славянофилами к панславизму.

Теперь историческая роль, приписываемая Герценом русским, распространяется им на всех славян. Правда, он не подменяет социальную республику славянской федерацией, но считает, что такая федерация преобразит или подготовит ее. Национальное движение становится для него более важным, чем социальное. Герцен забывает о том, что у поляков и чехов отсутствует *mir*, и совсем упускает из вида южных славян (хотя именно у этих последних существует *за друга*, которая в случае нужды могла бы заменить или служить дополнением *мира*). До этого он крайне сдержанно относился к панславизму, особенно к его чешской разновидности. Но под влиянием прудоновских федеративных доктрин он сначала стал думать о федеративном разрешении польского вопроса, а затем перешел к защите идеи всеславянской федерации. Несомненно, в этом вопросе на позицию Герцена повлияли идеи его друга Бакунина. Герцен сильно сблизился с славянофилами, хотя между ними и продолжали существовать огромные различия по принципиальным вопросам в социально-политической, а также в метафизической сфере. Например, его характеристика царизма как диктатуры была чисто легитимистской, но эти различия не принимались в расчет ни друзьями его, ни врагами, которые оценивали поворот Герцена в соответствии с его политических последствиями. Сначала он заявлял о необходимости Европы для России в качестве идеала, образца, живого укора и утверждал, что если бы Европа не существовала, России следовало бы ее придумать. Но теперь Россия сделалась идеалом для Европы.

Вряд ли есть необходимость защищаться от обвинений в том, что я не одобряю любовь Герцена к родине. Я всего лишь воспроизвел здесь его высказывания, касающиеся естественной привязанности к родной земле и к жизненному укладу, который при всех его недостатках стал частью души человека. Я и сам знаю, как столкновение с иностранным и непривычным пробуждает в человеке ностальгию. Я понимаю, что, оказавшись в Европе, Герцен ощутил необходимость защищать средствами публицистики прогрессивную Россию от неправильных оценок и ошибочных суждений о ней, преобладавших в Европе. Мнения о России, подобные тем, что высказывал Мишле, с неизбежностью должны были вызвать раздражение. Но проповедь русского мессианизма Герценом — это нечто совсем другое.

§ 84

Герцен, несмотря на то, что он прошел через мистический период, рос в атмосфере либеральных традиций философии просвещения и гуманности XVIII века. Он рано стал радикалом, почитателем декабристов — в первую очередь, Пестеля; в середине сороковых, как мы знаем, он отошел от либералов и стал социалистом.

С произведениями французских социалистов, а также Вейтлинга и Оуэна, Герцен познакомился до того, как начал изучать работы Гегеля, но именно влияние Гегеля и Фейербаха революционизировало его мировоззрение, превратив его в социалиста. Он написал краткий очерк социализма в России, представив петрашевцев и Чернышевского в качестве предшественников социализма. После 1848 года он признал бесплодным французский и европейский социализм, но продолжал называть себя социалистом и желать истинно социальной революции. Особенно сильна социалистическая нота в «Колоколе», в частности, в его последних явно в преднамеренной полемике с молодым поколением революционеров, недовольных Герценом.

Герцен называет свой социализм «русским». Это аграрный социализм, социализм мужика и артели. Но в добавление к этому он выступает и за городской государственный и уездный социализм. В этом Герцен отличается от марксизма, который возлагает свои надежды главным образом на рабочих и пролетариев. «Русский» социализм Герцена, о котором часто говорят как о «русском» коммунизме, отличается от марксизма особенно тем, что Герцен, несмотря на то, что был материалистом, не проповедовал экономического материализма. Более того, страницы, посвященные Марксу в книге «Былое и думы», показывают, что Маркс и марксисты были ему лично неприятны. В споре с Марксом он занимал сторону Бакунина, и, когда в 1867 году вышло первое издание основного труда Маркса, он не уделил ему никакого внимания.

Первым его требованием, как сказано выше, было равенство мозгов. Он понимал, что образование недоступно для голодающих, а также что цивилизация меньшинства означает физический труд большинства. От Луи Блана и других он узнал о классовой борьбе в Европе, и сам выносил обвинения в адрес «манихейства общества», но решительно выступал против классовой борьбы. Он настойчиво подчеркивал, что задача социализма состоит не только в том, чтобы покончить с «каннибализмом» и особенно с капитализмом, но прежде всего в том, чтобы уничтожить все следы монархии и религии. На социализм Герцен смотрел как на новую философию и считал, что

Сен-Симон и Фурье сделали лишь первые наброски будущего мировоззрения.

Его социализм основывался на позитивистском и материалистическом мировоззрении. Незадолго до смерти в повести «Доктор, умирающий и мертвые» он критикует социализм своих современников за то, что он все еще остается религией, то есть иллюзией, а от *такого* социализма он не ожидал ничего, кроме нового кровопускания — вместо *истинного* акта освобождения.

В требовании равенства мозгов Герцен не является коммунистическим экстремистом. Он не предлагает полностью уничтожить частную собственность и довольствуется передачей ее обществу по типу русского *мира*. Ясно, однако, что капиталисты более ненавистны Герцену, чем крупные землевладельцы, а отношение его к русской аристократии описано выше. Социализм Герцена оставался насквозь философским. Его мало занимали вопросы национальной экономики, в этой сфере главным авторитетом для него был Прудон. Столь же большое влияние оказал Прудон и на политические воззрения Герцена, утвердив его в его индивидуализме и индивидуалистическом федерализме. Я и раньше указывал на высокую оценку Герценом Прудона, упомяну и о том, что Герцен помогал Прудону средствами для издания его журнала «Voix de Peuple»¹⁹⁸ (1849—1850).

Если христианство как монотеизм является истинной сущностью монархизма, то социализм Герцена как материалистический атеизм может считаться преимущественно антимонархистским.

Этот антимонархизм имеет в качестве своего идеала народное государство. Особо ненавидел Герцен государственную централизацию, все время возвращаясь к этому вопросу и заявляя по случаю, что централизация, государство противны природе славян. Его язык напоминает язык Константина Аксакова. Герцена страшило культурное, сверхобразованное абсолютистское государство; его страшил «Чингисхан, оснащенный телеграфами, пароходами, железными дорогами, имеющий у себя на службе Карно и Монжа и солдат, вооруженных ружьями Минье и ракетами Конгрева, под предводительством хана Батья».

В письмах «К старому товарищу» уничтожение государства представлено как идеал и говорится, что большинство людей должно достичь наивысшего духовного развития, ибо в этом заключается необходимая предпосылка уничтожения государства. Здесь находят свое выражение также прудоновский федерализм и анархизм.

После поворота к славянофильской России Герцен довольствовался освобождением крестьян в 1861 году — вместо великой и решающей социальной революции, которую он в 1848 году противопостав-

лял всем предшествующим революциям. Деспотизм или социальный переворот — таков был лозунг Герцена в сороковых годах. События 1848 года явились для него доказательством неготовности Европы к социальной революции. А в 1861 году Россия показала ему, что способна успешно осуществить этот переворот — к тому же бескровным путем. Не будем забывать, что Герцен и сам энергично добивался освобождения крестьян и пытался склонить к этому крупную земельную аристократию. Честно и трогательно объяснял он, как институт крепостничества разлагал и самих свободных землевладельцев, говоря: «Мы являемся рабами потому, что являемся господами. Мы — слуги, потому что мы — землевладельцы. Мы сами крепостные, так как держим в рабстве своих братьев, которые нам равны по происхождению, крови и языку».

Русский *мир* стал для него «громоотводом» переворота; высшая его ценность состоит для него в том, что *мир* представляет собой не абстрактную теорию образованных социалистов, а практический институт великого, неграмотного народа.

Теперь очевидна полная противоположность взглядов Герцена после 1861 года социализму его раннего периода. Целью России является уже не социальная революция, а политическая; социальная же революция превратилась в средство осуществления цели. Теперь Герцен требует для России всего, чем обладает Европа, того что, согласно его прежним взглядам, не имеет для Европы никакой ценности. Он требует цивилизации, образования и, наконец, парламента. Фактически в 1864 году он требует созыва Земского собора или Думы, со всеобщим избирательным правом. В Европе, говорит он, всеобщее голосование представляет собой презренный «арифметический пантеизм», наделяющий правом голоса примитивных орангутангов (из французов орангутангами являются четыре пятых, из европейцев — девятнадцать двадцатых). В России же избирательное право — прежде всего благодаря существованию староверов — обеспечит истинное представительство народа*. Интеллигенция внесет «идею современной науки». Не является ли это ранее требуемым равенством мозгов, за которое он ратовал прежде?

Как мы уже знаем, Герцен и Бакунину говорит о принятии им русского государства: «Если солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в Мономаховой шапке или фригийской — все равно»¹⁹⁹.

Отнюдь не легко сказать, что на деле имел в виду Герцен под «солнцем». В письме Бакунину он говорит о том, что настало время удо-

* В «Полярной звезде» Герцен, начиная с 1862 года, публиковал вышеупомянутый сборник документов, относящихся к раскольникам.

стовериться в том, все ли из нас готовы к решающему акту освобождения. Герцен часто заводит речь об этой готовности. В 1862 году он говорит, что русская революция должна быть возвратом к народу и к его *миру*, и пишет: «Проповедуйте ему не Фейербаха и Бабёфа, а понятную для него религию земли... и будьте готовы, придет роковой день»²⁰⁰. Далее следует тирада о восходе солнца, сопровождающемся или не сопровождающемся «кровавыми облаками».

Теперь мы не будем требовать от Герцена каких-либо ясных представлений относительно взаимоотношений Европы и России, когда последняя начнет выполнять свою мессианскую миссию в отношении Европы. Давая отпор Мишле, скептически относящемуся к России (1851), Герцен философствует о том, что революционная Европа органично присоединится к России *мира*. «В России человеком будущего является мужик, а во Франции — работник». Царизм исчезнет, как исчезнет и интеллигенция, ибо единственной функцией последней является осуществление посредничества между русским народом и революционной Европой.

Тем не менее, Герцен всегда имел склонность несколько свысока смотреть на массы. В 1850 году, требуя социального народного государства, он относил реализацию этого идеала на самое далекое будущее. Однако после 1861 года он говорит о его немедленном осуществлении, благосклонно отзывается о массах — и не только о мужике, но и о европейских рабочих, и даже отправляет в отставку интеллигенцию... Как и почему должна исчезнуть интеллигенция? Потому ли, что Руссо вынес цивилизации смертный приговор — или же Герцен предвкушает непосредственное наступление равенства мозгов?

Согласно плану 1862 года, царь в его мономаховой шапке не исчезнет — если солнце будет всходить без кровавых туч, и Герцен с готовностью допустит сохранение царя, ввиду того, что царь не является в его глазах монархом в строгом смысле слова...

Собственно, к чему эта критика? Герцен сам в глубине души не верил в русского спасителя и никогда не смог преодолеть собственного скепсиса. Задача, предписываемая им России, была слишком грандиозна для того, чтобы он смог надеяться, что русский *мир* справится с ней в полном объеме.

Суть его истории философии в следующем. Старый мир гибнет без надежды на спасение. Христианство, однажды обновившее Римскую империю, теперь находится в процессе разложения... Реформация, революция являются лишь внешними временными средствами для данного момента.

Подобно тому как дряхлеющий Рим отверг христианство, так и дряхлеющее христианство отвергает социализм.

Несомненно, Герцен вполне искренне противопоставлял одряхлевшей и умирающей Европе Россию как новый спасительный мир. Он попытался показать, что Россия и социализм были одним и тем же, и стремился сообщить эту веру Европе. В этом состояла основная цель его писем 1854 года под названием «Старый мир и Россия». Но Герцен не был бы Герценом, если бы не почувствовал неубедительность историко-философской аналогии между социализмом и христианством, тем более, что именно социализм был для него новой системой взглядов. Суждено ли русскому *миру* и православному мужику стать новым миром, стать воплощением новой доктрины? Уже в начале тридцатых годов Герцен познакомился с сочинениями Сен-Симона и с попытками сенсимонизма выработать новое социалистическое мировоззрение; несколько позже в поле его зрения попал Оуэн и его «новое христианство», и с тех пор он ожидал и страстно желал нового учения о спасении. Гегель и еще в большей мере — Фейербах исполнили это желание. Фейербах показал Герцену, как из христианина должен получиться человек. Способен ли был Герцен без скептицизма принять мужика в качестве искомого спасителя? Вот почему рядом с мужиком он поставил работника и примирился с буржуазией. Герцен всегда приближал Россию к Европе, а не Европу к России.

§ 85

Мворческий путь Герцена напоминает судьбу гетевского Эвфориона. Он восходит, излучая свет, сияет в вышине, но, упав на землю, разбивается вдребезги. В 50-х — начале 60-х годов Герцен был глашатаем прогрессивной России; после освобождения крестьян и польского восстания он становился все более одиноким.

Критика им России много поспособствовала проведению в жизнь реформ до и после 1861 года; его влияние на все круги и слои образованной России, не исключая бюрократию и двор, было мощным. Часто указывали на то, какое стимулирующее и направляющее воздействие Герцен оказывал на своих друзей в Москве и Петербурге, я упоминал также о том, как он воздействовал на русского читателя из Европы. Девизом «Колокола» было выражение «Vivos voco!»²⁰¹, позаимствованное у любимого поэта его детства*. И «Колокол» Герцена

* *Зову живых, оплакиваю мертвых, сокрушаю молнии* — эпиграф к стихотворению Фридриха Шиллера «Песня о колоколе».

был слышен по всей России. Шевченко, получив первые номера этого журнала, благоговейно расцеловал их...

Герцен будил умы, это был глас вопиющего в пустыне. Полученное им признание было признанием свойств его характера, равно как и его литературной деятельности. О себе он говорил, что его характеру наиболее чужды две слабости, лицемерие и двойственность. Лучшее и не скажешь.

Герцен помог вождям либерализма, Чичерину и Кавелину, прояснить собственные принципы; с Герценом вынуждены были дискутировать славянофилы; и даже реакционерам приходилось считаться с ним.

Влияние его ослабло после польского восстания 1863 года. Это приписывали полонофильской политике Герцена, а также нежелательному влиянию на «Колокол» Бакунина. Число подписчиков «Колокола» фактически упало с трех тысяч до пятисот.

К политике Герцена в отношении поляков надо подходить дифференцированно. Его протест против жестокого подавления поляков был большой заслугой, но в своем одобрении тогдашней революции он зашел слишком далеко, дальше, чем позволяли его собственные принципы. Герцен и сам соглашался с этим. Катков, который в то время признавал за «Колоколом» власть над умами, в 1863 году выступил в качестве вождя официального национализма, противостоя Герцену.

Не думаю, что ослабление влияния Герцена произошло только из-за его отношения к польскому восстанию. После 1861 года его воззрения и политика поставили его в трудное положение. Философия Герцена оставалась практически неизменной на протяжении всей жизни. Став однажды фейербахианцем, он им и оставался, о чем говорят все его высказывания в последние годы жизни. Свое позитивистское отрезвление он, несомненно, смягчил, отбросив байроновского Каина, но крепко держался за позитивистский материализм. Естественно, что консерваторам и реакционерам его философия представлялась одиозной, но чурались ее и некоторые либералы (сначала Грановский, потом Чичерин и др.). Кроме того, некоторые либералы не принимали социализма Герцена.

Социалистическая и радикальная молодежь считала Герцена слишком расплывчатым, а его политику — чрезмерно консервативной. В первой радикалистской прокламации «Молодой России» Герцен упрекается в неправильном понимании ситуации и консерватизме. Кроме того, в эту эпоху дома, в России, усилились политические движения, которые имели своих вождей — публицистов, среди которых особым политическим влиянием пользовался в начале шестидесятых

Чернышевский, что могло послужить если не непосредственной причиной охлаждения к Герцену, то, по крайней мере, его прелюдией.

Начавшиеся в 1863 году реакция и репрессивные меры привели к радикализации общества, породив новый поток эмигрантов в Европу, эмигрантов, теперь уже неприветливо относящихся к Герцену. Своим переездом из Лондона в Женеву, этот главный центр новой эмиграции, он ничего не достиг; взаимопонимание было невозможно. Герцен не только оставался чуждым молодому поколению революционеров, но он так и не смог прийти к согласию во взглядах с Чернышевским, хотя оба они исходили из одинаковых философских оснований.

Герцен сам осознавал и признавал, что изменился, объясняя это изменением всех отношений и всей ситуации. Изменение взглядов естественно для человека, полного устремлений, но важно, в каком именно направлении и под влиянием чего оно происходит. Как бы ни нравился мне Герцен как человек и как писатель, моя любовь к нему имеет пределы. Изменение его взглядов волнует и меня, хотя не совсем потому же, почему оно волновало его друзей.

Учеником байроновского Каина Герцен объявил себя не на заре молодости, а в зрелом возрасте; поэтому мне представляется, что его последующая эволюция была не очень-то органична — иначе нужно объяснить анафему 1850 года как своего рода заявление молодого человека. Отход от Байрона к Тургеневу очень важен — этих писателей разделяет большое и, по существу, едва ли преодолимое расстояние. Естественно, Н. Тургенев имел перед Герценом то преимущество, что он более основательно разработал свои конституционные проекты; кроме того, на его стороне была и традиция декабризма.

Именно потому, что Герцен имеет столь блестящие достоинства, мы должны попытаться понять его недостатки.

В вопросах философии несостоятельность Герцена вытекала из того, что он не подвергал постоянной критике сами основы своей философии, продолжая некритически придерживаться идей Фейербаха и позитивизма. Маркс и Энгельс преодолели Фейербаха, и даже Штирнер попытался сделать это. Герцен же с самого начала идет от Фейербаха в направлении Маркса и революции; приходит к преступлению в духе Байрона, довольно долго довольствуясь угрозами, чтобы, наконец, после продолжительного «колебания» стать либералом.

Я думаю, что, помимо всего прочего, ошибочной является философия Фейербаха. Ошибочно отождествление религии с мифом, а материализм Фейербаха так же беспомощен, как и материализм вообще. Маркс правильно сделал, превратив его в экономический материализм. Герцен сделал политические выводы из фейербаховской

доктрины «homo homini deus»²⁰², но во многом он остался в области абстракций. Ему не удалось осуществить точный анализ реальных отношений между религией и политикой, особенно между церковью и государством; он не выработал понимания ни природы теократии, ни ее развития и форм.

Герцен до конца жизни оставался противником православия и вместе с тем заключил мир с верующим мужиком и староверами с тем, чтобы иметь в своей народной думе позитивно русскую основу.

К серьезным слабостям Герцена относится также и то, что он не выработал лучшего понимания социализма, не установил его истинного значения, не проследил его внутреннего и внешнего развития. Понимаю, что на основе изучения французских социалистов совсем не просто составить себе ясное мнение. Считаю также, что практические требования этих социалистов не должны были вести к подлинной практике (приверженцы Сен-Симона, например, хотели чтобы все одежды застегивались сзади — так, чтобы индивид не смог одеться без посторонней помощи и ближний вынужден был бы практиковаться в альтруизме!). Недостатком и слабостью Герцена было незнание им марксизма, невнимание к современному ему рабочему движению и социально-экономическому развитию, а также то, что он не понял их влияния на политическую сферу.

Кроме того, отношение Герцена к мужику и *миру* не было основано на внимательном изучении социально-экономических отношений. Он правильно говорит о славянофилах, что их иконные идеалы и ладан заслоняли от них истинное положение народа, — почти то же самое можно сказать по поводу герценовского поклонения мужику.

Слабым было его знание истории. Питая плодотворный интерес к происходящему вокруг него, он совершал ошибку, не принимая тщательного исторического исследования современных событий. Излишне односторонней является манера сведения Герценом истории к собственной биографии. Фактически все сочинения Герцена отличаются поразительной субъективностью, они слишком субъективны для философа, претендующего на преодоление немецкого идеализма с его субъективистскими издержками.

В политической сфере субъективизм Герцена принял форму анархизма, социалистического анархизма или анархического социализма — неважно, как мы это назовем. Анархизм Герцена вытекал из указанных недостатков его субъективизма, который сам зависел от социальной позиции Герцена.

Он был эмигрантом, чужим среди чужих, экономически и социально независимым, жившим на доходы, получаемые из России; он был противником капитализма, но не обязательно оппонентом Рот-

шильда, именем которого мог воспользоваться в публицистике, ловко противопоставляя его фискализму российского правительства и царя (император Ротшильд и банкир Романов). Одним словом, эта экономическая и социальная изоляция сделала Герцена непрактичным. Эта беспомощность, объективированная в философской и литературной областях, и приняла форму анархизма.

Со временем нехватка практического опыта ведет к формированию презрительного отношения к практике. Герцен был склонен разделять платоновское аристократическое презрение к политике и политикам; его мотивы были те же, что и у Платона. Философу, изучающему причины и первопричины всего бытия и жизни, пищущему о запредельном, повседневная политическая деятельность и политика вообще представляются мелочью; чиновники, министры и даже царь для него — всего лишь назначенные народом поденщики. Поэтому их можно терпеть в случае крайней необходимости, и неважно, идет ли речь о царе или о президенте, носит ли он шапку Мономаха или фригийский колпак. Так абстрактно-теоретический анархизм становится практическим легитимизмом, но то, что настоящие практики косо смотрят на этот практический легитимизм, является вполне естественным.

Кроме того, Герцену была присуща изрядная доля анархизма, свойственная писателям, и талантливая, пользующаяся всеобщим успехом статья казалась ему более ценной и значимой, чем все цари на свете!

Беспомощность Герцена в практических вопросах явилась недобрым наследием русского абсолютизма. Царизм, особенно при Николае I, обрел на бездействие, которое продолжила и усилила эмиграция лучших и наиболее энергичных из русских людей.

Если, наконец, принять во внимание аристократизм Герцена и его привычки с детства, то мы получим достаточное объяснение его анархизма. Хотя сначала он презирал буржуа, впоследствии он примирился с «коллективной посредственностью» (здесь он цитирует Милля) и «китайщиной». Он жалеет бедного буржуа и снисходит до него с высоты своего аристократизма. В 1848 году не кто иной, как Белинский, счел необходимым защитить буржуазию от нападков Герцена. Однако через некоторое время (в 1863 году) Герцен пришел к мнению, что Россия, возможно, пройдет буржуазную фазу. Еще позже (в 1866 году) он примирился с этой мыслью. То, что на «самодержавную массу» Герцен смотрел скорее как аристократ, чем как историк или политик, было естественно. Он смеется над буржуа, потому что тот покупает готовую одежду, заменяет парки садами, а дворцы отелями. Как романтик Герцен не выносит буржуа; «умеренность и

аккуратность» раздражают его; в буржуа он не видит ничего, кроме безразличия и застоя. Он презирал «хамелеопардизм», лишенный отчетливых расовых и личностных черт, ибо всякая индивидуальность ассоциировалась им с «беспокойством и эксцентричностью».

Своей концепцией байроновского Каина он мало чего достиг — разве что антибуржуазности. Герцен неадекватно оценивал революционный вызов байроновских Каина и Люцифера, поэтому его Каин и капитулировал перед буржуазией. Анархизм действия был переведен Герценом в плоскость проповедничества. В придачу к этому он принял на вооружение позитивистский категорический императив, приправив его шопенгауэровским сочувствием...

В глубине души Герцен так и не смог освободиться от парализующего скептицизма — отсюда возникновение им самим справедливо подмеченного «колебания»; поэтому Герцен никогда не становился постоянным вождем, будь то в области теории или практики. Однажды Герцен обозвал Луи Блана буржуа, сказав: «Мозговая религиозность и отсутствие скептического сосания под ложечкой обводили его китайской стеной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнения»²⁰³.

Сам же Герцен щедро разбрасывал идеи. Несомненно, ему принадлежат много метких наблюдений, касающихся России и Европы. Его часто хвалят за то, что он предсказал в 1867 году поражение наполеоновской Франции и победу Бисмарка и Пруссии.

В начале своей литературной деятельности Герцен много внимания уделил взаимоотношениям между учеными и философами. Он страшился специализации как обезличивания; он боялся стать кем-то вроде Вагнера в гетевском «Фаусте» и потому обратился к обобщениям, к философии, хотя и сознавал опасность дилетантизма. Цели своих устремлений, совершенного синтеза этих двух крайностей, он так и не достиг. Скорее его привилегией было «жить разносторонней жизнью», быть философским и политическим олицетворением пресловутой «широты» русской природы.

Непроизвольно он стал походить на Бельтова из романа «Кто виноват?», в котором этот «лишний человек» подвергнут Герценом столь удачному и беспощадному анализу. Русский, получивший основательное европейское образование, обучаясь у француза из Женевы, поражает немецких специалистов своей разносторонностью и французских — своей глубиной; но если немцы и французы достигают многого, он не достигает ничего. Обладая прямо-таки болезненной потребностью трудиться, он, однако, не может практически устроиться в жизни, не способен войти в контакт с совершенно чуждым ему окружением. Он живет лишь мыслями и страстями; это холод-

ный мечтатель и при этом вечное дитя. Полжизни ушли у него на выбор профессии; вновь и вновь начинает он новую жизнь, ибо от отца он не унаследовал ни культуры, ни традиций — ничего, кроме собственности, которой он не знает как распорядиться. Жизнь Бельтова — русская деятельная бездеятельность, это образ собирательный, некий Каспар Гаузер в нравственном смысле...

Здесь Герцен мастерски изображает своего друга Огарева. Бельтов намеревался раскрыть тайну мира, его развития и истории, которую предстояло представить изумленному человечеству в одном из самых обстоятельных и глубоких философских произведений; но он так и не продвинулся дальше предисловия — да и оно не было закончено. В Бельтове, кроме Огарева, отражены черты других друзей Герцена. Например, одним из тех, кто ничего не достиг, Герцен считал Станкевича. В определенном смысле и в известной степени Герцен рисует в образе Бельтова и себя самого. Правда, Бельтов — это лишь карикатура на Герцена, но лучшие из портретов на деле всегда являются карикатурами...

Эти соображения не должны заслонить того истинного и живого интереса, который Герцен питал ко всем вопросам, волновавшим его время, интереса ко всему человеческому. Все разносторонние интересы Герцена соединялись в одном направлении, сосредоточивались на одном живом объекте — России.

⁴⁸ Такое нарушение хронологии создания и выхода в свет трудов в известной мере оправдано тем, что «Критика способности суждения» играет связующую роль между Первой и Второй критикой.

⁴⁹ антропологизм?

⁵⁰ общую науку (лат.).

⁵¹ Параграф 47 немецкого издания, содержащий список источников для изучения России, в английском издании помещен в Приложении ко второму тому.

⁵² Рейнгольдт А. фон. История русской литературы. 1886.

⁵³ Брюкнер А. История русской литературы. 1905.

⁵⁴ Волконский С. Картины русской истории и русской литературы. 1898.

⁵⁵ Кропоткин. Идеалы и действительность в русской литературе. 1905.

⁵⁶ Веселовский А. Русская литература. 1908 («Современная культура»).

⁵⁷ Де Вогюэ. Русский роман. 1868; Оссип-Лурие. Психология в русских романах середины девятнадцатого века. 1905; Баринг Морис. Русская литература, 1914; Валишевский К. История русской литературы. 1900; Миннс Э. Г. Русский язык и славянские языки («Британская энциклопедия»).

⁵⁸ Наерадов В. Ю. Современная русская цензура и пресса за и перед кулисами. 1894.

⁵⁹ Кеннан. Сибирь.

⁶⁰ Убервег-Хайнце. Основы истории философии XIX века. 10-е изд., 1906.

⁶¹ Оссип-Лурие. Современная русская философия. 1902.

⁶² Пиле. Россия в пословицах. 1905.

⁶³ Грузенберг. Этюд о современной русской философии. 1911.

⁶⁴ Базаров. Русская православная церковь. 1873.

⁶⁵ Каттенбуш Ф. Учебник сравнительного религиоведения. Т. 1: Православная малоазийская церковь. 1892; Мюллер Э. Ф. К. Символика: Сравнительные представления о христианских кафедральных соборах по их внешним и сущностным проявлениям. 1896.

⁶⁶ История христианской религии.

⁶⁷ См.: *Bonwetsch*. Griechisch-orthodoxes Christentum und Kirche.

⁶⁸ См.: *Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*.

⁶⁹ Готц Л. К. Древнерусские мыслители церковного права и истории церкви история русского церковного права. 1905; Государство и церковь в Киевской Руси; Киевский период 988—1240 гг. 1908; Киево-Печерская лавра как культурный центр домонгольского периода истории России. 1904.

⁷⁰ Маасен. Новая глава о свободной церкви и свободе совести. 1876.

⁷¹ Пругавин. Инквизиция в русско-православной церкви. 1905; Геринг И. Секты в русской церкви, их происхождение и внутренняя взаимосвязь. 1898.

⁷² Леруа-Болье Анатолий. Империя царей. 4-е изд., 1897—1898.

⁷³ Уоллес Д. Макензи. Россия. 1887.

⁷⁴ Хеттнер Альфред. Европейская Россия: изучение географических условий жизни человека. 1906.

⁷⁵ Мельник И. Русские в России. 1906.

⁷⁶ Зеринг М. Русская культура и народное хозяйство. 1913; Шлезингер М. Л. Россия в XX столетии: общий обзор. 1908.

⁷⁷ Шлезингер М. Л. Земля и люди в России. 1909; Алексинский Григорий. Современная Россия. 1912; Россия и Европа. 1917; Уильямс Гарольд У. Россия русских. 1913; Баринг Морис. Движущие силы России. 1914.

⁷⁸ Эттинген М. фон. Очерк русского государственного права. 1899.

⁷⁹ Маркардсен. Учебник общего права; Энгельманн И. Государственное право русского государства.

⁸⁰ Гернет А. фон. Очерк русского землеустройства. 1897.

⁸¹ Пальме. Русская конституция. 1890.

⁸² Архив социальных наук и социальной политики. Т. XXIII. Ч. I. Приложение.

⁸³ Weber Max. Russlands Uebergang zur Scheinkonstitutionalismus. 1906.

⁸⁴ Словарь наук о государстве.

⁸⁵ «Новое время».

⁸⁶ «Социалистический ежемесячник».

⁸⁷ Шульце-Гевеерниц Г. фон. Изучение народного хозяйства России. 1899; Энгельманн. История крепостного права в России. 1884; Крейслер. К истории и критике крестьянской общинной собственности в России: В 4 т. 1876—1887; Николай-он. Народное хозяйство в России после освобождения крестьян. 1899; Симхович. Общинное землевладение в России. 1898.

⁸⁸ Masaryk. Die sozialökonomischen Lehren der russischen Narodniki // Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik. 1897.

⁸⁹ Мавор Яс. Экономическая история России: В 2 т. 1914; Ковалевский В. де. Россия в конце XIX века. Париж, 1900.

⁹⁰ Аграрное движение в России / Под ред. Бранде. 1907; Петрункевич. Аграрный кризис и политическая ситуация в России.

⁹¹ Бранде Б. Обзор аграрной программы реформ.

⁹² Маслов П. Аграрный вопрос в России. 1908.

⁹³ Семенов, Касперов. Русское сельское хозяйство и хлеботорговля; Юровский Л. Русский экспорт зерна, его развитие и организация.

⁹⁴ Туган-Барановский. История русской фабрики. 1900.

Вичевский. Русская торговая, таможенная и индустриальная политика от Петра Великого до наших дней. 1905.

⁹⁵ Пажитнов. Положение рабочего класса в России: историческое изложение на основе официальных и частных обследований и отчетов фабричных инспекций с 1861 г. по наше время. 1907.

⁹⁶ Helferich. Das Geld im russisch-japanischen Kriege. 1906.

⁹⁷ Martin. Die Zukunft Russlands und Japans. 1905; Die Zukunft Russlands. 1906.

⁹⁸ Плутус. Русский банкрот. 1906.

⁹⁹ См.: Biermer. Der Streit um die russische Finanzen der Gegenwart und die neue Milliardenanleihe. 2-е изд., 1906.

¹⁰⁰ Бонштедт А. фон, Трич Д. Русское государство в Европе и Азии. Учебник по хозяйственно-экономическим отношениям. 1910.

¹⁰¹ Ройзнер М. фон. Борьба русских за право и свободу. 1905; Ганц Г. Перед катастрофой. Взгляд на самодержавие. 1904; Циллиакус К. Русское революционное движение. 1905; Парес Бернард. Россия и реформа. 1907.

- ¹⁰² Череванин. Пролетариат и русская революция. 1908; Троицкий Н. Россия в революции. 1909.
- ¹⁰³ Дейч Лео. Шестнадцать лет в Сибири. Воспоминания русского революционера. 1904; Новорусский. Восемнадцать с половиной лет в русских застенках: Шлиссельбургские записки. 1908; Кеннан. Сибирь и ссылка: В 2 т. 1891.
- ¹⁰⁴ Милоков П. Россия и ее кризис. 1905; Очерки истории русской культуры. Париж, 1901; Джиеховский М. Основные проблемы России: литературно-политические очерки. 1907.
- ¹⁰⁵ Тан. История революционного движения в России. 1883.
- ¹⁰⁶ Ланге И., Баумер Г. Руководство по женскому движению. Т. 1. 1901.
- ¹⁰⁷ Рамбо Альфред. История России. 1913; Скрайн. Экспансия России в 1815—1900 гг. Кембридж, 1903.
- ¹⁰⁸ Шиманн Т. История России при императоре Николае I: В 3 т.; Брюкнер А. Петр Великий. 1879 (Онкен, «Всеобщая история»); Екатерина II. 1883 (Онкен); Посошков И. Идеи и обстановка в эпоху Петра Великого. 1878; Культурно-исторические исследования. Русские за границей, иностранцы в России в XVII столетии. 1878; Европеизация России. Страна и народ. 1888; Екатерина II в суждениях мировой литературы: В 2 т. 1897.
- ¹⁰⁹ Милоков П. Очерки истории русской культуры, 1890—1901: В 2 т.; Оман Э. Французская культура в России. 1910; I. Воспоминания Ж. Ж. де Санглена, 1776—1831; II. Воспоминания фон Л. де Зеланда о польской революции, 1830—1831; III. Пирогов Н. И. Житейские вопросы; IV. Кавелин К., Тургенев И. Переписка на социально-политические темы с А. И. Герценом; V. Воспоминания деревенского священника, к истории крепостного права и его отмены; VI. Переписка М. Бакунина на социально-политические темы с Герценом и Огаревым, с биографическим введением, приложением и пояснением М. Драгоманова; VII. Воспоминания молодости проф. Никитенко (1826—1877).
- ¹¹⁰ Мемуары императрицы Екатерины, написанные ею самой (фр.).
- ¹¹¹ Головкин Федор. Двор и правление Павла I / С введением и примечаниями С. Бонне (фр.).
- ¹¹² Переписка императрицы России Екатерины с Иоганном Георгом Циммерманом (нем.).
- ¹¹³ Гедке. Война и победа Японии. 1907 (нем.).
- ¹¹⁴ Кюстен. Россия в 1839 г. (фр.).
- ¹¹⁵ Гакстгаузен. Изучение внутренних условий народной жизни и особенностей крестьянского жизненного уклада в России, 1847—1852 гг. (нем.).
- ¹¹⁶ Герберштейн. Заметки о Московском государстве (лат.).
- ¹¹⁷ «О русском государстве» (англ.).
- ¹¹⁸ «Путешествия» (англ.).
- ¹¹⁹ Религиозное движение в Англии.
- ¹²⁰ Название секты (от redemption — искупление, спасение).
- ¹²¹ В письме к А. Ф. Орлову (VI—VII. 1851). Ср. с письмом к А. И. Герцену (VII. 1851); см.: Чаадаев П. Я. ПСС и избр. письма. Т. 2. С. 255—256.
- ¹²² «Дорогой мой, каждый дрожит за свою шкуру» (фр.) — слова, сказанные П. Я. Чаадаевым М. И. Жихареву, его биографу. См.: Чаадаев П. Я. ПСС и избр. письма. Т. 2. С. 392.

- ¹²³ с точки зрения вечности (лат.).
- ¹²⁴ всеобщий разум рода человеческого (фр.).
- ¹²⁵ и от Сына (лат.).
- ¹²⁶ Видимо, имеется в виду раскол XVII в., вызванный никоновскими реформами.
- ¹²⁷ См.: Киреевский И. Критика и эстетика М., 1979. С. 316.
- ¹²⁸ «О необходимости и возможности новых начал для философии».
- ¹²⁹ «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России».
- ¹³⁰ Киреевский. Цит. соч. С. 78.
- ¹³¹ Там же. С. 79.
- ¹³² убежденно (лат.).
- ¹³³ Единство Церкви следует необходимо из единства Божиего, ибо Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати... (См.: Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 5).
- ¹³⁴ Царство (град) Божие (лат.).
- ¹³⁵ Такого термина у Хомякова нет. В работе 40-х годов «Церковь одна» Хомяков пишет: «Только в отношении к человеку можно признать раздел Церкви на видимую и невидимую; единство же ее есть истинное и безусловное» (см.: Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 5).
- ¹³⁶ См.: Хомяков А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 130.
- ¹³⁷ Хомяков А. С. Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 172.
- ¹³⁸ «По поводу Гумбольдта» (1849; название дано издателем И. С. Аксаковым).
- ¹³⁹ См.: Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988. С. 202.
- ¹⁴⁰ «Будет ли Россия католической?» (фр.).
- ¹⁴¹ по преимуществу (фр.).
- ¹⁴² Отдельная ветвь индоевропейской семьи языков.
- ¹⁴³ своеобразным (лат.).
- ¹⁴⁴ Англия — в нем. изд.
- ¹⁴⁵ Вопрос о будущем пути России стоял для Маркса куда сложнее и в разное время по-разному.
- ¹⁴⁶ великое высшее существо (фр.).
- ¹⁴⁷ «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Париж, 1846.
- ¹⁴⁸ в силу этого (лат.).
- ¹⁴⁹ Колокол. лист 90: «На смерть К. С. Аксакова».
- ¹⁵⁰ Последнее по счету, но не по значению (англ.).
- ¹⁵¹ Очерки Бородинского сражения. Стб. 355.
- ¹⁵² Очерки Бородинского сражения. Рецензия на соч. Ф. Глинки. М., 1839.
- ¹⁵³ Письмо 1 марта 1841 г.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Письмо к В. Боткину 11 декабря 1840 г. // Белинский В. Г. Избранные письма: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 120.
- ¹⁵⁶ «История десятилетия» (фр.).

- 157 См.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 708.
- 158 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Л., 1980. Т. 21. С. 12.
- 159 Эпоха слепого рока, механической детерминации естественными законами и эпоха провидения.
- 160 См.: Письмо к Боткину 12 авг. 1840 г.
- 161 Письмо к Н. А. Бакунину 7 нояб. 1842 г.
- 162 *Белинский В. Г.* Цит. соч. Т. 1. С. 626.
- 163 Имеется в виду ранний период увлечения утопическим христианским «социализмом».
- 164 При Советской власти было издано «Полное собрание сочинений и писем» Герцена в 22-х томах под ред. М. К. Лемке (М., 1917—1923).
- 165 *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 7. С. 107.
- 166 Да здравствует смерть (*фр.*).
- 167 См.: *Герцен А. И.* Собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 48.
- 168 И ладно! (*ит.*).
- 169 *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. V. Западные арабески. Тетрадь вторая.
- 170 *Герцен А. И.* Цит. соч. Т. VI. С. 111.
- 171 с точки зрения вечности (*лат.*).
- 172 великий строитель (*лат.*).
- 173 *Герцен А. И.* Цит. соч. Т. VII. С. 7—8.
- 174 Авторская сноска в нем. издании: «Если мистицизм становится полемичным и если проникаешься им настолько, что любой диссонанс разрывает сердце и не дает покоя».
- 175 вещественное доказательство (*лат.*).
- 176 ограничения.
- 177 Еще раз Базаров. Письмо второе.
- 178 Там же.
- 179 Там же.
- 180 *Герцен А. И.* Еще раз Базаров. Письмо первое.
- 181 «Дилетантизм в науке». Статья четвертая: «Буддизм в науке».
- 182 Так в тексте. Следует: в 1845 г.
- 183 предел, высшая степень (*лат.*).
- 184 См. неоконченную статью Герцена «Новые вариации на старые темы».
- 185 Статья «Несколько замечаний об историческом развитии чести».
- 186 К старому товарищу. Письмо первое.
- 187 Там же. Письмо третье.
- 188 Там же. Письмо четвертое.
- 189 Там же. Письмо третье.
- 190 Там же. Письмо четвертое.
- 191 См.: *Герцен А. И.* Т. 30.

- 192 Матф. 28. С. 19.
- 193 золотая середина (*фр.*).
- 194 *Герцен А. И.* Соч.: В 30 т. Т. 8. С. 334: «Русский народ и социализм. Письмо к И. Мишле» (пер. с французского).
- 195 См.: Переписка И. С. Тургенева. М., 1986. Т. 1. С. 233—234.
- 196 индивидуальность, персонa (*лат.*).
- 197 *Герцен А. И.* Соч.: В 30 т. Т. 7. С. 56.
- 198 «Глас народа» (*фр.*).
- 199 «Журналисты и террористы».
- 200 Там же.
- 201 Зову живых! (*лат.*).
- 202 Человек человеку бог (*лат.*).
- 203 *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. VI Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 47—48.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- АВВАКУМ Петрович (1620, Григорово близ Нижнего Новгорода — 1682, Пустозерск) — религиозный писатель, деятель старообрядчества, сожжен в срубе. — 49
- АВДЕЕВ Михаил Васильевич (1821, Оренбург — 1876, Петербург) — романист, критик. — 148
- АДРИАН (1627—1700, Москва) — церковный деятель, патриарх Московский с 1690 г. — 61, 63
- АЗЕФ Евгений Филиппович (Евно Фишелевич) (1869, Гродненская губ. — 1918, Берлин) — член партии эсеров, провокатор. — 186, 187
- АКСАКОВ Иван Сергеевич (1823, Надеждино, Уфимской губ. — 1886, Москва) — публицист и общественный деятель, славянофил. — 156, 279—283, 299, 300, 302, 305, 311—313, 315—317, 326, 331, 336, 360, 361, 370
- АКСАКОВ Константин Сергеевич (Ново-Аксаково, Оренбургской губ. — 1860, Греция) — публицист, историк, славянофил. — 234, 247, 260—263, 269, 279, 281, 314—316, 318, 322, 402
- АКСАКОВ Сергей Тимофеевич (1791, Уфа — 1859, Москва) — писатель, служил цензором, отец И. С и К. С. Аксаковых. — 234, 260, 319
- АЛЕКСАНДР I (1777, Петербург — 1825, Таганрог) — российский император с 1801 г. — 81—83, 85—87, 89—95, 99, 102, 107—109, 110, 112—118, 121, 124—127, 139, 143, 145, 207, 222, 224, 233, 278, 302, 307, 309, 339, 399
- АЛЕКСАНДР II (1818, Москва — 1881, Петербург) — российский император с 1855 г. — 101, 104, 106, 108, 123, 125, 132, 133, 138—140, 142—144, 147, 149, 151—153, 157, 232, 262, 281, 304, 312, 316, 370, 371, 391, 397
- АЛЕКСАНДР III (1845, Петербург — 1894, Ливадия) — российский император с 1881 г. — 125, 142, 151—154, 156, 158, 160, 162, 165, 173, 183, 187, 283, 304, 337
- АЛЕКСЕЕВ ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ (1843—1918) — генерал, государственный деятель. — 166
- АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1629, Москва — 1676, Москва) — русский царь с 1645 г. — 31, 52, 184
- АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ (1690, Москва — 1718, Петербург) — сын Петра I, наследник престола. — 57, 65, 66
- АЛЬТЕР Франц Карл (1749—1804) — немецкий филолог. — 288

- АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (1871, Орел — 1919, Финляндия) — писатель, близок к символизму. — 164, 184
- АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ (1111—1174, Боголюбово близ Владимира) — владимирско-суздальский князь с 1157. — 26
- АННА ИОАННОВНА (1693, Москва — 1740, Петербург) — российская императрица с 1730 г. — 65, 66, 70, 77, 207
- АННЕНКОВ Павел Васильевич (1813, Москва — 1887, Дрезден) — литературный критик и мемуарист. — 119, 144, 336, 339, 352, 357
- АНТОН Карл Готлоб (1751—1818) — немецкий правовед и этнограф. — 288
- АНТОНИЙ (Вадковский Александр Васильевич) (1846 — 1912) — церковный деятель, митрополит. — 188
- АНТОНИЙ (Храповицкий Александр Павлович) (1863, Новгород — 1936, Сремские Карловцы) — церковный деятель и религиозный мыслитель. — 324
- АРАКЧЕЕВ Алексей Андреевич (1769, Новгородская губ. — 1834, Грузино, там же) — генерал, временщик при Павле I и Александре I. — 91, 92, 107
- АРИСТОТЕЛЬ (384 до н. э., Стагир — 322, Халкида) — древнегреческий философ, ученый-энциклопедист. — 153, 200, 228, 244, 245
- АРЦЫБАШЕВ Михаил Петрович (1878, Харьковская губ. — 1927, Варшава) — писатель, близок к декадентству. — 191
- АСКОЛЬД — полулегендарный киевский князь. — 14
- АСКОЧЕНСКИЙ Виктор Ипатьевич (1813, Воронеж — 1879, Петербург) — писатель и издатель. — 145
- АХЕНВАЛЛЬ Готфрид (1719, Элбинг — 1772, Геттинген) — немецкий статистик и историк. — 195, 207
- БААДЕР Франц Ксавьер (1765, Мюнхен — 1841, Мюнхен) — немецкий философ и естествоиспытатель. — 90, 278, 314, 320
- БАБЕФ Грах (1760, Сет-Кантен — 1797, Вандом) — французский революционер, социалист-утопист. — 404
- БАЙЕР Готлиб Зигфрид (1694—1738) — немецкий этнограф и филолог. — 206
- БАЙРОН Джордж Гордон (1788, Лондон — 1824, Греция) — английский поэт-романтик. — 93, 111, 120, 307, 309, 376, 378, 382, 385, 391, 399, 407
- БАКУНИН Михаил Александрович (1814, Премухино, Тверская губ. — 1876, Берн) — революционер, один из основателей анархизма. — 144, 145, 148, 149, 323, 329, 334—337, 339, 343, 346, 348, 361, 363, 383—386, 388—391, 400, 401, 403, 406
- БАЛЛАНШЕ Пьер-Симон (1776, Лион — 1847, Париж) — французский писатель. — 222
- БАРАНОВ Николай Михайлович (1836—1901) — военный и государственный деятель. — 152
- БАРАТЫНСКИЙ Александр Петрович (1798—1844) — князь, писатель, декабрист. — 117, 234
- БАТЮШКОВ Константин Николаевич (1787, Вологда — 1855, Вологда) — поэт. — 117, 360

- БЕЗОБРАЗОВ Александр Михайлович (1783, Москва — 1871, Петербург) — государственный деятель. — 166
- БЕККАРИА Чезаре (1737, Милан — 1794, Милан) — итальянский правовед, математик и экономист. — 69
- БЕЛНИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811, Свеаборг — 1848, Петербург) — литературный критик, западник. — 109, 110, 117, 119—121, 128, 144, 145, 193, 319, 323, 325, 326, 329, 336—364, 367, 368, 370, 372, 373, 378, 379, 382—387, 389, 393, 394, 409
- БЕЛОРЕЦКИЙ (Ларионов) Григорий Прокофьевич (1879, Белорецк — 1913, Рязанская губ.) — прозаик и фольклорист, врач. — 164
- БЕЛЯЕВ Иван Дмитриевич (1810, Москва — 1873, Москва) — историк права. — 322, 333
- БЕНЕДИКТОВ Владимир Григорьевич (1807, Петербург — 1873, Петербург) — писатель и поэт. — 357
- БЕНКЕНДОРФ Александр Христофорович (1781 — 1844, Петербург) — государственный деятель. — 91, 103, 227
- БЕНТАМ Иеремия (1748, Лондон — 1832, Лондон) — английский философ и правовед. — 81, 83, 93, 372
- БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874, Киев — 1948, Клармонт) — философ. — 324
- БЕРК Эдмунд (1729, Дублин — 1797, Биконсфилд) — английский политический мыслитель и публицист, консерватор. — 82
- БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ Александр Александрович (1797, Петербург — 1837, Адлер) — писатель, декабрист. — 101, 112, 117, 120
- БЕСТУЖЕВ-РЮМИН Константин Николаевич (1829, Нижегородская губ. — 1797, Петербург) — историк и публицист. — 322
- БЕТМАН-ГОЛЬВЕГ Теобальд (1856, Гёэнфиннов — 1921, Гёэнфиннов) — немецкий государственный деятель. — 372
- БИБИКОВ Александр Ильич (1729, Москва — 1774, Бугульма) — государственный деятель, генерал. — 69
- БИРОН Эрнст-Иоанн (16909, Курляндия — 1772, Митава) — граф, фаворит Анны Иоанновны. — 66, 77
- БИСМАРК Отто Эдуард Леопольд (1815, Шенхаузен — 1898, Фридрихсру) — государственный деятель Германии. — 157, 301, 401
- БЛАН Луи (1811, Мадрид — 1882, Канн) — французский социалист и политический деятель. — 350, 372, 401, 410
- БЛАНКИ Луи-Огюст (1805, Бордо — 1881, Париж) — французский революционер. — 119
- БЛЭКСТОУН Вильям (1723, Лондон — 1780, Оксфордшир) — английский правовед. — 69, 83
- БОГОЛЕПОВ Николай Павлович (1846, Серпухов — 1901, Петербург) — государственный деятель. — 167
- БОДЯНСКИЙ Осип Михайлович (1808, Полтавская губ. — 1877, Москва) — украинский писатель и ученый-славист. — 298
- БОКЛЬ Генри Томас (1821, Ли — 1862, Дамаск) — английский историк. — 208

- БОЛТИН Иван Никитич (1735, Симбирская губ. — 1792, Петербург) — историк, генерал. — 79, 81, 111, 206, 308, 320
- БОМАРШЕ Пьер-Августин (1732, Париж — 1799, Париж) — французский драматург. — 372
- БОНАЛЬД Луи (1754, Ле Монна — 1840, Ле Монна) — французский политический деятель и публицист. — 82, 93, 105, 196, 222, 320, 328
- БОРИС ГОДУНОВ (1552 — 1605, Москва) — царь с 1598 г. — 33
- БОТКИН Василий Петрович (1812, Москва — 1869, Петербург) — писатель, критик, искусствовед. — 329, 336, 338, 339, 347, 354, 364
- БРАНДЕС Георг (1842, Копенгаген — 1927, Копенгаген) — датский историк литературы и искусства. — 8
- БРЕЖНЕВСКИЙ Вацлав (1843—1918) — чешский политик. — 185
- БРУТ Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский политик. — 231
- БУДИЛОВИЧ Антон Семенович (1846, Гродненская губ. — 1908, Петербург) — славист. — 322
- БУЗЕНБАУМ Герман (1600—1668) — немецкий католический теолог. — 279
- БУЛГАРИН Фаддей Венедиктович (1789, Минская губ. — 1859, Тарту) — романист и издатель. — 110, 302, 356
- БУЛЫГИН Александр Григорьевич (1851—1919) — государственный деятель. — 169
- БУНГЕ Николай Христианович (1823, Киев — 1859, Царское Село) — экономист и статистик. — 156
- БУНЗЕН Христиан (1791—1860) — немецкий филолог. — 252
- БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ Михаил Васильевич (1821, Петербург — 1866, Енисейск) — организатор тайного кружка. — 119, 120
- БУХАРЕВ Александр Матвеевич (1824, Тверская губ. — 1871, Переславль-Залесский) — православный богослов. — 145
- БЭКОН Фрэнсис (1561, Лондон — 1626, Лондон) — английский философ. — 61
- БЮХНЕР Людвиг (1824, Дармштадт — 1899, Дармштадт) — немецкий философ и естествоиспытатель. — 145
- ВАГНЕР Рихард (1813, Лейпциг — 1883, Венеция) — немецкий композитор. — 274, 410
- ВАЛУЕВ Дмитрий Александрович (1820—1845, Новгород) — историк и общественный деятель. — 234
- ВАЛУЕВ Петр Александрович (1815—1890) — государственный деятель. — 151
- ВАСИЛИЙ I ДМИТРИЕВИЧ (1371—1425, Москва) — великий князь Московский с 1389 г. — 23
- ВАСИЛЬЧИКОВ Александр — любовник Екатерины II. — 77
- ВЕЙТЛИНГ Вильгельм (1808, Магдебург — 1871, Нью-Йорк) — немецкий социалист. — 401
- ВЕНЕВИТИНОВ Алексей Владимирович — брат Д. В. Веневитинова. — 234
- ВЕНЕВИТИНОВ Дмитрий Владимирович (1805, Москва — 1827, Петербург) — поэт, критик. — 117, 234, 358

- ВЕНЕЛИН Юрий Иванович (1802—1829) — историк и славист. — 292
 ВЕРДЕР Карл (1806—1893) — немецкий философ. — 336
 ВИКО Джамбаттиста (1668, Неаполь — 1744, Неаполь) — итальянский социальный философ. — 195, 199, 346, 372, 378
 ВИТТЕ Сергей Юльевич (1849, Тифлис — 1915, Петроград) — государственный деятель. — 156, 159, 173, 175, 177
 ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1847—1909) — великий князь. — 187
 ВЛАДИМИР МОНОМАХ (1053—1125, Киев) — князь Киевский с 1113 г. — 26, 41, 409
 ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВОВИЧ (956, Киев — ум. 1015, Берестово) — князь Киевский с 980 г. — 39
 ВОДОВОЗОВ Василий Иванович (1825, Петербург — 1886, Петербург) — педагог. — 140, 239
 ВОЛЫНСКИЙ (ФЛЕКСЕР) Аким Львович (1863, Житомир — 1926, Ленинград) — критик и публицист. — 156
 ВОЛЬТЕР (1694, Париж — 1788, Париж) — французский философ и писатель. — 66, 68, 72—77, 80, 83, 113, 118, 180, 195, 196, 309, 327, 341, 372, 378, 380, 387
 ВОРЦЕЛЬ Станислав (1799—1857) — польский социалист. — 381
 ВРОНСКИЙ (ХЕНЕ) Юзеф Мария (1776, Вольштын — 1853, Париж) — польский философ и математик. — 296
 ВЫШНЕГРАДСКИЙ Иван Алексеевич (1832, Вышний Волочек — 1895, Петербург) — физик и государственный деятель. — 156
 ВЯЗЕМСКИЙ Петр Андреевич (1792, Москва — 1878, Баден-Баден) — литературный критик, поэт. — 87, 110, 234
- ГАВЛИЧЕК-БОРОВСКИЙ Карел (1821, Боров — 1856, Прага) — чешский журналист и политик. — 289, 290, 299
 ГАГАРИН Павел Павлович (1789, Москва — 1872, Петербург) — государственный деятель. — 218, 224, 279
 ГАЙ Людевит (1809, Крапина — 1872, Петербург) — хорватский журналист и политик. — 291
 ГАКСТХАУЗЕН Август (1792, Бекендорф — 1866, Ганновер) — прусский чиновник, изучал русскую общину. — 20, 302, 306, 318, 333
 ГАЛИЧ Александр Иванович (1783, Трубчевск — 1848, Царское Село) — философ и психолог. — 327
 ГАЛЛЕР Карл (1768—1854) — швейцарский политик. — 307
 ГАНС Эдуард (1798, Берлин — 1839, Берлин) — немецкий юрист. — 234
 ГАПОН Григорий Аполлонович (1870, Полтавская губ. — 1906, Озерки) — священник. — 169
 ГАРИБАЛЬДИ Джузеппе (1807, Ницца — 1882, Рим) — итальянский политик. — 372
 ГАРТМАН Эдуард (1842, Берлин — 1906, Грослихтерфельде) — немецкий философ. — 274
 ГЕГЕЛЬ Георг Вильгельм Фридрих (1770, Штутгарт — 1831, Берлин) — немецкий философ. — 118, 119, 145, 196, 204, 208, 218, 222, 232, 234, 239, 241, 252, 253, 254, 260, 264, 265, 274, 276, 277—279, 296, 309, 314, 326—

- 329, 335, 338—341, 343, 344, 348, 349, 353, 354, 358—360, 363, 368, 372, 373, 376, 392, 394, 405
 ГЕЙНЕ Генрих (1797, Дюссельдорф — 1856, Париж) — немецкий поэт. — 146, 348
 ГЕЛЬВЕЦИЙ Клод Анри (1715, Париж — 1771, Париж) — французский философ. — 75
 ГЕННАДИЙ (ум. 1505) — архиепископ Новгородский. — 45
 ГЕНЦ Фридрих (1764, Бреслау — 1832, Вена) — немецко-австрийский публицист. — 82, 105, 307
 ГЕРБЕРШТЕЙН Сигизмунд (1486, Краина — 1566, Вена) — немецкий дипломат. — 27, 51
 ГЕРВЕГ Георг (1817, Штутгарт — 1875, Баден-Баден) — немецкий поэт. — 373
 ГЕРДЕР Иоганн Готфрид (1744, Морунген — 1803, Веймар) — немецкий философ. — 70, 75, 113, 195, 203, 265, 266, 271—273, 288, 290, 308, 309, 372
 ГЕРРЕС Йозеф (1776—1848) немецкий публицист. — 93, 105, 320
 ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812, Москва — 1870, Париж) — писатель и философ. — 72, 77, 97, 101, 103, 104, 109, 110, 121, 122, 131, 144, 145, 147—149, 180, 220, 227, 231, 234, 247, 279, 303, 311, 312, 318, 323, 326, 328—331, 334, 335, 337—339, 342, 346—350, 361, 370—372, 383—411
 ГЕРЦЕН Наталья Александровна (?—1852) — жена А. И. Герцена. — 372, 373
 ГЕРЦЕНШТЕЙН Михаил Яковлевич (1858—1906, Петербург) — экономист и политик. — 176, 185, 186
 ГЕРШЕНЗОН Михаил Осипович (1869, Кишинев — 1925, Москва) — литературный критик и историк. — 324
 ГЕТЕ Иоганн Вольфганг (1749, Франкфурт — 1832, Веймар) — немецкий поэт. — 119, 336, 338, 341—344, 347, 376, 378, 387
 ГИЗО Франсуа (1787, Ним — 1874, Валь-Рише) — французский историк. — 119
 ГИЛЬФЕРДИНГ Александр Федорович (1832, Варшава — 1872, Каргополь) — славист и фольклорист. — 301, 322
 ГИРС Николай Карлович (1820, Радзивиллов — 1895, Петербург) — дипломат. — 162
 ГЛИНКА Сергей Николаевич (1776, Смоленская губ. — 1847, Петербург) — писатель. — 342
 ГЛИНКА Федор Николаевич (1786, Смоленская губ. — 1880, Тверь) — поэт и публицист. — 342
 ГОББС Томас (1588, Мелмсбери — 1679, Хардуик) — английский философ. — 382, 393
 ГОБИНО Жозеф (1816, Париж — 1882, Турин) — французский социолог. — 274
 ГОГОЛЬ Николай Васильевич (1811, Полтавская губ. — 1852, Москва) — писатель. — 109, 110, 117, 131, 133, 233, 234, 300, 309, 319, 339, 340, 352—355, 357, 360, 364, 368, 378, 383
 ГОЛИЦЫН Александр Николаевич (1773, Москва — 1844, Гаспра) — государственный деятель. — 91, 92, 278

- ГОЛЬБАХ Пьер (1723, Пфальц — 1789, Париж) — французский философ. — 73, 75
- ГОМЕР (VIII в. до н. э.) — древнегреческий поэт. — 228, 319
- ГОНЧАРОВ Иван Александрович (1812, Симбирск — 1891, Петербург) — писатель. — 117, 143, 339, 356, 357
- ГОРЕМЫКИН Иван Логгинович (1839, Новгород — 1917, Кавказ) — государственный деятель. — 175, 176
- ГОРЬКИЙ МАКСИМ (1868, Нижний Новгород — 1936, Горки) — писатель. — 172, 209, 321, 335
- ГОФМАН Эрнст Теодор (1776, Кенигсберг — 1822, Берлин) — немецкий писатель. — 119, 335, 338
- ГРАДОВСКИЙ Александр Дмитриевич (1841, Воронежская губ. — 1889, Петербург) — правовед. — 332, 337
- ГРАНОВСКИЙ Тимофей Николаевич (1813, Орел — 1855, Москва) — историк. — 108, 207, 234, 243, 247, 313, 318, 326, 328, 329, 336, 338, 342, 372, 378, 406
- ГРЕЧ Николай Иванович (1787, Петербург — 1867, Петербург) — писатель. — 356
- ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич (1795, Москва — 1829, Тегеран) — писатель и дипломат. — 93, 101, 109, 117, 122, 220, 221, 357, 360
- ГРИГОРОВИЧ Дмитрий Васильевич (1822, Симбирск — 1899, Петербург) — писатель. — 117, 133, 143, 339, 357
- ГРИГОРЬЕВ Аполлон Александрович (1822, Москва — 1864, Петербург) — литературный критик. — 193, 323, 324, 335—369
- ГРИММ Якоб (1785, Ханау — 1863, Берлин) — немецкий языковед. — 288
- ГРОТ Джордж (1794, Кент — 1871, Лондон) — английский историк. — 200
- ГУС Ян (1371, Гусинец — 1415, Констанц) — чешский мыслитель, лидер Реформации. — 290
- ГУТТЕН Ульрих (1488, Штеккельберг — 1523, Цюрих) — немецкий гуманист. — 387
- ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1261—1303, Москва) — князь Московский. — 23
- ДАНИЛЕВСКИЙ Николай Яковлевич (1822, Орловская губ. — 1885, Тифлис) — социолог и историк. — 119, 283—285, 313, 323, 369
- ДАРВИН Чарльз (1809, Шрусбери — 1882, Даун) — английский естествоиспытатель. — 145, 196
- ДАШКОВА Екатерина Романовна (1743, Петербург — 1810, Москва) — государственный деятель, писательница. — 68
- ДЕГАЕВ Сергей Петрович (1857—1920, США) — народоволец, провокатор. — 187
- ДЕКАРТ Рене (1596, Турень — 1650, Стокгольм) — французский философ. — 61, 196, 202
- ДЕРЖАВИН Гаврила Романович (1743, Татария — 1816, Новгородская губ.) — поэт, государственный деятель. — 88, 112, 360
- ДЕСНИЦКИЙ Семен Ефимович (1730, Нежин — 1789, Москва) — философ, правовед. — 69

- ДИДРО Дени (1713, Лангр — 1784, Париж) — французский философ. — 68, 69, 73, 83, 180, 382
- ДИР (?—ум. 882) — полубогородный киевский князь. — 14
- ДИМИТРИЕВ-МАМОНОВ Федор Иванович (1728—1790) — политический писатель. — 77, 99
- ДИМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ДОНСКОЙ (1350, Москва — 1389, Москва) — великий князь Московский. — 23
- ДОБНЕР Геллазиус (1719, Париж — 1790, Прага) — чешский историк. — 288
- ДОБРОВСКИЙ Йозеф (1753, Дьер — 1829, Брно) — чешский языковед. — 288, 298
- ДОБРЮЛОВ Николай Александрович (1836, Нижний Новгород — 1861, Петербург) — литературный критик. — 137, 144, 338, 367
- ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821, Москва — 1881, Петербург) — писатель. — 104, 109, 119, 127, 143—145, 155, 156, 180, 191, 225, 231, 283, 310, 320, 321, 324, 339, 354—357, 365, 368, 369
- ДРАГОМАНОВ Михаил Петрович (1895, Гадяч — 1895, София) — украинский публицист. — 152, 155, 294
- ДРУЖИНИН Александр Васильевич (1824, Петербург — 1864, Петербург) — литературный критик. — 144, 336
- ДУБРОВИН Николай Федорович (1837, Псковская губ. — 1904, Петербург) — военный историк. — 186
- ДУРОВ Сергей Федорович (1816, Орловская губ. — 1869, Полтава) — писатель и переводчик. — 109
- ЕВКЛИД (450—380 до н. э.) — древнегреческий математик. — 385
- ЕКАТЕРИНА I (1684, Померания — 1727, Царское Село) — императрица с 1725 г. — 65, 77, 107
- ЕКАТЕРИНА II (1729, Штеттин — 1796, Царское Село) — императрица с 1762 г. — 66—71, 73—81, 84, 112, 113, 126, 130, 133, 139, 235, 301, 373
- ЕЛАГИН Алексей Андреевич (?—ум. 1846) — последователь Канта и Гегеля. — 234, 247
- ЕЛЕНА ПАВЛОВНА (1806—1873) — великая княгиня. — 132
- ЕЛИЗАВЕТА (1709, Коломенское — 1762, Петербург) — императрица с 1741 г. — 65, 66, 70, 72, 77
- ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА (1779—1826) — великая княгиня. — 90
- ЕЛИЗАВЕТА I (1533, Гринвич — 1603, Ричмонд) — королева Англии с 1558 г. — 184
- ЕЛИСЕЕВ Григорий Захарович (1821, Сибирь — 1891, Петербург) — журналист и критик. — 145
- ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич (1783, Тульская губ. — 1852, Баден-Баден) — поэт. — 102, 116, 132, 143, 234, 360
- ЗАВИТНЕВИЧ Владимир Зенонович (?—1853) — славист. — 253
- ЗАГОСКИН Михаил Николаевич (1789, Пензенская губ. — 1852, Москва) — прозаик. — 110, 112, 314

- ЗАСУЛИЧ Вера Ивановна (1849, Смоленская губ. — 1919, Петроград) — революционерка. — 150
- ЗАХАРЬИН Петр Михайлович (1750—1800) — писатель. — 77
- ЗЛАТОВРАТСКИЙ Николай Николаевич (1845, Владимир — 1911, Москва) — писатель. — 143
- ЗУБАТОВ Сергей Васильевич (1864, Москва — 1917, Москва) — основатель «полицейского социализма». — 169
- ЗЮССМЛИХ Йоганн (1707—1767) — немецкий статистик. — 195
- ИВАН III ВАСИЛЬЕВИЧ (1440—1505, Москва) — великий князь Московский с 1462 г. — 23, 88, 207
- ИВАН ГРОЗНЫЙ (1530, Коломенское — 1584, Москва) — царь с 1547 г. — 23, 27, 28, 30, 43, 45, 50, 58, 65, 182, 268, 337
- ИВАН КАЛИТА (?—1340, Москва) — князь Московский. — 23
- ИВАНОВ Иван Иванович (?—1869, Москва) — студент-революционер. — 149
- ИВАНОВ-РАЗУМНИК (Разумник Васильевич Иванов) (1878, Тифлис — 1946, Мюнхен) — историк и литературный критик. — 339
- ИЗМАЙЛОВ Александр Ефимович (1779, Владимирская губ. — 1831, Петербург) — баснописец. — 77
- ИКСКЮЛЬ — эстонский барон. — 278
- ИЛЛАРИОН МАКАРИОПОЛЬСКИЙ (1812—1875) — болгарский церковный деятель. — 292
- ИОАНН ДАМАСКИН (675, Дамаск — ок. 754) — византийский богослов. — 243, 320
- ЙОЛЛОС Григорий Борисович (1859—1907, Петербург) — журналист и политик. — 185
- ИОСИФ II (1741, Вена — 1790, Вена) — император австрийский с 1765 г. — 75, 80, 286
- ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ (1439, Волокаламск — 1515, Волоколамск) — церковный деятель. — 44, 45
- КАБЕ Этьен (1788, Дижон — 1857, Сент-Луис) — французский социалист. — 119, 350
- КАВЕЛИН Константин Дмитриевич (1818, Петербург — 1885, Петербург) — философ и правовед. — 137, 279, 314, 333, 337, 339, 370, 377, 406
- КАВЕНЬЯК Луи (1802, Париж — 1857, Урн) — французский генерал. — 375
- КАВУР Камилло (1810, Турин — 1861, Турин) — итальянский политик. — 332
- КАНКРИН Егор Францевич (1774, Ханау — 1845, Павловск) — государственный деятель. — 87
- КАНТ Иммануил (1724, Кенигсберг — 1804, Кенигсберг) — немецкий философ. — 118, 195—204, 239, 241, 247, 250, 252—254, 308, 327, 337, 386
- КАНТЕМИР Антиох Дмитриевич (1708, Константинополь — 1744, Париж) — писатель и дипломат. — 72
- КАРАДЖИЧ Вук Стефанович (1787, Тржич — 1864, Вена) — сербский языковед. — 290

- КАРАЗИН Василий Назарович (1773, Харьковская губ. — 1842, Николаев) — педагогический реформатор. — 82, 83
- КАРАКОЗОВ Дмитрий Владимирович (1840, Саратовская губ. — 1866, Петербург) — революционер. — 149, 389
- КАРАМЗИН Николай Михайлович (1766, Оренбургская губ. — 1826, Петербург) — историк и писатель. — 83, 86—88, 99, 111, 112, 116, 206, 207, 233, 321, 333, 336, 337
- КАРЛЕЙЛЬ Томас (1795, Эклфехан — 1881, Лондон) — английский историк. — 120, 366—368, 378
- КАРЛШТАДТ (Боденштейн Андреас) (1480, Карлштадт — 1541, Базель) — немецкий теолог. — 250
- КАТКОВ Михаил Никифорович (1818, Москва — Московская губ.) — публицист, издатель. — 144, 148, 152, 153, 155, 166, 186, 283, 303, 336, 406
- КАЧЕНОВСКИЙ Михаил Трофимович (1775, Харьков — 1842, Москва) — историк и критик. — 298, 336
- КЕППЕН Петр Иванович (1793, Харьков — 1864, Крым) — славист и этнограф. — 298, 299
- КЕТЧЕР Николай Христофорович (1806, Москва — 1866, Москва) — литератор. — 336
- КИНЕ Эдгар (1803, Буркан-Брес — 1875, Париж) — французский историк. — 386
- КИРЕЕВ Александр Александрович (1833—1910) — религиозный публицист. — 305
- КИРЕЕВСКИЙ Иван Васильевич (1806, Москва — 1856, Петербург) — литературный критик. — 110, 144, 231, 233—249, 251, 253, 254, 265, 266, 274, 275, 277, 278, 280, 283, 300, 301, 305, 310—324, 327, 336, 338, 354, 360, 368, 378
- КИРЕЕВСКИЙ Петр Васильевич (1808, Калужская губ. — 1856, Орел) — фольклорист. — 233, 234, 236, 247
- КИРИЛЛ (827, Солунь — 869, Рим) — основатель славянской письменности. — 275, 299
- КИСЕЛЕВ Павел Дмитриевич (1788, Москва — 1872, Париж) — государственный деятель. — 125
- КЛОУТС Анархасис (1755, Голландия — 1794, Париж) — французский революционер. — 374
- КЛОПШТОК Фридрих (1724, Кведлинбург — 1803, Гамбург) — немецкий драматург. — 113, 310
- КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович (1841, Пензенская губ. — 1911, Москва) — историк. — 31
- КОК Поль (1793, Пасей — 1871, Сена) — французский прозаик. — 338
- КОЛЛАР Ян (1793, Словакия — 1852, Вена) — чешский и словацкий писатель. — 288—291, 297—299
- КОЛЬЦОВ Алексей Васильевич (1809, Воронеж — 1842, Петербург) — поэт. — 336, 357
- КОНДОРСЕ Жан (1743, Рибмон — 1794, Бур-ла-Рен) — французский философ. — 195, 197

- КОНСИДЕРАН Виктор (1808, Сален — 1893, Париж) — французский социалист. — 372
 КОНСТАН Бенжамен (1763, Лозанна — 1830, Париж) — французский публицист. — 93, 111, 278
 КОНСТАНТИН II Флавий (317, Арепат — 361, Аквилея) — римский император с 337 г. — 39
 КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ (1827, Петербург — 1892, Павловск) — великий князь. — 132, 151
 КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ (1779, Царское Село — 1831, Витебск) — великий князь. — 81, 102
 КОНСТАНТИН VII ПОРФИРОРОДНЫЙ (Багрянородный) (905, Константинополь — 959, Константинополь) — византийский император с 913 г. — 17
 КОНТ Огюст (1798, Монпелье — 1857, Париж) — французский социолог. — 144, 145, 196, 199, 200, 201, 208, 353, 354, 356, 372, 373, 377—380, 382
 КОПЕРНИК Николай (1473, Торунь — 1543, Фромборк) — польский астроном. — 204, 372
 КОРСАКОВ — любовник Екатерины II. — 78
 КОРФ Николай Александрович (1834, Харьков — 1883, Харьков) — деятель образования. — 140
 КОСТОМАРОВ Николай Иванович (1817, Воронежская губ. — 1885, Петербург) — историк и писатель. — 293, 294, 299
 КОТОШИХИН Григорий Карпович (ок. 1630—1667, Стокгольм) — автор записок о России. — 51
 КОЧУБЕЙ Виктор Павлович (1768—1834, Москва) — государственный деятель. — 81, 83
 КОШЕЛЕВ Александр Иванович (1806, Москва — 1883, Москва) — публицист. — 247, 300, 317, 322
 КОШУТ Лайош (1802, Монок — 1894, Турин) — венгерский политик. — 103
 КОЯЛОВИЧ Михаил Иосифович (1828, Гродненская губ. — 1891, Петербург) — историк, славист. — 322
 КРАСИНЬСКИЙ Зыгмунт (1812, Париж — 1859, Париж) — польский поэт. — 296
 КРЕЗ (?—596 до н. э.) — царь Лидии. — 96
 КРИЖАНИЧ Юрий (1617, Босния — 1683, Вена) — религиозный мыслитель. — 51, 291, 298
 КРОПОТКИН Петр Алексеевич (1842, Москва — 1921, Дмитров), князь — ученый и революционер-анархист. — 131, 180—182, 184
 КРЫЛОВ Иван Андреевич (1769, Москва — 1844, Петербург) — баснописец. — 117, 360
 КРЮДЕНЕР Варвара-Юлия (1764—1825, Петербург) — баронесса, мистик. — 90, 91, 107
 КУРБСКИЙ Андрей Михайлович (1528, Ярославль — 1583, Москва) — князь, противник Ивана IV. — 28, 45, 51, 122
 КУРОПАТКИН Алексей Николаевич (1848, Псковская губ. — 1925, Калининская обл.) — военный деятель. — 162

- КЮХЕЛЬБЕКЕР Вильгельм Карлович (1797, Петербург — 1846, Тобольск) — декабрист, поэт. — 101, 233, 234
 ЛАВРОВ Петр Лаврович (1823, Псковская губ. — 1900, Париж) — философ и социолог. — 149, 159
 ЛАГАРД Пауль Антон (1827—1891) — немецкий востоковед. — 274, 321
 ЛАГАРП Фредерик (1754, Каньен — 1838, Лозанна) — швейцарский адвокат. — 81
 ЛАМАНСКИЙ Владимир Иванович (1833, Петербург — 1914, Петербург) — историк и славист. — 290, 294, 300, 312, 322
 ЛАМЕННЕ Фелисите (1782, Сан-Мало — 1854, Париж) — французский публицист. — 226, 229, 376
 ЛАМЕТРИ Жульен (1790, Сен-Мало — 1751, Берлин) — французский врач и философ. — 75
 ЛАМСДОРФ Матвей Иванович (1745—1828) — генерал. — 102
 ЛАНГЕ Фридрих (1828, Вальд — 1875, Марбург) — немецкий философ. — 369
 ЛАНСКОЙ Александр Дмитриевич (1754—1784) — генерал. — 78
 ЛАСКАРИЙ Андрей (1445—1535) — византийский филолог. — 47
 ЛАССАЛЬ Фердинанд (1825, Бреслау — 1864, Женева) — немецкий социалист. — 145, 146, 180, 350, 353
 ЛЕВИТОВ Александр Иванович (1835, Липецкая губ. — 1877, Москва) — писатель. — 143
 ЛЕДРЮ-РОЛЛЕН Александр (1807, Париж — 1874, Фонтене-о-Роз) — французский политик. — 350
 ЛЕЙБНИЦ Готфрид (1646, Лейпциг — 1716, Ганновер) — немецкий философ и ученый. — 55, 75
 ЛЕКЛЕРК Никола (1726 — 1798) — французский врач и историк. — 79
 ЛЕОНТЬЕВ Константин Николаевич (1831, Калужская губ. — 1891, Сергиев Посад) — философ и публицист. — 156, 323, 324
 ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (1814, Москва — 1841, Пятигорск) — поэт. — 72, 109, 110, 117, 357, 360, 364, 366
 ЛЕРУ Пьер (1797, Берси — 1871, Париж) — французский христианский социалист. — 350
 ЛЕРУА-БОЛЬЕ Анри (1842 — 1912) — французский историк. — 20
 ЛЕСКОВ Николай Семенович (1831, Орловская губ. — 1895, Петербург) — писатель. — 143
 ЛЕССИНГ Готхольд (1729, Каменц — 1781, Брауншвейг) — немецкий критик. — 119, 195, 196, 310
 ЛИНЬ Шарль (1735—1814) — австрийский дипломат. — 77
 ЛИТТРЕ Эмиль (1801, Париж — 1881, Париж) — французский языковед. — 353, 372
 ЛОКК Джон (1632, Рингтон — 1704, Отс) — английский философ. — 68, 83
 ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711, Холмогоры — 1765, Петербург) — ученый-энциклопедист. — 64, 72, 111, 206, 207, 227
 ЛОМТАТИДЗЕ Чола (1878, Чачисти — 1915, Саратов) — грузинский писатель. — 184

- ЛОПУХИН Алексей Александрович (1864—1928) — государственный деятель. — 187
- ЛОПУХИН Иван Владимирович (1756, Белгородская губ. — 1856, Белгородская губ.) — мистик и масон. — 74, 82
- ЛОРИС-МЕЛИКОВ Михаил Тариелович (1825, Тифлис — 1888, Ницца) — государственный деятель. — 150, 151, 155, 187
- ЛУИ-ФИЛИПП (1773, Париж — 1850, Великобритания) — король Франции. — 102, 119, 237, 375
- ЛУКИН Владимир Игнатьевич (1737, Петербург — 1794, Петербург) — драматург и переводчик. — 111
- ЛЬВОВ Николай Александрович (1751, Тверская губ. — 1804, Москва) — архитектор и поэт. — 77
- ЛЮДОВИК XIV (1638, Сен-Жермен — 1715, Версаль) — король Франции с 1643 г. — 57—59
- ЛЮДОВИК XV (1710, Версаль — 1774, Версаль) — король Франции с 1715 г. — 75
- ЛЮДОВИК XVI (1754, Версаль — 1793, Париж) — король Франции с 1774 по 1793 г. — 348
- ЛЮТЕР Мартин (1483, Эйслебен — 1546, Эйслебен) — глава Реформации в Германии. — 250, 276
- МАБЛИ Габриель (1709, Гренобль — 1785, Париж) — французский социалист-утопист. — 73, 75
- МАГНИЦКИЙ Михаил Леонтьевич (1778—1844, Москва) — государственный деятель. — 91, 299
- МАГОМЕТ (570, Мекка — 632, Медина) — религиозный проповедник. — 228
- МАДЗИНИ Джузеппе (1805, Генуя — 1872, Пиза) — итальянский революционер. — 103, 146, 372, 381, 389
- МАЙКОВ Аполлон Николаевич (1821, Москва — 1897, Петербург) — поэт. — 119, 143, 144, 319
- МАЙКОВ Валериан Николаевич (1823, Москва — 1847, Петербург) — литературный критик. — 119, 336, 360
- МАКАРИЙ (Михаил Яковлевич Глухарев) (1792, Вязьма — 1847, Болхов) — миссионер и богослов. — 236
- МАКАРИЙ (Михаил Петрович Булгаков) (1816, Курская губ. — 1882, Москва) — историк церкви. — 324
- МАКСИМ ГРЕК (1470, Греция — 1556, Троице-Сергиев монастырь) — религиозный мыслитель. — 47
- МАЛЬТУС Томас (1766, Рукери — 1834, Бата) — английский экономист. — 195, 196
- МАНУТИУС Альдус (1449—1515) — итальянский издатель. — 47
- МАРАТ Жан Поль (1743, Швейцария — 1793, Париж) — французский революционер. — 391
- МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ (1717, Вена — 1780, Вена) — эрцгерцогиня Австрийская. — 75, 286
- МАРК АВРЕЛИЙ (121, Рим — 180, Виндобона) — философ, римский император. — 228

- МАРКС Карл (1818, Трир — 1883, Лондон) — немецкий экономист. — 145, 146, 180, 196, 204, 208, 310, 346, 350—353, 388, 398, 401, 407
- МАРКУАРТ Йозеф (1864—1930) — немецкий востоковед. — 15
- МАРТЫНОВ Иван Михайлович (1821—1894) — религиозный писатель. — 148, 279
- МЕДИКУС Фриц (1876—1956) — немецкий философ. — 196
- МЕЗЕНЦЕВ Николай Владимирович (1827—1888, Петербург) — государственный деятель. — 150, 155
- МЁЛЕР Иоганн (1796—1838) — немецкий теолог. — 278
- МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ Павел Иванович (1818, Нижний Новгород — 1883, Нижний Новгород) — писатель. — 9, 143
- МЕН де БИРАН (1766, Бержерак — 1824, Париж) — французский философ. — 253
- МЕНДЕЛЬСОН Мозес (1729, Дессау — 1786, Берлин) — немецкий просветитель. — 202
- МЕНЦЕЛЬ Вольфганг (1798, Силезия — 1873, Штутгарт) — немецкий критик. — 342, 344
- МЕНШИКОВ Александр Данилович (1673, Москва — 1729, Березов) — государственный деятель. — 53, 59
- МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (1866, Петербург — 1941, Париж) — писатель и публицист. — 156
- МЕСТР Жозеф (1753, Шамбери — 1821, Турин) — французский политик и философ. — 82, 105, 113, 196, 222, 223, 307, 320, 326, 376, 380
- МЕТТЕРНИХ Клеменс (1773, Кобленц — 1869, Вена) — князь, австрийский государственный деятель. — 89, 93, 103, 129, 186, 223
- МЕФОДИЙ (815—885) — основатель славянской письменности. — 275
- МИЛЛЬ Джон Стюарт (1806, Лондон — 1873, Авиньон) — английский экономист. — 145, 372, 409
- МИЛЮКОВ Александр Петрович (1817—1897) — прозаик. — 119
- МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859, Москва — 1943, Савойя) — политик и историк. — 322
- МИЛЮТИН Владимир Алексеевич (1826, Петербург — 1858, Эмс) — экономист и социолог. — 144
- МИРАБО Оноре (1749, Намур — 1791, Париж) — деятель французской революции. — 386
- МИТРОФАН (Дмитрий Краснопольский) (1869—1919) — церковный деятель. — 179
- МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ (1596, Москва — 1645, Москва) — царь с 1613 г. — 36, 45, 46, 52
- МИХАЙЛОВ Михаил Илларионович (1829, Оренбург — 1865, Кадай близ Читы) — публицист и поэт. — 148
- МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович (1843, Мещовск — 1904, Петербург) — публицист и социолог. — 144, 152, 193
- МИЦКЕВИЧ Адам (1798, Новогрудок — 1853, Константинополь) — польский поэт. — 296, 297, 302
- МИШЛЕ Жюль (1798, Париж — 1874, Йер) — французский историк. — 234, 372, 396, 400, 404

- МОЛЕШОТТ Якоб (1822, Хертогенбок — 1893, Рим) — немецкий естествоиспытатель. — 145
- МОНТАЛАМБЕР Шарль (1810—1876) — французский политик и писатель. — 315
- МОНТЕСКЬЕ Шарль (1689, Лабред — 1755, Париж) — французский философ. — 68, 69, 73, 81, 83, 84, 93, 195, 372
- МОРДВИНОВ Николай Семенович (1754, Новгородская губ. — 1845, Петербург) — государственный деятель. — 88
- МОРЕЛЛИ (1715—1778, Париж) — французский теоретик утопического коммунизма. — 73
- МУРАВЬЕВ Никита Михайлович (1796, Москва — 1843, Иркутская губ.) — декабрист. — 95, 96, 101
- МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ Сергей Иванович (1796, Петербург — 1826, Петербург) — декабрист. — 101
- МУРОМЦЕВ Сергей Андреевич (1850, Рязанская губ. — 1910, Москва) — земский деятель, юрист. — 173
- МЮЛЛЕР Герхардт (1705—1783) — историк России. — 206
- МЮЛЛЕР Эрнст (?—1863) — немецкий теолог. — 307
- МЮССЕ Альфред (1810, Париж — 1857, Париж) — французский поэт-романтик. — 307
- НАВУХОДОНОСОР II — вавилонский царь с 605 по 562 г. — 49, 281
- НАДЕЖДИН Николай Иванович (1804, Московская губ. — 1856, Петербург) — критик. — 221, 336, 338, 340
- НАПОЛЕОН I (1769, Корсика — 1821, о. Святой Елены) — император Франции. — 83, 89, 91, 94, 103, 113, 172, 222, 247, 272, 319, 342, 347, 348, 375, 386, 400
- НАПОЛЕОН III (1808, Париж — 1873, Лондон) — император Франции в 1852—1870 гг. — 109, 296
- НЕКРАСОВ Николай Александрович (1821, Немиров — 1877, Петербург) — поэт, редактор. — 117, 134, 143, 339, 357
- НЕЛИДОВА Варвара А. — любовница Николая I. — 128
- НЕСТОР (XI—XII вв.) — древнерусский летописец. — 14, 41, 205, 206, 298
- НЕЧАЕВ Сергей Геннадьевич (1847, Иваново-Вознесенск — 1882, Петербург) — революционер, террорист. — 149
- НИБУР Бартольд (1776, Копенгаген — 1831, Бонн) — прусский политик. — 208, 376
- НИКИТЕНКО Александр Васильевич (1804, Воронежская губ. — 1877, Павловск) — литературный критик. — 143
- НИКОЛАЙ I (1796, Царское Село — 1855, Петербург) — император с 1825 г. — 86, 102—105, 107—110, 112—118, 121—129, 132, 136, 139, 143, 145, 147, 149, 207, 208, 219, 222, 227, 231, 237, 247, 258, 294, 299, 304, 307, 315, 325, 330, 336, 339, 342, 343, 347—349, 356, 358, 370, 371, 388, 409
- НИКОЛАЙ II (1868, Царское Село — 1918, Екатеринбург) — император в 1894—1917 гг. — 153, 156, 162, 163, 165, 168, 180, 184, 186—188
- НИКОН (Никита Минов) (1605, близ Нижнего Новгорода — 1681, Ярославль) — церковный реформатор. — 47—49, 54

- НИЛ СОРСКИЙ (ок. 1433—1508, обитель на р. Соре) — церковный деятель. — 44
- НОВАЛИС (1772, Видерштедт — 1801, Вайссенфельс) — немецкий поэт-романтик. — 307
- НОВГОРОДЦЕВ Павел Иванович (1866, Бахмут — 1924, Прага) — социолог, правовед. — 156
- НОВИКОВ Николай Иванович (1744, Московская губ. — 1818, Московская губ.) — писатель и просветитель. — 73, 74, 87
- НОВИКОВ Николай — племянник Н. И. Новикова. — 95
- НОВОСИЛЬЦЕВ Николай Николаевич (1768—1838, Петербург) — государственный деятель. — 83, 86, 87
- ОБОЛЕНСКИЙ Евгений Петрович (1796, Таврическая губ. — 1865, Калуга) — декабрист. — 132
- ОБРАДОВИЧ Досифей (1739, Воеводин — 1811, Белград) — сербский просветитель. — 290
- ОГАРЕВ Николай Платонович (1813, Петербург — 1877, Лондон) — публицист, поэт. — 329, 338, 348, 349, 372, 373, 381, 389, 391, 397, 411
- ОДОЕВСКИЙ Александр Иванович (1802, Петербург — 1839, Лазаревское близ Сочи) — поэт, декабрист. — 101
- ОДОЕВСКИЙ Владимир Федорович (1803, Москва — 1869, Москва) — писатель и философ. — 119, 225, 231, 234, 327, 328, 335, 353
- ОКЕН Лоренц (1779, Бомсбах — 1851, Цюрих) — немецкий натурфилософ. — 234, 372
- ОЛЕГ (ум. 912) — князь Киевский. — 14
- ОРЛОВ Григорий Григорьевич (1734—1783, Москва) — военный деятель. — 77
- ОРЛОВ Михаил Федорович (1788, Москва — 1842, Москва) — декабрист. — 99
- ОСТРОВСКИЙ Александр Николаевич (1823, Москва — 1866, Щельково) — драматург. — 109, 117, 143, 319, 367, 368
- ОУЭН Роберт (1771, Ньютаун — 1858, Ньютаун) — английский социалист. — 82, 401, 405
- ПАВЕЛ I (1754, Петербург — 1801, Петербург) — император с 1796 г. — 80, 81, 89, 90, 126, 223, 242, 343, 399
- ПАВЛОВ Михаил Григорьевич (1793, Воронеж — 1840, Москва) — физик и философ. — 335, 338, 340, 372
- ПАВЛОВ Платон Васильевич (1823, Нижегородская губ. — 1895, Петербург) — историк и искусствовед. — 294
- ПАИСИЙ ХИЛЕНДАРСКИЙ (1722, Банско — 1794, Самоков) — болгарский просветитель. — 292
- ПАЛАЦКИЙ Франтишек (1798, Годславице — 1876, Прага) — чешский историк и политик. — 289, 290, 299, 300
- ПАЛЕН Константин Иванович (1833—1912) — государственный деятель. — 153

- ПАНАЕВ Иван Иванович (1812, Петербург — 1820, Петербург) — журналист и мемуарист. — 119
- ПАНИН Никита Иванович (1718, Данциг — 1783, Петербург) — государственный деятель. — 68
- ПАСКАЛЬ Блез (1623, Клермон-Ферран — 1662, Париж) — французский философ и ученый. — 242
- ПАСЕК Вадим Васильевич (1808, Тобольск — 1842, Москва) — этнограф и писатель. — 373
- ПАШКОВ Василий Александрович (ум. 1902) — основатель сектантского движения. — 147
- ПЕЙН Томас (1737, Тетфорд — 1809, Нью-Йорк) — американский публицист. — 203, 388
- ПЕЛЬЦЛЬ Франтишек (1734, Рыхнов — 1801, Прага) — чешский историк. — 288
- ПЕРИКЛ (ок. 490—429 до н. э.) — государственный деятель Древней Греции. — 231
- ПЕРОВСКАЯ Софья Львовна (1853, Петербург — 1881, Петербург) — народоволка. — 153
- ПЕСТАЛОЦЦИ Иоганн (1746, Цюрих — 1827, Бругг) — швейцарский педагог. — 81
- ПЕСТЕЛЬ Павел Иванович (1793, Москва — 1826, Петербург) — декабрист. — 96—102, 132, 138, 302, 334, 372, 401
- ПЕТР I (1672, Москва — 1725, Петербург) — царь с 1682, император с 1721 г. — 6, 9, 13, 29—31, 33, 48, 52, 53—66, 69—72, 75, 78, 79, 84, 88, 89, 100, 107, 111, 112, 114, 163, 184, 205, 207, 235, 240, 242, 244, 255, 257, 261, 262, 277, 280, 282, 284, 310, 312, 326, 332, 333, 355, 361, 395
- ПЕТРОВ Григорий Спиридонович (1867—1925) — религиозный публицист. — 179
- ПЕЧЕРИН Владимир Сергеевич (1807, Киевская губ. — 1885, Дублин) — филолог, эмигрант. — 223
- ПИРОГОВ Николай Иванович (1810, Москва — 1881, Винница) — врач и педагог. — 140
- ПИСАРЕВ Дмитрий Иванович (1840, Орловская губ. — 1868, Дубулты, близ Риги) — литературный критик. — 144, 148, 323, 367
- ПИСЕМСКИЙ Алексей Феофилактович (1821, Костромская губ. — 1881, Москва) — писатель. — 117, 143, 318
- ПЛАТОН (427 до н. э., Афины — 347 до н. э., Афины) — древнегреческий философ. — 68, 153, 199, 200, 222, 244, 245, 409
- ПЛЕВЕ Вячеслав Константинович (1846, Мешовск — 1904, Петербург) — государственный деятель. — 168, 186, 187
- ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (Бельтов) (1826, Орловская губ. — 1918, Питкеярви, Финляндия) — философ-марксист. — 175, 180, 323
- ПЛЕЩЕЕВ Алексей Николаевич (1825, Кострома — 1893, Париж) — петрашевец, писатель. — 109, 119
- ПНИН Иван Петрович (1773, Москва — 1805, Петербург) — просветитель, публицист. — 76, 87

- ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович (1827, Москва — 1907, Петербург) — государственный деятель. — 144, 152, 153, 164, 166, 168, 169, 171, 283, 332
- ПОГОДИН Михаил Петрович (1800, Москва — 1875, Москва) — историк, славянофил. — 110, 234, 237, 281, 299, 300, 304, 305, 323, 341
- ПОЛЕВОЙ Николай Ксенофонтович (1796, Иркутск — 1846, Петербург) — критик и журналист. — 109, 112, 120, 121, 302, 336, 337, 347
- ПОЛЕЖАЕВ Александр Иванович (1805, Мордовия — 1838, Москва) — поэт. — 104, 105, 357
- ПОЛЕНОВ Алексей Яковлевич (1738—1816, Петербург) — историк. — 87
- ПОМЯЛОВСКИЙ Николай Герасимович (1835, Петербург — 1863, Петербург) — писатель. — 143
- ПОПОВ Михаил Иванович (1742—1790) — литератор. — 77
- ПОСОШКОВ Иван Тихонович (1652, Московская губ. — 1726, Петербург) — экономист и публицист. — 54, 60, 64
- ПОТЕМКИН Григорий Александрович (1739, Смоленская губ. — 1791, Ясы) — государственный деятель. — 77
- ПРЕЙС Петр Иванович (1810—1846) — славист. — 298
- ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ (500—562) — византийский историк. — 17
- ПРОТАСОВ Николай Александрович (1799—1855) — государственный деятель. — 107
- ПРУДОН Пьер (1809, Безансон — 1865, Париж) — французский теоретик анархизма. — 326, 329, 339, 350, 372, 378, 402
- ПУГАЧЕВ Емельян Иванович (1742, Зимовейская — 1775, Москва) — вождь крестьянского восстания. — 49, 69, 73—75, 391
- ПУРИШКЕВИЧ Владимир Митрофанович (1870, Кишинев — 1920, Новороссийск) — политический деятель. — 186
- ПУШКИН Александр Сергеевич (1799, Москва — 1837, Петербург) — поэт. — 72, 93, 100, 101, 109, 110, 116, 117, 133, 209, 221, 225, 227, 231, 234, 269, 309, 319, 338, 339, 357, 360, 366, 368, 372, 378, 398
- ПЫПИН Александр Николаевич (1833, Саратов — 1904, Петербург) — литературовед. — 334, 336, 337, 339
- РАДИЩЕВ Александр Николаевич (1749, Москва — 1802, Петербург) — писатель и философ. — 75—77, 79, 81—83, 85, 87, 172, 180, 193, 327
- РАДЛОВ Эрнест Леопольдович (1854, Петербург — 1928, Ленинград) — философ. — 192, 195
- РАЗИН Степан Тимофеевич (1630, Зимовейская — 1671, Москва) — вождь крестьянского восстания. — 33
- РАЗУМОВСКИЙ Алексей Григорьевич (1709, Черниговская губ. — 1771, Петербург) — военный деятель. — 77
- РАНКЕ Леопольд (1795, Галле — 1886, Берлин) — немецкий историк. — 336
- РАСПУТИН-НОВЫХ Григорий Ефимович (1872, Покровское — 1916, Петроград) — фаворит семьи Романовых. — 189
- РАУМЕР Фридрих (1781—1873) — немецкий историк. — 234
- РАФАЭЛЬ де САНТИ (1483, Урбино — 1520, Рим) — итальянский художник. — 360

- РАХМАНИН — публицист. — 77
 РЕДСТОК Г. (1836—1913) — английский проповедник. — 147
 РЕЙНАЛЬ Гийом (1713, Аверон — 1796, Париж) — французский историк. — 75
 РЕЙЦ Александр (1799—1862) — историк права. — 206
 РЕННЕНКАМПФ Николай Карлович (1832—1899) — юрист. — 302
 РЕШЕТНИКОВ Федор Михайлович (1841, Екатеринбург — 1871, Петербург) — публицист и писатель. — 143
 РИГЕР Франтишек (1818, Семилы — 1903, Прага) — чешский политик. — 300
 РИККЕРТ Генрих (1863, Данциг — 1936, Гейдельберг) — немецкий философ. — 284
 РИТТЕР Карл (1779, Кведлинбург — 1820, Берлин) — немецкий географ. — 234, 336
 РОБЕСПЬЕР Максимилиан (1758, Аррас — 1794, Париж) — французский политический деятель. — 88, 327, 348—350, 374, 376, 386
 РОЗЕНКАМПФ Густав Андреевич (1762 — 1832) — юрист. — 83
 РОСТОВЦЕВ Яков Иванович (1803, Петербург — 1860, Петербург) — государственный деятель. — 132
 РОТЕ Рихард (1799—1867) — немецкий теолог. — 257
 РОТШИЛЬД Якоб Джемс (1792—1868) — немецкий финансист. — 408
 РУНИЧ Дмитрий Павлович (1778—1860, Петербург) — государственный деятель. — 91
 РУССО Жан Жак (1772, Женева — 1778, Эрменонвиль) — французский идеолог Просвещения. — 73, 75—77, 81, 83, 84, 113, 195, 250, 307—309, 327, 376, 378, 387, 404
 РЫЛЕЕВ Кондратий Федорович (1795, Гатчина — 1826, Петербург) — декабрист, поэт. — 101, 109, 117, 247, 258, 372
 РЫСАКОВ Николай Иванович (1861, Вологодская губ. — 1881, Петербург) — народоволец. — 151
 РЮРИК (IX в.) — князь Новгородский. — 14
- САБЛЕР Владимир Карлович (1847—1929) — государственный деятель. — 188
 САВИНЬИ Фридрих (1779, Франкфурт — 1861, Берлин) — немецкий юрист. — 196, 265, 336
 САВОНАРОЛА Джироламо (1452—1498, Флоренция) — итальянский религиозный деятель. — 47
 САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН Михаил Евграфович (1826, Тверская губ. — 1889, Петербург) — писатель. — 109, 119, 143, 352
 САМАРИН Юрий Федорович (1819, Петербург — 1876, Берлин) — общественный деятель. — 47, 234, 247—249, 252, 277—281, 302, 312, 313, 315, 326, 333, 354, 370
 САНД ЖОРЖ (Аврора Дюдеван) (1804, Париж — 1876, Ноан) — французская писательница. — 119, 344, 350
 САХАРОВ Виктор Викторович (1848 — 1905) — военный деятель. — 166
 СВЕДЕНБОРГ Эммануэль (1688, Стокгольм — 1722, Лондон) — шведский теолог и естествоиспытатель. — 82, 372

- СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Петр Данилович (1857—1914) — государственный деятель. — 168
 СЕЛИВАНОВ Кондратий (ум. 1832) — сектант. — 90
 СЕМЕВСКИЙ Василий Иванович (1848, Полоцк — 1916, Петроград) — историк. — 317
 СЕН-ЖЮСТ Луи (1767—1794, Париж) — французский революционер. — 350
 СЕНКОВСКИЙ Осип Иванович (1800, Виленская губ. — 1858, Геттеборг) — журналист, востоковед. — 302
 СЕН-СИМОН Клод Анри (1760, Париж — 1825, Париж) — французский социалист. — 82, 119, 120, 226, 320, 350, 366, 372, 376, 378, 402, 405, 408
 СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1857, Царское Село — 1905, Москва) — великий князь. — 168, 186
 СЕРГИЙ (Иван Николаевич Страгородский) (1867, Арзамас — 1944, Москва) — церковный деятель, патриарх. — 324
 СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ Александр Александрович (1838, Петербург — 1869, Женева) — революционер-шестидесятник. — 383
 СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ Николай Александрович (1834, Петербург — 1866, Иркутск) — публицист. — 383
 СИБИРЯКОВ Иван Семенович (ум. 1848, Петербург) — поэт из крепостных. — 132
 СИЛЬВЕСТР (ум. 1566, Соловецкий монастырь) — сподвижник Ивана IV. — 44
 СИНЕУС (IX в.) — брат Рюрика. — 14
 СИПЯГИН Дмитрий Сергеевич (1853, Киев — 1902, Петербург) — государственный деятель. — 168
 СКОВОРОДА Григорий Саввич (1722, Полтавская губ. — 1794, Харьковская губ.) — украинский философ и поэт. — 192
 СМИТ Адам (1733, Шотландия — 1790, Эдинбург) — шотландский экономист. — 69, 81, 88, 115, 195
 СОКРАТ (470, Афины — 399 до н. э., Афины) — древнегреческий философ. — 200, 228
 СОЛНЦЕВ Гавриил Ильич (1786—1866) — юрист. — 107
 СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853, Москва — 1900, Узкое) — философ и публицист. — 192, 311, 324
 СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович (1820, Москва — 1879, Москва) — историк. — 191, 333, 337
 СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА (1657, Москва — 1704, Москва) — царевна в 1682—1689 гг. — 31, 58, 65
 СОЧИНСКИЙ — студент. — 104
 СПАСОВИЧ Владимир Данилович (1829, Гомельская губ. — 1906, Варшава) — юрист. — 336, 337
 СПЕНСЕР Герберт (1820, Дерби — 1903, Брайтон) — английский философ. — 145, 180, 199
 СПЕРАНСКИЙ Михаил Михайлович (1772, Владимирская губ. — 1839, Петербург) — государственный деятель. — 83—86, 88, 91, 105, 112
 СПИНОЗА Бенедикт (1632, Амстердам — 1677, Гаага) — нидерландский философ. — 180, 384

- СРЕЗНЕВСКИЙ Измаил Иванович (1812, Ярославль — 1880, Петербург) — филолог, славист. — 298
- СТАЛЬ Анна Луиза (1766, Париж — 1817, Париж) — французская писательница. — 111, 113, 222, 326
- СТАНКЕВИЧ Николай Владимирович (1813, Воронежская губ. — 1840, Италия) — организатор кружка. — 121, 260, 328, 333, 335, 336, 338—340, 353, 354, 363, 411
- СТАСЮЛЕВИЧ Михаил Матвеевич (1826, Петербург — 1911, Петербург) — издатель. — 337
- СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ Сергей Михайлович (1851, Херсонская губ. — 1895, Лондон) — революционер. — 147, 150, 155
- СТЕРН Лоренс (1713, Ирландия — 1768, Лондон) — английский писатель. — 75
- СТЕФФЕНС Генрих (1773, Норвегия — 1845, Иена) — немецкий естествоиспытатель. — 242
- СТОЛЫПИН Петр Аркадьевич (1862, Дрезден — 1911, Киев) — государственный деятель. — 176, 179, 181, 182, 186
- СТОЮНИН Владимир Яковлевич (1826, Петербург — 1888, Петербург) — педагог. — 140
- СТРАХОВ Николай Николаевич (1828, Белгород — 1896, Петербург) — философ. — 193, 312, 369
- СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870, Пермь — 1944, Петербург) — экономист. — 156, 167
- СУВОРОВ Александр Васильевич (1730, Москва — 1800, Петербург) — полководец. — 89
- СУДЕЙКИН Георгий Петрович (1850, Киев — 1883, Петербург) — государственный деятель. — 187
- СУМАРОКОВ Александр Петрович (1717, Петербург — 1777, Москва) — драматург. — 76, 87, 111
- СУНГУРОВ Николай Петрович (1805—?) — основатель кружка. — 121
- ТАТАРИНОВА Евгения Филипповна (1783—1856) — мистик. — 91
- ТАТИЩЕВ Василий Никитич (1686, Псков — 1750, Московская губ.) — историк. — 79, 206
- ТАУЛЕР Иоганн (1300, Страсбург — 1361, Страсбург) — немецкий теолог, мистик. — 82, 223
- ТВЕРИТИНОВ (Дмитрий Евдокимович Дерюжкин) (1667, Тверь — 1741) — вольнодумец. — 61
- ТЕННИС Фердинанд (1855, Рап — 1936, Киль) — немецкий социолог. — 321
- ТЕОФИЛ — духовник Николая II. — 186
- ТЕТЕНС Иоганн (1736—1807) — немецкий философ. — 202
- ТИХОМИРОВ Лев Александрович (1852, Геленджик — 1923, Загорск) — народоволец, публицист. — 155
- ТКАЧЕВ Петр Никитич (1844, Псковская губ. — 1885, Париж) — революционер, публицист. — 149
- ТОВЯНСКИЙ Анджей (1799—1878) — польский мистик. — 296

- ТОКВИЛЬ Алексис (1805, Верней — 1859, Канн) — французский историк. — 315
- ТОЛСТОЙ Алексей Константинович (1817, Петербург — 1875, Брянская губ.) — поэт. — 143
- ТОЛСТОЙ Дмитрий Андреевич (1823, Москва — 1889, Петербург) — государственный деятель. — 152, 153, 187
- ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (1828, Ясная Поляна — 1910, Астапово) — писатель. — 8, 72, 117, 140, 143, 147, 155, 180, 192, 193, 342, 363, 369
- ТРЕДИАКОВСКИЙ Василий Кириллович (1703, Астрахань — 1768) — поэт. — 111, 206
- ТРЕПОВ Федор Федорович (1812—1889, Петербург) — градоначальник Петербурга. — 149
- ТРУВОР (IX в.) — брат Рюрика. — 14
- ТУРГЕНЕВ Иван Сергеевич (1818, Орел — 1883, Бужвиль) — писатель. — 110, 117, 119, 133, 136, 138, 180, 269, 309, 323, 338, 339, 344, 354, 357, 360, 368, 369, 370, 371, 383, 385, 398, 399
- ТУРГЕНЕВ Николай Иванович (1789, Симбирск — 1871, Париж) — экономист, декабрист. — 99, 101, 122—124, 143, 147, 221, 227, 231, 330, 333, 336, 337, 407
- ТЮРГО Анн Робер (1727, Париж — 1781, Париж) — французский экономист. — 112, 195
- ТЮТЧЕВ Федор Иванович (1803, Орловская губ. — 1873, Царское Село) — поэт. — 315, 319
- УВАРОВ Сергей Семенович (1786, Москва — 1855, Москва) — государственный деятель. — 106, 108—110, 118, 124, 125, 186, 217, 231, 232, 283, 299, 304, 309, 313, 330, 343, 370
- УСПЕНСКИЙ Глеб Иванович (1843, Тула — 1902, Петербург) — писатель. — 120, 143
- УТИН Борис Исакович (1832—1872) — юрист. — 337
- УХТОМСКИЙ Эспер Эсперович (1861—1921) — поэт и издатель. — 163
- УШИНСКИЙ Константин Дмитриевич (1824, Тула — 1871, Одесса) — педагог. — 140, 293
- ФАДЕЕВ Ростислав Андреевич (1824, Екатеринослав — 1883, Одесса) — военный историк. — 300
- ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ (1661, Москва — 1682, Москва) — царь с 1676 г. — 29, 31, 46, 55, 65
- ФЕДОР ИОАННОВИЧ (1557, Москва — 1598, Москва) — царь с 1584 г. — 31
- ФЕЙЕРБАХ Людвиг (1804, Ландсхут — 1872, Рехенберг) — немецкий философ. — 119, 145, 180, 199, 250, 320, 329, 338, 339, 346, 348, 349, 352—356, 363, 372, 373, 378, 379, 385, 386, 388, 392, 401, 404, 405, 407
- ФЕНЕЛОН Франсуа (1651, Перигор — 1715, Комбре) — французский теолог. — 76
- ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ (1681, Киев — 1736, Петербург) — церковный деятель. — 61, 62, 65, 277

- ФЕРГЮСОН Адам (1723—1861) — шотландский историк. — 195
 ФИЛАРЕТ — монах. — 236
 ФИЛАРЕТ (1782, Коломна — 1867, Москва) — митрополит Московский. — 91, 106, 112
 ФИЛАРЕТ (Федор Никитич Романов) (1554—1663) — патриарх Московский. — 36, 45, 189
 ФИЛИПП II (1527, Вальядолид — 1598, Эскориал) — король Испании с 1556 г. — 347
 ФИХТЕ Иоганн (1762, Рамменау — 1814, Берлин) — немецкий философ. — 112, 118, 203, 204, 239, 247, 254, 273, 310, 327, 338, 339, 341, 344, 346, 348, 349, 363, 386
 ФИШЕР Куно (1824, Силезия — 1907, Гейдельберг) — немецкий историк философии. — 369
 ФЛЕТЧЕР Джэйлс (1549, Уотфорд — 1611, Лондон) — английский дипломат. — 51
 ФОГТ Карл (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и политик. — 145, 329, 349, 372, 373, 378, 379, 382
 ФОЙГТ Микулаш (1733—1787) — чешский историк. — 288
 ФОНВИЗИН Денис Иванович (1744, Москва — 1792, Петербург) — драматург. — 68, 77, 78, 111, 298
 ФОТИЙ (1792, Новгородская губ. — 1838, Юрьевский монастырь) — церковный деятель. — 91, 92, 107, 257
 ФОТИЙ (810/820, Константинополь — 891/898, Константинополь) — константинопольский патриарх. — 219
 ФРАНК Сергей Людвигович (1877, Москва — 1950, Лондон) — философ. — 218
 ФРАНЦ II (1768, Флоренция — 1835, Вена) — император Священной Римской империи в 1792—1806 гг. — 80
 ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ (1712, Берлин — 1786, Потсдам) — король Пруссии с 1740 г. — 67, 72, 75, 80
 ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ III (1770, Потсдам — 1840, Берлин) — король Пруссии с 1797 г. — 80, 343
 ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ IV (1795, Берлин — 1861, Потсдам) — король Пруссии с 1840 г. — 102, 103
 ФУРЬЕ Шарль (1772, Безансон — 1837, Париж) — французский социалист. — 82, 120, 320, 350, 372, 402
 ХЕРАСКОВ Михаил Матвеевич (1733, Полтавская губ. — 1807, Москва) — драматург. — 76, 77
 ХОМЯКОВ Алексей Степанович (1804, Москва — 1860, Ивановское) — религиозный философ. — 110, 144, 231, 233, 234, 236, 248—259, 262, 264—266, 274—278, 280, 281, 300, 310, 312—314, 316, 317, 322—324, 352, 354, 357, 366, 368, 384, 399
 ЦВИНГЛИ Ульрих (1484, Вильдхауз — 1531, Каппель) — швейцарский реформатор. — 250

- ЦИЦЕРОН Марк Туллий (106, Арпинум — 43 до н. э., Гаэта) — римский оратор. — 68
 ЧААДАЕВ Михаил Яковлевич (1792—1866) — брат П. Я. Чаадаева. — 217
 ЧААДАЕВ Петр Яковлевич (1794, Москва — 1856, Москва) — философ. — 103, 108, 109, 144, 208, 217—235, 243, 247, 251, 258, 266, 276, 277, 308, 309, 311, 318, 323, 326—328, 335, 338, 341, 355, 368, 372, 378, 380, 396
 ЧАЙКОВСКИЙ Николай Иванович (1850, Вятка — 1926, Лондон) — революционер. — 149
 ЧАРТОРИЙСКИЙ Адам (1770, Варшава — 1861, Монфермест) — политический деятель. — 81
 ЧЕЛАКОВСКИЙ Франтишек (1799, Стракиния — 1852, Прага) — чешский поэт. — 298
 ЧЕМБЕРЛЕН Хьюстон (1855—1927) — немецкий философ. — 274
 ЧЕРЕП-СПИРИДОВИЧ — военный деятель. — 305
 ЧЕРНЯЕВ Михаил Григорьевич (1828—1898, Могилевская губ.) — генерал и дипломат. — 300
 ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (1828, Саратов — 1889, Саратов) — общественный деятель, писатель. — 137, 144, 148, 180, 193, 323, 338, 367, 378, 383, 384, 401, 407
 ЧЕХОВ Антон Павлович (1860, Таганрог — 1904, Баденвейер) — писатель. — 156
 ЧИЧЕРИН Борис Николаевич (1828, Тамбов — 1904, Караул) — правовед и философ. — 302, 329, 332—334, 337, 406
 ЧУЛКОВ Михаил Дмитриевич (1774, Москва — 1792, Москва) — писатель. — 77
 ШАТОБРИАН Франсуа (1768, Сен-Мало — 1848, Париж) — французский писатель. — 82, 222, 223, 307, 376
 ШАФАРИК Павел (1795, Словакия — 1861, Прага) — чешский и словацкий ученый. — 289, 298—300
 ШЕВЧЕНКО Тарас Григорьевич (1814, Киевская губ. — 1861, Петербург) — украинский поэт и живописец. — 104, 109, 294, 359, 406
 ШЕВЫРЕВ Степан Петрович (1806, Саратов — 1864, Париж) — историк литературы. — 234, 269, 278, 290, 299, 300, 326
 ШЕКСПИР Уильям (1564, Стратфорд-на-Эйвоне — 1616, Стратфорд-на-Эйвоне) — английский драматург. — 310, 336, 363, 382
 ШЕЛЛИНГ Фридрих (1775, Леонберг — 1854, Швейцария) — немецкий философ. — 118, 119, 204, 208, 218, 222, 227, 229, 232, 234, 235, 241—243, 245, 247, 248, 253, 254, 264, 274, 296, 314, 320, 327, 328, 335, 338—340, 343, 344, 358, 359, 362, 363, 368, 372, 386
 ШЕРЕМЕТЬЕВ Борис Петрович (1652, Москва — 1719, Петербург) — военный деятель. — 59
 ШЕРЕМЕТЬЕВ В. А. — граф, владелец Никитенко. — 143
 ШИЛЛЕР Фридрих (1759, Марбах — 1805, Веймар) — немецкий поэт. — 119, 132, 195, 310, 335, 338, 347, 350, 372, 387, 405

- ШИФФ Мориц (1823—1896) — итальянский социолог. — 379
- ШИШКОВ Александр Семенович (1754—1841, Петербург) — адмирал, писатель. — 111, 112, 233, 298, 299, 313, 319, 320
- ШЛЕГЕЛЬ Фридрих (1772, Ганновер — 1829, Дрезден) — немецкий критик и философ. — 222, 231, 254, 265, 307
- ШЛЕЙЕРМАХЕР Фридрих (1768, Бреслау — 1834, Берлин) — немецкий теолог и философ. — 118, 234
- ШЛЁЦЕР Август (1735, Гагштадт — 1809, Геттинген) — немецкий историк. — 195, 206—208, 298
- ШЛОССЕР Юлиус (1866—1938) — австрийский историк искусства. — 195
- ШОПЕНГАУЭР Артур (1788, Данциг — 1860, Франкфурт) — немецкий философ. — 145, 203, 204, 253, 274, 378, 383
- ШТАЛЬ Фридрих (1802—1861) — немецкий юрист. — 196
- ШТЕЙН Людвиг (1859—1930) — немецкий социолог и политик. — 92
- ШТИРНЕР Макс (1806, Байрейт — 1856, Берлин) — немецкий теоретик анархизма. — 146, 199, 204, 250, 254, 255, 315, 320, 346, 352, 353, 378, 386, 407
- ШТОЛЬБЕРГ Фридрих (1750—1819) — немецкий переводчик. — 307
- ШТРАУС Давид (1808, Людвигсбург — 1874, Людвигсбург) — немецкий теолог. — 180, 199, 349, 355
- ШТУР Людовит (1815, Словакия — 1856, Братислава) — словацкий поэт и филолог. — 290
- ШТУРХ Петер (1787—1851) — немецкий историк. — 234
- ШУБЕРТ Франц (1797, Вена — 1828, Вена) — австрийский композитор. — 328
- ШУЛЬЦЕ-ГЕВЕРНИЦ Герман (1824, Бреслау — 1884, Нейроде) — немецкий юрист. — 318
- ЩАПОВ Афанасий Прокофьевич (1830, Иркутская губ. — 1876, Иркутск) — историк и этнограф. — 49, 294
- ЩЕРБАТОВ Михаил Михайлович (1733—1790, Петербург) — историк. — 69, 78, 79, 87, 111, 206, 217, 308, 320
- ЭВЕРС Иоганн (1781, Вестфалия — 1830, Дерпт) — историк. — 206
- ЭКARTXAUZEN Карл (1752—1803) — немецкий мистик. — 82, 222, 372
- ЭНГЕЛЬГАРТ Александр Николаевич (1828, Смоленская губ. — 1893, Смоленская губ.) — агроном и публицист. — 103
- ЭНГЕЛЬС Фридрих (1820, Вупперталь — 1895, Лондон) — философ, один из основателей марксизма. — 145, 146, 346, 352, 353, 407
- ЭШЕНМАЙЕР Карл (1768, Нейенбург — 1852, Кирхгайм) — немецкий естествоиспытатель. — 372
- ЮМ Давид (1711, Эдинбург — 1776, Эдинбург) — шотландский философ. — 195—202, 239, 308, 346, 356, 379, 382
- ЮНГ-ШТИЛЛИНГ Иоганн (1740, Вестфалия — 1817, Карлсруэ) — немецкий врач и мистик. — 82, 90, 222

- ЮНГМАНН Йозеф (1773, Бероун — 1847, Прага) — чешский языковед. — 289
- ЮРИЙ ДАНИЛОВИЧ (70-е гг. XIII в. — 1325, убит в Орде) — великий князь Московский с 1303 г. — 23
- ЯВОРСКИЙ СТЕФАН (1658, Явор, Украина — 1722, Москва) — церковный деятель. — 277
- ЯЗЫКОВ Николай Михайлович (1803, Симбирск — 1847, Москва) — поэт. — 117, 231, 234, 247, 319, 326
- ЯКОБИ Фридрих (1743, Дюссельдорф — 1819, Мюнхен) — немецкий философ. — 204
- ЯКОВЛЕВ Иван Алексеевич (1767—1846, Москва) — отец А. И. Герцена. — 371
- ЯКУШКИН Иван Дмитриевич (1794, Смоленская губ. — 1857, Москва) — декабрист. — 101
- ЯКУШКИН Павел Иванович (1822, Орловская губ. — 1872, Самара) — фольклорист. — 143, 221
- ЯНСЕН Иоганн (1829, Ксантен — 1891, Франкфурт) — немецкий теолог. — 321

ИМЕННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. ...
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ...
10. ...
11. ...
12. ...
13. ...
14. ...
15. ...
16. ...
17. ...
18. ...
19. ...
20. ...
21. ...
22. ...
23. ...
24. ...
25. ...
26. ...
27. ...
28. ...
29. ...
30. ...
31. ...
32. ...
33. ...
34. ...
35. ...
36. ...
37. ...
38. ...
39. ...
40. ...
41. ...
42. ...
43. ...
44. ...
45. ...
46. ...
47. ...
48. ...
49. ...
50. ...
51. ...
52. ...
53. ...
54. ...
55. ...
56. ...
57. ...
58. ...
59. ...
60. ...
61. ...
62. ...
63. ...
64. ...
65. ...
66. ...
67. ...
68. ...
69. ...
70. ...
71. ...
72. ...
73. ...
74. ...
75. ...
76. ...
77. ...
78. ...
79. ...
80. ...
81. ...
82. ...
83. ...
84. ...
85. ...
86. ...
87. ...
88. ...
89. ...
90. ...
91. ...
92. ...
93. ...
94. ...
95. ...
96. ...
97. ...
98. ...
99. ...
100. ...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Россия и Европа: русский монах	6

Часть I ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И РЕЛИГИИ

Глава первая. «Святая Русь» — Москва как третий Рим	13
Глава вторая. Реформы Петра и присоединение России к Европе	53
Глава третья. Теократическая реакция после Французской революции и ее поражение под Севастополем. Начало политической и философской революции (Екатерина II — Николай I)	80
Глава четвертая. Освобождение крестьян в 1861 году. Административные реформы	130
Глава пятая. Возрождение и продолжение николаевского режима после короткого либерального периода. Развитие террористической подпольной революции; Александр II как ее жертва. Усиление теократической реакции и контр-терроризм. Поражение реакции в войне с Японией	142
Глава шестая. Первое всеобщее революционное движение масс; зачатки конституции. Контрреволюция	165
Глава седьмая. Проблемы философии истории и религии в России — резюме	192
Глава восьмая. Рекомендуемая литература для изучения России	209
Глава девятая. П. Я. Чаадаев. Теократия католическая против теократии православной	217

Оглавление

Глава десятая. Славянофильство. Мессианиззм православной теократии. Славянофильство и панславизм	232
Глава одиннадцатая. Западничество. В. Г. Белинский	325
Глава двенадцатая. Синтез западничества и славянофильства. Аполлон Григорьев	365
Глава тринадцатая. Александр Герцен. Философско-политический радикализм	370
Примечания	412
Именной указатель	420

РОССИЯ И ЕВРОПА

Часть I
ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ
И РЕЛИГИИ

